

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

АНТОНІЙ

(Алфимеевцовъ)

АРХІЕПИСКОПЪ КАЗАНСКІЙ и СВІЯЖСКІЙ.

СОСТАВЛЕНО

ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ И ПО ПЕЧАТНЫМЪ
И ПИСЬМЕННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

АРХИМАНДРИТОМЪ СЕРГІЕМЪ

(Василевскимъ).

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

КАЗАНЬ.

Типографія Окружнаго Штаба

1885.

Отъ Спб. Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
Спб. 26 Юня 1884 года. № 644.

Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ IV.

(1867—1879 г.).

Время Архіепископскаго служенія въ Казанской епархіи.

Главы: I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX. Стран, 1—493.

ОТДѢЛЪ V.

(1879—1884 г.).

Послѣдніе дни жизни, кончина, погребеніе и посмертная память въ Казани.

Главы: XX, XXI. Стран. 494—542.

Глава (дополнительная) XXII Стран. 543—560.

ОТДѢЛЪ IV.

(1867—1879 г.)

ГЛАВА I.

Въ Казань прибылъ преосв. Антоній, какъ разъ, къ празднику Рождества Христова. При первомъ вступленіи въ кафедральный Соборъ 23 Декабря онъ былъ привѣтствованъ рѣчью кафедр. о. Протоіерея В. П. Вишневскаго. Содержаніе этой рѣчи замѣчательно тѣмъ, что въ ней, съ особеннымъ значеніемъ, указано на то, что выражено было и въ рѣчи прощальной, сказанной о. Ректоромъ Смоленской Семинаріи. Это—родство по плоти и по духу преосв. Антонія съ бывшимъ Казанскимъ Архіепископомъ Филаретомъ ⁽¹⁾.

Мы приводимъ эту рѣчь въ подлинникѣ.

„Преосвященнѣйшій Владыко, Богодарованный намъ Архипастырь и отецъ!

„Прежде нежели ты вступишь на новый для тебя архіерейскій престоль, благоволи выслушать, что чувствуетъ новая паства твоя, покаяясь тебѣ.

„Намъ извѣстно, что ты *по плоти отрасль* того *благосыннолиственнаго древа*, отъ котораго произрость,—пасшій цѣлые девять лѣтъ здѣшнюю церковь Господа и Бога, назадъ тому тридцать годовъ, пламенный ревнитель Православія и искренній пастырь душъ—*приснопа-*

⁽¹⁾ Высокопр. Филаретъ святительствовалъ на Казан. кафедрѣ съ 1828 по 1836-годъ.

мятный Митрополитъ Кіевскій *Филаретъ*; а по пастырскому твоему служенію ты *истинный сынъ его въ вѣръ* (1 Тим. 1, 2). Свято сохраняя память объ истинно апостольскихъ подвигахъ, которые совершилъ у насъ, во дни наши, сей великій Святитель Божій, мы, по сему, совершенно уповаемъ, что и ты здѣшнее стадо Божіе будешь пасти въ *духъ и силу его—отца твоего въ вѣръ*; а мы, слушаясь гласа, и идя за тобою (Іоан. 10. 3. 4), будемъ имѣть утѣшеніе видѣть у себя тѣ плоды вѣры и любви, которые росли и множились здѣсь во дни свѣтлннн сего великаго свѣтильника.

„Владыко святыи! Обезопасенный такими чувствами къ тебѣ новой твоей паствы, съ радостію Духа Святаго (1 Сол. 1. 6) совершай священнодѣйствіе благовѣствованія Христова въ нашей, еще нескудной невѣдущими истиннаго Бога и Его же послалъ есть Онъ, Іисуса Христа,—странѣ, дабы твое приношеніе и язычниковъ, будучи освящено Духомъ Святымъ, было благопріятно Богу. (Римл. 15, 16)“ (1).

Съ своей стороны преосв. Антоній, въ отвѣтъ на вышеприведенную рѣчь и общее для всѣхъ назиданіе, въ самое первое свое служеніе въ день Рождества Христова сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Чувствую, братіе, всю тяжесть пастырскаго жезла правленія сею новою моею паствою; сознаю всю важность и трудность пастырскаго здѣсь служенія. Ибо знаю, что здѣсь, въ странѣ сей, еще не осуществлена великая мысль грознаго Царя—покорителя Казани и учредителя въ ней святительской каедры, чтобы просвѣтить сей край свѣтомъ Евангелія Христова и слить во единое тѣло съ народомъ русскимъ многочисленныя племена, обитающихъ здѣсь, инородцевъ;—что есть въ сей паствѣ много „овецъ, яже не суть отъ двора“ православной Церкви, и даже *козлицъ*, вовсе невѣдущихъ Евангелія Христова, *яже подобало бы привести* во едино стадо—къ Единому Пастырю; что многіе, и изъ обратившихся на путь истины и спасенія въ прежнее время, совра-

(1) Правосл. Собесѣдникъ. 1867 г., часть 1. стр. 60—61.

щаются опять на распутія лжи и погибели... Сколько, по этому, потребно здѣсь силъ и подвиговъ, сколько неизбежно скорби и болѣзни для Пастыря, обязаннаго бдѣть о спасеніи всѣхъ, вѣранныхъ ему, душъ, *яко слово хотяща воздати о нихъ* Пастыреначальнику“.

„Сознаю всю немощь и скудость моихъ силъ для предлежащаго мнѣ дѣланія и уповаю лишь на Единого Всесильнаго, совершающаго свою силу въ немощахъ нашихъ, Господа Иисуса, Ему же служу духомъ моимъ, и *благодатию Когого есмь, еже есмь*. Уповаю на помощь Препоблагословенной Матери Божіей, принявшей издревле подъ свой покровъ и заступленіе градъ и страну сію и ознаменовавшей оныя явленіемъ честнаго и чудодѣйственнаго Своего Образа, здѣсь благочестно хранимаго и чтимаго. Уповаю на молитвы св. Гурія и Германа, первыхъ пастырей Казани, апостольски подвизавшихся, вмѣстѣ съ блаженнымъ Варсонофіемъ, въ просвѣщеніи сей страны св. вѣрою и почившихъ здѣсь тѣлесами своими, коихъ и честныя останки хранятся и чтутся въ странѣ сей, какъ благоплодныя сѣмена, насажденнаго ими здѣсь, христіанства и залого сопробыванія ихъ съ сею бывшею ихъ паствою и молитвеннаго заступленія надъ нею. Вѣрую, что и блаженный духъ цѣлаго сонма прочихъ бывшихъ ангеловъ Церкви Казанской, — между коими столько славныхъ именъ мужей доблестныхъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и людьми и незабвенныхъ заслугами своими Церкви и Отечеству, каковы: Ефремъ, великій Гермогенъ, — въ послѣдствіи Патриархъ и страдалецъ за Вѣру и Отечество, — Веніаминъ, Амвросій, бывшій потомъ мудрымъ Первостоятелемъ Собора Церкви Россійской, *Филаретъ*, еще памятуемый многими здѣсь и приснопамятный святою жизнію и апостольскими трудами, — носится и теперь надъ сею бывшею ихъ паствою съ живымъ участіемъ въ судьбахъ ея, и не престаеть немолчно вопіять о ней предъ Престоломъ Господнимъ на небесахъ о помощи и благопоспѣшеніи позднѣйшимъ преемникамъ ихъ святительской каеодры“.

„Вотъ что ободряетъ меня, братіе, въ предстоя-

щемъ мнѣ служеніи у васъ, вотъ что укрѣпляетъ и окривляетъ ревностію мои немощныя силы! Но, возлюбленные! Молю васъ, споспѣшествуйте мнѣ и вы всѣ, истинныя чада св. Церкви, вѣрныя овцы стада Христова, въ моемъ дѣланіи ко благу и спасенію сей паствы! Ибо всѣ вы можете это дѣлать, и даже скажу болѣе—безъ вашего содѣйствія тщетны будутъ всѣ мои труды, безплодны всѣ усилія“ (1).

Касательно самой первоначальной домашней житейской обстановки преосв. Антонія въ Казани, мы упомянемъ пока только то, о чемъ и самъ преосв. Антоній не замедлилъ высказаться въ самыхъ первыхъ своихъ письмахъ изъ Казани. „Въ архіерейскомъ домѣ я нашелъ столько грязи, что и не знаю, какъ дожить до лѣта, чтобы все очистить. Экономъ архіерейскаго дома старикъ чуть ли не девяностолѣтній... довольно этого, чтобы составить понятіе объ управленіи домомъ. Самъ же предмѣстникъ мой свидѣтельствовалъ мнѣ, что онъ не обращалъ вниманія на обстановку дома“... „Замѣтите, что онъ въ Соборъ кафедральный, отстоящій отъ дома на нѣсколько шаговъ, ѣздилъ въ каретѣ на четвернѣ... Но что утѣшаетъ меня, это то, что домъ построенъ моимъ дядею—Владыкою Филаретомъ, хотя преемниками его—особенно Григоріемъ (впослѣдствіи Митроп. С.-Петербургскимъ) совершенно исковерканъ въ расположеніи кабинета и другихъ помѣщеній. Хорошо, что есть достаточно денегъ, чтобы приступить къ ремонтувкѣ дома во всемъ его составѣ“.—Ремонтъ, дѣйствительно, былъ произведенъ въ первое же лѣто (1867 г.) и при томъ въ такомъ видѣ, что когда пріѣзжалъ въ Казань Самарскій преосв. Герасимъ и поинтересовался осмотрѣть весь домъ, то сказалъ преосв. Антонію: „если бы то, что я видѣлъ въ братскихъ и пѣвческихъ комнатахъ здѣсь, было бы и въ моихъ архіерейскихъ собственно покояхъ. тогда бы я представлялъ себя живущимъ въ палатцо... Здѣсь и въ корридорахъ-то чище, свѣтлѣе, свѣжѣе, чѣмъ въ моихъ *самарянскихъ* конуркахъ“... Въ частности же,

(1) Правосл. Собесѣдникъ 1867 г., часть I, стр. 63—65.

для избавленія себя отъ *странно-смыннаго*, какъ выразался преосв. Антоній, *удовольствія*, чтобы нѣсколько сажень проѣзжать на четвергѣ;—онъ первымъ же дѣломъ распорядился устроить крытую галерею, ведущую прямо изнутри новоустроеннаго при домѣ параднаго крыльца къ боковому крыльцу собора, подобно тому, какъ это было и въ Смоленскѣ.—Да и вообще всѣ эти свѣдѣнія вполне напоминаютъ о томъ, что было сдѣлано преосв. Антоніемъ по части устройства архіерейскаго дома въ Смоленскѣ. Потому вести рѣчь объ этомъ предметѣ излишне.

Обращаемся къ главному. Прежде всего воспользуемся словами некролога. Вотъ эти слова: „Что касается до Казанской епархіи, то можно смѣло утверждать, что послѣ святителя Гурія ни одинъ изъ послѣдующихъ за этимъ Первосвятителемъ іерарховъ Казанскихъ не сдѣлалъ для этой епархіи столько добра и столько самыхъ разнообразныхъ и могочисленныхъ заслугъ, сколько высокопр. Антоній. Съ пріѣздомъ Владыки въ Казань, по всей епархіи повѣяло новымъ освѣжающимъ духомъ. Первою его заботою было ознакомиться со всѣми ея вопіющими нуждами и затѣмъ принять соотвѣтствующія мѣры къ ихъ возможному удовлетворенію“ (1).

Въ этихъ словахъ некролога знаменательно указано на имя первосвятителя Гурія... И мы, съ своей стороны, можемъ не обинуясь, сказать, что преосв. Антоній, какъ благоговѣйнѣйшій почитатель святыхъ Угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ нетлѣніемъ (какое чувство въ немъ особенно развилось въ Кіево-печерской Лаврѣ),—какъ будто даже изучалъ всѣ главныя свойства и отличительныя черты сего Первосвятителя, котораго онъ содѣлался преемникомъ хотя чрезъ три столѣтія. Этому свидѣтельство, между прочимъ, мы можемъ представить въ установленіи преосв. Антоніемъ еженедѣльнаго чтенія акаѳиста въ честь святителя Гурія (въ четвергъ предъ литургіею). Это чтеніе утѣшало его, какъ нельзя болѣе. Невольно воспоминается, какъ онъ, неосустительно лич-

(1) Некрологъ, стран. 16—17.

но самъ совершая это акаѳистово пѣніе, скоро изучилъ его почти все наизусть. Изъ числа многочисленныхъ воззваній: *радуйся!!* онъ особенно любилъ повторять и дома, при подходящихъ случаяхъ, слѣдующія: *Радуйся свѣта истинны распространителю! Радуйся правды спасительныя вѣры въ вѣрующихъ утвердителю! Радуйся благолюбиваго храма Пресвятыя Богородицы создателю! Радуйся усердный служителю Таинъ Христовыхъ и неуспынный молитвенникъ! Радуйся чина церковнаго строгій блюстителю и хранителю отеческихъ преданій! Радуйся мудрый руководителю твоихъ сотрудниковъ! Радуйся не тѣсно въ любви твоей всѣхъ вмещающій и наконецъ слова: *Вѣтти многовѣщанныя, яко рыбы безгласныя недоумываютъ глаголати, еже како и отшельникомъ денно-нощною молитвою примѣръ подаваеши, и паству твою примѣрно управляеши!...**

Во всѣхъ этихъ изреченіяхъ, повторявшихся въ устахъ преосв. Антонія, въ молитвенныхъ чувствованіяхъ выражалась съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ бы, программа и инструкция для его собственныхъ дѣйствій. Въ некрологическомъ очеркѣ и во всѣхъ рѣчахъ надгробныхъ, равно и въ живомъ свидѣтельствѣ вообще и нѣкоторыхъ печатныхъ свѣдѣніяхъ эти именно истины и дѣйствія, преимущественно, свидѣлствуются. Всѣми такими дашными, съ присовокупленіемъ многихъ особыхъ, лично намъ извѣстныхъ, соотвѣтственно вышеприведеннымъ акаѳистовымъ изреченіямъ, мы и воспользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи архиерейскаго служенія въ Бозѣ почившаго Святителя Антонія, по истинѣ приснопамятнаго для Казанской паствы, *которая не безъ основанія, какъ выражено было въ самомъ первоначальномъ извѣстіи о его кончинѣ, — такъ читала его при жизни, что признавала его за святаго* (1).

(1) Церк. Вѣстн. 1879 г. № 45.

ГЛАВА II.

Смысль и значеніе перваго изъ акаѳистныхъ воззваній къ св. Угоднику Первосвятителю Казанскому Гурію — „*Свѣта Христовой истины распространителю въ невѣрующіихъ*“ — относился къ первой и особенной попечительности и дѣятельности преосв. Антонія въ Казанской епархіи въ силу самыхъ тогдашнихъ обстоятельствъ въ религіозно-церковномъ состояніи крещеныхъ татаръ. „Прежде чѣмъ послѣдовало пазначеніе преосв. Антонія въ Казань (читаемъ въ некрологическомъ очеркѣ) ⁽¹⁾, и мѣстное начальство и высшее духовное Правительство всего болѣе озабочено было фактами вѣроотступничества крещеныхъ татаръ въ здѣшнемъ краѣ, отпадавшихъ отъ Церкви Христовой цѣлыми деревнями, цѣлыми тысячами. Потому, новопривышій Архипастырь со всею энергіею принялся за устройство миссіонерскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Велѣдствіе этого, онъ всѣми, зависящими отъ него, мѣрами паставалъ на усиленіи преподаванія миссіонерскихъ наукъ въ здѣшнихъ духовныхъ Академіи и Семинаріи, покровительствовалъ благосостоянію и развитію Казанской крещено-татарской центральной школы, учрежденной бывшимъ Профессоромъ Академіи, а нынѣ Директоромъ Казанской инородческой учительской семинаріи Н. И. Ильминскимъ; всячески содѣйствовалъ изученію приходскими священниками инородческихъ языковъ, особенно татарскаго языка, и съ этою цѣлію, для поощренія ревностныхъ въ этомъ дѣлѣ священниковъ, исходатайствовалъ у Святѣйшаго Правительствующаго

(1) Стран. 17.

Синода значительные, добавочные къ ихъ казенному жалованью, оклады; и, наконецъ, всячески содѣйствовалъ учрежденію при здѣшнемъ каѳедральномъ Соборѣ и успѣхамъ Братства св. Гурія, которое имѣетъ главною задачею просвѣщеніе инородцевъ и вразумленіе заблуждающихъ. — Ежегодные отчеты этого Братства свидѣтельствуя, — какое множество приходскихъ школъ открыто и содержится имъ въ инородческихъ приходахъ, какое множество книгъ вѣроучительныхъ, богослужебныхъ и учебныхъ на инородческихъ языкахъ издано имъ на свои средства и на тѣ вспомогательныя средства, которыя даются ему ежегодно миссіонерскимъ Обществомъ. Всѣ эти труды Владыка поощрялъ всѣми зависящими отъ него способами, а нѣкоторые даже издавалъ на свой счетъ (напр. „Письма о магометанствѣ“ Муравьева). Открытый тѣмъ же Братствомъ при Спасскомъ монастырѣ миссіонерскій пріютъ съ спеціальною цѣлію для приготовленія молодыхъ людей — большею частію изъ воспитанниковъ Семинаріи — къ миссіонерской дѣятельности, обращалъ на себя постоянное Архипастырское вниманіе Владыки. Неоднократно онъ присутствовалъ даже на лекціяхъ, чтанныхъ въ пріютѣ, и на собесѣдованіяхъ, тамъ происходившихъ. И пріютъ этотъ, по недавнему его существованію, хотя и не успѣлъ еще сдѣлаться разсадникомъ миссіонеровъ, но непременно сдѣлается таковымъ. Изъ школъ инородческихъ уже вышло множество ревностныхъ дѣятелей по образованію народному въ здѣшнемъ краѣ, и даже есть нѣсколько священниковъ, діаконовъ и причетниковъ изъ природныхъ татаръ, черемисъ и чувашъ, которые, будучи опредѣлены въ приходы, населенные ихъ единоплеменниками, сдѣлались для нихъ естественными миссіонерами. Вообще видимыми плодами неослабныхъ усилій Казанскаго Архипастыря было то, что *отпаденія* крещенныхъ татаръ *массами* въ здѣшнемъ краѣ прекратились. — Возникаютъ случаи вѣроотступничества лишь изрѣдка — единичные, которые въ области религіи, составляющей область свободы, совѣсти и мысли, всегда неизбѣжны“.

Въ отчетѣ своемъ за тотъ годъ, въ которомъ уже

скончался преосв. Антоній (отъ 19 Октября 1879 г. по 26 Октября 1880 г.) Братство Святителя Гурія въ чувствѣ и сознаниі глубокой скорби выразилось, что отчетъ этотъ долженъ быть начатъ печальной страницей. Братство въ этомъ отчетномъ году лишилось своего Покровителя, незабвеннаго высокопреосвященнѣйшаго Антонія, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ учредителемъ и душою Братства и который, какъ истиннѣйшій ревнитель съ первыхъ же поръ съ исполненною духа горячностію принялся за развитіе и устройство миссіонерскаго дѣла въ здѣшней Казанской епархіи всеми возможными мѣрами въ разныхъ отношеніяхъ и проч. (1). Для этой цѣли Преосвященный открылъ и Братство, названное братствомъ св. Гурія, перваго Архипастыря—Просвѣтителя страны Казанской. Предоставя дѣло устройства вновь открытаго Братства лицамъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, самъ онъ, между тѣмъ, старался возбудить между представителями здѣшняго общества сочувствіе къ этому новому, вызванному потребностями паствы, учрежденію. Все, что ни выработывалъ Совѣтъ Братства полезнаго для своей дѣятельности, находило поощреніе со стороны покойнаго Архипастыря, и, гдѣ нужно было, онъ, со свойственною ему энергіею и настойчивостію, старался привести въ исполненіе тѣ или другіе планы Совѣта Братства. Вообще имя покойнаго Архипастыря Антонія навсегда останется незабвеннымъ для Братства св. Гурія,—съ нимъ связано самое появленіе и развитіе Братства“.

Въ дополненіе и, въ своей мѣрѣ, въ разъясеніе этихъ данныхъ слѣдуетъ привести здѣсь и свидѣтельство позабвеннаго въ дѣлѣ миссіонерства противъ магометанства Гордія Семеновича Саблукова (2), *Гордья баба*, какъ любили именовать его крещенные татары и какъ именовалъ въ надгробной рѣчи Законоучитель кре-

(1) Въ отчетѣ изложено тоже, что и въ некрологѣ.

(2) Гордій Семен. Саблуковъ былъ ординарнымъ Профессоромъ Каз. Дух. Академіи, по предмету миссіонерскихъ наукъ противъ магометанства.

щено-татарской школы въ Казани священникъ В. Т. Тимоѣевъ, который самъ изъ крещенныхъ татаръ-крестьянъ. Когда Православное миссіонерское Общество (говорится въ его біографическомъ очеркѣ), по ходатайству высокопр. Антонія и при вниманіи высокопреосвященнѣйшаго Митроп. Московскаго Иннокентія, постановило давать средства на учрежденный въ Казани частный миссіонерскій пріютъ, Гордіи Семеновичъ душевно радовался этому вниманію къ миссіонерскимъ нуждамъ Казанскаго края и неустанно слѣдилъ за дѣятельностію пріюта. Но за то онъ особенно крѣпко жалѣлъ, что апостольская ревность высокопр. Антонія о миссіонерствѣ не встрѣчаетъ поддержки отъ кого слѣдуетъ... что его архипастырскіе труды и заботы о введеніи миссіонерскихъ наукъ въ кругъ предметовъ семинарскаго курса и о приготовленіи въ Казанской Семинаріи достойныхъ пастырей для многочисленныхъ инородческихъ приходоу въ Казанской епархіи постоянно парализовались разными препятствіями. Тяжело было Гордію Семеновичу все это переносить, когда высокопр. Антоній и онъ самъ и его сотрудники видѣли, что все это происходитъ въ то время, когда магометанство неимоверно усиливается въ Казанскомъ краѣ... (1).

Излишне говорить, что всѣ эти слова Гордія Семеновича выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чувствованія преосв. Антонія... Этому Гордію Семеновича самъ преосв. Антоній любилъ и уважалъ до благоговѣнія, какъ призванника Божія, а смиренію его христіанскому онъ не зналъ какую воздать честь, развѣ только назвать его учителемъ для самого себя...

Да, что тяжело было переносить Гордію Семеновичу, — то еще болѣе было тяжело для самого преосв. Антонія. Мы знаемъ это твердо, потому что намъ приводилось переписывать его представленія къ высшему Начальству именно по вопросамъ о миссіонерскомъ образованіи... Знаемъ и то, что писалъ онъ, куда слѣдовало, и въ частныхъ письмахъ... Знаемъ въ большинствѣ, что

(1) Правосл. Собесѣдникъ. 1880 г. Мартъ, стран. 309 и 312.

получалъ онъ въ отвѣтъ на это... Можемъ сказать, что здѣсь-то и зародилась самая начальная причина его постоянной затѣмъ болѣзненности и ускоренной кончины, именно отъ напряженныхъ усилій въ борьбѣ... при ничѣмъ неудержимой и неуспокоиваемой ревности... Если и случалось иногда отклонять его на время отъ этой напряженности, за то всякое новое обстоятельство, и тѣмъ паче полученное оттуда сверху, несоотвѣтствовавшее его цѣлямъ и планамъ, извѣстіе производило въ немъ новое сильнѣйшее возбужденіе. „Вотъ-на тебѣ читай, коли хочешь по субботамъ.—А, впрочемъ, прочитай-ка еще мнѣ въ слухъ, чтобы вдуматься хорошенько, что сіе наконецъ хочетъ быти“... Вообще сюда идутъ въ особенности тѣ слова, въ какихъ характеризировалъ преосв. Антонія преждеупоминаемый авторъ (1): „Онъ не сидѣлъ сложа руки, дѣйствовалъ энергически, боролся, на сколько только представлялось ему возможнымъ“.

Дѣло въ томъ, что преосв. Антоній, будучи горячо занятъ вопросомъ объ общемъ преобразованіи семинарій, для Семинаріи Казанской, въ частности, желалъ и настаивалъ, чтобы сдѣланы были нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ собственно въ видахъ миссіонерскихъ, но оказывалось, что проэкты его и ходатайства по этому предмету постоянно парализовались разными препятствіями.

Вслѣдствіе неудовлетворенія вышесказанныхъ ходатайствъ и представленій, преосв. Антоній обратился къ другимъ исключительно мѣстнымъ средствамъ и мѣрамъ для достиженія просвѣтительной цѣли въ отношеніи инородцевъ. Онъ (читаемъ въ некрологѣ) (2) устроилъ, съ разрѣшенія св. Синода и Высочайшаго на то соизволенія, два монастыря и женскую общину, и, наконецъ, устроилъ еще прежде него основанный и начатый постройкою въ видахъ спасительнаго дѣйствованія на мѣстныхъ раскольниковъ въ г. Чистополь женскій Успен-

(1) Церковн. Вѣстникъ, 1883 г. № 48. Стат. «Къ біографіи Антонія, Архіепископа Казанскаго».

(2) Некрологъ, стран. 18, 19, 20 и 21.

скій общежительный монастырь. Какъ много всё эти монастыри обязаны въ Бозѣ почившему Архипастырю, можно видѣть изъ того одного обстоятельства, что безъ него они не устроились бы вовсе... Такъ, черемисскій Михайло-Архангельскій монастырь, хотя издавна былъ любимой мечтою нѣсколькихъ грамотныхъ и начитанныхъ отшельниковъ изъ Козмодемьянскихъ черемисъ, но имъ въ ходатайствѣ ихъ объ устройствѣ монастыря было первоначально отказано за невозможностию будто бы уступить имъ подъ монастырь казенную лѣсную съ корабельнымъ лѣсомъ дачу. Но благодаря возобновленнымъ усиленнымъ просьбамъ главныхъ учредителей черемисскаго монастыря о разрѣшеніи имъ устроить св. обитель для отшельниковъ черемисъ, и благодаря энергическому ходатайству предъ Святѣйшимъ Синодомъ Казанскаго Владыки, который самъ, какъ истинный монахъ и подвижникъ, глубоко и искренно любилъ иноческую жизнь, не только было разрѣшено устройство черемисскаго монастыря, но монастырь этотъ съ избыткомъ надѣленъ былъ и лѣсною прекрасною дачею до 150 десятинъ, и богатыми рыбными ловлями по рѣкѣ Волгѣ на протяженіи 21 версты, такъ что монастырь этотъ съ своимъ черемисскимъ училищемъ считается теперь однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ. Такъ же и Чистопольскій женскій монастырь, хотя разрѣшенъ былъ къ устройству еще при преосвященномъ Аѳанасіи и даже возведены были отчасти зданія его вчернѣ, но какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ основатель этого монастыря потомственный почетный гражданинъ Иванъ Дмитріевичъ Поляковъ померъ, а наследникъ Полякова обнаружилъ полнѣйшую холодность къ этому дѣлу, то окончательное устройство этого монастыря обязамо тоже преосвященному Антонію, — что стоило для него весьма тяжелыхъ хлопотъ. — Сколько ни старался Владыка, и письменно и личными убѣжденіями, возбудить въ наследникѣ Полякова сочувствіе къ довершенію столь святаго дѣла, какъ устройство монастыря съ училищемъ, въ немъ предположеннымъ: но убѣжденія Владыки были почти безуспѣшны; онъ достигъ только того, что отъ помянутаго наследника былъ переданъ епар-

хiальному начальству капиталъ въ 23000 рублей, остав-
ленный г. Поляковымъ на содержаніе Чистопольскаго мо-
настыря, и еще нѣкоторые акты на недвижимостн. обѣ-
щанныя въ пользу монастыря учредителемъ его, тѣмъ же
Поляковымъ, на содержаніе Чистопольскаго монастыря.
Но требовалось сдѣлать еще очень многое для монасты-
ря: отдѣлать окончательно и приготовить къ освященію
храмъ монастырскій, снабдить его приличною утварью,
приготовить къ освященію, устроить дома для членовъ
причта монастырскаго. На все это требовалось до 15000
рублей. Гдѣ ихъ взять? И вотъ въ подобныя критиче-
скія минуты Провидѣніе всегда посылало Владыкъ бла-
готворителей. Его Высокопреосвященство вошелъ въ пе-
реписку съ однимъ благотворителемъ здѣшняго и вятскаго
края, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности ⁽¹⁾. Пло-
домъ этой переписки было то, что въ одно достопамят-
ное утро (11 Сентября 1878 года), явился ко Влады-
кѣ благочестивый старецъ и передалъ ему лично въ пол-
ное распоряженіе капиталъ въ 60000 руб. (облигаціями
2-го восточнаго займа), и при этомъ словесно выразилъ
только одно желаніе, чтобы не менѣе 40000 руб. отдѣ-
лено было на Чистопольскій женскій монастырь. Столь
необычайная и безпримѣрная жертва дала Его Высоко-
преосвященству полную возможность не только докончить
устройство Чистопольскаго женскаго монастыря, но и со-
вершенно обезпечить существованіе его въ будущемъ.—
Равнымъ образомъ и устройство Цивильскаго женскаго
монастыря и учрежденіе Козмодемьянской женской общи-
ны завершены и достигли цвѣтущаго состоянія, благо-
даря, главнымъ образомъ, добрымъ отношеніямъ Владыки
къ двумъ лицамъ, къ одному изъ здѣшнихъ Казанскихъ
купцовъ Василию Никитичу Никитину, не пожалѣвшему
на преобразование разваливашагося прежняго Цивильскаго
мужскаго монастыря въ женскій цѣлыхъ десятковъ ты-

(1) По знакомству личному и по чувству глубокаго уваженія къ этому лицу, мы почитаемъ долгомъ наименовать его подлиннымъ именемъ и званіемъ: Иванъ Ивановичъ Стахѣвъ, почетный потомственный гражданинъ 1-й гильдіи купецъ, теперь уже старецъ далеко за 80 лѣтъ, жительствующій въ г. Елабугѣ Вятской губернии.

сячь рублей и, затѣмъ, пожелавшему устроить тамъ на свой счетъ даже новый храмъ, и къ другому—Козмодемьянскому купцу Ивану Матвѣвичу Зубкову, который на устройство черемисской общины пожертвовалъ *болѣе тридцати тысячъ рублей*, на которые и устроено имъ нѣсколько прекрасныхъ корпусовъ, составляющихъ украшеніе цѣлаго города. Такъ Владыка всегда умѣлъ привлечь къ себѣ сердца благодотворителей, которые и несли къ нему свои жертвы съ полною охотою и съ безграничнымъ довѣріемъ“.

Для этой же просвѣтительной цѣли, преосв. Антоній старался и умѣлъ находить людей способныхъ и энергическихъ, отыскивая, гдѣ только было возможно. Здѣсь мы приведемъ слова изъ того же некролога (¹). „Онъ находилъ этихъ людей и въ Академіи и въ средѣ мѣщанской и, наконецъ, за границей, напр. на св. горѣ Аѳонской... Такъ, для спасительнаго дѣйствованія на раскольниковъ, онъ пригласилъ и всѣми мѣрами умѣлъ поощрить Профессора здѣшней Академіи Н. И. Ивановскаго, котораго собесѣдованія съ раскольниками въ Казани, Чистополѣ и другихъ мѣстахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ были такъ многоплодны, что они составили эпоху въ исторіи миссіонерства въ отношеніи къ мѣстнымъ раскольникамъ. Для той же цѣли Владыка позаботился приготовить одного начетника изъ крестьянъ Самарской губерніи Павла Аѳанасьевича Сергина, который, будучи принятъ въ духовное званіе и прошедши іерархическія степени—сперва псаломщика, потомъ діакона и, наконецъ, священника, сдѣлался, паходясь подъ руководствомъ Профессора Ивановскаго, самымъ ревностнымъ противораскольническимъ миссіонеромъ въ Казанской епархіи и образцовымъ собесѣдникомъ съ раскольниками. Наконецъ, Владыка даже изъ среды раскольниковъ привлѣкъ къ дѣлу православія такихъ ревностныхъ дѣятелей на пользу Церкви, каковы о. Паѳнутій, который изъ приверженцевъ раскольнической секты, укоренившейся было въ предѣлахъ Пруссіи подъ начальствомъ извѣстнаго Павла Прус-

(¹) Некрол. стр. 21—22.

скаго, — сдѣлался преданнѣйшимъ сыномъ православной Церкви и даже ея священнослужителемъ, такъ много помогавшимъ Его Высокопреосвященству при вразумленіяхъ здѣшнихъ Казанскихъ сектантовъ. Затѣмъ, выписанный Владыкою съ Аѳонской горы монахъ Михаилъ, бывшій раскольникъ изъ мѣщанъ Тверской губерніи, оказался проникнутымъ такою глубокою вѣрою въ истину православія, и такою ревностію къ проповѣданію, что Владыка не поколебался рукоположить его въ іеромонаха и назначить его миссіонеромъ для дѣйствованія на раскольниковъ нѣсколькихъ уѣздовъ — преимущественно же Свіяжскаго и Тетюшскаго, каковымъ о. Михаилъ и оставался здѣсь съ величайшею пользою для дѣла Церкви, пока не былъ назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ въ Настоятеля Селенгинскаго монастыря и въ начальника Алтайской противораскольнической миссіи“.

Дѣйствуя такъ ревностно въ духѣ Первосвятителя Казанской Паствы Святителя Гурія, — *распространителя свѣта Евангельской истины въ невѣрующихъ*, пресв. Антоній являлся всегда и вездѣ не менѣе ревностнымъ подражателемъ его, — *какъ утвердителя правды спасительныя вѣры въ сердцахъ вѣрующихъ чадъ паствы своей*.

Для изображенія святительской дѣятельности приведемъ здѣсь слова изъ надгробнаго слова, сказаннаго о. Ректоромъ Каз. дух. Академіи Протоіер. А. П. Владимірекимъ (1): „Почившій о Господѣ Архипастыр нашъ правиломъ для своей святительской жизни и дѣятельности избралъ себѣ въ руководство и долгъ именно то наставленіе и заповѣдь, данныя св. Апостоломъ Павломъ ученику своему Тимоѳею, выраженныя въ тѣхъ словахъ Посланія, коими мы предначали наше настоящее слово: *„образъ буди вѣрнымъ словомъ... вѣрою и чистотою* (1 Тим. IV, 12). Непрестанно памятуя о томъ, что Епископъ, какъ преемникъ апостольскаго служенія въ Церкви Божіей, долженъ быть вѣрнымъ хранителемъ евангельскаго ученія и назидателемъ его въ сердцахъ

(1) Смотр. Некрологъ. Стран. 41, 42 и 43.

людей, почившій о Господѣ Архипастырь нашъ былъ строгимъ и ревностнымъ исполнителемъ этой, сколько высокой, столько же и многотрудной, обязанности. Глубоко благоговѣя самъ предъ истинами Христовой вѣры, сколько возвышенными и непостижимыми для человѣческаго разума, столько же и спасительными для душъ человѣческихъ, онъ вседушевно желалъ, чтобы и вся паства его, чтобы весь народъ христіанскій принималъ ихъ съ такимъ же, какъ и онъ самъ, благоговѣніемъ, чтобы все исповѣдывали ихъ такъ, какъ изначала содержала ихъ св. православная Церковь, опредѣлившая пониманіе ихъ на святыхъ вселенскихъ Соборахъ. Обладая высокимъ и свѣтлымъ умомъ, обширными и основательными богословскими познаніями, съ искреннимъ уваженіемъ относясь къ богословскому и ко всякому научному образованію, почившій Архипастырь и самъ принималъ эти истины живою и сердечною вѣрою, не надмѣваясь обширностію своихъ научныхъ познаній, и желалъ, чтобы и другіе, изучая ихъ, не высоко мудрствовали о себѣ, но украшались простотою младенца и смиренномудріемъ, всегда памятуя слова св. Апостола: *буге Божіе премудрѣе челоуѣкъ естъ* (1 кор. 1. 25), равно какъ и то свидѣтельство исторіи, что просвѣтила мѣръ свѣтомъ спасительной истины не мудрость человѣческая, а буйство проповѣди (1 кор. 1, 21) двѣнадцати простыхъ галилейскихъ рыбаей.

„Ревностно и отъ искренняго сердца соблюдая евангельскую истину во всей ея небесной чистотѣ, почившій о Господѣ Архипастырь неослабно старался объ утвержденіи и укорененіи ея во всей паствѣ своей. Въ этомъ отношеніи о немъ можно сказать тоже самое, что сказалъ нѣкогда о себѣ св. Апостоль Іоаннь Богословъ: *для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои держатся истины* (3 Іоан. 4). По сему, памятуя заповѣдь св. Апостола Павла: *подобаетъ быти Епископу учительну* (1 Тим. III, 2), онъ весьма часто назидалъ своихъ чадъ о Господѣ словомъ спасительной истины и въ семъ храмѣ, и въ другихъ храмахъ града сего, и въ храмахъ многихъ другихъ градовъ и селеній сво-

ей епархіи. *Измлада наученный* правильному *разумно* свящ. писанія, и не только въ совершенствѣ знавшій его, но и всѣмъ сердцемъ чтившій его, *яко воистинну слово Божіе* (1 сол. 11, 13) онъ всегда на немъ утверждалъ свои собесѣдованія съ паствою и при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ предлагалъ *ей слово здравое не зазорное* (1 Тим. 11, 8), *солію благодати Божіей растворенное*, исходящее изъ искренно вѣрующаго и любящаго сердца и доходящее до сердца слушающихъ. Но къ чему мы говоримъ предъ вами, братіе, о качествахъ его пастырскаго слова, когда, конечно, каждый изъ васъ, слыша его изъ его устъ съ сей самой каедры, самъ испыталъ его благотворное и спасительное дѣйствіе на себѣ самомъ?!

„Такъ почившій о Господѣ Архипастыръ нашъ, какъ *добрый служитель Господа Іисуса Христа* (1 Тим. IV, 6), *право правилъ слово спасительной евангельской истины* (2 Тим. 2, 15) во вѣренной ему Божественнымъ Пастыреначальникомъ словесной паствѣ“.

Тоже самое засвидѣтельствовано было предъ всѣми и отъ лица всѣхъ въ рѣчи, сказанной при отпѣваніи почившаго другимъ достопочтеннымъ лицомъ (1), а равно и третьимъ (2).

„По истинѣ (говорилъ, между прочимъ, первый изъ сказанныхъ лицъ), почившій нашъ Архипастыръ былъ свѣтильникъ *горяй и свѣтлѣй*; и отъ сего пламенѣющаго глубокою чистою вѣрою и христородажательною любовію свѣтильника всѣ и всякъ просвѣщались и возгрѣвались въ сердцѣ благодатною вѣрою изъ церковныхъ его бесѣдъ и поученій, всегда полныхъ сердечнаго безискусственнаго краснорѣчія, убѣдительныхъ по силѣ назиданія и соединяющихъ, вмѣстѣ съ глубиною богословствующей мысли, сколько стройно-прекрасную форму, столько же простоту въ выраженіяхъ и, потому, всегда

(1) Законоучител. Казан. Родон. Института благородн. дѣвицъ о. Прот. Ир. Ив. Лепоринскимъ.

(2) Ректоромъ Казан. дух. Семинарии Прот. Каменскимъ.

доступныхъ для разумѣнія и усвоенія всѣми и мало образованными и даже простыми изъ пасомыхъ“ (1).

„Высшая власть Русской Церкви (сказано было, между прочимъ, третьимъ лицомъ) даруя, въ свое время, почившаго нынѣ Архипастыря *прежнему темному нынѣ же свѣтлому граду Казани* (слова тропаря св. Гурію), безъ сомнѣнія возлагала на него великія и вѣрныя надежды какъ на учителя и охранителя св. правосл. вѣры, извѣстнѣйшаго, испытаннаго, ревностнаго и непоколебимаго, каковъ именно и требовался для нашего града.—И нашъ почившій Архипастырь, призванный къ столь великому и высокому дѣлу, сразу всталъ на высоту своего призванія и неизмѣнно тщился быть свѣтильникомъ, стоящимъ не *подъ спудомъ* до самой блаженной кончины своей“ (2).

„Туже самую ревность объ охраненіи евангелскаго ученія и насажденія его въ сердцахъ слушающихъ преосв. Антоній неуклонно проявлялъ при посѣщеніи (во время экзаменовъ) какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ начиная съ высшихъ и оканчивая училищами и школами, въ коихъ, какъ сказано въ сейчасъ приведенной рѣчи, онъ съ изумительнѣйшею неустанностію просиживалъ, почти каждый разъ, множество часовъ—съ 9 утра до 2—3 по полудни. Такъ же точно и при частныхъ пріемахъ посѣщавшихъ его лицъ или при посѣщеніи имъ самимъ домовъ и семействъ болѣе или менѣе знаемыхъ, преосв. Антоній при всякомъ случаѣ и поводѣ преподавалъ духовное назиданіе, утѣшеніе, добрый совѣтъ и благословеніе, принимая въ то же время живое и сердечное участіе въ ихъ семейныхъ и радостяхъ и горѣ, возводя эти самыя чувствованія къ духовному спасительному значенію, возбуждая чувства вѣры и упованія христіанскаго. Въ послѣднемъ случаѣ онъ являлся и неожиданно напр. къ одру болящихъ, къ смерти или ко гробу уже почившихъ ему извѣстныхъ, надъ коими совершалъ и панихиды и не рѣдко погребеніе.—Наконецъ, и въ

(1) Некрологъ стран. 48.

(2) Тамъ же, стран. 50—51.

своемъ предсмертномъ завѣщаніи, какъ сказано въ одной изъ надгробныхъ рѣчей, въ Бозѣ почившій пастырски умолялъ Казанскую паству твердо хранить православную Вѣру Христову и не уклонно держаться исповѣданія истинъ богоспасительныхъ, свидѣтельствуя симъ и изъ-за гроба истинно-апостольскую ревность, такъ что мы теперь, вспоминая о совершенномъ имъ *тринадцатилѣтнемъ* служеніи, не преувеличимъ истины, если приложимъ къ лицу въ Бозѣ почившаго сказанное св. Апостоломъ при послѣднемъ прощаніи съ ефесскими вѣрующими: „я не дорожилъ своею жизнію, только бы съ радостію совершить мое поприще и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса Христа проповѣдать Евангеліе благодати Божіей“ (Дѣян. XX. 24) (1).

(1) Некрологъ, стр. 53—54.

ГЛАВА III.

Въ некрологѣ говорится: „Что касается благолѣпія храма, созданнаго еще усердіемъ св. Гурія, то этотъ первый въ епархіи храмъ, давнымъ давно, требовалъ всесторонняго обновленія; но дѣло это все откладывалось. Но такой неусыпный устроитель своей епархіи, какъ покойный Владыка, не могъ далѣе откладывать этого дѣла, и онъ изыскалъ для этого дѣла достаточныя средства, болѣе 30000 руб., и обновилъ какъ изнутри, такъ и извнѣ каѳедральный Соборъ такъ великолѣпно, какъ до него онъ никогда не былъ обновляемъ. Высочайшія Особы, соизволившія въ разное время посѣтить здѣшній Соборъ, и самъ Государь Императоръ, удостоившій городъ Казань и здѣшній Соборъ своимъ посѣщеніемъ въ семидесятихъ годахъ, изъявляли лично Казанскому Владыкѣ свое благоволеніе за цѣлесообразное обновленіе храма“ (1).

Относительно этой дѣятельности есть особая статья, свидѣтельствующая объ усердіи преосв. Антонія. Онъ самъ составлялъ размѣщеніе иконописанія святыхъ. Самъ даже поднимался по устроеннымъ подмосткамъ до высоты купола. Это напоминало ему труды Владыки Филарета, Митр. Кіевскаго, который тоже, въ свое время, лазилъ, по сказанію преосв. Антонія, какъ очевидца, при возобновленіи великой, *небеси подобной*, церкви, устроивъ даже для себя особый костюмъ для большаго удобства.

„Кромѣ стѣннаго внутри и снаружи, включая и самый пятиглавый куполь, обновленія Собора, особенно за-

(1) Некрологъ, стран. 21.

мѣчательнѣ св. престолѣ. Онѣ весь вылиты изъ бронзы самаго высшаго достоинства, а изображенія изъ чистаго серебра. Стоимость этой работы опредѣляется *свыше четырехъ* тысячъ рублей. Кромѣ того, чтобы предохранить отъ всякой порчи, преосв. Антоній нашелъ средства, отчасти употребивши и свои, сдѣлать хрустально-стеклянный футляръ по особому заказу, кажется, на мальцевскомъ заводѣ самой прочной толщины. Это придадо еще болѣе художественный видъ всей работѣ. Государь Императоръ съ сопутствовавшими ему Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ и В. К. Владиміромъ Александровичемъ изволили входить въ алтарь и, осматривая эту работу—выразить свое одобреніе“.

„Наконецъ, не задолго до кончины преосв. Антонія, по его старанію и по усердію, глубоко почитавшаго его, купца М. П. Платонова, устроены по заказу въ Москвѣ, литыя бронзовыя царскія двери съ серебряными украшениями, стоимостью тоже *свыше трехъ тысячъ рублей*. Престоломъ и царскими дверями особенно утѣшался преосвящ. Антоній, что онѣ будутъ долговѣчны по самому матеріалу“.

„Украшая такимъ благолѣпіемъ Соборъ, достойный сего по историческому значенію своему и, въ частности, по имени и св. памяти создателя его, перваго святит. св. Гурія, преосв. Антоній, съ самыхъ первыхъ дней до послѣднихъ въ своей жизни, вносилъ въ него благолѣпіе и благоуханіе внутреннее; это, можно сказать, безпримѣрно-учащенное священнослуженіе его въ семь храмѣ. Какъ нельзя болѣе выразительно и умирительно засвидѣтельствовано объ этомъ въ слѣдующихъ, между прочимъ, словахъ рѣчи, сказанной при перенесеніи почившаго изъ его покоевъ въ каѳедр. Соборъ ⁽¹⁾—и въ проповѣди, сказанной въ 40-й день ⁽²⁾—„Безъ нѣсколькихъ дней *три-*

(1) Рѣчь каѳедр. Прот. В. П. Вишневаго, который, съ крестомъ въ рукѣ, произнесъ ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно встрѣчати Архипастыря при входахъ его на служеніе.

(2) Слово—сказанное Архим. Сергіемъ.

надцать мѣтъ, (сказано было въ рѣчи)—еженедѣльно, въ иныя же недѣли по нѣскольку разъ, а бывало, что почти и ежедневно въ теченіи недѣли, входилъ ты, добрый нашъ Пастырь, въ сей престольный нашъ храмъ, чтобы своими священнодѣйствіями и усердными моленіями низводить на богодарованную тебѣ паству спасительную для всѣхъ человѣковъ благодать Божию. И се—въ настоящій день бывшіе твои сослужители приносятъ тебя на раменахъ своихъ въ сей же храмъ на вѣчный покой. Войди убо съ миромъ въ мѣсто покоя твоего, вѣрный служитель Христовъ и благочестивѣйшій строитель Таинъ Божіихъ“.—„Будемъ же взирать (сказано было въ заключеніе слова), и на самое мѣсто покоища сего нашего Архипастыря, не какъ только чести ради его Святительства здѣсь уготованное, но съ несомнѣнною вѣрою, что какъ усердно-учащательны были вхожденія его во храмъ сей для священнодѣйствія, —(а вхожденія эти были столь частовременны, что примѣръ ихъ въ этомъ не для многихъ можетъ быть удобоподражателенъ),—такъ и отселѣ навсегда душа и духъ его молитвенноблагодатный будутъ присущи здѣсь выну посреде служящихъ и всѣхъ усердно-молящихся, яко присныхъ ему чадъ его возлюбленной паствы, и паче соприсущи духу молитвенно поминающихъ его по слову св. Апостола, яко *наставника, глаголавшаго слово Божіе и бдѣвшаго о душахъ нашихъ*, и еще паче *взирающихъ на скончаніе его жительства ради посильнаго подражанія его вѣрѣ и христіанскимъ добродѣтелямъ*“.

Преосв. Антоній, дѣйствительно, питая особенное благоговѣйное расположеніе къ каѳедральному храму и потому во всѣ праздничные дни (исключая случаевъ, когда онъ былъ приглашаемъ служить въ храмовые праздники въ какихъ либо приходяхъ, или въ Казанскомъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ находится Св. Чудотворная Казанская Икона Божіей Матери), и во всѣ даже воскресные и другіе дни совершалъ литургіи и всенощныя непременно въ Соборѣ. Это расположеніе еще болѣе усилилось, когда онъ имѣлъ утѣшеніе произвести въ немъ прежде указанное обновленіе во всѣхъ частяхъ.

Отъ этого въ домово́й (иначе называемой крестовой) церкви, онъ служилъ очень-очень рѣдко. Онъ говаривалъ, что эти церкви нужны только для немощныхъ, или для лѣнстыхъ. или—серьезно говоря—для братіи архіерейскаго дома и для архіереевъ, чтобы неопустительно выслушивать все службы въ будніе дни. Да если гдѣ, то здѣсь, равно какъ, бывало, и въ Смоленскѣ стыдно и грѣшно не совершать служенія въ Соборѣ, когда онъ тутъ же подъ бокомъ. Къ тому же Архіерей есть главный настоятель Собора, который потому-то и именуется кафедральнымъ. Наконецъ, въ Соборѣ всегда можетъ быть много молящихся по самой вмѣстимости его, и чрезъ это открывается источникъ большихъ добротныхъ приносителей, каковыя приношенія въ пользу ли храма (напр. отъ продажи свѣчь). или духовенства (напр. на проскомидіи). всегда потребны по скудости средствъ и для того и для другаго.

Въ видахъ большаго удобства соборному духовенству бывать неопустительно при Богослуженіяхъ, а равно—чтобы быть готовымъ всегда къ совершенію напр. молебновъ прибывающимъ въ разное и неслужебное время дня,—преосв. Антоній озаботился устроить смежно съ самою оградю архіерейскаго дома (она же и соборная)—каменный двухъ-этажный корпусъ для помѣщенія духовенства (1). Впрочемъ, при всѣхъ удобствахъ для себя и для духовенства посѣщать соборный храмъ, преосвящ. Антоній скорбѣлъ, что этотъ храмъ находится на самой окраинѣ города въ крѣпости, гдѣ онъ открытъ со всѣхъ сторонъ для вѣтровъ и зимнихъ бурановъ въ самомъ порывистомъ ихъ стремленіи такъ, что, какъ говорится, съ ногъ ломить всякаго пѣшехода;—а съ другой стороны, вся эта мѣстность крѣпостная и ближайшая къ ней занята исключительно казенными и торговыми зданіями; самая же центральная населенность города отстоитъ на очень большое разстояніе отъ Собора

(1) Домъ для соборнаго духовенства и прежде до 1831 года былъ близъ Собора, только по другую сторону, уничтоженъ по Высочайшему повелѣнію; построенъ на этомъ мѣстѣ дворецъ.

и раскинута еще въ большую даль. По этому предмету преосв. Антоній частенько говариваль съ бывавшими у него послѣ литургіи посѣтителами, когда замѣчалъ число бывшихъ при Богослуженіи незначительное; причемъ, самъ же первый признавалъ, между прочимъ, сказанную причину, заключающуюся въ мѣстоположеніи каедральнаго Собора. „То-ли дѣло, бывало, въ Смоленскѣ, гдѣ Соборъ въ самомъ центрѣ и красуется на самой вышкѣ, какъ бы, вѣнецъ надъ всѣмъ городомъ“. Для нагляднаго удостовѣренія, онъ не рѣдко приказываль келейному принести фотографическій въ большомъ размѣрѣ видъ Смоленскаго Собора.—А здѣсь, выйдя только изъ воротъ крѣпости, или не побывавши въ крѣпости, не увидишь и куполовъ и крестовъ соборныхъ; да-что особенно жалко, и звонъ-то колоколовъ, даже самаго главнаго колокола, не смотря на громадный вѣсъ его 1650 пудовъ,—не слышенъ въ городѣ; онъ весь уносится за рѣку Казанку въ поле... да у меня—готовъ, пожалуй, выбить окна,—которыя при всякомъ благовѣстѣ трясутся и звенять до непріятнаго оглушенія“.

Впрочемъ, говариваль преосв. Антоній, „честь и хвала нашимъ древнимъ православнымъ храмолюбивымъ предкамъ, какъ мѣстнымъ, въ тѣхъ или другихъ городахъ, жителямъ, такъ и начальству и самому правительству, что въ тѣ времена всегда отводили мѣста для главныхъ соборовъ на самыхъ лучшихъ видныхъ мѣстахъ. Слѣдовало бы и потомкамъ ихъ и теперешнимъ современникамъ поревновать объ этомъ. Такъ, напр. здѣсь въ Казани, почему бы не воспринять истинно-благую мысль создать другой Соборъ теплый, собственно для Богослуженія въ немъ въ зимнюю пору, когда въ теперешній Соборъ, преимущественно зимою, бываетъ затруднительно приходиться и даже пріѣзжать въ открытыхъ сапяхъ. Вотъ бы напр. самое лучшее мѣсто для втораго Собора тамъ, гдѣ теперъ Воскресенская церковь, и тѣмъ паче это удобно бы сдѣлать, что эта церковь готовится уже къ разлому съ тѣмъ, чтобы возвести на ея мѣстѣ новую. вмѣсто этой послѣдней церкви, какъ приходской, прекрасно-бы создать Соборъ, тѣмъ болѣе, что приходскія

средства весьма незначительны, какъ мнѣ извѣстно, чтобы создать ее скоро, — а на сооруженіе Собора обязательно дали бы все жители города, — и дѣло совершилось бы скоро. Приходъ весь, самъ собою, остался бы при этомъ Соборѣ; слѣдовательно и средства были бы для причта, который нѣтъ нужды имѣть въ полномъ комплектѣ, подобномъ соборному; служить въ этомъ Соборѣ должны были бы лица Собора главнаго. — Весьма бы хорошо и назидательно создаемъ этого Собора увѣковѣчить для потомковъ тѣ самыя тяжкія, переживаемыя нами отечественныя событія, наименовавъ этотъ Соборъ во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго въ память толикоратныхъ чудесныхъ Божіихъ знаменій въ сохраненіи драгоценнѣйшей жизни Благочестивѣшаго Монарха нашего Государя Императора Александра Николаевича, — чему мы видимъ достойныя примѣры въ другихъ городахъ. И это тѣмъ болѣе, что здѣсь въ городѣ съ стотысячнымъ населеніемъ нѣтъ ни одного храма во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, а только есть придѣлъ въ холодномъ соборѣ Казанскаго женскаго монастыря, который устроенъ *собственно въ память Императора Александра Благословеннаго* (1).

Одинаковое, какъ къ кафедральному Собору, питаль пресев. Антоній чувство благоговѣнія и усердія къ храмамъ соборнымъ въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, въ которыхъ, попеременно, находится подлинная Чудотворная Икона Божіей Матери, отъ этого получившая и самое именованіе „*Казанская*“. Въ этихъ соборахъ пресев.

(1) Главный престоль въ этомъ холодномъ Соборѣ во имя Казанской Иконы Божіей Матери; придѣлъ же устроенъ во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго потому, что и закладка этого Собора была въ присутствіи Императора Павла I-го и сопутствовавшихъ ему Великихъ Князей *Цесаревича Александра* и Константина Павловичей въ 1798 г. Мая 30-го дня и затѣмъ *Императоръ Александръ I* повелѣлъ выдать 25 тысячъ, независимо отъ выданныхъ Императоромъ Павломъ I, и потомъ ежегодно отпускать по 20 тысячъ до совершеннаго окончанія постройки храма. (См. рѣчь С. М. Шпилевскаго въ извѣстіяхъ и ученыхъ зап. Импер. Казн. Университета 1878 г. Янв.—Февр. стран. 15,—и описаніе Казан. женск. мон. составл. свящ. Е. Малювымъ. 1879 г. стр. 7).

Антоній совершалъ литургіи ежегодно разовъ по двѣнадцати и болѣе и, въ большинствѣ, со всепощными. Онъ установилъ торжественное, при своемъ личномъ служеніи, перенесеніе этой Иконы изъ теплаго Собора въ холодный, и обратно изъ послѣдняго въ первый, болшею частію въ праздникъ Воздвиженія.—Это онъ установилъ по излюбленному имъ примѣру въ Кіево-Братскомъ академическомъ монастырѣ, а такъ же и въ Смоленскѣ, гдѣ подобныя перенесенія св. Чудотворныхъ Иконъ совершались съ церковнымъ торжествомъ. По причинѣ частаго архіерейскаго служенія въ соборахъ монастыря, тамошнія пѣвчія-послушницы на обоихъ клиросахъ, до того усовершенствовались въ хоровомъ пѣніи, которому обучалъ ихъ архіерейскій же о. Регентъ (онъ же и ключарь каедрал. Собора Протоірей П. Д. Миловидовъ),— что въ послѣдніе годы преосв. Антоній не приказывалъ. кромѣ торжественныхъ престольныхъ праздниковъ, являться архіерейскому хору, а предоставлялъ пѣть при его служеніи однимъ монастырскимъ пѣвчимъ.

Послѣдняя дань благоговѣнія и усердія къ мѣсту святыни въ соборныхъ монастырскихъ храмахъ—св. Чудотворная Икона принесена была преосв. Антоніемъ при торжествѣ трехсотлѣтія отъ явленія сей св. Иконы. Преосв. Антоній принималъ самое тщательное участіе во всѣхъ приготовленіяхъ къ этому празднеству:—въ устройствѣ новыхъ орнаментовъ на св. Иконѣ,—въ избраніи мѣста среди двора для совершенія молебствія, въ особенномъ чинопослѣдованіи и въ распредѣленіи всего порядка и церемоніала для обхожденія вокругъ Собора съ чтеніями Евангелій и пѣснопѣніями и въ составленіи нарочитаго синаксаря для прочтенія на всепощной по подобію имѣющихся въ церковно-служебныхъ книгахъ. Эта послѣдняя дань тѣмъ болѣе свидѣтельствовала о его чувствахъ благолѣпія и усердія, что это было уже въ предсмертные дни, ровно за четыре мѣсяца до его кончины. Вслѣдствіе утомленія его при повсюдномъ участіи въ сказанныхъ приготовленіяхъ, съ нимъ случились такіе припадки, что онъ не могъ прибыть даже къ совершенію всепощнаго бдѣнія, которое по этому

совершенно было безъ него тремя епископами, прибывшими на это празднество:—Преосвященнымъ *Никаноромъ Уфимскимъ* (бывшимъ прежде въ Казани Ректоромъ Академіи), Преосв. *Варсонофіемъ, викаріемъ С.-Петербургскимъ въ Новгородъ* (бывшимъ Ректоромъ Казанской Семинаріи) и мѣстнымъ *Викаріемъ преосв. Павломъ*. Впрочемъ, съ трудомъ можно было тогда уговорить его, чтобы не быть на всенощной, а лучше поберечь силы для совершенія литургіи въ самый день праздника (8 Іюля 1879 г.). Литургію онъ совершилъ въ сослуженіи трехъ епископовъ, двухъ архимандритовъ, чetyхъ протоіереевъ и послѣ литургіи молебеніе на особо устроенной на дворѣ эстрадѣ;—но совершить хожденіе вокругъ Собора уже не могъ отъ ослабленія. Вздохнувъ, однако, нѣсколько, не разоблачаясь, въ алтарѣ, во время совершавшагося обхожденія, преосв. Антоній опять-таки самъ встрѣтилъ съ крестомъ въ Соборѣ всю процессію, которая и закончена была имъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему Дому, св. Синоду. ему самому съ паствою. присутствующимъ (поименно) тремъ епископамъ, настоятельницамъ съ сестрами,—всѣмъ благотворителямъ Обители, властямъ и воинству, жителямъ г. Казани и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Затѣмъ изъ Собора въ мантии съ такъ называемою „славою“ преосв. Антоній прибылъ въ помѣщеніе Игуменьи, гдѣ оставался и на обѣдѣ, не ради, конечно, участія въ немъ, а собственно потому, что здѣсь, при несомнѣстимомъ почти множествѣ присутствовавшихъ лицъ изъ всѣхъ высшихъ властей и почетнаго гражданства и купечества, преосв. Антоній имѣлъ въ виду осуществить одну истинно благую мысль, которую еще за долго предъ симъ сложилъ въ сердцѣ своемъ. Это—устройство при Казанскомъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ, внутри его ограды, *богадѣльни для безпріютныхъ сиротъ и вдовицъ собственно духовнаго званія*. Въ эту-то пору, во время обѣда, преосв. Антоній, послѣ первой здравіи за драгоценное здравіе Государя Императора Александра Николаевича, Государыни Императрицы, Нас-

лѣдника Цесаревича и всего царствующаго Дома, хотя, видимо, едва перемогаясь, произнесъ рѣчь, въ которой невыразимо умилительны были и, какъ нельзя болѣе близки къ значенію торжества и къ религіозному и царелюбивому чувству каждаго, слѣдующія слова: „Да! кто не знаетъ, и могъ ли, узнавши не умилиться во всю глубину сердца, что напгь благочестивѣйшій Державный Монархъ, какъ первенецъ и истинный сынъ св. Церкви, чуднымъ образомъ спасавшійся отъ угрожавшихъ ему опасностей жизни, всякій разъ по благополучномъ минованіи опасностей, тотъ же часъ поспѣшаль въ существующій въ столицѣ соборный храмъ, созданный во имя празднественно-чествуемой нынѣ св. Чудотворной Иконы Царицы небесной и предъ находящеюся въ немъ чудотворною иконою, именуемою „Казанскою“, изливалъ первыя свои горячія благодарственныя моленія предъ ликомъ Заступницы за свыше дарованное чудесное спасеніе отъ рукъ сыновъ беззаконія и погибели“ (1). При самомъ же окончаніи обѣда и послѣ рѣчей, произнесенныхъ г. Начальникомъ губерніи Н. Я. Скарятинымъ, губернскимъ Предводителемъ дворянства А. Г. Осокинымъ и помощникомъ Попечителя Казанск. Учебн. Округа М. А. Малиновскимъ, — преосв. Антоній обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ выраженіемъ своей давно желанной мысли объ устройствѣ богадѣльни. „Столь свѣтлый и необычайный праздникъ, каковъ настоящій нашъ праздникъ въ честь трехсотлѣтія со времени явленія драгоцѣнной святыни нашего града, Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери, по мнѣнію моему, въ высшей степени достойно и прилично было бы ознаменовать и увѣковѣчить память о немъ какимъ либо добрымъ и благотворительнымъ дѣломъ. Какимъ же именно? Въ нашемъ городѣ хотя и есть довольно благотворительныхъ учрежденій, но напр. для безпріютныхъ сиротъ и вдовицъ такого учрежденія не имѣется, а въ городскія заведенія онѣ не принимаются, за рѣдкими пс-

(1) Смотр. брошюру—о празднованіи въ г. Казани трехсотлѣтія отъ обрѣтенія Чудотворной Иконы Божіей Матери.

ключеніями, и, такимъ образомъ, часто остаются совершенно безъ пріюта и безъ всякихъ средствъ къ жизни. По этому нельзя не признать не только благопотребнымъ, но и совершенно необходимымъ устройство въ г. Казани, при здѣшнемъ монастырѣ, богадѣльни для означенныхъ сиротъ и вдовиць, число коихъ можетъ быть по крайней мѣрѣ до 24, по двѣ на каждый уѣздъ. Но такъ какъ средствъ на устройство подобнаго учрежденія въ распоряженіи епархіальнаго начальства не имѣется, то я и убѣждаюсь пастырски пригласить прежде всего участвующихъ въ настоящемъ торжествѣ, а затѣмъ и всю мою паству къ посильнымъ пожертвованіямъ на означенное богоугодное дѣло, чтобы, такимъ образомъ, воздвигнуть, хотя бы и не вдругъ, достойный памятникъ нынѣ празднуемому прехославію отъ обрѣтенія Чудотворной Казанской иконы Божіей Матери!“—Приглашеніе Архипастыря принято съ полнымъ и общимъ сочувствіемъ, и предложенный для подписки пожертвованій листъ покрытъ былъ подписями на сумму около 2000 рублей. въ число каковой суммы самъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка изволилъ подписать отъ себя 500 рублей и отъ экономіи архіерейскаго дома столько же.

Сумма, оказавшаяся по подпискѣ, въ количествѣ 2000 р., само собою, незначительна, если исключить 500 р. пожертвованныхъ преосв. Антоніемъ отъ себя лично и 500 р. пожертвованныхъ отъ архіер. дома; за то преосв. Антоній во всѣ послѣдніе дни своей жизни архипастырски располагалъ всякаго добротнаго дателя къ посильному жертвованію. При насъ былъ, между прочимъ, памятный фактъ въ этомъ родѣ. Первогильдейный купецъ Н. Н. явился къ преосв. Антонію за благословеніемъ на отъѣздъ въ Москву и Петербургъ по торговымъ дѣламъ и съ предложеніемъ своей услуги,—не требуется ли для самого Преосвященнаго что либо купить въ столицахъ (каковыя порученія исполнялись имъ Н. Н. и въ прежнія поѣздки). Преосв. Антоній, прежде всякаго отвѣта, приказалъ мнѣ принести изъ кабинета, хранившійся у него, листъ для подписокъ на богадѣльню, и, вручая его посѣтителю, сказалъ: „а вотъ прежде всего

благословляю васъ принести на это дѣло вашу лепту, соотвѣтствующую вашимъ торговымъ средствамъ. N. N. увидѣвъ въ первыхъ строкахъ 500 р. подписанныхъ преосв. Антоніемъ и еще отъ дома архіер. 500 р. промолвилъ: „Да Вы, В. В—ство, свои-то лепты изволили принести слишкомъ значительныя“.—„Не дивитесь этому, былъ отвѣтъ. Вѣрьте, что это и не отъ избытка и не ради показа въ примѣръ другимъ.—Избытка-то у меня никогда не накоплялось, да и теперь нѣтъ. Я вамъ скажу искренно,—какія это деньги. Вамъ, вѣдь, извѣстно, что я просилъ себѣ у Высшаго Начальства отпускъ. въ Маѣ и Іюнѣ сего года, съ намѣреніемъ совершить путешествіе въ г. Кіевъ; и мнѣ привелось бы израсходовать на это путешествіе не менѣе 500 р. Но какъ это не состоялось, то я и положилъ въ сердцѣ еще за ранѣе пожертвовать эти деньги на богадѣльню. Такъ точно и деньги 500 р. изъ суммы архіерейскаго дома я позволилъ себѣ назначить на этотъ предметъ, могу сказать, безъобидно и не въ ущербъ экономіи, потому что во время моей болѣзни, продолжавшейся цѣлый годъ съ малыми промежутками, расходы на содержаніе меня были весьма ограничены. Я, въ большинствѣ, питался овсянкой или мелкой кашустой въ разсолѣ, а теперь уже, какъ говорится, не въ коня кормъ никакой... Слѣдовательно, что уэкономилось въ это время, достойно и праведно пожертвовать на богоугодное дѣло въ пользу сирыхъ и безпріютныхъ.—Вотъ и вамъ мой совѣтъ: думаю, что и для васъ тащиться, при вашихъ годахъ и не совсѣмъ надежномъ здоровьѣ, въ столицы нѣтъ неизбѣжной надобности. Потому сообразите-ка всѣ расходы, потребныя на поѣздку и проч.,—и ихъ-то пожертвуйте во всей суммѣ, сверхъ того, что вы желали бы теперь подписать на предложенномъ вамъ листѣ,—да и супругѣ вашей—старицѣ N. N. предложите, чтобы поусердствовала отъ себя на дѣло благотворенія несчастнымъ безпріютнымъ своего пола.—Правда, у васъ есть и своя богадѣльня при церкви,—но, вѣдь, это учрежденіе, завѣщанное родителями вашей супруги и выполнено на ихъ же средства; а вы по слову св. Апостола, *благотво-*

ренія не забывайте отъ вашихъ собственныхъ трудовъ и благопріобрѣтеній“.

Сейчасъ изложенный фактъ былъ 1-го Октября во время чая послѣ литургіи, совершивъ которую въ Соборѣ, преосв. Антоній особенно сильно жаловался на ноги, приговаривая: „ну, нѣтъ, ноги мои, кажется, уже не слуги мнѣ... Ахъ если бы послужили онѣ мнѣ еще 4-го числа—въ день памяти Святителя Гурія,—тогда бы ужъ пора уложить ихъ совсѣмъ на покой, протянувши ихъ во гробѣ, что несомнѣнно скоро, скоро...“. Когда N. N. при этомъ сказалъ: „нѣтъ, Владыка святой, я когда прїѣду, то и безъ вашего порученія привезу для облегченія Вашихъ ножекъ сапожки *эотки* въ родѣ валенокъ изъ самой нѣжной шерсти“.—Преосв. Антоній на это: „а когда вы поѣдете? „Да завтра или послѣ завтра...“ Преосв. Антоній: „чтожъ за крайность такая?! Вы здѣшній гражданинъ, старожиль, и къ тому членъ-учредитель Братства Святит. Гурія; ужели уѣдете отъ праздника, въ который совершается особенный молебенъ въ присутствіи членовъ Братства, обязанныхъ стоять подъ своею горуговію.—Нѣтъ, я не благословляю, и вообще не совѣтую тащиться въ осеннее время“ (1).

Прервавъ нѣсколько рѣчь, по причинѣ боли въ ногахъ, которыя онъ тутъ же поднялъ на диванъ и прїодѣлъ одѣяломъ,—преосв. Антоній завелъ рѣчь о Братствѣ, выражая чувства сколько утѣшенія своего отъ сильныхъ его успѣховъ, столько же и нескрываемой скорби о томъ, что усердіе членовъ замѣтно умалается. Напр. общія годовичныя собранія, время отъ времени, становились малочисленнѣе; взносы членскихъ денегъ тоже... А что касается до еженедѣльнаго, въ четвергъ, молебна съ акаѳистомъ Святителю Гурію, какъ свышнему покровителю Братства, то послѣ двухъ-трехъ лѣтъ отъ установленія этого молебствія, усердствующіе почти совсѣмъ умалились вообще, а о состоящихъ членами

(1) Впослѣдствіи оказалось, что N. N. по какимъ-то встрѣтившимся обстоятельствамъ не только остался до 4-го Октября, но и вовсе отложилъ поѣздки.

Братства и поминать нечего; между тѣмъ, какъ установлено возносить особыя прошенія на эктеніи и читать молитву собственно о благопоспѣшеніи Братству въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ и вразумленія заблуждающихъ и отпадающихъ“.

Самъ же преосв. Антоній неопустительно совершалъ молебень и читалъ акаѳистъ, въ лѣтнюю пору прїѣзжая даже изъ загороднаго дома—версть за 6—7-мь, пока не сталъ, по временамъ, заболѣвать въ послѣдніе два-три года. Его стараніями, и въ немалой части собственными средствами, изданы были въ отдѣльныхъ книжкахъ службы во имя и честь какъ Святит. Гурія, такъ Святит. Германа и Варсонофія, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, сдѣланы хромолитографированныя на деревянныхъ доскахъ иконы этихъ трехъ Святителей (всѣхъ вмѣстѣ на одной въ размѣрѣ 6 вершковъ въ вышину и 5-ти въ ширину) и какъ тѣ, такъ и другіе, разосланы по всѣмъ церквамъ епархіи, а для желающихъ пріобрѣсть ихъ, открытъ былъ складъ для продажи при свѣчномъ ящикѣ въ каѳедр. Соборѣ.

Установленіе еженедѣльнаго молебствія съ акаѳистомъ въ честь Святит. Гурія и самое совершеніе его въ каѳедральн. Соборѣ, кромѣ значенія его по отношенію къ Братству, учрежденному собственно при каѳедр. Соборѣ, для преосв. Антонія имѣло еще свое значеніе, а потому и вызывало такое усердіе. Оно воскрешало для него время служенія и Кіевскаго и Смоленскаго. Въ Кіевѣ онъ бывалъ, возможно часто, на акаѳистномъ молебствіи, совершаемомъ въ каждую среду въ Великой Лаврской Церкви предъ св. Чудотворною нерукоотворенною Иконою Успенія Божіей Матери, а также въ бытность свою Ректоромъ Академіи и Настоятелемъ Кіево-Братскаго академическаго монастыря, онъ совершалъ такое молебствіе въ каждую субботу предъ св. Чудотворною Иконою Божіей Матери, именуемою *Братскою* ⁽¹⁾. Въ Смоленскомъ

(1) Бывши же Викаріемъ Кіевскимъ и Настоятелемъ Михайловскаго монастыря неопустительно, въ каждый вторникъ, отправлялъ акаѳистное молебствіе въ честь св. Великомуч. Варвары предъ св. ея мощами.

каедральн. Соборъ тоже въ каждый вторникъ совершалъ онъ предъ св. Чудотворной Иконой Смоленской Божіей Матери, при чемъ самый молебенъ и акаѳистъ совершаемъ былъ (по именованію Собора Успенскимъ) въ честь Успенія Божіей Матери. Поэтому преосв. Антоній съ самыхъ первыхъ поръ ввелъ и напѣвъ чисто Кіево-Лаврскій, каковой особенно былъ умилителенъ въ пѣніи перваго кондака въ акаѳистѣ—*„Избранной отъ всѣхъ родовъ Божіей Матери и Царицы“*, и кондака по 6-й пѣсни ирмосовъ: *„въ молитвахъ неусыпающую Богородицу и предстательство непреложное...“* Здѣсь въ Казани акаѳистно-мелебная служба хотя и неподходила подъ содержаніе сказанныхъ пѣсней-кондаковъ,—преосв. Антоній, тѣмъ не менѣе, скомпонировалъ, отчасти, самъ напѣвъ перваго кондака:—*„Возбранный Святителю и Чудотворче Гуріе, прими отъ насъ недостойныхъ и пр.“*, напѣвъ совершенно тождественный съ Кіево-Смоленскимъ, и окончательно переложить на ноты поручилъ о. Регенту архіер. хора. Напѣвъ этотъ сразу почувствованъ былъ всѣми, какъ самый умилительный, и очень не рѣдко пѣваемъ былъ (и до днесь поется) вмѣсто причастна на литургіи.—Много и другихъ свящ. пѣснопѣній по Кіево-Лаврскимъ напѣвамъ введено было здѣсь такъ же, какъ и въ Смоленскѣ,—что чувствовалось всѣми съ полнымъ умиленіемъ,—не говоря уже о самомъ преосв. Антоніи, который послѣ службы съ этими напѣвами, говорилъ отъ глубины сердца въ присутствіи посѣтителей: „ну вотъ сегодня я служилъ и молился въ одинъ разъ—и здѣсь, и въ Смоленскѣ, и въ Кіевѣ“. Всѣ эти напѣвы скоро перешли, прежде всего, въ женскій монастырь, и, затѣмъ, въ другія приходскія церкви, при которыхъ имѣются порядочные хоры пѣвчихъ.

Этимъ и заканчивается здѣсь рѣчь о дѣйствіяхъ преосв. Антонія въ отношеніи къ двумъ столь свято и усердно чтимымъ имъ соборнымъ Казанскимъ храмамъ, составляющимъ главныя святыни для всѣхъ православныхъ жителей г. Казани.

Въ прочихъ Казанскихъ городскихъ храмахъ, какъ приходскихъ, такъ и домовыхъ, въ разныхъ учебныхъ и

богоугодныхъ заведеніяхъ, преосв. Антоній служиваль почти во всѣхъ, а, въ большинствѣ, ежегодно въ престольные праздники. Всѣ крестные ходы, равно общественныя, по какимъ либо событіямъ и знаменательнымъ случаямъ, молебствія были имъ неопустительно совершаемы. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи объ немъ должно сказать тоже, что сказано было при описаніи служенія его въ Смоленскѣ. Въ соотвѣтствіе тому, что было засвидѣтельствовано въ прощальной рѣчи, сказанной преосв. Антонію бывшимъ Смоленскимъ каедр. Прот. П. I. Ждановымъ о неопустительномъ и неустаннымъ служеніи его въ соборахъ и городскихъ церквахъ и пр., всякій можетъ увидѣть такое же свидѣтельство и въ надгробныхъ рѣчахъ о молитвенномъ настроеніи его души и горячемъ усердіи къ Богослуженію во все время святительства въ Казани до послѣднихъ дней. — „Почившій нашъ Архипастырь (говорено было въ словѣ о. Рект. Акад. Прот. А. П. Владимірскаго) ⁽¹⁾ не только словомъ своимъ, которое онъ предлагалъ всегда яко во истину слово Божіе (1 Сол. 11, 13), слово *здоровое не зазорное и солию растворенное* (1 Тим. 11, 8), поучалъ свою паству истинамъ вѣры и благочестія, но самъ первый являлъ дѣломъ и жизнью примѣръъ высокихъ добродѣтелей, которыя такъ явственно сочетавались въ немъ съ истинно высокими природными качествами его души и так. обр. составляли изъ себя какъ вѣнокъ, сплетенный изъ пріятнѣйшихъ для зрѣнія и благоухающихъ цвѣтовъ. Но, въ особенности, замѣтно выдавалось въ его жизни молитвенное настроеніе души его и горячее усердіе къ Богослуженію. Глубоко сознавая немощи человеческой природы и преданный волѣ Божіей, онъ находилъ дѣйствительное успокоеніе своему духу, среди сложныхъ и многотрудныхъ пастырскихъ служебно-административныхъ занятій, большею частію въ молитвѣ. Молитва была, можно сказать, наиболѣе любимымъ занятіемъ души его. — Многимъ изъ васъ, сѣтующіе братіе и сестры, безъ сомнѣнія извѣстно, что онъ почти еже-

(1) Некрологъ.

дневно присутствовали при церковномъ Богослуженіи своей домашней церкви, — вечеромъ и утромъ; особенно же при совершеніи божественной литургіи. Въ частности, во время святой четыредесятницы, онъ, можно сказать, неотходно присутствовалъ при совершеніи церковнаго Богослуженія, а въ среду и пятницу, въ теченіе всей четыредесятницы, самъ совершалъ преждеосвященныя Божественныя литургіи. Такъ же усердно и неопустительно совершалъ онъ Богослуженіе не только въ праздничные и воскресные дни, но не рѣдко и въ дни обыкновенные и притомъ во всѣхъ храмахъ городскихъ, при всякомъ праздникѣ или другомъ какомъ либо случаѣ. Усердіе его къ Богослуженію было столь сильно, что только тяжкая болѣзнь могла удерживать его отъ Богослуженія. Но и въ это время, при незначительномъ ослабленіи болѣзни, онъ, хотя съ великимъ трудомъ, непремѣнно или самъ совершалъ литургію во дни великихъ церковныхъ праздниковъ, или только присутствовалъ при ея совершеніи. И какъ же онъ скорбѣлъ душою, когда болѣзнь удерживала его дома въ такіе дни! — Такъ, духъ его, преданный Богу и въ Богѣ покоившійся, желалъ какъ можно чаще *привитати* въ домъ Божіемъ!“

Во время поѣздокъ своихъ по епархіи, преосв. Антоній тоже всевозможно часто совершалъ Богослуженіе въ городахъ и селахъ, — въ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, куда могла прибывать его свита съ частію архіерейскихъ пѣвчихъ, такъ какъ послѣдніе, большею частію, слѣдовали на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ отъ одного предназначеннаго пункта до другаго и, безъ собственныхъ экипажей, не могли проѣзжать въ дальнія отъ этихъ рѣкъ селенія. Въ соудствіи мѣстнаго урожденца, маститаго старца каедр. Прот. В. П. Вишнеvsкаго, преосв. Антоній проникалъ въ самыя отдаленныя мѣстности русскаго и инородческаго населенія. Въ послѣднихъ — инородческихъ, особливо чувашскихъ и отчасти черемисскихъ селеніяхъ, о. Протоіерей былъ особенно ему необходимъ и полезенъ, какъ знающій языки этихъ инородцевъ; кромѣ того, обладая удивительною памятыю,

онъ зналъ какъ названія всѣхъ селеній, такъ и лицъ, составляющихъ мѣстные причты, потому что въ прежніе годы былъ Инспекторомъ Семинаріи и десятки лѣтъ Членомъ Консисторіи.

Въ некрологѣ ⁽¹⁾ объ этихъ поѣздкахъ, между прочимъ, читаемъ: „Покойный Владыка ежегодно дѣлалъ поѣздки по обзорѣнію епархіи и при этихъ обзорѣніяхъ, иногда даже пѣшкомъ, проходилъ немалыя пространства отъ одного прихода до другаго по причинѣ крайпей безпутицы отъ овраговъ и отсутствія мостовъ; потому онъ проникалъ даже въ такія мѣстности (особенно въ Царевококшайскихъ и Чистопольскихъ дебряхъ), гдѣ до него не бывалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ—Казанскихъ Архипастырей. О поѣздкѣ въ Царевококшайскъ онъ самъ рассказывалъ такъ: „На пространствѣ цѣлыхъ *ста тридцати четырехъ верстѣ* на трактовой дорогѣ только одно русское село съ церковью, а то все деревни черемисскія и лѣсъ непроходимый и непроглядный, въ которомъ, замѣчательно, я не видѣлъ даже ни птицы пролѣтѣвшей, ни звѣрка промелькнушаго... Это—невообразимая глушь, едва пропускающая тарантасъ; въ сторону же отъ дороги съ трудомъ можно пробраться на простой телегѣ; а то лучше согласиться идти пѣшкомъ“. Такимъ образомъ, сбылись слова высокопр. Арсенія, Митроп. Кіевскаго, и Смоленскаго старца-Архимандрита Алексія, „что тутъ не до свиты и комфорта, и не до кареты митрополичьей...“ хотя преосв. Антоній привезъ ее съ собою въ Казань. Въ этой каретѣ ему только и приводилось ѣздить за 18 верстѣ въ Седмезерную Пустынь ради служенія при перенесеніи тамошней Чудотворной Иконы Смоленской Божіей Матери—(25 Іюня) и при проводахъ ея обратно въ пустынь—27 Іюля ⁽²⁾.

(1) Некрологъ, стран. 24.

(2) Онъ вообще здѣсь въ Казани, хотя и не съ первыхъ годовъ, а въ послѣдствіи времени, отмѣнилъ комфортность и свитскую обстановку. Въ этой же самой напр. Седмезерной пустыни и до него и при немъ въ первые годы выходило въ расходъ на однихъ почтовыхъ лошадей въ каждый проѣздъ никакъ не менѣе 100 р. (по 20 троекъ впередъ и назадъ); а всѣ расходы, со включеніемъ

Въ чемъ состояла спеціальная, по мѣстнымъ требованіямъ, задача и цѣль ежегодныхъ поѣздокъ преосв. Антонія по приходамъ, это, само собою, понятно изъ сказаннаго прежде о происходившихъ отпаденіяхъ крещенныхъ инородцевъ (собственно татаръ) въ магометанство. „Преосв. Антоній“, какъ справедливо высказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ немъ достопочтенный о. Прот. Евгеній Поповъ (1), „никакъ не хотѣлъ вѣрить, что приходскій священникъ въ этихъ приходяхъ—крещено-татарскихъ можетъ встрѣтить какія либо препятствія входить въ дома своихъ прихожанъ для личныхъ увѣщаній и вразумленій заблуждающихся; но когда предъ нимъ самимъ, въ одномъ мѣстѣ, заперли двери въ домѣ одного отпаднаго татарскаго семейства, тогда онъ сдѣлался снисходительнѣе въ своихъ требованіяхъ отъ приходскихъ священниковъ“. За-то, по свидѣтельству другаго достопочтеннаго воспоминателя, разсматриваемая энергическая неустанная дѣятельность преосв. Антонія оправдывалась результатами самыми благотворными въ средѣ тѣхъ же инородцевъ, не только крещенныхъ, но и некрещенныхъ. Свидѣтельство это тѣмъ большее имѣетъ значеніе, что оно относится во первыхъ ко времени уже по кончинѣ преосвящ. Антонія, и самъ воспоминатель, очевидно, относился ко всему съ совершенною безпристрастностію, а во вторыхъ—самые предметы и всѣ данныя его воспоминаній, взяты имъ на мѣстѣ съ натуры, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, со словъ очевидцевъ, въ числѣ коихъ находилась и его родительница, о которой онъ свидѣтельствовалъ, между прочимъ, въ такихъ словахъ относительно ея чувствованій и убѣжденій: „незабвеннаго Владыку Антонія не даромъ же моя матушка покойная называла *прозор-*

сказанныхъ прогонныхъ, на угощеніе пріѣзжавшихъ и на проч. простирались до 700 и болѣе рублей въ оба раза. Съ начала онъ и вѣрить не хотѣлъ этому; узнавши же навѣрное, съ досадою объявилъ, чтобы впредь не было этого,—что, дѣйствительно, и исполнялось.

(1) Душепол. чтеніе, 1880 г. Апрѣль, стр. 488.

мвмъ“.— Приведемъ нѣсколько строкъ изъ подлиннаго изложенія воспоминателя: „8-го Ноября 1880 года исполнился уже годъ, какъ скончался Архипастырѣ Казанскій Антоній! Время течетъ быстрой рѣкой! Но какъ бы оно скоро ни текло, а имя Владыки Антонія на-долго останется памятнымъ въ Казанской епархіи и найдетъ видное для себя мѣсто въ исторіи. Мы не будемъ говорить здѣсь о всѣхъ его добрыхъ насажденіяхъ, а скажемъ только о двухъ: это о *Черемисскомъ мужскомъ монастырѣ*, въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, и о *Черемисской женской общинѣ* въ г. Козмодемьянскѣ. Оба эти учрежденія устроены съ цѣлю утвержденія Черемисъ въ Православной Вѣрѣ и распространенія оной между коснѣющими въ языческихъ заблужденіяхъ инородцами, а главное, чтобы отклонить ихъ отъ языческаго идолопоклонства „*Керемети*“, которой поклоняются не только некрещеные, но и крещеные *Черемисы* и *Чуваши*. Какъ изъ Черемисскаго мужскаго Монастыря, такъ и изъ Черемисской женской Общины, мы вынесли самыя отрадныя впечатлѣнія. Оба эти учрежденія—плоды св. чувствъ, заботъ и дѣятельности почившаго незабвеннаго Архипастыря. Царство ему небесное! Вотъ настоящіе и самыя лучшіе памятники, которые прочтѣе и благодѣтельнѣе всякихъ нашихъ монументовъ и украшеній! Имя Владыки Антонія на-долго останется въ памяти во всей Казанской епархіи. Почти нѣтъ въ епархіи села, гдѣ бы онъ не былъ. Посѣщеніе его въ памяти у многихъ инородцевъ. Хорошо его помнить и Варангушская *Кереметь*, куда собирались, и собираются и нынѣ, Черемисы, и не только некрещеные, но и крещеные для совершенія своихъ языческихъ радѣній изъ разныхъ деревень не только Казанской, но и Вятской губерніи. Владыка Антоній *первый* изъ Казанскихъ Архипастырей *рѣшился* проникнуть въ эту дальнюю и, *при томъ небезопасную*, мѣстность, гдѣ одинъ даже изъ некрещеныхъ черемисъ объяснялъ ему обряды жертвоприношеній и показалъ, развѣшанные на вѣтвяхъ деревъ, остатки жертвъ, сохранившіеся послѣ бывшаго предъ тѣмъ мольбища.

„Въ заключеніе нашихъ воспоминаній, не можемъ

умолчать и о теперешнемъ Владыкѣ Казанскомъ Сергѣи, который, по примѣру Владыки Антонія, тоже весьма тепло и сочувственно отнесся какъ къ Черемисскому мужскому монастырю, такъ и къ Черемисской женской Общинѣ и удостоилъ пынѣшнимъ лѣтомъ эти святилища своимъ личнымъ посѣщеніемъ. Въ устройствѣ каменнаго Собора въ Черемисскомъ монастырѣ онъ принимаетъ дѣятельное участіе и дай Богъ ему такихъ же во всемъ успѣховъ, какихъ достигалъ, не безъ усилій и *не рѣдко слезъ*, незабвенный Владыка Антоній“ (1).

Къ этому воспоминанію присоединимъ еще одно, сообщенное намъ письменно, отъ достопочтеннѣйшаго лица, помѣщика Казанской губерніи, представляющее живое характеристическое свидѣтельство благоплодности поѣздокъ преосв. Антонія по епархіи, въ дѣлѣ религіознаго благоустроенія пасомыхъ деревенскихъ жителей. — Выписываемъ подлинное сообщеніе. — „Въ одну изъ поѣздокъ своихъ по епархіи, высокопреосв. Владыка Антоній захвѣлъ, какъ онъ выразился, отдохнуть къ одному помѣщику, знакомому ему еще съ 40-хъ годовъ по бывшему служенію этого помѣщика въ Кіевѣ въ военной службѣ (2). Усадьба и мѣстность такъ понравилась Владыкѣ, что онъ назвалъ *раемъ*, особенно садъ, который въ то время былъ въ полномъ цвѣтѣ; всего болѣе его поразило безчисленное множество розъ разныхъ сортовъ и рѣдкія древесныя породы. Когда помѣщикъ предложилъ, не благословить ли Преосвященный отправить въ домъ всепощную, онъ отвѣчалъ: да, желалось бы непременно; но, вѣдь, слишкомъ далеко посылать за причтомъ; (приходская церковь отъ усадьбы въ 12-ти верстахъ и къ тому же за рѣкой, а ближе десяти верстъ церкви отъ деревни нѣтъ); но помѣщикъ все-таки успѣлъ пригласить при-

(1) Церковный Вѣстникъ 1880 г., № 46, стр. 4—5, статья: «Воспоминанія о покойномъ Владыкѣ Казанскомъ Антоніѣ» А. Грекова.

(2) Помѣщикъ этотъ (Н. С. Е.) въ бытность свою на службѣ въ Кіевѣ, пользовался истинно-отеческимъ расположеніемъ бывшаго Митроп. высокопр. Филарета, который въ Казани былъ весьма знакомъ съ отцемъ его.

ходскаго священника съ діакономъ и пѣвцами... Ко все-нощной собралось очень довольно крестьянъ, и когда, по окончаніи службы, Преосвященный сталъ благословлять народъ, который долго не расходился и окружалъ его всюду, то онъ спрашивалъ многихъ.—какія кто знаетъ молитвы; но какъ оказалось, что ни одинъ изъ нихъ не знаетъ, то Преосвященный обратился къ приходскому священнику и сказалъ: что это значить,—у васъ никто и молитвъ не знаетъ?—тотъ отвѣчалъ: что эта деревня удалена отъ приходской церкви, да и дорога самая неудобная къ сообщенію..., и, наконецъ, крестьяне не отдають своихъ дѣтей въ училище... Все это такъ,—сказалъ Преосвященный.—но вы не вѣнчайте до тѣхъ поръ, покуда женихъ и невѣста не будутъ знать молитвъ...

„На другой день Преосвященный просилъ экипажъ и лошадей ѣхать въ ближайшее село (но неприходское) къ обѣднѣ. Возвратившись оттуда снова сталъ хвалить мѣстность и садъ; просилъ, чтобы ему прислать въ загородный его домъ разныхъ растений, особенно розъ и душистыхъ піоновъ разныхъ сортовъ, которые онъ очень любилъ. Все это было ему вскорѣ же послано и принято имъ, какъ нельзя лучше.

Собираясь ѣхать въ Казань, Преосвященный Антоній снова хвалилъ усадьбу, и сказалъ: у васъ совершенный рай... но только рая небеснаго-то нѣтъ; ежели бы была здѣсь церковь, то я бы могъ быть у васъ почаще и подольше... На это помѣщикъ отвѣчалъ, что это давнишнее желаніе жены моей;—благословите, Владыка, и мы немедленно приступимъ къ постройкѣ церкви. „Отъ души благословляю на доброе дѣло, отвѣтилъ онъ; только все нужно будетъ сдѣлать законнымъ порядкомъ, а теперь выберемте-ка мѣсто. Преосвященный думалъ, что церковь будетъ строиться помѣщикомъ при своей усадьбѣ, но помѣщикъ высказалъ, что церковь нужна не для меня съ женой; мы живемъ въ деревнѣ только пять мѣсяцевъ, а остальное время года въ городѣ. Мы желаемъ, чтобы церковь Божія была для крестьянъ; а потому, если устроить ее при усадьбѣ, то они все-таки удалены будутъ на двѣ версты;—да, при томъ, мы предполагаемъ,

въ деревнѣ (1) не далеко отъ церкви устроить училище... „Истинная правда и святое дѣло, сказалъ Владыка, такъ поѣдемъ въ деревню теперь же и выберемъ тамъ мѣсто. Мѣсто было выбрано и Владыкою благословлено.—Это было въ 1875 году.

„Въ 1876 году помѣщикъ получилъ, уже утвержденный Строительнымъ Отдѣленіемъ, планъ каменной церкви. и въ томъ же году приступлено было къ постройкѣ. Въ 1879 году храмъ уже совершенно былъ сооруженъ, благоуукрашенъ, и все готово было къ его освященію,—но болѣзнь Архипастыря въ этомъ году не дозволила ему освятить его... Онъ желалъ и говорилъ, что освятить самъ, и отложилъ до Мая мѣсяца 1880 года;—но Всевышнему угодно было отозвать его отъ временной жизни въ жизнь вѣчную.

„Когда помѣщикъ сказалъ Преосвященному Антонію, что жена его боится, что умереть, не дождавшись освященія, то онъ сказалъ: „я вотъ умираю цѣлый годъ, да не умерю; а жена ваша, слава Богу, здорова и навѣрно не лишена будетъ утѣшенія узрѣть освященіе, созданнаго вами во славу имени Господня, прекраснаго храма.

„Наконецъ, преосв. Антоній, бывши въ усадьбѣ у этого же помѣщика, чрезъ полтора года послѣ перваго посѣщенія, поѣхалъ посмотрѣть строящійся храмъ, который былъ уже возведенъ до оконъ. Помѣщикъ просилъ его нельзя-ли устроить склепъ для себя и жены подъ колокольней.—На это Преосвященный Антоній сказалъ, что можно устроить склепъ подъ поломъ и въ самой церкви, и самъ указалъ и благословилъ мѣсто въ углу на лѣвой сторонѣ. Затѣмъ всѣмъ крестьянамъ, собравшимся тутъ же, преподалъ самыя назидательныя наставленія о значеніи для нихъ будущаго храма... какъ особенной неожиданной милости Божіей“.

Во время своихъ поѣздокъ преосв. Антоній строго наблюдалъ за всѣми чиновослѣдованіями и обрядами въ

(1) Деревня Куюки въ Лаишевскомъ уѣздѣ; по сооруженіи и освященіи церкви въ 1880 г. бывшимъ архіеп. Казанскимъ Сергіемъ, здѣсь открытъ самостоятельный приходъ,—и причтъ обезпеченъ на средства пожертвованныя храмоздателемъ.

совершеніи Богослуженія мѣстными священниками. и подобно. какъ въ Смоленской епархіи, многое исправлять и нѣчто указывать въ новое руководство по примѣру Кіевскому и Смоленскому. Въ частности, онъ требовалъ не сокращенія службъ. а выполненія. по возможности. по уставу, тѣмъ паче въ приходахъ полураскольническихъ, а равно и пѣнія на гласы и вообще по церковному обиходу напр. Богородичныхъ, прокимновъ, причастныхъ. Это ревностно наблюдалъ онъ и въ городскихъ церквахъ, гдѣ имѣются наемные вольные хоры пѣвчихъ.

Въ отношеніи перваго сельско-приходскаго пѣнія преосв. Антоній дѣлалъ неоднократныя распоряженія (1). Касательно же городскихъ хоровъ онъ давалъ особенныя предложенія Консисторіи, изъ коихъ приводимъ здѣсь одно—позднѣйшее по времени (отъ 14 Сент. 1875 г.) (2). Не смотря на неоднократно дѣланныя епархіальнымъ Начальствомъ распоряженія по поводу того. что въ нѣкоторыхъ, особенно градскихъ, церквахъ вольнонаемные хоры пѣвчихъ, изъ всякихъ разночинцевъ, дозволяютъ себѣ разныя отступленія отъ надлежащаго порядка, небрежно относясь къ церковному уставу, употребляя на пѣвы и композиціи необычайные и неодобренные для церковнаго употребленія, или не для всякаго хора удобоисполнимые и проч.,—до свѣдѣнія моего доходить, что беспорядки сіи и нынѣ продолжаются, и Настоятели церквей небрегутъ о семъ и не принимаютъ нужныхъ мѣръ къ недопущенію оныхъ. Есть, какъ я слышу, хоры, управляемые даже лицами *неблагонадежными*. сомнительной нравственности и знанія пѣвческаго дѣла. Въ выполненіи службъ и выборѣ пѣснопѣній не рѣдко бываетъ самый *нелѣпый* произволъ. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ церквахъ на всенощномъ бдѣніи совсѣмъ не поются стихирѣ даже на „Господи воззвахъ“, а кое-какъ читаются; поются же только два стиха псалма; отъ это-

(1) Смотр. напр. Извѣстія по Каз. епарх. 1869 г. стр. 419, 1871 г. стр. 329.

(2) Извѣстія по Казан. епархіи, 1875 г. № 23. стр. 288—290.

го Богослуженіе дѣлается крайне монотоннымъ, однообразнымъ и скучнымъ, чѣмъ охлаждается усердіе къ оному въ народѣ. На Литургіи, вмѣсто положенныхъ по уставу причастныхъ стиховъ, сообразныхъ съ тѣмъ или другимъ недѣльнымъ, или праздничнымъ днемъ, или во всякомъ случаѣ какихъ либо вполне приличныхъ тому или другому дню пѣснопѣній, — поются иногда піесы вообще неумѣстныя въ сіе время, какъ напр. мнѣ самому случалось недавно слышать пѣтые въ одной церкви на литургіи вмѣсто положеннаго причастна, — „Нынѣ отступаеши“ и вечерній псаломъ — „Благослови душе моя Господа“. для каковыхъ пѣснопѣній есть *свое вечернее* время, а отнюдь не Литургія. Случилось также мнѣ слышать и пѣніе „Милость мира“ самой *нелюбой* новой композиціи, крайне растянutoй и вообще не соответствующей ни духу, ни объему молитвъ, въ сіе время читаемыхъ священникомъ, чѣмъ, по необходимости, безпрестанно прерывалось вниманіе служащаго и молящихся и нарушалось то благоговѣйное настроеніе души, какимъ должны быть проникнуты въ сіе время служащій и молящіеся. Вслѣдствіе этого я вновь считаю нужнымъ предложить Консисторіи учинить слѣдующее: 1) Вмѣнить въ обязанность настоятелямъ церквей, дабы они впредь отнюдь не предоставляли произволу однихъ старость нанимать пѣвчихъ, а сами лично участвовали въ семъ дѣлѣ, тщательно освѣдомляясь, изъ какихъ именно лицъ будетъ состоять хоръ, и главное — кто имъ будетъ управлять, и предварительно испрашивали на сіе моего разрѣшенія. 2) Имъ также вмѣнить въ обязанность строго наблюдать, чтобы пѣвчіе не дозволяли себѣ отступленій отъ церковнаго устава, и предъ каждою службою, особенно предъ всенощнымъ бдѣніемъ, тщательно просматривали оный, не допускали также никакого произвола въ выборѣ напѣвовъ и пѣснопѣній для того, или другаго богослужебнаго времени; концертовъ же и вообще композицій неодобренныхъ, на основаніи неоднократно повторившихся указовъ синодальныхъ, отнюдь не пѣли въ церкви; во время службы вели себя самымъ благопристойнымъ образомъ, не дозволяли себѣ никакого неу-

мѣстнаго говора, шума, а равно неприличнаго стоянія задомъ къ иконостасу, ни другихъ подобныхъ безчиній. 3) Благочиннымъ вмѣнить въ обязанность постоянно освѣдомляться, въ точности ли исполняются пѣвческими хорами сіи правила, и о случаяхъ нарушенія таковыхъ доносить мнѣ немедленно. 4) Независимо отъ сего, главный надзоръ за пѣвческими хорами въ г. Казани поручить Регенту архіерейскаго хора, о. Ключарю кафедральнаго собора Миловидову, коему предоставить право освѣдомляться,—какъ сіи хоры выполняютъ въ церквахъ свое дѣло и объ узнанныхъ имъ, какихъ бы то ни было, отступленіяхъ отъ надлежащаго благочинія доносить мнѣ. 5) Для удостовѣренія, въ какой мѣрѣ въ настоящее время диаконы и причетники градскихъ церквей сами опытны въ надлежащемъ выполненіи церковныхъ службъ относительно чтенія и пѣнія, какъ простаго на гласы, такъ и потнаго по обиходу,—а равно, на сколько способны они руководить въ семь дѣлѣ желающихъ участвовать въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ прихожанъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ (что рекомендуется приходскимъ настоятелямъ всячески поощрять и поддерживать въ своихъ приходсахъ, по доброму примѣру нѣкоторыхъ церквей въ Казани, и въ другихъ городахъ и селахъ),—поручить о. Ключарю, вмѣстѣ съ соборнымъ священникомъ Васильковымъ произвести испытаніе градскимъ діаконамъ и причетникамъ. 6) Наконецъ, дать знать о. Регенту архіерейскаго хора, что ему необходимо возстановить, вновь открытую имъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, но потомъ прекратившую свое существованіе школу, какъ для обученія вообще церковному пѣнію, такъ и въ особенности для приготовленія регентовъ, въ которую могли бы являться, между прочимъ, изъ городовъ и сель псаломщики для слушанія уроковъ, на, болѣе или менѣе, продолжительный срокъ, дабы, такимъ образомъ, въ Казанской епархіи, по возможности, имѣлись и въ градскихъ и сельскихъ церквахъ діаконы и причетники надлежащимъ образомъ обучившіеся пѣвческому дѣлу и чтобы, такимъ образомъ, пѣніе повсюду устанавлилось возможно одинаковое, правильное. *по чину и благообразно*, по сло-

ву Апостола (1). Наконецъ, въ отдѣльности, относительно инородческихъ приходоу преосв. Антоній дѣлалъ распоряженія о томъ, чтобы и чтеніе напр. Апостола и Евангелія и пѣніе Символа Вѣры, молитвы Господней и другихъ пѣснопѣній совершалось на инородческомъ языкѣ.

Прочія данныя, соединявшіяся съ задачею и цѣлію учащательныхъ поѣздокъ преосв. Антонія, имѣли значеніе по отношенію къ быту и положенію приходскаго сельскаго духовенства, и вообще административной части въ общемъ строѣ и состояніи епархіи,—о чемъ будетъ подробно сказано въ слѣдующей главѣ.

Въ заключеніе всего, что относится до примѣрно ревностнаго усердія преосв. Антонія ко всеѣмъ Богослуженіямъ и къ самому точному совершенію ихъ, для наглядной характеристики его въ разсматриваемомъ отношеніи, мы приведемъ здѣсь слѣдующій фактъ:—„Любя во всеѣмъ благолѣпіе при Богослуженіи, въ томъ числѣ и личный составъ соборнаго причта, преосв. Антоній былъ на первыхъ же порахъ озабоченъ присканіемъ хорошаго Протодіакона. Таковой, наконецъ, нашелся въ Петербургѣ, состоявшій въ классномъ чинѣ въ придворной Капеллѣ пѣвчій—басъ Пѣшехоновъ, который, дѣйствительно, своимъ видомъ, ростомъ, манерами и голосомъ, составлялъ красу въ общей обстановкѣ церковнаго служенія; самъ преосв. Антоній выражалъ къ нему явное вниманіе и расположеніе.—Спусти годъ, однажды какъ-то за обѣдомъ праздничнымъ, преосв. Антоній обратился къ это-

(1) Какъ только написано было это предложеніе, намъ привелось прочесть въ Душепол. Чтен. 1882 г. Іюнь, подъ рубрикой: «Резолюція Московск. Митр. Филарета» слѣдующую резолюцію, данную 1854 г. Марта 22. «Предписать Москов. Благочиннымъ, чтобы о приходскихъ хорахъ представили свѣдѣнія: изъ какого числа лицъ и какихъ именно состоятъ эти хоры, идѣ какой поетъ постоянно, или только по призыву, прилично ли въ церкви поютъ и согласно съ уставомъ и съ данными правилами, есть ли за ними нравственный надзоръ; и какъ основаніемъ сихъ заведеній есть одна корысть, то не повреждается ли симъ нравственность въ принадлежащихъ къ симъ хорамъ и вообще не замѣчается ли въ нихъ оскудѣніе благоговѣнія къ святынь. Свѣдѣнія сіи представить, по возможности, немедленно».

му Протодіакону съ вопросомъ: „А что о. Протодіаконъ, — привыкли ли вы къ служенію?“ — Тотъ безцеремонно отвѣчалъ: „Нѣтъ, Ваше В—ство, тутъ вопросъ-то не о привычкѣ, а о томъ, насколько можетъ еще хватить моихъ силъ. Вѣдь, по моему вѣрному, нарочито записованному, счету выходитъ, что мнѣ привелось служить съ Вами въ теченіи, прожитаго мною здѣсь, года почти полтораста разовъ и, при томъ, съ весьма частымъ приготовленіемъ... А, наконецъ, Ваши-то служенія, особливо всенощныя, извѣстно, каковы: ничего не сокращаютъ ни въ пѣніи стихирь, ни въ чтеніи и каѳизмъ, хотя бы ихъ было три—(напр. въ постъ великій). Если бы я зналъ, Ваше В—ство, напередъ обо всемъ этомъ, то, простите милостиво, ни за что бы въ жизни не согласился поступить въ протодіаконы“. — Этотъ Протодіаконъ, дѣйствительно, не долго (года два съ небольшимъ) выдержалъ; онъ скончался отъ чахотки. — Да и самъ преосв. Антоній, какъ замѣчали всѣ, тоже подорвалъ свои силы, между прочимъ, ревностію къ Богослуженію, при множествѣ другихъ многообразныхъ своихъ служебныхъ занятій, отъ которыхъ онъ не давалъ себѣ буквально ни отдыха, ни срока, начиная съ официальныхъ и оканчивая всякими частными выслушиваніями просителей и приѣмами постѣтителей во всякую пору безъ отказа. Во время даже болѣзни, при малѣйшемъ ослабленіи ея, онъ непремѣнно стремился совершать Богослуженіе; — бывало (что видѣли всѣ) даже такъ, что не только водили иподіаконы подъ руки, но, при помощи другихъ, почти носили его на рукахъ по ступенямъ крыльца. Онъ же иногда только проговаривалъ: „ну-ну, таскайте мои немощи и не смущайтесь... Вѣдь не даромъ хранится въ Соборѣ при св. мощахъ Святителя Гурія *посохъ* его (1), которымъ онъ под-

(1) Посохъ этотъ есть скорѣе *подставка*. Онъ сдѣланъ изъ простаго крѣпкаго дерева, ничѣмъ не окрашенъ. Устройство и фигура его таковы: на довольно толстой палкѣ, вышиною арш. полтора съ небольшимъ, утверждена сверху перекладина полукруглой формы, могущая охватывать человѣческій корпусъ средней величины. Святитель Гурій, по сказанію жизнеописанія, употреблялъ его двояко, — или подставляя спереди ниже груди, или же сзади, дабы

пирался, когда не въ силахъ былъ стоять предъ св. престоломъ“.—Относительно же пріема всѣхъ и каждаго во всякую пору съ утра до вечера, не смотря на явное утомленіе, а въ послѣднее время и при болѣзненности, въ рѣчи, сказанной въ 9-й день поминовенія, читаемъ:—„Ты, благостнѣйшій нашъ Архипастырь, самъ говорилъ, при первомъ служеніи твоёмъ по вступленіи на здѣшнюю паству, что ты, по примѣру и по заповѣди Христа, такъ долженъ возлюбить паству твою, чтобы и *душу свою быть готовымъ положить за нее*. И на самомъ дѣлѣ, ты положилъ за насъ и паству твою свою душу. Ибо что тебя низвело во гробъ и, вмѣщающую тебя въ себѣ нынѣ, могилу?! Ты пришелъ къ намъ въ полной силѣ; твое здоровье цвѣло, а сердце было полно радости о Господѣ,—полно благодати и даровъ духовныхъ. Но ты пожертвовалъ и *истощилъ* всего себя за насъ и паству твою. Не зная покоя и отдыха, бдѣлъ о спасеніи всѣхъ, помня, что предлежитъ тебѣ *слово воздати* верховному Пастыреначальнику,—и нажилъ себѣ неисцѣльную болѣзнь, низведшую тебя еще рано во гробъ“ (1).

Все это сушая правда; но правда и то, что не рѣдко и не отъ малыхъ числомъ лицъ, почитавшихъ преосв. Антонія, приводилось слышать взгляды и сужденія о такой ревности преосв. Антонія, какъ дѣлѣ неумѣренности неодобрительной... Но здѣсь-то и оправдываются на немъ слова изъ акаѳиста Святителю Гурію, которыя, какъ сказано прежде, преосв. Антоній любилъ повторять въ числѣ прочихъ: „*Вѣтѣи многогвѣщанныя, яко рыбы безгласныя видимъ о тебѣ, Святителю,—недоумываютъ бо, еже како и отшельникомъ денно-нощною молитвою примѣръ подаваеши, и, паству твою примѣрно управляеши*“. Отвѣтомъ же на указанные сужденія могутъ служить прежде уже приводимыя слова изъ надгр. слова,—т. е. что молитвенное настроеніе и участіе въ Богослуженіи служил-

удобно было опереться спиною выше поясицы.—Посохъ этотъ утвержденъ въ особой тумбѣ при самой рацѣ съ останками св. мощей и чествуется, какъ предметъ святыни.

(1) Некрологъ, стран. 62.

до для преосв. Антонія не прешятствіемъ, а успокоеніемъ его духу, укрѣпленіемъ его силъ и, такъ сказать, окрыленіемъ его энергіи, при всѣхъ многосложныхъ и многотрудныхъ пастырскихъ и всѣхъ служебно-административныхъ занятіяхъ. Но если эти слова могли бы представляться кому либо въ смыслѣ извѣстнаго изреченія: „de mortuis aut bene, aut nihil“, то вотъ иное свидѣтельство объ этомъ, выраженное лично предъ преосв. Антоніемъ при торжествѣ празднованія трехсотлѣтія отъ времени явленія св. Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери и вызвавшее тогда самое одушевленное и искреннѣйшее сочувствіе во всѣхъ присутствовавшихъ. „Какъ въ добромъ благочестивомъ семействѣ дѣти любятъ и почитаютъ своего отца, на авторитетъ и дѣятельности котораго зиждется и благоуспѣваетъ благосостояніе ихъ и семейства, такъ и мы, православные и вѣрные сыны общей Матери Церкви, строго храня, завѣщанныя намъ предками, святыя религіозныя убѣжденія и чувства, несомнѣнно проникнуты самою нелицемѣрною и сердечною любовію и самымъ глубокимъ сыновнимъ уваженіемъ къ нашему общему Отцу, Казанскому Архипастырю Высокопреосвященнѣйшему Антонію. Онъ всегдашній неусыпный молитвенникъ нашъ за насъ, за нашихъ дѣтей, за всю паству. Мы вѣруемъ, что его святыми и пламенными молитвами предъ престоломъ Всевышняго и предъ Небесною Заступницей, обрѣтеніе Иконы Которой, нами сегодня празднуется, — мы охранены и избавлены отъ всѣхъ тѣхъ внутреннихъ невзгодъ и тревоженій и внѣшнихъ бѣдствій, отъ которыхъ, къ великому нашему прискорбію (нельзя въ томъ не признаться), такъ много пострадали многія части нашего дорогаго отечества. Онъ — Архипастырь нашъ, всегда на стражѣ своей паствы; онъ неуклонно руководитъ ее къ познанію Богооткровенной истины и первый съ полнымъ самоотверженіемъ служить примѣромъ къ воспроизведенію этой истины въ самой нашей жизни. По его прекрасной и глубоко-религіозной мысли и его указаніямъ празднуется и самое нынѣшнее торжество *трехсотлѣтія* отъ обрѣтенія Казанской Чудотворной Иконы Богоматери, конечно, къ нашему нази-

данію и къ нашему благу. Потому я увѣренъ, что всѣ, одушевляемые сыновнею любовію и сердечною преданностію и глубокимъ уваженіемъ къ нашему благостнѣйшему Отцу-Архипастырю, соединятся со мною въ моихъ искреннѣйшихъ благожеланіяхъ: „За здоровье Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго!... Самое одушевленное, всѣми исполненное, пѣніе многолѣтія Архипастырю Казанскому, было отвѣтомъ на эту одушевленную рѣчь“ (1). Чтобы полнѣе понять смыслъ всѣхъ словъ этой рѣчи и точнѣе опредѣлить значеніе ихъ, нужно знать, что онѣ изошли изъ устъ такого лица, которое само стояло въ главѣ мѣстнаго управленія и на стражѣ къ охраненію и утвержденію благосостоянія губерніи. Сказавшій эту рѣчь былъ—г. Гражданскій Губернаторъ, тайный сов. Н. Я. Скарятинъ, который, по самымъ служебнымъ своимъ обязанностямъ по управленію губерніею, имѣлъ особенныя отношенія—и официальные и частныя личныя,—къ преосв. Антонію и вообще къ епархіальному управленію, и слѣд. могъ видѣть и опредѣлять болѣе, чѣмъ ктонибудь, образъ и ходъ административныхъ дѣйствій преосв. Антонія, равно какъ чувствовать и признавать его личныя качества и достоинства, какъ святителя и всегдашняго неусыпнаго молитвенника за свою паству и вообще за все ея населеніе. Къ тому же этотъ Начальникъ губерніи имѣлъ особенныя основанія и право свидѣтельствовать такъ о служебныхъ и личныхъ достоинствахъ преосв. Антонія по самой даже долговременности служенія своего въ Казани—вмѣстѣ съ преосв. Антоніемъ—именно въ теченіи цѣлыхъ тринадцати лѣтъ; онъ и встрѣчалъ преосв. Антонія при вступленіи его на паству—въ Декабрѣ 1866 г.—и проводилъ его на вѣчный покой въ Ноябрьѣ 1879 г. Личныя же чувствованія и отношенія Н. Я. Скарятина къ

(1) Смотр. брошюру: «Празднованіе въ г. Казани трехсотлѣтія отъ явленія св. Чудотворной Иконы Божией Матери, именуемой Казанскою», стран. 7.

преосв. Антонію, особливо въ послѣдніе годы, были истинно искренни, какъ пасомаго къ Архипастырю, и засвидѣтельствованы имъ и взаимно преосв. Антоніемъ, при предсмертныхъ дняхъ и часахъ жизни послѣдняго (1).

(1) Смотр. брошюру: «Послѣдніе дни, кончина и погребеніе высокопр. Антонія». СІПБ. 1879 г., стран. 4.

ГЛАВА IV.

Въ некрологѣ сказано: „съ какою неослабною ревностію и энергіею высокопр. Антоній велъ дѣло миссіонерства вмѣстѣ съ устройствомъ, въ этихъ же цѣляхъ, монастырей въ инородческомъ и раскольническомъ населеніи здѣшняго края, и вообще благоустроилъ все, что относилось къ религіозно-церковной области его архипастырскаго управленія, съ такою энергіею. немедленно по вступленіи на Казанскую кафедру, принялся онъ и за внутреннее устройство самаго управленія епархіею и за улучшеніе быта и состоянія духовенства. Такъ, прежде всего, онъ обновилъ личный составъ присутствія Консисторіи, замѣнивъ прежнихъ членовъ новыми съ задатками свѣжихъ силъ и потребной энергіи“ (1).

Это обновленіе, дѣйствительно, совершено было, но только не въ томъ видѣ, какъ не рѣдко бываетъ у иныхъ изъ новопоступающихъ главныхъ начальниковъ, и гдѣ, не рѣдко, сбывается только извѣстная пословица:— „новая метла сначала больно чисто мететь, а затѣмъ и малаго сору не поуберетъ“. Изъ прежнихъ Членовъ иные уволились,—за то преосв. Антоній, вмѣстѣ съ избраніемъ новыхъ, избралъ и такого, который состоялъ Членомъ еще ранѣе прочихъ и только за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ уволился. Основанія и соображенія въ послѣднемъ дѣлѣ были вполне благоразумны и цѣлесообразны. Указываемый Членъ во 1-хъ былъ о. кафедр. Протоіерей, слѣд. по статуту и служебному авторитету ему принадлежало это званіе; во 2-хъ преосв. Антоній самъ не скрывалъ, что онъ поступилъ такъ по совѣту и даже особенной рекомендаціи преосв. Григорія, Епископа Ка-

(1) Некрологъ, стран. 22—23.

лужскаго, который, дважды находившись на службѣ въ Казани, весьма хорошо зналъ избранныхъ въ духовенствѣ лицъ и членовъ Консistoriи, и въ особенности о. Прот. В. П. В—скаго, бывшаго, между прочимъ, Членомъ академической Конференціи, и слѣд. сослуживцемъ преосв. Григорія въ бытность его Ректоромъ Казанской Академіи. Впрочемъ, въ самомъ предложеніи преосв. Антонія о назначеніи о. каедр. Протоіерея Членомъ, ясно были указаны причина и цѣль. „Видя настоятельную и неотложную надобность усилить и ускорить въ Консistoriи дѣлопроизводство по 1-му столу, по причинѣ, умножившихся до крайности, дѣлъ отъ многочисленныхъ случаевъ совращенія крещенныхъ татаръ въ магометанство и русскихъ въ расколъ, я считаю нужнымъ, чтобы дѣлами по этому столу занимался Членъ въ особенности опытный и знающій и мѣстности, и духъ, и бытъ населенности“ (1). Потому-то преосв. Антоній, какъ сказано было прежде, бралъ съ собою и въ поѣздки по епархіи о. каедр. Протоіерея. Вообще же преосв. Антоній самъ отлично понималъ, что если бы Члены Консistoriи были всѣ новички, или иные изъ недавнихъ, то сколько бы самъ онъ ни былъ свѣдуецъ и опытенъ, все-таки дѣло управленія на новомъ мѣстѣ могло бы быть не безъ затрудненій и идти не вполне надежно.

Личная опытность преосв. Антонія по дѣламъ епархіального управленія оправдалась, какъ извѣстно, еще въ Смоленской епархіи, гдѣ онъ своею дѣятельностію сдѣлался извѣстенъ въ числѣ передовыхъ Епископовъ-администраторовъ. Иные же титуловали его прогрессистомъ въ этомъ отношеніи и даже *либераломъ*. Что эти два эпитета, дѣйствительно, слагались въ понятіяхъ нѣкоторыхъ, — ближайшій и живой примѣръ сему представлялъ самъ предмѣстникъ преосв. Антонія, — бывший Архіепископъ Казанскій Аѳанасій. Не говоря о томъ, что передавали намъ за подлинное нѣкоторыя изъ лицъ близкихъ къ преосв. Аѳанасію, при которыхъ онъ еще ранѣе отзывался о преосв. Антоніи по передовымъ дѣй-

(1) Извѣстія по Каз. епархіи, 1867 г., № 2, стр. 50—51.

ствіямъ его въ смыслѣ сказанныхъ эпитетовъ,—самъ преосв. Антоній слышалъ лично изъ устъ преосв. Аѳанасія въ искреннихъ бесѣдахъ ⁽¹⁾ собственное его признаніе въ этомъ. „А знаешь ли, говорилъ однажды мнѣ преосв. Антоній въ тонѣ, какъ бы, полупутливомъ,—какой комплиментъ поднесъ мнѣ здѣсь на первыхъ порахъ преосв. Аѳанасій?... Онъ просто на просто оттитоловалъ меня прогрессистомъ и либераломъ... И такія, какъ самъ онъ признался, мнѣнія его обо мнѣ были неизмѣнны у него дотолѣ, пока, послѣ многихъ нашихъ свиданій и бесѣдъ, онъ разубѣдился въ своихъ мнѣніяхъ... За то, сказалъ онъ наконецъ, Вы истинно оправдываете на себѣ изреченіе: „изъ молодыхъ да старыи“. И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ, какъ подлинномъ и правдивомъ отзывѣ о преосв. Антоніи, дѣйствительно, еще заранѣе были увѣрены здѣсь въ Казани,—и съ первыхъ же поръ ожидали отъ него для здѣшней епархіи многообразныхъ мѣропріятій и дѣйствій.—„Увѣренность и ожиданія эти, сказано въ некрологѣ, не замедлили осуществиться. Съ первыхъ шаговъ по управленію епархіею повѣяло новымъ освѣжающимъ духомъ ⁽²⁾, который, по преимуществу, пронесся и разлился въ самыхъ непосредственныхъ дѣйственныхъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ, начиная съ вышнихъ ближайшихъ и оканчивая такими лицами, служащими по духовно-епархіальному вѣдомству, надъ коими современная либеральная печать считаетъ своею задачею и удовольствіемъ, кстати и не кстати, лишь только глумиться;—мы говоримъ—о чиновникахъ и канцелярскихъ служителяхъ Консисторіи ⁽³⁾“.

Главными ближайшими сотрудниками были, во первыхъ, Преосвященные Викарные, затѣмъ о.о. Ректоры Академіи и Семинаріи (послѣдніе не въ епархіальномъ, а духовно-учебномъ управленіи, а потому и рѣчь объ нихъ будетъ въ своемъ мѣстѣ). Далѣе сотрудниками бы-

(1) Архіепископъ Аѳанасій прожилъ годъ, при преосв. Антоніи, и они сошлись весьма близко-братственно.

(2) Некрологъ, стран. 16.

(3) Некрологъ, стран. 26.

ли—весь составъ присутствія Консисторіи со включеніемъ Секретаря и всѣхъ Благочинные — и вообще священники.—Объ отношеніяхъ преосв. Антонія ко всѣмъ этимъ лицамъ вполнѣ справедливо должно сказать словами же акаѳиста Святителю Гурію, что онъ былъ „*мудрымъ руководителемъ своихъ сотрудниковъ*“, и эта мудрость была именно та, которую самъ преосв. Антоній опредѣлилъ и охарактеризовалъ въ тѣхъ словахъ, которыя сказалъ въ отвѣтъ на рѣчь, сказанную ему бывшимъ Ректоромъ Смоленской Семинаріи при прощаніи: „Что касается до моихъ отношеній ко всѣмъ подчиненнымъ-сотрудникамъ, то мое правило и характеръ начальствовать и управлять такъ, чтобы, на сколько и гдѣ только возможно, не давать и чувствовать своего начальствованія, чтобы начальства какъ бы не было,—и чтобы я могъ, такимъ образомъ, безъ опасенія довѣрять всѣмъ и предоставлять самостоятельную дѣятельность въ предѣлахъ правъ и обязанностей, сколько и въ потребной мѣрѣ усердія и благоразумія, оставляя за собою только бдительный безпристрастный надзоръ и оцѣнку служебной дѣятельности и, въ случаяхъ нужныхъ, руководство“ (1).

„Въ этомъ-то именно главномъ принципѣ,—какъ сказано и въ некрологѣ о управленіи въ Казанской епархіи (2),—всей административной дѣятельности преосв. Антонія, которому онъ неуклонно и явственно для всѣхъ слѣдовалъ, и заключается тайна той плѣнительной манеры обхожденія съ подчиненными, какою обладалъ, по чувству любвеобилія, и отличался высокопр. Антоній; отъ чего съ перваго же времени, по прибытіи его на Казанскую паству, повѣяло новымъ освѣжающимъ духомъ, вызывающимъ и располагающимъ всякаго къ открытой мысли, къ слову и дѣйствию по всѣмъ, относящимся къ каждому, вопросамъ и нуждамъ, такъ какъ и самъ онъ поставилъ первую себѣ задачею и заботою ознакомиться съ этими нуждами, чтобы приять соотвѣт-

(1) Брошюра: Прощаніе преосв. Антонія съ Смоленскою паствою, стран. 32.

(2) Некрологъ, стр. 16—17.

ствующія мѣры къ ихъ удовлетворенію при общемъ сочувствіи и содѣйствіи всѣхъ своихъ сотрудниковъ“.

Начнемъ рѣчь съ Преосвященныхъ Викаріевъ, которыхъ при немъ перемѣнилось *четыре*.

Прежде всего должно сказать, что преосв. Антоній имѣлъ мнѣніе о викаріатствахъ не въ пользу этого учрежденія,—что и высказывалъ онъ открыто, особливо въ ту пору, когда викаріатства стали учреждаться въ большемъ числѣ епархій и притомъ такъ, что учрежденіе ихъ происходило собственно по личному усмотрѣнію епархіальныхъ Архіереевъ съ обязательствомъ, при этомъ, имѣть всѣ средства къ содержанію Викарныхъ Преосвященныхъ изъ источниковъ епархіальныхъ,—собственно монастырскихъ.—„Дѣло видимое, говорилъ онъ, что само Правительство не признавало существенной надобности въ этомъ учрежденіи, когда напередъ навсегда отказалось давать казенныя средства. Съ другой стороны понятно, что въ иной епархіи, дѣйствительно, нужно бы быть Викарію, или по многочисленности церквей (около тысячи и болѣе), или по разнымъ мѣстнымъ потребностямъ (гдѣ напр. есть во множествѣ раскольники, или инородцы), или, наконецъ, вслѣдствіе необходимости облегчить труды епархіальнаго Архіерея по его мастиности или слабости здоровья, а также когда Архіереи состоятъ Членами св. Синода, или часто вызываются для присутствія въ св. Синодѣ.—Но чтожь? Въ этихъ-то епархіяхъ, можетъ статья, и нѣтъ никакихъ мѣстныхъ средствъ... слѣдов. и дѣйствительно потребное викаріатство открыто быть не можетъ, хотя это отзывалось бы положительнымъ ущербомъ для благосостоянія епархіи. Наоборотъ же: гдѣ вовсе не нужно, но есть за то средства,—тамъ, какъ бы изъ прихоти только, или исканія празднаго спокойствія отъ дѣлъ епархіальныхъ, всякій Архіерей воленъ и можетъ представить о назначеніи ему Викарія... Это, по моему, выходитъ тоже, что иной Архіерей, по скуднымъ средствамъ архіерейскаго дома, съ трудомъ можетъ держать пару коней и приличный экипажъ,—а другой ѣзди хоть на шестернѣ и въ золоченой каретѣ съ фореиторами въ галу-

пахъ“... При этомъ преосв. Антоній, въ одиночной бесѣдѣ, или въ средѣ близкихъ, указывалъ даже поименно на епархіи и Архіереевъ, которые относились къ послѣдней категоріи; а съ тѣмъ вмѣстѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ и уваженіемъ, отзывался о тѣхъ, кои не воспользовались этою льготою, не смотря и на средства, и самую огромную численность церквей въ своихъ епархіяхъ (напр. упоминались имъ епархіи—Курская, Полтавская и др.).

При другихъ случаяхъ преосв. Антоній не скрывалъ и того, какія, по его мнѣнію, могли быть здѣсь заднія мысли и цѣли у тѣхъ, кому обязаны инициативою нововведеніе и возможное размноженіе этихъ непрощенныхъ викариатствъ. По своей неподкупной искренности и неизмѣнному правилу, —никогда не говорить обиняками, или только намеками и въ половину, преосв. Антоній высказывался, между прочимъ, такъ: „Замѣчаете ли, въ какую именно пору воспослѣдовало сказанное изволеніе на открытіе викариатствъ? Именно въ ту, когда, по новому уставу духовно-учебныхъ заведеній—Академій и Семинарій,—открытъ особенный доступъ къ ректорству и бѣлому духовенству и даже лицамъ свѣтскимъ (съ обязательствомъ вступить въ духовное званіе). При этомъ же, извѣстно изъ печати, имѣлось въ основаніи то, что бывшіе доселѣ ректорами исключительно архимандриты, будто бы, не соотвѣтствовали, во множествѣ, своимъ постамя, такъ что, если бы было возможно для водящихся этими основаніями и взглядами, то, пожалуй, не прочь были бы отъ желанія убрать всѣхъ ректоровъ-архимандритовъ въ монастыри. Но какъ это было бы ужъ чрезъ-чуръ... то вотъ теперь и найденъ путь, по которому можно съ почетомъ сводить ихъ съ колеи ректорской на постъ викариатства... А такъ какъ затѣмъ,—что всего понятнѣе,—при выборномъ началѣ, особливо въ первые годы, будутъ избираться для баллотировки, по преимуществу, не монашествующіе, да и въ Академіяхъ теперешнихъ желающихъ поступить въ монашество не будетъ (какъ это уже и оказалось, потому что даже обучающіеся въ Академіи вдовы священники отрицаются отъ монашест-

ва)⁽¹⁾, то остается только свести итогъ: сколько чрезъ 10—15 лѣтъ окажется ректоровъ и вообще ученыхъ архимандритовъ и сколько кандидатовъ не только на празднаыя викаріатства, но и на самостоятельныя епархіальныя кафедрь??. Къ утѣшенію остается только одно, что, вѣрнѣе всего, и сами, набравшіе себѣ Викаріевъ, епархіал. Архіереи въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ сознають скороспѣшность своихъ желаній, или самъ св. Синодъ признаеть потребнымъ закрывать ихъ постепенно, чему уже и есть не малые примѣры. Такъ, учрежденныя викаріатства въ Твери, Тамбовѣ, Вологдѣ, Тобольскѣ, Черниговѣ поминай какъ звали.—Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда доведутъ до крайняго уменьшенія число, желающихъ поступить въ монашество, лицъ съ академическимъ образованіемъ и доведутъ, между прочимъ, именно тѣмъ, что служебный ходъ ученыхъ монаховъ будетъ болѣе и болѣе суживаться и понижаться чрезъ невыбираніе ихъ напр. въ Ректоры и Инспекторы, тогда, вѣдь, придется развѣ только обратиться къ тѣмъ же мѣрамъ, какія введены теперъ уже по части поставленія въ приходскіе священники, вмѣсто кончившихъ семинарскій курсъ, недоучей изъ діаконовъ и даже изъ причетниковъ“... Эти разсужденія преосв. Антонія, какъ разъ, подтверждаются словами преждеупоминаемаго автора недавней статьи: „Къ біографіи Антонія Архіепископа Казанскаго“. — „Преосвященнаго Антонія живо всегда интересовали всѣ событія и явленія въ церковной жизни. Онъ напр. очень скорбѣлъ о томъ, что современное ученое монашество не пользовалось особеннымъ покровительствомъ высшей власти. „Душа моя болитъ“—такъ неоднократно выражался по этому поводу преосвящ. Антоній“⁽²⁾.

(1) Преосв. Антоній убѣдился въ этомъ собственными опытами со студентами изъ вдовыхъ священниковъ въ Казанской Академіи, изъ коихъ нѣкоторые при поступленіи, или въ теченіи курса академическаго, даже сами обѣщались принять монашество, но въ концѣ отказывались...

(2) Смотр. Церкви. Вѣстникъ 1883 г. № 48, стр. 3.

При другихъ случаяхъ, по поводу новаго устава Семинарій, въ которомъ постановлено, что Ректоръ Семинаріи не можетъ занимать никакихъ другихъ должностей—напр. Члена Консисторіи, и если онъ Архимандритъ,—Настоятеля монастыря, развѣ только, когда Семинарія находится въ самомъ монастырѣ... (тоже сказано и въ уставѣ Академій объ Ректорахъ)—преосв. Антоній высказывалъ отъ всей глубины души свои сужденія такія: „Скажите пожалуйста: монашествующихъ ученыхъ укоряють и порицають, что онѣ возвращаются внѣ всякой сферы монастырской жизни и, въ то же время, отнимають всякую послѣднюю возможность входить въ эту сферу, запрещая быть настоятелями монастырей, въ коихъ, между тѣмъ, они—Ректоры могли бы всегда, напр. въ вакаціальное время жить и въ свободное другое время побывать, помолиться, поговѣть, или хотя бы повидѣть монастырскую жизнь и службу, правила и обычай.—Такъ, вишь, нѣтъ и нѣтъ!! Между тѣмъ, сами же вѣдаютъ, что эти лица, ректоры-архимандриты, числятся прямыми кандидатами, положимъ, сперва на викаріатства, которыя, по ихнему же положенію, назначаются быть въ монастыряхъ, въ коихъ викарные Епископы должны быть нераздѣльно и настоятелями. Спрашивается: а что если этотъ Викарій-Настоятель монастыря и неочевывалъ двухъ-трехъ ночей въ монастырѣ, находясь во всю свою жизнь на учебной должности.—Каковъ онъ будетъ Настоятель?!.. Горе и бѣда тогда и самимъ монастырямъ подъ управленіемъ такихъ настоятелей.— Не это ли же самое представляется и въ томъ уставномъ положеніи, что Ректоры Семинарій и Академій не могутъ занимать должностей по званію Членовъ Консисторіи.—Достаточно представить только, что вотъ такой-то Ректоръ назначается въ Викаріи, а, можетъ быть, назначенъ и прямо въ епархіальные Архіереи,—что-жъ? Какъ онъ самъ себя долженъ чувствовать и сознавать, когда онъ, тоже во всю жизнь, не видѣлъ ни протоколовъ, ни журналовъ консисторскихъ, не имѣлъ въ рукахъ ни одного слѣдственнаго дѣла и не знакомъ съ самыми простыми формами и порядками дѣлопроизводства?! и какъ

долженъ чувствовать себя въ отношеніи къ такому новопоступившему сотруднику епархіальный Архіерей, тѣмъ болѣе ослабѣвающій въ силахъ, или даже находящійся внѣ епархіи, напр. въ Синодѣ?!.. помощи ли и споспѣшествованія ожидать отъ такого сотрудника въ управленіи епархіею главному Архіерею, или, на сколько возможно, безобидно вовсе избавлять его отъ участія въ дѣлахъ въ устраненіе излишней путаницы?! Правда, иныхъ Ректоровъ, какъ и прежде, будутъ вызывать на чреду служенія, гдѣ обыкновенно назначается имъ кресло въ какой-либо экспедиціи С.-Петербургской Консistorіи;— но, вѣдь, не бывавшій Членомъ Консistorіи (какъ это бывало прежде) вступить въ экспедицію, какъ въ темный лѣсъ... Къ тому же не рѣдки примѣры, что и не бывавшихъ на чредѣ Ректоровъ прямо назначаютъ въ Епископы (1). Нѣтъ и нѣтъ!.. кто бы какъ ни думалъ и какъ бы ни понималъ мои теперешнія слова, я твердо убѣжденъ, что учрежденія новыхъ, въ такомъ количествѣ и въ такомъ видѣ, викариатствъ не принесетъ пользы и успѣха въ благосостояніи нашей отечественной Церкви. Другое дѣло, по моему, когда бы епархіи, или особенно многочисленныя по церквямъ, или слишкомъ большія по пространству, или требующія особенныхъ трудовъ, напр. по миссіонерству, положили раздѣлять на самостоятельныя. Такъ и бывало;—напр. здѣшняя Казанская епархіа раздѣлена въ 1832 году на Казанскую и Симбирскую;—бывшая Оренбургская (по особенному громадному пространству) сначала (въ 1850 г.) раздѣлена была на Оренбургскую и Самарскую, а потомъ въ

(1) При самомъ изложеніи этихъ разсужденій преосв. Антонія, въ свое еще время вкратцѣ нами записанныхъ для памяти, мы встрѣтили какъ живое подтвержденіе истинности этихъ разсужденій въ рѣчи, сказанной Ректоромъ Таврической Семинаріи Архим. Арсеніемъ при нареченіи его (12 Мая 1882 г.) въ Викаріи С.-Петербургской митрополіи. «Въ присутствіи сего Святѣйшаго Собора, я не скрою отъ Тебя, высокопр. Владыка, что кромѣ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, до сего времени, я ни гдѣ не служилъ; потому епархіальная жизнь и служеніе мнѣ мало извѣстны и мнѣ нужны руководство и опытность въ церковномъ управленіи». (Церковный Вѣстникъ, 1882 г., 22 Мая, № 21).

1858 году на Уфимскую и Оренбургскую; Херсонская— на Херсонскую и Таврическую;—Томская въ 1861 г.— на Томскую и Енисейскую;—Варшавская—на Варшавскую и Волынскую. И я помню, какъ покойный Владыка (Филаретъ, Митр. Кіевскій), по личному представленію коего раздѣлена Казанская епархія, въ бытность его здѣшнимъ Архіепископомъ, вспоминая объ этомъ, говорилъ: „мнѣ хотѣли было дать въ Казани Викарія, но я не нашель этого полезнымъ и цѣлесообразнымъ. Имѣть Викарія, говорилъ покойный Владыка, почти тоже, въ извѣстномъ родѣ, для самостоятельнаго дѣловаго Архіерея, что если бы сидящій на козлахъ главный возница имѣлъ около себя подручное лицо (къ тому же малоопытное), которому или навсегда отдалъ бы одну возжу, положимъ лѣвую, или, хотя по временамъ, отдавалъ бы отъ усталости, или отъ лѣнности, и правую возжу... Понятно, какъ надежна была бы такая ѣзда и для хозяина-сѣдока и для самаго экипажа“. Такъ выражался высокопр. Филаретъ (Кіевскій), когда извѣстно (еще въ 1856—57 годахъ), было разсуждаемо въ св. Синодѣ по вопросу о викаріатствахъ вслѣдствіе записки, присутствовавшаго тогда въ св. Синодѣ, преосв. Иннокентія, бывшаго тогда Архіеписк. Камчатскаго (впослѣдствіи Митроп. Московскаго). Вопросъ этотъ не получилъ тогда хода и результата, какъ несоотвѣтствовавшій дѣлу и цѣли... Филаретъ, Митроп. Московскій, принялъ этотъ вопросъ особенно несочувственно ⁽¹⁾, и, помню, писалъ объ этомъ тогда же Владыкѣ Филарету Кіевскому“.

При такихъ разсужденіяхъ преосв. Антонія, однажды проведена была ему такая мысль: „если бы допустить нынѣшнее размноженіе викаріатствъ, то нельзя ли бы совмѣстить въ лицѣ cadaго Викарія званіе и должность Ректора Семинаріи, подобно тому, какъ это было и бываетъ и теперь по отношенію къ Академіямъ“... А

(1) Это было, дѣйствительно, такъ. По этому вопросу, по разсмотрѣніи самой записки преосв. Иннокентія, высокопр. Филаретъ Москов. писалъ отдѣльное пространное письмо, которое было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., кн. 2, и затѣмъ перепечатано въ Душополезн. Чтенія за Іюнь 1882 г.

чтожь...—перебилъ онъ сразу эти слова. Да ты, можетъ быть, и не вычиталъ ли гдѣ нибудь подобной мысли, или же просто говоришь отъ себя!! И затѣмъ, самъ тутъ же сталъ развивать эту мысль съ совершенною сочувственностію и проэктировать рѣшеніе этого вопроса самымъ отчетливымъ образомъ, начиная съ самаго благотворнаго значенія этого введенія для Семинарій и оканчивая тѣмъ, что сами-де Викаріи чувствовали и сознавали бы себя дѣйствительно состоящими у дѣлъ... и не пробавляющимися въ самомъ своемъ содержаніи какими-либо кошелеквыми сборами отъ бѣдныхъ монастырей епархіи.—Тогда бы, по моему, можно допустить и выборы Проректоровъ Семинарій изъ среды своей корпорации, только не на пожизненный срокъ, а по крайней мѣрѣ на четырехлѣтіе, подобно, какъ избираются теперь Инспекторы въ Академіяхъ.—Да, сказалъ преосв. Антоній, я готовъ бы первый встать на сторонѣ подобнаго порядка. Иначе же, замѣтилъ онъ опять, можно ручаться, чѣмъ угодно, что введеніе нынѣшнихъ викаріатетвъ обязано своею инициативою какимъ нибудь прожектерамъ,—*„печальникамъ“* о благѣ будто церковнаго управленія, и ими же самими воспісуется себѣ особая честь, „что вотъ-де это дѣло какъ сразу и усіянно привилось!!“. А когда окажется послѣдствіе ни туда, ни сюда,—тогда они же сами первые пропечатаютъ, „что вотъ-де не съумѣли сами же наши Архипастыри воспользоваться и этимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ!!“. И это будетъ *„по дѣломъ“* для тѣхъ, кто не можетъ закрыть своего слуха отъ подобныхъ вѣщаній въ лицо имъ!.. (1).

(1) Правда, подобныя сужденія преосв. Антонія бывали иногда рѣзки, и въ самыхъ выраженіяхъ онъ, какъ говорится, не церемонился;—но таковъ уже былъ его прямой и откровенный характеръ, или, вѣрнѣе всего, духъ его ревности о правотѣ и пользѣ. Всего чаще можно было замѣтить это въ немъ, когда онъ говорилъ о готовящихся какихъ-либо реформахъ, въ которыхъ предвидѣлась, по его обыкновенному выраженію, болѣе или менѣе *капитальная ломка* старыхъ порядковъ, и когда, при этомъ, *наповаль* охудались послѣдніе... и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ *онъ*, какъ увидимъ, и писалъ иногда въ такомъ же духѣ и тонѣ, какъ конфиденціально, такъ и формально, что отзывалось для него иногда

При подобныхъ понятіяхъ своихъ объ учрежденіи викаріатствъ какъ же, спрашивается, смотрѣлъ преосв. Антоній на свое викаріатство Казанское?!

Въ отвѣтъ на это имѣются данныя, столь же вѣрныя, какъ и приведенныя, т. е. взятая изъ его же собственныхъ устъ. Одновременно съ разсужденіями вообще о викаріатствахъ и по другимъ случаямъ, преосв. Антоній съ полнѣйшею безпристрастною откровенностію говаривалъ и о викаріатствѣ здѣшнемъ Казанскомъ, и прежде всего по отношенію къ себѣ самому. „Если бы, говорилъ онъ, былъ проэктъ у Правительства наоборотъ, объ упраздненіи лишнихъ викаріатствъ, — то я бы, пожалуй, первый отозвался въ пользу этого проэкта. Въ Смоленской епархіи было церковей почти на одну треть болѣе, чѣмъ въ здѣшней. — и то, слава Богу, я ни на юту не затруднялся. — Да и самое происхожденіе здѣшняго викаріатства давно ли; къ тому же кому изъ здѣшнихъ не извѣстно, что оно обязано временнымъ обстоятельствамъ и условіямъ. именно тѣмъ, что бывший здѣсь Архіепископъ преосв. Григорій, какъ состоявшій Членомъ св. Синода, былъ часто вызываемъ въ Петербургъ и потому, на время своего отсутствія, могъ имѣть нужду въ Викаріи. А впрочемъ, будь тотъ же самый преосв. Григорій теперь Казанскимъ архіереемъ, то, при ны-

весьма неблагоприятными послѣдствіями. За-то, съ другой стороны, надобно было видѣть всю его сочувственность до степени восторженности, когда онъ или прочитывалъ въ печати, или получалъ въ частныхъ письмахъ свѣдѣнія о какихъ либо распоряженіяхъ или предположеніяхъ, относившихся къ прямой цѣли и вѣрной пользѣ. Эта черта въ преосв. Антоніи была одна изъ рѣдкихъ, которую не трудно было подмѣтить и оцѣнить всякому при первомъ же свиданіи и разговорѣ о подобныхъ предметахъ. — Указанный прежде воспоминатель вполне вѣрно выразился, между прочимъ, о преосвящ. Антоніи: «какъ онъ сочувственно искренне относился ко всякому добродушному предриятію другихъ! Какъ онъ истинно радовался всякой истинѣ въ дѣятельности другихъ и безусловно вѣрилъ чужой добротѣ!.. Какъ особенно чуждъ былъ онъ зависти, когда видѣлъ таланты другихъ, усердіе и успѣхи чьи либо по службѣ и во всякомъ родѣ дѣятельности, лишь бы все это было истинно и къ благу общему». (Воспоминатель этотъ о. Прот. г. Перми Е. А. Поповъ. — См. Душеполезное Чтеніе, 1880 г. стран. 488).

пѣшнихъ путяхъ и средствахъ сообщенія, — при усовершенствованномъ пароходствѣ, при желѣзной дорогѣ отъ самаго Нижняго до Петербурга и, наконецъ, при телеграфахъ на всѣмъ протяженіи, — едва ли бы и онъ сознавалъ нужду, да и Правительство тоже, — по крайней мѣрѣ, едва ли дало бы штатное казенное жалованье здѣшнему Викарію. при всей даже ограниченности послѣдняго (въ 800 р.). Правда, по мѣрѣ развитія дѣятельности здѣшняго Братства Святителя Гурія и въ видахъ вообще развитія миссіонерства, Викарій можетъ имѣть здѣсь, какъ бы специальное, назначеніе и дѣло; но бывали примѣры, что предсѣдательство Братства было въ рукахъ и свѣтскихъ лицъ ⁽¹⁾, и дѣло шло, — достойно и праведно сказать, — сравнительно оживленнѣе и благоуспѣшнѣе, въ *особенности* по части устройства школъ и самаго сбора денежныхъ средствъ. Съ другой стороны, если не самое учрежденіе викаріатства, за то личныя достоинства здѣшнихъ преосв. Викаріевъ, изъ коихъ теперь при мнѣ уже третій ⁽²⁾, и наши взаимныя отношенія таковы, что дай Богъ, чтобы и впредь было всегда такъ, для блага и успѣха въ дѣлѣ епархіальнаго управленія. По этимъ достоинствамъ и отношеніямъ я могу даже похвалиться, что я истинный счастливецъ. Первый напр. преосв. Викарій Гурій былъ изъ умудренныхъ опытностію даже на дипломатическомъ поприщѣ, равно какъ и на миссіонерскомъ въ бытность его начальникомъ Пекинской миссіи; съ нимъ, хотя и въ одинъ только годъ, я сблизился душевно. О второмъ, преосв. Викторинѣ, кажется, излишне всякое свидѣтельство, такъ какъ оно слишкомъ вѣдомо и понятно было всѣмъ, кто въ теченіи шестилѣтняго его викаріатства зналъ его и видѣлъ наши между собою отношенія, равно какъ его практичность и дѣятельность. О третьемъ Викаріи, преосв. Иоаннѣ, довольно сказать только то, что онъ и прежде семь лѣтъ

(1) Въ теченіи двухъ годовъ былъ Предсѣдателемъ Братства г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа тайный совѣтникъ П. Д. Шестаковъ.

(2) Разсказъ относится къ 1876 г.

служилъ при мнѣ въ Смоленскѣ каедр. Протоіереемъ и Членомъ Консисторіи“ (1). Каковы же были чувства и отношенія къ преосв. Антонію этихъ преосв. Викаріевъ, это засвидѣтельствовано было ими торжественно при отъѣздахъ ихъ изъ Казани. „По Архіерейскому сану, говорилъ напр. преосв. Викторинъ, обращаясь къ преосв. Антонію,—мы братья, но въ административномъ отношеніи и значеніи между нами извѣстная разность. Но Вы не давали чувствовать сей послѣдней. Вы и здѣсь являлись ко мнѣ, какъ любящій братъ къ брату... и эти-то отношенія Ваши и побуждали меня къ постоянной желательной моей готовности быть не по имени только Вашимъ помощникомъ, но и исполнять въ точности все Ваши порученія, и не только исполнять, а и предупреждать, гдѣ можно и умѣстно, Ваши благія желанія на общую пользу паствы“ (2). Такъ же точно преосв. Іоаннъ, при прощаніи, на домашнемъ обѣдѣ у преосв. Антонія, взволнованнымъ голосомъ и сквозь слезы выразилъ ему свою безграничную благодарность и признательность, какъ благостнѣйшему Архипастырю, отъ котораго онъ не только здѣсь въ Казани, но еще и прежде въ Смоленскѣ, всегда видѣлъ сколько мудрое руководство, какъ отца благодѣтеля, столько же и всеобъемлющую, ко всему нисходящую, *любовь нѣжной матери*“ (3).

Что эти чувствованія и свидѣтельство ихъ были не временными только и предъ очами самого преосв. Антонія, мы приведемъ здѣсь дословное содержаніе письма (4), написаннаго мнѣ преосв. Викториномъ по кончинѣ преосв. Антонія, когда онъ узналъ, между прочимъ, что мною начато составленіе біографіи его. „Помоги Вамъ Богъ въ Вашемъ трудѣ составленія біографіи приснопамятна-

(1) Послѣдніе годы былъ Викарій преосв. Павелъ (нынѣшній Епископъ Саратовскій), который былъ воспитанникомъ преосв. Антонія въ Ректорство его въ Академи и въ монашество постриженъ имъ же.

(2) Извѣстія по Казанской епархіи 1875 г., стр. 106—107.

(3) Извѣстія по Казанской епархіи 1878 г., стр. 222.

(4) Письмо было отъ 27 Апрѣля 1880 г.

го Владыки высокопр. Антонія! Когда придется Вамъ говорить о моемъ шестилѣтнемъ при немъ служеніи, то напишите, что я былъ всегда съ неизмѣнною къ нему сыновнею преданностію, глубочайшимъ почитаніемъ и всегдашнею готовностію и предупредительностію въ исполненіи всего, что ко мнѣ относилось, и—онъ ко мнѣ съ полною братскою любовію и отеческимъ благоснисхожденіемъ, такъ что между насъ не пробѣгало и тѣни какого либо охлажденія и т. п. Вы сами лично знаете, какъ въ зимнія вечера мы ѣздили иногда въ добрыя благочестивыя семейства, а больше всего проводили у него въ собесѣдованіяхъ, по преимуществу, о дѣлахъ епархіальныхъ, въ частности же, по Братству, завѣдываніе дѣлами котораго имъ было предоставлено мнѣ почти всецѣло,—и вообще о дѣлахъ церковнаго управленія,—при чемъ повѣряли другъ другу все и даже переписку съ разными лицами высокопоставленными... Вамъ извѣстно, какъ почившій Владыка особенно интересовался подобными свѣдѣніями и какъ цѣнилъ всякую добрую мысль и утѣшался, когда узнавалъ о какихъ либо благихъ начинаніяхъ и съ какою сочувственностію отзывался на все подобное, равно и самъ писалъ другимъ свое многое. Лѣтомъ же, помните, какъ часто я и Вы бывали у Владыки въ загородномъ домѣ и, тамъ среди подобныхъ же собесѣдованій, мы втроемъ дѣлали прогулки по лугамъ, по нивамъ, по лѣсамъ—*по дебрямъ* (какъ любилъ онъ выражаться),—однимъ словомъ:—тогда какъ, при появившихся во многихъ епархіяхъ Викаріяхъ, въ иныхъ между ними и главными Іерархами отношенія не вдругъ устанавлились правильныя,—въ Казани же были онѣ, можно сказать, достоподрожательными“...

„Добрыя отношенія сіи между нами не прекращались и по переселеніи моемъ въ Витебскъ; переписка между нами продолжалась постоянно самая искренняя, можно сказать, братская. Касательно управленія, кромѣ опредѣленно однажды назначеннаго мнѣ рода занятій, Владыка поручалъ мнѣ давать мнѣнія и о дѣлахъ изъ круга собственнаго его вѣдѣнія и ни разу не случалось, чтобы онъ не согласился съ даваемыми мною заключені-

ями. Для примѣра возьмите хоть въ Консисто́рии два протокола 1873 года,—одинъ о діаконѣ Филоновѣ, котораго хотѣли было стереть съ лица земли... а другой о Шихабановомъ (Благочинномъ), у котораго сдѣлалось семейное несчастье съ дочкой... Они покажутъ Вамъ, какъ я рѣшалъ дѣла и какъ Владыка смотрѣлъ на мои рѣшенія... Можно сказать также и о томъ, что Владыка, по отношенію къ моей службѣ, для улучшенія моего, незавиднаго въ матеріальномъ отношеніи, положенія, предоставилъ мнѣ въ завѣдываніе сначала *Ивановскую Лавру* ⁽¹⁾, а потомъ, по уступкѣ ея мною Вамъ, Кизическій монастырь, который доставлялъ мнѣ прибавки на содержаніе до 500 руб. въ годъ, и этого я никогда не забуду. Высокопр. Митрополитъ Исидоръ, отпуская меня въ Казань, говорилъ мнѣ, что тамъ содержаніе бѣдное и, если окажется нужнымъ, я могу просить увеличить его. Но мы обошлись и безъ казенной прибавки мѣстными средствами и безъ разстройства монастырей сихъ. Впрочемъ, Вы сами видѣли наши отношенія со Владыкой, и можете свидѣтельствовать объ нихъ, какъ очевидецъ“.

„Р. С. Высокопреосвященнѣйшій иногда допускалъ меня быть участникомъ трудовъ своихъ письменныхъ. Такъ, послѣ нашего разсужденія о томъ великомъ значеніи, какое имѣеть въ нашей нравственной жизни исповѣдь, особенно исповѣдь дѣтей, онъ самъ написалъ о семъ предложеніе духовнымъ пастырямъ, въ которомъ разъяснилъ имъ этотъ предметъ, а мнѣ поручилъ составить исповѣдательные вопросы, такъ какъ я самъ бывалъ духовникомъ, и дѣло это, говорилъ Владыка, знакомѣе мнѣ, чѣмъ ему ⁽²⁾. Предложенія эти и вопросы мои были напечатаны и въ Епарх. Извѣстіяхъ, и по-

(1) Подъ *Ивановскою Лаврою* разумѣется Казанскій заштатный 3 кл. Иоанно-Предтечскій монастырь, возвеличенный въ сказанное званіе по случаю пребыванія въ немъ высокопр. Макарія въ 1874 году, который и самъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ, отъ 26 Декабря 1874 г., употребилъ это наименованіе *Лавры*.

(2) Преосв. Викторинъ (нынѣшній Епископъ Каменецъ-Подольскій), по окончаніи семинарскаго курса былъ священникомъ; затѣмъ

томъ перепечатаны и превознесены въ Христіанскомъ Чтеніи, кажется въ 72 или 73 годахъ.—Дѣйствія наши такъ были солидарны, что ихъ иногда смѣшивали, приписывая мои ему, а его мнѣ. Такъ, послѣ смерти уже его, во многихъ газетахъ перепечатывался анекдотъ объ одномъ дьячкѣ, будто бы заплатившемъ въ Консistorіи деньги, данныя ему самимъ Владыкою Антоніемъ и пр. Фактъ этотъ въ газетахъ извращенъ къ униженію Консistorіи и Секретаря ея. Это было не такъ, какъ напечатано въ газетахъ, а вотъ какъ: Умеръ въ г. Свѣяжскѣ, при одной изъ приходскихъ церквей, дьячекъ, оставившій послѣ себя сиротъ до 8-ми душъ, изъ коихъ одинъ былъ послушникомъ въ Свѣяжскомъ монастырѣ. Чтобы обезпечить семейство въ содержаніи, я этого послушника опредѣлилъ на мѣсто отца съ тѣмъ, чтобы онъ чрезъ годъ просилъ себѣ стихаря. Прошолъ годъ, паренъ вздумалъ жениться безъ стихаря. Онъ попросилъ писца Консistorіи Воскресенскаго написать ему прошеніе о посвященіи въ стихарь. Воскресенскій увѣрилъ его, что прошеніе написано такъ, что Архіерей никакъ не откажетъ, и взялъ съ него за это 3 руб. Но удостоить просителя стихаря оказалось не возможно, какъ еще невыучившаго ни катихизиса, ни священной исторіи; и на прошеніе его о стихарѣ послѣдовалъ отказъ. Тутъ бѣдный дьячекъ расплакался, и говорилъ, что его увѣрялъ Воскресенскій, что Архіерей никакъ не откажетъ, и взялъ съ него за это три руб. Я сказалъ объ этомъ г. Секретарю; Секретарь прислалъ ко мнѣ Воскресенскаго; а я, въ наказаніе за вымогательство, послалъ его отнести въ Свѣяжскъ и отдать лично эти деньги и принести въ полученіи оныхъ мнѣ росписку. Тѣмъ дѣло это и кончилось. Николай Васильевичъ (Секретарь), вѣроятно, хорошо помнитъ это, и тутъ никакого нареканія нѣтъ на Консistorію, а писецъ ея только взялъ много съ бѣднаго дьячка за написаніе просьбы, за то и получилъ чувствительное воздаяніе. А газеты дѣло одно-

уже, послѣ вдовства, поступилъ въ Петерб. Академію (въ 1849 г.), гдѣ принялъ и монашество.

го Архіерея приписали другому и передали въ извращенномъ видѣ“.

„А вотъ сейчасъ прочиталъ я въ Правительственномъ Вѣстникѣ, что Оберъ-Прокуроромъ св. Синода Высочайше опредѣленъ Его Высокопревосходительство Константинъ Петровичъ г. Побѣдоносцевъ. — Да! — вѣрно духъ въ Бозѣ почившаго преосв. Антонія тамъ, на небѣ, ходатайствовалъ о семь... Дай Богъ обновленія въ управленіи кормиломъ дѣлъ церковныхъ къ возвышенію Православія“ (1).

Въ этихъ послѣднихъ словахъ письма разумѣются тѣ личныя самыя искреннія отношенія, кои установились, еще со временъ Смоленскихъ, между преосв. Антоніемъ и К. П. Побѣдоносцевымъ и вслѣдствіе коихъ между ними была весьма частая переписка. И преосв. Антоній, дѣйствительно, высказывалъ многократно свое пламенное желаніе и упованіе: „вотъ когда бы Господь даровалъ въ Оберъ-Прокуроры св. Синода К. П. П., этого воистину *израильтянина* (новозавѣтнаго) *въ немъ же лъсти нѣсть* (Іоан. 1, 47). Этихъ отношеній и переписки между преосв. Антоніемъ и К. П. П. мы не разъ коснемся, смотря по предметамъ дальнѣйшаго изложенія, въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь же, для окончательной характеристики отношеній преосв. Антонія къ мѣстнымъ своимъ Викаріямъ, укажемъ еще на одну, въ своемъ родѣ, рѣдкостную и любопытную черту. Преосв. Антоній на столько былъ проникнутъ духомъ и чувствомъ братскаго единенія съ преосв. Викаріями (или, говоря по просту, былъ на столько деликатнымъ), что, при совмѣстномъ служеніи Литургіи, въ ту пору, когда нужно возсѣдать (во время чтенія Апостола) ему самому на главномъ горнемъ мѣстѣ (устроенномъ на извѣстной возвышенности), а Викарію особо, на мѣстѣ безъ возвышенія, — никогда этого не дѣлалъ, а приказывалъ всегда ставить кресла съ подуш-

(1) Письмо это было написано 27 Апрѣля 1880 г., а новый г. Оберъ-Прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ опредѣленъ былъ 23-го Апрѣля.

ками два рядомъ, для себя съ правой стороны, а для Викарія съ лѣвой,—такъ что горнее мѣсто оставалось празднымъ. Этому дивились сначала видѣвшіе служеніе прежнихъ Архіепископовъ совмѣстно съ Викаріями,—и думали было объяснить незнаніемъ порядка преосв. Антоніемъ..., или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ былъ въ первые мѣсяцы не въ санѣ еще Архіепископа. Но оказалось иначе;—преосв. Антоній дѣлалъ это именно по чувству братскаго единенія и находя, какъ бы, неловкимъ сидѣніе преосв. Викарія внизу у подножія горняго мѣста... Такъ же точно при возглашеніи многоглѣтія на молебнахъ, при сослуженіи Викарія, было произносимо имя Викарія непосредственно рядомъ съ его именемъ и, затѣмъ, въ концѣ присовокуплялось: „съ Богохранимою *ихъ* паствою“. То и другое сразу обратило вниманіе, бывшаго здѣсь и присутствовавшаго въ Соборѣ при Литургіи и молебнѣ, высокопр. Макарія (1), который и высказалъ братски преосв. Антонію свое мнѣніе, какъ указаніе; но преосв. Антоній не пожелалъ измѣнить заведеннаго прежде порядка, особливо, чтобы не сдѣлать слишкомъ явную передвижку въ мѣстахъ сидѣнія,—хотя бы даже съ поступленіемъ новаго Викарія.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ, по порядку ближайшимъ, сотрудникамъ собственно по дѣламъ епархіальнымъ, Членамъ Консисторіи,—въ отношеніи которыхъ уже сказано было о произведенной замѣнѣ прежнихъ новыми,—нужно сказать прежде всего, въ какомъ положеніи засталъ преосв. Антоній дѣлопроизводство въ Казанской Консисторіи. Еще въ Смоленскѣ мнѣ приводилось читать въ его письмѣ, что „дѣлъ нерѣшенныхъ оказалось около 900, а не мало оказалось и такихъ, кои еще не получали никакого движенія.—Послѣднее объясняли ему тѣмъ, что когда предмѣстникъ его, преосв. Афанасій, получилъ отставку и долженъ былъ собираться къ перемѣщенію въ назначенный ему для жительства подгородный Кизиче-

(1) Высокопр. Макарій (бывшій Митр. Московскій) былъ въ Казани (съ 1-го по 10-е Октября 1874 г.) для ревизіи дух. Академіи; въ Соборѣ онъ былъ на Литургіи и молебнѣ 4-го Октября, въ день памяти Святителя Гурія, перваго Архiep. Казанскаго.

скій монастырь, то Секретарю Консistoriи и домашнему письмоводителю привелось сутокъ двое-трое разбираться въ его кабинетѣ, покрытыя слоями пыли, кучи бумагъ и въ томъ числѣ весьма не мало нераспечатанныхъ конвертовъ, въ коихъ оказывались даже указы Синодскіе и отношенія высшаго управленія.—Это говорилъ онъ и лично, но съ присовокупленіемъ, что „очевидно, и самое присутствіе Консistoriи не чуждо было того, чтобы слагать вину всю на своего Архипастыря и изъ этого дѣлать себѣ мягкое возглавіе и образовать привычку для своей *нестыжності* въ рѣшеніяхъ дѣл“. И замѣчательно, что избравъ послѣднихъ въ самое же первое время, преосв. Антоній не замѣнялъ впослѣдствіи, въ теченіи тринадцати лѣтъ, ни одного изъ нихъ. Значитъ выборъ былъ вѣрный и надежный! Каедральный о. Протоіерей, сравнительно, сугубо оправдалъ свое служебное званіе тѣмъ, что, не смотря на свои годы старческіе, до послѣднихъ поръ былъ, какъ сказано прежде, постояннымъ спутникомъ преосв. Антонію при обозрѣніи епархіи, и состоялъ Членомъ-учредителемъ Братства и Членомъ отъ духовенства въ Управленіи Семинаріи, а, затѣмъ, двое и изъ другихъ занимали эту послѣднюю должность. Одна такая долговременность служенія этихъ *неперемѣнныхъ* Членовъ, сама собою, даетъ уже разумѣть, что все, исходившее изъ требованій и указаній преосв. Антонія, выполнялось точно и оправдывалось желаемыми результатами. Вслѣдствіе этого и личныя отношенія преосв. Антонія къ такимъ сотрудникамъ выражались во всегдашнемъ вниманіи и расположеніи къ нимъ и въ достойной оцѣнкѣ ихъ личныхъ достоинствъ, трудовъ и заслугъ. Всѣ эти Члены и Секретарь, дѣйствительно, были, можно сказать, ущедрены наградами, равно какъ они и сами сознавали характеръ и значеніе всѣхъ дѣйствій и распоряженій преосв. Антонія и лично къ нимъ относившихся, и вообще къ строю и направленію въ ходѣ епархіальнаго управленія, видя въ лицѣ его самого первый живой примѣръ административной опытности, неустанной дѣятельности, строгой во всемъ внимательности, нелицепріятной правды и въ то же время примѣрнѣйшей благостности. Вполнѣ вѣр-

но изображена въ этомъ отношеніи характеристика одного изъ Членовъ Консисторіи, избраннаго въ первый же годъ преосв. Антоіемъ и состоявшаго въ этой службѣ до самой кончины своей въ 1882 г.—Прот. Гавр. Ѳеод. Мелановскаго въ надгробной рѣчи, сказанной Профессоромъ Богословія въ Университетѣ Прот. Мих. Мих. Зефировымъ. „Почившій пастырь былъ и церковно-общественнымъ дѣятелемъ, въ званіи Благочиннаго, Членъ Консисторіи и по другимъ нѣкоторымъ должностямъ.—И онъ всегда не любилъ и не умѣлъ дѣлать свое дѣло кое-какъ, лишь бы свалить его съ рукъ, но всегда основательно, добросовѣстно, своевременно. Ему и на умъ не могло приходиться, чтобы покривить... и злоупотребить тою долею правъ и власти, какая была ему предоставлена. Зато и пользовался онъ по достоинству уваженіемъ всѣхъ; его любилъ, имъ дорожилъ, его отличалъ и возвышалъ приспомятныи нашъ Архипастырь Антоій“ (1).

„Съ такою же точно начальническою внимательностію, сказано въ некрологѣ, относился преосв. Антоій и къ второстепеннымъ дѣятелямъ-труженикамъ, штатнымъ чиновникамъ и ко всей меньшей—канцелярской братіи, труждающимся въ Консисторіи. Тогда какъ современная либеральная печать только считаетъ какъ бы задачею, кстати и не кстати, глумиться надъ указываемыми служащими, Владыка взглянулъ на ихъ, въ большинствѣ достойное сожалѣнія, положеніе съ истинно-отеческой точки зрѣнія. Онъ сознавалъ, что такъ какъ этотъ служащій людъ весьма нуженъ для успѣшнаго веденія дѣлъ съ формально исполнительной стороны, то, само собою, и положеніе его матеріальное должно быть, по возможности, улучшено. Для этого преосв. Антоій воспользовался, бывшими еще въ 1815 г. въ распоряженіи епархіальнаго Начальства, остаточными экономическими средствами въ количествѣ семнадцати тысячъ рублей и исходатайствовалъ у св. Синода разрѣшеніе на устройство новаго каменнаго дома для помѣщенія въ немъ всѣхъ чиновниковъ и канцеляристовъ, служащихъ въ Консисторіи.

(1) Извѣстія по Казан. епархіи, 1883 г., № 1, стр. 25—26.

И вотъ теперъ, благодаря собственно личной отеческой попечительности Владыки объ участи этихъ меньшихъ братій, они имѣють готовыя казенныя квартиры, представляющія особенныя удобства уже тѣмъ, что находятся близъ самаго корпуса Консисторіи, на одномъ даже дворѣ“ (1).

Понимая и цѣня такъ достоинства и заслуги мѣстныхъ Членовъ Консисторіи и обобщая въ этомъ же смыслѣ консисторскія корпораціи во всѣхъ епархіяхъ, преосвящ. Антоній съ особенною скорбію встрѣтилъ то распоряженіе, коимъ предписано, чтобы Членовъ Консисторій не избирать впредь ни въ члены Правленій семинарскихъ и училищныхъ, ни въ депутаты на сѣздахъ епархіально-училищныхъ, ни въ благочинные... „Вотъ до какой репутаціи, говорилъ преосв. Антоній, дослужились о.о. Члены Консисторій!“ А, между тѣмъ, не довольно ли взглянуть только здраво и прямо на нововышедшее распоряженіе, чтобы сразу же увидѣть многія несообразности и явныя затрудненія. Вотъ какой нибудь губернский городъ съ небольшимъ числомъ церквей и, слѣдовательно, наличныхъ священниковъ и протоіеревъ. Само собою, изъ числа ихъ избираются лучшіе достойнѣйшіе, начиная со степени самаго образованія. Этихъ лицъ нужно четыре собственно для Консисторіи. Спрашивается: кого же теперъ избирать въ Члены Правленія Семинаріи и училища и, тѣмъ болѣе, въ первое? Очевидно, изъ остальныхъ, такъ какъ ихъ требуется пять лицъ... Въ числѣ же послѣднихъ, естественно, окажутся такіе, кои, дѣйствительно, не проявятъ силы вліянія, но,—не въ обиду будь сказано,—едва ли проявятъ и интеллигенцію... въ педагогическомъ или распорядительномъ управленіи заведеніемъ... (1).

(1) Некрологъ, стран. 26.

(1) По написаніи уже этихъ словъ, мы встрѣтили печатное извѣщеніе за текущее время (8-го Іюня 1882 г. № 76. Ц. О. В.) такого рода: «Въ Владим. епархіи на училищныхъ сѣздахъ избирали въ Члены училищныхъ Правленій лицъ, кончившихъ курсъ еще въ 40-хъ годахъ и, при томъ, во 2-мъ разрядѣ. Между тѣмъ, если когда, то теперъ въ самыхъ училищахъ состоятъ наставника-

Напротивъ, Члены Консисторіи, когда они были, по прежнему, членами семинарско-училищныхъ Правленій, по своему служебному положенію, могли не рѣдко лично и прямо содѣйствовать самымъ Правленіямъ по тѣмъ или инымъ дѣламъ и случаямъ, по коимъ нужно бываетъ споситъя Правленіямъ съ самою же Консисторіею... да и вообще самый ихъ авторитетъ служебный въ епархіи имѣлъ очевидный благотворный вѣсъ и въ средѣ семинарско-училищныхъ корпорацій. О неизбраніи Членовъ Консисторіи въ благочинные, преосв. Антоній высказывался въ этомъ же родѣ. „Что за бѣда, если напр. Членъ Консисторіи есть и мѣстный Благочинный (т. е. надъ городскими церквами только). Положимъ по дѣламъ его благочинія, по его же собственнымъ репортамъ идутъ разсужденія въ Консисторіи; да не то ли же бываетъ въ св. Синодѣ, гдѣ присутствующими состоятъ епархіальные Архіереи, и по дѣламъ ихъ епархій и даже ихъ личнымъ представленіямъ происходятъ разсужденія въ Синодѣ;—или въ Государственномъ Совѣтѣ, въ коемъ состоятъ Членами Министры, развѣ не по ихъ же дѣламъ происходятъ обсужденія?“

„Вслѣдъ за обновленіемъ состава Консисторіи, говорится въ некрологѣ ⁽¹⁾, преосв. Антоній не укоснилъ обновить и институтъ благочиннической. Онъ ввелъ совершенно новый порядокъ избранія и опредѣленія лицъ на должности благочинныхъ, именно установилъ правило для выбора благочинныхъ самимъ духовенствомъ. Этотъ порядокъ, дѣйствительно, былъ совершенно новый по отношенію собственно къ здѣшней епархіи; но онъ былъ уже не новый для нѣкоторыхъ другихъ епархій и для самого преосв. Антонія. Говорить объ этомъ, впро-

ми кончившіе курсъ въ академіяхъ; что же выйдетъ изъ тѣхъ членовъ, которые имѣютъ право, по уставу, посѣщать классы, слушать преподаваніе, присутствовать на испытаніяхъ и ставить баллы?!... Впрочемъ, говорится въ этой печатной замѣткѣ, нѣкоторые съѣзды духовенства имѣютъ какое-то особенное стремленіе къ подобнымъ выборамъ, чтобы ярче представить свои права на выборъ... «Не ясное ли здѣсь оправданіе словъ преосв. Антонія?!..

(1) Некрологъ, стр. 23.

чемъ, излишне послѣ всего сказаннаго въ подробности и pro и contra въ прежнемъ изложеніи о его Смоленскомъ служеніи. Преосв. Антоній этимъ нововведеніемъ въ здѣшней епархіи доказаль, очевидно, твердость прежнихъ своихъ личныхъ убѣжденій, не смотря на извѣстныя возраженія высокопр. Филарета Московскаго, котораго, какъ онъ говорилъ самъ, высказываль ему и здѣсь преосв. Аванасій—его предмѣстникъ, титуловавшій его, между прочимъ, прогрессистомъ и либераломъ именно за это нововведеніе. Для устройства порядка въ выборахъ благочинныхъ преосв. Антоній воспользовался, почти цѣликомъ, своими же прежними Смоленскими правилами.

„Со введеніемъ выборнаго начала въ благочиннической институтъ (говорится въ томъ же некрологѣ ⁽¹⁾). Владыка, естественно, долженъ былъ придти къ мысли и объ учрежденіи, такъ называемыхъ, благочинническихъ совѣтовъ—этихъ зародышей мѣстнаго самоуправления въ средѣ духовенства“. Подъ этими совѣтами преосв. Антоній прежде всего разумѣль то, что благочинные, какъ избранные духовенствомъ округа, должны были бы, по преимуществу, входить въ соразсужденія съ священниками изъ особенно опытныхъ. Эта мысль сначала проведена была имъ при личныхъ словесныхъ собесѣдованіяхъ съ нѣкоторыми благочинными новоизбранными и потомъ перешла и въ среду вообще духовенства. Она скоро осуществилась въ одномъ изъ благочинническихъ округовъ въ особомъ проэктѣ, по которому признавалось нужнымъ сказанныя совѣщанія привести въ точную опредѣленность какъ по отношенію къ лицамъ избраннымъ, такъ и къ предметамъ совѣщаній и самому образу и предѣлу этихъ совѣщаній. Проэктъ этотъ преосв. Антоній сразу одобрилъ, какъ благотворный и соответствующій, между прочимъ, 165 ст. устава дух. Консисторій, и потому далъ тогда такую резолюцію: „По примѣру округа сего Благочиннаго (Скворцова) рекомендуется учреждать подобныя же благочинническіе совѣты и въ прочихъ округахъ на изложенныхъ основаніяхъ и условіяхъ,—

(1) Некрологъ, стран. 23.

и гдѣ будутъ таковыя совѣты предположены къ учрежденію, доводить до моего свѣдѣнія. О семъ припечатать въ ближайшемъ № Извѣстій по Казанской епархіи“ (1). Съ своей стороны преосв. Антоній по поводу учрежденія этихъ совѣтовъ говорилъ: „Вѣдь эти совѣты, собственно говоря, не новость; они почти тоже, только въ миниатюрѣ, что и бывшія прежде духовныя Правленія; рознятся они отъ послѣднихъ тѣмъ, что 1) Правленія находились въ двухъ-трехъ уѣздныхъ городахъ, во 2-хъ обставлены были разными канцелярскими формами, особенно вредившими дѣлу въ лицѣ чиновъ, именовавшихся *повытчиками* и проч.,—тогда какъ совѣты эти существуютъ въ округѣ cadaго благочинія, и дѣла въ нихъ производятся исключительно священниками и самыя рѣшенія, вносимыя въ особую книгу, представляются только епархіальному Архіерею, а предварительно разсматриваются на сѣздахъ безъ всякихъ особыхъ формальностей“.

Но еще прежде введенія выборнаго назначенія благочинныхъ и учрежденія совѣтовъ благочинническихъ (сказано въ некрологѣ) (2), Владыка въ первый же годъ своего управленія Казанскою епархіею исходатайствоваль у св. Синода разрѣшеніе на изданіе „Извѣстій по Казанской епархіи“, чтобы установить постоянную живую связь между духовенствомъ и епархіальнымъ управленіемъ и дать самостоятельный органъ для взаимнаго обмѣна мыслей, свѣдѣній, предположеній о мѣстныхъ вопросахъ, дѣлахъ и нуждахъ. Въ тогдашнюю пору эти мѣстныя епархіальныя изданія были тоже еще вновь (въ какихъ либо 5—7 епархіяхъ);—но преосв. Антоній говорилъ, что „если гдѣ, то въ Казани—городѣ Академическо-университетскомъ всего непростительнѣе чуждаться подобныхъ нововведеній“. Съ тѣмъ вмѣстѣ всего удобнѣе находилъ онъ открыть это изданіе при Казанской Духовной Академіи въ видахъ большей серьезности по содержанию и самой удобности

(1) Извѣстія по Казан. епархіи 1868 г., стр. 535—536.

(2) Некрологъ, стран. 23.

для типографскаго дѣла и разсылки, такъ какъ при Академіи издавался уже съ давнихъ годовъ журналъ „Православный Собесѣдникъ“, къ которому Извѣстія по Казанской епархіи могли относиться и примыкать въ качествѣ приложений. Академія тогда же изъявила на это свою готовность и до днесь это изданіе при ней продолжается. Хотя почему-то и возникали было вопросы объ учрежденіи особой редакціи для Извѣстій, но преосв. Антоній оставилъ ихъ безъ вниманія, — и во всякомъ случаѣ безъ послѣдствій.

Скорѣе же всего, онъ самъ лично обратилъ вниманіе на неисправность въ предъявленіи подписокъ и высылкѣ денегъ на это изданіе, а равно на незабоченность о возможно своевременномъ полученіи №№ и, наконецъ, на невнимательность къ прочитыванію ихъ въ средѣ доховенства. Въ предложеніи своемъ духовной Консистеріи (отъ 25 Февраля 1868 года № 687) ⁽¹⁾ онъ писалъ, между прочимъ: „Усматриваль я (во время своихъ поѣздокъ по епархіи), что Извѣстія по епархіи, обязательныя для всѣхъ причтовъ, частію получаютъ слишкомъ не скоро, частію и по полученіи остаются у причтовъ или не читанными, или и по прочтеніи непонятыми и необязательными, будто бы, къ исполненію въ потребныхъ случаяхъ, частію же нѣкоторыми церквями вовсе не выписываются. Вслѣдствіе сего Консистерія имѣетъ предписать благочиннымъ циркулярно, чтобы они 1) поставили самимъ себѣ на видъ и строго внушили подвѣдомымъ имъ священникамъ, дабы они тоже, съ своей стороны, заботясь всячески о скорѣйшемъ и своевременномъ полученіи епархіальныхъ Извѣстій, немедленно по полученіи прочитывали ихъ какъ сами, такъ и въ присутствіи причта, и тогда же принимали иное къ непремѣнному исполненію, не ожидая на то особыхъ указныхъ предписаній, и подъ опасеніемъ, что за неисполненіе, или замедленіе въ своевременномъ исполненіи такихъ распоряженій, которыя даются чрезъ епархіальныя Извѣстія — именно къ исполненію, — причты будутъ подвергаться де-

(1) Извѣстія по Казан. епархіи 1868 г., стр. 153—154.

нежнымъ штрафамъ, а благочинные, за такое же невниманіе и неисполнительность, сверхъ того, выговорамъ. 2) Относительно самобѣднѣйшихъ церквей благочинные имѣютъ распорядиться, чтобы таковыя церкви ограничили выпискою изъ редакціи Православнаго Собесѣдника однихъ только епархіальныхъ Извѣстій безъ Собесѣдника. 3) Сверхъ этого вмѣняется благочиннымъ въ обязанность наблюсти строго, дабы по окончаніи года всѣ изданныя №№ епархіальныхъ Извѣстій были непременно тщательно священниками собраны, переплетены въ книги и внесены въ церковныя бібліотеки для необходимыхъ справокъ и руководства причтамъ на будущее время“.

Но такъ какъ Редакція Извѣстій по Казанской епархіи, между прочимъ, заявила печатно въ этихъ же самыхъ Извѣстіяхъ, что, къ удивленію, ни постороннія лица, ни особенно духовенство Казанской епархіи, не отозвались сочувствіемъ къ этому изданію, не присылали никакихъ статей и даже малѣйшихъ замѣтокъ, подходящихъ по предметамъ и содержанию къ опубликованной программѣ (напр. по части описанія церковныхъ древностей, чтимыхъ св. иконъ, крестныхъ ходовъ, мѣстныхъ обычаевъ и пр. пр...),—то преосв. Антоній, въ видахъ побужденія и вызова духовенства къ сочувствію и приготовленію матеріаловъ, сдѣлалъ особое распоряженіе, чтобы при всѣхъ церквахъ были непременно заведены *лѣтописи*, въ коихъ прежде всего изложены были бы историческо-статистическія описанія церквей и приходовъ и, затѣмъ, вносились бы постепенно повременные, чѣмъ либо замѣчательныя, событія и случаи, и даже какія либо явленія въ природѣ, выходящія изъ обыкновеннаго порядка... Въ этомъ отношеніи преосв. Антоній воспользовался тоже готовыми распоряженіями, сдѣланными имъ еще въ Смоленской епархіи. По поводу этого онъ, между прочимъ, говорилъ: „удивляюсь что въ здѣшнемъ многоученомъ городѣ не нашлось доселѣ желающихъ принять на себя трудъ составить историческо-статистическое описаніе всей епархіи; въ Смоленскѣ же это дѣло при мнѣ же было и начато и вы-

полнено самымъ удѣлительнымъ образомъ“ (1).

Точно также преосв. Антоній выражалъ не только удивленіе, но и сожалѣніе, что въ Казанской епархіи до него не были учреждены церковно-приходскія попечительства. Потому въ первыхъ же мѣсяцахъ своего управленія (отъ 29 Апрѣля 1867 года), онъ въ особомъ предложеніи духовенству Казанской епархіи писалъ такъ: „Крайне сожалѣю о такой *отсталости*, въ семь отношеніи, Казанской епархіи отъ другихъ многихъ, и имѣя въ виду, что учрежденіе церковно-приходскихъ попечительствъ, по самой идеѣ объ ихъ значеніи, несомнѣнно весьма полезно и благотворно и для благоустройства церквей, и для открытія приходскихъ школъ, и для призрѣнія бѣдныхъ и, наконецъ, для улучшенія быта самого духовенства, считаю нужнымъ теперь же предписать духовенству приходскому, въ особенности сельскому, дабы они непремѣнно и всемѣрно озаботились открытіемъ попечительствъ, такъ какъ это дѣло, болѣе всего, зависитъ отъ его вліянія на прихожанъ и ему должно принадлежать начинаніе сего дѣла. Для успѣшнаго же достиженія цѣли въ этомъ благомъ дѣлѣ, священники, — кромѣ общихъ, уже объявленныхъ въ печати, положеній и правилъ о попечительствахъ, — имѣютъ руководствоваться еще слѣдующими указаніями“... Эти же послѣднія въ самомъ же предложеніи изложены въ 6-ти пунктахъ. Укажемъ, между прочимъ, только два: — въ одномъ сказано, — „чтобы, по открытіи попечительствъ, члены ихъ не ограничивались только номинальнымъ ихъ существованіемъ, а ознаменовывали себя дѣятельнымъ участіемъ; въ другомъ — благочиннымъ вмѣнено въ обязанность первѣе всего подать въ лицѣ своемъ добрый достойный примѣръ для подвѣдомыхъ причтовъ и настрого наблюдать, не препятствуютъ ли гдѣ либо самые причты учрежденію попечительствъ изъ какихъ либо своекорыстныхъ видовъ, или не заключаются ли эти препятствія вообще

(1) Въ послѣдніе годы, при жизни еще преосв. Антонія, принялся за это дѣло, хотя по частямъ только, экстра-ордин. Проф. Казан. Академіи Пр. Е. А. Маловъ.

въ неблагопріятныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между причтами и прихожанами... (1).

О своекорыстныхъ видахъ, по преимуществу, нарушающихъ добрыя отношенія между причтами и прихожанами, преосв. Антоній давалъ особое предложеніе, приходскому духовенству (отъ 12 Августа 1867 г.). „Своекорыстные виды, тѣмъ паче выражающіеся въ поборахъ и даже въ вымогательствѣ платы (напр. за требы), — писалъ въ этомъ предложеніи преосв. Антоній, — особенно вредятъ добрымъ отношеніямъ между причтами и прихожанами; съ одной стороны они раздражаютъ прихожанъ, а съ другой унижаютъ въ глазахъ ихъ самыя причты, заставляя смотрѣть на пастырей, какъ на наемниковъ, и на самыя священныя требы не какъ на дѣло христіанское спасительное, а какъ на оброкъ въ пользу причта и пр. Потому строго воспрепятствуются какіе либо излишніе поборы и вымогательства, наипаче же въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ причты пользуются опредѣленною ругою и нескудными добродетельными даяніями“. Въ отдѣльности выражено въ этомъ предложеніи строжайшее предостереженіе и прещеніе духовенству, состоящему въ приходяхъ инородческихъ, такъ какъ „до свѣдѣнія моего, писалъ преосв. Антоній, дошло и даже лично дознано, что крещеные инородцы не только стѣсняются и ропщутъ на это, но указываютъ въ томъ, между прочимъ, причину перехода нѣкоторыхъ крещеныхъ татаръ обратно въ магометанство“ (2).

Не отрицая дѣйствительности послѣдняго факта, какъ указанія на причину отпаденія, мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ замѣчательныя данныя на то, что эта причина со стороны отпадающихъ измышленная. Въ этихъ данныхъ самыми цифрами будетъ доказано, что съ татаръ-магометанъ взимается въ пользу муллы вдвое и болѣе, чѣмъ съ крещеныхъ въ пользу церковнаго причта. Вообще рѣчь о разныхъ многократныхъ распоряженіяхъ преосв.

(1) Извѣстія по Казанск. епархіи 1867 г., стр. 211—212.— Объ этомъ же были и впослѣдствіи подтвержденія.

(2) Извѣстія по Казанской епархіи. 1867 г., стр. 547—548.

Антонія по отношенію собственно къ инородческимъ причтамъ и прихожанамъ будетъ особо, въ связи съ прочими дѣйствіями и мѣропріятіями его по разнымъ вопросамъ относительно благоустройства быта и положенія сельскаго духовенства, начиная съ учрежденія упомянутыхъ уже церковно-приходскихъ попечительствъ. Подробное изложеніе этихъ свѣдѣній имѣеть быть въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Относительно особенной заботливости преосв. Антонія о возможно скорѣйшемъ повсюдномъ учрежденіи церковно-приходскихъ Попечительствъ читаемъ въ некрологѣ слѣдующія строки: „Высокопреосв. Антоній употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, при первой возможности, повсюду въ приходахъ Казанской епархіи учреждались духовенствомъ церковно-приходскія Попечительства, каковыя въ настоящее время и имѣются уже въ большей части приходоѡ. Но, дѣйствуя въ этомъ чрезъ посредство мѣстныхъ причтоѡ, неутомимый Архипастырь не хотѣлъ этимъ самымъ сваливать съ себя бремени заботъ и трудовъ по этому предмету, такъ какъ съ нимъ связывался вообще вопросъ громаднѡй важности, каковъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Не говоря о его самомъ живомъ участіи въ разрѣшеніи этого вопроса въ мѣстномъ Губернскомъ Присутствіи по обезпеченію православнаго духовенства, гдѣ онъ состоялъ Предсѣдателемъ,—онъ изучилъ экономическое положеніе здѣшняго духовенства вообще и каждаго причта въ особенности не по бумагамъ только и не по клировымъ лишь вѣдомостямъ, которыя, впрочемъ, онъ ежегодно разсматривалъ самымъ тщательнымъ образомъ ⁽¹⁾, но въ самой дѣйствительности на мѣстѣ по своимъ личнымъ наблюденіямъ и лично же добываемымъ свѣдѣніямъ. Ежегодно совершая поѣздки для обзорѣнія той или

(1) Для этого онъ предписалъ духовенству представлять ему отдѣльный экземпляръ клировыхъ вѣдомостей каждаго причта,—какъ было и въ Смоленскѣ.

иной части епархіи, опъ нигдѣ не опускалъ изъ виду ни малѣйшихъ подробностей. такъ или иначе обуславливающихъ извѣстное положеніе какъ причта въ приходѣ, такъ и самой церкви, равно и состояніе прихожанъ и отношенія ихъ къ причту, сводя, направляя и прилагая все данныя сколько къ разрѣшенію вопроса по обезпеченію вообще православнаго духовенства, столько въ видахъ болѣе благотворнаго значенія и дѣйствія приходскихъ Попечительствъ“ (1).

„Дѣйствуя въ послѣднихъ видахъ, преосв. Антоній желалъ особенно устранить все поводы къ нерѣдко обнаруживавшимся неблагопріятнымъ отношеніямъ между причтами и прихожанами. Потому хотя прежде онъ указывалъ духовенству довольствоваться собираемою съ прихожанъ ругою,—но опытомъ убѣдился самъ, что и этотъ источникъ сколько неудовлетворителенъ для безбѣднаго обезпеченія,—особливо въ случаѣ неурожая, или бѣдности многихъ прихожанъ, столько же служитъ иногда поводомъ къ возникновенію новыхъ взаимныхъ неудовольствій и, при томъ, къ униженію духовенства при не точно опредѣленныхъ и неутвержденныхъ формальными приговорами положеніяхъ и условіяхъ относительно руги“ (2). „Отсюда,—говорится далѣе въ некрологѣ (3),—постояннымъ и горячимъ желаніемъ Владыки было, чтобы во 1-хъ относительно руги, гдѣ таковая уже установлена, были составлены надлежащіе акты, равно какъ и по надѣлу церковныхъ причтовъ узаконена пропорція земли,—а относительно прочихъ сборовъ, дѣлаемыхъ причтами, послѣдніе были капитализированы по взаимному соглашенію прихожанъ и причтовъ, каковое согла-

(1) Некрологъ, стран. 23—24.

(2) Эти мысли и самые факты особенно характеристично выяснены на одномъ изъ церковно-приходскихъ собраній, по этому предмету, въ селѣ Абазовѣ, гдѣ и составленъ былъ законный приговоръ 12 Октября 1874 г. о замѣнѣ руги и всехъ сборовъ (натурою и деньгами) подушнымъ окладомъ въ 90 коп.—Смотр. Извѣстія по Каз. Епархіи 1875 г., гдѣ помѣщены и другіе подобные же приговоры.

(3) Некрологъ, стран. 25.

шеніе должно быть облечено въ форму же законныхъ актовъ; и во 2-хъ, если это возможно, чтобы и самыя руги замѣнены были денежною платою со стороны прихожанъ, и чтобы эти платы не были собираемы самими причтами, а вносимы были въ мѣстныя волостныя правленія. Это желаніе, дѣйствительно, начинало было осуществляться, но въ рѣдкихъ приходсахъ“. „Не меньшимъ желаніемъ Владыки—говорится также въ некрологѣ ⁽¹⁾,— было и то, чтобы при каждой церкви были церковно-приходскіе дома,—для чего было многократно рекомендовано духовенству обращать, при удобныхъ условіяхъ, въ таковыя свои собственные дома чрезъ выкупъ послѣднихъ на счетъ суммъ собираемыхъ съ прихожанъ, при прямомъ участіи въ этомъ дѣлѣ Попечительство, а въ случаѣ необходимости и съ воспособленіемъ отъ самыхъ церквей“.—Желаніе это проводилось сначала лично въ приходсахъ, посѣщаемыхъ преосв. Антоніемъ при обзорѣ епархіи, а, затѣмъ, въ 1873 г. дано имъ предложеніе (20 Сент. № 2965) Консистеріи по этому предмету ⁽²⁾.

„Объѣзжая каждый годъ, тѣ или другіе, уѣзды Казанской епархіи и посѣщая села, я, между прочимъ, тщательно вникалъ въ бытъ священно-церковно-служителей и при этомъ усматривалъ, что они, по большей части, имѣя посредственное состыаніе, болѣе всего, особенно при поступленіи на мѣста, встрѣчаютъ затрудненія въ устройствѣ своего быта со стороны помѣщеній для своего житья. За весьма рѣдкими исключеніями, при самыхъ церквахъ нѣтъ не только церковныхъ, или приходскихъ домовъ, но даже и усадебной земли, которая считалась бы несомнѣнною и неприкосновенною собственностію церкви, неотчуждаемою ни въ какомъ случаѣ въ частныя руки, и на которой бы имѣли полное право селиться члены причта. Почти повсюду они живутъ въ своихъ собственныхъ домахъ, построенныхъ на землѣ, не признаваемой церковною, а считающейся обы-

⁽¹⁾ Тамъ же.

⁽²⁾ Извѣстія по Казанской епархіи 1873 г., стр. 684—688.

вательскою, какъ это пишется почти повсюду и въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Отъ этого такъ бываетъ, что, когда священно-церковно-служители переходятъ съ одного мѣста на другое, или же умираютъ, то дома ихъ, коль скоро не приобретаются почему либо ихъ преемниками, продаются въ частныя руки вмѣстѣ съ усадебною землею, вслѣдствіе чего, вновь поступающіе, священно-церковно-служители поставляемы бывають въ необходимость заботиться не только о приобретеніи себѣ домовъ для жительства, но и самой усадьбы для поселенія. Во многихъ селахъ случалось мнѣ встрѣчать близъ самой церкви дома, принадлежащіе крестьянамъ и купленные у бывшихъ членовъ причта, тогда какъ поступившіе на ихъ мѣста новые священно-церковно-служители принуждены были построить или купить себѣ собственные дома гдѣ либо въ далекомъ разстояніи, на такъ называемой обывательской землѣ“.

„Такое положеніе вещей нельзя не признать совершенно не нормальнымъ, поелику оно противно существующимъ узаконеніямъ, по коимъ никакая сельская приходская церковь какъ не могла быть въ началѣ построена, такъ и не можетъ продолжать своего существованія въ качествѣ самостоятельной ипаче, какъ подъ условіемъ обезпеченія причта при ней законною пропорціею земли и первѣе всего усадебной для поселенія причта, по возможности, въ самомъ недалнемъ разстояніи отъ церкви“.

Далѣе въ этомъ предложеніи весьма подробно и пространно изложены и выяснены всѣ положенія и условія касательно возможнаго приведенія въ исполненіе настоящаго дѣла со стороны причтовъ и Попечительствъ.

Изложенныя здѣсь положенія и условія, впрочемъ, почти тѣ же, какія предлагались преосв. Антоніемъ по этому же предмету въ Смоленской епархіи. Сюда же должно отнести и другія предложенія, напр. объ очищеніи церковно-причтовыхъ усадебныхъ земель отъ всякихъ строеній мѣстныхъ жителей, о землѣ для кладбищъ, о приведеніи кладбищъ въ приличный видъ и пр.

Что касается до дѣятельности приходскихъ Попе-

чительствѣ по отношенію къ одному изъ главныхъ предметовъ ихъ дѣятельности—учрежденію церковно-приходскихъ школъ, то съ этой стороны, сравнительно съ Смоленскою епархіею, дѣятельность преосв. Антонія не выражалась особенно и, тѣмъ болѣе, непосредственно административно. Причины этому были, очевидно, тѣ, что во 1-хъ собственно церковно-приходскія школы были, въ это время, вообще парализованы заведеніемъ школъ отъ земства, и мѣстные Архіереи перестали уже быть предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ, а во 2-хъ это дѣло, главнымъ образомъ, было сосредоточено въ кругѣ дѣятельности Братства св. Гурія.

„Не чуждался, — говорится далѣе въ некрологѣ же (1), — Владыка и столь благотворной мысли, какова мысль, появлявшаяся и въ другихъ епархіяхъ, — именно объ учрежденіи эмеритальной кассы для духовенства Казанской епархіи; но онъ желалъ, чтобы эта мысль не была насильно навязана духовенству; напротивъ, онъ старался, чтобы ее приняли всѣ добровольно и чтобы въ основу проектируемой кассы былъ положенъ значительный капиталъ, или собранный сразу по подпискѣ, или пожертвованный, хотя временно, какимъ либо лицомъ. Но какъ этого духовенство не могло достигнуть, то и учрежденіе кассы отсрочено на неопредѣленное время и вопросъ объ немъ не возобновлялся доселѣ“.

Наконецъ, въ некрологѣ же читаемъ, что „высокопр. Владыка, вооруженный опытнымъ всестороннимъ знаніемъ cadaго прихода своей епархіи, приступилъ къ составленію (въ силу извѣстнаго правительственнаго распоряженія о сокращеніи приходоѡ) новаго росписанія приходоѡ и церквей, которое и было утверждено въ Высочайше учрежденномъ главномъ Присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства и въ 1876 г. было введено въ Казанской епархіи“ (2).

Это правда, что преосв. Антоній употребилъ все

(1) Некрологъ, стран. 25.

(2) Некрологъ, стран. 24.

свое опытное личное знаніе и всевозможное стараніе, чтобы росписаніе новыхъ приходовъ и назначеніе къ нимъ настоятелей и помощниковъ и проч. было возможно правильно и соразмѣрно пространству приходовъ и соотвѣтствовало ихъ существеннымъ нуждамъ;—но на самое это *нововведеніе* онъ, съ перваго же раза, взглянуть весьма несочувственно и, хотя исполнилъ какъ повелѣнное, все-таки остался при своихъ убѣжденіяхъ неизмѣнно. „Если гдѣ“, говорилъ онъ, между прочимъ, „то въ Казанской-то епархіи сокращеніе приходовъ и церковей составляетъ положительную несообразность... Тогда какъ число *татарскихъ мечетей и муллъ*, на моихъ уже глазахъ, растетъ и растетъ и, при томъ, рядомъ и вокругъ нашихъ Православныхъ церковей и приходовъ,—мы, наоборотъ, хотимъ уменьшить число послѣднихъ. Не выходитъ ли здѣсь то, что чрезъ уменьшеніе числа *дворовъ овчихъ*, въ кои *подобаетъ приводить инныя овцы*, яже не суть отъ *дворовъ сихъ*, и чрезъ сокращеніе числа *дверниковъ* открывается возможность—не только *прелазать инудь* инымъ пропагандистамъ, а прямо и смѣло шагать чрезъ разобранныя по мѣстамъ, прежде бывшія, ограды и расхищать овецъ, даже и *во дворахъ* сущихъ, а не только захватывать около дворовъ привитающихъ?!—А что сказать о самой причинѣ и цѣли?... Вѣдь, выходитъ, что здѣсь дѣло, по изреченію Святителя Димитрія Ростовскаго *не ради Іисуса, а ради хлѣба куса*“. Съ другой стороны, имѣется ли для епархіальной власти *законное право* сокращать приходы и оставлять праздными церкви, которыя, извѣстно, сооружены на копѣйки и крохи, собиравшіяся отъ кровавопотовыхъ трудовъ мѣстныхъ жителей, и отъ пламенно-сердечныхъ ихъ чувствованій?! Эти послѣднія не вознесутся ли, не возопіютъ ли на небо?! Еще—какъ приметя и возчувствуется и частными разномѣстными храмоздателями, напр. помѣщиками, въ ихъ родовыхъ имѣніяхъ подобное распоряженіе?! Что же касается сокращенія самыхъ членовъ причта (такъ что въ иныхъ приходахъ остается одинъ священникъ съ однимъ лишь причетникомъ), то что и подумать объ этомъ въ отно-

пенія совершенія самаго Богослуженія въ церкви?! Довольно только вообразить: вотъ причетникъ, во время пѣнія напр. „*Херувимской пѣсни*“, или „*Тебе поемъ*“ и „*Достойно есть*“, долженъ будетъ въ тоже время подавать и принимать кадило въ алтарь (такъ какъ сторожъ собственно не имѣетъ права входить въ алтарь), или, во время, причастна подавать теплоту... Очевидно, выполняя все это, причетникъ (разумѣется здѣсь будничная служба, гдѣ никакихъ пѣвцовъ не бываетъ)—долженъ продолжать и пѣніе... („Охма! нѣтъ и словъ договорить“...). И чтожь должны дѣлать мы-то, епархіальные Архіереи, для того, чтобы все было *по чину и благообразно*?! Что будутъ значить напр. и мои всѣ распоряженія относительно и чтенія и пѣнія и пр., когда священникъ прямо въ глаза мнѣ же скажетъ, что требованія эти не приложимы къ дѣлу и почти не мыслимы. Да и самые причетники въ правѣ сказать: „помилуйте, В. Преосвященство, вѣдь, если все вычитывать и пѣть одному и одному, то гдѣ же прикажете взять такую грудь и горло?!...“ „Да, да... составители всего этого нововведенія, видно по всему, приравняли Православное церковное Богослуженіе къ *лютеранскому*, и чуть ли не къ *магометанскому*, гдѣ, дѣйствительно, для перваго требуется одинъ лишь пасторъ и органистъ, а для втораго мулла и азанчей... Но, о Господи прости! и даруй упованіе, чтобы сіе нововведеніе *еще*,—какъ и видимо,—оно *отъ чловѣкъ токмо, скоро-скоро, само собою, и раззорилось бы...*“ (Дѣян. V, 38) (1).

Подобныя разсужденія преосв. Антоній высказывалъ не только частнымъ образомъ въ средѣ близкихъ знако-

(1) Преосв. Антоній признавалъ, наоборотъ, насущною потребностію, чтобы во всѣхъ приходсахъ были не только два причетника, но и диаконъ, въ виду особеннаго проэкта относительно совершенія Богослуженій (въ томъ числѣ и Преждеосвященной Литургии) виѣ храма по приходскимъ деревнямъ, для чего, дѣйствительно, непременно нужно имѣть полный комплектъ причта.—Объ этомъ проэктѣ пишущимъ была составлена особая статья,—посвященная памяти въ Бозѣ почившаго, подъ заглавіемъ: «О совершеніи Литургии

мыхъ, но и проводилъ ихъ въ смыслѣ официальномъ, когда являлись напр. личныя ходатайства отъ нѣкоторыхъ приходоу и храмоздательей о неизмѣненіи у нихъ, прежде бывшихъ, церковныхъ причтоу, или когда оказывались явныя и крайнія затрудненія въ нѣкоторыхъ приходоухъ въ дѣлахъ церковной исполнительности. Подобнымъ дѣламъ иногда онъ давалъ ходъ официальный съ резолюціями своими въ Консидорію; а, съ тѣмъ вмѣстѣ, по поводу ихъ онъ писалъ, куда надлежало, съ изложеніемъ своихъ взглядоу и убѣжденій, въ родѣ выше приведенныхъ разсужденій. Въ ряду лицъ высокопоставленныхъ, преосв. Антоній съ особенною неприкровенностію писалъ, бывало, К. П. П., видя всегда въ его отвѣтахъ чистую христіанскую искренность и единомысленность съ нимъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ по разнымъ предметамъ переписки. Бывало, если, по полученіи и прочтеніи чьихъ либо подобныхъ писемъ, преосв. Антоній чувствовалъ себя какъ-то особенно успокоительно и вызывался на откровенные разговоры, то можно было иногда угадывать, что вѣрно получено письмо отъ К. П. П. Да и самъ онъ, если не предъ всякимъ и не всегда указывалъ на имя писавшаго,—то обыкновенно выражался такъ:—„да! вотъ какъ, и люди свѣтскіе умѣютъ понимать и обсуждать наши же церковно-духовные вопросы и дѣла..., что и намъ,—Архіереямъ, не стыдно поревновать и поучиться“...—Остается съ увѣренностію думать, что такъ какъ разсматриваемое дѣло о сокращеніи приходоу приняло, извѣстный обратный, ходъ, именно при Оберъ-Прокурорствѣ К. П. П.,—то прежде писанное преосв. Антоніемъ возымѣло, хотя и вполсѣдствіи времени, свою долю силы и значенія.—Съ подобными фактами и явленіями въ области церковнаго и духовнаго управленія за все время Оберъ-Прокурорства Его Высочайшепревосходительства мы встрѣтимся и еще не разъ въ этомъ же родѣ и значеніи.

преждеосвящ. Даровъ внѣ храма для жителей деревень приходскихъ».—Статья эта напечатана въ Извѣстіяхъ по Казан. епархіи—1883 г., №№ 6 и 7-й.

При своей ревностной заботливости объ улучшеніи приходскихъ причтовъ преосв. Антоній не могъ, однако, не видѣть, къ своему прискорбію, что сами причты не-вполнѣ оказывали ему свое содѣйствіе. Последнее, главнымъ образомъ, обнаруживалось въ неточности показаній причтами, — чтобы не сказать болѣе, — касательно самыхъ доходовъ церковныхъ, собственно свѣчныхъ. Въ этомъ онъ и лично увѣрялся при разсматриваніи книгъ во время поѣздокъ по епархіи, и вообще при многократно возбуждавшихся вопросахъ, вызывавшихъ особья распоряженія касательно обязательной покупки свѣчь, приготовляемыхъ на свѣчномъ заводѣ, устроенномъ въ Казанскомъ женскомъ Монастырѣ, отъ котораго открыты были особые склады въ разныхъ мѣстахъ по уѣздамъ. Вопросъ о свѣчныхъ доходахъ, надобно сказать, преосв. Антоніемъ изученъ былъ во всей полнотѣ еще въ Смоленской епархіи, гдѣ, какъ извѣстно, эти именно доходы, при искреннемъ участіи тамошнихъ причтовъ, сразу достигли до суммы вдвое большей сравнительно съ прежнею. Потому-то здѣсь, въ Казанской епархіи, онъ не могъ не обратить вниманія на тѣ цифры доходовъ свѣчныхъ, кои, по мѣстамъ, выставлялись уже до послѣдней крайности — минимальной... Подобные случаи онъ приказывалъ даже вносить въ свой путевой журналъ по обзоренію епархіи и печатать въ Извѣстіяхъ, указывая самыя мѣстности и названія приходовъ. Для примѣра приведемъ хоть одно изъ таковыхъ данныхъ. „Въ приходахъ Цивильскаго уѣзда, кромѣ одного N, приходо-расходныя церковныя книги даютъ прямой поводъ видѣть въ церковныхъ причтахъ или нерадѣніе объ увеличеніи церковныхъ доходовъ, или намѣренное *сокрытіе* оныхъ по церковнымъ книгамъ; ибо всюду показывается въ продажѣ такое количество свѣчь, которое совершенно не соотвѣтствуетъ количеству прихожанъ и бывающихъ Богослуженій и разныхъ требъ; да и самая прибыль отъ продажи свѣчь выставляется ежегодно въ одной и той же суммѣ и, при томъ, самой ничтожной. Напр. отъ церкви N, число прихожанъ которой близко къ четыремъ тысячамъ обоего пола, въ прошлые четыре года подъ рядъ выставлялось

свѣчной прибыли ежегодно ровно 16 руб. 8 коп.!!, а отъ церквей N и N, гдѣ такое же количество прихожанъ и по два священника, ежегодной прибыли только по 24 руб. 2 коп.!! У всѣхъ причтовъ, на сей разъ, одно оправданіе, что изъ прихожанъ большая часть совсѣмъ не бываютъ въ церквахъ при Богослуженіяхъ, а бывающіе посѣщаютъ Богослуженіе не всѣ; —но это, очевидно, только отговорка, которая, въ тоже время, явно обличаетъ причты въ томъ, что они не учатъ и не располагаютъ своихъ прихожанъ къ Богослуженію и къ исполненію христіанскихъ ихъ обязанностей“ (1).

Наконецъ, самое выраженіе въ вышеприведенныхъ словахъ путевого журнала относительно *намѣреннаго скрыванія* причтами *церковно-свѣчныхъ доходовъ*, какъ ни представлялось бы, въ своемъ родѣ, рѣзкимъ и укорительнымъ для причтовъ, —но, къ прискорбію, оно было вѣрно фактически. Такой образъ дѣйствованія нѣкоторыхъ причтовъ, особенно обнаружился по поводу проектированнаго духовенствомъ устройства свѣчнаго епархіальнаго завода. — Преосв. Антоній, при разрѣшеніи проекта о свѣчномъ заводѣ, какъ думалось многимъ изъ духовенства, дѣйствовалъ, по меньшей мѣрѣ, несочувственно прямымъ, будто бы, интересамъ духовенства и вообще епархіальнымъ средствамъ. каковыя, между тѣмъ, требовались на существеннѣйшій предметъ, —на содержаніе мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. — Дѣло объ устройствѣ свѣчнаго завода при жизни преосв. Антонія такъ-таки и не осуществилось, какъ, будто бы, намѣренно имъ заторможенное. — Но лицевая сторона этой, какъ говорится, медали, была совершенно не та, какъ представляли, трактовали и даже *печатали*. Чтобы не входить въ подробности всего хода этого дѣла, достаточно только указать на вышесказанное большое мѣсто въ средѣ причтовъ, —именно на *скрываніе* ими дѣйствительнаго количества церковно-свѣчныхъ доходовъ. Самый образъ практикованія въ этомъ отношеніи скоро пересталъ быть секретомъ. Обнаружилось же это потому, что когда, еще

(*) Извѣстія по Казанской епархіи 1872 г., стр. 618.

прежде епархіального завода, былъ уже устроенъ свѣчной заводъ при Казанскомъ женскомъ Монастырѣ, и когда этотъ Монастырь обязался съ своей стороны представлять въ пользу епархіи по 2 руб. съ каждого пуда проданныхъ свѣчъ, и когда, по этому, и всѣ причты обязывались покупать все потребное количество свѣчъ исключительно на этомъ заводѣ, дабы чрезъ это самый процентъ, взимаемый съ монастырскаго завода по 2 руб. съ пуда, увеличивался,—тогда-то, говоримъ, сказанный секретъ и разоблачился. Приходскіе причты, согласно послѣднему обязательству, хотя и стали покупать свѣчи производства монастырскаго завода, но или на половину, или и менѣе того противу дѣйствительно потребнаго для церквей количества, а остальную часть покупали, болѣе или менѣе, скрытно, или подъ какимъ либо предлогомъ у частныхъ лицъ.—въ чемъ особенно орудовали церковные старосты.—Кромѣ прочихъ побужденій къ этому, нельзя было не понять здѣсь сразу того главнаго, что, при покупкѣ свѣчъ изъ монастырскаго завода, или изъ складовъ въ другихъ мѣстахъ, количество купленныхъ свѣчъ могло быть повѣряемо по записямъ продажи... тогда какъ, при покупкѣ у частныхъ торговцевъ, этого не можетъ быть... Вотъ это-то и было у преосв. Антонія главнѣйшею причиною, чтобы несочувствовать проекту объ устройствѣ епархіального завода. Когда бывали у него лично сами составители проекта, или депутаты отъ съѣзда духовенства съ ходатайственными представленіями по этому предмету, то онъ нѣкоторымъ изъ первыхъ откровенно и напрямки говорилъ: „что вы, о.о., себя морочите и меня морочить хотите?!.. будьте увѣрены всѣ, что я бы самъ первый сталъ во главѣ этого дѣла,—если бы можно надежно опереться на плечи ваши... Но не вы ли свидѣствуете сами о себѣ, что *храмлете на обѣ плесни?!* Дайте истинно-пастырское слово, что ни одинъ изъ причтовъ не позволитъ и фунта купить гдѣ либо, кромѣ епархіального завода, тогда, понятно, и толковать нечего о несомнѣнной пользѣ епархіального завода, могущаго быть капитальнымъ источникомъ средствъ на содержаніе учебныхъ заведеній. Если же это, къ

прикорбию, будетъ такъ же, какъ и доселѣ, по отношенію къ монастырскому заводу, — то я не позволю себѣ участвовать въ созданіи того, что основывалось бы *только на песокъ*“...

Вообще преосв. Антоній крѣпко опирался въ своихъ разсужденіяхъ объ излишности устройства епархіальнаго завода, при существующемъ уже заводѣ монастырскомъ, на самыхъ ясныхъ положеніяхъ и точныхъ ариѳметическихъ и экономическихъ выкладкахъ, а именно: „если бы только духовенство вполнѣ сочувственно отнеслось къ производительности завода монастырскаго, т. е. чтобы, самымъ обязательнѣйшимъ образомъ, покупало съ этого завода полное потребное количество свѣчъ для всѣхъ церквей — что составляло бы въ сложности свыше четырехъ тысячъ пудовъ, — то во 1-хъ — развѣ недостаточно бы для духовенства получать отъ Монастыря, какъ оброкъ, по восьми тысячъ рублей ежегодно; а во 2-хъ, онъ, не безъ основанія, заявлялъ и то, что при дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи производительности монастырскаго завода и при соблюденіи самой точной цифры непремѣнно покупаемаго для церквей количества свѣчъ (свыше 4/т. пудовъ), — Монастырь въ состояніи будетъ увеличить взносъ за каждый пудъ до 3-хъ и болѣе рублей, — слѣдовательно, доставлять въ пользу епархіи свыше 12/т. Потому, если духовенство не хочетъ доводиться этимъ готовымъ, и, просто сказать, даровымъ источникомъ и тянуть, во чтобы-то ни стало, за проектируемый собственно-епархіальный заводъ, то онъ съ своей стороны не знаетъ, какъ опредѣлить и назвать это, развѣ только признать и приложить здѣсь смыслъ извѣстнаго изреченія, т. е. „напередъ широко растопыривать *„суму на большую крому*“ отъ того каравая, для испеченія котораго нѣтъ не только *„муки*, но не приготовлены еще и сѣмена для посѣва и самой земли еще пахатной не имѣется“...

Такимъ образомъ, проектированный, епархіальный свѣчной заводъ при жизни преосв. Антонія не былъ устроенъ. Но, замѣчательно, что когда былъ уже устроенъ заводъ, вскорѣ послѣ кончины преосв. Антонія — въ 1880

году, — слова его не замедлили оправдаться на состояніи этого завода, и, при томъ, въ силу именно тѣхъ причинъ, по коимъ преосв. Антоній не могъ выразить своего сочувствія и даже согласія на устройство епархіальнаго завода. Не смотря на положительнѣйшее условіе, обязательное для всѣхъ причтовъ, — чтобы отнюдь ни кто не дозволялъ себѣ и другихъ не допускалъ покупать свѣчи, кромѣ завода и его складовъ у частныхъ торговцевъ, хотя бы по сравнительно дешевымъ цѣнамъ ⁽¹⁾, Управленіе епархіальнаго завода нашло себя вынужденнымъ, не чрезъ долгое время, донести епархіальному Начальству, что — „ожиданія Управленія заводомъ *не осуществились*, потому что, почти всѣ, старосты церковные и даже сами священники, пріѣзжавшіе предъ праздникомъ въ Казань, взяли свѣчи у частныхъ торговцевъ, *свидѣтелями* чего были неоднократно *Члены Управленія завода*, которые могутъ указать и на лицъ, такимъ образомъ поступившихъ. Настоящее отношеніе духовенства къ устроенному свѣчному заводу, *согласно его же усиленному желанію*, противорѣчитъ, принятымъ самимъ духовенствомъ на бывшемъ въ 1880 г. епархіальномъ съѣздѣ, правиламъ епархіальнаго свѣчнаго завода...“ По новоду сего былъ, дѣйствительно, настоятельный циркулярный указъ Консисторіи съ особою резолюціею самого высокопр. Архіепископа Сергія ⁽²⁾. Но прошло вотъ уже три года существованія епархіальнаго завода, и предъ глазами нашими снова повтореніе того же заявленія, не отъ одного уже Управленія, а отъ цѣлаго епархіальнаго съѣзда (бывшаго въ Сентябрѣ 1883 г.), съ указаніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, что многіе причты и старосты, *въ расчетъ на неизвѣстность дѣйствительнаго количества свѣчъ, продаваемыхъ въ ихъ церквахъ*, только одну и, при томъ, только меньшую часть свѣчъ покупаютъ на епархіальномъ заводѣ, а остальную, большую, у частныхъ

(1) Извлеченіе изъ правилъ для веденія свѣчной операціи въ Казанской епархіи.—Извѣстія по Казанской епархіи, 1880 г., стран. 109.

(2) Указъ отъ 31-го Января 1883 г.

свѣчоторговцевъ (1). Вслѣдствіе чего Съѣздомъ постановлено: „Учредить возможно *строгий контроль* въ лицѣ мѣстныхъ Благочинныхъ за покупкою свѣчь изъ завода старостами и причтами; для чего и просить о.о. Благочинныхъ, чтобы они, при ревизіяхъ церквей, непременно требовали отъ нихъ квитанціи съ завода о покупкѣ свѣчь, съ цѣлію опредѣленія взятаго количества; и, если окажется, что старостою и причтомъ взято незначительное количество, меньшее противъ дѣйствительной потребности церкви, то о такихъ доносить епархіальному Начальству, и просить о наложеніи взысканія“.—Наконецъ, изъ журналовъ этого же Съѣзда видно, „что хотя назначена была отъ Съѣзда особая Коммисія для обревизованія епархіальнаго завода, для разрѣшенія, какъ выражено въ журналѣ, весьма важнаго и глубоко интересующаго духовенство вопроса:—что же именно дала духовенству свѣчная операція за трехлѣтній періодъ ея существованія,—и, въ частности, что заводъ теперь имѣетъ, и что и кому заводъ долженъ?,—но эта Коммисія въ результатѣ своихъ дѣйствій выразила, по преимуществу, одно,—именно свое сознаніе въ трудности и почти невозможности произвести ревизію завода въ точномъ смыслѣ этого слова“... (2). Послѣ всѣхъ этихъ данныхъ излишне, кажется, договаривать,—на сколько былъ правъ пресвящ. Антоній въ своемъ несочувствіи и несогласіи въ отношеніи устройства епарх. свѣчнаго завода.

Съ другой стороны пресв. Антоній, при самыхъ обесужденіяхъ своихъ объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ для церквей и причтовъ, всегда не опускалъ изъ виду и старался провести и внѣдрить въ сознаніе духовенства ту свято-апостольскую истину, что *служащимъ алтарю*, дабы имѣть право *длѣться съ алта-*

(1) Журналы епарх. Съѣзда—смот. Извѣстія по Каз. епархіи 1883 г., стран. 736.

(2) Журналы епарх. Съѣзда.—Смотр. Извѣстія по Каз. епархіи 1883 г., стр. 742. Въ журналѣ же (28 Сент.). Значится даже, что заводъ не могъ уплатить взносовъ, взятыхъ отъ церквей на три года и отсрочилъ уплату еще на три года, иначе пришлось бы ликвидировать дѣла.

ремь (1 Кор. IX, 9—14), должно паче всего сугубо прилежать сему *служенію* и такимъ образомъ *стѣже духовная, пожинаетъ* не скудно и *телесная*.

Выше было уже замѣчено, что въ путевыхъ журналахъ преосв. Антонія обозначалось слишкомъ малое, по инымъ приходамъ, количество, получаемыхъ отъ продажи свѣчь, доходовъ, и когда на этотъ разъ онъ узнавалъ отъ всѣхъ одно и тоже оправданіе, что изъ прихожанъ большая часть не бываютъ въ церквахъ, то въ этомъ послѣднемъ оправданіи преосв. Антоній видѣлъ только отговорку и указывалъ на нее, какъ на явное обличеніе самого же духовенства; что оно, значить, не учитъ и не располагаетъ своихъ прихожанъ къ Богослуженію и къ исполненію христіанскихъ обязанностей.— Въ этомъ отношеніи преосв. Антоній, кромѣ возможно частыхъ словесныхъ внушеній, давалъ отъ себя разныя циркулярныя предложенія.

Такъ во 1-хъ, видя изъ исповѣдныхъ росписей о большомъ множествѣ прихожанъ, не бывающихъ не только у св. Причащенія, но и на исповѣди, и, въ этомъ самомъ, находя явное живое свидѣтельство какъ о не усердіи прихожанъ къ исполненію этого главнѣйшаго христіанскаго долга, такъ и о нерадѣннн духовенства чтобы всемѣрно располагать къ тому первыхъ,—преосв. Антоній не только дѣлалъ настоятельныя циркулярныя распоряженія по этому предмету, но предписалъ разослать, при этомъ, изложеніе самыхъ вопросовъ при исповѣди вообще и, въ отдѣльности, при исповѣди дѣтей. Послѣдніе, какъ извѣстно изъ письма прежде приведеннаго, были составлены Викаріемъ преосв. Викториномъ, а первые тѣ же самыя, что были изданы прежде въ Смоленской епархіи. По связи съ дѣломъ говѣнія были тоже, какъ и въ Смоленскѣ, сдѣланы циркулярныя распоряженія, чтобы священники и вообще члены причта не отлучались изъ приходоѡ въ теченіи всего великаго поста и совершали бы Богослуженія во всѣ недѣли. Еще писалъ преосв. Антоній въ одномъ изъ подобныхъ предложеній Консисторіи для зависящаго распоряженія такъ: „Съ прискорбіемъ вижу, что весьма часто

приходскіе священники съ разными просьбами, или ради какихъ либо не важныхъ объясненій являются ко мнѣ, какъ будто нарочно, по субботамъ или наканунѣ праздниковъ, и оставляютъ, такимъ образомъ, приходы и церкви безъ Богослуженія“ (1).

Касательно того, что нѣкоторыя изъ подобныхъ распоряженій, и не въ маломъ числѣ, выходили по Казанской епархіи тѣ же самыя, какія дѣлалъ преосв. Антоній еще прежде по епархіи Смоленской, онъ не только не скрывался, а, напротивъ, высказывалъ это самъ, какъ свидѣтельство того, что онъ дѣйствовалъ не по теоріи только, а на основаніи, уже бывшихъ у него, опытовъ. Онъ любилъ вообще, въ виду какого либо мѣропріятія, предварительно высказываться, — гдѣ, когда, какъ и что дѣлалось имъ (2), или что извѣстно ему изъ опытовъ другихъ, приводя данныя иногда и съ противной стороны, — въ смыслѣ даже анекдотовъ или абсурдовъ, — приговаривая въ предостереженіе самого себя или слушающихъ, напр. Секретаря и др.: „вотъ то-то и есть, какъ бы и намъ не рѣшить такъ, чтобы людей не насмѣшить и дѣлу не повредить“. — При указаніи же на Смоленскія дѣла онъ прибавлялъ: „тамъ-то у меня не пропададо ни одного слова и ни одной строчки изъ дѣлаемыхъ распоряженій... За это всегда честь и хвала тамошнему духовенству за его воспріимчивость и готовность къ исполненію, или, какъ выражался онъ, за *податливость* и *заохоченность* ко всякому доброму начинанію; ну а здѣсь-то, нечего таиться, приводится иногда видѣть иное...“ Вотъ почему преосв. Антоній не отказывалъ почти никому изъ Смоленскихъ духовныхъ, или семинаристовъ, просившихся въ Казанскую епархію, хотя это неотказываніе представлялось со стороны и не-

(1) Всѣ эти распоряженія напечатаны въ разныхъ №№ Извѣстій по Казанской епархіи.

(2) Бывало даже, что преосв. Антоній тутъ же при разговорахъ отыскивалъ или печатныя въ Смоленск. епарх. Вѣдомостяхъ, или черновыя свои предложенія и прочитывалъ, а, затѣмъ, или исправивши что либо, или цѣликомъ давалъ домашнему Секретарю переписывать.

умѣреннымъ, особливо когда, видимо, давалось преимущество этимъ пришельцамъ въ назначеніи приходовъ, и когда, между тѣмъ, они не все оправдывали мнѣніе объ нихъ самого преосвящен. Антонія.

Обратимся теперь къ пастырскимъ административнымъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ преосв. Антонія по отношенію собственно къ инородческимъ причтамъ и приходамъ и къ другимъ его дѣйствіямъ по отношенію къ духовенству вообще.

ГЛАВА VI.

На самомъ первомъ шагу въ столь важной области административной дѣятельности,—какова по отношенію къ инородческимъ приходамъ и причтамъ,—должна была выступить главнѣйшая забота для преосв. Антонія о томъ,—гдѣ найдти людей въ инородческіе приходы въ составъ причтовъ и—какихъ именно. Заботѣ этой, повидимому, сначала найдено было удовлетвореніе въ заведеніи извѣстной крещено-татарской Казанской школы и, затѣмъ, какъ отраслей ея, нѣкоторыхъ другихъ сельскихъ школъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Братства, а равно и въ учрежденіи миссіонерскаго пріюта и т. п.,—о чемъ было сказано еще въ началѣ.—Для личной дѣятельности преосв. Антонія оставалось лишь умѣть выбирать изъ обучавшихся въ этихъ школахъ, болѣе способныхъ и достойныхъ, лицъ къ занятію священнослужительскихъ мѣстъ въ инородческихъ приходяхъ. Но преосв. Антоній не успокоивался на одномъ этомъ. Первые, пока еще немногіе, изъ воспитанниковъ этихъ школъ, принявшіе санъ священства и діаконства, каковы бы они ни были по своимъ качествамъ, все-таки были еще *необиты*. Да, кромѣ того, новыхъ-то кандидатовъ и не предвидѣлось въ скоромъ будущемъ. Потому преосв. Антоній обратилъ особенное вниманіе и на прежнихъ священниковъ, состоявшихъ въ инородческихъ приходяхъ, дабы какъ изъ этихъ, такъ и изъ тѣхъ составлять причты приходскіе, какъ говорится, въ перемежку, дабы, такимъ образомъ, исконные православные русскіе при взаимномъ общеніи съ инородческими, начиная съ самой практики для усовершенствованія въ знаніи

инородческаго языка, могли, возможно ближе, поставить себя въ отношеніи къ прихожанамъ изъ инородцевъ, а равно и инородческіе, возможно болѣе, воспринимали въ себя духъ священно и церковно-служительскій, привыкая къ общей, такъ сказать, колеѣ въ жизни и состояніи нашихъ церковныхъ причтовъ. „Иначе, говорилъ преосв. Антоній, замѣтно, проявляются у новопосвященныхъ изъ инородцевъ виды на какія-то привеллегіи и пр.; имъ такъ и хочется, и думается быть всѣмъ *Василіями Тимошевичами*“ (1). И потому какъ святой Апостоль изрекъ объ Епископахъ: „*подобаетъ быти епископу не новокрещену, да не розгордѣтся въ судѣ впадетъ диаволъ*“. (1 Тим. III, 6), такъ и въ отношеніи къ этимъ новокрещеннымъ приложима эта истина. Пусть обрусятся и, паче всего, очеркуются въ долгіе годы, когда будутъ нарождаться отъ нихъ дѣти и въ этихъ послѣднихъ вмѣстѣ съ млеко́мъ отродится духъ и призваніе къ духовно-церковному званію и служенію,—тогда другое дѣло, самое благонадежное и ручательное“.—Просвященный Антоній обосновывался въ этомъ и на историческихъ данныхъ. „Священники и діаконы были изъ числа инородцевъ, обучавшихся въ новокрещенскихъ школахъ еще въ XVIII столѣтіи, но, какъ сказано въ представленіи св. Синода Императрицѣ Екатеринѣ II, „оказывались *къ обученію не понятны* и, по занятіи ими священно-служительскихъ мѣстъ, не оказывали благотворна-

(1) Эту же самую черту мнѣ лично выражалъ самъ Директоръ Н. И. Ильминскій, по тому именно поводу, когда обращался къ нему, чрезъ мое, между прочимъ, посредничество, бывший Уфимскій преосв. Никаноръ съ просьбою рекомендовать ему кандидатовъ въ священники и діаконы въ крещено-татарскіе приходы въ Мензелинскомъ уѣздѣ. «Вѣрьте, говорилъ Н. И., что я научился уже опытами, какъ нужно быть особенно осторожнымъ въ рекомендаціи на священство; потому я если и рекомендую, то спачала непременно въ помощники при наличномъ мѣстномъ священникѣ или въ діаконы и, пожалуй, въ причетники». НВ. По этому же предмету была особая, по инициативѣ высшаго Начальства, переписка, которая сгруппирована Ник. Ив. Ильминскимъ. и издана въ отдѣльной брошюрѣ.—Переписка эта пишущему извѣстна была еще, въ свое время, изъ бумагъ преосв. Антонія.

го вліянія на массы своихъ единоплеменниковъ; есть даже преданіе, что они не ознаменовывали себя, большею частию, и нравственною жизнью“ (1). Но такъ какъ для достиженія, желаемой преосв. Антоніемъ, цѣли составить, хотя постепенно, контингентъ причтовъ *въ перемежку*, самъ онъ видѣлъ на дѣлѣ, что лицъ на подобную кандидатуру не имѣлось на готовѣ въ достаточности, то онъ приступилъ къ слѣдующимъ, вполне цѣлесообразнымъ и удобоисполнимымъ, мѣрамъ.

Первая мѣра состояла въ томъ, что онъ предложилъ Консисторіи объявить циркулярно чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ Извѣстіяхъ о приглашеніи діаконовъ, хорошо знающихъ инородческіе языки, преимущественно же татарскій, къ занятію священническихъ мѣстъ,—а причетниковъ, таковыхъ же, къ занятію мѣстъ діаконскихъ, въ чаяніи достигнуть, по достоинствамъ, впоследствии и священническаго сана.—Мѣра эта тѣмъ болѣе согласовалась съ дѣломъ и временемъ, что вскорѣ, когда состоялось опредѣленіе св. Синода не посвящать кончившихъ курсъ Семинаріи ранѣе извѣстнаго возраста, открылась повсемѣстная надобность возводить въ священники изъ послужившихъ діаконовъ и въ діаконы изъ причетниковъ,—хотя и не много образованныхъ.—Въ отдѣльности же, по отношенію къ инородческимъ приходамъ, мѣра эта прилагалась, всего болѣе, какъ благопотребная. Преосв. Антоній въ первые же годы убѣдился опытомъ, что воспитанниковъ Казанской Семинаріи обучалось инородческимъ языкамъ очень малое число и обученіе было далеко неудовлетворительно; а потому рассчитывать на нихъ, какъ кандидатовъ на приходы инородческіе, мало было надежды. Между тѣмъ, онъ зналъ лично, что нѣкоторые изъ діаконовъ и причетниковъ знаютъ инородческіе языки въ возможномъ совершенствѣ, какъ для разговорныхъ объясненій, такъ и для толковаго вразумительнаго чтенія и пѣнія въ церкви, а также для произношенія поученій и совершенія исповѣди на томъ или иномъ языкѣ,—преимущественно татарскомъ.

(1) Извѣстія по Казан. епархіи 1878 г., стр. 305—306.

Къ тому же эти лица, какъ уже пожилые, опытные въ жизни и, наконецъ, знакомые съ простолюдиннымъ состояніемъ прихожанъ, и, само собою, прежде и главнѣе всего, извѣстные честною безпорочною службою и благоговѣйнымъ усердіемъ къ церкви и Богослуженію и, наконецъ, обладающіе посильнымъ разумѣніемъ, нужныхъ для пастыря, предметовъ и истинъ,—эти лица могутъ соотвѣтствовать своему мѣсту и служенію на пользу инородческихъ приходовъ,—съ приложеніемъ даже своихъ трудовъ къ начальному обученію дѣтей инородческихъ грамотѣ, какъ на ихъ языкѣ, такъ и на русскомъ. „Вслѣдствіе сего,—писалъ въ заключеніе своего предложенія преосв. Антоній,—желая возбудить соревнованіе, въ будущемъ, въ діаконахъ и причетникахъ къ усовершенствованію себя самихъ, я объявляю всѣмъ таковымъ, что они могутъ явиться ко мнѣ съ прошеніями для надлежащаго испытанія“ (1).

Вторая мѣра, которую должно назвать особенно цѣлесообразною и обѣщающей несомнѣнный успѣхъ, состояла въ обязательствѣ для всѣхъ членовъ причтовъ обучать дѣтей своихъ съ малолѣтства разговорному языку тѣхъ инородцевъ, какіе имѣются въ приходахъ. Объ этомъ дано было преосв. Антоніемъ особое предложеніе Консistorіи (еще въ 1868 г., 19 Окт., № 4530). „Полагаю за несомнѣнное, писалъ преосв. Антоній, что это обученіе, съ одной стороны, весьма удобно, даже почти неизбежно въ инородческихъ приходахъ, особливо гдѣ инородцы живутъ въ самыхъ селахъ, потому что дѣти причтовъ, естественно, могутъ находиться въ близкихъ общеніяхъ съ дѣтьми инородцевъ и, тѣмъ паче, съ обучающимися въ сельскихъ школахъ; а съ другой стороны, это принесетъ самимъ дѣтямъ, впослѣдствіи, ту несомнѣнную пользу, что они, поступивъ въ училища духовныя и въ Семинарію, всего легче и успѣшнѣе, признаніи разговорнаго инородческаго языка, могутъ изучать его и по книжному (2). Они же, въ будущемъ, могутъ

(1) Извѣстія по Казанск. епархіи 1869 г., стр. 273—275.

(2) Извѣстія по Казанской епархіи. 1868 г., стр. 660—662.

вполнѣ расчитывать, что будутъ всегда первыми, по преимуществу, кандидатами, по окончаніи курса въ Семинаріи, на священничество въ инородческихъ приходахъ“.

Въ связи съ этимъ предложеніемъ, было еще предложеніе о томъ, чтобы въ тѣхъ приходахъ инородческихъ, гдѣ теперешніе священники не могутъ совершать всѣхъ службъ на инородческомъ языкѣ—татарскомъ, и иные даже не могутъ читать молитвословій, Символа Вѣры и молитвы Господней ⁽¹⁾, тамъ пріучаемы были къ этому чтенію и пѣнію школьные ученики, а съ ними и дѣти причтовъ, въ видахъ ознакомленія, кромѣ разговорнаго, съ языкомъ книжнымъ ⁽²⁾. Для этого же, въ совѣтѣ Братства св. Гурія (28-го Іюля 1869 г.), по особенному соучаствію преосв. Антонія, было постановлено, между прочимъ,—отнестись въ Консисторію, чтобы наблюденіе падъ инородческими (собственно черемисскими) школами, было поручено мѣстнымъ приходскимъ священникамъ; и это, само собою, простиралось бы, въ мѣрѣ удобности, и на прочія школы, въ видахъ сказаннаго пріученія школьниковъ къ чтенію и пѣнію въ церкви ⁽³⁾. За-то и, наоборотъ, преосв. Антоній официально предложилъ Консисторіи просить совѣтъ Братства о принятіи мѣръ къ возможному ускоренію изданія переводовъ молитвъ и хотя части Богослуженій на чувашскомъ и черемисскомъ языкахъ, такъ какъ священники отговариваются неимѣніемъ экземпляровъ этого изданія, между тѣмъ, какъ преосв. Антоній тогда же сдѣлалъ настоятельное распоряженіе, чтобы священники исполняли, по возможности, Богослуженіе,

(1) Чтобы понять, почему священники не могутъ читать переводныхъ молитвъ, хотя печатанныхъ русскими буквами, приведемъ слова Н. И. Ильминскаго: «Чтобы это чтеніе могло проникнуть въ слушающихъ, оно должно быть развязное, правильное, осмысленное и даже одушевленное. Татарскіе же звуки много отличаются отъ русскихъ; многіе буквы даже не выражаютъ своеобразныхъ звуковъ татарскихъ, потому ошибки въ произношеніи могутъ затемнять и даже иногда извращать смыслъ словъ и понятій».

(2) Извѣстія по Казан. епархіи, 1868 г., стр. 154—155.

(3) Тамъ же, 1869 г., стр. 531.

читали поученія и совершали исповѣдь и требы при посредствѣ печатныхъ (русскими буквами) переводовъ (1).

Еще прежде этого, въ первый же годъ (1867) послѣ первой своей поѣздки по обозрѣнію епархіи и, по преимуществу, инородческихъ приходовъ, преосв. Антоній сдѣлалъ отъ себя предложеніе, или, какъ бы, воззваніе къ приходскому сельскому духовенству такого содержанія: „И прежде я слышалъ за вѣрное, и теперь отчасти, гдѣ могъ, лично удостовѣрился, что многіе изъ крещеныхъ инородцевъ не только дѣти, но и возрастные, не знаютъ сколько нибудь истинъ христіанскихъ и молитвъ, и едва умѣютъ изобразить на себѣ крестное знаменіе; многіе не имѣютъ на себѣ крестовъ, и въ домахъ, какъ лично усмотрѣлъ я, или не имѣютъ иконъ, или держатъ ихъ въ неподобающемъ благолѣпіи, не на приличныхъ мѣстахъ и не въ должной чистотѣ и опрятности. Вслѣдствіе сего, предписываю приходскимъ священникамъ сель, гдѣ есть крещеные инородцы, чтобы они, какъ можно чаще, посѣщали деревни, населенныя ими, и самыя дома ихъ, не ожидая приглашенія для совершенія какихъ либо требъ, и узнавали, носятъ ли все, и взрослые и дѣти, кресты, и есть ли вездѣ въ домахъ и на приличныхъ мѣстахъ иконы и держатся ли оныя въ должной чистотѣ, а также научали всѣхъ, особенно же дѣтей, молитвамъ, крестному знаменію и начаткамъ катихизиса, въ чемъ должны помогать священникамъ и причетники, въ особенности же, гдѣ есть, діаконы, а также, способные—наиболѣе развитые, грамотные и благочестивые изъ самыхъ прихожанъ, каковыя могутъ быть во всякомъ приходѣ, каковыхъ священники и должны искать, расположить къ сотрудничеству себѣ въ дѣлѣ назиданія другихъ, и руководить ихъ въ семъ дѣлѣ. Неимѣющимъ на себѣ крестовъ, священники пусть сами раздають оныя, имѣя всегда въ церкви достаточный запасъ таковыхъ, пріобрѣтаемый на кошелековую сумму, и внушая получающимъ, чтобы они посади эти кресты постоянно и сохранны; пусть также снабжаютъ и иконами тѣ дома, гдѣ

(1) Извѣстія по Казан. епархіи 1874 г., стр. 193.

оныхъ не окажется, стараясь имѣть въ церкви запасъ простыхъ и не дорого стоящихъ иконъ, какъ для сей цѣли, такъ и для продажи другимъ, нуждающимся изъ прихожанъ,—каковыя иконы можно приобрѣтать, частію на кошелековую сумму, частію чрезъ приглашеніе достаточныхъ прихожанъ и другихъ благотворителей жертвовать оныя⁴.

Но, какъ оказалось, по личному же усмотрѣнію преосвящ. Антонія, въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходяхъ, и даже изъ приносимыхъ ему жалобъ, что священники и вообще причты, не наблюдая и не вникая въ религіозно-нравственныя духовныя потребности прихожанъ,—съ избыточнымъ усердіемъ наблюдали только свои интересы въ разныхъ сборахъ и взиманіи даже вымогательной платы за требы, то преосв. Антоній тогда же далъ и по этому предмету предложеніе. „Все это, писалъ онъ, между прочимъ, крайне унижаетъ причты въ глазахъ прихожанъ, раздражаетъ и заставляетъ ихъ смотрѣть на нихъ, какъ наемниковъ и на самый долгъ свой христіанскій и спасительный для нихъ, какъ на платежъ оброка въ пользу причтовъ и пр. Прошу и молю именемъ Господа Іисуса Христа всѣхъ пастырей-священниковъ блюстись отъ сего, и за всѣми членами причта строго смотрѣть, чтобы никто—ни діаконы, ни причетники, ни просвирни, не развѣзжали за сборами частыми, излишними, такъ какъ крещеные инородцы настолько тяготятся этимъ, что указываютъ на это, какъ на причину совращенія нѣкоторыхъ крещеныхъ татаръ обратно въ магометанство (1).

Впрочемъ, относительно послѣдняго пункта въ приведенномъ сейчасъ предложеніи, преосв. Антоній, впоследствии, разубѣдился, увидѣвъ, что это только отговорка и уловка со стороны совращающихся... Онъ весьма былъ радъ, когда доставлена была въ редакцію Извѣстій статья подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о доходахъ православнаго священника и татарскаго муклы“ (2). Статья эта,

(1) Извѣстія по Казанской епархіи, 1867 г., стр. 548.

(2) Извѣстія по Каз. епархіи, 1874 г., стр. 521—525.

какъ сказано было еще прежде, замѣчательна именно по отношенію къ свѣдѣніямъ о положеніи муллы въ матеріальномъ отношеніи. Такъ какъ, вѣроятно, эти свѣдѣнія, чуть ли не для всѣхъ, составляютъ новость, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, едва ли не вызовутъ сожалѣнія и удивленія, — какъ служители, господствующей въ отечествѣ, Православной Христовой Религіи обездолены, сравнительно съ муллами, въ разсматриваемомъ отношеніи, а, между тѣмъ, въ добакъ къ этому, объ нихъ же слыветъ пословица, „*что-де они берутъ и дерутъ съ живаго и съ мертваго*“, — то читающіе, надѣмся, непотягуются прочтеніемъ довольно значительной выписки изъ указываемой статьи.

„Вѣроятно, всѣмъ извѣстно отпаденіе крещеныхъ татаръ въ магометанство, за послѣдніе годы, по уѣздамъ: Казанскому, Лаишевскому и Мамадышскому; очень многимъ, вѣроятно, приходилось также слышать, что, въ числѣ другихъ причинъ отпаденія, отпавшіе особенно указываютъ на поборы духовенства, какъ на весьма тяжкіе и неудобноисполнимые; между тѣмъ, какъ въ магометанствѣ такихъ поборовъ, будто бы, не существуетъ, и потому быть магометаниномъ легче въ матеріальномъ отношеніи.

„Чтобъ основательнѣе убѣдиться въ несправедливости обвиненія духовенства татарами, я рѣшился собрать самыя точныя свѣдѣнія о доходахъ муллы и сравнить ихъ съ доходами священника, получаемыми съ прихожанъ и деньгами и хлѣбными сборами за требы. Свѣдѣнія о доходахъ мусульманскаго муллы я получилъ отъ нѣсколькихъ муллъ лично и, особенно точныя, отъ магометанскаго „Мударриса“ (въ родѣ нашего Благочиннаго). При исчисленіи доходовъ священника, а также и муллы, я буду держаться середины, скорѣе увеличивая доходъ перваго и уменьшая количество дохода послѣдняго.

„Православные приходы при одномъ священникѣ состоятъ изъ 300—1400 душъ муж. пола, а по домамъ отъ 100—500 домовъ; приходъ же муллы состоитъ отъ 200—300 душъ муж. пола, а по домамъ отъ 30—100 домовъ. Для сравненія изъ православныхъ приходовъ беру свой приходъ села Апазова, Казанскаго уѣзда, состо-

яцій изъ 1200 душъ муж. пола, живущихъ въ 400 домахъ; изъ магометанскихъ приходоу беру средней величины деревню въ 60 домовъ.

„Доходы православнаго духовенства вообще слѣдующіе: 1) руга, 2) плата денегъ за молебны въ Пасху, Богоявленіе, въ храмовой праздникъ, и за требы—крещеніе, браки, погребеніе и 3) еще кое-какія добротныя приношенія.—Такимъ образомъ, въ моемъ приходѣ съ дома выйдетъ всего на духовенство 1 руб. 85 коп. въ годъ. При этомъ нельзя не упомянуть и того, что вышеозначенный окладъ за требы и сборъ хлѣба самый высшій; но всѣмъ должно быть извѣстно, что многіе изъ бѣдныхъ прихожанъ руги вовсе не платятъ, за свадьбу даютъ 1 руб. 50 коп.; за похороны 30—50 копѣекъ; за крестины 5—10 копѣекъ, а иногда и ничего; а такихъ прихожанъ набрется въ моемъ приходѣ до 80 домовъ. Но оставимъ окладъ 1 руб. 85 коп. въ своей силѣ; тогда съ 400 домовъ, при самомъ исправномъ уплачиваніи, доходъ всего причта будетъ равенъ 740 руб., изъ которыхъ священникъ получитъ только половину, а другую причетники.

„Теперь взглянемъ на сборы магометанскаго муллы съ своихъ прихожанъ.

„По закону магометанскому, каждый домохозяинъ долженъ платить муллѣ десятую долю своего имущества, особенно же хлѣба. Но такъ какъ этотъ законъ у нихъ исполняется не многими, то мы будемъ исчислять доходъ муллы въ уменьшенномъ видѣ. Начнемъ съ хлѣба. Муллѣ долженъ платить десятую телѣгу хлѣба какъ яроваго, такъ и ржанаго каждый домохозяинъ; въ самомъ бѣдномъ домѣ бываетъ обою хлѣба до 20 телѣгъ, а въ богатомъ до 300. Мы будемъ считать по 20 только (?) телѣгъ въ домѣ на кругъ и отдадимъ муллѣ „десятину“ только съ нихъ, т. е. одну телѣгу яроваго и одну ржанаго. Въ порядочный урожай эти телѣги дадутъ хлѣба яроваго 7 пудовъ и ржанаго 10 пудовъ,—всего на сумму около 8 рублей—это плата съ дома. Каждую пятницу домохозяинъ обязанъ приносить муллѣ 3—10 фунт. какого либо хлѣба; возьмемъ только 5 ф. хотя бы ржа-

ной муки цѣною на 5 коп.,—всего съ дома выйдетъ 2 р. 60 коп. Послѣ уразы полагается муллѣ съ каждой души по 5 ф. пшеницы или другаго хлѣба, по стоимости равняющагося 5 ф. пшеницы. Если положить въ домѣ 5 душъ, то потребуется отдать 25 ф. пшеницы, на сумму не менѣе 50 копѣекъ. Въ праздникъ „Курбанъ“ каждый домохозяинъ обязанъ приносить жертву; имѣющій богатства на 40 руб.—приносить овцу, а семейство съ большимъ богатствомъ и состоящее не менѣе какъ изъ 7-ми человекъ, приносить корову; кожа съ жертвеннаго животнаго полагается непременно муллѣ. Если мы положимъ хоть по овчей шкурѣ съ дома и оцѣнимъ ее въ рубль, то къ платѣ муллѣ съ дома прибавится 1 рубль. Плата за свадьбу муллѣ бываетъ различна, смотря по количеству рублей „калыма“ (плата женихомъ невѣстѣ денегъ), съ котораго муллѣ отдается 2% съ рубля. Калымъ бываетъ 5—50 руб. и несравненно болѣе; почему средняя плата за свадьбу можетъ быть 1 р. За похороны платится отъ 20 коп. до 1 рубля 50 коп. Да кромѣ сего каждый умирающій отказываетъ муллѣ или одежду, или овцу, корову, лошадь, или же деньгами, смотря по богатству,—отъ 10 до 100 р. Отказывать муллѣ что либо по смерти обязанъ тотъ, кто въ жизни своей нарушилъ или постъ, или оставилъ несовершеннонымъ хотя одинъ „намазъ“, или другой какой либо обрядъ; а такъ какъ эти грѣшки водятся за каждымъ, то и отказываетъ муллѣ, по силамъ, каждый. Такъ въ одной изъ сосѣднихъ деревень, въ Шикѣ, недавно одинъ татаринъ отказалъ муллѣ 300 рублей; въ деревнѣ Азакахъ, бывшей Александровскаго прихода, Казанскаго уѣзда, отпавшій отъ Православія татаринъ, въ Православіи Игнатій, отказалъ муллѣ сумму болѣе 100 рублей. Итакъ, плата муллѣ за похороны можетъ быть самая меньшая 5 рублей. Если на деревню, состоящую изъ 60 домовъ, положимъ въ годъ 6 браковъ, 5 похоронъ взрослыхъ и 10 малыхъ, то годовой доходъ муллы за эти требы будетъ самый меньшій до 22 рублей, изъ которыхъ на каждый домъ падеть по 36½ копѣекъ.

„Такимъ образомъ, плата муллѣ съ cadaго дома на

кругъ, по самой меньшей мѣрѣ, равняется 16 р. 46¹/₂ к. въ годъ. И такъ, сколько же получаетъ татарскій мулла съ своего прихода, состоящаго только изъ 60-ти домовъ?! Полагая, какъ показано выше, съ каждаго дома самую меньшую платою по 16 р. 46¹/₂ коп. въ годъ, мулла съ 60-ти домовъ получитъ 987 р. 90 к.—Состоящій же при мечети „азанъ“ (по народному азанчей—въ родѣ нашего пономаря-звонаря) пользуется другими сборами въ свою пользу.

„Послѣ этого, говоритъ авторъ статьи, предоставляется самимъ читателямъ судить,—на сколько несправедливы обвиненія вообще православнаго духовенства въ поборахъ съ своихъ прихожанъ,—и, въ частности, съ крещеныхъ инородческихъ, и сколь лжива-измышлена причина, указываемая въ этихъ поборахъ, по которой, будто бы, отпадаютъ крещеные татары отъ православнаго христіанства обратно въ магометанство“.

Вообще, относительно вѣроотступничества какъ крещеныхъ инородцевъ, такъ и раскольниковъ ⁽¹⁾, преосв. Антоній неоднократно предписывалъ духовенству доносить объ этихъ случаяхъ прямо и немедленно ему съ объясненіемъ ближайшихъ причинъ этихъ прискорбныхъ фактовъ. А, наконецъ, и относительно, находящихся въ предѣлахъ приходоу, некрещеныхъ инородцевъ разныхъ племенъ предписано было тоже представлять чрезъ каждое полугодіе особыя вѣдомости, для чего разосланы были по подобнымъ приходамъ печатные экземпляры вѣ-

(1) Также должно сказать и о раскольникахъ. Въ *Церк. Вѣстникѣ*, какъ разъ теперь же, прочитана нами замѣтка (смотри. № 25 1882 г., стр. 13) такого содержания: «Въ послѣднее время приходилось читать не мало печатныхъ разсужденій о томъ, будто православные переходятъ въ расколъ отъ чрезмѣрныхъ поборовъ и вымогательствъ со стороны православнаго духовенства, и, напротивъ, раскольническое духовенство обходится для прихожанъ гораздо дешевле. Въ виду этихъ разсужденій и приведенъ живой фактъ, какъ бѣглый священникъ требовалъ и получалъ безъ отказа съ раскольниковъ—за молебенъ не меньше 1 р., за крестины 2—3 р., за свадьбу 10—20 р., не говоря о платѣ со стороны купцовъ; такъ что, въ какія нибудь недѣли полторы пребыванія въ Хвалынскѣ, священникъ получилъ побольше 1000 руб.

домостей съ самыми обстоятельными вопросными пунктами, изложенными въ отдѣльныхъ пяти графахъ, а именно: въ графѣ 1-й—Какого племени инородцы язычники? Сколько ихъ? Въ какихъ селеніяхъ имѣютъ жительство? во 2-й—Въ чемъ состоятъ ихъ вѣрованія? Въ какихъ обрядахъ выражаются ихъ вѣрованія? Есть ли у нихъ жрецы, или другія какія лица, поддерживающіе заблужденія, и затрудняющіе обращеніе? въ 3-й—Были ли употребляемы священникомъ, и какія именно, мѣры для привлеченія инувѣрцевъ къ вѣрѣ Христовой? Какія мѣры они впредь признавали бы полезными и нужными для успѣха обращенія? въ 4-й—Сколько изъ нихъ за полугодіе просвѣщено крещеніемъ, и кто именно? Сколько подающихъ надежду на обращеніе къ Церкви Христовой? Кто именно? Сколько остается еще некрещеныхъ къ слѣдующему полугодію? и въ 5-й—Есть ли кто либо изъ прихожанъ, который помогаетъ, и усердно ли помогаетъ, священнику въ распространеніи вѣры Христовой? Сколько лѣтъ священникъ служилъ при семъ приходѣ, и сколько, во время служенія своего здѣсь, окрестилъ изъ язычниковъ?

Сверхъ этихъ пунктовъ рекомендовалось еще вести дневники или нѣчто въ родѣ журнала своихъ дѣйствій. Дневники или журналы рекомендовалось представлять преосв. Викарію, который, по разсмотрѣніи, возвращалъ по принадлежности съ своими указаніями, или безъ оныхъ, для продолженія.—Рекомендовалось, наконецъ, составлять описаніе отдѣльныхъ, особенно выдающихся, случаевъ для печатанія ихъ въ Извѣстіяхъ къ общему свѣдѣнію и возможному пользованію этими свѣдѣніями, какъ добытыми изъ живыхъ фактовъ на практикѣ.

Далѣе не трудно было и всякому замѣчать лично или слышать, завѣрное, про то грустное явленіе въ средѣ православнаго населенія, что питейные дома и самое питье водки слишкомъ распространились повсюду въ послѣднее время. Но какъ татары имѣютъ положительное строгое запрещеніе корана противъ питья водки, то, пока остаются некрещеными, строго соблюдаютъ этотъ законъ; за то очень скоро заражаются примѣрами христіанскаго населенія, въ среду котораго вступаютъ по кре-

щеніи. По этому преосв. Антоній съ особенною ревностію внушалъ духовенству принимать все настырскія мѣры къ ослабленію винопитія и, если можно, къ закрытію питейныхъ домовъ, особливо съ населеніемъ крещеныхъ инородцевъ, чтобы избавить послѣднихъ отъ соблазна и заразы, и не дать повода къ зазору и прямому обличенію со стороны некрещеныхъ инородцевъ. Послѣдніе иногда прямо указываютъ на живые примѣры: „что вотъ-де пока такіе-то не крестились, то были хорошіе люди, не пьянствовали и хозяйство у нихъ было въ довольствѣ, а теперь испортились и пораззорились“.

Съ другой стороны—такъ какъ питейные дома отворяются, по преимуществу, въ дни базарные, а послѣдніе открываются, по преимуществу, въ дни воскресные, то здѣсь являлось сугубое зло, т. е. и нетрезвость и нарушеніе чествованія воскреснаго дня, потому что, продающіе и покупающіе, менѣе всего, являются въ церковь и потомъ тутъ же, послѣ выручки отъ продажи, деньги, почти неминуемо, попадаютъ въ кабакъ. Къ возможному устраненію этого, противнаго чувству вѣры и уставамъ Церкви и вмѣстѣ нераздѣльнаго съ сказанными послѣдствіями, пьянства и разгула въ воскресные дни, преосв. Антоній тоже располагалъ всеми мѣрами мѣстное духовенство. При этомъ имѣли мѣсто опять особенныя же причины и условія собственно по отношенію къ инородцамъ и крещенымъ и некрещенымъ. Тѣ и другіе изъ послѣднихъ сколько, естественно, соблазнялись такимъ очевиднымъ нарушеніемъ почитанія воскресныхъ дней въ средѣ православныхъ,—столько же, наоборотъ, видѣли прямое преимущество въ чествованіи пятницы, имѣющей (особенно у магометанъ) значеніе, равное христіанскому воскресенію. Такое преимущество тѣмъ болѣе дѣлалось для нихъ основательнымъ, что къ удивленію, можетъ быть, даже ихъ самихъ, въ нѣкоторыхъ христіанскихъ же селеніяхъ, или, какъ бы, по подражанію инородцамъ, или по какому-то суевѣрію, день пятницы тоже чествовался, какъ день воскресный.

Все эти внушенія преосв. Антонія, дѣланныя имъ или лично словесно, или чрезъ Благочинныхъ, къ утѣ-

шенію его, не оставались тщетными. Въ большинствѣ случаевъ, въ этомъ дѣлѣ оказывали участіе и прямое содѣйствіе церковно-приходскія Попечительства, которыя составляли, даже при общихъ собраніяхъ прихожанъ, приговоры съ изложеніемъ правилъ и условій по части закрытія питейныхъ домовъ и уменьшенія пьянства и къ перенесенію базаровъ съ воскресныхъ на другіе дни.— Получая доношенія о всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ, преосвящ. Антоній истинно утѣшался и давалъ резолюціи почти тождественныя съ слѣдующею, выписываемою здѣсь для примѣра: „Прихожанамъ села Б—лычева, за уничтоженіе между ними обычая чтить пятницу наравнѣ, или даже вмѣсто воскреснаго дня, преподается Божіе благословеніе, и Консисторія выразить совершенное одобреніе и благодарность епархіальнаго Начальства, сдѣлавъ сіе чрезъ напечатаніе въ „Извѣстіяхъ“ извѣстнымъ по всей епархіи съ указаніемъ на сіе, какъ на примѣръ, достойный подражанія и для другихъ приходоѡ, гдѣ между прихожанами, доселѣ еще, водится означенный нехристіанскій обычай—праздновать пятницу, или же другіе подобныя сему обычаи“ (1).

Наконецъ, плодомъ всѣхъ этихъ Архипастырскихъ благожелательныхъ внушеній духовенству, равно какъ и формальныхъ, прежде приводимыхъ, распоряженій преосвящ. Антонія, было то, что и въ самыхъ „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“ въ отдѣлахъ программы IX и X, — гдѣ въ первомъ изъ нихъ заключаются „статьи духовнаго и общаго содержанія“, и во второмъ—„мѣстныя извѣстія“,—стали скоро въ значительномъ количествѣ появляться интересныя статьи, доставляемыя, по преимуществу, духовенствомъ. Самая редакція „Извѣстій“ не оставляла безъ вниманія эти труды и услуги для полноты и интереса изданія, какъ мѣстнаго органа, выражая благодарность всѣмъ соучастникамъ въ этомъ благотворномъ для епархіи дѣлѣ. Самъ же преосв. Антоній, неопустительно прочитывая всѣ печатныя статьи съ полнѣйшею внимательностію, а иногда предварительно и въ

(1) Извѣстія по Казанской епархіи 1873 г., стр. 550.

рукописи, строго слѣдилъ за ихъ содержаніемъ и направленіемъ и самую удобоприложимостію къ мѣсту и къ дѣлу. Во время поѣздокъ по епархіи, онъ, въ большинствѣ, дѣлалъ свои особенныя наблюденія, руководясь именно содержаніемъ той или другой статьи, относящейся непосредственно къ извѣстному мѣсту; въ то же время всячески дознавалъ, — нѣтъ ли чего подобнаго, хотя и оставляемаго безъ вниманія, и въ другихъ приходахъ; и если находилъ что нибудь однородное, тутъ же требовалъ отъ священника отыскать такой то № „Извѣстій“. Тутъ-то и оказывалось, что или №№ Извѣстій еще не получались, или полученные вовсе и не разрѣзывались... или же оказывались разбросанными и даже частію затерянными...

При личныхъ свиданіяхъ съ авторами извѣстныхъ статей преосв. Антоній входилъ въ нарочитыя подробныя объясненія о томъ, что, быть можетъ, было неудобно помѣстить въ печати. Впрочемъ, говорилъ онъ и заочно: „напрасно нѣкоторые, видимо, стѣсняются высказывать всю правду, или выставляютъ, по преимуществу, свѣтлыя только стороны, какъ бы, напоказъ или иногда, не въ укоръ сказать, ради заявленія о своей личной только дѣятельности и заслугѣ... Здѣсь свое личное должно быть приносимо въ жертву общему благу. Совершенства требовать нельзя, и устранить всѣ недостатки или избѣгать ошибокъ и промаховъ тоже невозможно... И что же дѣлать, если мнѣ первому, и по преимуществу, приводилось бы при этомъ чувствовать скорбь или непріятность. Долгъ и призваніе наши общіе и священны, чтобы *другъ друга тяготы носить и тако исполнити законъ Христовъ*“.

Въ этомъ родѣ и смыслѣ преосв. Антоній выражалъ свои сужденія, между прочимъ, тогда, когда являлись къ нему священники и прочіе члены причта съ прошеніями о перемѣщеніи. Здѣсь онъ прежде всего всячески добивался узнать истинныя причины и побужденія, вызвавшія желаніе перемѣститься; поступалъ также и тогда, когда, по рѣшеніи дѣла, явно обнаружившаго недостатки или личные, или служебные, приходилось перемѣщать

кого либо съ мѣста на мѣсто. Въ случаѣ, замѣченной съ первыхъ же словъ, неискренности просителя, или не полного сознанія подвергшагося обвиненію, преосв. Антоній сначала, какъ бы, не выдерживалъ ровности и спокойствія; держа въ рукахъ, или имѣя на столѣ прошеніе, или дѣло, онъ начиналъ, бывало, пошевыривать ихъ то туда, то сюда, или вдругъ вставалъ и начиналъ ходить, какъ бы, устраняя себя отъ объясненій съ предстоящимъ, а если и говорилъ, то скороговоркой и пришепетывая ⁽¹⁾, отъ чего для непривычнаго слуха съ трудомъ можно было разбирать изъ трехъ одно слово. Была манера, при подобныхъ же случаяхъ, обращаться къ деревьямъ на окнахъ и оципывать, замѣченные попортившіеся, листки. Дѣлая послѣднее, онъ въ это время, видимо, какъ бы, оципывалъ и отбрасывалъ тѣ свои впечатлѣнія и чувствованія, которыя съ перваго раза неблагопріятно отозвались въ его сердцѣ. Послѣ этого онъ вдругъ опять обращался къ тому же предстоявшему въ совершенно иномъ тонѣ. „Ну-такъ что-жъ,— чего ты хочешь себѣ, и разсудилъ ли ты, чего просишь?! по крайней мѣрѣ подумай и скажи искренно теперь“. — И бывало, дѣйствительно, что проситель, или пудсудимый высказывался отъ всей души и о приходѣ, и о самомъ себѣ. „А чтожъ ты прежде объ этомъ молчалъ и не писалъ хотя бы въ письмѣ, и, чрезъ это еще болѣе, запустилъ приходъ; между тѣмъ, въ свое время можно бы сдѣлать и то и другое, и самъ бы ты тогда же чувствовалъ себя совершенно иначе... Такъ бери-ка прошеніе твое назадъ и оставайся на теперешнемъ мѣстѣ. Недостатки же твои и оплошности я теперь знаю; они не исправимы; только будь, Бога ради, благоразумень самъ и т. п.“. Испытавшіе эти приемы преосв. Антонія уходили отъ него, подчасъ, какъ бы, не вѣря самимъ себѣ, своей перемѣнѣ въ собственномъ состояніи. Быва-

(1) Это *пришепетываніе* вообще было очень явственно въ звукахъ его говора и зависѣло оно отъ естественной причины—отсутствія зубовъ; въ подобныхъ же случаяхъ это было явнымъ признакомъ нехотѣнія говорить и даже отвѣчать вслѣдствіе несочувствія или къ лицу неискреннему, или самому предмету неумѣстному.

ло, не рѣдко, и такъ: отпустивши того или иного просителя, онъ или тотчасъ же приказывалъ воротить его и тутъ что нибудь высказывалъ, или назначалъ ему снова придти, обѣщаясь самъ подумать, или навести справки въ Консistoriи, чтобы дать окончательное рѣшеніе, — или же приказывалъ просителю отъ имени его тотчасъ же справиться самому въ Консistoriи и снова явиться къ нему, — чтобы не затягивать дѣло и не задерживать просителя. Правда, когда въ лѣтнюю пору преосв. Антоній проживалъ въ загородномъ домѣ, отстоящемъ отъ города верстъ на 5, то просителямъ бывало не безъ затрудненій являться къ нему; за то онъ принималъ ихъ, буквально, во всякую пору и не въ пору. Пойдетъ ли, бывало, онъ гулять по саду и встрѣтитъ кого либо, то или воротится, или съ собою же позоветъ и дорогою прочтаетъ прошеніе и переговоритъ обо всемъ. Когда ему докладывали о времени обѣда, онъ отвѣчалъ: „можно еще погодить, авось кто придетъ изъ просителей“. Готовясь же садиться за столъ, — оцять-таки спрашивалъ: „а что нѣтъ ли тамъ кого изъ ожидающихся?“ и иногда, не довѣряя келейнымъ, самъ проходилъ въ приемную и переднюю, чтобы увѣриться. Если же на кого онъ не обращалъ вниманія изъ подобныхъ позднихъ просителей, — то это на сборщиковъ съ книгами... „Ну эти-то пусть подождутъ, хоть и дважды придутъ; все равно имъ *шататься*“... и, если принималъ таковыхъ, то всегда съ неохотою... Срокъ для ихъ сборовъ назначалъ самый кратчайшій — дня на два и на одинъ... У него не было назначено никакихъ опредѣленныхъ часовъ для приѣма; онъ одинаково принималъ и утромъ и вечеромъ. — Въ надгробномъ словѣ, сказанномъ о Ректоромъ Академіи, самымъ вѣрнымъ характеристичнымъ образомъ засвидѣтельствована эта сторона въ жизни преосв. Антонія, „какъ *пастыря добраго, готоваго глашати по имени* каждаго изъ пасомыхъ и принимающаго къ себѣ всѣхъ *благовременно и безвременно*. Кто только ни приходилъ къ нему, и по служебнымъ и по частнымъ дѣламъ и нуждамъ, всякъ приходилъ съ несомнѣнною увѣренностію найти всегда доступъ не къ дверямъ толь-

ко, но прямо къ его любвеобильному пастырскому сердцу, *не тѣсно вмѣщавшему* по слову Апостола *всѣхъ въ любви своей*“. Съ своей стороны мы можемъ фактами свидѣтельствовать, что это выраженіе, находящееся, между прочимъ, въ акаѳистѣ Святителю Гурію: *„радуясь всѣхъ не тѣсно въ любви своей вмѣщай“* замѣняло у иныхъ самое имя преосв. Антонія, — равно какъ и наименованіе *„Благостнѣйшій“*.

Отказы на прошенія бывали въ единственномъ, кажется, только случаѣ, — это когда священники, особливо молодые, просили себѣ перемѣщенія на другой приходъ, проживши на первомъ слишкомъ мало времени. — Чтобы подобные просители не обременяли его, или просто не насильовали его доброты подобными просьбами, преосв. Антоній объявилъ даже чрезъ Консисторію, чтобы отселъ никто изъ духовныхъ лицъ, ранѣе трехъ лѣтъ служенія на мѣстѣ, не обращался съ просьбами... (1). Причиною этого распоряженія, кромѣ означенной въ самомъ распоряженіи, было и то, какъ высказался и самъ преосв. Антоній, что — „когда просятъ только посвященія во священники кончившіе курсъ Семинаріи, и когда приводится ихъ посвящать, и ранѣе срока по возрасту, по причинѣ собственно недостатка въ кандидатахъ, тогда они готовы на какое угодно мѣсто..., а какъ получать священство, то и начинаютъ простирать свои желанія и чуть не права на выборы мѣстъ. Къ тому же я узналъ, что и священство-то они ускоряютъ просить, между прочимъ, потому, что засватываютъ себѣ невѣсть, еще сидя на скамьяхъ школьническихъ, а потомъ просватавшіе за нихъ своихъ дочерей не даютъ имъ, какъ говорится, ни отдыху, ни сроку, заставляя ихъ хлопотать о какомъ бы то ни было мѣстѣ, только бы священническомъ и возможно поскорѣе... При этомъ же самые родные по женѣ и сама жена начинаютъ подбивать ихъ: „просись-де вотъ туда и туда и, всего болѣе, поближе къ нимъ — этимъ роднымъ“. Преосв. Антоній однажды далъ даже особое предложеніе Правленію Казанской Семина-

(1) Извѣстія по Казанской епархіи, 1878 г., стр. 667.

рии такого рода: „До свѣдѣнія моего дошло, что воспитанники высшаго отдѣленія заранѣе пріискибають и сватываютъ себѣ невѣсть, въ видахъ немедленно по окончаніи курса, посредствомъ брачныхъ родственныхъ связей, занять священническія мѣста. Находя, что такое преждевременное промышленіе себѣ священническихъ мѣсть, при томъ чрезъ засватываніе невѣсть, совершенно неумѣстно и несогласно съ состояніемъ воспитанниковъ, и что оно противно послѣдовавшему указу св. Синода, коимъ воспрещено полученіе мѣсть поставлять въ зависимость отъ брачныхъ и родственныхъ связей,—я предлагаю семинарскому Правленію строго внушить воспитанникамъ, чтобы они отнюдь не дозволяли себѣ этого, такъ какъ подобныя сдѣлки не только не обезпечать для нихъ полученія ими мѣста, но, напротивъ, повреждать имъ въ этомъ, коль скоро дойдетъ, завѣрное, до меня свѣдѣніе объ этомъ“ (1). Вообще, особливо въ послѣдніе годы, преосв. Антоній къ кандидатамъ на священство—воспитанникамъ Семинаріи относился сравнительно не сочувственно. „При принятіи прошенія отъ кончившаго курсъ семинариста съ приложеніемъ его аттестата, можно было, и не заглядывая въ послѣдній, напередъ знать“, говорилъ онъ, „что проситель не *пятерошникъ* и не *четверошникъ*, иначе, навѣрное, убрался бы въ какое либо заведеніе, хотя бы попробовать счастья... Да, впрочемъ, если являются нынѣшніе пятерошники, то прежде чѣмъ признать ихъ кандидатами на священство по аттестату, приводится, къ прискорбію, подвергать ихъ переэкзаменовкѣ собственно по богословскимъ предметамъ.—А что касается до испытанія по части знанія церковнаго устава и даже просто хорошаго чтенія по славянски, то, право же, стыдъ и срамъ ставить иныхъ на клиросъ. Видимо-превидимо, что и рѣшившійся поступить въ духовное званіе нисколько и не подумалъ позаняться и поприготовиться къ этому, хотя по окончаніи курса жилъ довольно время въ селѣ при церкви... Скорѣе же приводилось узнавать наоборотъ, что, и по

(1) Извѣстія по Казанской епархіи, 1867 г., стр. 588—589.

прибытіи въ Казань для посвященія, иные стараются только успѣть обѣгать, особливо въ угоду своей привезенной съ собой молодой жены, разныя гульбища и зрѣлища и размотать на это значительную часть приданныхъ денегъ, начиная съ платы за номеръ и столъ въ гостинницѣ и разныя ненужныя предметы, покупаемые, какъ говорится, на широкую ногу“.

Къ слову объ обращеніи съ просителями, скажемъ объ образѣ и манерахъ преосв. Антонія при приѣмахъ вообще лицъ служебно-подчиненныхъ. Съ извѣстною всѣмъ любвеобильностію и благоустностию не согласовалось, повидимому, то, что онъ принималъ духовныхъ въ залѣ и не сажалъ при себѣ, не смотря на продолжительность приѣма, иногда очень значительную. Это было не въ отношеніи только къ просителямъ, а и къ другимъ лицамъ, являвшимся по служебнымъ дѣламъ, напр. Благочиннымъ и другимъ. Секретарю Консисторіи, или членамъ и даже начальникамъ заведеній—ректоромъ и инспекторамъ при всемъ томъ, что приѣмъ былъ прямо въ кабинетѣ, онъ не вдругъ предлагалъ садиться,—а довольно долго, не вставая самъ изъ-за письменнаго стола, оставлялъ ихъ, какъ бы, не замѣчая самъ этого, на ногахъ... или же, въ концѣ концовъ, самъ вставалъ и продолжалъ разговоръ ходя. Приводилось иногда слышать, на счетъ этого, рѣчи не въ пользу преосв. Антонія,—но въ общемъ итогѣ и въ самомъ значеніи чувствовалось это дѣло совсѣмъ иначе.—Такъ въ отношеніи къ просителямъ, принимаемымъ въ залѣ и на ногахъ, конечно есть пословица, что „не въ ногахъ правда“, за то и не въ приглашеніи къ сидѣнію заключается вниманіе и милость. Можно ощущать, что стулъ или кресло мягки, да сидѣть-то жестко... и выходить-то изъ гостинной приводится иногда такъ, что съ трудомъ припомнится, какими дверями вошелъ... Это говаривалъ и самъ преосв. Антоній, когда встрѣчалъ въ газетахъ извѣщенія такого именно рода, что вотъ-де новопривышій Архіерей принимаетъ такъ и такъ и садитъ всякаго... а не то, что прежде бывшій... „Эхма, не велика честь и хвала изъ-за этого!“.

Что же касается до приёмовъ и манеръ втораго рода въ кабинетѣ, — то по самому значенію кабинета, въ смыслѣ ипоческомъ — *внутренней потаенной келліи*, а въ административно-служебномъ, какъ мѣстѣ секретно-откровенныхъ аудіенцій, преосв. Антоній являлся во всей своей простотѣ, каковъ и былъ во всемъ всегда... Одно напр. то, что при докладѣ келейнаго о прибытіи тако-го-то, сказавъ лаконическое „просить сюда“, слышимое и самимъ прибывшимъ, — преосв. Антоній, между тѣмъ, не отрывалъ руки отъ бумаги и пера, и затѣмъ, по входѣ уже прибывшаго, дописывалъ что нибудь спѣшное иногда минуты двѣ-три... При этомъ, естественно, какъ онъ самъ былъ въ простомъ домашнемъ одѣяніи, такъ и все на письменномъ столѣ и прочихъ мѣстахъ было открыто предъ всѣми...; одно это сразу обивало всякаго вопедшаго какимъ-то обаяющимъ умиляющимъ духомъ и тутъ же вдыхались, впивались такія чувства, которыя можно выразить только сопоставленіемъ съ тѣми, какія естественны въ отношеніи къ нѣжно-любящему и нѣжно-любимому отцу, и въ тоже время, къ благоговѣнно-чтимуому святителю. Самолично видѣвшіе и испытавшіе все это, несомнѣнно, при чтеніи настоящаго изложенія, живо воскресятъ въ своей душѣ, что чувствовалось ими въ свое время, и засвидѣтельствуютъ, — могла ли мелькнуть хотя тѣнь какой либо мысли о чемъ либо, проявлявшемся въ этихъ приемахъ и манерахъ, не въ пользу личнаго характера преосв. Антонія и его отношеній къ лицамъ, болѣе или менѣе, подчиненнымъ и въ своей мѣрѣ даже равностепеннымъ. Мы разумѣемъ то, что эти же самыя приемы и манеры встрѣчали, при случаяхъ, и сами преосвященные Викаріи. Вообще, при бываніи у преосв. Антонія въ кабинетѣ разныхъ лицъ, иногда собиравшихся въ значительномъ числѣ, можно было, преимущественно, видѣть и чувствовать, — какъ тутъ разширялись во всю полноту его сердце и уста, и изливалась вся его задушевность, безпристрастность, прямота до рѣшительности, чтобы не сказать, иногда до степени неосторожности... или точнѣе, до самонешадѣнія... Последнее онъ и самъ сознавалъ и высказывалъ иногда:

„не знаю, кстати ли я сказалъ то и то, или, по крайней мѣрѣ, поняты ли были мои слова въ истинномъ смыслѣ... Впрочемъ, какъ я говорилъ чисто отъ души, — дай Богъ, чтобы и слышавшіе приняли также къ душѣ, а не къ ушамъ только“. — „Вѣрять въ душу другихъ, какъ свою“, — это было такою чертою преосв. Антонія. что многіе истинно недоумѣвали и выражали не малое удивленіе... Приводилось и высказывать ему нѣчто въ этомъ отношеніи, но онъ оставался неизмѣннымъ. „Что же? — говорилъ онъ на это, — настырю, значить, должно представлять себя *не посреди овецъ, а волковъ*... Не прилагать же стать къ практикѣ и своей жизни пословицу „съ волками жить по волчьи и выть“. Нѣтъ, по моему: „волковъ бояться и въ лѣсъ не ходить“.

Есть, наконецъ, еще данныя, показывающія, какъ будто, что приемы просителей и удовлетвореніе ихъ просьбъ зависѣли иногда отъ ходатайствующихъ и вообще посредствующихъ лицъ. Ходили напр. толки, что „довольно, будто бы, обратиться къ извѣстнымъ Владыкѣ лицамъ, и, тогда-де навѣрное, Владыка умилоствится“. — Въ подобныхъ толкахъ есть, положимъ, доля дѣйствительности, но только послѣдняя-то явно перетолковывалась или по невѣдѣнію, или въ значеніи, такъ называемыхъ, заднихъ мыслей. — Преосв. Антоній, дѣйствительно, и, при томъ, открыто при многихъ, выслушивалъ и отъ близкихъ къ нему и стороннихъ посѣтителей отзывы о духовныхъ лицахъ; равно, когда высказываемы были ему прямыя ходатайства за кого либо, принималъ во вниманіе и послѣднія. За-то, какъ бы въ предостереженіе самихъ ходатайствующихъ и для провѣрки ихъ искренности, онъ тутъ же высказывалъ какіе либо случаи не оправдывавшихся рекомендацій и ходатайствъ; а если навѣрное зналъ лицо, рекомендуемое съ хорошей стороны, то не скрывалъ чувства пріятности при слушаніи рекомендаціи и даже благодарилъ за благовниманіе. Въ противномъ же случаѣ напрямки отвѣчалъ: „охъ! нѣтъ и нѣтъ!!... хорошо бы вашими устами медъ пить. — да вы сами не хорошо его поотвѣдали...“ — А потому и отъ самаго просителя преосв. Антоній не скрывалъ ходатайства перва-

го рода, внушая при этомъ, чтобы старался оправдать и впредь заслужить большаго... „Подобаетъ бо, говорить онъ словами Апостола, *свидѣтельство добро или ти и отъ внѣшнихъ, а служащiе добръ* и свидѣтельствуемые такъ, — *степень себѣ добръ снискаютъ*“ (1 Тим. 3, 7 и 13). Что же касалось ходатайствъ за провинившихся по дѣламъ, — то, при всей своей благостности, онъ даже не позволялъ иногда заводить рѣчь въ извиненiе виновнаго, особенно если виновность состояла въ нарушенiи религиозна-церковнаго долга, и гдѣ предметъ и существо вины заключались въ личномъ состоянiи виновнаго, какъ *не радѣющаго*, по слову Апостола, *о дарованiи живущемъ въ немъ, еже дано бысть съ возложенiемъ рукъ священничества* (1 Тим. 4, 14).

Не приводя здѣсь другихъ фактовъ, мы укажемъ только на одинъ, бывшiй въ самыя предсмертныя уже минуты жизни преосв. Антонiя ⁽¹⁾. Когда, за день только до кончины, былъ у преосв. Антонiя Секретарь Консисторiи съ дѣлами, въ числѣ коихъ было дѣло объ одномъ священникѣ изъ молодыхъ, допустившемъ проступокъ по несоблюденiю нѣкоторыхъ важныхъ религиозна-церковныхъ положенiй, — и когда Секретарь, въ смыслѣ смягченiя виновности, сказалъ: „казалось бы, священникъ этотъ развитой и здѣсь съ его стороны скорѣе недоумѣнiе...“ „Ахъ, не говорите!!... горе мнѣ, горе именно съ этими *развитыми* священниками“. — „Какой это былъ Святитель“, спросилъ онъ обратившiйся вдругъ ко мнѣ, — „я теперь припомнить не могу имени, — который молился при гробѣ св. Апостола Петра объ отпущенiи ему грѣховъ, такъ чтобы, здѣсь же при жизни, увѣриться въ несомнѣнности этого прощенiя? — „Левъ св., Папа Римскiй“, отвѣчала я... „Ну да... А что ему отвѣчено было?... То, что отпущены всѣ грѣхи, кромѣ *хиротонiи*, ибо за это — сказано, — *истязанъ будещи, аще кого добръ и законно рукоположилъ еси, или ни*“. — „Такъ

(1) Смотр. статью: «Последнiе дни жизни, кончина и погребене высокопр. Архиепископа Казанскаго». Церковный Вѣстникъ 1879 г., № 50.

вотъ и смнѣ будетъ“, говорилъ Владыка.—„Эта-то нынѣшняя *развитость*, продолжалъ онъ, и доводитъ скоро до забвенія о томъ, что главнѣе всего и священнѣе для священниковъ. Охъ! не такого *развитія* желалось бы видѣть въ нихъ“.—Этотъ фактъ, какъ бывшій въ предсмертныя минуты, когда естественнѣе всего, ожидать было бы проявленія *благостности* преосв. Антонія, да послужитъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ, что, какъ доступенъ былъ преосв. Антоній для ходатайствъ, такъ же не податливо принималъ ихъ и по дѣламъ формально-административнымъ и по частнымъ случаямъ.

Этимъ мы и заканчиваемъ изложеніе объ епархіально-административной дѣятельности преосв. Антонія.—Обращаемся къ дѣйствіямъ его по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ—къ Академіи, Семинаріи и училищамъ и другимъ.

ГЛАВА VII.

~ ~ ~

Казань рисовалась предъ взоромъ преосв. Антонія, еще при самыхъ сборахъ его въ Смоленскѣ, какъ городъ академическій и университетскій, живо напоминая ему, въ этомъ отношеніи, Кіевъ. Тамъ же, въ Смоленскѣ, онъ напередъ утѣшался еще и тѣмъ, что оба главные представители Казанскихъ высшихъ заведеній и цѣлыхъ учебныхъ округовъ были лица, ему вполне знакомыя. Попечитель Казанскаго учебнаго округа Петръ Димитріевичъ Шестаковъ былъ, въ первыхъ годахъ служенія преосв. Антонія въ Смоленскѣ, Директоромъ Смоленской Гимназіи, и тогда же они оба хорошо познакомились. Ректоромъ же Казанской духовной Академіи былъ Архимандритъ Иннокентій, кончившій курсъ въ Кіевской духовной Академіи въ 1851 г., и потому, бывшій въ теченіи послѣдняго года ученикомъ преосв. Антонія, и отъ него же получившій самое постриженіе въ монашество.

Такимъ образомъ, весь высшій ученый и учебный міръ, въ лицѣ этихъ двухъ представителей, для преосв. Антонія не могъ быть, какъ говорится, темнымъ лѣсомъ, а по служебнымъ его отношеніямъ къ этому міру въ Кіевѣ онъ не могъ казаться ему даже и новымъ, помимо развѣ какихъ-либо частныхъ мѣстныхъ условій. Впрочемъ, не касаясь пока отношеній преосв. Антонія не только къ университетской, но даже и къ академической корпораціи, мы начнемъ рѣчь прежде всего о Семинаріи, какъ ближайшемъ подвѣдомственномъ ему заведеніи, и какъ предметъ первой его заботливости по отношенію къ самой епархіи въ прямыхъ интересахъ ея благосостоянія.—На личности же Ректора Академіи, при настоящемъ развѣ, необходимо будетъ остановиться потому толь-

ко, что, по прежнему уставу, Семинаріи были распределены по округамъ Академій и подвѣдомы были послѣднимъ, какъ непосредственнымъ высшимъ инстанціямъ, и Ректоры Академій, хотя не однолично, а въ составѣ окружныхъ Правленій академическихъ, были главными заведывателями дѣлъ семинарскихъ во всѣхъ отношеніяхъ. А какъ Архимандритъ Иннокентій, еще прежде своего ректорства въ Казанской Академіи, былъ сначала Инспекторомъ Казанской же Семинаріи—а потомъ Ректоромъ въ ней же, и въ теченіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ зналъ вполнѣ все ея состояніе, начиная съ лицъ служащихъ, особливо Ректора—преемника его, бывшаго при немъ же на службѣ въ теченіи десяти лѣтъ въ званіи Наставника и Инспектора,—то преосв. Антонію неоставалось ничего болѣе и желать, чтобы получить на первыхъ же порахъ самыя точныя свѣдѣнія о Казанской Семинаріи и начать дѣйствовать по отношенію къ ней со своею обычною энергіею.

Казанская Семинарія дождалась очереди преобразования по новому уставу только въ 1871 г., слѣдовательно четыре года при преосв. Антоніи она оставалась въ прежнемъ видѣ, и въ учебномъ, и матеріальномъ отношеніи. Прежде всего вниманіе преосв. Антонія обратило на себя помѣщеніе Казанской Семинаріи. Семинарскій корпусъ, бывший однимъ изъ прекрасныхъ домовъ на самой главной улицѣ Казани—Воскресенской, сгорѣлъ еще въ 1842 году и оставался въ руинахъ болѣе 20-ти лѣтъ. Затѣмъ, какъ сказано въ некрологѣ, „хотя онъ былъ возведенъ постройкою снова (вмѣсто трехъ бывшихъ этажей только въ два), но *по какому-то странному (?) стеченію обстоятельствъ*, этотъ обширный обновленный корпусъ, оставаясь по названію и вѣдомству семинарскимъ, вмѣсто храма духовнаго просвѣщенія, обращенъ былъ весь въ торговыя и разныя мастерскія заведенія,—а Семинарія была обречена на привитаніе въ чужомъ домѣ, принадлежавшемъ духовному училищу, перемѣщенному, по этому, въ насмный домъ въ мѣстности неудобной и неблагопріятной, по низменности и сырости, для здоровья учениковъ. Впрочемъ, и училищный домъ зани-

маемый Семинаріей, былъ и тѣсный и обветшалый, и вообще—крайне неудобный. Владыка Антоній, съ перваго же разу, не могъ долѣе терпѣть такого запустѣнія. Онъ немедленно приступилъ къ дѣлу, и, дѣйствительно, чрезъ годъ же Семинарія перемѣщена была въ свой обновленный, хотя для другаго вышесказаннаго назначенія, семинарскій корпусъ, а училище было возвращено изъ наемнаго въ собственный, занимаемый Семинаріей. Перемѣщеніе Семинарії пришлось, какъ разъ, ко времени празднованія ея (въ 1868 г. 20-го Октяб.) своего юбилея—*пятидесятилѣтняго*, со времени бывшаго преобразованія ея въ 1818 г. и *полутора-вѣковаго* отъ времени ея первоначальнаго учрежденія, такъ что она была старѣйшимъ изъ всѣхъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, и именовалась даже въ извѣстный періодъ,—въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—„академіею“ (1).

Названное въ некрологѣ *страннымъ* стеченіе обстоятельствъ, по которымъ семинарскій корпусъ изъ храма духовнаго просвѣщенія обращенъ былъ въ торговыя и мастерскія заведенія, объясняется очень просто. Когда не только Семинарія, но и самыя Академіи, въ предпоследнее время, оказывались въ почти вопіющемъ состояніи по части матеріальнаго содержанія (напр. служащіе въ Академіяхъ ординарные Профессоры получали окладъ жалованья собственно за профессуру 643 руб., а Баккалавры—321 руб.), и когда всѣ другія три Академіи вывали къ себѣ сочувствіе и получили денежное воспособленіе отъ своихъ мѣстныхъ лавръ,—тогда одна Казанская Академія оставалась обездоленною въ этомъ отношеніи. И вотъ, явилась въ средѣ академической корпораціи мысль—ходатайствовать предъ высшимъ Начальствомъ, чтобы, бывшій въ развалинахъ и остающійся безъ назначенія, семинарскій корпусъ разрѣшено было возобновить съ отпускомъ на это изъ духовно-учебныхъ капиталовъ потребной суммы, съ тою цѣлію, чтобы отдать его въ аренду подъ торговыя и проч. заведенія, и, выручаемую отсюда, сумму назначить въ пользу Академіи

(1) Некрологъ, стран. 27.

на предметъ увеличенія жалованья. Ходатайство это имѣло свой успѣхъ: деньги 118000 рублей были отпущены; корпусъ возстановленъ, и за аренду его получалось 7795 рублей въ годъ, каковая сумма и была вся назначена въ пользу Академіи (1).

При первыхъ же, сообщенныхъ преосв. Антонію во всей процедурѣ и подробностяхъ, свѣдѣніяхъ по этому предмету, онъ просто всхлопнулъ руками.—А такъ какъ главнымъ инициаторомъ, составителемъ проекта и исполнителемъ его, при участіи въ самыхъ постройкахъ по возстановленію корпуса, былъ Ректоръ Академіи, Архимандритъ Иннокентій, то преосв. Антоній, на правахъ его отца духовнаго по постриженію, и прочиталъ ему нотацию, требуя, съ тѣмъ вмѣстѣ, непременно, чтобы онъ первый же принялъ самое дѣятельное участіе, чтобы привести прежде всего къ соглашенію самого арендатора къ измѣненію контракта такъ, чтобы въ возстановленномъ корпусѣ теперь же могла получить для себя помѣщеніе Семинарія. Преосв. Антоній указывалъ даже и на то, что самый доходъ отъ этой операціи не хорошо рассчитанъ. „На одни только проценты съ отпущеннаго капитала 118000 руб. можно было бы, говорилъ онъ, образовать довольный, на первыхъ порахъ, источникъ къ воспособленію служащимъ въ Академіи,—а то вышло что-же? и капиталъ употребили, и корпусъ спровадили въ чужія руки... Ну-ну! ай-да, ученья головы!... Придумали же такой проектъ... Да что я говорю—придумали: вы просто взяли готовый тришкинъ кафтанъ. Впрочемъ, и этого сказать много... Тришка былъ правѣ васъ... Онъ восполнялъ свои нужды изъ собственнаго же достоинства, урѣзывая то полы, то рукава своего кафтана... а вы что?!... вы отняли у нищаго кошель, да изъ него и наставили себѣ свои рукава и полы... Подумай-ка ты самъ

(1) При этой суммѣ (всего 7795 р.) оклады жалованія были увеличены: Ординарному Профессору—до 1200 руб., Экстра-ординарн.—до 900 р., Баккалавру—до 700 р. и пр. (Смолт. Всеподданнѣйшую докладную зап. г. Оберъ-Прокурора св. Синода съ Юня 1865 г. по Янв. 1866 г., особо отпечатанную въ 1866 г., стр. 36).

(разумеется здѣсь Ректоръ Академіи Иннокентій),—что теперь остается дѣлать мнѣ самому съ Семинаріей?! Помѣщеніе у ней чужое,—тоже захваченное по праву только сильнаго. Я, вѣдь, знаю самъ еще изъ разсказовъ покойнаго Владыки (Филарета, Митр. Кіевскаго), что этотъ домъ пріобрѣтенъ для училища положительно стараніемъ его, такъ что и уступленъ былъ онъ въ продажу для училища владѣльцами этого дома собственно по чувствамъ глубочайшаго почитанія и преданности ихъ ко Владыкѣ⁽¹⁾,—а Владыка всего болѣе желалъ пріобрѣсть это мѣсто для юнаго разсадника духовнаго, чтобы послѣдній былъ, съ одной стороны, по непосредственной близости къ женскому Монастырю, подъ видимымъ непрестаннымъ покровомъ Царицы Небесной, а съ другой—находился въ ближайшемъ разстояніи отъ Семинаріи для удобнѣйшаго общенія съ послѣднею. Да и мѣстность здѣсь свободна отъ толкотни и шума городского... а теперь вы загнали юныхъ питомцевъ, какъ стадо, куда-то на заболотную и разнохарактерную часть города. А главное—что мнѣ дѣлать съ Семинаріей; вѣдь, нельзя же закрыть глаза, чтобы не видѣть, какъ все и вездѣ неудобно, и къ тому же все обветшало... а поправлять и, тѣмъ болѣе, передѣлывать капитально какъ станешь, когда домъ чужой и долженъ же быть возвращенъ подъ прежнее заведеніе—подъ училище“.

Весь этотъ разговоръ, веденный преосв. Антоніемъ лично съ Ректоромъ Академіи Иннокентіемъ, онъ не скрывалъ и отъ другихъ, повторяя почти буквально; а

(1) Домъ этотъ принадлежалъ помѣщикамъ, по фамилии, Геркень; изъ нихъ два брата и двѣ сестры—все уже старцы, питавшіе сказанныя чувства къ преосв. Филарету, возмѣли и питали ихъ еще въ большей степени и къ самому преосв. Антонию, который, съ своей стороны, расположенъ былъ къ нимъ почти родственно по своимъ и ихъ чувствамъ къ Владыкѣ Филарету. Относительно указываемаго училищнаго дома, читаемъ въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., Апрѣль, стран. 183, слѣдующее: «Домъ у Геркеньхъ купленъ былъ Филаретомъ (Архiep. Казанск.) за 60433 руб. 86½ коп. ассигн. Но къ этому же дому Филаретъ еще *на собственный капиталъ* пристроилъ новый двухъ-этажный домъ очень помѣстительный, существующій досель».

это одно; само собою, давало разумѣть, какъ озабоченъ былъ преосв. Антоній устройствомъ Семинаріи и училища. — Однажды онъ возобновилъ такія же свои разсужденія по поводу поднимавшихся проэктвъ о переведеніи Московской Академіи изъ Троицко-Сергіевой Лавры въ самую Москву. Сочувствовавшихъ этому проэкту, какъ извѣстно, было много; такъ, по крайней мѣрѣ, говорили газеты. „Вотъ то-то и есть, что Русскій человѣкъ не всегда и заднимъ умомъ бываетъ крѣпокъ, говорилъ преосв. Антоній. Странно было бы, если бы, въ самомъ дѣлѣ, и Московская академическая корпорація тянула съ своей стороны за этотъ проэктъ... Вѣдь, не далеко ходить за фактами, а именно: когда, въ недавнихъ годахъ, приходилось служащимъ въ той же Московской Академіи, какъ говорится, положить зубы на полку, по ограниченности получавшагося штатнаго жалованья, — тогда кто какъ не Лавра же, въ лицѣ Митрополита, оказала самую насущную помощь. Пусть же теперь попробуютъ выдти изъ стѣнъ Лавры на широкое пустынное поле подмосковное, и когда, со временемъ, нынѣшніе оклады тоже уравниются, при возвышеніи дороговизны на все, съ бывшими во дни оны, — тогда кто-то подастъ имъ руку, хотя временной, помощи?!... Не-бось, вспомнятъ пословицу: не плюй въ колодець...“

Дѣло о возвращеніи семинарскаго корпуса къ прежнему его назначенію совершилось, какъ сказано, очень скоро, и что замѣчательно: самое перемѣщеніе въ него Семинаріи пришлось, какъ-разъ, ко времени празднованія Семинаріею (въ 1868 г. 20 Окт.) своего юбилея пятидесятилѣтняго со времени общаго преобразования, бывшаго въ 1818 г. При рѣчи объ этомъ юбилейномъ празднествѣ Семинаріи, нельзя не замѣтить, что въ описываемую пору, въ продолженіи, менѣе чѣмъ одного, года, стеклись еще два подобныя же торжества. Въ Январѣ 1868 г. праздновала свой столѣтній юбилей первая Казанская Гимназія, первая не по счету только, при существованіи второй мѣстной гимназіи, но первая по времени, и потому старѣйшая изъ всѣхъ Россійскихъ гимназій, за что ей Высочайше пожалованъ титулъ Императорской.

А ранѣе еще. въ 1867 г. 8-го Ноября, празднованъ былъ *двадцатипятилѣтній* юбилей въ духовной Академіи. Для преосв. Антонія стеченіе такихъ празднествъ, на самыхъ же первыхъ порахъ его служенія въ Казанской епархіи, было сколько знаменательно, столько и прямо полезно. По поводу этихъ событій были составлены подробныя историческо-статистическія описанія; изъ нихъ-то преосв. Антоній и могъ сразу получить всѣ точныя, потребныя ему, свѣдѣнія о ходѣ, характерѣ и направленіи и пр. образовательно-воспитательнаго дѣла въ городѣ и епархіи. Равно онъ и самъ, какъ участвовавшій въ этихъ празднествахъ и освящавшій ихъ значеніе своимъ священнослуженіемъ и благословеніемъ святительскимъ, имѣлъ прямую возможность преподать всѣмъ этимъ разсадникамъ свѣта истины, слова назиданія, вполне соотвѣтственныя каждому по роду ихъ.

Однимъ изъ сказанныхъ юбилейныхъ описаній, именно—академическимъ, преосв. Антоній, между прочимъ, и воспользовался, чтобы употребить еще болѣе усиленные мѣры къ возможно скорѣйшему возвращенію бывшаго семинарскаго корпуса къ своему назначенію. Мы живо, какъ бы теперь слушая, преосв. Антонія, воспоминаемъ, между прочимъ, слѣдующія слова его: „Ну, чадо мое о. Ректоръ,—и прежде я зналъ много уже и глубоко о томъ поразмыслилъ; а теперь, выслушавъ историческую записку о вашей Академіи, я еще болѣе вызываюсь къ тѣмъ же думамъ по отношеніи какъ къ Семинаріи, такъ и самой вашей Академіи. Не удивительно ли,—суди самъ: вотъ Академія просуществовала цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, и въ теченіи одинадцати курсовъ выпустила 280 воспитанниковъ; въ томъ числѣ—89 магистровъ и 45 старшихъ кандидатовъ съ правомъ полученія магистра... и что-жь? Во все двадцатипятилѣтіе изъ такого числа магистровъ не оказалось ни одного, который бы достигъ не только ректорскаго, но даже и инспекторскаго служебнаго званія въ своей родной Академіи; всѣ эти начальственныя лица во все время были изъ другихъ академій, и благо еще, что по прсимуществу изъ Кіевской—этой родоначальницы всѣхъ русскихъ

академія. Да и изъ числа всѣхъ 15-ти профессоровъ только 5—6 изъ здѣшнихъ питомцевъ, а прочіе тоже изъ разныхъ академій. А что сказать о монашествующихъ?... сколько ихъ было въ числѣ студентовъ?!—Вотъ что значить устроить духовныя академіи гдѣ-либо на выгонахъ загородныхъ, гдѣ, съ одной стороны, кирпичные заводы, а съ другой—какія-нибудь швейцаріи, мѣста гульдбищныя... А то-ли дѣло, когда академіи въ стѣнахъ обителей? А если это такъ теперь,—то что впереди, когда, по новому, изготовляемому теперь цѣлымъ сонмомъ свѣдущихъ людей, Уставу академій, студенты будутъ поступать на разные факультеты? Можно напередъ сказать, что не только не будетъ монаховъ, но и самыхъ богослововъ, въ значеніи полного богословскаго образованія. Слагая все это, и въ статистическомъ цифирномъ итогѣ, а паче всего въ сердцѣ, я тебѣ и всѣмъ откровенно говорю, что будь я здѣсь, когда вы сочиняли свой проэктъ объ обращеніи въ свою оброчную статью семинарскаго корпуса, я ни за что бы не согласился... и тѣмъ болѣе, что Академія изъ этой, подѣ бокомъ находящейся, Семинаріи, кажется, менѣе всего радѣла о томъ, чтобы пріобрѣтать для себя лучшихъ воспитанниковъ, и ни разу ни одного изъ нихъ не находила достойнымъ, чтобы непосредственно оставить при Академіи въ званіи Баккалавра; да и вообще, магистровъ-то изъ воспитанниковъ Казанскихъ, не Богъ вѣсть, сколько выходило. Скажи-ка ты мнѣ, что по твоему значило-бы это?... Вѣдь, ты самъ же былъ сначала Инспекторомъ и Ректоромъ здѣшней же Семинаріи въ теченіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, да и въ Академіи уже очень довольно прослужилъ годовъ. Не самыя ли, въ самомъ дѣлѣ, помѣщенія Семинаріи и училища, какъ крайне неудачныя, заброшенныя, были, между прочимъ, причиною малоразвитости учащихся?... Но вотъ, посмотримъ, что-то будетъ съ перемѣною и улучшеніемъ послѣднихъ. А ты у меня, хоть, умирай⁽¹⁾,

(1) Ректоръ Академіи Архим. Иннокентій, дѣйствительно, очень скоро скончался—именно 20 Мая 1868 г.

да содѣйствуй всячески. къ скорѣйшему выполненію этого дѣла, чтобы испустить свой грѣхъ“.

Грѣхъ на бывшемъ Ректорѣ Академіи, дѣйствительно, лежалъ тотъ, что онъ былъ какъ главнымъ дѣйствователемъ въ строительномъ Комитетѣ въ возстановленіи семинарскаго корпуса, такъ и въ дѣлѣ отдачи въ аренду этого корпуса тому же самому бывшему подрядчику—строителю (Данилову) на условіяхъ, какъ сказано въ Исторіи Казанской Семинаріи, „выгодныхъ и желательныхъ для контрагента... Послѣднему было предоставлено право распоряжаться арендуемыми зданіями, независимо даже и отъ академическаго Правленія. не говоря уже о семинарскомъ, такъ какъ и самыя зданія, по видимому, были отчуждены отъ Семинаріи безвозвратно, да и самую Семинарію, въ случаѣ крайней надобности, предположено было построить на другомъ загородномъ мѣстѣ, на дачѣ Спасскаго монастыря—Подсѣкѣ, которая, по этому, уже напередъ была отчислена отъ Спасскаго монастыря и передана въ вѣдѣніе Семинаріи, о чемъ донесено было уже, въ свое время, и св. Синоду“ (1).

Такимъ образомъ, преосв. Антонію предстоялъ трудъ сугубый,—съ одной стороны, чтобы измѣнить условія, заключенныя съ арендаторомъ семинарскаго корпуса, а съ другой—отстранить самое предположеніе о перемѣщеніи Семинаріи на новое мѣсто. Послѣднее дѣло, очевидно, для него было затруднительнѣе перваго, потому что, по самой новости своего служенія, онъ не могъ прямо и рѣшительно опредѣлить, насколько прежнее мѣстонахожденіе Семинаріи могло вполнѣ соответствовать своему назначенію,—и это тѣмъ болѣе, что въ прежнемъ проектѣ о перемѣщеніи Семинаріи были представлены, видимо, достаточныя основанія и причины прямо не въ пользу прежняго мѣстонахожденія Семинаріи. И вотъ тутъ-то отозвалось съ полнымъ сочувствіемъ къ желанію преосв. Антонія—возвратить родовое достояніе Семинаріи,—мѣстное духовенство, и обратилось къ нему съ за-

(1) Исторія Каз. дух. Семинаріи, соч. А. Благовѣщенскаго. Стран. 206—207.

явленіемъ слѣдующаго содержанія: (которое выписываемъ здѣсь вкратцѣ).

„Все духовенство Казанское крайне сожалѣть, что домъ семинарскій получилъ другое назначеніе. а не то, съ какимъ онъ былъ основанъ отеческою заботливостію архипастырей, которые, основывая помѣщеніе Семинаріи на этомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду не нынѣшнія выгоды его. Домъ этотъ болѣе столѣтія, вмѣщая въ себѣ воспитанниковъ Семинаріи, соответствоваль своему назначенію и удовлетворяль потребностямъ отцовъ, коихъ дѣти здѣсь обучались, и, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ столѣтняя древность этого духовнаго вертограда сама стоитъ за то, чтобы Семинарія не переносилась въ другое, какое бы-то ни было, мѣсто. И по сему, одна мысль видѣть Семинарію откинутаю за городъ представляется несомнѣнною съ благомъ епархіи, ея нуждами и настоятельными требованіями“.

„Да и какое мѣсто предположено для постройки новаго дома для Семинаріи! Здѣсь, съ восточной стороны, рядомъ домъ умалишенныхъ; съ западной, также рядомъ, городское кладбище,—какое грустное впечатлѣніе оставить въ воспитанникахъ Семинаріи одно это сосѣдство?... Кроме того, живя за городомъ, воспитанники будутъ разрознены съ причтами градскихъ церквей, съ которыми они теперь въ близкомъ общеніи, и у которыхъ многіе изъ нихъ имѣютъ постоянныя квартиры въ продолженіе годовъ учебныхъ. И вообще внутри города болѣе и удобствъ для пріисканія квартиръ и содержанія воспитанниковъ, что весьма много значитъ для сельскаго духовенства, при крайне скудныхъ средствахъ обязаннаго содержать дѣтей въ городѣ“.

„Если скажутъ, что мѣсто помѣщенія Семинаріи слишкомъ шумно, то мы видимъ, что и свѣтскія учебныя заведенія всѣ помѣщаются на видныхъ мѣстахъ, а не въ углахъ какихъ безлюдныхъ. Многіе изъ насъ по 12-ти лѣтъ провели въ учебныхъ занятіяхъ, въ семинарскомъ домѣ на Воскресенской улицѣ, и мы никому не мѣшали и намъ тоже. Для многихъ изъ насъ, воспитавшихся въ этомъ домѣ, каждый уголъ представляется

роднымъ, священнымъ, и мы находимъ вполне благотворнымъ, чтобы Семинарія оставалась на своемъ мѣстѣ, гдѣ благоволилъ Господь для духовнаго блага всей епархіи, отеческою заботливостію архиерея, основать ее“.

Одновременно съ этимъ преосв. Викарій Гурій, какъ настоятель Спасскаго монастыря, отъ котораго отчуждена была уже, принадлежавшая ему дача—Подсѣка, и передана въ вѣдѣніе семинарскаго начальства, въ виду предполагаемой постройки на ней новой Семинарії, обратился тоже къ преосв. Антонію съ заявленіемъ, что отчужденіе сказанной дачи отъ Монастыря не законно, по меньшей мѣрѣ, потому что слишкомъ преждевременно, и что устройство на ней будущей Семинарії онъ самъ (преосв. Гурій) находитъ неумѣстнымъ въ разныхъ отношеніяхъ, а, между тѣмъ, Монастырь крайне нуждается вообще въ средствахъ, терпитъ явный значительный ущербъ вслѣдствіе отчужденія принадлежащей ему дачи.

Преосв. Антоній тутъ же оперся на этихъ двухъ заявленіяхъ, по его выраженію, какъ на двухъ плечахъ, чтобы взяться окончательно за выполненіе своей собственной мысли,—съ одной стороны, вывести, возможно скорѣе, Семинарію изъ занимаемаго ею чужаго училищнаго дома, и съ другой, чтобы дать ей помѣщеніе въ прежнемъ ея собственномъ корпусѣ, уступить въ которомъ потребное для нея помѣщеніе, преосв. Антоній своимъ личнымъ вліяніемъ успѣлъ уже расположить контрагента Данилова. Оставалось только, не теряя времени—по пословицѣ „начинать ковать желѣзо“..., что онъ и исполнилъ немедленно, сдѣлавши представленіе въ слѣдующемъ изложеніи:

1) „Я признаю совершенно невозможнымъ оставлять Казанскую Семинарію и духовное училище на продолжительное время въ настоящемъ ихъ положеніи. Настоящее помѣщеніе Семинарії по тѣснотѣ и неудобству своему не даетъ никакой возможности примѣнить къ ней ожидаемыя преобразованія по новому проекту. Даже въ такомъ случаѣ, если бы эти преобразованія еще были отложены на неопредѣленное время, Семинарія и учили-

ще должны быть скорѣе выведены изъ ихъ жалкаго до крайности положенія.

2) Постройка новыхъ зданій для Семинаріи, по мнѣнію моему, столько встрѣтитъ затрудненій, что по необходимости потребуетъ еще весьма продолжительное время, пока осуществится это предположеніе, и къ 25-ти годовому бѣдственному положенію, въ какомъ находились и находятся Семинарія и училище, прибавится еще новый десятокъ. Ибо по настоящимъ цѣнамъ на строительные предметы, а главное для удовлетворенія потребностей Семинаріи по новому проэктору, потребуетъ капиталъ для постройки семинарскихъ зданій никакъ не менѣе 200000 р. Можно ли ожидать въ скоромъ времени отпуска такой огромной суммы? Да скоро ли еще могутъ быть составлены планъ и смѣта на постройки и потомъ—возведены самыя постройки?

3) Во всякомъ случаѣ, строить Семинарію на предположенномъ загородномъ мѣстѣ, принадлежащемъ Спаскому монастырю, я признаю совершенно не удобнымъ по изложеннымъ въ мнѣніи Казанскаго духовенства причинамъ, и идти наперекоръ въ семь случаевъ убѣжденію и желанію духовенства, болѣе всего заинтересованнаго въ будущемъ положеніи того учрежденія, въ которомъ имѣютъ воспитываться его дѣти, —считаю не справедливымъ и не полезнымъ. Духовенство и безъ того глубоко огорчено тѣмъ, что, въ самомъ началѣ послѣ пожара 1842 г., не было оказано никакой ему помощи для возобновленія погорѣвшихъ зданій, хотя въ то время представлялась возможность получить эту помощь на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для казеннаго интереса, а потомъ хотя и отпущена была на возобновленіе погорѣвшихъ зданій значительная сумма изъ духовно-учебнаго капитала, но самыя зданія не возвращены подъ Семинарію, а обращены въ арендную статью въ пользу Академіи Казанской. Необходимо нуждаясь въ дѣятельномъ участіи и содѣйствіи духовенства въ улучшеніи быта учебныхъ епархіальныхъ учреждений въ Казани по тому примѣру, какъ сдѣлано мною въ Смоленской епархіи. я нахожу, что отказъ въ возвращеніи Семинаріи въ прежнія зданія ли-

шить меня возможности расположить духовенство къ значительному содѣйствию въ означенномъ дѣлѣ.

4) Въ бывшихъ зданіяхъ семинарскихъ, сколько я успѣлъ познакомиться съ ними, Семинарія можетъ быть вновь помѣщена съ удобствами приспособительно даже къ ному проэку духовныхъ семинарій, такъ, при томъ, что часть этихъ зданій и весь нижній этажъ главнаго корпуса могутъ и опять отдаваться въ аренду съ назначеніемъ доходовъ за сіе на предметъ, какой угодно будетъ указать Начальству. Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ этихъ зданій есть Петропавловская церковь, которая и можетъ быть удобно сдѣлана семинарскою, такъ что и не нужно будетъ устроить особой церкви. При томъ въ весьма недалекомъ разстояніи эти зданія и отъ каедральнаго Собора и архіерейскаго дома и двухъ монастырей—Ивановскаго и Спасскаго, каковая близость можетъ имѣть несравненно благотворнѣе вліяніе на духовныхъ воспитанниковъ, чѣмъ близость дома умалишенныхъ, и кладбища, и сибирской дороги, и широкаго пустаго поля на Подсѣкѣ, гдѣ скорѣе въ воспитанникахъ могутъ развиваться какіе-либо недобрые инстинкты, чѣмъ надлежащія благочестивыя настроенія души. Что касается до помѣхи отъ шума городскаго, который, впрочемъ, не мѣшаетъ на той же улицѣ быть и Университету и нѣсколькимъ другимъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, то эта помѣха ничтожна въ сравненіи съ тѣми неудобствами, какія встрѣтитъ Семинарія за городомъ,—на Подсѣкѣ. Если желать имѣть Семинарію на другомъ болѣе спокойномъ и уединенномъ мѣстѣ, то можно бы предложить развѣ то мѣсто, на которомъ теперь раскинуты постройки военнаго вѣдомства, въ особомъ корпусѣ, гдѣ помѣщалось прежде военное училище, а теперь—юнкерская школа противъ самаго архіерейскаго дома и каедральнаго Собора и рядомъ съ Спасскимъ монастыремъ. Конечно, всего бы лучше и приличнѣе быть здѣсь Семинарію. Но, само собою, разумѣется, что едва ли не напрасно было бы простираť видъ на это мѣсто.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній я пришелъ къ

рѣшительному убѣжденію, что Семинарію Казанскую слѣдуетъ возвратити на древнее мѣсто, въ возобновленныя послѣ пожара зданія и отданныя нынѣ въ аренду купцу Данилову. Хотя съ симъ послѣднимъ заключенъ контрактъ, но онъ не откажется добровольно измѣнить сіи условія и согласится уступить большую часть зданій даже до исполненія срока, такъ что Семинарія могла бы быть переведена въ прежнія свои зданія въ 1869 году. Относительно издержекъ, какихъ будетъ стоить приспособленіе зданій вновь къ нуждамъ Семинаріи, я полагаю, что эти издержки не будутъ слишкомъ значительны, а могутъ простираться лишь отъ 2000 до 3000 рублей. Издержки эти и могутъ быть покрыты суммою, какая будетъ выручаться за содержаніе магазиновъ и боковаго флигеля; а, быть можетъ, я найду и другой какой-либо источникъ и, по крайней мѣрѣ, могу заимообразно достать потребную на передѣлки сумму. Что касается Академіи, которая, чрезъ возвращеніе семинарскихъ возобновленныхъ зданій къ прежнему ихъ назначенію, лишится добавочной суммы на жалованіе наставниковъ, то, само собою, разумѣется, что эта добавочная сумма должна будетъ впредь отпущаться изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. При томъ надобно обратить вниманіе и на то, что, съ возвращеніемъ Семинаріи въ прежнія ея зданія, останется цѣлою въ кассѣ духовно-учебнаго капитала весьма значительная сумма — не менѣе 200000 руб., которая потребовалась бы на постройку новыхъ зданій для Казанской Семинаріи“.

Объяснивъ это Оберъ-Прокурору св. Синода, преосв. Антоній просилъ его ходатайствовать предъ св. Синодомъ, чтобы Казанской духовной Семинаріи возвращены были прежнія ея зданія и разрѣшено было вновь помѣстить ее въ оныхъ зданіяхъ съ будущаго курса, и для этого дозволено было войти въ надлежащіе переговоры съ теперешнимъ содержателемъ этихъ зданій купцомъ Даниловымъ объ измѣненіи условій содержанія и составленіи соображеній касательно передѣлокъ, какія потребуются въ зданіяхъ для приспособленія ихъ къ помѣщенію Семинаріи. Къ этому преосв. Антоній счелъ нуж-

нымъ присовокупить, что купецъ Даниловъ имѣеть надобность, сколько возможно скорѣе, знать, угодно ли будетъ начальству потребовать отъ него измѣненія въ условіяхъ содержанія имъ бывшихъ семинарскихъ зданій, дабы распорядиться, такъ или иначе, отдачею въ наемъ находящихся въ нихъ помѣщеній“.

Св. Синодъ, принимая въ соображеніе все вышеизложенное преосв. Антоніемъ о необходимости вывести Казанскую Семинарію и училище изъ настоящихъ тѣсныхъ помѣщеній ихъ, особенно въ виду преобразованія ихъ по новому уставу, согласно съ заключеніемъ хозяйственнаго управления въ Іюль 1867 года, опредѣлилъ: 1) помѣстить Казанскую Семинарію въ возобновленныхъ послѣ пожара зданіяхъ оной; 2) предоставить Казанскому Преосвященному сдѣлать распоряженіе, чтобы, уступаемыя купцомъ Даниловымъ, помѣщенія для Семинаріи приспособлены были къ потребностямъ Семинаріи на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, и 3) по выводѣ Семинаріи изъ училищнаго дома, передать этотъ домъ, за исключеніемъ необходимыхъ пока для Семинаріи помѣщеній, Казанскому духовному училищу. Такимъ образомъ, начатое преосв. Антоніемъ дѣло о перемѣщеніи Семинаріи увѣнчалось полнымъ и желаннымъ успѣхомъ и даже ранѣе предпологаваемаго срока. Въмѣсто 1869 г. уже „1-е Сентября 1868 г. въ исторіи Казанской дух. Семинаріи, — говоря словами автора этой Исторіи, — было днемъ обновленія родныхъ стѣнъ древней Казанской Семинаріи, остававшихся послѣ пожара 1842 г. въ рѣшительномъ запустѣніи“ (1). По совершеніи Литургіи въ Петропавловской церкви и молебна съ освященіемъ въ самомъ зданіи Семинаріи, въ это 1-е число Сентября преосв. Антоній тогда же обратился къ начальствующимъ, учащимъ и учащимся съ слѣдующими словами: „Поздравляю васъ всѣхъ съ освященіемъ родныхъ для васъ стѣнъ, которыя, скажу, малымъ чѣмъ уступаютъ теперь стѣнамъ другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Казани; поздравляю и съ возвраще-

(1) Истор. Каз. дух. Семинаріи, соч. Благовѣщенскаго, стр. 217.

ніемъ възъ подѣ вашу родной кровъ“. Знаменательно должно быть для васъ то, что событіе сіе совершается въ первый день новаго лѣта (по церковному счисленію) и въ годъ, въ который Казанская Семинарія празднуетъ свой пятидесятилѣтній юбилей со времени преобразованія, а отъ основанія полуторастолѣтній, и начнеть новую жизнь. Я, съ своей стороны, радуюсь, что Господь привелъ меня быть участникомъ и въ благодатномъ обновленіи и въ торжествѣ столь долголѣтней Казанской Семинаріи, чего, быть можетъ, съ не меньшею радостію чаяли мои предшественники. Усугубьте же ревность вашу въ вашемъ дѣланіи по званію, въ которое призваны, въ новое лѣто Казанской Семинаріи. Призываю на васъ и на ваше дѣланіе благословеніе Божіе“.

Среди самой, впрочемъ, радости преосв. Антонія за успѣхъ, совершеннаго имъ, новаго устройства Семинаріи, у него была уже на душѣ новая дума, чтобы не ограничиваться въ этомъ дѣлѣ даже и тѣмъ, что имѣлось, положимъ, уже въ виду по силѣ самаго новозаключеннаго съ Даниловымъ контракта, по которому чрезъ три года (въ 1871 г.) должна была быть уступлена имъ еще значительная часть помѣщеній для Семинаріи. Преосв. Антоній питалъ желаніе и надежду, чтобы, въ возможно скоромъ будущемъ, именно по истеченіи всего контрактнаго съ Даниловымъ срока, весь семинарскій корпусъ цѣликомъ освободить отъ всякихъ арендованій его подѣ магазины и другія торговыя и мастерскія заведенія, находящіяся и до нынѣ въ нижнемъ этажѣ корпуса. Онъ предполагалъ въ этомъ нижнемъ этажѣ устроить помѣщенія для библіотеки, для рекреационной залы, для Правленія, для эконома и проч., дабы чрезъ это дать просторъ къ устройству возможно большаго числа камеръ собственно для воспитанниковъ-пансіонеровъ, и главное—устранить непосредственный приливъ всякаго магазинно-мастерскаго люда обоого пола, имѣвшаго выходы и во внутрь двора, который, между тѣмъ, былъ крайне тѣсенъ и для семинарскихъ хозяйственныхъ потребностей, не говоря уже объ отсутствіи всякой возможности ученикамъ гдѣ-либо пройтись по двору. Когда же

къ этому встрѣчено было препятствіе, заключавшееся въ томъ, что чрезъ отдачу нижняго этажа въ наемъ выручалась сумма около 10-ти тысячъ въ восполненіе капитала, употребленнаго на возобновленіе этого корпуса изъ суммы духовно-учебнаго Вѣдомства, то преосв. Антоній крайне удивлялся и съ глубокою скорбію говорилъ по этому поводу: „Вотъ тебѣ и на,.. ради процентовъ экономическихъ жертвуютъ сугубѣйшими процентами духовно-нравственными, воспитательными... Здѣсь наблюдаютъ какую-то экономическую бережливость, сравнительно, скрупулезную, а въ другихъ случаяхъ и сотни тысячъ нипочемъ... Кто не знаетъ, напр., на какія громадныя суммы производятся покупки домовъ въ Петербургѣ для помѣщенія учрежденій при св. Синодѣ (какъ наприм., недавно на Литейной улицѣ купленъ таковой домъ болѣе, чѣмъ за полтораста тысячъ...). Или: не за каждый ли годъ, со времени введенія новаго устава и начавшихся ревизій чрезъ Членовъ Дух.-учебнаго Комитета, только и читаешь въ отчетахъ, что такія-то и такія семинарскія зданія забракованы и вслѣдствіе этого назначались сотни тысячъ?... Спрашивается: что же значило бы въ общемъ итогѣ этихъ сотенъ тысячъ, какія-нибудь десять тысячъ, получаемыхъ отъ отдачи въ наемъ нижняго этажа здѣшняго семинарскаго корпуса?... Наконецъ, и самыя причины забракованія семинарскихъ и училищныхъ помѣщеній только и видишь въ тѣхъ же ревизорскихъ отчетахъ сплошь и рядомъ однѣ и тѣ же... то недостатокъ сколькихъ нибудь сажень, и чуть не аршинъ и вершковъ вмѣщающагося воздуха, то отсутствіе вентиляціи, то распространеніе міазмовъ, то неимѣніе дортуаровъ, ватерклозетовъ... А что сказать на все это?! Не отрицая, конечно, потребныхъ условій гигиеническихъ, кто не сознаетъ, однако, на сколько въ указанныхъ причинахъ заключается прямой ясной несообразности практическо-житейской въ приложеніи собственно къ воспитанникамъ нашимъ по ихъ состоянію и быту отъ колыбели до могилы... Возьмемъ не только причетническаго, но и священническаго сына, родившагося въ селѣ и прожившаго тамъ до десятилѣтняго возраста въ

извѣстнѣи всѣмъ обстановкѣ, начиная съ босохожденія и оканчивая самымъ помѣщеніемъ въ какой-либо одной (у причетниковъ, да и діаконовъ не рѣдко) избѣ среди, особливо большаго, семейства, гдѣ дѣтямъ отводятся не только дортуары, но и постоянные апартаменты (наприм. зимой) почти всегда на полатахъ, или на печкѣ... Затѣмъ, вопросъ: къ какой обстановкѣ готовится описываемый мальчикъ въ будущемъ, на всю свою жизнь, когда онъ кончитъ курсъ Семинаріи и благословится поступить въ духовное званіе, наприм., во священники? Кроме собственнаго дома, сколько придется ему быть и по сколько времени пробывать и даже ночевать въ деревняхъ въ избахъ крестьянскихъ, гдѣ, между тѣмъ, бывають (зимой) и телята, и овчата, и поросята... Что же теперь сказать о значеніи всей обстановки, напр., семинарской въ теченіи шести лѣтъ для описываемаго субъекта? Не походить ли это на то, когда бы мы взяли растеніе полевое, пересадили его на шесть лѣтъ въ теплицу, въ оранжерею, и, затѣмъ, опять высадили бы въ тоже поле!... Или посадили бы птичку въ клѣтку, холили бы ее нѣсколько лѣтъ, и тоже выпустили бы на волю въ прежній лугъ или лѣсъ?! Охъ, охъ, о!.. И договаривать то не хочется: больно тяжело!.. А, между тѣмъ, все это во-очію совершается... Да еще говорятъ: „не смѣть свое сужденіе имѣть“. Но кому же и имѣть эти сужденія и на дѣлѣ осуществлять, какъ не намъ, Архіереямъ, которымъ эти питомцы въ будущемъ служеніи ихъ, по слову Апостола, *κληρονομία*—достояніе. Вѣдь, что ни говорятъ и ни пишутъ о причинахъ бѣгства воспитанниковъ изъ духовнаго званія, а кто не согласится, что одна изъ причинъ, и весьма не малая, кроется и здѣсь. Проживая въ описываемой обстановкѣ, воспитанникъ, явившійся, напр., на вакацію въ домъ родной, если онъ недостаточно благоразуменъ, дозволить себѣ подъ-часъ смотрѣть на все и даже на родныхъ, возвращающихся въ своей тѣсной, скудной обстановкѣ, чуть не съ пренебреженіемъ, и тутъ же высказывается, что избави-де Богъ обречь себя на подобное житье-бытье... Да и сами-то батюшки родные развѣ не допускають при своихъ дѣтяхъ разныхъ

рѣчей въ родѣ этого? Даже пишутъ иные, изъ духовныхъ же, съ одной стороны, восписуя самыя красныя похвалы нынѣшнему положенію воспитанниковъ, сравнивая ихъ не съ своими только дѣйствительными бурсами, а изображаемыми съ рисунковъ намѣренно каррикатурныхъ, а съ другой стороны, расписывая и свое положеніе чуть не до послѣдней степени невзрачности, и сами не помышляютъ, что этимъ самымъ въ конецъ выгоняютъ изъ головы и сердца своихъ дѣтей мысль и желаніе посвящать себя духовному званію, и, затѣмъ, волей-неволей отпускаютъ своихъ дѣтей на всѣ четыре стороны, иногда безъ всякой опредѣленной перспективы“. Такъ же точно разсуждалъ преосв. Антоній и о женскихъ дух. училищахъ, когда прочитывалъ въ газетахъ описаніе училищъ, гдѣ обучаютъ музыкѣ, танцамъ и даже французскому языку (1). „Ну что будетъ, говорилъ онъ, съ этой танцовщицей, музыкантшей, французенкой, когда придется ей выдти въ замужество за кандидата на священство, а этотъ послѣдній поступитъ въ глушь-сторонку, въ какой-нибудь новокрещенскій черемисскій или чувашскій приходъ?!... Кому тутъ больше бѣды и горя: мужу или женѣ, или обоимъ вмѣстѣ?...“ (2).

(1) Вотъ примѣръ и образецъ, говорилъ преосв. Антоній, достойнѣйшій изъ достойнѣйшихъ, это—училища дѣвицъ духовнаго званія, состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, въ которыхъ рѣшительно нѣтъ обученія ни танцамъ, ни франц. яз., ни даже почти и музыкѣ. Такъ нѣтъ, давай этого, хотя батюшки же сами истощеваютъ послѣднія средства, внося за это еще особенную плату.

(2) Какъ вѣрно понималъ и обсуждалъ всѣ эти вопросы и явленія преосв. Антоній, во свидѣтельство этого, какъ нельзя болѣе, умѣстно и своевременно привести, наприм., слѣдующія строки изъ статьи подъ заглавіемъ «съ Поволжья», «Къ вопросу о женскомъ образованіи». «Отъ женщины ожидаютъ у насъ весьма-весьма многого... трактуютъ въ самыя громкія фразы и требуютъ возможнаго поднятія уровня ея образованія... Этими толками, этими мечтами увлекается и наше духовенство. Но мы желаемъ (пишетъ авторъ, очевидно изъ духовныхъ лицъ), чтобы въ женскомъ нашемъ духовномъ училищѣ поменьше гнались за «свѣтомъ» съ его французскимъ языкомъ, музыкой, да вечерами съ танцами и живыми даже картинами. А то сколько драгоцѣннаго времени тратится понапрасну, да и самыхъ денежныхъ средствъ, на эти, въ су-

Такія разсужденія у преосв. Антонія выходили при разныхъ случаяхъ и съ прибавкою, или развитіемъ съ разнообразныхъ сторонъ. Бывало же это такъ особливо съ той поры, когда онъ сперва вычитываль что-либо, не подходящее подъ его взглядъ, въ печатавшихся ревизорскихъ отчетахъ по другимъ семинаріямъ, и потомъ увидѣль тоже на дѣлѣ по преобразованіи здѣшней Семинаріи въ 1871 г.

По отношенію къ здѣшней Семинаріи, дѣйствительно, какъ разъ произошло то, о чемъ бывали прежнія разсужденія преосв. Антонія по части забракванія ревизорами семинарскихъ зданій или неудовлетворительности помѣщеній въ нихъ. „Бывшій самый первый Ревизоръ г. З., читаемъ въ недавно изданной Исторіи Каз. Семинаріи, хотя, повидимому, былъ за тѣ внутреннія передѣлки, какія предположено было семинарскимъ начальствомъ сдѣлать приспособительно къ положенію Семинаріи по требованіямъ новаго устава, и хотя даже почти готовъ былъ (какъ и проэктировалъ-было въ особенности самъ преосв. Антоній) устроить въ семинарскомъ корпусѣ общежитіе для всѣхъ воспитанниковъ Семинаріи, за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣютъ родителей или родственниковъ въ городѣ, но, въ тоже время, судя по количеству кубическихъ сажень воздуха, требуемыхъ примѣчаніемъ къ § 169 уст. дух. семинарій, находилъ возможнымъ разставить по спальнямъ не болѣе ста кроватей, потому что комнаты были очень высоки, площадь же половъ была слишкомъ мала. Ни внутреннія предположенныя передѣлки, ни общежитіе, такимъ образомъ, не состоялись“ (1).

ществѣ пустыя, занятія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, могуція въ послѣдствіи внести разладъ и разочарованіе въ бѣдную глухую жизнь и домашнюю обстановку сельскаго священника... Мы въ принципѣ, конечно, не противъ эстетики, но противъ этой излишней погони за ней и совершенно противъ французскаго языка, тѣмъ болѣе, что и занятія-то имъ далеко не оправдываются успѣхами». (Смотр. Церк. Общ. Вѣстникъ 1882 г., № 80, стран. 3—4).

(1) Истор. Каз. духов. Семинаріи, соч. Благовѣщенскаго, стр. 218—219.

„Вскорѣ, послѣ этого перваго Ревизора, осматривалъ Казанскую Семинарію прїѣзжавшій г. Директоръ Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ и, въ своемъ отчетѣ г. Оберъ-Прокурору, представилъ семинарскія зданія въ весьма непривлекательномъ видѣ ⁽¹⁾, и, въ бытность свою здѣсь, указалъ на необходимость устройства водопровода и ватерклозетовъ. Бывшій, затѣмъ, въ 1874 г. Ревизоръ г. Л. остался крайне недоволенъ размѣщеніемъ классовъ и спальныхъ комнатъ и еще койчѣмъ, и настаивалъ на необходимости церкви въ семинарскомъ корпусѣ“ ⁽²⁾. Кажется, болѣе чѣмъ понятно, какъ и чѣмъ представлялись всѣ эти дѣйствія г.г. ревизоровъ преосв. Антонію при тѣхъ его взглядахъ и сужденіяхъ, какія видѣли читатели выше. Довольно только досказать къ этому то, что когда вслѣдствіе отчета г. Директора воспослѣдовало разрѣшеніе устроить и водопроводы и ватерклозеты и отпущено было тогда же изъ хозяйственныхъ-учебныхъ капиталовъ около четырехъ тысячъ рублей, а относительно устройства церкви въ Семинаріи было сдѣлано только распоряженіе, чтобы озаботиться устройствомъ церкви и отыскать для сего свои средства,—тогда преосв. Антоній былъ просто пораженъ... „Увы и увы! Этого ли только еще недоставало! На ватерклозеты и деньги сейчасъ готовы, а на церковь нѣтъ и не жди“...

Впрочемъ, чтобы понять во всей полнотѣ состояніе преосв. Антонія и смыслъ, сейчасъ сказанныхъ имъ, словъ въ отношеніи къ вышеизложеннымъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ высшаго Начальства, начиная съ г.г. ревизоровъ, нужно принять въ особенное вниманіе другую сторону дѣла, которую и преслѣдовалъ преосв. Антоній въ нераздѣльной связи съ вопросомъ объ устройствѣ семинарскаго корпуса, чтобы въ немъ было возможно больше простора для пансіонеровъ, въ числѣ коихъ онъ имѣлъ въ виду, по преимуществу или даже исключительно, тѣхъ, которые должны были проходить особый курсъ

(1) Тамъ же.

(2) Тамъ же.

миссіонерскихъ наукъ и инородческихъ языковъ, въ особенности татарскаго. Онъ имѣлъ въ виду сдѣлать такъ, чтобы отдѣлить для послѣднихъ въ семинарскомъ корпусѣ помѣщеніе особое и дать квартиру тутъ же и преподавателю татарскаго языка, который имѣлъ бы возможно близкое съ ними обращеніе внѣ классовъ къ качествѣ практиканта, могущаго самый языкъ разговорный выправлять сравнительно съ книжнымъ. Въ описываемую пору былъ преподавателемъ татарскаго языка Наставникъ Семинаріи Я. И. Фортунатовъ, кончившій курсъ въ здѣшней Академіи, и главное—мѣстный уроженецъ, знавшій языкъ татарскій съ дѣтства. Еще сотрудникомъ ему былъ природный некрещеный татаринъ, Насыръ Насыровъ, извѣстный даже составленіемъ опыта грамматики собственно мѣстнаго татарскаго языка. Въ число этихъ же пансіонеровъ преосв. Антоній хотѣлъ помѣщать знающихъ разговорный инородческій языкъ учениковъ даже изъ училища (особливо, когда оно перемѣщено было въ свой домъ, весьма близко находящійся отъ Семинаріи), чтобы послѣдніе обучались, между прочимъ, у самихъ же семинаристовъ, какъ болѣе знающихъ языкъ, а, наконецъ—сюда же имѣлъ въ виду помѣщать особенно способныхъ и надежныхъ къ священству природныхъ татаръ изъ окончившихъ курсъ въ крещено-татарской школѣ, чтобы они, научая семинаристовъ татарскому языку, учились сами, по мѣрѣ возможности, наукамъ богословскимъ, необходимымъ для будущаго ихъ священническаго званія, и вообще сроднялись бы съ духомъ и характеромъ лицъ духовнаго званія и болѣе и болѣе обрусѣвали.

Обо всемъ, изложенномъ теперь, мы помнимъ, у преосв. Антонія были нерѣдкія совѣщанія съ глубоко-чтимымъ имъ труженникомъ-призванникомъ къ антиметанскому миссіонерству, Г. С. Саблуковымъ, который и самъ столько же глубоко и благоговѣнно чтилъ преосв. Антонія, видя въ немъ апостольскую ревность о просвѣщеніи и обращеніи заблуждающихъ. Съ своей стороны, Гордій Семеновичъ высказывался даже и такъ: „Мало того, чтобы дать только особое помѣщеніе воспитанни-

камъ-миссіонерамъ, но слѣдуетъ дать и особую инструкцію. — Воспитанники эти должны старательно приучать себя строго соблюдать правила христіанской жизни; молитвы домашнія должны поочередно читать они то на языкѣ славянскомъ, то на языкѣ инородческомъ, который изучаютъ. Въ отношеніи поста должны строго руководствоваться уставами и требованіями Церкви. — Г. С. требовалъ даже, чтобы эти воспитанники не употребляли ни куренія, ни нюханія табаку“ (1).

Всѣ эти желанія и предположенія преосв. Антонія, равно какъ и достойнѣйшаго соперника его Гордія Семеновича, не были только такъ называемыми *via desideria*; онѣ, съ одной стороны, обосновывались на прежнихъ уже данныхъ, признанныхъ самимъ св. Синодомъ, въ силу коихъ, еще до преобразования Казанской Семинаріи, открыта была особая каѳедра татарскаго языка и противомусульманскихъ наставленій; съ другой стороны, преосв. Антоній настаивалъ на своемъ проэктѣ объ удержаніи этой же каѳедры и по преобразованіи Семинаріи, по прямому смыслу § 129 устава семинарій, гдѣ сказано, что „въ Семинаріи (той или другой), по мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ епархіи, можетъ быть введено или усиливается преподаваніе особыхъ предметовъ, или нѣкоторыхъ отдѣловъ наукъ, напр., о расколѣ, или о какомъ-либо вѣроисповѣданіи, преобладающемъ въ данной мѣстности“. По мнѣнію преосв. Антонія, — читаемъ въ Исторіи Казанской Семинаріи (2), — эта каѳедра, при правильной и желательной постановкѣ, только и могла бы быть единственнымъ благонадежнымъ средствомъ къ тому, дабы выходили, наконецъ, изъ Казанской Семинаріи воспитанники, достаточно способные и готовые къ истинно-полезной пастырской дѣятельности въ инородческихъ приходахъ, преимущественно въ приходахъ съ татарскимъ населеніемъ, изучив-

(1) Правосл. Собесѣдникъ, 1880 г., Мартъ.

(2) Всѣ, изложенныя по настоящему предмету, свѣдѣнія заимствованы изъ указываемой Исторіи Каз. Семинаріи, соч. г. Благовѣщенскаго.

шіе надлежащимъ образомъ какъ книжный, такъ и разговорный языкъ, и получившіе надлежащія миссіонерскія наставленія, — безъ чего всѣ другія миссіонерскія мѣры не могли принести прочныхъ плодовъ. По этому преосв. Антоній тогда же заблаговременно составилъ не только росписаніе всѣхъ уроковъ, потребныхъ для нововводимой каѳедры, въ числѣ 9-ти, отчисливъ ихъ отъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ общеобразовательнаго семинарскаго курса, безъ ущерба для послѣднихъ, но и указалъ прямой источникъ для самаго жалованья за эту новую каѳедру безъ всякаго прибавочнаго оклада изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. Касательно всего этого было проэктировано именно такъ: „для преподаванія Татарскаго языка и противомусульманскихъ наставленій въ Казанской Семинаріи, послѣ полного преобразования ея, дабы это преподаваніе достигало своей цѣли и было успѣшно, назначить 9-ть уроковъ въ недѣлю, именно: въ I классѣ 2 урока, во 2—1, въ 3—2, въ 4—2, въ 5—1 и въ 6—1, отчисливъ для сего, во первыхъ, четыре урока отъ Греческаго языка, по одному уроку въ первыхъ четырехъ классахъ (въ коихъ по уставу положено по 5-ти уроку.), во вторыхъ, два урока отъ чтенія Греческихъ Отцевъ Церкви въ послѣднихъ двухъ классахъ, и въ третьихъ, три урока отъ Латинскаго языка, по одному уроку, въ I, III и IV классахъ (въ коихъ по уставу положено тоже по 5-ти уроковъ), что, по заявленію преподавателей Греческаго и Латинскаго языковъ, не можетъ повредить успѣшному изученію сихъ языковъ, такъ какъ число уроковъ будетъ сокращено по Греческому только на одинъ урокъ въ каждомъ классѣ, а по Латинскому всего на три урока во всѣхъ классахъ; но только при показанномъ сокращеніи уроковъ по Греческому и Латинскому языкамъ и возможна для преподаванія Татарскаго языка и миссіонерскихъ наставленій постановка особой каѳедры. Если же преподаваніе сихъ предметовъ поставить иначе и назначить часы для онаго внѣ класснаго времени (1), то самое количество классовъ, предпо-

(1) На это указывали, между прочимъ, сами г.г. ревизоры.

лагаемыхъ и необходимыхъ для означенной каѳедры (9), физически не можетъ быть совмѣщено въ послѣ-обѣденное время, такъ какъ послѣ-обѣденныхъ классовъ можетъ быть не болѣе шести въ недѣлю, да и преподаваніе Татарскаго языка и миссіонерскихъ наставленій можетъ быть въ такомъ случаѣ совершенно бесполезно, ибо ученики, утомленные слушаніемъ и сдачею въ теченіе дня четырехъ уроковъ, и обязанные приготовить уроки къ слѣдующему дню, никакъ не могутъ серьезно и съ усердіемъ заняться столь важными предметами, которые, между тѣмъ, будутъ имѣть только относительное второстепенное значеніе и, конечно, не будутъ считаться обязательными для всѣхъ учениковъ. А, между тѣмъ, безвредное для успѣшнаго преподаванія сокращеніе классовъ по Латинскому и Греческому языкамъ въ предполагаемомъ количествѣ, кромѣ того, что сдѣлаетъ особую каѳедру Татарскаго языка дѣйствительно полезною, дастъ и средства къ постановкѣ сей каѳедры безъ особеннаго обремененія духовно-учебныхъ капиталовъ, а именно: въ Казанской Семинаріи по штату на Греческій языкъ положено два наставника съ 12 уроками для cadaго, коимъ жалованья по уставу 1800 руб. Если отдѣлить отъ уроковъ по сему языку 6 уроковъ, то можно оставить одного наставника съ 18 уроками, которому и производить жалованья полторы части. т. е. 1350 руб., а остающіеся затѣмъ 450 руб. пойдутъ въ жалованье преподавателю Татарскаго языка. Далѣе, преподаватель Латинскаго языка по уставу имѣетъ, сверхъ двѣнадцати, три урока, за которые особая прибавка по 60 руб. за каждый урокъ въ годъ, всего 180 руб. По отдѣленіи отъ него сихъ трехъ уроковъ, это добавочное жалованье останется и войдетъ въ составъ жалованья преподавателю Татарскаго языка, и такимъ образомъ. составитъ сумма въ 630 руб., и только 70 руб. для него не достанетъ до 700 руб., каковая цифра составляетъ жалованье, полагаемое преподавателю, не прослужившему болѣе 5 лѣтъ на духовно-училищной службѣ. Эти 70 руб. должны быть дополнены изъ духовно-учебнаго капитала, или же, если Еврейскій языкъ, не будетъ преподаваться въ Казанской

Семинаріи, по рѣшительному недостатку желающихъ изучать его, то означенные 70 руб. могутъ быть заимствованы изъ суммы по сей каѳедрѣ“.

Представляя всѣ эти соображенія г. Оберъ-Прокурору св. Синода для предложенія на благоусмотрѣніе св. Синода и ходатайствуя, на основаніи вышеуказаннаго § 129 уст. дух. сем., разрѣшить привести ихъ въ исполненіе вмѣстѣ съ будущимъ полнымъ преобразованіемъ Казанской Семинаріи по новому уставу. — преосв. Антоній писалъ сверхъ этого слѣдующее: „Я прошу не излишняго чего-либо, но существеннаго и совершенно необходимаго по мѣстнымъ потребностямъ Казанской епархіи, какъ единственно благонадежнаго средства къ тому, дабы выходили, наконецъ, изъ нея воспитанники, достаточно способные и готовые къ истинно-полезной пастырской дѣятельности въ инородческихъ приходахъ, — (преимущественно же въ приходахъ съ татарскими населеніями, коихъ однихъ въ Казанской епархіи около четвертой части всего числа приходовъ), — изучившіе надлежащимъ образомъ какъ книжный, такъ и разговорный Татарскій языкъ, и получившіе надлежащія миссіонерскія наставленія, безъ чего всѣ другія миссіонерскія мѣры не могутъ принести, какъ доказалъ опытъ, прочныхъ плодовъ. Такимъ только образомъ могутъ быть приведены въ исполненіе и прежнія, многократно повторявшіяся, распоряженія и предписанія св. Синода во исполненіе даже Высочайшей воли о томъ, дабы всемѣрно усилена была въ Казанской епархіи миссіонерская дѣятельность приходскимъ духовенствомъ. Таковыя распоряженія и предписанія дѣлаемы были по поводу, не рѣдко случавшихся въ этой епархіи, отпаденій крещеныхъ татаръ въ мусульманство, при чемъ усматриваемо было, что одна изъ причинъ таковаго прискорбнаго явленія заключалась именно въ томъ, что приходскіе священники во многихъ приходахъ съ татарскимъ населеніемъ оказывались вовсе незнающими Татарскаго языка. или весьма недостаточно знающими оной. и неспособными имѣть какое-либо миссіонерское вліяніе на крещеныхъ татаръ — своихъ прихожанъ“.

„Въ 1867—1870 г., хотя, благодареніе Богу, не было подобныхъ совращеній отъ вѣры крещеныхъ татаръ въ слишкомъ большомъ числѣ, были, однако же, прискорбные случаи совращенія нѣсколькихъ сотенъ, и нельзя ручаться, что и впредь не могутъ повториться подобные случаи; но всѣ прежнія Высочайшія распоряженія и предписанія св. Синода я не могу не признавать имѣющими свою обязательную силу и въ настоящее время, тѣмъ паче, что въ 1870 г., по моему ходатайству, св. Синодъ, въ видахъ вознагражденія и поощренія, назначилъ прибавочное жалованье 20-ти священникамъ въ тѣхъ татарскихъ приходахъ, гдѣ эти священники, при хорошемъ знаніи Татарскаго языка, окажутся способными и полезными дѣятелями по приходу, въ особенности же по церковно-приходскимъ школамъ—отраслямъ Казанской крещено-татарской школы, заведеннымъ при содѣйствіи Братства св. Гурія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти школы, получившія уже въ настоящее время значительное развитіе въ Казанской епархіи, составляютъ одну изъ надежнѣйшихъ миссіонерскихъ мѣръ къ предотвращенію новыхъ случаевъ отпаденій отъ вѣры крещеныхъ татаръ, а со временемъ, при Божіей помощи, и къ привлеченію къ вѣрѣ Христовой даже некрещеныхъ. Но эта мѣра вполне можетъ достигнуть своей цѣли только при томъ непремѣнномъ условіи, если эти школы будутъ имѣть ближайшее отношеніе къ церкви, и, слѣдовательно, развиваться при непосредственномъ и ближайшемъ участіи и руководствѣ священниковъ, такъ, какъ и было предполагается въ проектѣ приснопамятнаго Архипастыря Филарета. Но, само собою, понятно, что для того, дабы священники въ татарскихъ приходахъ были способны къ достиженію этой цѣли, совершенно необходимо, чтобы они сами были приготовляемы къ сему въ Семинаріи надлежащимъ образомъ, и, слѣдовательно, чтобы преподаваніе какъ Татарскаго языка, такъ и противомусульманскихъ наставленій, было въ ней устроено на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, а не какъ нибудь, въ видѣ добавочнаго, зависящаго единственно отъ произвола учениковъ, параллельнаго гимнастикѣ или пѣнію, предмета. Въ настоящее

время я, при всемъ моемъ усиліи въ точности исполнить разныя прежнія предписанія св. Синода, вижу себя безсильнымъ къ сему; нѣкоторые приходы непременно требуютъ пастырей самыхъ благонадежныхъ по знанію языка и миссіонерской подготовкѣ, чтобы предотвратить тѣмъ возможное отпаденіе отъ вѣры, но, къ крайнему прискорбію, я не имѣю таковыхъ въ виду“.

„Все это побуждаетъ меня, въ сознаніи моего пастырскаго долга, еще разъ повторить смиреннѣйшую мою просьбу о разрѣшеніи ввести въ Казанской Семинаріи преподаваніе Татарскаго языка и миссіонерскихъ противомусульманскихъ наставленій на тѣхъ основаніяхъ, какія предположены, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ, въ какихъ находится Казанская епархія. Эти обстоятельства столь важны, что даютъ ей полное право на то, дабы Семинарія сей епархіи, сравнительно съ другими, имѣла нѣкоторый свой особенный оттѣнокъ, чѣмъ, впрочемъ, не нарушится отнюдь и ея общеобразовательный и классическій характеръ, такъ какъ для особой каѳедры Татарскаго языка и миссіонерскихъ наставленій, уже разрѣшенной св. Синодомъ, требуется отдѣлить лишь не болѣе, какъ по одному уроку отъ Греческаго языка въ каждомъ классѣ и только три урока отъ Латинскаго языка во всѣхъ классахъ; въ отношеніи же къ прочимъ предметамъ не предполагается никакихъ измѣненій въ общей программѣ семинарскихъ наукъ по новому уставу. Впрочемъ, если бы эта особенность, которой я испрашиваю для Казанской Семинаріи, представилась существенно измѣняющею недавно утвержденный Высочайше Уставъ семинарскій, въ примѣненіи къ Казанской Семинаріи, то, по убѣжденію моему, причины, по коимъ я о семъ прошу, столь важны, что даютъ мнѣ смѣлость, благопочтительнѣйше ходатайствовать дабы повергнуто было это на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора и испрошено Его Всемилостивѣйшее разрѣшеніе подобно тому, какъ въ 1866 г. Вашимъ Сіятельствомъ были представлены Его Императорскому Величеству мои предположенія по преобразованію Смоленской Семинаріи и удостоились утвержденія. Въ на-

стоящій разъ я имѣю на своей сторонѣ еще болѣе основаній къ такому „дерзкому“ ходатайству, чѣмъ въ упомянутомъ случаѣ, потому что ходатайствую о томъ, безъ чего вижу себя совершенно безсильнымъ исполнить въ точности прежнія, но доселѣ имѣющія свою обязательную силу для Казанскаго епархіальнаго начальства, распоряженія и предписанія св. Синода. Я и предвижу, что если особая кафедра Татарскаго языка и миссіонерскихъ наставленій будетъ поставлена въ Казанской Семинаріи не на тѣхъ основаніяхъ, какъ я ходатайствую, но какъ предметъ менѣе даже чѣмъ второстепенный, въ уровень съ гимнастикой и пѣніемъ, то знаніе воспитанниками Татарскаго языка и приготовленіе ихъ къ миссіонерской дѣятельности въ инородческихъ приходахъ не только не возвысится, но еще болѣе упадутъ въ сравненіи съ настоящимъ, и лучшіе воспитанники скорѣе будутъ уходить изъ Семинаріи, благодаря классической своей подготовкѣ, въ свѣтское званіе, чѣмъ обрекать себя на пастырское многотрудное и многосложное служеніе въ татарскихъ приходахъ, не сознавая въ себѣ должной къ тому готовности. А потому, предусматривая, что въ такомъ случаѣ еще затруднительнѣе будетъ мнѣ находить для инородческихъ приходовъ способныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ священства, чѣмъ теперь, я благопокорнѣйше прошу, въ случаѣ неудовлетворенія моего ходатайства, разрѣшить Казанскому епархіальному начальству *не стѣсняться* прежними, бывшими по сему предмету, распоряженіями и предписаніями высшаго Начальства относительно опредѣленія въ инородческіе приходы священнослужителей, непременно знающихъ языкъ своихъ прихожанъ-инородцевъ“.

„Но чѣмъ же все это кончилось?! Кончилось тѣмъ, что Духовно-учебный Комитетъ, какъ главно-орудующій во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, свелъ все почти къ нулю: въ результатѣ Комитетскаго рѣшенія было то, чтобы преподаваніе Татарскаго языка назначить въ свободное отъ общихъ классовъ время, именно: въ два дня въ недѣлю (среду и субботу), когда полагается только три урока вмѣсто четырехъ въ день, и чтобы изученіе его предо-

ставить только желающимъ на равнѣ съ языками Чувашскимъ и Черемисскимъ. А такъ какъ на этихъ условіяхъ занятій, очевидно, составляющихъ для воспитанниковъ только обременіе и не могущихъ привести къ чему-либо основательному въ изученіи языка, желающихъ оказалось всего-на-всего четверо учениковъ, равно какъ и обучаться Чувашскому языку пожелали только двое, а Черемисскому никто, — то Семинарское Правленіе въ началѣ же перваго учебнаго, по преобразованіи, года (5 Окт. 1871 г.) рѣшило: классовъ для преподаванія этихъ языковъ въ Семинаріи до времени вовсе не открывать... Правда, въ послѣдствіи времени Доцентъ Казанской Академіи по кафедрѣ Арабско-Татарскаго языка и обличенія магометанства, г. Остроумовъ, какъ ревностно дѣятельный Членъ Братства Святителя Гурія, выразилъ, къ утѣшенію преосв. Антонія, свою готовность способствовать продолженію преподаванія Татарскаго языка, не смотря на малое число желающихъ учиться ему, и принималъ на себя этотъ трудъ бесплатно; но и этотъ опытъ продолжался не долго, такъ какъ и самъ г. Остроумовъ перемѣстился изъ Казани въ Туркестанскій край“.

Что же касается до того, по выраженію самого же преосв. Антонія, *держкаго* его ходатайства, чтобы въ случаѣ надобности, дѣло объ открытіи особой кафедры Татарскаго языка и миссіонерскихъ противомусульманскихъ наставленій было повергнуто даже на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе, то хотя официально не было дано отвѣта на это преосв. Антонію, за-то конфиденціально было сообщено ему указаніе на неумѣстность такого ходатайства и, въ частности, самаго выраженія, въ которомъ онъ наименовалъ самъ же свое ходатайство *держимъ*...

Преосвященный Антоній, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, не разъ указывалъ на это сообщеніе. Когда приводилось ему еще дѣлать подобныя же отъ себя представленія, онъ напередъ высказывался: „а что?! вѣдь, опять, пожалуй, жди того же отвѣта...“ Помнится намъ въ особенноти, какъ высказывался на счетъ дѣлъ подобнаго рода преосв. Антоній при личныхъ бесѣдахъ съ

преосв. Макаріемъ въ бытность послѣдняго здѣсь, въ Казани (въ Окт. 1874 г.), на ревизіи Академіи. Высказывался онъ неприкровенно тѣмъ болѣе, что преосв. Макарій былъ, въ теченіи многихъ послѣднихъ лѣтъ, присутствующимъ въ св. Синодѣ и зналъ, такимъ образомъ, о самыхъ представленіяхъ преосв. Антонія; а, съ другой стороны, самъ высокопр. Макарій, при всей видимой сдержанности, выражалъ прямое сочувствіе къ убѣжденіямъ преосв. Антонія, и вполнѣ понималъ духъ и характеръ его. Вотъ, между прочимъ, подлинныя слова высокопреосв. Макарія, высказанныя со всею задушевностію при послѣдней прощальной бесѣдѣ съ преосв. Антоніемъ.

Бесѣда высокопр. Макарія съ преосв. Антоніемъ была въ квартирѣ перваго—въ Ивановскомъ Монастырѣ въ присутствіи преосв. Викторина и меня, какъ хозяина-настоятеля Монастыря, вечеромъ 9 Окт. 1874 г., наканунѣ отъѣзда высокопр. Макарія.

„Въ это время высокопр. Макарій, сидѣвшій на диванѣ рядомъ съ Антоніемъ и готовый, какъ-бы, взять его за обѣ руки, сталъ говорить: „Ахъ, Ваше В—ство! Если бы Вы и не говорили и даже не намекали обо всемъ подобномъ, то позвольте увѣрить Васъ, что я не меньше бы зналъ вѣдая Васъ и видя теперь въ лицо и прозирая въ Вашу душу... Хорошо Вамъ разсуждать и писать въ своемъ кабинетѣ... Но *имите вѣру* и намъ и всему тому, чего Вы не испытывали... Вы, конечно, не скроете и самі, что желали бы и лично присутствовать *тамъ—у насъ*...; но благодарите Господа, избавившаго Васъ,—именно Васъ при Вашемъ характерѣ, при Вашей ревностности до самоотверженія... Вы сами же на дняхъ передавали мнѣ сужденія и буквальные даже выраженія, въ Бозѣ почившаго, Филарета Митрополита Московскаго ⁽¹⁾, съ которымъ Вы неоднократно лично бесѣдовали объ этихъ же предметахъ и о проч. Смысла и значенія этихъ, переданныхъ Вами, выраженій я и прежде держался по своему разу-

(1) Указываемыя сужденія высокопр. Филарета будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ—самомъ ближайшемъ въ изложеніи.

мѣню и по возможности, а теперь приму ихъ еще болѣе за неизмѣнное правило, какъ, надѣюсь, примите и Вы. Еще говорю—благодарите Господа!... Представьте, что если кому наступили бы на ногу, и наступившіе не только не извинились бы тутъ же, но еще обижались бы, коль скоро замѣтили бы, или узнали, что ихъ наступленіе было почувствовано (1)... Больше этого, кажется, Вы отъ меня ничего не потребуете въ смыслѣ разъясненій. Довольно, что я высказываю Вамъ все это *не одинокъ-на-одинокъ...*, а, вотъ, при двухъ свидѣтеляхъ,—*„при двою же свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголь“*...

На какія сужденія и выраженія Московскаго Митрополита указывалъ напоминательно преосв. Антонію въ вышеприведенныхъ словахъ высокопр. Макарій,—тѣ и другія извѣстны были пишущему еще прежде изъ устъ преосв. Антонія.—Указываемыя свѣдѣнія интересны и идутъ совершенно къ настоящему мѣсту, чтобы остановиться на нихъ. Самый случай и поводъ, по которымъ преосв. Антоній повторялъ,—какъ-бы въ нравоученіе себѣ,—сужденія и буквальные выраженія *„мудраго въ совѣтѣхъ и дѣлѣхъ“*, Первосвятителя Московскаго, относятся къ той самой порѣ, когда преосв. Антоній видѣлъ неудачу за неудачей въ результатахъ своихъ представленій по дѣламъ Казанской Семинаріи. Получая, попеременно, по его выраженіямъ, то *„vetimur“*,

(1) Подъ рядъ съ этими выраженіями высокопр. Макарій употребилъ еще нѣкоторыя *имя*, съ указаниемъ на факты и даже на самыхъ лицъ,—выраженія смѣлыя, но взятая,—какъ онъ самъ же проговорилъ,—съ натуры... Послѣднихъ мы не можемъ позволить себѣ повторять здѣсь, свято дѣя самыхъ чувства столь задушевной братственной искренности, прямоты и не лицепріятной откровенности говорившаго... Оставалось лишь всѣ эти живыя сказанія намъ, слышавшимъ ихъ, *слагать и соблюдать въ сердцѣ своемъ*, сколько въ глубоко-скорбномъ смыслѣ и значеніи, столько же и поучительномъ... Преосв. Антоній, къ которому, главнымъ и исключительнымъ образомъ, обращена была вся рѣчь высокопр. Макарія, по преимуществу, какъ увидимъ отчасти ниже,—дѣйствительно такъ, а не иначе, сложилъ въ сердцѣ своемъ и уразумѣлъ всю истину и правду высказаннаго ему...

то „non possumus“ .., онъ, наконецъ, — однажды въ особенно скорбно-тревожномъ чувствѣ, — сказалъ: „*Дуракъ я былъ*, что такъ усиленно и всемѣрно хлопоталъ съ самаго перваго раза о возвращеніи семинарскаго корпуса... Пусть бы нововводители Устава дѣлали, что и какъ хотѣли..., а мы тогда посмотрѣли бы и увидѣли“. „Истинно мудро, продолжалъ преосв. Антоній, рассуждалъ и совѣтывалъ высокопр. Филаретъ, — и привелъ въ приблизительно буквальныхъ выраженіяхъ слѣдующія слова его: „Въ трудныхъ и, тѣмъ паче предвидимыхъ непреоборимыми, дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ со стороны противниковъ, или, по крайней мѣрѣ, предзанятыхъ людей мощно-вліятельныхъ, нѣтъ вѣрнѣе средства и надежнѣе пути, какъ не выступать противъ нихъ открыто; это значило бы только усиливать и вызывать противодѣйствующую сторону къ большей еще настоятельности въ проведеніи ими своихъ началъ и предпріятій. А съ другой стороны, и сами, открыто выступающіе при этомъ состояніи дѣлѣ, чѣмъ болѣе дѣлаютъ благопотребныя прямо благотворныя указанія, тѣмъ болѣе содѣйствуютъ не самому предмету и дѣлу, а той же самой, инако дѣйствующей, сторонѣ. Это тоже, говорилъ высокопр. Филаретъ, если бы при видѣ зданія, плохо основаннаго и худо отстроеннаго, и, по этому самому, уже не обѣщающаго ни прочности, ни полезности, ни самой долговременности, кто нибудь со стороны сталъ дѣлать указанія, гдѣ и что не ладно, и что и какъ нужно сдѣлать. Зданіе это, очевидно, при всей негодности можетъ только просуществовать дольше и не давать, пожалуй, замѣчать своей негодности особливо при желаніи самихъ основателей и строителей, во что бы-то ни стало, застоять мнимое достоинство своей архитектурники. При отсутствіи же всякихъ указаній со стороны истинно понимающихъ дѣло, зданіе само отъ себя не замедлитъ дать знать о своей негодности и обличить самихъ строителей..., которые тогда и сами волей-неволей уступятъ мѣсто другимъ дѣятелямъ“.

Далѣе, при этомъ же, какъ бы, вдругъ вспомнилъ преосв. Антоній и еще слѣдующія слова высокопр. Фи-

ларета, сказанныя въ отвѣтъ, когда преосв. Антоній высказывалъ Митрополиту прямыя опасенія, что послѣ такой ломки, очевидной уже въ самомъ проэктѣ нововводимаго преобразования и естественно неизбежной, по словищѣ: „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше порубки“... придется, пожалуй, и вовсе отступить отъ всякихъ предпріятій, или просто-на-просто, возсоздать все на руинахъ, при которыхъ не останется ни слѣдовъ основанія, ни почти самой почвы“... „Мы съ Вами не стратегики,—были слова отвѣтствующаго,—въ обыкновенномъ воинскомъ значеніи этого слова, но не лишены способности и возможности уразумѣвать ихъ тактику. Осаждаемые, по мудрой тактикѣ военачальствующихъ, при видѣ крайней трудности отстоять противъ осаждающихъ внѣшнія укрѣпленія, не опасаются уступать послѣднія иногда безъ бою, дабы вѣрнѣе отстоять внутреннія ⁽¹⁾. „И сего мало: въ послѣдней крайности, когда осаждающіе проникаютъ и вторгаются во внутреннія уже укрѣпленія, осаждаемые столь же мудро поступаютъ, что, при всемъ выдерживаемомъ геройствѣ, склоняются, чтобы уступить, наконецъ, и эти послѣднія, а не возбуждать въ осаждающихъ ярости и столь стремительныхъ натисковъ, при которыхъ можетъ быть разрушено все до тла. Такимъ образомъ, при уступкѣ и внутреннихъ укрѣпленій, эти послѣднія, безъ особыхъ требующихъ того условій и цѣлей (т. е. когда сами осаждаемые не разрушаютъ ихъ, дабы не дать непріятелю укрѣпиться въ нихъ же) сохраняются въ основахъ своихъ твердынь, и легко и всецѣло впослѣдствіи возстановляются и даже въ болѣе усовершенствованномъ устройствѣ“. „Школа, хотя и духовно-церковная не есть самая Церковь, и наука богословская—не Религія. Ту и другую,—школу и науку можно приуподобить, кажется, только къ внѣш-

(¹) Въ статьѣ: «Изъ воспоминаній и отзывовъ Протоіер. Моск. Академіи Петра Симоновича Казанскаго встрѣчаемъ почти буквально эти же самыя выраженія преосв. Филарета. Напр. «Въ трудныхъ обстоятельствахъ уступаютъ непріятелю внѣшнія укрѣпленія, чтобы лучше отстоять внутреннія» и проч. Смотр. Правосл. Обзорѣніе 1882 г., Августъ, стран. 729.

нимъ укрѣпленіямъ, а Церковь и Религію, юже по реченно-
му, и врата адавы не одолѣютъ—къ внутреннимъ. И
вотъ конецъ моего слова: уподобляя себя самихъ къ
стратегикамъ воинскимъ, по долгу званія и служенія на-
шего священно-начальническаго, намъ предлежитъ еще и
еще одна высшая сторона въ залогъ успѣха,—возносить
усугубительно молитвенный гласъ: *Утвержденіе на Тя
надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ
еси честною Твоею кровію*“...

Эти-то именно сужденія разумѣль и выражалъ пре-
освящ. Макарій, когда указывалъ на нихъ во время про-
щальной своей бесѣды съ преосв. Антоніемъ, который,
съ своей стороны, восполнялъ рѣчь перваго.

Послѣ отъѣзда высокопр. Макарія былъ предложенъ
преосв. Антонію вопросъ: какіе были разговоры между
ними о новомъ Уставѣ академическомъ?... Преосв. Анто-
ній, оказалось, выдержалъ себя предъ преосв. Макарі-
емъ такъ, что не заводилъ прямой рѣчи объ этомъ. „Бы-
ло бы, говорилъ онъ на этотъ разъ, съ моей стороны,
по меньшей мѣрѣ, невѣжливостію предъ нимъ, какъ го-
стемъ; да-иначе пришлось бы, пожалуй, свести всѣ раз-
сужденія развѣ къ такому комплименту въ лицо ему:
„кто-де сварилъ кашу, хотя и плохую, тотъ по неволѣ
первый самъ долженъ хвалить ее и уже не жалѣть, въ
приправу для вкуса другихъ, возможнаго изобилія масла“.
А была ли рѣчь касательно новосоставленнаго учебника
по Догматикѣ?! Преосв. Антоній съ улыбкою отвѣчалъ:
„это было бы еще шекотливѣе... Я даже опасался, что
преосв. Макарій, могло стать, слишкомъ глубоко за-
ложилъ въ своемъ сердцѣ то, что и какъ я писалъ ему,
во время оно, по этому собственно предмету,—а писалъ-
то я, сказать по правдѣ, больно откровенно и рѣзко...
именно, если позволительно приуподобить и выразить это
словами св. Апостола Павла о св. Апостолѣ Петрѣ: *въ
лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ* (Галит. гл. 2,
ст. II) (1). Сказать откровенно, я не надѣялся, чтобы
онъ, при настоящемъ нашемъ свиданіи, такъ искренно

(1) Объ этомъ фактѣ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ.

сошелся и сблизился со мною во всѣхъ отношеніяхъ и настолько былъ откровененъ, чему ты самъ былъ живой свидѣтель... Честь и хвала и благодареніе ему за все это..; а для меня самое вожденнѣйшее утѣшеніе о Господѣ.—Я съ отрадою въ душѣ теперь увѣряюсь, что тамъ,—собственно въ личномъ составѣ св. Синода и, тѣмъ паче, въ лицѣ Первенствующаго,—Слава Богу.—*кормило* церковнаго управленія держится крѣпко въ рукахъ и *якорь* твердъ и всегда наготовѣ... Потому хотя бы *парусамъ* желали и старались *иные* заправители давать своеобразное, явно не благопопутное направленіе, и хотя бы, при этомъ послѣднемъ, могли быть повреждаемы и самые *мачты* и *снасти* на верху корабля—но отнюдь не самый *корабль* Церкви, который, какъ ковчегъ Ноевъ, можетъ быть только обуреваемъ, но не потопляемъ... А въ этомъ и вся сила, и крѣпость, и утвержденіе для насъ—смиранныхъ служителей равно и всѣхъ истинно-вѣрующихъ чадъ св. Христовой Церкви, которая и Сама,—по священно-пѣсенному выраженію,—*стоитъ выну въ чинъ своемъ, достойно зывающи: Слава силъ Твоей Господи*“.—„Съ преосв. Макаріемъ,—продолжалъ преосв. Антоній,—если и заводилъ я прямую серьезную рѣчь по части учебной, то это собственно относительно необходимости и полезности преподаванія въ здѣшней Семинаріи инородческихъ языковъ и ученія о Расколѣ,—о чемъ я и ходатайствовалъ еще въ свое время, и въ чемъ мнѣ было наотрѣзъ отказано. Но преосв. Макарій, почему-то, выдерживалъ себя при этомъ разговорѣ ни такъ, ни сякъ,—ни pro, ни contra...—Да, впрочемъ, я и не налегалъ особенно на его личные взгляды и мнѣнія, такъ какъ и самый вопросъ по этому предмету положенъ уже, очевидно, *подъ спудъ*... Авось, дастъ Богъ, со временемъ сами же пообдумаются и въ разумъ истины приидутъ“.

По поводу этихъ, именно послѣднихъ, словъ преосв. Антонія, мы не можемъ не замѣтить здѣсь о слѣдующемъ фактѣ. То несомнѣнно, что преосв. Макарій, какъ присутствующій въ св. Синодѣ, раздѣлялъ мнѣніе Духовно-учебнаго Комитета и подписывалъ самый журналъ

св. Синода касательно отказа въ открытіи въ Казанской Семинаріи особыхъ кафедръ по преподаванію инородческихъ языковъ и ученія о Расколѣ, — о чемъ такъ настоятельно ходатайствовалъ преосв. Антоній, на прямомъ основаніи § 129. Но, замѣчательно, что онъ же самъ, преосв. Макарій, когда только сдѣлался Митрополитомъ Московскимъ, первый обратился съ ходатайствомъ въ силу этого же § 129 объ учрежденіи въ Московской Семинаріи особой кафедры по преподаванію ученія о Расколѣ, что и было разрѣшено для этой Семинаріи, а, затѣмъ, и для другихъ, какъ и для самой Казанской Семинаріи. Это было уже по кончинѣ преосв. Антонія; но этотъ самый фактъ даетъ очевиднѣйшее и прямѣйшее указаніе на то, — насколько былъ правъ преосв. Антоній въ своихъ бывшихъ настоятельныхъ ходатайствахъ, хотя бы и казавшихся тогда *дерзкими*. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатели увидятъ еще многія и многія изъ бывшихъ, подобныхъ сей-часъ сказанному, предположеній и дѣйствій преосв. Антонія, которые относились къ status-quo всѣхъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній послѣ произведенныхъ въ нихъ преобразованій по новосоставленнымъ уставамъ (съ 1867 г. — въ семинаріяхъ и училищахъ, и съ 1869 г. — въ академіяхъ). Всѣ эти предположенія и дѣйствія преосв. Антонія, въ свое время, не только не встрѣчали ни вниманія, ни, тѣмъ болѣе, одобренія со стороны тѣхъ, отъ кого ожидать бы подлежало, — а, напротивъ, принимаемы и признаваемы были въ совершенно иномъ смыслѣ и значеніи... Только уже послѣ кончины преосв. Антонія, тѣ или иныя изъ сказанныхъ его предположеній и дѣйствій стали постепенно возникать на свѣтъ и осуществляться; а, наконецъ, въ проэктахъ о новыхъ преобразованіяхъ въ замѣнъ прежнихъ, прожившихъ только 15—17 лѣтъ, и въ Высочайше утвержденныхъ новыхъ уставахъ (въ Апрѣлѣ 1884 года для академій и въ Августѣ того же года — для семинарій и училищъ) — значительная часть ихъ оказалась въ возможно ближайшей сходственности, и по мѣстамъ совершенной тождественности съ послѣдними (1). Подробное

(1) Въ нашемъ изложеніи мы будемъ дѣлать, въ подстрочномъ

изложеніе всѣхъ этихъ, указываемыхъ, данныхъ будетъ въ непосредственно слѣдующихъ главахъ, — гдѣ на первомъ планѣ поставлена Семинарія.

текстѣ, хотя краткія, указанія какъ на тѣ предположенія и дѣйствія преосв. Антонія, которыя постепенно осуществлялись еще до времени новосоставленныхъ уставовъ, такъ и на оказавшіеся въ полной сходственности съ вошедшими въ новые Уставы положеніями, а равно укажемъ и на все то, что преосв. Антоній не одобрялъ и отрицалъ въ прежнихъ уставныхъ положеніяхъ и разныхъ предписаніяхъ и что, дѣйствительно, въ послѣднее время совершенно отмѣнено. Мы вынуждаемся дѣлать эти указанія въ подстрочномъ текстѣ потому, что наша рукопись была совершенно закончена и получила уже цензурное разрѣшеніе въ промежутокъ времени между опубликованіемъ новосоставленныхъ Уставовъ—именно 24-го Іюня 1884 г. Измѣнять же прежнее, законченное, изложеніе въ нашей рукописи мы не могли позволить себѣ.

ГЛАВА VIII.

Въ своемъ мѣстѣ было приведено нами нѣсколь-ко словъ изъ письма самого преосв. Антонія, писаннаго имъ въ Петербургѣ въ ту пору, когда только требова-лись еще высшимъ Начальствомъ отъ всѣхъ ректоровъ семинарій соображенія, по предмету приготовлявшагося преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, и требова-лись, при томъ, слишкомъ ускорительно. „Что же за цѣль такой поспѣшности?...—писалъ тогда преосв. Антоній.— „Видно, что *у нихъ тамъ* готово что-либо свое уже на-передъ, и требуемая соображенія вовсе излишни... На-противъ, ужъ если дѣлать что-либо, такъ не столь по-спѣшно и не на живую нитку. И, при томъ, по видимо-му, это требованіе есть дѣло лишь Канцелярское, а не Синодальное. Ужели же опять допущено будетъ что-ли-бо значительное у насъ въ этомъ дѣлѣ такимъ поряд-комъ?... Надъ проектами о преобразованіи семинарій—иными, я думаю, можно *хоть плакать*“ (1).

Въ настоящемъ мѣстѣ. нашего изложенія о томъ именно,—какъ преосв. Антоній относился, во все время, къ нововведенному уставу семинарій и къ какимъ при-ходилъ выводамъ и убѣжденіямъ касательно многихъ и многихъ несообразностей,—можно сказать, что вышепри-веденныя слова его письма были выраженіемъ какого-то предчувствія или даже *предвидѣнія* съ его стороны. Судя по тѣмъ даннымъ, какія встрѣтимъ сейчасъ въ изло-женіи дѣйствій и сужденій преосв. Антонія, дѣйствительно, оказывается, что сплошь и рядомъ такъ и сквозили и

(1) Церковн. Вѣстникъ 1883 г. № 48, стр. 48.

рабили ему въ глаза, по выраженію въ его письмѣ. *живыя нитки*, а по отношенію къ нѣкоторымъ §§ Устава такъ и видно, что ему самому приводилось, какъ бы, *плакать*, когда онъ усматривалъ въ ихъ содержаніи и, тѣмъ болѣе, въ самомъ выполненіи ихъ такія несообразности, противъ которыхъ онъ не могъ не выступать, хотя и не могъ успѣвать, какъ желалъ и надѣялся, какъ напр. въ прежде изложенномъ дѣлѣ по отношенію къ двумъ §§ Устава—169 (въ примѣчаніи) и къ 129.

Обращаясь къ изложенію разсматриваемыхъ данныхъ, съ указаніемъ на самыя §§ Устава, мы должны указать прежде всего на §§ 24 и 39 о выборѣ чрезъ баллотировку лицъ начальствующихъ въ Семинаріи—Ректора и Инспектора. Фактъ первый. сюда относящійся, по избранію Инспектора былъ еще до преобразования Казанской Семинаріи. Дѣло это состоялось такъ, что и со стороны, кому угодно, представлялось оно и курьезнымъ, и страннымъ, и прискорбнымъ... Корпорация семинарская, баллотировавшая кандидатовъ на эту должность какъ изъ числа всѣхъ своихъ наличныхъ наставниковъ, такъ и, во множествѣ указанныхъ ею же самою, лицъ стороннихъ, въ концѣ концовъ не увидѣла ни одного достойнаго: всѣ получили меньшинство балловъ... Преосв. Антоній, получивъ по этому дѣлу журналъ Педагогическаго Собранія съ приложеніемъ самаго листа баллотировочнаго, испещреннаго минимальными баллами, еначала только улыбнулся и сказалъ: „вотъ тебѣ первый блинъ да комомъ...“ Потомъ обратился къ представившему ему этотъ журналъ съ такими словами: „что же за-кутерьму такую вы тамъ надѣлали, и что мнѣ остается дѣлать?!.. Вѣдь, это стыдъ и срамъ для заведенія;—вотъ того и смотри, что подхватятъ это и газеты... Да и мнѣ-то каково представлять объ этомъ св. Синоду, —чего требуетъ, между тѣмъ, самый § Устава“. —Святѣйшій Синодъ, дѣйствительно, обратилъ на это дѣло особенное вниманіе и постановилъ:—сдѣлать замѣчаніе всей семинарской корпорации за непоминаніе и неумѣніе оцѣнить, дарованныя ей, права.

По поводу этого самаго замѣчанія преосв. Антоній разсуждалъ однажды весьма долго и съ особеннымъ за-

мѣтнымъ волненіемъ... „Что же значить это замѣчаніе?! Не говоря уже о томъ, что въ этомъ фактѣ такъ наглядно, осязательно отразились крайне неблаговидныя внутреннія отношенія между членами семинарской корпораціи, вѣдь, изъ-за этой ихъ исторіи Семинарія оставалась двѣ трети года безъ Инспектора;—это для баллотировщиковъ-то, можетъ быть, и не почемъ... тогда какъ въ существѣ дѣла неизбѣжно отзывается неблагопріятно для заведенія.—Благо, что я тогда рѣшился представить прямо отъ себя, безъ выбора, кандидата на инспекторскую должность, временно исправлявшаго ее Помощника Инспектора, Магистра Я. А. Б—скаго, и благо, что мое представленіе было скоро удовлетворено, хотя это было прямо противъ правилъ новаго Устава.—Спрашивается:—не этотъ ли порядокъ и ввести бы навсегда, предоставивъ *первое прямое* право Архіереямъ представлять отъ себя кандидатовъ на инспекторство и даже на ректорство, и въ случаѣ уже только непредставленія ими таковыхъ, или когда представляемые будутъ признаны почему либо несоотвѣтствующими назначенію,—тогда уже, какъ говорится, кличь кликать,—а еще лучше назначить прямо по избранію св. Синода, или Дух.-учебнаго Комитета. Правда, по отношенію къ выбору и назначенію ректоровъ Семинарій дѣло поставлено отчасти похоже на этотъ порядокъ, такъ какъ въ § 24 Устава сказано, что епархіальный Архіерей, въ случаѣ несогласія съ выборомъ кандидатовъ по баллотировкѣ семинарской корпораціи, представляетъ своего кандидата... Но и это постановленіе Устава, по моему, представляетъ, въ своемъ родѣ, сугубую беспорядочность и несообразность... Кому не понятно съ перваго же разумнаго взгляда, что во 1-хъ, если Архіерей представляетъ своего кандидата вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ съ значащимися въ немъ избранными кандидатами, то этимъ самымъ онъ, очевидно, какъ бы, забраковываетъ уже выбаллотированныхъ кандидатовъ; во 2-хъ, представляемый самимъ Архіереемъ кандидатъ можетъ значиться въ томъ же баллотировочномъ листѣ съ обозначеніемъ, при томъ, полученныхъ имъ шаровъ если не въ большинствѣ избира-

тельныхъ, то сравнительно меньшихъ по числу противу другихъ,—слѣдовательно, онъ уже тоже забракованъ; въ 3-хъ же, кому захочется входить въ какую-то конкуренцію съ подчиненными лицами, въ виду того, что самому Архіерею, по полученіи указа, придется сдавать его въ Семинарское Правленіе, когда въ этомъ указѣ будетъ прописано и то, что представленіе-де Вашего Преосвященства о такомъ-то кандидатѣ приказали „оставить безъ послѣдствій“, а утвердить такого-то, избраннаго по баллотировкѣ. Вѣдь, при этомъ, пожалуй, хотя заочно втихомолку, прохлопаютъ въ средѣ бывшихъ баллотировщиковъ въ ладоши объ архіерейскомъ фіаско...—На послѣдокъ же всего и самъ утвержденный кандидатъ — Ректоръ, волей-неволей, будетъ чувствовать себя, какъ бы, негоднымъ лично Архіерею, который не даромъ представлялъ своего кандидата. Понятно, какъ онъ будетъ держать самъ себя и къ Архіерею и къ избравшей его корпорации; а послѣдняя, въ свою очередь, тоже составитъ свои взгляды на положеніе своего Ректора, какъ человѣка исключительно обязаннаго ей своимъ положеніемъ и, потому, имѣющаго и впредь опираться на нее, быть подъ охраной ея и защитой отъ какихъ бы-то ни было, хотя бы отъ мнимыхъ, неблагопріятныхъ отношеній къ Ректору со стороны Архіерея; за-то и самъ онъ, Ректоръ, будетъ, какъ бы, уже обязанъ уступать корпорации въ ея инициативахъ и дѣйствіяхъ, хотя бы и противъ своихъ убѣжденій. Кромѣ того, по баллотировкѣ можетъ быть избрано лицо большинствомъ балловъ весьма незначительнымъ; слѣдовательно тѣ, которые положили шары неизбирательные и, при томъ, по причинамъ и убѣжденіямъ очень основательнымъ, когда увидятъ, однако, начальникомъ своимъ лицо, не признаваемое ими въ его достоинствахъ, естественно, будутъ смотрѣть на него и впредь, по меньшей мѣрѣ, несочувственно; и вслѣдствіе этого, естественно, не могутъ не относиться такъ же несочувственно и къ тѣмъ изъ сослуживцевъ, кои дали отъ себя на баллотировкѣ шары избирательные... Эти же послѣдніе, съ одной стороны, какъ составляющіе большинство, а съ другой, имѣющіе во главѣ у себя излюблен-

наго, избраннаго ими, начальника, еще болѣе могутъ проявлять свое несочувствіе и неблагопріятныя отношенія къ первымъ... Въ добавокъ же ко всему этому начнутъ сами же выбрасывать свой соръ изъ избы, пустившись въ корреспонденціи, прицѣпивши сюда, пожалуй, и самого Архіерея съ той или другой стороны, смотря по личнымъ расчетамъ своей партіи. Однимъ словомъ, трудно и выразить, а не то, чтобы распутывать всю подобную вереницу всѣхъ несообразностей въ самомъ содержаніи §§ Устава, и неизбѣжную отъ этого всю зловредность для благосостоянія всего заведенія, порождаящую партіями, интригами и разными нестроеніями въ средѣ служащей корпораціи...“

Замѣчательно, что всѣ эти разсужденія высказывалъ преосв. Антоній въ свое время, въ начальныхъ еще годахъ по введеніи Устава; по высказанное имъ здѣсь, почти цѣликомъ, осуществилось въ самые послѣдніе годы его жизни—въ состояніи и дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ лицъ въ корпораціи Казанской Семинаріи, не исключая и самыхъ корреспонденцій, направленныхъ прямо противъ преосв. Антонія и наполненныхъ, само собою понятнымъ, содержаніемъ въ личныхъ расчетахъ и пр...—*о чемъ, впрочемъ, да не возглаголютъ уста наши, яко о дѣйствіяхъ страстей и слабостей человѣческихъ!!...* Авторъ новоизданной исторіи Казанской Семинаріи (г. Благовѣщенскій) совершенно справедливо охарактеризовалъ Казанскую Семинарію именно по отношенію къ избирательному началу... „Нельзя не отмѣтить, говоритъ онъ, что избирательное начало введено въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ въ очень широкихъ размѣрахъ, особливо если сравнить со свѣтскими равностепенными учебными заведеніями; даже корпораціи дух. академій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, уступаютъ по части избирательныхъ правъ; напр. имъ не предоставлено право избирать кандидатовъ на должность Ректора... Но, при всемъ этомъ, Казанская Семинарія отличалась *нестроеніями; выборы на должности и самое дѣлопроизводство часто запутывались и разстроивались...*“ (1).

(1) Исторія Каз. Семинаріи, соч. А. Благовѣщенскаго, стр. 252.

За-то, вмѣсто сейчасъ представленныхъ мрачныхъ и прискорбныхъ явленій, мы должны указать здѣсь на тотъ, отрадный и достойный полнаго вниманія, фактъ, что вышесказанныя мысли преосв. Антонія о порядкѣ представленія кандидатовъ на ректорство и инспекторство вполнѣ оправдались, хотя и по кончинѣ его, на самомъ дѣлѣ, и весьма скоро... Еще въ 1881 г. состоялось Высочайше утвержденное (24-го Октября) опредѣленіе св. Синода, по содержанію котораго г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода (отъ 7-го Мая сего года № 2125), обратился ко всѣмъ Преосвященнымъ со своимъ разъяснительнымъ предложеніемъ именно такого рода: „что 1) вышеприведенный указъ св. Синода былъ направленъ именно къ тому, чтобы обезпечить замѣщеніе вакантныхъ начальническихъ должностей вполнѣ благонадежными лицами и, при томъ, по возможности безотлагательно, такъ какъ оставленіе таковыхъ должностей на долгое время безъ замѣщенія, можетъ иногда отзываться неблагопріятно на успѣшномъ ходѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла, и 2) чтобы епархіальные Преосвященные въ самыхъ своихъ представленіяхъ объ открывшихся вакансіяхъ указывали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на лицъ, служащихъ въ епархіи, коихъ они признаютъ съ своей стороны вполнѣ способными и благонадежными къ занятію открывшейся должности, дабы центральное Управленіе духовно-учебнаго вѣдомства, независимо отъ кандидатовъ, имѣющихся у него въ виду и распоряженіи, могло всегда имѣть въ виду и кандидатовъ мѣстныхъ, указанныхъ епархіальными Преосвященными, по соображенію съ ближайшими извѣстными обстоятельствами и нуждами“. По прочтеніи этого послѣдняго предложенія г. Оберъ-Прокурора св. Синода, нужно-ли договаривать, какъ близко и почти тождественно содержаніе и значеніе его съ приведенными выше разсужденіями и дѣйствіями преосвящ. Антонія; а въ этомъ самомъ не заключается ли свидѣтельство о томъ, что было сказано о содержаніи и значеніи переписки, веденной преосв. Антоніемъ съ нынѣшнимъ г. Оберъ-Прокуроромъ св. Синода, отъ котораго

и вышло вышеприведенное разъяснительное предложение (1).

Начавъ дѣлать указанія на сужденія преосв. Антонія относительно, усматриваемыхъ имъ во многихъ разныхъ §§ Устава, несообразностей, мы продолжимъ ихъ; но предварительно выскажемъ сужденія самого же преосв. Антонія объ этихъ его собственныхъ сужденіяхъ... „Конечно. говорилъ онъ самъ о себѣ, меня могутъ понимать *тамъ*, какъ бы, предубѣжденнымъ и желающимъ настаивать *на своемъ* даже до упорства, но напротивъ... Составители новаго Устава и теперешніе блюстители его и заправители самымъ выполненіемъ его на практикѣ, сами же только то и дѣлаютъ, что, сплошь и рядомъ, къ каждому параграфу издаютъ дополненія и разъясненія, а къ этимъ опять прибавляютъ новыя дополненія и толкованія, разсылая, при томъ, еще уполномоченныхъ указчиковъ и направителей для веденія дѣла. которые, въ свою очередь, еще надбавляютъ своего такого же балласта.—Объ чемъ же это все свидѣтельствуетъ, какъ не объ очевиднѣйшей несоотвѣтственности „дѣла рукъ“ ихъ существу самаго дѣла?! и кто захочетъ безусловно, безмолвно слѣдовать этому руководствію, или школьнически водиться только указками, чтобы не смѣть своего сужденія имѣть и не умѣть, гдѣ своего ума и разума приложить... даже и тамъ, гдѣ, видимо-превидимо, вопреки тамошнимъ веломудрствованіямъ, ларчикъ просто открывается и польза дѣла прямо достигается“ (2).

(1) Въ новомъ Уставѣ 1884 г. въ §§ 23, 24 и 38 сказано тоже, т. е. что «кандидаты на ректорство и инспекторство избираются и представляются преосв. Архіереями прямо отъ себя въ св. Синодѣ». НВ. Баллотировки же всѣ вообще отмѣнены безслѣдно.

(2) Говоря о разнообразнѣйшихъ и многочисленныхъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ, постоянно издававшихся въ прибавленіе къ Уставу, и указывая на самые экземпляры этихъ сборниковъ, преосв. Антоній въ полунутку уподоблялъ ихъ, такъ называемымъ въ церковномъ Уставѣ, *Марковымъ главамъ*, но не по значенію послѣднихъ, а потому только сравненію, какъ бываетъ иногда въ церковной практикѣ выполненіе этихъ Марковыхъ главъ, когда священники, по неопытности или по нерадѣтельности своей, вовсе не ра-

Впослѣдствіи, по поводу другихъ подобныхъ же фактовъ и личныхъ своихъ дѣйствій, преосв. Антоній самъ выражалъ свои сужденія еще въ такихъ словахъ: „Я знаю, что *тамъ* сложились обо мнѣ такія уже мнѣнія, что я-де слишкомъ *записался*, или даже *исписался*“. Но смыслъ этихъ, какъ бы, самоукорительныхъ сужденій, кажется, вполне понятенъ изъ того, какъ понималъ преосв. Антоній самихъ *слагателей* подобныхъ объ немъ мнѣній. „Худо это, по моему, что иные многіе медлятъ...“,—писалъ онъ, еще заранѣе и давно преосв. Анатолію, Архіеп. Могилевскому. „Чего добраго? пока мы будемъ медлить, не рѣшаться, *благонпріятели* наши успѣютъ крѣпко повредить дѣлу... Опасно, какъ бы, въ случаѣ такой обычной намъ медлительности во всемъ, не вырвали всего у насъ изъ рукъ *враги наши*... Сами же помогаемъ мы *руками брать насъ* врагамъ нашимъ“.— Потому-то, какъ вполне справедливо комментировалъ эти слова авторъ-обнародователь этихъ писемъ, сказавши о преосв. Антоніи, что „онъ самъ-то, нужно къ чести его сказать, не сидѣлъ сложа руки, а дѣйствовалъ энергически, боролся, на сколько только представлялось ему возможнымъ“⁽¹⁾; такъ зъ правѣ и мы комментировать вышеприведенныя сужденія преосв. Антонія о себѣ „самомъ, что „онъ могъ казаться *записавшимся* или даже *исписавшимся*, но не въ отношеніи къ существу предметовъ, а въ отношеніи къ тѣмъ *благонпріятелямъ-врагамъ,*

зумѣютъ силы и значенія ихъ, а причетники уже сами орудуютъ всѣмъ уставныхъ порядкомъ, водясь этими Марковыми главами, какъ только на умъ пришло, или что подъ руку попало... Такъ, видно, хотѣли бы и *тамъ* сдѣлать, чтобы мы,—Архіерен, ходили на указанныхъ священниковъ и чтобы въ нашихъ же глазамъ орудовали всѣмъ строемъ и направлениемъ учебныхъ заведеній тѣ, кои сами же насоставляли непроходимую вереницу этихъ Марковыхъ главъ—разъясненій и дополненій къ выработанному ими же Уставу, и, при томъ, безъ всякой разумно-прагматической послѣдовательности, а просто—какъ бы, бросаясь во всѣ стороны и прицѣпляясь ко всякому повременному казуистическому, не рѣдко самому мелочному, явленію въ области учебно-воспитательной и административно-дисциплинарной...

(1) Церкви. Вѣстн., 1883 г., № 48, стран. 3.

которые готовы были бы вырвать у архіереевъ изъ рукъ не дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію и дѣятельности, но вырвать, если бы возможно, изъ рукъ ихъ и самыя перья и бумагу, и даже связать, отбить, отнять самыя руки“.—Эти выраженія *комментирующія*—собственно не наши, а самого же преосв. Антонія, и нами только здѣсь повторены (1).

Обращаемся къ начатому выше изложенію.

Въ ряду прочихъ параграфовъ семинарскаго Устава преосв. Антоній на первыхъ же порахъ, по встрѣтившимся фактамъ, остановился на §§ 113 и 114 (2), по преимуществу на послѣднемъ. „Что значить прежде всего, говорилъ преосв. Антоній, такое указаніе,—и къ кому оно болѣе относится, къ семинарскому Правленію, или къ епархіальному Архіерею?... И что за мѣра и предѣлъ, далѣе которыхъ дѣло, не разрѣшившееся по двукратномъ только разсмотрѣніи его, не можетъ уже подлежать новому дальнѣйшему обсужденію на мѣстѣ, а должно представляться на разрѣшеніе св. Синода?! Вообще—сколько можетъ быть здѣсь оборотовъ, чтобы не сказать извращеній, и въ пониманіи этихъ параграфовъ, и въ направленіи самаго хода дѣла, и, наконецъ, въ самыхъ отношеніяхъ между Правленіемъ и Архіереемъ?!—Говоря просто и прямо, этотъ § 114 можно, прежде всего, почестъ, какъ бы, за *запугиваніе* и для Правленій и для Архіереевъ:—Смотрите-де,—если не войдете вы въ соглашеніе, то несогласія ваши будутъ извѣстны въ Синодѣ... Или же этотъ § походитъ на обоюдострый ры-

(1) Этимъ выраженіямъ, какъ видятъ читатели, вполне соответствуютъ и слова указанной статьи,—т. е. что преосв. Антоній *«не сидѣлъ сложа руки»* и не давалъ *изъ связывать*.

(2) Въ этихъ параграфѣхъ сказано, именно: въ—

§ 113. Въ случаѣ несогласія Преосвященнаго съ представленными ему заключеніями, Правленіе, по предложенію Преосвященнаго, подвергаетъ дѣло новому разсмотрѣнію.

§ 114. Если, и по новомъ разсмотрѣніи, не послѣдуетъ согласія епархіальнаго Архіерея на заключеніе Правленій, то все дѣло представляется Преосвященнымъ на разрѣшеніе Святѣйшаго Синода.

чагъ, коимъ или Правленіе можетъ напирать и заставлятъ Архіерея, въ смыслѣ сказаннаго же запугиванія, чтобы онъ или уступилъ Правленію, или непременно представилъ въ св. Синодъ;—или же самъ Архіерей можетъ дѣйствовать такъ же.—Въ этомъ § даже и не сказано ясно:—отъ кого зависитъ инициатива представленія дѣла въ св. Синодъ,—отъ Архіерея или Правленія. А вотъ живые факты:—Правленіе, выводя на справку этотъ § 114, дѣлаетъ постановленіе: „просить Его Преосвященство представить настоящее дѣло въ св. Синодъ“. И чтожь, если я,—Архіерей, не представилъ бы, считая или дѣло не заслуживающимъ этого, или имѣя въ виду дать ему свой извѣстный исходъ,—то Правленіе можетъ считать это или уступчивостію, или просто трусливостію со стороны Архіерея и впредь станетъ разсчитывать еще болѣе на этотъ §; а, пожалуй, и само отъ себя рѣшится донести, или, по крайней мѣрѣ, посредствомъ печати довести до свѣдѣнія высшаго начальства... что такъ и такъ-де поступилъ Архіерей въ явное нарушеніе § 114..., при чемъ не затруднится и прибавкою краснаго слова въ свою пользу и, какъ бы, въ честь и похвалу себѣ за такую ревнительность и ненарушимость Устава. Съ другой стороны, смыслъ и приложеніе этихъ §§ 113, 114 могутъ быть расширены и растянуты на столько, что и всякое не утвержденіе журнальнаго постановленія Архіереемъ можетъ быть принимаемо со стороны Правленія за несогласіе, хотя бы и не предложено было Архіереемъ разсмотрѣть вновь.—И тогда чтожь?—Архіерею приводилось бы затвердить только два термина и прикладывать ихъ какъ *тамгу*: „*утверждается, или согласенъ*“. Кромѣ же всего этого извѣстно, что Члены-ревизоры, преимущественно, извлекаютъ данныя изъ журналовъ Правленія, и въ этомъ случаѣ бывають, подъ часъ, чрезчуръ усердны и досужи выписывать цѣликомъ резолюціи и распоряженія архіереевъ, и въ особенности тѣ, кои несообразны съ Уставомъ и разными положеніями, хотя бы только по буквѣ!!—Но какъ ревизорскіе отчеты печатаются и рассылаются повсюду, и, несомнѣнно, попадаютъ въ руки даже и воспитанниковъ

семинарій, — то кто исчерпаетъ всѣ послѣдствія, отсюда проистекающія и разливающія столь явный растлѣвающій вредъ?!“ (1).

Такъ же точно разсуждалъ преосв. Антоній о § 19 Устава, гдѣ отъ слова до слова сказано такъ: „Епарх. Архіерей, по окончаніи каждаго учебнаго года, представляетъ св. Синоду по § 34 отчетъ о состояніи Семинаріи въ учебномъ и нравственномъ отношеніи“. Этотъ § значитъ въ главѣ 2-й озаглавленной: „о власти епархіальнаго Архіерея въ отношеніи къ Семинаріи“. Сопоставляя этотъ § 19-й со вставленнымъ въ его же текстѣ § 34, въ которомъ говорится, что „подробный отчетъ по учебной и нравственной части составляетъ Ректоръ Семинаріи и, по предварительномъ обсужденіи и утвержденіи сего отчета Правленіемъ, представляетъ его епархіальному Архіерею“, — преосв. Антоній ставилъ такой вопросъ: „о какой же власти Архіерея говорится въ этомъ § 19-мъ; въ чемъ она здѣсь проявляется?! — въ томъ ли развѣ только, что Архіерей своею властною рукою имѣетъ право подписать не самый отчетъ, а только представленіе св. Синоду съ препровожденіемъ поданнаго ему, обсужденнаго и утверждённаго Правленіемъ, отчета... А если бы Архіерей проявилъ здѣсь свою власть, по истинному понятію о власти, въ томъ, что указалъ бы на какія либо неточности и неисправности и внесъ бы свои мнѣнія и замѣчанія, то что же вышло бы? Тогда вышли бы опять на сцену тѣ же §§ 113—114, т. е. такъ какъ отчетъ обсужденъ и утверждён уже Правленіемъ, то всякое новое указаніе на что либо или измѣненіе изложеннаго въ немъ было бы равносильно несогласію Архіерея съ Правленіемъ и вызывало бы такое же несогласіе со стороны Правленія съ Архіереемъ; слѣд., прежде чѣмъ представить самый отчетъ въ его

(1) Въ новомъ Уставѣ (1884 г.) разсмотрѣнные §§ 113 и 114 — не существуютъ даже и въ тѣни... не только закрытыя баллотировки, но и открытыя отбиранія голосовъ воспрещены; всѣ дѣла должны рѣшаться, по § 102 — единодушнымъ, по возможности, соглашеніемъ... Разсылка самыхъ отчетовъ ревизорскихъ-печатныхъ тоже прекращена еще съ 1881 года...

подлинникъ, нужно представить на разрѣшеніе св. Синода самыя пункты, вызывавшіе взаимныя несогласія.— Если же при этомъ признавать Архіерея внѣ всякой отвѣтственности за содержаніе отчета и поставить его, такимъ образомъ, въ значеніи только *пересылочной инстанціи*..., то не явно ли здѣсь прямое противорѣчіе самому понятію объ отчетѣ, какъ свидѣтельствѣ благосостоянія, или неблагосостоянія заведенія, а равно и понятію о самомъ значеніи Архіерея въ отношеніи къ этому заведенію, въ которомъ Архіерей епархіальный по § 14 поставленъ главнымъ Начальникомъ, по § 15 входитъ во всѣ подробности управленія и удостоверяется въ степени благоустройства Семинаріи,—и который потому, по § 17, о всѣхъ мѣрахъ къ устраненію, замѣчаемыхъ имъ, недостатковъ, или къ улучшенію той или другой части семинарскаго устройства..., даетъ Правленію Семинаріи письменныя предложенія“. Чтобы не оставаться,—какъ выражался преосв. Антоній,—въ роли *пересылочной только инстанціи* при представленіи годовыхъ семинарскихъ отчетовъ, онъ предлагалъ Сем. Правленію не разъ, особливо въ послѣдніе годы, чтобы къ отчету прилагаемы были или излагаемые имъ при этомъ особыя его мнѣнія и отзывы, или нѣкоторыя изъ тѣхъ его предложеній, которыя давались имъ въ теченіи отчетнаго года Семинарскому Правленію по разнымъ предметамъ.

Далѣе, преосв. Антоній, особенно многократно, разсуждалъ о § 16-мъ подѣ влияніемъ, получаемыхъ имъ, разныхъ впечатлѣній отъ каждаго экзамена. Въ этомъ параграфѣ Устава, говорилъ онъ, какъ нальзя болѣе характеристично выражено лаконически: „Архіерей *присутствуетъ на испытаніяхъ* воспитанниковъ, особенно оканчивающихъ курсъ“—и только. Дѣйствительно, Архіерею остается *только присутствовать*, въ простомъ смыслѣ этого слова, т. е. *сидѣть* и въ добавокъ развѣ *позѣвывать* среди скуки и полудремоты отъ механическаго образа производства испытаній. Начать, напр., съ самаго списка учениковъ, на которомъ видишь алфавитный перечень ихъ фамилій и, набросанныя противъ каждаго, цифры 3, 5, 3, 2, 4 и т. п., выражающія всю

педагогическую радикальную оцѣнку успѣховъ; при чемъ ни способности, ни прилежаніе учащихся не обозначены ни одной даже черточкой... Какъ прикажете изъ этихъ самыхъ сухихъ голыхъ цифръ составить, сколько нибудь опредѣленное, понятіе о личности каждаго изъ испытываемыхъ; кто изъ нихъ болѣе или менѣе, сравнительно, развитъ и вообще приобрѣлъ знаніе, когда съ тройками напр. стоять десять и болѣе учениковъ, а равно по нѣскольку съ пятерками и четверками.—Изъ одного уже этого такъ и видится насквозь, что самъ-то наставникъ былъ радъ радешенекъ, что, по силѣ самаго Устава, наставилъ нѣмые знаки и тѣмъ отдѣлался отъ всякой, будто, отвѣтственности за несостоятельность учениковъ на экзаменѣ. Да и сами ученики только одно и преслѣдуютъ на экзаменѣ, чтобы не получить ниже тройки, такъ какъ за этимъ воспослѣдуетъ для нихъ или перезаменовка, или опасность не быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ и лишиться казеннаго содержанія. А чтобы они,—ученики, старались показать на экзаменѣ, посылно солидное, свое знаніе,—этого нѣтъ и ничѣмъ не вызовешь... Видишь въ нихъ чистѣйшее олицетвореніе апатіи, съ добавкою еще горшаго состоянія, когда иной ученикъ, получивъ билетъ съ вопросами, бываетъ въ состояніи только лишь по номераціи билета отыскать свой вопросъ по размѣченной на №№ программѣ; а если, прежде этого, спросить его прямо:—къ какому трактату и частному пункту относится этотъ вопросъ въ цѣлой системѣ науки и по контексту,—то поминай, какъ звали...—Впрочемъ, невольно, какъ бы, пожалѣешь тутъ и самихъ учениковъ; потому что цѣлая наука, напр., даже Догматическое Богословіе, оказывается раздѣленною на число экзаменическихъ билетовъ съ вопросами, какъ разъ почти по числу только наличныхъ учениковъ, хотя бы ихъ было отъ 15 до 20... Явное дѣло,—какъ громадны должны быть билеты по содержанію, или сколько должно быть выпущено почти цѣлыхъ отдѣловъ изъ системы, которые, въ виду этого, не бываютъ и репетированы учениками, да и прежде, такъ себѣ слегка пройдены. а, случилось, шые и вовсе

были оставлены, тогда какъ эти выпущенные отдѣлы самыя важныя (1). При громадности же билетовъ вообще очевидно, что ученикъ отвѣчаетъ болѣе извѣстное и простое, возможно растягивая, а прочее важное повторяя только по пунктамъ программы, имѣющейся у него тутъ же въ рукахъ... безъ которой иначе, онъ какъ слѣпой безъ клюки... Далѣе: если ученикъ иногда совершенно спутывается въ отвѣтахъ даже и по программѣ, то наставникъ или преспокойно украшается молчаніемъ, какъ, будто, дѣло не его касается, или же, какъ бы, полулыбається надъ самимъ же бѣднымъ сконфузившимся ученикомъ... Когда же отвѣтъ его какъ нибудь неправиленъ положительно, — и тутъ наставникъ рѣдко-рѣдко поправитъ. А, наконецъ, если и въ учебникѣ оказывается явная несостоятельность, или неточность и т. п., то всего страннѣе, что наставникъ опирается прежде всего на то, что въ учебникѣ-де такъ и, имѣя его на подобный случай въ рукахъ, отыскиваетъ самыя строки и торжественно показываетъ и прочитываетъ... поставляя себѣ чуть не въ похвалу, что онъ такъ ревниво блюдетъ значеніе учебника, какъ освященнаго одобреніемъ высшаго авторитета, Духовно-учебнаго Комитета... хотя въ это же время, по самому чувству совѣсти, не можетъ не сознавать, что въ учебникѣ дичь-чушь... что иногда тутъ же, волей-неволей, высказываетъ и самъ наставникъ. — Но такъ какъ все это бываетъ въ глазахъ и въ слухъ самихъ же учениковъ, то что же должно чувствоваться ими и какое составляется понятіе и объ учебникѣ и о самомъ наставникѣ, когда послѣдній преподавалъ и объяснялъ имъ же это самое мѣсто, оставивъ его неизмѣннымъ?!... И такъ вотъ все, въ чемъ, говорилъ съ грустію преосв. Антоній, состоитъ вся процедура и самое значеніе нынѣшнихъ испытаній, и, слѣдовательно, въ этомъ, не болѣе, заключаются и сила и смыслъ § 16, которыми опредѣляются *право и власть Архіерея, лично присутствующаго* на этихъ испытаніяхъ!!“.

(1) Это все бывало въ дѣйствительности, такъ что преосв. Антоній указывалъ на это въ своихъ предложеніяхъ.

Впрочемъ, какъ ни много повторено здѣсь подлинныхъ сужденій и выраженій преосв. Антонія.—все-таки этого далеко мало. Всѣ лица семинарской корпораціи сами засвидѣтельствуютъ, что именно бывало говорено и всѣмъ вообще и каждому порознь, когда собирались они у преосв. Антонія послѣ молебна по окончаніи и предъ началомъ учебнаго года.—Достаточно сказать, что подобныя аудіенціи продолжались иногда болѣе часа времени. Еще только преподавая благословеніе каждому, преосвящ. Антоній уже начиналъ, такъ сказать, генеральную исповѣдь и на столько сразу проникался интересомъ своихъ разсужденій, что иногда забывалъ и самъ садиться, и предлагать сѣсть собравшимся. Вращаясь въ кружкѣ всѣхъ предстоящихъ, онъ, то напрямки, не стѣняясь рѣзкостію иныхъ выраженій, то вызывая во всѣхъ возможное сочувствіе, вступалъ тутъ же со всякимъ, начинавшимъ говорить, какъ бы, въ товарищескія соразсужденія, и радъ былъ всякому доброму откровенному слову. Главнѣйшимъ же и задушевнымъ желаніемъ его, при этомъ, было то, чтобы вызвать всѣхъ къ единенію, содружному дѣйствованію и отнюдь не по буквѣ Устава, не по сухимъ формамъ учебной педагогики и правиламъ инструкции..., а всячески имѣть и проводить вліяніе на воспитанниковъ на всякомъ шагу, такъ, чтобы изучать и узнавать ихъ не по однимъ книжнымъ отвѣтамъ въ классѣ, а чтобы и въ этихъ послѣднихъ вызывалось и проявлялось въ самихъ же ученикахъ живое сознаніе и чувство и въ отношеніи къ наукѣ, и къ своему научному развитію, и вообще, къ духовно-воспитательному состоянію, и самому даже курсу, какъ призывающему и ведущему ихъ къ будущему духовному званію и служенію... (1).

„А то что же?! говорилъ преосв. Антоній,—что ваши пятерошники и четверошники?! (это почти всегда высказывалось). Одни изъ нихъ, кои сравнительно подѣльнѣе, ясно, *отъ насъ изыдоша*,—но не бѣша отъ насъ: аще бы

(1) Въ §§ 145, 146 и 147 всѣ эти положенія и требованія выражены почти буквально,—но преосв. Антоній слишкомъ ясно видѣлъ, что эти-то §§ болѣе всего и не прилагались къ дѣлу, а оставались безъ вниманія.

отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами... (1 Иоан. 2, 19). Кому, какъ не вамъ же извѣстно, по сколько уходитъ таковыхъ каждый годъ послѣ даже четвертаго класса и, затѣмъ, по окончаніи полнаго курса... такъ что и въ Академію-то послать, случилось, не кого, или посылать было стыдно изъ опасенія, что не примуть... А кому здѣсь стыдъ и не честь, какъ не первымъ вамъ самимъ!!... Но, съ другой стороны, и мнѣ-то какво. Вѣдь, вы сами, — скрывать нечего, — чувствуете себя неловко, когда я, послѣ каждаго учебнаго года, вынужденъ бываю давать предложенія, содержаніемъ коихъ, къ прискорбію, бываютъ исключительно указанія на разные недостатки ваши... Вотъ и послѣ нынѣшнихъ экзаменовъ долженъ же я буду указать и то, другое, третіе... десятое... А сколько и чего высказывать приводится мнѣ во время самыхъ экзаменовъ?! Не быть же мнѣ тамъ покрывкой и поблажкой того, что и сами ученики ясно понимаютъ... Наконецъ, въ теченіи каждаго года, вникая въ ваши журнальныя постановленія по учебнымъ и педагогическимъ предметамъ, могу ли я соглашаться съ тѣми или иными, — въ коихъ такъ и сквозить одна лишь мертвая буква Устава вмѣсто живыхъ, здравыхъ разсужденій, или желаніе, чтобы отдѣлаться одною формальностію, и, главное, свести все это лишь къ одному — къ большинству голосовъ ⁽¹⁾ и на этомъ обосновать всю силу рѣшеній, сколько бы онѣ ни были не основательны и не сообразны съ дѣломъ и пользою заведенія“.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы выписать все, что и сколько разъ преосв. Антоній излагалъ и въ своихъ предложеніяхъ и въ резолюціяхъ на журналахъ по разнымъ предметамъ и дѣламъ Семинарскаго Правленія, не говоря уже о вышеприведенныхъ устныхъ его разсужденіяхъ и наставленіяхъ, то составила бы книжка не меньшая,

(1) По § 102 новаго Устава (1884 г.) всякое отбирание голосовъ въ видахъ рѣшенія какихъ-либо вопросовъ, при случающихся разныхъ мнѣніяхъ, «по большинству голосовъ» совершенно отмѣнено; «въ случаѣ же рѣшительнаго разногласія, — отдѣльныя мнѣнія подаются письменно и представляются на усмотрѣніе Преосвященнаго».

кажется, той, въ каковой изложенъ весь семинарскій и училищный Уставъ. Самые Ревизоры, — члены Духовно-учебнаго Комитета, истинно удивлялись столь ревностной дѣятельности и неустанному непосредственному наблюденію преосв. Антонія за всѣмъ. Одинъ изъ нихъ съ особеннымъ безпристрастіемъ и откровенностію, — (такъ какъ это уже было послѣ кончины преосв. Антонія спустя два мѣсяца), — открыто и предъ сторонними многими и самыми семинарскими лицами говорилъ, между прочимъ, слѣдующее, — что слышали лично и мы: „Чѣмъ болѣе разсматриваю я теперь журналы Семинарскаго Правленія и пр. за послѣднее, подлежащее моей ревизіи трехлѣтіе, все болѣе убѣждаюсь, какъ счастлива была Семинарія Казанская при такомъ Преосвященномъ, каковъ былъ во всемъ своемъ участіи къ ней Владыка Антоній. Да, счастлива была Семинарія Казанская. Чего-чего не дѣлалъ для нея самъ преосв. Антоній, — и классы посѣщаль, и на экзаменахъ высиживаль по 5 часовъ, и сочиненія требоваль къ себѣ для прочитыванія, не говоря уже о проповѣдяхъ; самыя-то темы для чередовыхъ сочиненій не рѣдко самъ указываль, замѣняя назначенныя наставниками другими, а темы для экзаменскихъ сочиненій присылаль прямо отъ себя запечатанныя, и самыя сочиненія опять-таки требоваль къ себѣ для просмотра. — Даже книги, предназначавшіяся Педагогическимъ Собраніемъ къ выискѣ для чтенія учениковъ, самъ онъ въ немаломъ числѣ вычеркиваль, или не одобряль, и рекомендовалъ въ замѣнъ ихъ, дѣйствительно, вполне идущія къ дѣлу. Послѣ же каждаго учебнаго года, онъ даваль особыя предложенія, дѣлая въ нихъ самыя точныя и обстоятельныя указанія и на преподаваніе и на характеристики преподавателей, и успѣхи, и недостатки учащих-ся. А, наконецъ, сколько на журналахъ онъ даваль резолюцій по разнымъ частямъ и предметамъ, — и не перечтешь“.

Трудно было бы и намъ перечестъ, а не то, чтобы вмѣстѣ здѣсь всѣ, въ подлинникѣ, резолюціи на журналахъ, или отдѣльныя предложенія, какія даваль преосв. Антоній Семинарскому Правленію по разнообразнымъ

предметамъ и дѣйствіямъ.—Для примѣра и, съ тѣмъ вмѣстѣ, для показанія самаго тона и характера этихъ резолюцій мы выпишемъ здѣсь хотя нѣсколько резолюцій отъ слова до слова, и одно предложеніе тоже подлинное, хотя отчасти сокращенное, взятая изъ дѣлъ за одинъ, на выдержку, годъ 1877.—Такъ, при докладахъ и постановленіяхъ журнальныхъ ⁽¹⁾ о назначенныхъ наставниками темахъ для сочиненій, преосв. Антоній писалъ слѣдующія резолюціи: а) *Признаю тему эту... совершенно не удобною и даже не посильною для учениковъ по ея чрезвычайной обширности и общности*“. Предлагаю замѣнить ее слѣдующею такою-то... б) *„Просто нелѣзность давать подобныя темы для мальчиковъ 2-го кл.* (Тема, разумѣемая здѣсь, была назначена по общей Исторіи гражданской такая: *„Характеристика Пуританъ по Маколею...“*) в) *„При этой темѣ придется ученикамъ просто лишь списывать только съ учебника, или повторить что либо, кое-какъ схваченное изъ уроковъ наставника: какая же польза отъ подобнаго маранья бумаги?“*...—Далѣе на докладѣ и постановленіи Правленія ⁽²⁾ о выпискѣ книгъ для чтенія учениковъ Преосвященный написалъ: „Вижу постоянно изъ сочиненій учениковъ, что они, и безъ того, ничего серьезнаго не читаютъ, а лишь журнальные фельетоны, повѣсти и романы, отъ того и сами научаются писать сочиненія, только въ подобномъ же родѣ, и рѣшительно не умѣютъ сочинять на темы богословскія. Потому рѣшительно не согласенъ дать разрѣшеніе на выписку, какихъ бы-то ни было, романовъ и прочихъ для легкаго чтенія книгъ въ ученическую бібліотеку. Выписать изъ указанныхъ книгъ только Философскій Словарь“. Книги предназначены были: *„Въ лесахъ“*... *„Торговый домъ“*... (соч. Диккенса), *„Базаръ житейской суеты“* (Теккерей), *„Донъ-Кихотъ“*, *„Тайны Инквизиціи“* и *„Философскій Словарь“*. Еще на докладѣ ⁽³⁾ съ составленными пере-

(1) Журналы Педагогическаго Собранія 1877 г., отъ 13 Января, 17 Февраля и 12 Сентября.

(2) Журн. отъ 27 Іюня.

(3) Журн. отъ 27 Іюня.

водными списками учениковъ за учебный годъ преосв. Антоній, указавъ на нѣкоторыя частности, напр., что не обращено должнаго вниманія на то, что ученики въ 1-мъ классѣ явно бездарные и безуспѣшные и къ тому весьма урослые (отъ 17 до 20 лѣтъ) оставляются еще и допускаются къ переэкзаменовкѣ, и что въ другихъ классахъ нѣкоторые ученики разставлены въ разрядныхъ спискахъ не соотвѣтственно ихъ развитію, написавъ такъ: „Все это колеблетъ мое довѣріе къ добросовѣстности и тщательности составителей списковъ; поставляется имъ сіе на видъ въ предостереженіе хотя на будущее время, если трудно уже поправить ошибки прошедшаго. Видно, что въ дѣлѣ семъ водились наставники лишь мертвыми цифрами, а не живымъ сознаниемъ достоинства учениковъ, и цѣнили ихъ не по доброй совѣсти, а болѣе по случайной комбинаціи цифръ. По сему, хотя и утверждаю на сей разъ списки, но возлагаю всю отвѣтственность на составителей“...

Что же касается до преднамѣченнаго нами выше предложенія преосв. Антонія, то, для большаго уразумѣнія его содержанія и значенія, нужно знать еще о томъ, какъ дѣйствовалъ преосв. Антоній и при производствѣ экзаменовъ, и при частныхъ посѣщеніяхъ имъ классныхъ уроковъ по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ.

Преосв. Антоній, между прочимъ, завелъ такой порядокъ, чтобы списки учениковъ для экзаменовъ были составляемы въ двухъ экземплярахъ,—одинъ, по положенію уставному, алфавитный, и другой, собственно для него, *разрядный* ⁽¹⁾. Причина и цѣль этого, само собою, понятны. Въ спискахъ разрядныхъ онъ могъ удобно сравнивать достоинство отвѣтовъ учениковъ, выше или ниже поставленныхъ въ списокѣ, и видѣть вѣрность оцѣнки успѣховъ самими наставниками, составившими эти списки. Потому, бывало, онъ тутъ же и дѣлалъ свои отмѣт-

(1) Въ новомъ Уставѣ (1884 г.) сказано: «Испытаніе производится посредствомъ Коммиссій... Правила для сего, а также и для *распределенія учениковъ по разрядамъ* излагаются въ особой инструкціи и пр.

ки на спискахъ; и всего болѣе на спискахъ учениковъ богословскихъ классовъ и, еще частнѣе,—на спискахъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ, гдѣ отмѣтки эти дѣлались особенно по отвѣтамъ этихъ учениковъ изъ Богословій Догматическаго и Нравственнаго. Наконецъ объ оканчивающихъ курсъ ученикахъ преосв. Антоній требовалъ и отъ Инспектора еще отдѣльный списокъ съ обозначеніемъ возможно характеристическихъ свойствъ и чертъ и по способностямъ, и прилежанію, и поведенію.

Дѣйствуя такъ, между прочимъ, по прямому смыслу § 16 Устава, гдѣ сказано, что епархіальный Архіерей присутствуетъ на испытаніяхъ и „преимущественно“ въ высшихъ двухъ—какъ специально богословскихъ классахъ,—преосв. Антоній о значеніи этого уставнаго положенія высказывался такъ: „Плохой тотъ хозяинъ, который, ведя хлѣбопашество, являлся бы *преимущественно* туда и тогда только, гдѣ и когда уже жнутъ только хлѣбъ, или даже начинаютъ молотить..., а менѣе всего наблюдалъ бы тамъ, когда пахутъ и сѣютъ, и какія сѣмена засѣваютъ и т. д. Поздно уже имѣть дѣло съ *жателами* и *вязателями сноповъ* и указывать на тощіе колосья и такія же зерна...“ Сравненія эти онъ дѣлалъ потому, что самъ первый не хотѣлъ быть такимъ хозяиномъ, и, дѣйствительно, не былъ, а, напротивъ,—начиная съ самыхъ первыхъ классовъ, онъ превнимательно слѣдилъ за преподаваніемъ въ нихъ особенно главныхъ предметовъ и за успѣхами учениковъ въ особенности по части сочиненій.—Потому-то и въ своихъ предложеніяхъ онъ почти постоянно сколько указывалъ на неудовлетворительность сочиненій и проповѣдей въ высшихъ классахъ, столько же дѣлалъ всегда тотъ выводъ, что это плохое писаніе зависитъ именно отъ плохаго подготовленія учениковъ въ тѣхъ классахъ, въ коихъ преподается Словесность и Логика. На это, впрочемъ, указывали, съ своей стороны, даже въ формальныхъ объясненіяхъ своихъ, и сами наставники высшихъ классовъ. Положимъ, преосв. Антоній не оправдывалъ этихъ послѣднихъ слагателей всей вины на своихъ предшественниковъ по преподава-

нію въ начальныхъ классахъ, такъ какъ ясно видѣль, что они сами-то уже слишкомъ мало обрацали вниманія на сторону словесную, не выправляя даже самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ,—но, тѣмъ болѣе, всѣми мѣрами заботился и настоятельно требовалъ отъ преподавателей Словесности и Логики, чтобы они отнюдь не ограничивались одними лишь уставными положеніями и программами, которыя, нужно замѣтить, самъ первый преосв. Антоній находилъ совершенно несостоятельными въ видахъ желаемого развитія учениковъ и положительныхъ успѣховъ ихъ въ Словесности и Логикѣ. Надобно было видѣть преосв. Антонія на экзаменахъ, или при частныхъ посѣщеніяхъ имъ уроковъ изъ Словесности, когда приводилось ему выслушивать отвѣты учениковъ, состоящіе не болѣе, какъ или въ вызубренныхъ и не осмысленныхъ параграфахъ, такъ называемой, теоріи Словесности, или въ прочтеніи какой нибудь сказки, въ родѣ „*Ерша Ершовича*“. Что онъ чувствовалъ въ это время, трудно и выразить во всей полнотѣ,—хотя весьма многое въ этомъ родѣ выражалъ онъ, бывало, при собиравшихся у него наставникахъ послѣ экзаменовъ, и письменно въ предложеніяхъ. Самое наименованіе „Теорія Словесности“, онъ признавалъ безтолковымъ., равно какъ и самую программу не лучше этого же; программу по „Исторіи Литературы“ находилъ слишкомъ широкою и съ содержаніемъ, во многихъ отношеніяхъ, безцѣльнымъ... Число уроковъ по этимъ предметамъ—по 3 только въ первыхъ двухъ классахъ находилъ тоже недостаточнымъ... (1). Вообще же желая всячески достигнуть, по возможности, положительной цѣли въ разсматриваемомъ отношеніи, не возлагая, однако, всего бремени этого дѣла исключительно на однихъ преподавателей Словесности и Логики, какъ дѣйствительно не удобоисполнимаго для нихъ по самымъ сказаннымъ программамъ,—преосв. Антоній внушительно требовалъ и отъ

(1) По новому Уставу преподаваніе этихъ предметовъ назначено въ 3-хъ первыхъ классахъ и число уроковъ вмѣсто *прежнихъ шести* увеличено на *пять*,—слѣдовательно всѣхъ уроковъ—*одиннадцатъ*.

преподавателей древнихъ классическихъ языковъ, чтобы они, при переводахъ на Русскій языкъ, отнюдь не руководились готовыми переводными съ иностранныхъ языковъ текстами, а сближали и возможно сродняли самый языкъ подлинника съ своимъ Русскимъ языкомъ до возможнаго корпусловнаго точнаго значенія каждаго выраженія и термина, и самаго правильнаго строя рѣчи. Впрочемъ, признавая такую задачу и самую пользу изученія древнихъ классическихъ языковъ, преосв. Антоній не признавалъ той надобности, чтобы на этотъ предметъ поглощалось столько времени, какое назначено по Уставу... именно по 5-ти уроковъ для Греческаго языка въ каждомъ изъ первыхъ четырехъ классовъ, и по два урока въ послѣднихъ двухъ классахъ (слѣдовательно, всего 24 урока въ недѣлю) и 15 уроковъ для Латинскаго языка въ первыхъ 4-хъ классахъ ⁽¹⁾. Составители Устава, видно по всему, говорилъ онъ, забыли выраженіе: „tempus et oleum perdere...“ Къ тому же мертвыхъ-то классиковъ—самыхъ книгъ, по программѣ, они науказали много,—а живыхъ-то классиковъ—преподавателей знатоковъ, да и самыхъ учебниковъ, прямо соотвѣтствующихъ дѣлу, приготовить имъ на умъ мало приходило!!...“

Что же касается до новыхъ языковъ—Французскаго и Нѣмецкаго, то преосв. Антоній не признавалъ за ними того значенія, чтобы успѣхи по нимъ должны были имѣть равную силу съ прочими учебными предметами въ отношеніи къ переводу, или не переводу учениковъ въ слѣдующіе классы.—„Ужели, говорилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ можно увѣрять себя и другихъ, что ученикъ, начавшій учиться съ азбуки, въ особенности по-нѣмецки, въ теченіи трехъ лѣтъ, при двухъ-трехъ урокахъ въ недѣлю, въ состояніи усвоить языкъ, сколько нибудь удовлетворительно, хотя бы и при руководствѣ *природнаго Нѣмца*... Когда же онъ, однажды, побывалъ на классѣ

(1) По новому Уставу назначено для всѣхъ классовъ по Греческому языку (вмѣсто 24)—14-ть уроковъ, и по Латинскому языку вмѣсто 15-ти—14-ть, слѣдовательно, убавлено всѣхъ уроковъ на 11-ть.

Нѣмецкаго языка, гдѣ преподаватель былъ г. Бересфордъ, то говорилъ еще даже такъ: „Ну вотъ,—вамъ и образецъ Нѣмецкаго преподавателя въ *природномъ подлинникѣ*, столь вожделенномъ для составителей Устава!! Да тутъ нечего и читать Сеньковскаго, у котораго изображень Готфридъ Готлибовичъ!! Слушая сегодня въ классѣ собственный говоръ этого „гера“ по-русски, я сначала просто остолебенѣлъ... а потомъ едва былъ въ состояннн удерживать себя отъ улыбокъ и даже чуть не смѣха... Встрѣчавши, при поѣздкахъ по епархнн, чувашн и черемисъ крещенныхъ, но еще не обрусѣвшихъ, и слышавши говоръ ихъ по-русски, я никакъ не могу отдать предпочтенн говору онаго гера-преподавателя... И чтожъ теперь бѣдные ученики могутъ почерпнуть осмысленнаго при переводѣ съ Нѣмецкаго на Русскнн, собственно изъ устъ такого преподавателя, и что могутъ выразумѣть изъ грамматическихъ правилъ при его же объясненняхъ?!—Если и есть одна сторона тутъ полезная,—это только произношенн природно-нѣмецкое, хотя всего сомнительнѣе, чтобы теперешнн преподаватель былъ природнн Нѣмецъ (1). Спрашивается: изъ-за чего же послѣ этого бѣдные ученики не будутъ переводимы въ слѣдующнн классъ, потому только, что по нѣмецки или по французски поставленъ баллъ 2 или даже 1?!“ (2).

Указывая на вышеприведенное излишество классныхъ уроковъ по древннмъ языкамъ, преосв. Антоннн, напротивъ, крайне сожалѣлъ, что для богословскихъ наукъ, въ частности для Догматическаго и Нравственнаго

(1) Г. Бересфордъ, дѣйствительно, былъ по происхожденн Англичанинъ и говорилъ *на четырехъ* языкахъ. Онъ отличался, между прочимъ, юморомъ довольно остроумнымъ, въ чемъ помогало ему и самое ломано-русское произношенн. Юморъ онъ позволялъ себѣ даже и при классныхъ занятнхъ, чѣмъ, конечно, ученики были довольны, потому что этимъ разгонялась томительность, неизбежно чувствованная ими при занятнхъ.

(2) По новому Уставу баллы успѣховъ по новымъ языкамъ не должны быть принимаемы въ оцѣнку при переводахъ учениковъ въ высше классы.

Богословія, времени назначено по Уставу слишкомъ мало; и къ тому же объ эти самыя существенныя науки въ цѣломъ семинарскомъ курсѣ *втиснуты*, по его выраженію, *въ рамки* одного только года... „Не успѣеть ученикъ, говорить онъ, и вдохнуть въ себя хорошенько этой животворной струи спасительнаго ученія вѣры и благочестія,—какъ уже...“. Онъ признавалъ самымъ благополезнымъ дѣломъ, чтобы преподаваніе этихъ богословій начинать съ пятаго класса, опредѣливъ въ этомъ классѣ для Догматики четыре урока, а для Нравственнаго Богословія два, и по стольку же уроковъ въ VI классѣ (1). Иначе при теперешнемъ росписаніи уроковъ для Догматики, коихъ, положимъ, назначено шесть въ недѣлю,—если исключить всѣ вакаціонныя, воскресныя и праздничныя дни, время производства экзаменовъ и отчислить хотя 20 уроковъ для репетицій, то приходится въ годъ всего только около 150 уроковъ. А что сказать о числѣ уроковъ по Нравственному Богословію?... Ихъ, очевидно, въ теченіи года наберется не болѣе 50 уроковъ.—Правда, говорилъ онъ, и самую-то Догматику теперь уже сократили, какъ будто по какому-то *образцу Лютеранскому*, выцувтивши напр. трактатъ о догматѣ почитанія св. Ангеловъ и св. Божіихъ челоуѣковъ.

По поводу, сейчасъ приведеннаго, отзыва преосв. Антонія о сокращеніи Догматическаго Богословія, какъ учебника, при томъ, какъ будто по какому-то образцу *Лютеранскому*, мы должны остановить, здѣсь на время, вниманіе читателей на томъ фактѣ, который былъ преднамѣченъ въ своемъ мѣстѣ, именно по отношенію къ настоящему предмету.—Указываемое теперь Догматическое Богословіе есть трудъ высокопр. Макарія, по поводу котораго,—о чемъ сказано было прежде,—преосв. Антоній писалъ ему, *болжно рѣзко*, такъ что онъ не надѣялся, чтобы они сошлись такъ близко и искренно, какъ оказалось въ дѣйствительности во время пребыванія вы-

(1) По новому Уставу опредѣлено начинать преподаваніе Догматич. Богословія, дѣйствительно, съ V класса и заканчивать въ VI; но число уроковъ оставлено прежнее—*шесть*, по *три* въ каждомъ классѣ.

сокопр. Макарія въ Казани. Излагаемый нами теперь фактъ слѣдующій.

Преосв. Антоній когда только увидѣлъ въ новоизданномъ учебникѣ по Догматическому Богословію опущеніе догматовъ „о почитаніи св. Ангеловъ и о почитаніи св. Божіихъ человѣковъ“, обратилъ на это самое серьезное вниманіе. Высказавши тогда же предъ другими нѣкоторыми компетентными лицами свой взглядъ и сужденіе по этому предмету,—онъ не замедлилъ послать автору—высокопр. Макарію письмо, прося его отвѣта,—что такое означало, сдѣланное имъ, опущеніе сказанныхъ догматовъ въ составленномъ имъ учебникѣ?! Отвѣтъ послѣдовалъ скоро...; но въ отвѣтѣ оказалось ни больше, не меньше, какъ что-то въ родѣ только успокоенія преосв. Антонія, а именно: „такъ какъ поручено было ему (Макарію) составить учебникъ не иначе, какъ согласно утвержденной уже программѣ, а въ послѣдней указываемые догматы не помѣщены, то и онъ самъ опустилъ ихъ въ учебникѣ. Въ программѣ же не помѣщены эти догматы потому, что въ Правственномъ Богословіи излагается трактатъ о почитаніи св. Ангеловъ и св. Божіихъ человѣковъ... Къ тому же,—прибавилъ въ изъясненіе высокопр. Макарій,—я старался составлять учебникъ такъ, чтобы онъ былъ не слишкомъ пространенъ и объемистъ, дабы соответствовалъ и самому времени преподаванія—одногодичному,—и числу уроковъ—въ количествѣ 6-ти въ недѣлю“... Надобно было только видѣть, что почувствовалъ преосв. Антоній, по прочтеніи такого отвѣта, вмѣсто ожидаемаго успокоенія!!... И, дѣйствительно,—сначала высказавшись, по обычаю, предъ другими лицами, преосв. Антоній снова немедленно же писалъ высокопр. Макарію въ самомъ строго-серьезномъ и даже рѣзкомъ тонѣ... закончивъ изреченіемъ: „Amicus Plato, — sed magis amica veritas est“.—Мы приведемъ здѣсь, хотя въ краткомъ видѣ, совмѣщая при этомъ какъ устно высказанныя, такъ и въ письмѣ изложенныя взгляды и сужденія преосв. Антонія... „Вотъ тебѣ и на!!.—были первыя слова преосв. Антонія, по прочтеніи отвѣтнаго письма высокопр. Макарія... Да я просто не въ-

рю, что писалъ это самъ преосв. Макарій... Здѣсь мало сказать, видна какая-то наивность, до приторности..., а отзывается чѣмъ-то другимъ... Или *тамъ* уже такъ обаяли *ихъ* ⁽¹⁾ и заплонили... или уже сами-то они такъ *охрамляли на обѣ плесни*... или, на оборотъ, готовы выплясывать на всѣ манеры подь настроенную дудку!! Пишетъ, — „что въ программѣ-де утвержденной не помѣщено этихъ догматовъ“... Но вопросъ: „Кто составлялъ эту программу..., а, тѣмъ паче, кто разсматривалъ ее и утверждалъ?! Кажется, да и нѣтъ сомнѣнія, что разсмотрѣніе-то, составленной (вѣроятно же всего комитетско-канцелярскимъ путемъ и образомъ), программы по преподаванію именно Догматическаго Богословія, дѣрвѣ всего, и должно было подлежать самому же преосв. Макарію, — какъ Доктору Богословія и составителю обширнѣйшей системы Догматическаго Богословія...“ — Далѣе указывается на то, — „что о почитаніи св. Ангеловъ и св. Божіихъ челоуѣковъ есть трактаты въ Нравственномъ Богословіи... слѣдовательно... Но, вѣдь, и въ Литургикѣ есть трактаты и о Св. Таинствахъ... слѣдовательно и объ нихъ можно было не излагать въ Догматикѣ...“ — И еще: въ *Основномъ Богословіи* тоже трактуются о многомъ изъ вопросовъ по Догматическому ученію... слѣдовательно, опять можно бы исключить нѣчто и не малое изъ Догматики... А, наконецъ, — верхъ удивленія то, что такой, или иной составъ учебника былъ, такъ сказать, пригоняемъ и примѣриваемъ къ срочному времени преподаванія и къ количеству уроковъ... А что было бы тогда, когда бы число уроковъ по Догматикѣ

(1) Здѣсь, подь словомъ *ихъ*, разумѣлись — какъ высокопреосв. Макарій — Предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ по преобразованію академій, такъ и преосв. Нектарій (бывшій еп. Нижегородскій), Предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ по преобразованію семинарій и составленію программъ. Послѣднему преосв. Антоній писалъ, въ свое время, тоже *больно рѣзко*, выразившись, между прочимъ, что составлять проекты о преобразованіи дух.-уч. заведеній и самыя уставы слишкомъ далеко не то, что составлять проекты объ устройствѣ свѣчныхъ епархіальн. заводовъ и быть мастеромъ вести самую торгово-свѣчную операцію...

въ VI кл. было назначено по Уставу не болѣе 4-хъ?!.. Вѣдь, пришлось бы всю систему Догматическаго Бого-словія еще урѣзать на одну треть... а вслѣдствіе этого, изложеніе многихъ догматовъ раздѣлить „на пачи“, кото-рые и размѣстить по разнымъ богословскимъ наукамъ и отдать изложеніе и преподаваніе ихъ, какъ говорится, „изъ полу“... Да развѣ можно отсылать догматическое уче-ніе о почитаніи Ангеловъ и пр... къ Богословію Нрав-ственному..., гдѣ и по самой новосоставленной програм-мѣ,—изложеніе объ этомъ поставлено подъ рубрикой: „Особенные виды *вѣнчаннаго* Богопочитапія“,—и въ от-дѣльности даже подъ заглавіемъ: „*Частныя обязан-ности* въ отношеніи къ Ангеламъ и св. людямъ...“ И еще—если преосв. Макарій составлялъ свой учебникъ по указкѣ, по готовой мѣркѣ и выкройкѣ,—то что же онъ самъ-то дѣлалъ, здѣсь—какъ авторъ... Остается по-лагать только, что взялъ онъ ножницы и вырѣзалъ изъ своей многотомной Догматической системы страницы изъ извѣстныхъ мѣстъ съ подходящими подъ программу за-головками... снизаль эти вырѣзки на нитку, а, затѣмъ, подраздѣлилъ на отдѣлы, главы, наставилъ параграфовъ... и—дѣлу конецъ... Между тѣмъ, кто онъ? и Докторъ Бо-гословія, и Архіепископъ, и Присутствующій въ св. Синодѣ, и Предсѣдатель Комитета по составленію нова-го Устава для академій!! Впрочемъ, это-то послѣднее его званіе, кажется, вѣрнѣе всего и побудило его такъ под-даваться разнымъ тенденціямъ главно-правлящихъ орудо-вателей по части всей происходившей „ломки“... хотя этимъ-то самимъ принципаламъ-заправителямъ, не пред-лежитъ, само собою, никакой ответственности, какъ напр. въ отношеніи къ новосоставленному учебнику по Догматикѣ..., который, дѣйствительно, напечатанъ не „по одобренію Духовно-учебнаго Комитета“, а—„По опредѣле-нію Святѣйшаго Правительствующаго Синода“,—что и напечатано на оборотѣ заглавнаго листа.—Да, не даромъ, вѣдь, онъ же самъ, преосв. Макарій, соразсуждалъ и рѣ-шалъ вопросъ о томъ, чтобы разбить и размыкать всю цѣлостность Богословскаго высшаго академическаго обра-зованія на факультеты, въ ряду коихъ собственно Бо-

гословскій-то и оказался *эвакуаціоннымъ*... Нѣтъ и нѣтъ!. Я рѣшительно не узнаю преосв. Макарія., меня изумляетъ и возмущаетъ даже до ревности за него же самого одно то, что онъ думалъ отдѣлаться такимъ *школьническимъ*, или, въ добавокъ, *приказническимъ* отвѣтомъ на мои самыя искреннія, глубокія, серьезныя мысли и чувствованія по настоящему предмету... Правда, *имъ тамъ*, можетъ статья, такъ и чуеться и мерещится, что я-де ревную и тяну за свою Догматику—какъ бывший учебникъ...; но я, какъ теперь, помню твердо,—что писано было мною еще въ оно время, когда изданіе ея (пятое) было заторможено на три года“ (1).

Вообще преосв. Антоній остался непреклоннымъ въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ относительно опущенія въ учебникѣ по Догматическому Богословію сказанныхъ догматовъ. По этому предмету онъ писалъ въ свое же время, между прочимъ, высокопр. Арсенію Митрополиту Кіевскому (2). Къ возобновленію подобныхъ же разсужденій послужилъ для преосв. Антонія еще слѣдующій фактъ, въ которомъ онъ находилъ положительное, живое, практическое доказательство справедливости прежняго своего отзыва объ учебникѣ Догматическаго Богословія, „составленномъ какъ бы по образцу *Лютеранскому*“.

Въ одно время,—(къ которому относится указываемый фактъ),—преосв. Антоній, взявши со стола, только что полученный и прочитанный имъ, Указъ св. Синода, съ припечатаніемъ журнала Дух.-учеб. Комитета (3), и

(1) Читатели припомнятъ эти слова въ одномъ изъ писемъ преосвящ. Антонія къ высокопр. Иннокентію. (Томъ I, стран. 147, въ подстрочномъ текстѣ).

(2) Нужно замѣтить, что въ здѣшней Семинари хотя формальнымъ учебникомъ оставалась, составленная преосв. Макаріемъ, сокращенная Догматика, но преподаваніе происходило по Догматикѣ прежней, составленной самимъ преосв. Антоніемъ. Последнее, впрочемъ, дѣлалось не ради какой либо угодливости самому преосв. Антошю, но по прямому убѣжденію самого преподавателя.

(3) Журн. Дух.-уч. Комитета при св. Синодѣ съ соображеніями по вопросамъ, касающимся устройства воспитательной части въ духовныхъ Семинаріяхъ—Смотр. Сборникъ постановленій Дух. уч. Комитета.

давая мнѣ, сказалъ: „на-ка прочитай вотъ *эти строки*.., да прочитай вслухъ“. Я прочиталъ слѣдующее постановленіе Комитета: „Увольненія учениковъ отъ классовъ въ не праздничные учебные дни относятся къ случаямъ экстреннымъ, на которые, по сему, каждый разъ должны быть разрѣшенія Ректора,—и эти увольненія, во всякомъ случаѣ, должны быть уважительны. По сему, къ таковымъ случаямъ (т. е. уважительнымъ), *не могутъ быть относимы: именины воспитанника, поминовеніе родителей* и проч., по коимъ, между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ даются ученикамъ увольненія отъ классовъ“.—Въ одну секунду, по моемъ прочтеніи, Владыка съ самымъ порывистымъ вопросомъ обратился ко мнѣ: „ну,—*рыцъ ми, что-ти-ся мнитъ?!...* Что это какъ не *Лютераницина*, и не по теоріи уже только учебно-книжной, а проводимая прямо въ духъ и жизнь и кого же?!. Каждого изъ тѣхъ, кои приготовляются быть пастырями и учителями стада Христова!!“ „Я не могу даже вообразить, у какого Ректора достанетъ духу отказать воспитаннику, имѣющему сердечное святое желаніе быть въ храмъ въ день своего ангела—св. Угодника, помолиться ему съ горячимъ усердіемъ, отслужить молебенъ, моля его о свѣщенемъ покровительствѣ на новый годъ жизни...“—„Да, вѣдь, и самый послѣдній чернорабочій—и тотъ старается уволиться въ день своихъ именинъ, чтобы быть въ церкви и поставить, по крайней мѣрѣ, свѣчу, если не отслужить молебна... Хотя бы припомнили, что значило, когда *Коммиссаровъ* въ день своего ангела не опустилъ своего душевнаго молитвеннаго долга—*4-го Апрѣля!!*.—Далѣе—какъ будутъ понимать и чувствовать будущіе священники желаніе и усердіе своихъ прихожанъ, когда послѣдніе станутъ просить ихъ служить молебны, или даже всенощныя въ домѣ въ честь и память своихъ святыхъ тезоименниковъ, или панихиды и обѣдни во дни памяти усопшихъ родителей и проч... И напослѣдокъ, въ какихъ мысляхъ и чувствахъ эти же священники должны будутъ составлять и произносить проповѣди о почитаніи—въ значеніи Богослужебно-молитвенномъ—св. Ангеловъ и св. Угодниковъ Божіихъ, а так-

же о поминовеніи усопшихъ въ особенные знаменательные дни—9, 20, 40, въ день годовщины,—и вообще въ называемыя родительскія поминальныя, установленныя св. Церковію, седмицы... (1). Да и сами-то воспитанники, несомнѣнно, ахнутъ, когда услышатъ о такомъ высшеначальственномъ постановленіи, а многіе и восплачутъ, когда будутъ получать прямой отказъ Ректора въ увольненіи... Вѣдь, сами же эти законоположители указываютъ, что „въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ даются въ указанные дни ученикамъ увольненія отъ классовъ“. Этого мало—въ прежнее время и повсюду, несомнѣнно, было такъ, и добрые внимательные Начальники относились къ такому усердію учениковъ съ особеннымъ одобреніемъ и поощреніемъ своего рода, преподавая благословеніе и вручая просфоры или даже книжки имянинникамъ... А теперь, послѣ этого циркуляра, значить—всякій начальникъ долженъ подавить, прервать всякія подобныя чувствованія и отношенія... О, Боже мой! Истинно душа замираетъ при одномъ представленіи подобныхъ дѣйствій непрощенныхъ ревнителей-печальниковъ о благосостояніи нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. И на чемъ, подумаешь, обосновываются, сколько нибудь разумно-осмысленнымъ образомъ, такія дисциплинарныя положенія!! Очевидно, что на одномъ томъ, что ученикъ пропуститъ текущіе дневные уроки, или же еще,—что иной ученикъ можетъ злоупотребить самымъ временемъ увольненія отъ классовъ...; но въ первомъ случаѣ, кромѣ крайней скрупулезности, ничего нельзя и придумать; а во второмъ—остается только скорбѣть и скорбѣть, если допустить такое состояніе и направленіе учениковъ, по которому нельзя дать имъ и шагу безъ надзора... и, при томъ, въ отношеніи къ такому дѣлу, каково исполненіе молитвеннаго долга... О! нѣтъ и нѣтъ!.. видимо-превидимо, *откуда и какой дуетъ вѣтеръ*. Что я говорилъ и писалъ

(1) Въ новомъ семинар. Уставѣ (1884 г.)—въ § 128, сказано, между прочимъ, что «въ день поминовенія усопшихъ именно въ недѣлю мясопустную ученики всѣ освобождаются отъ классныхъ занятій».

прежде объ учебникѣ Догматическаго Богословія, въ которомъ опущены догматы о почитаніи св. Ангеловъ и св. Божіихъ челоуѣковъ, какъ бы, по образцу *Лютеранскому*, это самое зрится теперь во очію, на практикѣ и въ самыхъ постановленіяхъ—выше-начальственныхъ по части духовно-религіознаго образованія и воспитанія—и гдѣ же?... въ нашихъ православно-церковныхъ заведеніяхъ!!!

Остается знать, — что же было въ результатѣ всѣхъ, вышеизложенныхъ, указаній преосв. Антонія на не умѣстность и положительную не справедливость, дозволеннаго преосв. Макаріемъ, опущенія въ своемъ учебникѣ извѣстныхъ догматовъ?!.. Самый прямой и очевиднѣйшій отвѣтъ на это всякій можетъ видѣть во „*второмъ изданіи*“ того же самаго учебника, съ обозначеніемъ, что это изданіе—„*дополненное*“. Въ ряду же дополненій, дѣйствительно, находится изложеніе и догмата о „*почитаніи и призываніи Святыхъ*“, и далѣе о почитаніи св. мощей и другихъ останковъ Угодниковъ Божіихъ и о почитаніи св. Иконъ (съ ликами святыхъ-же Угодниковъ) (1). Изложеніе это вышло даже особенно-пространное, почти на *двѣнадцать* страницахъ (съ 341 по 354). О почитаніи же св. Ангеловъ ничего недополнено въ новомъ изданіи противу прежняго; но въ самомъ изложеніи о почитаніи св. Угодниковъ Божіихъ есть нѣкая частица указанія и о почитаніи св. Ангеловъ, (—напр. на стран. 345).—Во всякомъ случаѣ очевидно, что высокопр. Макарій *volens-nolens* внялъ и послѣдовалъ указаніямъ, сдѣланнымъ ему преосв. Антоніемъ, оставивши безъ вниманія самую программу, которая и до днесь не измѣнена.—Замѣчательно, между прочимъ, здѣсь то, что новое *дополненное изданіе* вышло въ 1874 г., въ которомъ и было личное свиданіе между Святителями—Макаріемъ и Антоніемъ, закончившееся, какъ извѣстно, самыми искреннѣйшими, взаимно братственными чувствами и отношеніями. Та-

(1) Смотри. Руководство къ изученію Христіанскаго Православно-Догматическаго Богословія М. А. А. Изданіе второе—дополненное. Спб. Въ Синодал. типографіи. 1874 г.

кимъ образомъ появленіе этого изданія учебника по Догмат. Богословію съ желаннымъ для преосв. Антонія восполненіемъ, можно сказать, навсегда завершило и увѣнчало для него эти чувствованія и отношенія и не къ преосв. только Макарію, но и вообще къ лицамъ представительнымъ въ Иерархіи, присутствующимъ въ св. Синодѣ.

Послѣ этого мы обращаемся по порядку изложенія, къ прежде начатой рѣчи о преподаваніи разныхъ наукъ въ Казанской Семинаріи по отношенію къ учебникамъ, программамъ, къ самымъ наставникамъ и инспекціи.

По поводу учебниковъ и программъ преосв. Антоній любилъ вообще, при всякомъ подходящемъ случаѣ, входить въ личныя разсужденія съ наставниками Семинаріи, которыя заводилъ онъ иногда и на экзаменахъ, и при посѣщеніяхъ классовъ; равно какъ приглашалъ тѣхъ, или иныхъ къ себѣ. Здѣсь онъ былъ радъ всякому открытому взгляду и откровенному слову наставника касательно преподаваемой имъ науки. Судя по личнымъ достоинствамъ наставниковъ и ихъ сужденіямъ, и по интересу самаго предмета, преосв. Антоній предлагалъ инымъ излагать, что нужно для успѣха преподаванія, даже на бумагѣ, и, съ своей стороны, изъяслялъ всякое къ этому содѣйствіе. По наукамъ же богословскимъ указывалъ самъ источники и давалъ книги изъ своей бібліотеки.

По отношенію къ наукамъ общеобразовательнымъ у преосв. Антонія оставался неизмѣнный, существовавшій прежде въ семинаріяхъ, взглядъ: однѣ изъ нихъ онъ признавалъ за главныя, другія за второстепенныя. Такой свой взглядъ на значеніе наукъ преосв. Антоній проводилъ, по возможности, и въ среду всей корпораціи наставниковъ, начиная съ самого Ректора, который обязанъ по уставу слѣдить и за класснымъ преподаваніемъ и прочитывать ученическія сочиненія. При всѣхъ подобныхъ личныхъ обращеніяхъ съ служащими въ Семинаріи, видимо-превидимо было у преосв. Антонія главное задушевное желаніе провести во всѣхъ и каждомъ единодушіе, такъ чтобы, при всей разнообразности научныхъ предметовъ и знаній, у cadaго господствовало одно направленіе и стремленіе въ дѣлѣ и ходѣ образовательна-

го вліянія и воздѣйствія на учениковъ въ ихъ умственномъ развитіи и настроеніи. Не разъ онъ искренне отечески высказывался, чтобы для достиженія всего этого были, между прочимъ, заведены, просто по согласію товарищескому, собранія наставниковъ или у Ректора, или Инспектора, или хотя бы по очереди у самихъ наставниковъ. При этихъ случаяхъ, говорилъ онъ, всего естественнѣе и высказываться въ своихъ взглядахъ на все, относящееся къ состоянію заведенія, и узнавать характеръ этихъ взглядовъ въ другихъ.— Не бѣда, если-бы при этихъ частныхъ товарищескихъ собраніяхъ заводились иногда рѣчи и о предметахъ, подлежащихъ разсужденіямъ въ собраніяхъ официальныхъ. Такъ и бывало въ наши времена при подобныхъ же собраніяхъ въ самой Академіи, гдѣ предметы разсужденій официальныхъ были, конечно, во многомъ далеко не чета семинарскимъ. Черезъ такіа взаимно откровенныя товарищескія разсужденія, нѣтъ сомнѣнія, достигалось бы и то, что и при разсужденіяхъ формальныхъ въ общихъ собраніяхъ педагогическихъ, было бы всегда, по возможности, единодушное соглашеніе въ рѣшеніяхъ, ⁽¹⁾ а не проявлялось бы излишней разноголосицы съ понятными послѣдствіями, неблагоприятными и для дѣла, и для личныхъ иногда взаимныхъ отношеній. Наконецъ, ближе и прямѣе всего разсужденія въ частныхъ домашнихъ собраніяхъ могли бы выражаться относительно личныхъ хорошихъ и не хорошихъ качествъ и чертъ самихъ учениковъ, степени ихъ развитія и достоинства успѣховъ,—что всего болѣе гарантировало бы вѣрность составленія разрядныхъ списковъ и самыхъ даже балловъ, выставляемыхъ какъ наставниками, такъ и членами экзаменаціонныхъ комиссій. Въ противномъ же случаѣ выходитъ какая-то или мировольность, или несообразности до крайней рѣзкости въ выставляемыхъ баллахъ, чему,—къ крайнему моему прискорбію,—не рѣдко я самъ лично бываю свидѣтелемъ.

(1) Въ § 102 новаго Устава (1884 г.) прямо сказано, что «дѣла въ Семинарскомъ Правленіи рѣшаются, по возможности, *единодушнымъ соглашеніемъ*».

Вотъ сюда-то и относится содержаніе, прежде напечатаннаго нами, предложенія преосв. Аптопія отъ 7 Октября 1877 года за № 2984. — Выписываемъ теперь это предложеніе здѣсь съ подлинника, хотя отчасти въ сокращенномъ видѣ.

„Юня 7-го сего года былъ я на выпускномъ испытаніи учениковъ Семинаріи VI класса по Догматическому и Нравственному Богословію, при чемъ спрошены были мною почти все ученики, одна половина изъ одной, а другая изъ другой науки. Хотя и прежде, въ послѣдніе пять или шесть лѣтъ, я выносилъ не очень удовлетворительное впечатлѣніе съ испытаній учениковъ VI класса, о чемъ давалъ и свои предложенія Семинарскому Правленію, съ указаніемъ, усмотрѣнныхъ мною, недостатковъ въ успѣхахъ учениковъ по означеннымъ наукамъ, но въ настоящій разъ неудовлетворительность отвѣтовъ ученическихъ превзошла всякую мѣру. Начиная съ перваго до послѣдняго, ученики отвѣчали такъ, что нужно было крайне затрудняться оцѣнкой ихъ отвѣтовъ и недоумѣвать, заслуживаютъ ли сіи отвѣты сколько нибудь удовлетворительной отмѣтки. — Поставленный первымъ въ списокѣ учениковъ не могъ съ какою либо свободою отвѣтить по двумъ, взятымъ имъ, билетамъ изъ одной науки и, при томъ, изъ послѣдней ея части, которая лишь недавно должна быть пройдена учениками, а потому должна была лучше сохраниться въ ихъ памяти. Это вынудило меня дать какъ сему ученику, такъ и всѣмъ прочимъ позволеніе готовить свои отвѣты на мѣстахъ по учебнику, но и сіе не помогло. Отвѣты вообще до того были медленны, вялы, нетверды, отрывочны, что непрестанно нужно было вызывать ихъ изъ устъ учениковъ не иначе, какъ по катихизической формѣ—вопросами, послѣ тщетныхъ ожиданій отъ учениковъ надлежащаго свободнаго изложенія того, или другаго урока. При семъ отвѣты часто были сбивчивы, не точны, погрѣшительны и выражались языкомъ вовсе не Богословскимъ. Иногда нельзя было дожидаться никакого отвѣта на очень пемудрые, по видимому, вопросы. Напр. мнѣ ни одинъ изъ учениковъ не могъ

наизусть прочитать Символа Аѳанасія Александрійскаго о тайствѣ воплощенія, который, между тѣмъ, лежитъ въ основѣ трактата о семъ главнѣйшемъ догматѣ Православной Вѣры. Преосвященному Викарію, производившему испытанія на другой день, одинъ ученикъ не могъ объяснить, что такое приснодѣвство Божіей Матери, кто-такіе Монофизиты, Моноѳелиты и проч. Незнание наизусть самыхъ извѣстныхъ классическихъ текстовъ и неумѣніе находить ихъ скоро въ Библии не рѣдко изумляли меня (1). Приходится съ глубокимъ прискорбіемъ заключить, что ученики и катихизисъ училищный забыли, а Богословію не выучились, и выходятъ изъ Семинаріи съ познаніями по сей наукѣ вообще очень скудными, неполными и нетвердыми, при чемъ, конечно, съ трудомъ можно предполагать въ нихъ и убѣжденія въ истинахъ Богословскихъ вполне ясныя, зрѣлыя и непоколебимыя“.

„Все это, равно какъ и крайнюю неудовлетвори-

(1) Какъ разъ въ живое подтвержденіе этого отзыва и самаго изумленія преосв. Антошя считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь отзывъ Клевской академической экзаменаціонной Коммиссии о результатахъ повѣрочнаго испытанія семинарскихъ воспитанниковъ, произведеннаго въ 1883—84 учебномъ году,—по *Догматическому же Богословію*: «Особенно слабые (читаемъ подлинныя слова) даны были воспитанниками семинарій отвѣты на вопросы о свойствахъ Божіихъ, о способахъ Богопознанія естественномъ и откровенномъ, о приготовленіи человѣческаго рода къ принятію Искушителя и о соединеніи двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ. Встрѣчались такіе случаи, что отвѣчающій не могъ опредѣлить свойствъ Божіихъ—самобытности, безпредѣльности, вѣчности,—привести пророчество о Иисусѣ Христѣ не только текстуально, но и въ общей мысли,—разъяснить образъ соединенія естествъ въ Иисусѣ Христѣ,—объяснить различіе между способами Богопознанія естественнымъ и откровеннымъ. Во многихъ отвѣтахъ Коммиссія усмотрѣла недостаточное знакомство съ мѣстами св. Писанія, подтверждающими догматическія положенія: встрѣчались случаи, когда *отвѣчающій не могъ текстуально привести первоисаніемъ*,—или извѣстный текстъ: «*Тако бо возлюбилъ Богъ міръ...*» читалъ въ такомъ искаженіи: «*Тако возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго не пощадилъ? за насъ предалъ? есть...*», оговорившись при этомъ, что «*текстовъ такъ много, что ихъ? не упоминаешь*». (Смотр. Церк. Вѣстникъ, 1884 г., № 21, стр. 93).

тельность письменныхъ упражненій учениковъ VI класса, о чемъ дано было мною особое предложеніе Правленію, Наставникъ объясняетъ частію, будто бы, бездарностію учениковъ этого класса, частію недостаточною подготовкою ихъ въ предыдущихъ классахъ, частію общею „якобы апатією ихъ къ дѣлу“. Согласенъ и я, что есть, не зависящія отъ Наставника, причины такого прискорбнаго факта—упадка Богословскаго знанія въ воспитанникахъ семинарскихъ, но,—какъ бы ни было,—нельзя оспаривать, что отвѣтственность за такую неудовлетворительность отвѣтовъ учениковъ и за столь слабое знаніе ими сихъ важнѣйшихъ въ семинарскомъ курсѣ наукъ наиболѣе падаетъ на самаго Наставника. Видно, науки сіи Наставникъ читаетъ или недоступно для разумѣнія и усвоенія учениковъ по степени ихъ развитія и подготовки, или же вообще безъ живаго участія своего къ содержанію сихъ наукъ, почему и не возбуждается въ ученикахъ долгаго вниманія и любви къ преподаваемымъ имъ урокамъ—хотя бы въ нѣкоторыхъ, лучшихъ и наиболѣе даровитыхъ изъ нихъ. Судя по настоящимъ отвѣтамъ учениковъ, нельзя также не придти къ мысли, что иныя части означенныхъ наукъ, особенно послѣднія, едва ли даже были преподаны или, по крайней мѣрѣ, не были рететированы съ учениками по учебнику и ими не усвоены“.

„Вслѣдствіе сего, крайне затрудняясь опредѣлять на священническія мѣста кончившихъ курсъ воспитанниковъ Семинаріи, столь незрѣлыхъ въ Богословскомъ образованіи и съ столь слабымъ знаніемъ главныхъ Богословскихъ наукъ,—въ чемъ, между тѣмъ, настоятъ большая надобность въ епархіи, за неимѣніемъ другихъ кандидатовъ,—я пастырскимъ долгомъ считаю предложить Правленію Семинаріи принять все, зависящія отъ него, мѣры къ устраненію на будущее время такого неудовлетворительнаго изученія въ здѣшней Семинаріи Богословскихъ наукъ. Затѣмъ, не могу не обратить вниманіе Правленія и на тѣ причины, коими, какъ выше сказано было, Наставникъ Богословія объясняетъ неуспѣшность своихъ учениковъ именно: 1) Въ VI классѣ про-

недпаго курса, дѣйствительно. много было учениковъ съ весьма слабыми дарованіями, каковыхъ едва ли полезно было и слѣдовало доводить до окончанія курса. 2) Вѣрно и то, что въ предыдущихъ классахъ, едва ли не большею частію, ученики неудовлетворительно были приготовлены, во многихъ отношеніяхъ, къ слушанію Богословскихъ уроковъ и изученное ими тамъ такъ было не твердо и не глубоко въ ихъ памяти и разсудкѣ, что скоро забылось и потерялось изъ сознанія. Это видно изъ весьма слабаго знанія кончившими курсъ напр. Церковной Исторіи, Литургіи и Св. Писанія даже Новаго Завѣта. По сему вновь повторяю сказанное мною въ предложеніи по поводу ученическихъ сочиненій... Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того прискорбнаго факта, что воспитанники Семинаріи являются къ окончанію курса съ такими скудными познаніями въ преподаваемыхъ имъ вообще наукахъ въ теченіи семинарскаго курса и столь мало вообще развитыми и незрѣлыми, слѣдуетъ и рекомендуется всей корпораціи наставниковъ семинарскихъ, ради собственной чести всячески усилить свою ревность къ преподаванію каждымъ изъ нихъ своей науки, для достиженія въ своемъ дѣлѣ болѣе утѣшительныхъ и прочныхъ результатовъ, такъ, чтобы ученики усвоили себѣ уроки по каждой наукѣ не поверхностно и не на короткое только время, скоро забывая пройденное ими въ одномъ классѣ по переходѣ въ другой, а къ концу курса вовсе теряя изъ сознанія большую часть пріобрѣтенныхъ ими знаній, но чтобы каждая наука оставляла, по возможности, глубокіе слѣды въ душахъ ихъ навсегда и чтобы воспитанники, какъ сообщаемыми имъ каждою наукою частными знаніями, такъ и общимъ вліяніемъ всѣхъ наукъ въ совокупности болѣе и болѣе развивались и созрѣвали, переходя изъ класса въ классъ, по окончаніи же курса оказывались достигшими такой зрѣлости, которая сообразна съ ихъ лѣтами и съ способностями каждаго и могла бы быть достаточнымъ ручательствомъ надлежащей готовности ихъ къ главной цѣли ученія семинарскихъ питомцевъ—къ пастырскому служенію въ св. Церкви. Наконецъ 3) невозможно от-

рицать и того, что ученики VI класса, дѣйствительно, относились къ своему дѣлу не ревностно, а вообще апатично.—Кромѣ нетщательности и легкости, съ коими писаны были, задаваемые имъ, сочиненія, какъ это указано мною въ данномъ по сему предложеніи, свидѣтельствомъ сего служить и представленная мнѣ Инспекторомъ Семинаріи записка, извлеченная изъ дѣлъ инспекціи, объ окончившихъ курсъ воспитанникахъ, съ частнымъ указаніемъ ихъ особенныхъ, добрыхъ или недобрыхъ качествъ, проявленныхъ въ теченіи особенно послѣднихъ годовъ семинарскаго курса“.

„Въ этой запискѣ почти о половинѣ учениковъ (о 9-ти) замѣчается, что они безъ уважительной причины опустили болѣе или менѣе значительное число классовъ и не съ должнымъ усердіемъ относились къ своему дѣлу. Объ одномъ говорится: „вообще былъ лѣнивъ“; о другомъ, что только сравнительно съ другими былъ прилеженъ и усерденъ. о третьемъ, что „отличался упорною лѣнностію въ посѣщеніи уроковъ, которыхъ онъ опустил болѣе всѣхъ своихъ товарищей“, и, однако же, сей ученикъ по разрядному списку кончилъ курсъ девятымъ. Вслѣдствіе сего предлагаю Правленію поставить на видъ и рекомендовать инспекціи семинарской на будущее время—устранить такой явный недостатокъ со стороны ся вполнѣ бдительнаго надзора за воспитанниками, даже жившими въ семинарскомъ корпусѣ, и всячески усилить надлежащее и, при томъ, не *полицейское* только, формальное, холодное, а нравственное, животворное, воспитательное вліяніе на нихъ, что, дѣйствуя на ихъ совѣсть и на нравственное чувство, дѣлало бы невозможнымъ для воспитанниковъ какое либо значительное манкированіе своими обязанностями и предохраняло бы ихъ отъ небреженія и апатіи въ занятіи вообще всѣми, а, тѣмъ болѣе, самыми важными и священными науками семинарскаго курса—Богословскими, и не давало бы имъ отнюдь терять изъ виду главную цѣль ихъ ученія и образованія—приготовленіе къ достойному служенію св. Церкви въ высокомъ и священномъ званіи пастырей и учителей церковныхъ“.

Одновременно съ этимъ преосв. Антоній едѣлалъ отъ себя распоряженіе, чтобы Нравственное Богословіе въ VI классѣ преподавалъ, на будущее время, самъ Ректоръ Семинаріи, вмѣсто преподаваемаго имъ дотолѣ Основнаго Богословія въ V классѣ. „Это послѣднее—новомодное-то Богословіе, говорилъ онъ, по моему умѣстнѣ бы всего перенести даже въ IV классъ ⁽¹⁾ и соединить его съ наукою „Обозрѣніе философскихъ ученій“. Къ тому же преподавать его можетъ и лицо свѣтское, тогда какъ Нравственное Богословіе свойственнѣе преподавать лицу духовному и, тѣмъ болѣе, Ректору и, между прочимъ, именно потому, чтобы онъ и своимъ авторитетомъ и собственнымъ примѣромъ могъ проводить и выдѣрять возможно глубокое и дѣйственное вліяніе на духовно-нравственное развитіе и усовершенствованіе воспитанниковъ“.

По содержанію вышеприведеннаго предложенія и прежде указанныхъ резолюцій, по поводу и другихъ подобныхъ, нѣкоторые изъ наставниковъ, особливо тѣхъ, коихъ ближе всего касалось дѣло, входили съ своими объясненіями или въ Педагогическое Собраніе или прямо къ преосв. Антонію. Такихъ объясненій преосв. Антоній не только не отвергалъ, но даже бывалъ радъ имъ, какъ скоро видѣлъ тутъ не какія либо, собственно только личныя извиненія, а прямыя основательныя разъясненія тѣхъ, или иныхъ сторонъ самаго дѣла.—Послѣдними онъ пользовался, чтобы проводить ихъ и въ общую среду для свѣдѣнія и приложенія къ дѣлу,—это очевидно и изъ вышеприведеннаго предложенія. Когда же, между тѣмъ, приводилось ему узнавать нѣчто въ такомъ родѣ, что-де содержаніе и значеніе нѣкоторыхъ резолюцій и предложеній приходится, естественно, не по сердцу и въ частности нѣкоторымъ лицамъ, и вообще, иногда, членамъ Педагогическаго Собранія,—и еще, что-де на это не могутъ не обращать вниманія своего г.г. Ревизоры не въ пользу даже самого же преосв. Антонія

(1) По повому Уставу (1884 г.) Основное Богословіе назначено преподавать съ IV кл. и продолжать въ V.

въ смыслѣ, какъ бы, притязательности съ его стороны и подь часъ рѣзкости и т. п.,—то онъ не только не отклонялъ подобныхъ сужденій, а самъ первый тутъ же готовъ былъ высказывать свои собственные мысли на счетъ значенія своихъ какъ этихъ сужденій, такъ и собственныхъ дѣйствій.

Помнится, когда рѣчь зашла именно о томъ, что-де Ревизоры могутъ смотрѣть такъ и такъ на характеръ и значеніе резолюцій и пр.—преосв. Антошій высказывался такъ: „Охма! Не изъ этой бы *хаты*, по малоросійской пословицѣ, *таки висти приймагы...* А, впрочемъ, спасибо и тѣмъ, которые передаютъ или раздѣляютъ эти вѣсти,—такъ какъ эти-то вѣсти мнѣ самому первому близко и часто приходятся къ сердцу,—только въ иномъ родѣ и смыслѣ... Сказать прямо и просто: мои-то резолюціи и предложенія составляютъ только слабое отображеніе того, что и какъ г.г. Ревизоры-то пишутъ въ своихъ отчетахъ, которые идутъ не только на обсужденіе высшаго Начальства и даже самого св. Синода,—но печатаются и рассылаются повсюду—не только по своему духовному Вѣдомству, но и по вѣдомству напр. Министерства Народнаго Просвѣщенія,—и дѣлаются, такимъ образомъ, извѣстными даже кому?—самимъ же ученикамъ тѣхъ семинарій и училищъ, въ коихъ произведена была ревизія, и гдѣ всѣ лица служащія—начальники и наставники даже поименно, хотя бы и подь начальными только буквами, росписаны на разныя манеры во всѣхъ отношеніяхъ и съ такихъ, очень не рѣдко, неприглядныхъ сторонъ, что инымъ лицамъ, служащимъ въ этихъ заведеніяхъ, остается лишь завязать глаза и бѣжать отъ службы, хотя и бѣжать-то не куда для занятія такого же учебно-служебнаго мѣста, потому, что вслѣдствіе опубликованныхъ повсюду отчетовъ, вездѣ уже знаютъ этихъ лицъ... Потому-то, кажется, болѣе чѣмъ ясно, что нечего и толковать, что будто бы инымъ не по сердцу содержаніе нѣкоторыхъ моихъ резолюцій и предложеній, коихъ самое значеніе есть въ своемъ родѣ домашнее. если пѣть желанія у *нѣкоторыхъ* выносить соръ изъ избы... Въ моихъ резолюціяхъ и предложеніяхъ

ужели же въ самомъ дѣлѣ можно указать на что нибудь, что было бы взято не съ натуры и что не вызывалось бы сознаниемъ и чувствомъ каждаго, желающаго проходить свое служеніе не какъ либо наемнически, или сказать примѣнительно къ притчѣ Господа Спасителя, въ которой *рабы должника* на полѣ мнили указывать свое усердіе и ревность только въ томъ, что обращались къ господину поля и жатвы съ словами: „*Господи. не доброе ли стѣмя стѣялъ еси на селѣ твоемъ и откуда сіи плевелы... Хочешь ли убо, да шедше исторгнемъ ихъ?!*“.

Послѣднія разсужденія свои преосв. Антоній выражалъ въ особенности, когда видѣлъ, что, подобно сказанному въ той же свято-евангельской притчѣ, не было недостатка въ усердіи къ исторганію плевель въ лицахъ семинарской корпораціи, вслѣдствіе какихъ либо, иногда очень скороспѣлыхъ, инспекціонныхъ доношеній о проступкахъ учениковъ, добытыхъ лишь путемъ, какъ выражено въ предложеніи, *полицейскимъ*, а пшеница-то, сама собою, исторгалась въ лицѣ лучшихъ учениковъ, уходившихъ изъ Семинаріи въ иныя заведенія... Объ этихъ разсужденіяхъ и, соотвѣтственныхъ имъ, дѣйствіяхъ преосв. Антонія изложено будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Сильную скорбь, вмѣстѣ съ недовольствомъ и даже негодованіемъ, выражалъ преосв. Антоній, когда видѣлъ уменьшеніе числа учениковъ, оканчивающихъ курсъ, въ иные годы доходившіе до половины, и еще больше, противу опредѣленнаго по штату числа для Казанской Семинаріи.—Въ первомъ классѣ опредѣлено число учениковъ въ 45 человѣкъ, а въ послѣднемъ—VI-мъ въ 31.—Смотря на эту послѣднюю цифру, онъ, бывало, подъ вліяніемъ сказанныхъ чувствъ, выражался: „экая вѣдь, подумаешь, точность!! не сказано даже круглое число 30, а непремѣнно 31.—Оставалось бы только еще прибавить дробное число $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ ученика... И какая, удивительно, прозорливость у составителей этого числоваго описанія!... Хоть бы припомнили при этомъ пословицу—„цыплятъ по осени считаютъ...“ Вѣдь, читають же и сами они теперешніе отчеты ревизорскіе и видятъ, что и какъ выходитъ въ дѣйствительности,—когда напр. въ нашей Семинаріи въ VI классѣ оказывается недочетъ на половину, а иногда и болѣе“.—Не говоря о разныхъ причинахъ и главнѣйшей той, что, послѣ четвертаго класса, уходятъ по десяти и болѣе учениковъ, преимущественно даровитыхъ, въ свѣтскія высшія заведенія, развѣ можно рассчитывать, что изъ 45 человѣкъ въ теченіи 6-ти лѣтъ можетъ быть убыль только на 14?! (1). А, на-

(1) Въ Церковномъ Вѣстникѣ (1882 г., № 27, стран. 2) въ одной статьѣ значится: «съ 1866 г. по 1879 г. въ 30-ти только епархіяхъ сократилось число учениковъ семинаріи на 3716 человѣкъ. Ясно, что долженъ оказаться недостатокъ въ кандидатахъ на священство даже и въ томъ случаѣ, если бы и не разбѣгались вос-

конецъ, что за норма, чтобы въ самый первый классъ поступило только 45, тогда какъ въ иной годъ въ трехъ училищахъ можетъ оказываться вполне способныхъ и достойныхъ мальчиковъ гораздо больше, или, наоборотъ, значительно менѣе. Не принимать же ихъ, ради только назначенной цифры, не значитъ ли обездоливать ихъ безвинно, или же заставлять самихъ родителей отдавать дѣтей въ другія заведенія... хотя это и безъ того уже входитъ въ обычай и въ прямой, конечно, ущербъ достоинству Церкви“ (1).

Правда, преосв. Антоній успокоивался было тѣмъ, что въ видѣ опыта было открыто параллельное отдѣленіе I-го класса. Но уввы! и это, впослѣдствіи, послужило для него еще къ новой скорби и недовольству. Оказалось во 1-хъ, что въ двухъ параллельныхъ отдѣленіяхъ этого I-го класса число учениковъ увеличивалось незначительно, во 2-хъ, переводить изъ нихъ въ слѣдующій классъ тоже нельзя было болѣе опредѣленнаго числа; а въ 3-хъ, преосв. Антоній скоро понялъ, что тутъ дѣло приняло особый характеръ. Послѣ двухъ лѣтъ существованія параллельныхъ отдѣленій самое-то число успѣвающихъ и заслуживающихъ перевода въ слѣдующій второй классъ оказывалось, сравнительно съ прежними годами, не большее.., потому что оставлялось на второй курсъ въ первомъ классѣ десятка два и болѣе учениковъ... и, въ концѣ концовъ, выходило тоже, т. е. послѣ четвертаго класса уходить стали ученики еще въ большемъ количествѣ, а число оканчивающихъ курсъ, какъ и прежде, до несуществованія параллельныхъ отдѣленій, нисколько не увеличивалось.—Но какъ на параллельное отдѣленіе требовалась особая сумма свыше тысячи рублей изъ средствъ собственно епархіальныхъ, которыя и безъ того довольно скудны,—то преосв. Антоній скоро

питанники въ инныя заведенія, а оставались въ духовномъ вѣдомствѣ».

(1) Опыты этого, преосв. Антоній съ особеннымъ прискорбіемъ видѣлъ въ родителяхъ, по преимуществу, изъ числа городскихъ духовныхъ лицъ, ставя въ укоръ имъ такое охлажденіе ихъ къ духовному образованію своихъ дѣтей.

и положилъ конецъ существованію параллельнаго отдѣленія“. Дѣло это, правда, не обошлось для него безъ непріятностей своего рода, но онъ настоялъ на своемъ.— Не можемъ сказать утвердительно, чтобы преосв. Антошій выражалъ письменно, но, несомнѣнно, онъ высказывалъ открыто, что не можетъ онъ, видя не видѣть, что, признаваемая Правленіемъ Семинаріи, потребность въ параллельномъ отдѣленіи обуславливалась побужденіями и цѣлями не столько въ отношеніи къ пользѣ заведенія, сколько къ получасному преподавателями добавочному вознагражденію... Во всякомъ случаѣ извѣстно, что преосв. Антошій прямо на журналахъ Правленія указывалъ и опирался, преимущественно, на томъ, что въ двухъ параллельныхъ отдѣленіяхъ оказывалось весьма значительное число учениковъ, не признаваемыхъ достойными перевода, т. е. говоря прямо, онъ видѣлъ, что на число послѣднихъ имѣлся тутъ особый расчетъ, дабы въ сложности со вновь принимаемыми въ первый классъ учениками, и при небольшомъ количествѣ послѣднихъ, выходилъ общій итогъ, всегда превышающій нормальную цифру (50), хотя бы-то на 5, много на 7—10 человекъ. Это, дѣйствительно, и бывало и оправдывалось самыми справками, которыхъ преосв. Антошій требовалъ отъ Правленія. Опираясь на послѣднія, преосв. Антошій говорилъ: „что же? ужели согласиться мнѣ, чтобы, ради какихъ либо пяти или десяти учениковъ, тратить по тысячѣ слишкомъ рублей въ годъ, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ бы, искусственно плодить число неуспѣвающихъ и рассчитывать на повторительный курсъ“. Преосв. Антошій на столько рѣшительно былъ убѣжденъ въ этомъ, что когда Правленіе Семинаріи въ общемъ Педагогическомъ Собраніи постановило просить его, на основаніи § 114, представить это дѣло въ св. Синодъ, онъ не призналъ нужнымъ выполнять этотъ § по настоящему дѣлу. Съ этой поры, при жизни преосв. Антошія не было открываемо параллельнаго отдѣленія.

Вторичную причину уменьшенія числа учениковъ преосв. Антошій видѣлъ, между прочимъ, въ томъ, что выражено имъ было въ прежнемъ предложеніи о недо-

статкѣ начальственнаго вліянія и надзора и что высказывалось имъ примѣнительно къ притчѣ объ усердіи рабовъ къ исторганію плевель... При каждомъ, бывало, изъ случаевъ неодобрительныхъ, о коихъ Инспекторъ входилъ записками въ Правленіе и по коимъ бывали, тѣ или инныя, разсужденія и опредѣленія Педагогическаго Собранія, преосв. Антоній особенно вникалъ въ значеніе факта и въ самую процедуру дѣла. — Болѣе всего онъ находилъ несообразными съ дѣломъ и педагогикой тѣ опредѣленія, по которымъ, въ большинствѣ случаевъ, Правленіе присуждало провинившихся учениковъ къ лишенію казеннаго содержанія, съ коимъ соединялась непремѣнная высылка учениковъ изъ семинарскаго корпуса... „Странное дѣло, говорилъ онъ, поступокъ ученика такого рода, что нужно взять ученика подъ особое наблюденіе, такъ, что если бы ученикъ этотъ находился въ квартирѣ, то его слѣдуетъ перемѣстить въ корпусъ, — а тутъ выходитъ наоборотъ... Вѣдь, тутъ выходитъ почти похожее на то, что заболѣвшаго ученика присудить къ высылкѣ изъ того мѣста, гдѣ имѣются всѣ лечебныя средства и условія. — И что за цѣль удаленія ученика? — Если тутъ кроется опасеніе, что онъ можетъ заразить другихъ учениковъ, то значить качество поступка и его собственное состояніе гораздо хуже, чтобы ограничиваться этою только мѣрою наказанія — лишенія казеннаго содержанія. Такой ученикъ заслуживаетъ совершеннаго увольненія изъ заведенія, какъ опасный своею заразою... Съ другой стороны, это опасеніе свидѣтельствуетъ о недостаткѣ надзора, или предупредительности, или, наконецъ, о неручательствѣ за прочихъ учениковъ, какъ могущихъ подвергнуться заразѣ примѣромъ поступка и самаго лица по пословицѣ „одна паршивая овца все стадо заражаетъ“; — а это опять показывало бы, что и вообще въ средѣ учениковъ имѣются уже значительныя задатки тѣхъ же недобрыхъ качествъ и поступковъ, но только ловко скрываемыхъ и не предостраиваемыхъ... — Если же разумѣть подъ лишеніемъ казеннаго содержанія и высылкою изъ корпуса одну исключительную сторону наказанія въ матеріальномъ отношеніи. — то и здѣсь прямѣй-

шая несообразность. Хорошо, если ученикъ имѣеть родителей или родственниковъ; а если онъ сирота безпомощный, — то это наказаніе равносильно для него самому исключенію. Ему не только нельзя будетъ имѣть квартиры, но и ходить не въ чемъ; а если бы онъ и нашель первую, то, понятю, самую дешевую и гдѣ-либо въ глухихъ окраинахъ и въ трущобахъ... — а это самое. понятно, чѣмъ угрожало бы ему окончательно... и тутъ-то не мудрено, что, продолжая ходить въ Семинарію, онъ могъ бы вносить въ среду товарищей не минуемую заразу изъ атмосферы самаго мѣста его проживанія... Итакъ — куда ни кинь, вездѣ выходитъ клинъ“. Въ большинствѣ подобныхъ случаевъ преосв. Антоній или не соглашался съ опредѣленіемъ Педагогическаго Собранія, предлагая замѣнить взысканіе другими мѣрами. — или же предлагалъ частнымъ образомъ не рѣдко мнѣ, какъ Настоятелю Ивановскаго Монастыря, находящагося весьма близко къ Семинаріи, принимать увольняемыхъ изъ корпуса въ Монастырь на жительство бесплатно, давая иногда отъ себя лично по немногу денегъ на ихъ нужды. Въ послѣднемъ случаѣ преосв. Антоній не отказывалъ и самимъ ученикамъ въ явкѣ къ нему; при этомъ онъ самъ лично старался узнавать состояніе учениковъ въ чаяніи ихъ исправленія и дѣлалъ самыя назидательныя внушенія.

Во все время въ Казанской Семинаріи не было примѣра, чтобы доводимо было до свѣдѣнія высшаго Начальства объ исключеніи кого либо изъ учениковъ съ положительно неодобрительнымъ поведеніемъ, о каковыхъ по распоряженію послѣдняго (высшаго Начальства) дѣлались особыя циркулярныя сообщенія повсюду съ обозначеніемъ мѣста, званія и самыхъ неодобрительныхъ поступковъ и качествъ исключенныхъ учениковъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ отнюдь не принимать ни въ какія заведенія ни въ какихъ мѣстахъ. — Надобно было видѣть, въ какое душевное возмущеніе приходилъ, бывало, преосв. Антоній, когда только распечатывалъ пакетъ и видѣлъ подобнаго рода циркулярныя сообщенія... „Вотъ тебѣ и педагогичность и всякая гуманность!!“. Истинно сказать: *солга неправда себѣ*. Ну, какъ согласить, въ самомъ дѣ-

лѣ, съ понятіемъ о гуманизаторахъ-педагогахъ, вмѣстившихъ даже въ Уставѣ въ особомъ параграфѣ положеніе, что наставники и самые начальники, при всякомъ обращеніи къ ученикамъ, обязаны обращаться на „вы“, хотя бы ученикъ былъ и отчаянный лентяй и почти негодяй, — какъ согласить это самое законоположеніе съ тѣмъ, когда тѣхъ же учениковъ чрезъ подобныя публикаціи возводятъ почти-что на эшафотъ и почти лишаютъ правъ состоянія по отношенію къ ихъ возрасту, въ которомъ они, такъ или иначе, могли бы, быть можетъ, въ другомъ заведеніи исправиться, или, по крайней мѣрѣ, не чувствовать себя внѣ всякаго выхода безъ опубликованія объ нихъ повсемѣстнаго, не говоря уже о томъ, что, быть можетъ, самое присужденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ исключенію произведено не вполне основательно... Дальше—каково это родителямъ?! Наконецъ, что можетъ выйти изъ этихъ распубликованныхъ личностей—юношей. Не изъ среды ли ихъ и можетъ, чего избави Богъ, распложаться число жертвъ на разнообразныхъ распутіяхъ нигилизма и т. п.? И ужели этотъ столь явный голосъ истины и чувства за ближняго своего недоступенъ будетъ еще на долго для самихъ законоположниковъ подобныхъ распоряженій и публикацій, чтобы отмѣнить ихъ, какъ чисто карательныя, и, по послѣдствіямъ, могущія быть самыми зловердными...“ (1).

Такъ же почти не могъ примиряться преосв. Антоній и съ тѣми распоряженіями, по коимъ на *цѣльяхъ семинарій* налагались и въ тоже время *публиковались* такія запрещенія, чтобы изъ учениковъ этихъ семинарій не принимать въ высшія учебныя заведенія... „Съ чѣмъ согласуется подобная мѣра, — говорилъ онъ, — когда конечно большинство учениковъ, и въ числѣ ихъ даровитыхъ достойныхъ, неповинны, быть можетъ, ни въ чемъ, а, между тѣмъ, должны разделить эту общую кару и быть клейменными изъ-за того только, что, волей-не-

(1) Хотя преосв. Антоній и не дожидъ,—по сказаннымъ распоряженіямъ о публикаціяхъ всѣ отмѣнены въ первое же время Оберъ-Прокурорства К. П. П.

волей, должны были поступить въ такое заведеніе, которое попало подь опалу еще даже прежде ихъ поступленія... Къ тому же, если эти ученики лишены бываютъ права на поступленіе въ высшія заведенія, даже и свѣтскія, то что остается дѣлать епархіальному мѣстному Архіерею?—Возможно ли ему имѣть въ виду этихъ учениковъ своей Семинаріи кандидатами на священство и не нужно ли испрашивать на это особаго разрѣшенія?—Вѣдь, если человекъ не надеженъ и даже опасенъ, чтобы быть допущеннымъ въ среду высшаго заведенія,—то какъ же допустить его въ среду простаго народа и поставить его пастыремъ послѣдняго.—Каково опять все это самимъ родителямъ, когда они должны же все-таки отдавать своихъ дѣтей въ такую, завѣдомо для нихъ клейменную, Семинарію?! Наконецъ, что сказать объ этомъ въ отношеніи къ общественному мнѣнію, когда и безъ этого съиздавна бывало уже столько предубѣжденій и прямыхъ порицаній противъ всего быта и строя жизни лицъ духовнаго сословія, начиная съ учебнаго образованія, чтобы не сказать преимущественно противъ послѣдняго, понимаемаго въ смыслѣ необтесанности, отсталости, замкнутости и т. п. и когда теперь, среди столь страшныхъ переживаемыхъ событій, какъ бы, на расхватъ разносятъ и въ газетахъ и въ мольбѣ всякую, подходящую только лишь подь характеристику духовенства, фамилію преступника. И кто не знаетъ—на сколько особенно сильно и рѣзко возрастаетъ чувство всеобщаго негодованія, коль скоро въ спискѣ арестованныхъ встрѣчаются личности, происходяція изъ духовнаго сословія?.. И ужели подобными только распоряженіями и публикаціями о лишеніи воспитанниковъ такой или иной Семинаріи права на поступленіе въ высшія заведенія можно разсчитывать на достиженіе вѣрнаго и благотворнаго результата въ дѣлѣ отрезвленія и положительнаго исправленія учащагося юношества?.. Не скорѣе ли и вѣрнѣе всего обратиться должно здѣсь самое глубокое вниманіе на самихъ начальниковъ и приставниковъ, съ такимъ широкимъ подноправіемъ избираемыхъ въ среду корпорацій не болѣе, какъ только образомъ собственноручнаго ихъ *шаро-*

катанія“. Не касаясь, впрочемъ, самаго принципа, въ силу котораго пришли къ введенію и употребленію такихъ карательныхъ мѣръ самые составители распоряженій, преосв. Антоній выражался зачастую словами св. Апостола: *много имате пѣстуны (παιδάγουγες), но не много отцы..*, разумѣя здѣсь ближайшимъ образомъ самое, какъ бы, отсутствіе чувства человѣколюбія и въ частности къ *малымъ симъ*—юнымъ питомцамъ.— Намъ твердо извѣстно и помнится, что преосв. Антоній, по поводу изданныхъ вышеприведенныхъ распоряженій высшаго Начальства и особливо перваго изъ нихъ, писалъ въ свое время, куда и кому слѣдовало, о прямой пераціональности ихъ,—и если не объ отмѣненіи ихъ совершенномъ, то, по крайней мѣрѣ, о видоизмѣненіи на иной, болѣе цѣлесообразный, характеръ и образъ дѣйствій ко благу заведеній.— Правда, преосв. Антоній при жизни своей не имѣлъ утѣшенія видѣть осуществленія желанныхъ имъ послѣдствій, за-то, когда теперь указанные распоряженія дѣйствительно отмѣнены, не очевидно ли здѣсь опять свидѣтельство о правдѣ и истинѣ писаннаго въ свое время въ Бозѣ почившимъ объ этомъ предметѣ, равно какъ и о другихъ подобныхъ, относящихся къ духовной административно-учебной области и проч.

Впрочемъ, выражая взгляды и убѣжденія свои касательно сейчасъ приведенныхъ распорядительныхъ мѣръ, зависящихъ исключительно отъ инициативы высшаго Духовно-учебнаго Управленія, преосв. Антоній, въ то же время, находилъ нѣчто сходное съ ними и въ дѣйствіяхъ Казанской семинарской корпораціи по отношенію къ ученикамъ училищъ, являющимся, по окончаніи училищнаго курса, на экзаменъ для поступленія въ Семинарію. Бывали примѣры, что, послѣ пріемныхъ экзаменовъ, особливо когда введено было производить ихъ до вакаціи, забракеровывалось этихъ учениковъ чуть не на половину, и никакъ не менѣе трети; при чемъ, инымъ предназначалась переэкзаменовка послѣ вакаціи, но другимъ окончательно было отказываемо въ поступленіи въ Семинарію. „Конечно, говорилъ преосв. Антоній, въ общемъ числѣ экзаменующихся, какъ и *въ семьѣ*, по пословицѣ,

не безъ урода. Но почему же не давать права на переэкзаменовку всѣмъ желающимъ? Кто не знаетъ, или не согласится съ тѣмъ, что неудовлетворительность отвѣтовъ на приемныхъ экзаменахъ можетъ зависѣть, въ большинствѣ, отъ случайностей, напр. просто отъ того, что мальчикъ, прибывшій изъ уѣзднаго города по своей, можетъ стать, особенной робости, былъ озадаченъ и растерялся при новыхъ лицахъ и при новыхъ приемахъ въ спрашиваніи. — А, съ другой стороны, не довольно ли представить то состояніе училищнаго ученика, — что онъ, быть можетъ, изъ послѣднихъ силъ старался приготовляться къ сдачѣ экзаменовъ въ училищѣ и, затѣмъ, не имѣя и дня для отдыха, долженъ былъ поспѣшать изъ-за сотни и даже двухъ сотенъ верстъ въ Семинарію и здѣсь съ перваго же дня опять предстать на экзамены, въ теченіи коихъ, между тѣмъ, иному бѣдному сиротѣ приводится привитать гдѣ либо на постояломъ дворѣ, да и въ книжки заглянуть нѣтъ возможности, потому что онъ пользовался въ училищѣ казенными и долженъ былъ сдать ихъ въ училищную библіотеку, — а потому хотя бы и радъ былъ повторить, что нужно, хорошенько, да не почемъ“ (1).

Всѣ эти разсужденія преосв. Антонія оправдывались самою дѣйствительностію. Не мало бывало фактовъ, что училищные мальчики, лишенные послѣ приемныхъ экзаменовъ права на переэкзаменовку, являлись прямо къ самому Преосвященному, а съ ними иногда и родители и, буквально обливаясь слезами, обращались къ милостивому его покровительству, прося облегчить столь злосчастную ихъ долю, представляя при этомъ училищныя свои свидѣтельства о вполнѣ удовлетворительныхъ успѣхахъ по всѣмъ предметамъ, и выражая всю готовность и ревность продолжать не безъ успѣха ученіе въ Семинаріи. Преосвященный Антоній принималъ самое сердечное архипастырское участіе въ судьбѣ подобныхъ

(1) Въ послѣднее время въ печати много появлялось разсужденій объ этомъ предметѣ совершенно такихъ же, каковы были у преосв. Антонія. НВ. По повому Уставу (§ 117) приемныя испытанія ежегодно производятся *предъ началомъ* новаго учебнаго курса.

мальчиковъ, препровождая прошенія ихъ въ Семинарское Правленіе. Одинъ или два года, преосв. Антоній на самыхъ даже журналахъ Семинарскаго Правленія объ отказѣ многимъ ученикамъ училищнымъ въ пріемѣ ихъ въ Семинарію давалъ прямыя резолюціи, чтобы принять нѣкоторыхъ, особенно желающихъ и имѣющихъ собственныя средства къ содержанію, по крайней мѣрѣ впредь до усмотрѣнія, на срокъ до новаго года и, затѣмъ, имѣть объ нихъ особое разсужденіе съ тѣмъ, чтобы оказавшихъ успѣхи удовлетворительные принять навсегда въ Семинарію, а слабыхъ по успѣхамъ уволить совершенно. Такія распоряженія его, въ большинствѣ, оправдывались хорошими результатами; самъ же преосв. Антоній обосновывалъ ихъ собственно на опытахъ, каковыя, дѣйствительно, въ прежнее время бывали не только въ семинаріяхъ, но и въ академіяхъ; и подобныя дѣйствія допускались тогда самымъ Уставомъ.

Замѣчательно, что сейчасъ указанныя распоряженія преосв. Антонія, хотя и не вполне согласныя съ нѣкоторыми дополнительными къ Уставу предписаніями, не встрѣчали ничего ни со стороны бывшихъ ревизоровъ—Членовъ учебнаго Комитета, ни со стороны семинарской корпораціи. Къ слову сказать, это было въ ту пору, когда еще не былъ навѣянъ въ среду корпораціи служащихъ въ Казанской Семинаріи лицъ, духъ партій, проявившійся уже впоследствии съ перемѣною прежняго главнаго начальственнаго лица въ Семинаріи и со времени поступленія новаго избраннаго по баллотировкѣ, которая и послужила къ самому первому зарожденію сказаннаго духа въ средѣ корпораціи. Къ особенной даже чести лицъ семинарской корпораціи прежняго времени должно сказать, что все сочувственно отнеслись къ сдѣланнымъ тогда распоряженіямъ преосв. Антонія. Было даже и такъ, что сама корпорація, по собственной инициативѣ, вызывалась на подобныя дѣйствія и выполняла ихъ самымъ дѣломъ. Пишущему, какъ лично бывшему участнику въ этихъ дѣйствіяхъ, живо памятенъ такой, между прочимъ, фактъ, что все наставники, по преимуществу же тѣ, кои состояли въ экзаменаціонныхъ

коммиссіяхъ, касательно двухъ учениковъ, говоря нынѣшнимъ выраженіемъ, *провалившимися* на пріемныхъ экзаменахъ и отчасти на переэкзаменовкѣ, но ясно обнаруживавшихъ очень хорошія дарованія, — вошли съ заявленіемъ въ общее Педагогическое Собраніе, чтобы принять этихъ учениковъ подобно тому, какъ дѣлалось это уже прежде по распоряженіямъ преосв. Антонія. А какъ одинъ изъ этихъ учениковъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ къ содержанію себя на квартирѣ, то наставники тогда же сдѣлали отъ себя подписку на воспомощеніе ему впредь до принятія его на казенное содержаніе.

Излишне говорить, какую отрадою отозвался этотъ фактъ въ душѣ преосв. Антонія, когда доведенъ былъ онъ до его свѣдѣнія. — „Вотъ то-то же и есть, говорилъ онъ, давно бы пора размыслить, чтобы дѣйствовать въ такомъ истинно-педагогическомъ духѣ и чувствѣ въ отношеніи къ ученикамъ и взаимно-общительномъ между собою, а не держаться только формы и буквы Устава, и не держать каждому себя какимъ-то особнякомъ и своеобразничать“...

Впрочемъ, разсужденія и дѣйствія преосв. Антонія по отношенію къ училищнымъ ученикамъ не ограничивались только пріемными экзаменами ихъ. Онъ строго слѣдилъ, въ послѣдствіи, особливо въ начальныхъ двухъ классахъ за этими же учениками, провѣряя то, насколько вообще оказывался достаточнымъ тотъ запасъ свѣдѣній, какой получили они въ училищѣ и которымъ обусловливались ихъ успѣхи и въ самой Семинаріи, особливо по изученію нѣкоторыхъ предметовъ. — Прежде уже сказано было, что, по поводу ослабленія познаній учениковъ по Логикѣ и Словесности и даже Грамматикѣ, и вообще по части письменныхъ упражненій, — (что слишкомъ рѣзко обнаруживалось въ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ, даже въ высшихъ классахъ), — преосв. Антоній постоянно указывалъ наставникамъ на эти недостатки и требовалъ отъ нихъ объясненій. И такъ какъ въ наставническихъ объясненіяхъ онъ, въ большинствѣ, усматривалъ, что объяснявшіеся думали только отдѣлывать-

ся *непщеваніємъ вины о грѣсъхъ*:—одни, въ классахъ старшихъ преподающіе, указывали на преподающихъ въ младшихъ трехъ классахъ, гдѣ спеціально изучаются Словесность и Логика,—а послѣдніе готовы были просто вопіять противъ наставниковъ училищныхъ за неудовлетворительную подготовку учениковъ, и по преимуществу, по части изученія Грамматики и вообще по Русскому языку,—то преосв. Антоній, съ своей стороны, высказывалъ лично наставникамъ такія свои сужденія: „Кто же мѣшалъ обращать особенное вниманіе на познанія учениковъ училищныхъ по части Русскаго языка на приемныхъ экзаменахъ какъ при устныхъ отвѣтахъ, такъ и въ письменныхъ упражненіяхъ экзаменныхъ, которыя читали и оцѣнивали сами же наставники, назначаемые въ экзаменаціонныя комиссіи, по преимуществу, преподающіе въ начальныхъ двухъ классахъ. Какъ ни разсуждай и ни непщуй тутъ вины.., а дѣло ясно говорить, что и самое экзаменованіе новопоступающихъ учениковъ училищъ ведется, какъ говорится, просто съ маху, что показываетъ одно уже время продолженія этихъ экзаменовъ, когда въ какіе нибудь три-четыре дня,—включая сюда и письменныя упражненія по тремъ языкамъ: Русскому, Греческому и Латинскому,—успѣваютъ проэкзаменовать по семи-восьми предметамъ до 70 и болѣе учениковъ, при томъ съѣхавшихся изъ разныхъ училищъ, гдѣ, естественно, должна быть разность въ развитіи и познаніяхъ учениковъ и, слѣдовательно, потребна особенная внимательность и своего рода примѣнительность со стороны экзаменаторовъ. Но бываетъ ли это послѣднее на дѣлѣ? такой вопросъ кажется излишне и ставить“.

На основаніи этихъ-то данныхъ преосв. Антоній и предлагалъ, какъ сказано было прежде, вмѣсто всякихъ переэкзаменовокъ, очевидно, тоже летучихъ, скороспѣлыхъ,—лучше принимать учениковъ, хотя и сомнительныхъ, впредь до усмотрѣнія до новаго года.—„Въ теченіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, понятное дѣло, можно вполне узнать и познанія, и развитость, и способность, и усердіе—словомъ надежность или ненадежность

учениковъ къ продолженію семинарскаго курса. При этомъ совершенно умѣстнымъ находилъ преосв. Антоній обращать вниманіе даже и на тѣхъ учениковъ, которые, во первыхъ, и приняты-то были по экзаменамъ, — не ахти съ какими познаніями, а во вторыхъ, какъ бы, обезпеченныя приѣмомъ своимъ въ Семинарію, не рѣдко, на первыхъ же порахъ, слишкомъ опускаются и въ прилежаніи и въ успѣхахъ. — Тѣмъ и другимъ одинаково и нужно дѣлать, хотя не формально, въ родѣ провѣрочнаго экзамена въ самые послѣдніе дни предъ отпускомъ на праздники рождественскіе. И если въ результатѣ окажутся эти ученики, даже и принятыя прежде по экзамену, мало развитыми и мало успѣшными, — то и ихъ увольнять, наравнѣ съ временно принятыми, препровождая ихъ во время же святокъ въ прежнія училища на повторительный курсъ. — Что касается до увольняемыхъ обратно въ училища учениковъ въ указываемую пору, это увольненіе ни сколько не отзовется ущербомъ для нихъ. Во 1-хъ въ теченіи цѣлой половины учебнаго года проучившись въ Семинаріи, — они все-таки чтонибудь воспріимутъ въ свои мозги и освоютея съ порядками и приѣмами преподаванія; — во 2-хъ поступивши снова въ училища, они въ теченіи второй половины года будутъ, само собою, въ состояніи восполнить все пройденное безъ нихъ въ первую половину, какъ извѣстное имъ еще по прежнему училищному курсу, а затѣмъ уже вообще повторить и усвоить основательнѣе, сравнительно съ прежнимъ, все, что нужно будетъ по ихъ сознанію и по бывшему уже съ ними опыту. — Наконецъ, въ самомъ даже экономическомъ отношеніи не предвидится ни ущерба, ни денежнаго затрудненія при переѣздѣ учениковъ обратно въ училища. Извѣстно за несомнѣнное, что на рождественскіе праздники ученики разъѣзжаются. — кромѣ развѣ десятой доли, — въ дома родителей и родственниковъ, находящихся почти всегда въ тѣхъ уѣздахъ, которые причислены къ тому или другому училищному округу, гдѣ ученики эти обучались прежде; слѣдовательно, отправиться оттуда въ прежнее училище, въ большинствѣ, будетъ ближе и удобнѣе, чѣмъ даже въ

Семинарію. Во всѣхъ такихъ случаяхъ семинарская корпорація, дѣйствительно, будетъ въ полномъ правѣ и по всей справедливости указывать на неудовлетворительную подготовку учениковъ въ училищахъ,—и тѣмъ болѣе, если въ выданныхъ отъ училищныхъ начальствъ свидѣтельствахъ оказавшіеся мало успѣшными и даже мало способными ученики аттестованы были высокими баллами. И тогда-то училищные наставники, ихъ аттестовавшие, дѣйствительно, должны будутъ сознать свою вину, да и чувствовать себя, понятно, неловко, когда ихъ незрѣлый плодъ возвратится въ ихъ же огородъ“.

Подъ разнообразными, болѣе или менѣе тяжелыми, впечатлѣніями отъ бывалыхъ вышеизложенныхъ данныхъ, преосв. Антоній и предъ семинарскими лицами, въ отдѣльности предъ Ректоромъ, и даже предъ другими сторонними, въ комъ только находилъ искреннее сочувствіе и безпристрастный взглядъ,—высказывался не разъ о своемъ собственномъ, невольно грустномъ настроеніи и не беззатруднительномъ положеніи по поводу нѣкоторыхъ случаевъ.—„Болѣе чѣмъ странно и тяжело бываетъ на душѣ, когда, напримѣръ, только что за нѣсколько дней, прочитаешь журналъ Семинарскаго Педагогическаго Собранія, гдѣ росписано по формѣ и по цифрамъ все, какъ говорится, до косточки и подведена цѣлая веревка всевозможныхъ справокъ изъ Устава и частныхъ предписаній и, въ концѣ концовъ, выставлено то и то, вслѣдствіе чего училищные начальники и наставники оказываются кругомъ и чуть не наповаль, неисправными и проч.,—и когда, при всемъ прискорбіи, приводится утвердить подобный журналъ и даже иногда присовокупить свои замѣчанія и внушенія по отношенію къ училищнымъ корпораціямъ. И вдругъ что же? черезъ день напр. является Смотритель училища, а потомъ и наставники, и всѣ въ одинъ голосъ дѣлаютъ заявленіе, чуть не въ смыслѣ протеста противъ семинарской корпораціи... „Помилуйте! Вѣдь мы въ очію видимъ—во 1-хъ, какъ производятся въ Семинаріи пріемные экзамены,—во 2-хъ, — что рѣшительно непостижимо,—къ экзамену допускаютъ даже всѣхъ тѣхъ, кои выпущены изъ училища со сви-

дѣтельствами третьяго разряда (1) и, наконецъ, стыдно даже сказать, что изъ этихъ-то самыхъ иные попадаютъ въ число принятыхъ въ Семинарію, равно какъ и изъ второразрядныхъ, чуть-чуть посредственныхъ, тоже принимаются, а, напротивъ, лучшіе, даровитые и прилежные иногда забраковываются...“ Есть ли же послѣ этого для Семинарскаго Педагогическаго Собранія какія либо законныя и уважительныя основанія дѣлать разныя — не указанія только, но прямыя обвиненія противъ училищныхъ корпорацій за неудовлетворительную подготовку учениковъ, оказавшуюся на приемныхъ лишь экзаменахъ, или и впоследствии времени, послѣ переходовъ такихъ принятыхъ учениковъ въ дальнѣйшіе классы. Что мудренаго въ томъ, когда въ этихъ именно ученикахъ и обнаруживается, и остается навсегда явный недостатокъ познаній даже въ Русской Грамматикѣ и, тѣмъ болѣе, въ дальнѣйшихъ наукахъ — Словесности и Логикѣ, когда эти ученики и въ училищѣ, по преимуществу, не успѣвали въ Грамматикѣ и обнаруживали способности и степень развитія — иные едва посредственныя, а другіе еще ниже, что и значитъ въ выданныхъ училищныхъ свидѣтельствахъ, на которыя, между тѣмъ, нисколько не обращается вниманія (2). Съ другой стороны, тѣ же училищные наставники, собственно относительно преподаванія Русской Грамматики и вообще Русско-Славянскаго языка, просто готовы были вопіять на небо, — „что-де можно сдѣлать по этому существенно важному предмету, при такомъ распредѣленіи уроковъ и при такой программѣ, какія существуютъ по уставному положенію?“ (3). Нако-

(1) По этому предмету было, напротивъ, *циркулярное* распоряженіе Духовнаго учебнаго Комитета, т. е. чтобы *допускать всѣхъ учениковъ* къ приемнымъ экзаменамъ, не взирая на свидѣтельство училищное, хотя бы послѣднее было *третье-разрядное!!*

(2) Въ новомъ Уставѣ — въ § 116 — сказано: «Кончивше курсъ воспитанники дух. училищъ принимаются въ Семинарію по установленнымъ свидѣтельствамъ, въ коихъ *обозначается право поступленія ихъ въ Семинарію*». Слѣдовательно, вышенаведенное *циркулярное* распоряженіе Дух.-уч. Комитета отмѣнено совершенно.

(3) Учитель Русскаго языка въ Казанскомъ духовномъ учи-

нецъ, тѣ же училищные наставники—въ свою очередь подобно семинарскимъ, сваливающимъ вину малоуспѣнности учениковъ на недостаточную подготовку ихъ въ училищахъ,—указываютъ на таковую же неподготовку дѣтей въ домахъ родителей, что, сказать по правдѣ, не въ меньшинствѣ вѣрно, какъ дознано было мною самимъ на мѣстахъ въ домахъ духовенства, особенно у причетниковъ и еще болѣе въ семействахъ сиротствующихъ.—Въ концѣ же концовъ тутъ же видишь, что наставники училищъ, какъ подъ вліяніемъ разныхъ неудобствъ вести свое дѣло, такъ и по недостаточности жалованья только и ждутъ благопріятнаго случая, чтобы перемѣнить мѣсто службы.—Итакъ, что же прикажете дѣлать намъ,—архіереямъ, среди такихъ перестрѣльныхъ огней!“.

„Нѣтъ сомнѣнія, —разсуждалъ преосв. Антоній, — что нельзя и фактически и нравственно не согласиться болѣе съ училищными корпораціями, чѣмъ съ семинарской; но какъ примирить здѣсь многое въ образѣ дѣйствій и въ самомъ положеніи той и другой стороны, ког-

лищѣ С—цовъ. дѣйствительно, *завоіялъ только уже не на себѣ...* а рѣшилъ было распространиться съ этимъ свѣтомъ и съ самымъ побомъ отъ невыносимой туги, породившейся въ его душѣ при сознаніи личной неудовлетворительности своимъ преподаваніемъ Русскаго языка—вслѣдствіе именно нововведенной программы и самаго учебника по этому предмету.—Этотъ грустный фактъ былъ, какъ разъ въ бытность въ Казани *самаго перваго* Ревизора—Члена Духовно-учебнаго Комитета. Учитель С—цовъ, въ одинъ изъ дней производившейся въ училищѣ ревизіи, долженъ былъ преподавать Русскій языкъ въ присутствіи самого г. Ревизора. Тутъ-то окончательно и представилась ему вся неудовлетворительность его преподаванія. Подъ вліяніемъ этого, онъ въ тотъ же вечеръ, оставивъ въ квартирѣ своей собственноручную записку о злосчастномъ своемъ намѣреніи—покоичить съ собой, отправился, неизвѣстно куда, и не могъ быть найденъ ни гдѣ даже и на другой день. Ночью приняты были особенныя полицейскія мѣры, чтобы слѣднить скрывшагося несчастнаго около рѣки Казанки.—гдѣ, къ счастью, онъ и появился ночью, пробираясь къ проруби... Приведенный въ сознаніе и спокойное состояніе С—цовъ высказался о своемъ бывшемъ настроеніи откровенно, даже лично преосв. Антонию, какъ дѣло было...—Вослѣдствіи, вкорѣ этотъ учитель, хотя былъ даже награжденъ орденомъ, оставилъ училищную службу и поступилъ въ монашество; недавно онъ скончался.

да тутъ же на первомъ планѣ встрѣчаются прямыя положенія уставовъ и, еще болѣе, разныя дополнительныя распоряженія высшаго Начальства, — коихъ прямо нельзя же обойти. хотя бы нныя изъ положеній самого Устава представляли такія *несуразныя* вещи, передъ которыми, думаю, и самыя мальчишки — ученики невольно, какъ говорится, вытаращутъ глаза отъ удивленія. начиная напр. съ того, что, по росписанію уроковъ по предметамъ, въ первомъ классѣ назначено по Латинскому языку 8 уроковъ, а по Русскому съ Церковно-Славянскимъ только 4, или въ 4-мъ классѣ: по Греческому 9-ть, а по Русскому и Церковно-Славянскому только *одинъ* — и въ общемъ итогѣ *для всѣхъ классовъ* по Русскому и Славянскому — 11-ть уроковъ въ недѣлю, а для Латинскаго 22 и Греческаго 18-ть, слѣдовательно, по первому отечественному языку какъ разъ *въ четверо меньше* противъ древнихъ языковъ. Относительно этой, дѣйствительно, вопіющей непормальности преосв. Антоній не давалъ, какъ говорится, проходу бывавшимъ въ Казани Ревизорамъ и писалъ, куда слѣдовало.., но опять-таки, уже чрезъ долгое только время, сдѣлано было измѣненіе уставнаго росписанія, сообразно существу и требованію дѣла, хотя и не вполне, по отношенію къ Русскому языку, который сталъ доходить до крайняго упадка въ нашихъ заведеніяхъ (1).

Что касалось въ отдѣльности до училищныхъ заявленій о недостаточной, иногда и слишкомъ, подготовкѣ дѣтей въ домахъ родителей для поступленія въ училища, то преосв. Антоній признавалъ ихъ; но въ тоже время находилъ самыя требованія училищнаго начальства, по части этой подготовки, чрезчуръ неумѣренными. Такъ, напр., въ опубликованной по всему мѣстному духовенству программѣ Казанскаго училищнаго начальства было сказано, что „поступающіе въ училище должны даже

(1) По новому Уставу назначено: по Русскому языку и Славянскому — въ 1-мъ кл. 10-ть ур., въ остальныхъ классахъ по 3 ур. — всего 19 уроковъ; по Греческому и Латинскому въ 1-мъ кл. преподаваніе вовсе не назначено, — а въ слѣдующихъ трехъ классахъ — назначено по 5—6-ти, всего по 16 уроковъ по тому и другому.

знать, гдѣ пишется буква *ъ* и гдѣ *е* и т. п.“ Преосв. Антоній тогда же предложилъ ограничить эти требованія (1). Съ своей же стороны Преосвященный Антоній дѣлалъ не разъ циркулярныя предписанія всему духовенству озаботиться и принять всѣ возможныя мѣры къ исполненію этого недостатка, отзывающагося явнымъ вредомъ для успѣховъ дѣтей въ училищѣ и составляющаго, почти непреодолимое, бремя для наставниковъ, особенно въ первыхъ классахъ (2). Впослѣдствіи же, скоро открытъ былъ особый приготовительный классъ, и учреждены были должности репетиторовъ, которые были, съ тѣмъ вмѣстѣ, и надзирателями,—хотя все это, при всей очевиднѣйшей полезности, отзывалось не легко на самыхъ средствахъ епархіи по самой ихъ, вообще, ограниченности. Въ послѣднемъ отношеніи преосв. Антоній подпалъ даже непріятности получить указаніе со стороны св. Синода на недостаточность, будто бы, его заботливости объ изысканіи епархіальныхъ средствъ на училищныя потребности. Это было уже послѣ третьей ревизіи въ 1877 г. когда бывший Ревизоръ—Членъ Дух.-учебнаго Комитета представилъ Начальству въ предварительномъ извлеченіи изъ своего отчета о ревизіи, между прочимъ, то, что, будто бы, въ Казанской епархіи, по настоятельности распоряженій епархіальнаго начальства,

(1) Въ § 73 новаго Устава сказано: «въ первый классъ училища поступаютъ дѣти, обученные читать по русски и славянски, и писать по прописямъ, знающіе общеупотребительныя молитвы, Символь Вѣры, заповѣди и по Ариметикѣ—первыя два дѣйствія и таблицу умноженія».

(2) Эти циркулярныя предписанія преосв. Антонія были, почти точь-въ-точь, тѣ же, какія давались имъ въ Смоленской епархіи. А чтобы получить понятіе о ихъ значеніи и результатахъ, довольно привести только эти напр. слова изъ рѣчи бывшаго о. Ректора Смоленской Семинарии Архим. Павла при прощаніи съ преосв. Антоніемъ: «Обращенныя тобою и къ родителямъ настоятельныя требованія употребить всѣ усилія къ надлежащему приготовленію дѣтей для поступленія ихъ въ училища несомнѣваемъ служить средствомъ и ручательствомъ къ большому развитію питомцевъ въ дальнѣйшемъ ихъ образованіи и, съ тѣмъ вмѣстѣ, ко многому облегченію самихъ наставниковъ въ дѣлѣ успѣшнаго преподаванія».

монастыри мало привлечены къ воспособленію на содержаніе епархіальныхъ заведеній. Этотъ фактъ преосв. Антоній слишкомъ глубоко и горячо принялъ къ сердцу и представилъ на него не медленно отвѣтъ въ очень подробномъ изложеніи, гдѣ показалъ голословность, сдѣланнаго г. Ревизоромъ, указанія.

Впрочемъ, и помимо письменнаго представленія преосвящ. Антоній не мало высказывался по этому случаю, начиная съ того, какъ несправедливо и грѣшно указывать на монастыри, какъ на хранилища и источники какихъ-то, будто, неистощимыхъ сокровищъ, особливо въ виду того, что собственно получаютъ самые-то монастыри изъ общихъ государственныхъ источниковъ. Вѣдь, стыдно бываетъ даже говорить, да и не повѣрятъ, что штатному Іеромонаху напр. отпускается *казеннаго жалованья* 6 руб. 90 коп. *въ годъ*... Далѣе, давно-ли, не болѣе лѣтъ десяти назадъ, отошли отъ всѣхъ монастырей, получавшіяся ими изъ казны, такъ называемыя *милостинныя* деньги—въ количествѣ какихъ либо 85 руб. съ копѣйками на каждый монастырь.—Да теперь же въ добавокъ поговариваютъ уже и о томъ, чтобы прекратить всякій отпускъ казенныхъ денегъ, доселѣ ассигнующихся на штатные монастыри (1). При разрѣшеніи же на открытіе новыхъ монастырей прямо поставляется условіемъ, чтобы не требовалось никакихъ пособій отъ казны. Выдача книгъ для сбора добротныхъ даяній преслѣдуется тоже запрещеніями. Спрашивается: въ чемъ же могутъ заключаться, какія либо избыточествующія, средства въ монастыряхъ, чтобы облагать ихъ безусловно пещадно, окладами на пожьзу епархіальныхъ училищъ, хотя ими и представляются доселѣ очень не малыя суммы. Я знаю, откуда дуетъ вѣтеръ тѣхъ голословныхъ указаній, которыя внесъ Ревизоръ въ свой отчетъ;—онъ, очевидно, читался протоколовъ съѣздовъ духовенства, по преимуществу общепархіальныхъ, гдѣ, дѣйствительно, не разъ уже трактовали, а точнѣе орали особенные выскочливые

(1) Распоряженіе по этому предмету вступило недавно, въ 1882 году, уже въ официальную процедуру.

quasi представители на этихъ сѣздахъ, относительно настоящаго предмета. А мнѣ кажется, что если бы подвести только итогъ, сколько ежегодно тратится церковныхъ денегъ, получаемыхъ этими представителями на проѣздъ и проживаніе свое при сѣздахъ общихъ и частныхъ. и тутъ же вмѣстѣ, по чистой совѣсти, оцѣнить все значеніе этихъ сѣздовъ по ихъ образу дѣйствій и по результатамъ, тогда бы навѣрное подулъ вѣтеръ въ иную добрую благоразсудительную сторону. Эти дѣйствія, въ большинствѣ, или только заключаются въ пустопорожней формальности, или проявляются въ томъ, что связываютъ руки и запутываютъ ходъ дѣйствій училищныхъ начальствъ и, уполномоченныхъ отъ духовенства же, постоянныхъ членовъ училищнаго Правленія, или, наконецъ, отзываются какимъ-то лишь самымъ придиричивымъ контролемъ матеріальныхъ расходовъ, иногда самыхъ мелочныхъ, въ родѣ напр. того, — сколько кусочковъ меду выходитъ на классное употребленіе при ариѳметическихъ упражненіяхъ или при писаніи подъ диктовку на доскѣ... И все это, между тѣмъ, выражается въ значеніи какой-то радѣтельности о возможномъ улучшеніи матеріальнаго состоянія училищъ, почти до комфорта, въ силу нахватанныхъ новомодныхъ требованій и условій гигиеническихъ и т. п. „Охма-охма!! плохо дѣло, когда люди больно охочи залезать, по пословицѣ, не въ свои сапи, и собственно потому, что онѣ раскрашены, — въ сапи, которыя для этихъ-то сѣдоковъ оказываются ни къ селу, ни къ городу“.

Но вотъ, помнится намъ твердо, былъ, при подобныхъ разсужденіяхъ преосв. Антонія, еще слѣдующій случай, относившійся какъ разъ. и по времени, и по предмету, къ этому же разсматриваемому факту. Самому преосвящ. Антонію высказана была, совершенно благовидно, такая мысль: — „Не безъизвѣстно, что Ваше В—ство, вмѣсто, причитающейся вамъ отъ архіерейскаго дома, довольно значительной части доходовъ, получаете въ наличности не много болѣе половины. — Не полезнѣе ли было бы эту, оставляемую въ экономіи архіерейскаго дома, сумму назначить Вамъ самимъ на предметъ воспособленія по со-

держанію духовныхъ училищъ, тогда и, кажущійся для другихъ, дефицитъ со стороны здѣшнихъ монастырей восполнялся бы весьма значительно“. — Преосв. Антоній, на этихъ же словахъ перебивши начатую рѣчь, сказалъ усмѣхнувшись: „Да, и впрямь сказать, выходитъ, что я здѣсь *обмишулился* въ расчетахъ... что этимъ восполнялся бы, поставленный мнѣ на видъ, дефицитъ общемоноахтырской *подати*... Но этого еще мало... я вотъ еще что хочу сказать: за такое-то мое дѣло, того и гляди, мое имя попало бы тоже и въ ревизорскій отчетъ, и непременно съ красною строкою, а не такою, какъ оказалось теперь... И этого еще мало: если бы я не обмишулился въ этомъ отношеніи, то можно бы даже изъ моихъ-то указываемыхъ денегъ составлять, по времени, такіе куши, что на проценты съ нихъ можно было бы учредить стипендіи... А наконецъ: если бы еще эти-то стипендіи да поднести и посвятить чьему либо имени..: О! тогда бы не только покрылся бы весь дефицитъ, но покрылась бы, быть можетъ, значительная часть дефицита извѣстныхъ мнѣ отношеній... Но вмѣсто, начатой тобою и мною прерванной неволью вырвавшимися словами, — рѣчи не умѣстнѣе ли привести себѣ на память слова Господа Спасителя: *сыны вѣка сего, дѣйствительно, мудрѣйши суть паче, неже сыны царствѣя*... А что касается самыхъ денегъ, то благо, когда по слову же Господню, *творитъ десница* такъ, что *не вѣсть и шуйца*...“

Дѣйствительно, о преосв. Антоніи не извѣстно, что бы онъ когда либо дѣлалъ матеріальныя пожертвованія въ пользу учебныхъ заведеній; по крайней мѣрѣ фактически указать нельзя ни одного случая въ этомъ отношеніи. За-то попечительность его объ этихъ заведеніяхъ по отношенію къ внутреннему ихъ благосостоянію доходила, истинно сказать, до самопожертвованія...

Чѣмъ болѣе и долѣе, по самому времени, вникалъ преосв. Антоній во все, что оказывалось по его взгляду и разумѣнію въ преобразованномъ по новому (1867 г.) Уставу состояніи Семинаріи и училищъ, не сообразнымъ и не состоятельнымъ, — тѣмъ менѣе, до послѣднихъ дней своей жизни, онъ могъ примириться съ этимъ *statu quo*...

При этомъ весьма часто онъ выражалъ какое-то особенное дерзновенно-непосыдное упованіе, что быть не можетъ, чтобы въ *скоромъ будущемъ*, во имя блага и успѣха духовнаго воспитательно-образовательнаго дѣла въ нашемъ Православномъ Отеествѣ, не воспослѣдовало новое преобразованіе всѣхъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Это же, говорилъ онъ, можетъ совершиться тѣмъ вѣрнѣе и благоуспѣшнѣе, чѣмъ оно совершится скорѣе и настоятельнѣе, пока еще не въ конецъ разшатаны тѣ первоосновы духовно-образовательнаго дѣла, какія положены были и окрѣпили прочно не въ дальнемъ еще прошедшемъ. Въ частности же, обращаясь даже къ самымъ матеріальнымъ средствамъ для содержанія учебныхъ заведеній,—онъ говаривалъ: „Истинно необманчиво было и прежде мое предчувствіе и не ошибочны были мои соображенія, которыя я высказывалъ съ той сажой поры, когда только было ассигновано изъ государственнаго Казначейства полтора милліона;—*это хотя и золотая, но все-таки цѣпь*, по которой тянуть болѣе и болѣе наши духовныя заведенія и дотянуть до того состоянія, въ которомъ онѣ и теперь уже оказались... И всего этого могъ не видѣть развѣ только намѣренно смежавшій очи съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только начали составляться и публиковаться ревизіонные отчеты, въ которыхъ первѣйшая задача и цѣль были ясны съ перваго же раза, т. е. чтобы порицать и принизить, и сдвинуть на повалъ весь прежній строй и порядкъ, и еѣли не обосновать, то нагромоздить новые. Эти же послѣдніе (кто опять не видитъ?),—цѣликомъ принаровлены и прямехонько направлены, подъ современнымъ излюбленнымъ терминомъ общеобразовательности, такъ, что осталась одна почти только фирма и кличка духовно-церковнаго образованія юношества, специально приготовляемаго на служеніе Церкви и дѣлу духовнаго образованія. Не во очію ли всѣхъ фактически все это обнаружилось, особенно въ томъ, когда, по мѣрѣ и степени достиженія общаго образованія нашими кровными питомцами, воспитанными на дарованный намъ полуторамилліонный капиталъ и другія не меньшія средства, составляющія

достояніе Церкви и духовенства, — изъ числа сихъ питомцевъ, самыхъ лучшихъ, многіе стали, какъ бы, въ переконку убѣгать изъ нашихъ заведеній въ другія свѣтскія, и когда въ тоже время и самое академическое образованіе, долженствующее составлять верхъ и вѣнецъ духовно-богословскаго и церковно-религіознаго образованія, тоже разчленилось на частныя спеціальныя факультеты, по подражанію свѣтскимъ высшимъ заведеніямъ; въ ряду же ихъ собственно богословскій, съ первыхъ уже поръ оказался самымъ скуднѣйшимъ по числу адептовъ — призванниковъ къ посвященію себя на служеніе св. Церкви, которая и есть собственно „Alma - Mater“, въ точнѣйшемъ смыслѣ этого слова, для всѣхъ питомцевъ духовныхъ заведеній, начиная отъ первой училищной скамьи и заканчивая академическою аудиторіей“. — Потому-то какъ истинно велика была постоянно ревностная дѣятельность преосв. Антонія, начиная со всестороннихъ его взглядовъ, убѣжденій и сужденій, всецѣло направленныхъ къ возможному благосостоянію Казанской Семинаріи и училищъ, какъ питомниковъ и разсадниковъ для образованія и приготовленія будущихъ служителей Церкви и просвѣтителей народа въ духѣ спасительной вѣры и благочестія въ мѣстной области; — тоже самое должно сказать о всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ преосв. Антонія и къ Казанской духовной Академіи въ предѣлахъ законной власти и вліянія его, какъ Протектора, и соотвѣтственно самому положенію и значенію ея, какъ высшаго духовно-учебнаго заведенія. — Объ этомъ рѣчь будетъ сейчасъ въ слѣдующей главѣ. Въ настоящемъ же мѣстѣ намъ остается досказать еще нѣсколько словъ о Казанскомъ духовномъ училищѣ (мужскомъ), и изложить нѣкоторыя свѣдѣнія объ Училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, состоящемъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Въ некрологѣ читаемъ, что преосв. Антоній „возвратилъ Казанскому духовному училищу прежнія, собственно ему принадлежавшія, зданія, бывшія занятыми въ теченіи 25 лѣтъ Семинаріею; затѣмъ въ этихъ зда-

нѣхъ постепенно. по мѣрѣ средствъ епархіальныхъ, были произведены разныя капитальныя и всестороннія исправленія и приспособленія. Но при всей скудости средствъ, преосв. Антоній возревновалъ украсить училище созданіемъ внутри его храма Божія... *Господь благослышалъ ему найти* благотворителя, Казанскаго 1-й гильдіи купца Павла Васильевича Щетинкина, который на свой счетъ устроилъ въ обновленныхъ училищныхъ зданіяхъ домовую училищную церковь, весьма помѣстительную и красивую. Теперь воспитанники и наставники не нарадуются, имѣя свою церковь въ своемъ училищѣ“ (1). Церковь эту и училищное начальство, и самъ г. храмоздатель возжелали и просили преосв. Антонія освятить во имя его св. тезоименника препод. Антонія Кіевопечерскаго. Соизволяя на это отъ всей души, преосв. Антоній, съ тѣмъ вмѣстѣ, осуществилъ въ этомъ дѣлѣ и другую свою благую мысль; онъ освятилъ церковь не во имя только св. препод. Антонія, но и *Теодосія* Кіевопечерскаго же, такъ какъ имена этихъ угодниковъ Божіихъ равночествуются въ самой Кіевопечерской Лаврѣ. Такая благая мысль обосновывалась у Владыки Антонія, — что извѣстно было пишущему изъ его собственныхъ устъ, — на тѣхъ соображеніяхъ и обстоятельствахъ, что если бы посвятить церковь во имя одного только св. преп. Антонія, то храмовой праздникъ приходился бы во время уже вакаціи — 10 Поля, слѣдовательно, ученики лишены были бы участія въ празднествѣ. Съ другой стороны, преосв. Антоній не желалъ восписывать себѣ только честь возстановленія училища въ правахъ его на самыя зданія, но, даже главнѣе всего, относилъ эту честь къ дядѣ своему — высокопр. Филарету, какъ первооснователю училища въ этихъ зданіяхъ, и, при томъ, на собственный капиталъ устроившему этотъ самый именно двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ устроена была и самая церковь. — Чтобы совмѣстить оба имени — и свое и дяди — въ посвященіи храма такимъ святымъ тезоименникамъ, память которыхъ чествовалась бы нераздѣльно

(1) Стран. 27—28.

по уставу самой Церкви, преосв. Антоній принялъ въ законное основаніе то, что высокопр. Филаретъ, впоследствии (за 17 лѣтъ до своей кончины), воспринялъ „*великую схиму*“ съ именемъ св. *Теодосія*—Кіевопечерскаго. Такимъ образомъ, онъ и освятилъ училищный храмъ во имя обоихъ св. угодниковъ—*Антонія* и *Теодосія*—Кіевопечерскихъ.—Наконецъ, чтобы и самое совершеніе храмоваго праздника приходилось въ такую пору, когда всѣ ученики находятся на лицо въ училищѣ, преосв. Антоній назначилъ навсегда 3-е число Мая, день св. памяти св. препод. *Теодосія*—Кіевопечерскаго съ отправленіемъ службы обще-нераздѣльной обоимъ угодникамъ Божиимъ—*Антонию* и *Теодосію*,—каковая служба и даже акаѳистъ (имъ общій) имѣются въ чино-послѣдованіяхъ Кіевопечерскихъ. Самую икону храмовую преосв. Антоній принесъ отъ себя въ даръ, изображающую обоихъ св. Угодниковъ; предъ нею и совершаются доднесъ въ храмовый праздникъ и поліелейное величаніе, и акаѳистъ на всенощной, и молебень послѣ Литургіи въ честь обоихъ св. Угодниковъ (1).

„Равнымъ образомъ—читаемъ въ томъ же некрологѣ,—и въ Училищѣ дѣвицъ духовнаго вѣдомства, которое при Владыкѣ Антоніи значительно распространено,—благодаря увѣщаніямъ его же, выстроена здѣшнимъ купцомъ Дм. Ал. Черкасовымъ, хотя и небольшая, но весьма красивая, домовая церковь во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы къ несказанной радости воспитанницъ и пачальницъ Училища. Владыка озаботился также увеличеніемъ числа ученицъ въ этомъ заведеніи, и для сего исходатайствовалъ у Святѣйшаго Синода разрѣшеніе на учрежденіе нѣсколькихъ стипендій, изъ коихъ

(1) Въ одинъ недавній праздникъ пишущій самъ имѣлъ утѣшеніе участвовать въ служении Литургіи, совершенной высокопр. Палладіемъ, Архіепископомъ Казанскимъ. При этомъ случаѣ и высказаны были мною началству и г. храмоздателью, изложенныя здѣсь, свѣдѣнія, и къ этому присовокуплено было, въ смыслѣ благоподобящаго совѣта, чтобы и на заупокойныхъ возношеніяхъ поминались нераздѣльно имена и *Антонія*—Архіепископа и Митрополита *Филарета* въ схимонасѣхъ *Теодосія*.

двѣ даже имени Его Высокопреосвященства“ . (1) Преосв. Антоній относился къ этому Училищу, въ полнѣйшемъ смыслѣ слова, съ отеческою любовію и встрѣчалъ, взаимное въ такой же степени, всевозможное выраженіе чувствъ со стороны воспитанницъ; онъ посѣщалъ воспитанницъ въ самые большіе праздники—въ Рождество и въ Пасху, предпосылая имъ отъ себя не рѣдко въ гостинцы разныя лакомства; при посѣщеніяхъ любилъ до услажденія слушать ихъ пѣніе церковное. Въ храмовый праздникъ—въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы—каждогодно совершалъ Литургію, и, въ нѣкоторые годы, по одной Литургіи, преждеосвященныхъ Даровъ.—На экзаменахъ,—въ родѣ общихъ—публичныхъ,—бывалъ ежегодно при выпускѣ окончившихъ курсъ воспитанницъ. Между тѣмъ, преосв. Антоній выражалъ и сожалѣніе, что въ этомъ училищѣ, какъ окружномъ, мало бывало воспитанницъ изъ своей Казанской епархіи; у него была мысль устроить бы, въ родѣ параллельнаго отдѣленія, еще Училище собственно для здѣшне-епархіальныхъ дочерей духовенства.

(1) Пекрологъ, стран. 28.

ГЛАВА X.

8 самых первоначальныхъ отношенійхъ преосв. Антонія къ Казанской духовной Академіи было уже отчасти сказано прежде, по поводу дѣла объ освобожденіи семинарскаго корпуса отъ аренды, плата за которую была назначена въ пособіе къ содержанію лицъ академической корпораціи. Читатели припомнятъ, что именно и какъ выражалъ тогда преосв. Антоній относительно состоянія Академіи. Выраженія и отношенія эти, по видимому, не предвѣщали тогда ничего особенно добраго для скрѣпленія живой связи между преосв. Антоніемъ и академической корпораціей;—но это только было по видимому. На самомъ дѣлѣ преосв. Антоній, съ самаго же начала пребыванія своего въ Казани, относился къ Академіи чрезвычайно симпатично, или точнѣе—въ чувствахъ сердечно-родственныхъ. Академическая корпорація не разъ слышала изъ устъ преосв. Антонія, даже при торжественныхъ случаяхъ, такія его задушевныя выраженія: „Академія моя возлюбленная“, „Академія—мое любимое дѣтище“.

Чтобы дать читающимъ понятіе о сейчьасъ сказанныхъ чувствованіяхъ и отношеніяхъ преосв. Антонія ко всей корпораціи Академіи, мы укажемъ здѣсь, между прочимъ, на слѣдующіе факты. Когда на одномъ изъ празднествъ академическихъ о. Ректоръ — Протоіерей Александръ Поликарповичъ Владимірскій отъ лица своего и всей Академіи свидѣтельствовалъ объ искреннѣйшихъ чувствованіяхъ къ преосв. Антонію, тогда самъ преосв. Антоній не усумнился, съ своей стороны, выразиться такимъ образомъ: „Если бы мнѣ никогда, и даже

за-очно. не было высказываемо то, что теперь. и тогда я, самовнутренно *«по чутью»*, былъ бы столько увѣренъ во всемъ, что не обинуясь, *яко*. по слову св. Апостола, *имѣяй благую совѣсть*, позволилъ бы себѣ имѣть право *самъ свидѣтельствовать* предъ другими о сейчасъ мнѣ высказанныхъ чувствованіяхъ и отношеніяхъ ко мнѣ со стороны Академіи, — въ каковыхъ взаимно не можетъ не быть увѣрена и сама Академія, какъ мнѣ *«возлюбленная»* (во всей полнотѣ значенія этого слова) — увѣрена, во всей чистотѣ и прямотѣ моихъ вседушевныхъ благожеланій ей отъ первыхъ дней до нынѣ и неизмѣнныхъ до гроба“. Но эта неизмѣнность оказалась въ дѣйствительности даже переступившею свои предѣлы: она явилась и изъ-за предѣловъ гроба именно такъ, какъ она была возчувствована и воспринята предъ стоявшими при его гробѣ. Вотъ подлинныя слова изъ надгробной рѣчи Профессора г. Ивановскаго.

„Тринадцать лѣтъ назадъ, Академія наша встрѣтила у себя Тебя, новаго ученаго, — живаго, энергичнаго, привѣтливаго Архипастыря, слава о которомъ долѣтѣла еще нѣсколько раньше, и имя котораго было извѣстно во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Тогда же каждый изъ живущихъ въ стѣнахъ Академіи преподавателей удостоился встрѣтить Тебя въ своей квартирѣ, выслушать ласковое слово, добрый совѣтъ, одобреніе на трудъ. Съ этихъ поръ установилась уже тѣсная нравственная связь между Тобою, досточтимый Архипастырь, и Академіей. Впослѣдствіи связь эта все крѣпла. Каждое Твое посѣщеніе Академіи, всякая частная встрѣча съ Тобою обнаруживали, съ одной стороны, пастырскую любовь, способную, по Апостолу, изгнать страхъ, — тонкія, деликатныя отношенія, соединенныя съ твердостію убѣжденій, а съ другой — полное довѣріе и глубокую признательность. Мы помнимъ Твои мудрыя наставленія о наукѣ и благочестіи; о значеніи богословскаго образованія, о приведеніи всѣхъ знаній къ единству идеи и силѣ религіознаго воспитанія. Мы помнимъ Твои руководительныя отеческія наставленія питомцамъ, мы видѣли ощутительныя проявленія ихъ юнаго горячаго чувства

при всякихъ встрѣчахъ и провожаніяхъ Тебя, — чувства, которое будетъ служить дорогимъ неизгладимымъ воспоминаніемъ на всю ихъ жизнь. Мы никогда не забудемъ Твоихъ, не разъ повторявшихся, словъ: «*Академія мое любимое дѣтище*». Уповаемъ, что и тогда, когда каждому изъ насъ, въ опредѣленное ему время, придется предстать предъ престоломъ Судіи, Ты опять скажешь намъ: «*се азъ и дѣти, аже ми даде Богъ*».

„Теперь же прости, Владыко святой, и прими дань молитвы, любви и вѣчной памяти отъ насъ — отъ дѣтей Твоихъ! Сподоби и самъ Твоихъ молитвъ о процвѣтаніи и укрѣпленіи вѣры, здравыхъ понятій и словесъ ученія, честности и стремленій въ Твоемъ дорогомъ, *любимомъ дѣтищѣ*, да принесетъ оно свою достойную лепту на пользу Церкви и служеніе истинной, просвѣтительной наукѣ“ (1).

Говорившій рѣчь началъ съ первой встрѣчи преосв. Антонія въ Академіи и съ посѣщеній, сдѣланныхъ имъ тогда же къ наставникамъ Академіи въ самыхъ ихъ квартирахъ. Посѣщенія эти были не ради одной формы и не въ смыслѣ вѣжливости и любезности, къ чему, — сказать къ слову, — преосв. Антоній былъ даже, какъ-бы, неспособенъ, а всего болѣе не долубливалъ, общепризнаемаго почти обязательнымъ, выполненія этихъ приличій — визитовъ, именуя ихъ, по буквальному выраженію въ чинѣ постриженія въ монашество, *суетнымъ по обычаю міра сего шатаніемъ*. Въ этомъ отношеніи въ рѣчи особенно замѣчательны также выраженія о всякой частной встрѣчѣ собственно лицъ академической корпораціи. Эти встрѣчи, или точнѣе, свиданія бывали по преимуществу въ домѣ самого Преосвященнаго, — для чего у него былъ всегда открытый доступъ и самый привѣтливый пріемъ одинаково для всѣхъ, начиная съ бывшихъ ректоровъ, до cadaго безъ изъятія изъ лицъ академическихъ. Отсюда-то и были постоянныя, такъ сказать, струи живаго взаимнаго общенія и обмѣна мыслей, такъ какъ преосв. Антоній, при всякомъ удобномъ и потребномъ случаѣ, прямо предлагалъ и уполномочивалъ того, или иного изъ бывшихъ у него

(1) Некрологъ, Казань. 1880 г., стран. 36—37.

лицъ академическихъ передать то, или другое изъ со-
держанія разговоровъ въ общее для всѣхъ свѣдѣнiе, и
даже поразсудить объ этомъ болѣе или менѣе съобща,
или въ средѣ тѣхъ, коихъ, въ частности, касался пред-
метъ рѣчи и интересъ дѣла. Слѣдствiемъ этихъ личныхъ
отношенiй ко всѣмъ со стороны преосв. Антонiя, дѣй-
ствительно, было то, какъ выражено въ рѣчи, ус-
тановившаяся тѣсная нравственная связь все болѣе и бо-
лѣе крѣпла и возвышалась, и не только между нимъ и
Академiю, но и между всѣми лицами корпорацiи. Однимъ
словомъ, выходило то, что бываетъ только въ добрыхъ
отношенiяхъ отца и членовъ одной семьи.

Отношенiя эти проявились такъ скоро, какъ трудно
было бы и ожидать. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ епископ-
ствованiя въ Казани преосв. Антонiя, находимъ уже,
напр., такое изображенiе указываемыхъ взаимныхъ, са-
мыхъ сочувственныхъ, отношенiй при бывшемъ торже-
ствѣ (8 Ноября 1867 г.) въ Казанской Академiи. Подъ
живыми и знаменательными впечатлѣнiями всего предъ-
идущаго, и, въ томъ числѣ и главнымъ образомъ, не-
посредственно сказанныхъ предъ этимъ архипастырскихъ
привѣтственныхъ словъ, обращенныхъ преосв. Антонiемъ
къ начальствующимъ, учащимъ и воспитанникамъ въ Ака-
демiи, все сложилось такъ благопрiятно, какъ сказано
буквально въ описанiи этого торжества, „что всѣ, и ака-
демическiе, и посѣтители, гости и хозяева, живо чув-
ствовали какую-то особенную теплоту, интимность, ра-
душiе во взаимныхъ отношенiяхъ,—были всѣ благополу-
чны, общительны, откровенны и обязательны, какъ чле-
ны одной семьи“ (1). Сюда же должно отнести и всѣ тѣ
случаи, когда, съ перваго же года, во время экзаменовъ
въ Академiи составлялись въ своемъ родѣ чисто домаш-
нiе праздники, состоявшiе въ скромныхъ обѣдахъ и въ
прогулкахъ въ саду при участiи всѣхъ лицъ, исключи-
тельно служащихъ въ Академiи. Праздниковъ этихъ,
обыкновенно, было два,—одинъ въ Академiи, а другой
въ загородномъ дому у самого Преосвященнаго. Все, здѣсь

(1) Извѣстiя по Казан. епархiи 1867 г., стр. 615.

бывавшее, представляло такую картину, которая превосходила, можно сказать, даже и то, что выражено въ сей-часъ приведенномъ описаніи бывшего праздника, какъ въ своемъ родѣ, параднаго по самому составу участниковъ.

Всѣмъ этимъ особенно утѣшался самъ преосв. Антоній, находя здѣсь близкое отраженіе того, что бывало во дни оны, въ бытность его Ректоромъ въ Академіи Кіевской. Проникнутый, или точнѣе, пропитанный самъ вседѣло духомъ и характеромъ Кіевско-академическимъ, преосв. Антоній съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ сказать, почувялъ съ разу, что провести и видѣрить подобно-Кіевское всего естественнѣе если гдѣ, то въ средѣ и въ жизни Казанской Академіи. Нужно замѣтить, что преосв. Антоній напередъ и наперечетъ зналъ, даже лично, всѣхъ бывшихъ ректоровъ и инспекторовъ въ этой Академіи, изъ коихъ, ректоровъ, (всего шести) были хотя только трое Кіевско-академическаго образованія, за то двое изъ нихъ были собственно началоположителями и устроителями и вышшняго и внутренняго состоянія Казанской Академіи. Это были о.о. архимандриты, Григорій и Парѣеній ⁽¹⁾, истинные, по выраженію преосв. Антонія, носители и традиціонисты духа и характера Кіевско-академическаго, и, по своимъ качествамъ, строгіе блюстители всякаго административнаго и дисциплинарнаго строя и порядка, способные выдерживать свой авторитетъ и быть, вообще, достойными дѣятелями на мѣстѣ своего служенія. О третьемъ же и послѣднемъ изъ этой категоріи Ректоръ Иннокентій уже достаточно извѣстно изъ прежде сказаннаго, гдѣ главное то, что онъ, какъ воспитанникъ и духовный сынъ преосв. Антонія по монашеству, могъ быть, естественно, и вѣрнымъ пріемникомъ, и проводникомъ всего, что желалъ и могъ только, на самыхъ первыхъ же порахъ, сдѣлать въ разсматриваемомъ отношеніи и значеніи для Казанской Академіи лично самъ преосв. Антоній. Что же касается, бывшихъ преемственно въ теченіи

(1) Григорій (Миткевичъ), впоследствии бывший Архіепископъ Калужскій; Парѣеній (Поповъ), бывший Архіепископъ Иркутскій.

25-ти лѣтъ, инспекторовъ Казан. Академіи, то, изъ числа всѣхъ *девяти, шесть* были ⁽¹⁾ изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, изъ коихъ одни были современниками преосв. Антонію въ бытность ихъ въ Академіи, а другіе трое воспитанниками его и постриженниками.

О послѣдующихъ двухъ о.о. ректорахъ и одномъ инспекторѣ, (поступившемъ еще до введенія новаго Устава, слѣдов.. не по выбору), мы не принимаемъ на себя дѣла свидѣтельства за нихъ, какъ имѣющихъ свой живой голосъ, чтобы свидѣтельствовать о своихъ личныхъ чувствованіяхъ и отношеніяхъ къ въ Бозѣ Почившему Архипастырю и начальнику... Для насъ, съ одной стороны, уместно и достаточно только указать, что оба о.о. ректоры—первый о. Архимандритъ Никаноръ ⁽²⁾, а второй о. Протоіерей Александръ Поликарповичъ Владимірскій были назначены св. Синодомъ по личному выбору и представленію самого же преосв. Антонія, равно какъ и Инспекторъ о. Архимандритъ Владиміръ,—и что этотъ выборъ былъ вполнѣ счастливый по свидѣтельству самого преосв. Антонія, явно для всѣхъ выразившемуся во всѣхъ его отношеніяхъ къ этимъ лицамъ по ихъ несомнѣннымъ личнымъ и служебнымъ достоинствамъ. Довольно сказать, что первый о. Архимандритъ Никаноръ удостоенъ былъ, при ректорствѣ въ Академіи, высшей ученой степени, — Доктора Богословія. Второй же, и теперь ректорствующій о. Протоіерей А. П. Владимірскій, тоже удостоенъ, еще при жизни преосв. Антонія, по его же представленію, самой высшей для его сана награды—митры, съ присоединеніемъ даже и палицы по личному уже изволенію самого преосв. Антонія ⁽³⁾. Основаніемъ же и побужденіемъ къ избранію этихъ именно лицъ преосв. Ан-

(1) Эти о.о. инспекторы-архимандриты по порядку времени были слѣдующіе: Серафимъ (Аретинскій), Фотій (Щиревскій), Павсій (Пылаевъ), Филаретъ (Филаретовъ), Вениаминъ (Платоновъ) и Вениаминъ (Быковскій).

(2) Нынѣшній Епископъ Херсонскій и Одесскій.

(3) Это присоединеніе палицы было, въ нѣкоторой степени, самопроизвольнымъ и даже рискованнымъ дѣломъ со стороны преосв. Антонія, что сознавалъ онъ и самъ, потому что дароваше палицы

тоній имѣлъ то, что о. Архимандритъ Никаноръ былъ ему уже извѣстенъ по особенной рекомендаціи высокопреосв. Макарія, при которомъ онъ воспитывался въ Петербургской Академіи, принялъ тамъ же постриженіе и былъ Баккалавромъ при томъ же Макаріи пользуясь его особеннымъ вниманіемъ, равно какъ и самого, бывшаго тогда, Митрополита С.-Петербургскаго Никанора, назначившаго ему при постриженіи въ монашество и свое имя. Относительно же о. Ректора Протоіерея А. П. В., во первыхъ, извѣстенъ тотъ фактъ, что преосв. Антоній, — при первой же встрѣчѣ съ нимъ, бывшимъ тогда Профессоромъ Богословія въ Университетѣ, и прослужившимъ уже, начиная съ бакалаврства въ Академіи, двадцать слишкомъ лѣтъ, — когда услышалъ изъ устъ его, что онъ священникъ, то рѣшительно изумился... (1). Потому, при первомъ же случаѣ, произвелъ его въ Протоіереи, какъ заслуженно достойнѣйшаго этого сана по всѣмъ правамъ. Это самое обстоятельство, по лично намъ извѣстному разсказу преосв. Антонія, произвело на него тогда же какое-то особенное впечатлѣніе въ пользу о. Протоіерея и зародило чувство особеннаго благорасположенія къ нему.

всякому Протоіерею, даже и кафедральному, въ степеняхъ наградъ для блага духовенства, имѣеть положительное значеніе отдѣльной высшей награды и не иначе, какъ по опредѣленію св. Синода.

(1) По поводу этого преосв. Антоній высказался даже въ родѣ укоризны бывшему предмѣстнику—Архіеписк. Аванасію, находя. съ своей стороны, дѣломъ прямого долга его—(преосв. Аванасія) по самому рангу служебному—возвести ординар. Проф. Университета въ санъ Протоіерея, соотвѣтственно, по крайней мѣрѣ, тому, что Ректоръ Семинарии возводится непременно въ Протоіереи... а строго разсуждая,—первый даже преимуществуетъ предъ послѣднимъ; доказательство на это въ томъ, что ордин. заслуженные Проф. Богословія въ Университетѣ удостоиваются на службѣ же Высочайшихъ наградъ и митрою и орденомъ 1-й степени св. Анны;—о чемъ ректорамъ семинарій, само собою, и мечтать не приводилось бы... По моему, въ самомъ священнослуженіи первые должны занимать мѣсто выше послѣднихъ..., особливо когда они уже заслуженные Профессоры... Правда, здѣсь предвидѣлись обстоятельства, не вполне общающія возможность осуществленія такой мысли преосв. Анто-

Съ этой именно первой поры преосв. Антоній, когда встрѣчался, при ежегодныхъ посѣщеніяхъ экзаменовъ въ Университетѣ и другихъ случаяхъ, съ о. Протоіересемъ и болѣе и болѣе убѣждался въ личныхъ и служебныхъ его достоинствахъ, то, заранѣе еще, приходилъ къ мысли имѣть, въ случаѣ вакансіи, въ лицѣ его перваго кандидата на ректорство въ Академіи. Съ такими личными желаніями и ходатайствами преосв. Антонія соединялись у него особыя виды, вполне благопотребныя для Академіи. Съ одной стороны, въ лицѣ этого послѣдняго о. Ректора Академіи преосв. Антоній имѣлъ въ виду осуществить то, въ отсутствіи чего укорялъ прежде Академію, т. е., что она, въ теченіи цѣлаго двадцатипятилѣтія своего существованія, не вывела, по любимому, (унаслѣдованному, между прочимъ, отъ своего дяди Филарета, Митроп. Кіевскаго), выраженію преосв. Антонія, — подобно пчелиному улью, своей родной матки. Если же, разсуждалъ онъ, пришла теперь пора къ этому созрѣнію и плодотворенію пчелинаго улья, то что можетъ быть желательнѣе, достойнѣе и благонадежнѣе, какъ вывести родную матку *изъ самаго перваго вывода*, — изъ воспитанниковъ перваго курса Казанской духовной Академіи. Съ другой стороны, преосв. Антоній имѣлъ въ виду, что и самый Университетъ въ лицѣ своего бывшаго заслуженнаго Профессора и

пія. Во первыхъ, по новому Уставу непременно требовалось, чтобы Ректоръ Академіи, поступающій съ тѣмъ вмѣстѣ и въ должность ординарнаго Профессора, имѣлъ степень Доктора, или обязанъ былъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, представить ученый трудъ на соисканіе этой степени; во вторыхъ, самъ А. П. предъявилъ, въ свое время, преосвящ. Антонию личное, съ своей стороны, условіе, чтобы, при новой ректорской должности, не быть ему лишеннымъ права на получение, заслуженной имъ при Университетѣ, пенсіи за двадцатипятилѣтіе. Но преосв. Антоній не усомнился принять на себя особое ходатайство, какъ объ освобожденіи А. П. отъ обязательности соисканія докторской степени, такъ и объ оставленіи за нимъ права на получение за университетскую службу пенсіи. Ходатайства эти, при содѣйствіи, между прочимъ, по послѣднему предмету со стороны университетскаго начальства, получили полное удовлетвореніе, хотя и не въ примѣръ прочимъ.

представителя духовной науки, естественнѣе всего, могъ имѣть особенное сближеніе съ Академіею, на которое съ перваго же раза обратилъ преосв. Антоній свое особенное вниманіе и выразилъ полнѣйшее свое сочувствіе (1). Это было выражено имъ торжественно при празднествѣ въ Академіи по случаю ея двадцатипятилѣтія. „Когда былъ провозглашенъ четвертый тостъ, читаемъ въ описаніи этого праздника, за здоровье всѣхъ, посѣтившихъ это празднество, высшихъ лицъ мѣстной администраціи, и въ числѣ ихъ г. Попечителя Казанскаго учебнаго округа и профессоровъ Университета, тогда Его Преосвященство сказалъ: „Я съ своей стороны вседушевно желаю, чтобы Казанское представительное общество всѣхъ сословій вошло въ желательное-доброе сближеніе и единеніе съ здѣшнею духовною Академіею, и въ особенности общество ученое, тѣмъ болѣе, что въ началѣ основанія Академіи ее снабжалъ потребными дѣятелями-наставниками здѣшній Университетъ, а въ послѣдствіи стала снабжать Университетъ сей такими же лицами и сама здѣшняя Академія“ (2).

Для полноты всей характеристики желаній, дѣйствій и отношеній преосв. Антонія по части благоустройства мѣстной Академіи нельзя не сказать и о томъ, что съ первыхъ же поръ проявилась его ревность о восполненіи того оскудѣнія въ средѣ Академіи, которое, обыкновенно, часто вызывало изъ души его, произносимое непремѣнно съ глубокимъ воздыханіемъ, изреченіе псалмопѣвца: *увы... оскудѣ преподобный!!*. Въ числѣ служащихъ въ Академіи, въ самый годъ прибытія преосв.

(1) Сверхъ всего этого были у преосв. Антонія и другія причины и побужденія имѣть Ректоромъ въ Академіи А. П., которыя онъ высказывалъ и прямо въ кругу избранныхъ и намеками предъ другими, а именно: такъ какъ это избраніе и назначеніе Ректора было уже по введеніи преобразования, то преосв. Антоній болѣе всего боялся, какъ бы не былъ назначенъ кто-нибудь изъ слишкомъ усердныхъ ревнителей въ пользу этого преобразования... и тогда поминай, какъ звали все, что можно было удержать по части прежнихъ порядковъ!!.

(2) Извѣстія по Казанской епархіи, 1867 г., стр. 616.

Антонія, кромѣ архимандритовъ, Ректора и Инспектора, было еще одно лицо изъ монашествующихъ; но послѣдній скоро же былъ переименованъ въ Ректора Семинаріи Уфимской. А когда, съ этимъ вмѣстѣ, и Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Веніаминъ (Быковскій), получилъ тоже назначеніе на ректорскую должность въ Воронежскую Семинарію, тутъ-то и возчувствовалъ преосв. Антоній свое печалованіе объ *оскуднѣніи преподаваемыхъ*. Онъ сожалѣлъ даже, что не удержалъ при Академіи перваго кандидата на Уфимское ректорство, который былъ бы ближайшимъ преемникомъ инспекторства въ Академіи, какъ служившій много лѣтъ при ней. Во всякомъ же случаѣ, чтобы не ходить „*позычатъ у шабривъ*“, по употребленному имъ малороссійскому выраженію, преосв. Антоній призналъ за благо взять лучше Инспектора—монашествующаго изъ мѣстной своей Семиріи, какъ уже сдѣлавшагося ему достаточно извѣстнымъ, чѣмъ ожидать, когда и кого-то приплотъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, для восполненія выбывшаго третьяго лица изъ монашествующихъ, немедленно вошелъ съ ходатайствомъ официальнымъ, и просилъ письмомъ о Ректора Петербургской Академіи И. Л. Янышева, чтобы на имѣющуюся вакантною каѳедру по св. Писанію назначенъ былъ, только что кончившій курсъ тогда въ Петербургской Академіи, Іеромонахъ Тихонъ ⁽¹⁾.

Такая озабоченность преосв. Антонія о восполненіи, оскудѣвающаго въ средѣ Академіи, элемента монашествующаго сколько объяснялось тогда же его личнымъ монахолюбіемъ, столько же, въ частности, для преподаванія такого предмета, какъ св. Писаніе, опъ находилъ болѣе всего соотвѣтственнымъ и благополезнымъ назначить лицо духовное и еще лучше—монашествующее. При этомъ, однако, онъ не скрывалъ своей желанной

(1) Почему выборъ палъ на это лицо, это объясняется тѣмъ, что Іером. Тихонъ поступилъ въ Академію Петербургскую изъ Смоленской епархіи по совѣту самого же преосв. Антонія, при которомъ онъ находился въ архіерейскомъ домѣ въ званіи надзирателя надъ пѣвчими, въ большинствѣ обучавшимися въ духовномъ училищѣ, и въ это время былъ уже Іеромонахомъ.

цѣли, чтобы завести, какъ онъ выражался, свое „*доморощенное гнѣздо*“, дабы, въ случаѣ выбыванія лицъ монашествующихъ и, по бывшему тогда уставу, преимущественно начальственныхъ въ Академіи, имѣть всегда наготовѣ своихъ кандидатовъ, какъ это и бывало прежде во всѣхъ академіяхъ, въ чемъ первымъ образцомъ была для него, какъ и во всемъ прочемъ, исключительно его *alma mater*—Академія Кіевская. А, наконецъ, при имѣвшемся въ виду заведеніи сказаннаго гнѣзда, у преосв. Антонія, тѣмъ не менѣе, были прямыя задушевныя желанія и надежды, чтобы, подѣ непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, служащихъ въ Академіи въ званіи монашескомъ, располагать къ этому званію и самыхъ воспитанниковъ, хотя не несознавалъ и самъ, что мѣстонахожденіе Академіи мало соотвѣтствовало этимъ условіямъ и видамъ, сравнительно съ прочими академіями, помѣщающимися подѣ сѣнію самыхъ обитателей иночествующихъ. Въ лицѣ одного воспитанника изъ перваго же, начавшагося при немъ въ 1868 г., курса, преосв. Антоній все-таки имѣлъ утѣшеніе обрѣсти такого призванника, котораго собственноручно и постригъ въ монашество въ академической же церкви. Этотъ примѣръ былъ, впрочемъ, первый и послѣдній за все время тринадцатилѣтняго служенія преосв. Антонія. Мало этого: въ послѣдніе многіе годы не только не было призванниковъ изъ среды воспитанниковъ къ монашеству, но даже въ ряду бывшихъ изъ вдовыхъ священниковъ.—Однимъ словомъ,—*въ конецъ оскудѣ преподобный*—и самое слово *монахъ* вовсе не стало слышно въ стѣнахъ Академіи!! Было даже и то, что когда оставался одинъ, прежде помянутый, Іеромонахъ Тихонъ, тогда, на основаніи нововведеннаго въ 1870 г. Устава, по которому не положено казенныхъ квартиръ въ академическомъ корпусѣ никому изъ наставниковъ, этотъ Іеромонахъ Тихонъ едва, едва, и то по рѣшительному настоянію только преосв. Антонія, оставленъ былъ на жительствѣ въ стѣнахъ Академіи и, при томъ, съ платою за помѣщеніе. Вопросъ относительно права Іером. Тихона на квартиру въ академическомъ корпусѣ впоследствии, чрезъ по-

средство ревизовавшаго въ 1874 г. Академію, преосв. Макарія, былъ представленъ даже въ Синодъ, отъ котораго и воспослѣдовало удовлетворительное разрѣшеніе (1).

По поводу этого, хотя, повидимому, слишкомъ частаго факта, преосв. Антоній, тѣмъ не менѣе, тогда же высказался не въ пользу, — и даже очень, — нововводимаго преобразованія академій. „Вотъ-те и на... первый блинъ да и комомъ!!“. Прежде помѣщались въ академическихъ зданіяхъ почти все наставники, а теперь, когда настроили новыхъ *хоромъ* на цѣлыя семьдесятъ тысячъ, то не достало мѣста ни для кого изъ нихъ, за то отведены двойныя противъ прежнихъ квартиры и для кого же?.. для тѣхъ, кои, безъ обиды сказать, и не

(1) Авторъ статьи «Къ біографіи Антонія Архіеп. Казанскаго» замѣтилъ справедливо, что преосв. Антоній очень скорбѣлъ, что современное ему ученое монашество не пользовалось должнымъ покровительствомъ высшей власти. «*Душа моя болитъ*, — такъ неоднократно выражался по этому предмету преосв. Антоній...» Должно сказать къ этому еще, что преосв. Антоній выражалъ и скорбь и рѣшительное изумленіе, когда и самое право для состоящихъ на духовно-учебной службѣ, лицъ монашествующихъ на полученіе пенсіи за 25 лѣтъ не дано было имъ наравнѣ съ прочими духовными и свѣтскими. «Мнѣ писали, сказывалъ онъ, что будто *по забвенію* обойденъ былъ вопросъ объ этомъ, хотя и имѣлся въ виду. Потому, если кому изъ выслужившихъ 25-тилѣтіе — монашествующихъ лицъ можетъ быть даровано право на пенсію, — то не иначе, какъ съ испрошеніемъ на это каждый разъ особаго Высочайшаго разрѣшенія» — «Но что же это такое?. Вѣдь тутъ почти-что чистая насмѣшка... Стыдъ и грѣхъ непростительный для виновниковъ такого *«забвенія»* — и всего болѣе для тѣхъ, кои сами — монашествующіе!! Ну что будетъ, если почему либо будутъ находить иногда неудобнымъ испрашивать Высочайшее разрѣшеніе?! Вѣдь у нихъ — у монашествующихъ, равно какъ, впрочемъ, и у всѣхъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ отняли и классныя оклады... хотя въ тоже время, къ удивленію, удержали эти оклады за лицами, состоящими вообще на службѣ епархіальной и даже состоящими на должностяхъ законоучительскихъ во всѣхъ свѣтскихъ заведеніяхъ... Наконецъ, прекратили и прежнее учрежденіе — корпораціи, такъ называемыхъ *«Соборныхъ Иеромонаховъ»*, которымъ по Высочайшему именному повелѣнію въ 1797 г., было назначено и помѣщеніе и содержаніе при лаврахъ, и штатное жалованье въ количествѣ 150 р., — что по нынѣшнему разсчету цѣнности денегъ, равняется не менѣе 500 р. серебр.; и это бывшее жалованье выдавалось ученымъ мо-

стоять того... Что за персоны—библіотекаръ и его помощникъ, секретарь и помощникъ его... въ смыслѣ служебнаго ихъ значенія для Академіи?! Да и самыя требованія для быванія ихъ въ Академіи при исполненіи своихъ обязанностей возможно ли приравнять къ наставническимъ?! Наставникамъ нужно являться непременно къ ерочному времени по звонку, и, затѣмъ, во время перемѣны лекцій для вторичной лекціи, слѣдующей не подъ рядъ, нужно или отдохнуть, или сосредоточиться наединѣ, по кабинетному, для окончательнаго обдуманія своей лекціи, или, можетъ быть, понадобится даже справиться въ имѣющихся у него въ квартирѣ книгахъ... Между тѣмъ, идя изъ квартиры, иногда очень не близкой, и къ тому же въ дурную погоду, онъ, естественно, едва успѣетъ перевести духъ отъ усталости, какъ тутъ же долженъ входить въ ауди-

нашествующимъ и тогда, когда они состояли на должностяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ... При томъ, и самое званіе и назначеніе этихъ Соборныхъ Іеромонаховъ были весьма серьезныя и почетныя. Въ именномъ Высочайшемъ Указѣ буквально выражено такъ: «дабы эти ученые Соборные Іеромонахи упражнялись въ переводахъ, сочиненіяхъ, въ проповѣданіи Слова Божія, въ преподаваніи наукъ въ академіяхъ и семинаріяхъ... и вообще на пользу церковную и государственную служили, а тѣмъ и могли бы достигать помѣщенія на степени архіерейскія».—(Смотр. Полное Собраніе Закон. Росс. Имперіи съ 1649 г. Томъ IV (съ 6 Ноября 1796 по 1798 г.). Изд. 1830 г., № 18273).—А теперь что же ожидаетъ ученыхъ монаховъ послѣ 25-лѣтней выслуги? Дадутъ, пожалуй, и то какъ изъ милости, какой нибудь монастырь—въ глуши съ братією изъ неучей... и пр... По неволѣ иной такъ и заглохнетъ... По моему всенепремѣнно нужно возстановить прежнюю корпорацію ученыхъ Соборныхъ Іеромонаховъ,—назначивъ имъ и помѣщеніе и содержаніе въ лаврахъ и жалованье,—по меньшей мѣрѣ равное учителямъ семинарій. При этомъ учрежденіи, нѣтъ сомнѣнія, будутъ призванники къ монашеству и изъ академическихъ воспитанниковъ, и изъ наставниковъ неженатыхъ или вдовыхъ,—такъ какъ перспектива для нихъ открыта, при томъ, въ такомъ положеніи и условіяхъ, которыя вполне будутъ удовлетворять и монашескому призванію и ученымъ потребностямъ. Въ этомъ случаѣ не будетъ имъ нужды тянуть, какъ говорится, лямку служебную въ учебныхъ заведеніяхъ,—гдѣ не даютъ имъ даже и помѣщенія,—а живи какъ и гдѣ хочешь,—хотя на ряду съ мірянами на наемныхъ квартирахъ... какъ и поступили было съ Доцентомъ—Іеромон. Тихономъ».

торію, не медля лишней минуты. А бібліотекаръ и секретарь въ этомъ отношеніи совсѣмъ иное; не бѣда, если тотъ или другой опоздаетъ, или придетъ ко времени одинъ кто-либо изъ двухъ—главный или помощникъ, въ итогѣ все равно. Равно какъ и во время пребыванія своего по службѣ въ канцеляріи, или въ бібліотекѣ они никакою срочностію времени не связаны, и могутъ быть какъ хозяева у себя въ своихъ помѣщеніяхъ; да и работа-то ихъ часто механическая, состоящая въ иной часъ развѣ только въ сметаніи пыли съ книгъ, или съ дѣлъ архивныхъ. Наконецъ, можетъ ли быть въ средѣ ихъ какая-либо нужда въ личной общительности, въ интересахъ ихъ служебныхъ, по роду самой дѣятельности, — тогда какъ въ средѣ наставниковъ подобныхъ интересовъ очень много, кои могутъ быть удовлетворены съ особеннымъ удобствомъ при возможности ближайшаго взаимнаго общенія другъ съ другомъ, во всякое свободное время, — къ чему, какъ нельзя болѣе, и способствуетъ постоянное жительство въ одномъ корпусѣ. Самый терминъ *корпорация* лицъ учебныхъ заведеній филологически буквально указываетъ на сожительство ихъ въ одномъ *корпусѣ*. Сверхъ этого, сколько можетъ открываться потребностей и поводовъ со стороны самихъ воспитанниковъ для личныхъ обращеній къ наставникамъ по вопросамъ и научнымъ, и по предметамъ даже обыкновенно-житейскаго значенія, соотвѣтственно ихъ юношескому состоянію и воспитанническому положенію. Обо всемъ же этомъ справедливо сказать, что такое живое непосредственное обращеніе воспитанниковъ къ наставникамъ превосходить, иногда, своимъ благотворнымъ значеніемъ самое вліяніе инспекторское, и вообще—официально-начальственное ⁽¹⁾.

Итакъ, если по поводу этого вышеуказаннаго факта, состоявшаго въ одномъ видоизмѣненіи внѣшняго лишь

(1) При подобныхъ рѣчахъ преосв. Антоній обыкновенно указывалъ, преимущественно, на Клевскую Академію, и, въ примѣръ и образецъ благотворнаго вліянія на воспитанниковъ со стороны профессоровъ, представлялъ извѣстные обращенія Якова Козмича Амф—ва.—Право на помѣщеніе академич. наставниковъ въ самомъ корпусѣ онъ разумѣлъ, впрочемъ, по преимуществу, для неженатыхъ

положенія и отношеній лицъ академической корпораціи, преосв. Антоній находилъ и указывалъ уже столько сторонъ и явленій, идущихъ, по его взглядамъ и убѣжденіямъ, какъ бы, въ разрѣзъ съ болѣе или менѣе существенными требованіями и условіями внутренняго положенія и отношеній въ строѣ и характерѣ нормальной академической жизни,—то что оставалось представлять и ожидать со стороны его по дѣлу преобразования академій по прочимъ частямъ положительнаго существеннаго содержанія и значенія... И все это не должно ли было проявиться въ тѣмъ большей мѣрѣ и степени, въ какой преосв. Антоній уже успѣлъ проявить свое личное радѣніе объ утвержденіи желаннаго строя и характера какъ въ официально-служебной, такъ и братственно-корпоративной жизни собственно въ здѣшней Академіи?!

Въ самомъ дѣлѣ, взвѣсивая и опредѣляя по своимъ вѣрнымъ предусмотрительнымъ взглядамъ характеръ и значеніе, имѣваго вступить въ свою силу, новаго преобразования академій, и столько же вѣрно зная все прошедшее здѣшней Академіи, по самому времени не успѣвшей еще вполнѣ выработать своего почвеннаго традиціоннаго устоя, преосв. Антоній, какъ истинный, а не по званію только, Попечитель ея, и какъ любящій свою семью отецъ, не могъ не озабочиваться даже до опасливости за ея будущее. Такую-то именно предусмотрительность и предозабоченность мы уже и видѣли въ томъ, между прочимъ, фактѣ, когда преосв. Антоній желалъ, чтобы Ректоромъ въ здѣшней Академіи, если когда, то въ эту именно пору было лицо не изъ сторонниковъ-ревнителей исключительныхъ началъ и характера новаго преобразования, а изъ своихъ доморощенныхъ и пережившихъ самолично всю прежнюю жизнь Академіи, который бы и былъ сколько живымъ отображателемъ послѣдней, столько же, такъ сказать, и отводомъ проти-

и въ особенности для молодыхъ новопоступающихъ... Для коихъ все излишни какія либо широкія помѣщенія, а для занятій ихъ, особенно потребныхъ усидчивыхъ на первыхъ порахъ. такое мѣсто-жительство, какъ нельзя болѣе удобно и благополучно.

ву, сразу имѣвшаго нахлынуть, новаго духа и направленія. Во главѣ же всѣхъ этихъ охранительныхъ дѣйствій всегда готовъ былъ выступить первый самъ преосв. Антоній,—что онъ и доказалъ самымъ дѣломъ.

Въ чемъ именно заключались и какъ выражались всѣ взгляды и предпріятія преосв. Антонія въ разсчитываемомъ дѣлѣ, мы не поставляемъ, да и не можемъ поставять себѣ задачу, чтобы изложить все это въ полной подробности. Съ одной стороны, преосв. Антоній писалъ столь много, и официально, и конфиденціально, и въ формѣ частной переписки—(съ самаго перваго времени только-что начинавшагося проэктированія преобразования академій, и въ послѣдствіи, по введеніи уже самаго преобразования),—что всего писаннаго не вмѣстили бы самыя страницы нашего изложенія. Съ другой стороны, главная сущность писаннаго въ тогдашнюю пору преосв. Антоніемъ, сколько извѣстно, выступаетъ уже и теперь на первый планъ въ начавшемся дѣлѣ пересмотра нововведеннаго Устава, и, несомнѣнно, найдетъ и займетъ въ немъ положительное мѣсто и значеніе, тѣмъ большее, что самое дѣло пересмотра послѣдовало чрезъ не долгій еще срокъ существованія нововведеннаго преобразования, когда образъ и характеръ послѣдняго не успѣлъ еще видоизмѣнить радикально прежняго *status quo* нашихъ духовныхъ православныхъ академій... о чемъ собственно ревновалъ и ратовалъ преосв. Антоній, когда писалъ въ свое время по этому предмету. Но какъ не только результаты, но и самый ходъ дѣла по пересмотру нововведеннаго академическаго Устава, еще не извѣстны въ опредѣленности ⁽¹⁾, то и всякое подроб-

(1) Настоящее изложеніе въ нашей рукописи было закончено еще довольно за-долго до времени окончательнаго составленія и самаго опубликованія новаго Устава академій (1884 г. 20 Апрѣля); но мы, какъ замѣчено было уже и прежде, оставляемъ неизмѣннымъ прежнее наше изложеніе,—и будемъ только дѣлать указанія, въ подстрочномъ текстѣ, на все то, что такъ или иначе,—съ положительной или отрицательной стороны,—оправдалось изъ писаннаго преосв. Антоніемъ въ положеніяхъ новаго Устава и въ другихъ повременныхъ распоряженіяхъ.

ное изложеніе всѣхъ тезисовъ и анти-тезисовъ со стороны преосв. Антонія было бы неумѣстно и не своевременное. Здѣсь умѣстнѣе указать, между прочимъ, на то, какъ, въ свое еще время, иные даже и изъ сочувствующихъ писанному преосв. Антоніемъ, если не выражали прямо не одобренія, то, по меньшей мѣрѣ, недоумѣвали: „что-де за охота была ему писать и писать такъ, а не иначе, и, видимо, *прать противъ рожна*, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, вызывать противъ себя не благопріятныя взгляды и мнѣнія, наконецъ, просто-на-просто, мучить себя какою-то неудержимостію своей ревности“. Подобныя недоумѣнія высказывались ему иногда прямо лично. Но знающіе знаютъ, что и какъ отвѣчалъ имъ, обыкновенно, на это преосв. Антоній. Нѣкоторымъ близкимъ онъ даже показывалъ подлинныя бумаги, какія получалъ, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, въ отвѣтъ на свои представленія въ значеніи благопріятномъ; не скрывалъ и того, что приводилось ему получать въ *иномъ* уже значеніи впоследствии; наконецъ не утаивалъ и нѣкоторыхъ своихъ промаховъ, которые самъ же первый сознавалъ и спеціалъ поправить. Обо всемъ этомъ мы, съ своей стороны, дозволяемъ себѣ свидѣтельствовать на томъ основаніи, что—не только читали своими глазами его представленія—въ большинствѣ, но и своею рукою переписывали ихъ иногда съ автографа преосв. Антонія, а иногда писали вчернѣ подъ его диктовку. Мало сего: намъ приводилось бывать очевидцемъ и самаго состоянія душевнаго, какое не рѣдко испытывалъ и невольно выражалъ преосв. Антоній въ столь многосторонней борьбѣ, — при которой, однако, отнюдь не колебался въ твердости духа и самостоятельности убѣжденій, и сохранялъ все благодушіе при неминуемыхъ, и, дѣйствительно, бывавшихъ для него, не благопріятныхъ послѣдствіяхъ.

Правда, есть, быть можетъ, и до настоящаго времени раздѣляющіе тѣ же вышеприведенныя мнѣнія или недоумѣнія, т. е. что была за охота преосв. Антонію, и изъ-за чего было выступать и навлекать на себя прямыя непріятности, хотя бы явно и не справедливыя, и страдать духомъ... Но въ разрѣшеніе всѣхъ подобныхъ

недоумѣній и совопрошеній. кажется, болѣе чѣмъ довольно представить то, что и какъ чувствовалъ и свидѣтельствовалъ о себѣ самъ же преосв. Антоній въ своихъ письмахъ еще во дни *оны* по отношенію къ извѣстному состоянію Кіевской дух. Академіи. Припомнимъ хотя нѣсколько словъ изъ этихъ писемъ. „Да. Академія наша въ полномъ кризисѣ... и подобный кризисъ не обходится уже безъ нѣкоторыхъ не благопріятныхъ явленій... Душа моя болитъ при видѣ этого положенія и Богъ знаетъ, какъ она выйдетъ изъ этого положенія!.. Но, увы! я долженъ оставить теперь Академію, тогда какъ я радъ бы за нее *животъ свой положить*“ (1). Да, если столько выстрадано было преосв. Антоніемъ изъ-за временнаго, даже случайнаго положенія, угрожавшаго парализованіемъ одной лишь Академіи, то, болѣе чѣмъ, довольно только сопоставить бывшее тогда съ разсматриваемымъ теперь состояніемъ преосв. Антонія. Если тогда душа его болѣла до готовности положить животъ свой въ отношеніи къ Кіевской Академіи, какъ матери-кормилицѣ, — *alma-mater*, то здѣсь такое же страданіе его за Казанскую Академію было естественно, какъ за „*любимое имѣ дѣтище*“, и, при томъ, — не по случаю только временныхъ какихъ-либо измѣненій ея положенія, а въ виду того, что при этихъ измѣненіяхъ явственно разшатывались и сдвигались съ своего мѣста главныя основы прежней духовно-академической жизни.

Впрочемъ, указываемое сопоставленіе представится намъ еще живѣе, нагляднѣе, когда мы перенесемъ здѣсь на минуту и предметъ дѣла, и состояніе дѣятеля на другое мѣсто и на другое лицо. Вотъ предъ нами брошюра (2) „Поминокъ по преосв. Филаретѣ, бывшемъ

(1) Изъ писемъ къ преосв. Анатолю (Могилевскому). Смотри Церк. Вѣстн. 1883 г., № 48, стр. 2—4.

(2) Брошюра издана въ Кишиневѣ въ 1882 г. Соч. Л. Маціевича, который обнародовалъ, между прочимъ, и нѣкоторыя письма преосв. Антонія къ преосв. Анатолю, нами уже приведенныя по мѣстамъ прежде.

Епископъ Рижскомъ (сконч. 23-го Февраля, 1882 г.)⁴. Объ этомъ святителѣ авторъ свидѣтельствуемъ главнѣйшимъ, и почти исключительнымъ, образомъ, какъ о бывшемъ, по выраженію его, великомъ и достославномъ дѣятелѣ на поприщѣ ректорскаго служенія его въ Кіевской Академіи, какъ до преобразования Академіи, такъ и по введеніи послѣдняго, въ продолженіи цѣлыхъ семнадцати лѣтъ (1860—77 г.). Такъ какъ преобразование Кіевской Академіи, какъ-разъ, совпало со временемъ юбилея прежняго ея существованія и должно было совершиться на самомъ половинномъ рубежѣ ректорства Филарета (въ 1869 г.), то авторъ брошюры сгруппировалъ и изобразилъ все это въ слѣдующей картинѣ, выставя на первомъ планѣ личность и состояніе главнаго дѣятеля—Ректора Филарета.

„Съ юбилеемъ этого, любимаго и чтимаго всею Россіею, древняго вѣковаго разсадника просвѣщенія—Кіевской дух. Академіи, кончилась прежняя академическая, созданная по проэку геніальнаго Сперанскаго и его талантливыхъ сотрудниковъ, жизнь, продолжавшаяся правильнымъ истиннымъ путемъ своимъ *цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ*. Затѣмъ, началось перестройство этой жизни по новому масштабу... Филарету привелось заводить новые академическіе порядки,—тѣ порядки, кои теперь же, *едва дотянувши до десятилѣтія*, уже признаны несостоятельными... Впрочемъ, свѣтлому уму Филарета они казались таковыми *и раньше*... но—*volens-nolens* онъ долженъ былъ разрушать прежнее старое, глубоко обдуманное и твердо положенное на своемъ основаніи, и вводить вмѣсто его *новое—не надежное*. Можно представить себѣ, сколько нравственной *борьбы* пришлось здѣсь вынести Филарету, и не здѣсь только, но начиная еще со времени его личнаго участія въ работахъ Петербургскаго Комитета по преобразованію духов. семинарій, направленному тоже къ разрушенію стараго,—того участія, которое когда-нибудь будетъ же признано и оцѣнено, бывъ отвергаемо почти во всемъ, что исходило изъ личныхъ твердыхъ убѣжденій участвовавшаго и,

какъ извѣстно, испытывающаго при этомъ и за это много душевныхъ тревогъ и огорченій“ (1).

Во всемъ содержаніи и значеніи приведенныхъ словъ для кого не очевидно самое ближайшее сходство и предмета дѣлъ и самаго состоянія и настроенія дѣятелей—преосв. Антонія и бывшаго Ректора Филарета. Для полноты этого сходства нужно еще только припомнить о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими этими лицами. Читатели уже знаютъ, что описанный авторомъ дѣятель—Филаретъ былъ воспитанникъ самого преосв. Антонія при его ректорствѣ въ Кіевской Академіи, и принявъ отъ его руки постриженіе въ пору именно той самой академической жизни и господствующихъ порядковъ, которымъ этотъ самый Филаретъ, ставши Ректоромъ, отдавалъ такое, несравнимое почти, преимущество предъ всѣми новыми порядками, которые, хотя и насильственно для себя, долженъ же былъ вводить.—Съ другой стороны—такъ какъ этотъ же Филаретъ и въ дѣлѣ преобразованія духовныхъ семинарій показалъ и доказалъ всю свою энергичность и открытую стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ, не согласовавшихся съ общимъ проэктомъ, направленнымъ къ возможно большому устраниенію прежнихъ началъ и порядковъ и въ духовныхъ семинаріяхъ, то, и помимо сказанныхъ личныхъ и вообще мѣстно-Кіевскихъ акаде-

(1) Смотр. въ указанной брошюрѣ стр. 26—27.—Когда покойный Филаретъ былъ Членомъ Петербургскаго Комитета (по преобразованію дух. семинарій, тогда же ходила не глухая молва, что личные его мнѣнія, въ большинствѣ, на столько были оставляемы безъ вниманія, что, когда при отбираніи голосовъ, доходила до него очередь, то напередъ, иногда и въ слухъ, высказывалось, что онъ-де «съ своимъ особымъ мнѣніемъ». На вопросъ мой лично обращенный къ нему, въ бытность мою въ Петербургѣ въ Августѣ 1866 г.: на сколько справедлива сказанная молва.—онъ, едва сдерживая, явно развившуюся уже въ немъ, болѣзненную раздражительность, вмѣсто отвѣта, хотѣлъ видимо погулыбнуть, но вышло иное, что-то конвульсивное, раздражительное, подъ явно гнетущимъ его душу влияніемъ дѣйствительно бывшаго съ нимъ, о чемъ ему напоминалось.—Объ этой раздражительности не мало говорится и въ брошюрѣ.

мическихъ отношеній между Филаретомъ и Антоніемъ, нужно ли требовать еще большаго сближенія для сопоставленія степени значенія нравственной борьбы въ личномъ положеніи того и другаго. Потому-то преосв. Антоній, когда только получалъ свѣдѣнія, какъ обращались къ Филарету въ Комитетѣ съ извѣстными двусмысленными выраженіями— „онъ-де съ своимъ особымъ мнѣніемъ“—то особенно сочувствовалъ ему за его стойкость, и говаривалъ: „вотъ это-то и есть живое доказательство,—какихъ желали *тамъ* подобрать Членовъ Комитета.— Не такихъ ли именно, которые готовы были бы выплясывать только подъ извѣстнымъ образомъ настроенную дудку... Иначе, вонъ какъ поступаютъ безцеремонно... прямо подвергаютъ открытому ostrакизму!! Спасибо о. Филарету, что онъ выдержалъ себя чисто *аристидовски*. Для меня, впрочемъ, это не диво: я и за-очно испыталъ много подобнаго же, и чуть ли, въ иныхъ случаяхъ, не по-грустнѣе Филаретовскаго положенія... Конечно, прискорбно все это и по-человѣчески, но тѣмъ паче тяжело на душѣ, когда тамъ, въ ряду прочихъ, засѣдаютъ и присутствуютъ тѣ, для коихъ, по преимуществу, *всякаго пріятія достойно* слово свято-апостольское: „*аще бо быхъ челоувкомъ угождалъ, не быхъ убо былъ рабъ Христовъ*“.

Да послужатъ же эти данныя въ разрѣшеніе тѣхъ недоумѣній, какія имѣли нѣкоторые прежде и, можетъ стать, раздѣляютъ и теперь касательно характера и образа дѣйствій преосв. Антонія, по поводу вводившагося преобразования въ духовныхъ академіяхъ, стоившихъ для него, дѣйствительно, и нравственной и официально-служебной борьбы, и сильныхъ тревогъ, скорбей, и даже опасеній...

Какъ и въ чемъ, и насколько выражались и оправдывались такой характеръ и образъ дѣйствій преосв. Антонія въ разсматриваемомъ дѣлѣ, читатели увидятъ изъ самыхъ фактовъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ГЛАВА XI.

Для краткаго предварительнаго ознакомленія читающихъ съ тою именно фактическою стороною, гдѣ приводилось преосв. Антонію испытывать внутреннюю борьбу и безпокойства по поводу того, что онъ писалъ относительно излагаемаго предмета—нововведеннаго преобразования духовныхъ академій, мы представимъ здѣсь, какъ есть съ природы, два слѣдующихъ случая.

Подъ вліяніемъ какой-то особенной тревожности и нетерпѣливости въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ и, вслѣдствіе этого, при особенной спѣшности дѣла, преосв. Антоній далъ мнѣ для переписки нѣсколько листовъ своего собственноручнаго, въ нѣкоторой степени, секретнаго изложенія, съ тѣмъ, чтобы возможно ускорить самую перепискою по тому, между прочимъ, случаю, что онъ собирался на другой день выѣхать для обозрѣнія нѣсколькихъ ближайшихъ приходскихъ церквей. При предварительномъ еще прочитываніи данной рукописи, у меня, какъ говорится, рѣзало глаза многое, что выходило за предѣлы умѣренности и въ изложеніи дѣла и еще болѣе—въ самыхъ выраженіяхъ,—и что я тогда же выяснилъ самъ себѣ спѣшностію писавшаго. Не смотря на это, я все-таки исполнилъ желаніе преосв. Антонія, чтобы его, по крайней мѣрѣ, этимъ успокоить, а этимъ успокоеніемъ воспользоваться, высказать, что нужно, въ тонѣ и смыслѣ какъ бы своихъ только недоумѣній касательно нѣкоторыхъ пунктовъ въ содержаніи рукописи.—Но не тутъ-то было.—Прочитавши наскоро мною написанное и тотчасъ же подписавши, Владыка съ особенною настоятельностью поручилъ мнѣ же,—запечатать пакетъ его особою настольною

печатью и надпись на пакетъ сдѣлать,—уже у себя въ комнатѣ, такъ чтобы письмоводителю отдать только для немедленной же отправки на почту. Правда, я пытался было при этомъ какъ нибудь отклонить его отъ этой, по крайней мѣрѣ, спѣшности, разсчитывая на то, что авось и самъ пообдумается, или, по крайней мѣрѣ, по возвращеніи его изъ поѣздки, удобнѣе будетъ и мнѣ навести его вниманіе, на что нужно; но попытка была напрасна... Подивившись не мало такой, рѣдко бывавшей, настроенности Владыки и, на свободѣ, снова прочитавши съ особеннымъ вниманіемъ переписанное мною, я еще болѣе убѣдился въ неложности своего пониманія и, потому, рѣшился поступить такъ: запечатавъ пакетъ и сдѣлавъ надпись, я, будто бы по неосторожности и поспѣшности, вмѣсто песочницы, взявъ чернильницу и облилъ пакетъ. Но какъ тутъ же оказалось, что я слишкомъ много вылилъ чернилъ, такъ что онѣ протекли и на другую сторону пакета и даже внутрь его, сквозь неплотно приклеившіяся на немъ складки, то, сказать по правдѣ, эта послѣдняя, вовсе не преднамѣренная уже, случайность, какъ говорится, не мало меня озадачила. Вышло, очевидно, такъ, что если бы я и желалъ оставить безъ исполненія, придуманный мною для неотсылки бумаги, поступокъ, замѣнивъ пакетъ, облитый чернилами, другимъ,—но уже это сдѣлалось для меня самого невозможнымъ по той причинѣ, что чернилами запачкана была часть и самой рукописи. Впрочемъ, признавши это обстоятельство, по какому-то чутью, предзнаменованіемъ чего-то добраго, я успокоился, оставивъ пакетъ въ неприкосновенномъ видѣ до возвращенія Владыки. Судя по вышесказанной нетерпѣливости и настойчивости Владыки относительно непремѣнной отправки пакета, я уже предвидѣлъ, что, при первой же встрѣчѣ съ нимъ, я получу самый первый вопросъ о пакетѣ. Но мое предвидѣніе осуществилось еще въ большей мѣрѣ... Только лишь успѣлъ переступить изъ дорожнаго экипажа на крыльцо и въ швейцарскую, Владыка уже распорядился: „если не въ Семинаріи о. С.,—то пригласить его сію же минуту ко мнѣ“. Я былъ дома, явился... и чтожь?!—Въ самый

моментъ благословенія меня, Владыка уже произносилъ слова: „а что?! отправилъ ты тотъ пакетъ, который, помнишь?!“. И тутъ-то не самый вопросъ, а именно самый тонъ произношенія его сразу даль понять мнѣ что-то особенное, именно представлявшееся мнѣ еще прежде по чутью, какъ предзнаменованіе чего-то добраго... Ободряемый уже этимъ и желая еще большаго выясненія значенія вопроса, я какъ бы инстинктивно вдругъ замѣнилъ прежнюю мысль другою—противоположною. „Такъ точно—отправилъ, хотя и не въ тотъ же день“... былъ мой отвѣтъ, сказанный въ тонѣ, какъ бы, особеннаго успокоенія прежняго нетерпѣнія Владыки. „Эхма! проговорилъ онъ съ глубокою озабоченностію; усердіе-то не въ пору... Я помню, что, вѣдь, ты же самъ намекалъ мнѣ что-то, возбудившее въ тебѣ недоумѣніе при перепискѣ моей бумаги; но я-то, при спѣшныхъ своихъ сборахъ, какъ-то не вникнулъ въ твои тогдашнія слова... А вотъ въ дорогѣ нѣсколько разъ обдумывалъ я написанное мною и пришелъ рѣшительно къ убѣжденію, что тамъ есть нѣчто такое, что, дѣйствительно, нужно бы измѣнить... Право же досадно и прискорбно, что такъ случилось... Если ты, говоришь, послалъ не въ тотъ же день,—то когда же именно?“... я нарочно уменьшилъ число дней и присовокупилъ: „что же?—если угодно и крайне необходимо, чтобы пакетъ не дошелъ по назначенію, то можно послать телеграмму въ Петербургскій почтамтъ, чтобы не доставлять, а возвратить... сюда же“.—„Ахъ, въ самомъ дѣлѣ,—сію же минуту напиши и отправь телеграмму“.—Но вмѣсто послышки телеграммы, я тотчасъ же принесъ, остававшійся у меня залитый чернилами, пакетъ... и тутъ-то все дѣло объяснилось и кончилось тѣмъ, что преосв. Антоній нѣсколько разъ повторилъ,—какъ онъ былъ озабоченъ содержаніемъ написаннаго, опасаясь, главнымъ образомъ, за то, что это могло быть понято *тамъ иначе* и могло повредить успѣху самаго дѣла.—Исправивши въ прежней рукописи, что и какъ было имъ вновь соображено, преосв. Антоній перекрестившись сказалъ: „ну теперь въ добрый часъ переписывай, *ничто же сумняся*... Если взглянуть *тамъ* и не ладно собственно на

меня,—это не бѣда..., за-то самое дѣло теперь во всей полнотѣ, прямоѣ и ясности... *чтой да разумѣть!*“.

Но вотъ другой фактъ, гдѣ, наоборотъ, преосв. Антоній былъ вполне увѣренъ въ прямоѣ и ясности дѣла, но получилъ въ результатѣ совершенно иное. Этотъ фактъ былъ отчасти извѣстенъ мнѣ въ свое время, но, въ полнотѣ и подробности, имѣлъ случай знать его N N., который живо вспомнулъ его при нашемъ разговорѣ уже по кончинѣ преосв. Антонія. Сообщаю фактъ во всей буквальной точности, какъ рассказанъ былъ онъ мнѣ моимъ высокопоставленнымъ собесѣдникомъ, глубоко почтавшимъ самого преосв. Антонія.

„Пріѣхаль я разъ къ преосв. Антонію по дѣламъ Братства св. Гурія. Онъ прочиталъ мнѣ представленіе свое въ св. Синодъ и спросилъ,—какое мое мнѣніе объ его представленіи. Написана была бумага болѣе, чѣмъ рѣзко. Я спросилъ Преосвященнаго: а Вы, Ваше Высокопреосвященство, уже отправили эту бумагу?—Да, отправилъ,—былъ отвѣтъ. Тогда я перемѣнилъ тему разговора и сталъ было передавать о дѣлѣ, по которому я пріѣхаль; но Преосвященный остановилъ меня и сказалъ: „А что же Вы не говорите своего мнѣнія о моемъ представленіи?“—Да, вѣдь, Вы ужъ послали, Преосвященнѣйшій Владыка, что же говорить?—„Нѣтъ, пожалуйста, я прошу Васъ, скажите прямо откровенно“.—„Ну, если желаете, Преосвященнѣйшій, я долженъ Вамъ сказать, что Ваша бумага написана болѣе, чѣмъ рѣзко, и что за такую бумагу нашъ братъ получилъ бы порядочный пагоняй“. — „Ну, мнѣ не дадутъ,—я монахъ“. — „Нѣтъ, Ваше Высокопреосвященство,—въ этомъ дѣлѣ Вы—не монахъ. а такой же администраторъ, какъ я; и я полагаю, что и Вамъ эта бумага даромъ не пройдетъ“.—„Не думаю“.—возразилъ Преосвященный.

„Прошло послѣ этого очень довольно времени, продолжалъ N.N., и я почти забылъ про этотъ случай. Разъ пріѣхаль я опять къ Преосвященному, и онъ съ первыхъ же словъ началъ говорить: „Помните, я читалъ Вамъ бумагу мою въ св. Синодъ... Ваши слова оправдались... Посмотрите-ка, что я получилъ“... И онъ по-

казаль мнѣ коротенькое изложеніе, въ которомъ ему былъ указанъ, между прочими, одинъ пунктъ каноническихъ постановленій, но такой пунктъ, который грозилъ весьма великимъ наказаніемъ Епископу... Преосв. Антоній при этомъ былъ очень взволнованъ... „А Вы посмотрите-ка, сказаль, между прочимъ, преосв. Антоній, кто подписалъ эту бумагу... Оберъ-Секретарь и еще какой-то N.N. изъ штаба синодско-канцелярскаго—и только... Потому-то не столько вызываетъ вниманія здѣсь перечень цитатъ изъ каноническихъ правилъ, сколько то, что въ значеніи высшаго церковно-правительственнаго авторитета приподносятъ ихъ прямо въ лицо православному Архіерею сказанныя лица“... „Охма!.. говариваль при другихъ подобныхъ случаяхъ преосв. Антоній, если подобное было и бываетъ доселѣ, то чего оставалось бы ожидать, коль скоро бы могла состояться пресловутая церковно-судебная реформа?! При осуществленіи послѣдней, пожалуй, стали бы самимъ Архіереямъ чрезъ судебныхъ приставовъ присылать открытыя повѣстки съ обозначеніемъ въ нихъ пунктовъ дѣла и выпискою не цитатъ только, а полнаго содержанія изъ каноническихъ и новосоставленныхъ судебныхъ законоположеній... и, въ формѣ реэстровъ, подлежащихъ обсужденію дѣлъ, вывѣшивали бы афишки на самомъ крыльцѣ духовно-судебнаго мѣста“...

Въ изложенныхъ сейчасъ фактахъ мы не показали, по извѣстнымъ намъ причинамъ, самаго содержанія бумагъ, представленныхъ преосв. Антоніемъ высшему Начальству; но главный предметъ дѣла понятенъ и безъ особыхъ прямыхъ указаній. Преосв. Антоній, избравшій въ своей мѣрѣ специальною темою и задачею слѣдить за всѣми фазисами новаго академическаго status quo, естественнѣе всего, выражалъ и письменно и словесно именно все то, что усматривалось, признавалось и даже чувствовалось имъ въ этомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе, не соотвѣтствовавшимъ прямому истинному значенію и благу академій, и что, дѣйствительно, не замедлило уже оправдываться нѣкоторыми фактами, явно обнаруживавшими несостоятельность новаго академическаго Устава. Но такъ какъ всѣ подобныя явленія всего ближе видѣлись и чув-

ствовали преосв. Антоніемъ по отношенію къ здѣшней Академіи, то все, и общее въ новомъ академическомъ status quo, прямо или косвенно переносилось и прилагалось имъ къ здѣшней Академіи и не по личнымъ только его взглядамъ и убѣжденіямъ, — но почти обсуждалось имъ конфиденціально съ лицами академической же корпорации, или въ отдѣльности, или сообща, при свиданіи. При этомъ у преосв. Антонія были свои особенныя обычныя манеры, — при указаніи на факты общіе, прилагать значеніе ихъ, какъ бы, къ личному состоянію самихъ слушающихъ и соразсуждающихъ. Эти манеры состояли въ такихъ напр. выраженіяхъ: „да, вотъ что теперь у васъ въ академіяхъ... чего ожидать отъ такихъ *вашихъ* академическихъ порядковъ?! а у васъ въ *вашихъ* журналахъ только и видятся нескончаемыя вереницы справокъ, да справокъ, набираемыхъ изъ этого какого-то лабиринта“, и т. п. Бывало же и такъ, что преосв. Антоній прямо высказывался: „впрочемъ, дѣйствуйте вы, какъ знаете. по параграфамъ *вашихъ* справокъ, а я не согласенъ и буду писать, куда нужно, свое, и при этомъ напередъ передавалъ почти все содержаніе, предполагавшихся имъ, подобныхъ отписей и этимъ самымъ тутъ же, какъ бы, предлагалъ ихъ на предварительное общее соразсужденіе pro или contra (1). Такъ же точно дѣйствовалъ преосв. Антоній даже въ присутствіи другихъ, извѣстныхъ ему положительною благонамѣренностію, сочувственностію и компетентностію, лицъ, чему примѣръ въ приведенномъ выше фактѣ.

Правда, сейчасъ указанный образъ дѣйствій и самыхъ манеръ преосв. Антонія не могъ иногда, какъ говорится, не щекотить, хотя бы то подъ первыми минутными впечатлѣніями, чувствъ личнаго достоинства тѣхъ, кого, главнѣе всего, касалось дѣло. Но то несомнѣнно, что установившаяся внутренняя нравственная связь и

(1) Въ подобныхъ случаяхъ преосв. Антоній, иногда, хотя ясно видѣлъ большее или меньшее contra, тѣмъ не менѣе давалъ отъ себя предложеніе, отнюдь не насилуя этимъ образа разсужденій акад. Совѣта. и самъ не стѣсняясь несогласіемъ, а пользуясь этою процедурою, чтобы представить отъ себя свое мнѣніе, куда слѣдовало.

глубоко вѣдренныя отношенія между преосв. Антоніемъ и Академіею изгоняли изъ души всякаго и самую тѣнь, хотя бы набѣгавшихъ минутно, впечатлѣній. Сказать должно больше: указываемыя манеры преосв. Антонія, вмѣсто какой либо щекотливости, возбуждали и вызывали въ каждомъ еще большую только соучастливость въ его разсужденіяхъ въ силу самой неприкровенности взглядовъ его на дѣло и къ большому разъясненію, тѣхъ или иныхъ, вопросовъ, составлявшихъ, несомнѣнно, общій интересъ. Съ своей же стороны, преосв. Антоній находилъ и почерпалъ здѣсь успокоеніе и опору въ томъ отношеніи, что если *тамъ вверху* и смотрѣли на его взгляды и убѣжденія иногда очень неблаговольтельно, за-то здѣсь непосредственно принимались и понимались эти самыя взгляды съ безлестнымъ сочувствіемъ и живымъ, въ чемъ нужно, участіемъ,—чего собственно преосв. Антонію и желалось и что,—можно ожидать напередъ,—почти всегда оправдывалось на самомъ дѣлѣ, исключая только двухъ единственныхъ случаевъ, которые читатели увидятъ въ своемъ мѣстѣ въ фактахъ даже официально-документальныхъ.—Наконецъ, въ подобныхъ дѣйствіяхъ преосв. Антонія нужно отмѣтить еще ту черту, или, какъ бы, своего рода обычную у него манеру,—что онъ не выступалъ, какъ инымъ, между тѣмъ, казалось, проэктосоставителемъ, какъ теоретикъ только, или идеалистъ;—напротивъ, характеръ подобныхъ начинаній его и всѣхъ взглядовъ и сужденій, замѣчательно, отличался тѣмъ, что все выходило у него, по преимуществу, изъ наблюдений, соображеній и самыхъ приложеній практическихъ со всѣхъ, доступныхъ для него и соответственныхъ дѣлу и цѣли, сторонъ. По этому, самыя даже официально-документальныя факты не могутъ быть разсматриваемы, какъ взятые только на выдержку, и какъ исключительно относящіяся къ области академическаго status quo, но въ обстановкѣ разнообразныхъ явленій, какія, естественно, и практически входили въ общую сферу дѣятельности самого преосв. Антонія, какъ духовно-церковнаго администратора и какъ мѣстнаго Архипастыря въ отношеніи къ епархіи и общественной жизни своей паствы.

Отсюда-то и выходило, что когда преосв. Антоній брался разсуждать объ особенно затрогивавшихъ его вопросахъ, то онъ не могъ, какъ бы, удержаться, чтобы не провести дѣло, какъ говорится, отъ крышки до крышки, перебрать и раскрыть все по косточкамъ, по жилочкамъ съ разнообразныхъ сторонъ. Случалось, что онъ высказывалъ, подъ часъ, какъ бы, почти одно и тоже и известное уже слышавшимъ, но у него тутъ же выходили новыя самыя мѣткія указанія на какія либо иныя стороны и явленія, имѣвшія, преимущественно, практическое значеніе, и, потому, невольно вызывавшія и останавливавшія серьезное вниманіе и къ его разсужденіямъ и къ самому предмету. Положимъ, выражалось здѣсь иногда нѣчто своеобразное и даже, какъ бы, не во всемъ устойчивое, за-то онъ самъ первый же готовъ былъ выслушивать всѣ резонныя противъ этого указанія.

Такъ, если мы поставимъ здѣсь на первомъ планѣ вопросъ о введенныхъ въ академіяхъ, по новому преобразованію, такъ называемыхъ, факультетахъ или отдѣленіяхъ, — подъ названіями: а) Богословскаго, б) церковно-историческаго и в) церковно-практическаго, — то одинъ этотъ вопросъ, начиная съ того, что преосв. Антоній, по поводу его, выступалъ, съ своей стороны, съ самыми можно сказать, крупными энергичными протестами, былъ для него, по выраженію его, какъ бѣльмо на глазу. Когда же вопросъ этотъ перешелъ уже въ самую дѣйствительность, преосв. Антоній готовъ былъ не давать, такъ сказать, никому проходу, чтобы не высказаться объ этомъ нововведеніи, указывая на многія, дѣйствительно обнаружившіяся и имъ въ особенности строго замѣчавшіяся и прилагавшіяся глубоко къ сердцу, разныя несообразности.

Помнящимъ изъ читателей излишне напоминать, на сколько раньше самаго введенія факультетовъ въ академіяхъ преосв. Антоній высказывалъ уже свои убѣжденія въ ихъ несообразности и въ прямомъ нарушеніи самаго значенія высшаго академическаго образованія. По поводу еще исторической записки, читанной на празднованіи 25-тилѣтія Казанской дух. Академіи въ 1867 г., —

преосв. Антоній говорилъ тогдашнему Ректору (Иннокентію): „Если это было доселѣ такъ,—то что впереди, когда по новому, готовимому теперь цѣлымъ сонмомъ „свѣдущихъ“ людей, Уставу академій студенты будутъ поступать, яко бы по особому призванію, на разные факультеты?! Не нужно быть и пророкомъ, чтобы сказать, что не только не будетъ въ средѣ ихъ монаховъ, но даже и богослововъ въ значеніи лицъ, получившихъ полное богословское образованіе!!“. На чемъ именно обосновывалъ и какъ мотивировалъ въ указанную пору преосв. Антоній эти свои убѣжденія и сужденія,—мы не въ состояніи представить здѣсь всѣхъ данныхъ въ подлинности; за то нижеслѣдующій фактъ покажетъ достаточно, что преосв. Антоній былъ въ своемъ родѣ, какъ бы, пророкомъ въ разсматриваемомъ отношеніи.

Если не по прямымъ существующимъ законоположеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, то по самому почти общепринятому порядку, законоучителями въ среднихъ учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ—гимназіяхъ и т. п. опредѣляются духовныя лица, по преимуществу, изъ получившихъ высшее академическое образованіе. Въ одной изъ трехъ Казанскихъ гимназій открылась вакансія законоучителя, на которую Дирекція заранѣе избрала, съ своей стороны, и представила на утвержденіе Попечителя Округа своего кандидата—священника М., не получившаго академическаго образованія, за-то зарекомендовавшаго себя вполне достойно на должности законоучителя въ Прогимназіи. Со стороны же епархіальнаго Вѣдомства имѣлся тоже на готовѣ прямой кандидатъ священникъ М. съ ученою академическою степенью Магистра Богословія. Когда послѣдовало отношеніе отъ г. Попечителя Округа къ преосв. Антонію о первомъ, избранномъ и представленномъ Дирекціею Гимназіи, кандидатѣ, то епархіальное Начальство, съ своей стороны, положило опредѣлить на должность законоучителя своего сказаннаго кандидата-Магистра. По этому предмету возникла между двумя начальствами,—свѣтскимъ и духовнымъ,—переписка, выразившаяся въ одинаковой съ обѣихъ сторонъ настоятельности. Исходъ этой

переписки оказался, однако, такой, что епархіальнымъ Начальствомъ былъ утвержденъ первый кандидатъ, имѣвшій только степень Студента Семинаріи, а не второй—академистъ, съ ученою степенью Магистра.

Фактъ этотъ, какъ понятно само собою, прежде всего задѣлъ, такъ сказать, авторитетъ епархіальной Власти, не могшій устоять на своемъ предрѣшеніи въ пользу своего кандидата, имѣвшаго явное преимущество; но, съ другой стороны, собственно для преосв. Антонія онъ послужилъ новымъ сильнѣйшимъ толчкомъ и открытымъ вызовомъ къ окончательнѣйшему убѣжденію въ явнѣйшей несообразности характера и значенія академическаго образованія съ нововведенными нынѣшними факультетами.—По этому именно поводу намъ самимъ приводилось лично слышать такія сужденія преосв. Антонія: „Да, при нынѣшнемъ-то академическомъ образованіи, со временемъ, академисты, оканчивающіе курсъ по разнымъ факультетамъ, минуя Богоеловскаго, будутъ не только не больше знать Богословскіе предметы, сравнительно съ лучшими семинаристами, поступающими во священники, а, пожалуй, еще плоше послѣднихъ... Истинное спасибо г. Попечителю и Дирекціи гимназической, что такъ справедливо разсудили относительно выбора кандидата на должность законоучителя изъ лицъ, хотя съ семинарскимъ образованіемъ, но уже зарекомендовавшаго себя по прежней службѣ въ Прогимназіи. Пусть хотя и изъ чужаго лагеря, да все-таки узнается и здѣсь и откроется и *тамъ*, предъ кѣмъ должно, вся *несуразность*, въ которую поставили и дѣло академическаго образованія и получающихъ его, и насъ—Архіереевъ. По моему, Начальство мѣстнаго Учебнаго Округа весьма хорошо поступило бы, когда бы, по поводу бывшаго дѣла, вошло въ Министерство съ особымъ вопросомъ, — чѣмъ и какъ на будущее время руководиться въ дѣлѣ выборовъ законоучителей въ гимназіи изъ священниковъ академическаго и семинарскаго образованія?! Что же относится собственно ко мнѣ, говорилъ, то я вижу, что приведется, послѣ этого, кончившихъ курсъ въ Академіи, но не по Богословскому собственно отдѣленію, и

желающихъ поступить во священники, подвергать особому испытанію, подобно какъ и семинаристовъ, кончившихъ курсъ во второмъ разрядѣ. Дѣло естественное и понятное, что проучившійся *четыре года* въ Академіи и не слышавшій во все это время ничего изъ Богословій—Догматическаго, Нравственнаго и другихъ Богословскихъ наукъ, будетъ выходить изъ Академіи съ познаніями по этимъ наукамъ только съ тѣми, какія приобрѣлъ онъ еще въ бытность въ Семинаріи, которыя, при томъ, на половину могли у него выйдти изъ головы“.— „Далѣе,—что замѣчательно, а всего болѣе грустно,—вѣдь, если, на какое отдѣленіе, то именно на Богословское, число поступающихъ студентовъ оказывается постоянно, сравнительно, самое меньшее (1). Бывали примѣры, что сдававшихъ послѣдній магистерскій экзаменъ оказывалось по три, по два и по одному воспитаннику. Невольно спрашивается: *что ся вамъ, кому бы то ни было, мнитъ* при подобныхъ явленіяхъ?! Не есть ли это нѣкое, но явственное вѣяніе духа времени *дышущаго*, положимъ, *идтиже хочетъ*... но всего менѣе, кажется, долженствовавшаго бы проникать въ духовныя академіи, какъ, по самому понятію о нихъ, заведенія закрытыя (2). А при этомъ невольно молвишь и то, что въ самой средѣ-то профессоровъ число принимающихъ священный санъ не вращается ли на единицу, какъ напр. въ здѣш-

(1) Въ ту пору, дѣйствительно, было такъ,—доходило до минимума... но въ 1882 г. въ Казанской дух. Академіи изъ вновь поступившихъ студентовъ записались на Богословское отдѣленіе изъ числа 52-хъ 21.—За то, успѣвшія обратить свое вниманіе на этотъ фактъ, разныя газеты, въ какомъ-то двусмысленномъ значеніи и тонѣ, выразились такъ: «Ужъ не считать ли это *знаменіемъ времени*?!»—(Смотр. «Волжско-Камское Слово» и другія, перепечатавшія это газеты).

(2) Въ разныя извѣстіяхъ, въ томъ числѣ и въ Церковн. Вѣстникѣ, сообщено, что новый высокопр. Митроп. Московскій Іоанникій въ своей рѣчи, сказанной въ актовомъ залѣ Москов. дух. Академіи 26 Сент. 1882 г., между прочимъ, выразился такъ: «увеличеніе числа студентовъ Академіи есть явленіе отрадное; но въ то же время *весьма прискорбно* то, что многіе уклоняются отъ прямого служенія Церкви».

ней Академіи, не включая самого Ректора, какъ уже по Уставу неизмѣнно требующагося въ санѣ священномъ.— Между тѣмъ, что гласить самый первый параграфъ Устава о значеніи и прямомъ назначеніи духовныхъ академій въ этомъ именно отношеніи?!“ (1). На то, обыкновенное по этому предмету, возраженіе, — что нѣтъ ущерба для успѣха преподаванія, если преподающій съ возможною полнотою обладаетъ знаніемъ своего Богословскаго предмета, хотя бы онъ не имѣлъ сана священнаго, — преосв. Антоній обыкновенно отвѣчалъ вопросами такого рода: „Скажите мнѣ, пожалуйста, — одно ли и тоже для успѣха преподаванія и для успѣховъ самихъ учащихся напр. въ военныхъ заведеніяхъ, если бы преподаватели были изъ простыхъ свѣтскихъ лицъ — сюртучниковъ, а не изъ военныхъ, прошедшихъ всю дисциплину и тактику воинскую на практикѣ и даже изъ участвовавшихъ въ походахъ и, можетъ быть, въ жаркихъ бояхъ?!. Не самый ли здѣсь мундиръ, его сабля и шпоры, всѣ движенія и приемы, начиная хотя бы съ крученія усовъ, — словомъ все, что можетъ свидѣтельствовать и олицетворять, такъ сказать, самое значеніе того или иного дѣйствія, или пункта, излагаемаго въ наукѣ, въ теоріи, — все это на сколько придаетъ силы успѣха и въ преподаваніи и изученіи предмета... — чтобы послѣдній не входилъ только въ мозги въ теоретическомъ познаваніи, но проникалъ въ плоть и кровь, въ кости и жилы и возбуждалъ воинскій духъ въ своихъ адептахъ, такъ чтобы и самую аудиторію школьную преобразовывалъ, какъ бы, въ лагерь и въ поле битвы?!“.

„Помню какъ теперь, — говорилъ однажды преосв. Антоній, что въ Крымскую войну поступали въ ополченіе лица свѣтскія и въ большихъ чинахъ, напр. въ чинѣ статскаго совѣтника; но ихъ принимали и назначали почти только въ офицеры и даже субалтерны, тогда какъ

(1) Въ 1-мъ § Устава сказано: «Православная духовная Академія есть высшее духовное учебное установленіе, имѣющее цѣлю доставлять высшее Богословское образованіе въ духѣ Православія для просвѣщеннаго служенія Церкви, и готовить преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній.

изъ военныхъ отставныхъ, и не въ большихъ чинахъ, ставили прямо въ командиры значительныхъ отрядовъ дружинныхъ. Посудите же послѣ этого и о вашемъ возраженіи, что будто все равно,—преподаютъ ли Богословскій предметъ или церковно-практическій простой свѣтскій человѣкъ, или священникъ! Конечно здѣсь главное не въ рясахъ только и ризѣ,—хотя и въ этомъ заключается несомнѣннѣйшая доля своего значенія, а въ личномъ состояніи носящаго ихъ и въ значеніи самаго сана и прямо въ непосредственномъ отношеніи къ самому предмету преподаваемой науки—Богословской или церковно-практической.—Завтра напр. у преподавателя-священника имѣетъ быть лекція о Тайнствѣ Божественной Евхаристіи. Преподаватель-священникъ отправляется на лекцію, какъ разъ, послѣ совершенія этого Богоспасительнаго Тайнства... Понятно, съ какимъ настроеніемъ, съ какимъ воспріятіемъ благодатнаго духа и силы вступить онъ на кафедру, въ какомъ тонѣ послышатся всѣ его выраженія, и какъ онѣ будутъ чувствоваться и восприниматься слушающими, которые тутъ же знаютъ, что преподаватель явился прямо изъ храма отъ Престола Божія... Между тѣмъ, что сказать, и говорить ли о состояніи и обо всемъ прочемъ въ этомъ отношеніи въ лицѣ преподавателя свѣтскаго?! У него, положимъ, завтра же лекція о томъ же Тайнствѣ Богоспасительной Жертвы, а онъ накаунѣ,—не въ личный укоръ сказать,—пробылъ, можетъ статься, или въ театрѣ, или въ собраніи, или за картами“...

„Нѣтъ и нѣтъ,—говорилъ вообще преосв. Антоній, — то ли дѣло было бы, какъ самое *истовое*, когда бы преподаватели, въ большинствѣ, и въ академіяхъ и семинаріяхъ были въ санѣ священномъ, особливо тѣ, которые преподають Богословскіе предметы. А то, право же, выходитъ что-то, похожее на раскольническихъ начетчиковъ, которые, какъ извѣстно мнѣ, являясь напр. на собесѣдованія (бывшія въ здѣшней Семинаріи), съ кипами книгъ совопросническихъ, и видя тутъ лицъ исключительно свѣтскихъ, ведущихъ собесѣдованія, иногда поговариваютъ,—„что-де такой-то толкуетъ изъ Слова

Божія и свято-отеческихъ писаній, когда и самъ онъ не духовный, не попъ,—а такой же видно начетчикъ, какъ и наши, только многоученный...“ А иные тутъ же подтачиваютъ: „что же дивнаго, когда у нихъ и въ духовныхъ-то школахъ учать Слово Божію и церковному такіе же свѣтскіе, да еще чиновники въ мундирахъ, а все не попы и не духовные“.

На эту же тему о раздѣленіи академическаго образованія на спеціальныя отдѣленія, съ которымъ преосв. Антопій отнюдь не могъ примириться до конца жизни,—бывали у него не рѣдкія разсужденія и по отношенію къ избиранію, по баллотировкѣ, кандидатовъ на ректорство въ Семинарію изъ лицъ, не имѣющихъ духовнаго сана, но только съ соотвѣтственною ученою степенью Магистра. Во первыхъ, говорилъ онъ, что за необходимость, чтобы Ректоръ всенепремѣнно былъ Магистръ и даже, какъ сказано, Докторъ. Что за разность своего рода, а, съ другой стороны, гдѣ найти можно столько магистровъ и зачѣмъ обходить лицъ достойныхъ—хотя и со степенью кандидатскою. Послѣ этого и въ Архіерейскій санъ, тѣмъ паче, нужно избирать, по преимуществу, однихъ даже Докторовъ... Въ директорахъ гимназій едва ли не рѣдкость встрѣтить магистровъ... Наконецъ, что за-смыслъ въ томъ законоположеніи, что Ректоръ или Инспекторъ не изъ магистровъ должны титуловаться не болѣе, какъ *Исправляющими должность*... хотя бы они служили многіе десятки лѣтъ... (1). Но главное, по моему, здѣсь то, изъ какого состоянія по спеціальности образованія долженъ, по преимуществу, избираться кандидатъ на ректорство. Представимъ, что избранъ и утвержденъ на ректорство Магистръ, прослужившій при Семинаріи уже долго и себя хорошо зарекомендовавшій и по знанію своего предмета и по преподаванію. Его нужно

(1) По новому Уставу (1884 г.) въ §§ 23 и 38 сказано: «Ректоръ и Инспекторъ назначаются св. Синодомъ по представленію епарх. Преосвященнаго изъ лицъ съ ученою степенью *Магистра* или *Кандидата* безразлично...» Наименованіе «*Исправляющихъ должность*» совершенно отмѣнено даже и въ отношеніи къ прежнимъ подобнымъ служащимъ лицамъ.

сейчасъ во 1-хъ, произвести въ священнической санъ съ званіемъ Протоіерея, во 2-хъ, предоставить право носить магистерскій крестъ,—и, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ 3-хъ, согласно положенію самаго Устава, ему нужно назначить для преподаванія одинъ изъ предметовъ собственно Богословскихъ (1). Но чтожь? Если избранный Магистръ и въ Академіи не слышалъ собственно Богословскихъ наукъ и на послѣднемъ курсѣ избралъ себѣ предметъ для наставничества, Латинскій напр. языкъ, и, дѣйствительно, преподавалъ свой предметъ успѣшно въ теченіи 10—15 и болѣе лѣтъ, погружаясь изо дня въ день въ содержаніе Энеиды, басней Федра, углубляясь въ діалектическія и стилистическія тонкости, или колотя свои и воспитанническія уши скандованіемъ пентаметровъ и пр... и высиживая на этомъ въ недѣлю 16, а при параллельномъ отдѣленіи свыше двадцати уроковъ, да еще прихвативши съ полдесятка уроковъ на сторонѣ по какимъ либо легкимъ программамъ, подобно прогимназическимъ или юнкерско-школьнымъ,—что же, спрашивается, долженъ чувствовать и самъ этотъ кандидатъ на ректорство и особенно *Богословское*-то преподаваніе и на *санъ Протоіерейства*?! Какъ онъ будетъ вступать на кафедру Богословскую?.. Едва ли иначе, какъ, развѣ, „съ книжкою подъ мышкою“, по ней, какъ по *своей лишь псалтирѣ*, въ извѣстномъ смыслѣ этого выраженія,—будетъ пробавляться и самъ-то, какъ бы, только каплями и крупницами, а не то чтобы напитать алчущихъ и жаждущихъ слушающихъ его учениковъ... А тутъ еще, какъ разъ, епархіальное Начальство назначить чередовыя проповѣди, которыя отъ него, какъ главнаго начальника духовнаго заведенія и преподавателя Богословія, очевидно, должны ожидаться лучшія, чуть не образцовыя въ мѣстной средѣ духовенства и общества (2). Вѣдь, не даромъ же, тол-

(1) Въ § 28 Уст. семин. сказано: Ректоръ преподаетъ одинъ изъ Богословскихъ предметовъ, но не обширный по числу уроковъ.

(2) По поводу избранія подобныхъ кандидатовъ преосв. Антоній говорилъ вообще,—отъ чего же ихъ не подчинять бы общему положенію Устава. т. е. чтобы они давали три пробныхъ лекціи по

кую такъ или иначе, а болѣе всего вкось и вкривь, нѣкоторыя положенія своего новаго Устава, эти же самыя академисты-магистры и пр. завоцѣяли и исхлопотали себѣ льготу, освобождающую ихъ отъ обязанности составлять и произносить проповѣди по назначенію епархіальнаго Начальства. И на эту льготу охотно *тамъ* соизволили, какъ будто для того, чтобы въ конецъ разорвать всѣ отношенія лицъ, служащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ, къ дѣлу служенія на пользу Церкви. Между тѣмъ, не по преимуществу ли отличались, бывало, наставники академическіе и семинарскіе въ дѣлѣ проповѣдничества и пользовались за это особенною извѣстностію и почетностію въ средѣ мѣстныхъ обществъ и, въ этомъ самомъ, представляли живое свидѣтельство о достоинствѣ своихъ заведеній, о господствующемъ въ нихъ духѣ, характерѣ и направленіи всего образованія духовнаго Богословскаго... А теперь что?! Кто можетъ закрыть слухъ и глаза отъ тѣхъ укоровъ, которые рѣшительно въ упоръ, прямо въ лицо, сыплются со стороны самого общества относительно нынѣшняго оскудѣнія живой, назидательной церковной проповѣди?! Каково же намъ въ особенности, — архипастырямъ, чувствовать себя при этомъ положеніи дѣла, когда негдѣ взять проповѣдающихъ!.. А, съ другой стороны, когда приводится прочитывать проповѣди иныхъ духовныхъ лицъ академическаго образованія, съ нынѣшнимъ современнымъ ученымъ пошибомъ, то право же за-

тому предмету, какой предлежитъ имъ преподавать при должности ректорской. По поводу же проповѣдей приводилъ дѣйствительный, ему извѣстный, фактъ: Вопъ въ недалекой отъ насъ N. семинари, (о чемъ писалъ мнѣ недавно тамошній Преосвященный), избранъ въ Ректоры Магистръ, преподававшій 17 лѣтъ гражданскую Исторію, и что же? когда онъ сдѣлался по выбору Ректоромъ и Протоіереемъ, то не только не помышлялъ о проповѣдяхъ, но въ своей семинарской церкви не служилъ никогда, да и на богослуженіе не являлся; съ Архіереемъ же служилъ чуть не насильно, и за то и молитвъ не читалъ при сослуженіи, и почти не дѣлалъ и крестнаго знаменія и поклоновъ, и въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ не узналъ наизусть ни одного возгласа, отвѣчая на это такъ: «для чего мнѣ знать эти возгласы.—я не приходскій попъ.., а когда нужно мнѣ бываетъ теперь сказать возгласъ, на это есть книжка».

будешься подь часъ, что читаешь, проповѣдь-ли церковную, или статью, наполненную какимъ-то публицистическимъ содержаніемъ по части разныхъ общественныхъ вопросовъ и самыхъ даже фактовъ въ лицѣ какихъ либо пресловутыхъ дѣятелей... и пересыпанную одними только терминами—„идея, принципъ, гуманность, цивилизація, прогрессъ и т. п.,—а ни текстовъ изъ св. Библии, ни тѣмъ паче святоотеческихъ изреченій, ни языка вообще церковнаго и не ищи, и не спрашивай. Когда встрѣчаешь подобныя проповѣди и въ печати и видишь тамъ хвалебные отзывы, въ большинствѣ въ истертыхъ, впрочемъ, выраженіяхъ такого рода,—что было-де сказано слово... *теплое... прочувствованное...* то, право, тутъ же, при словѣ напр. *теплое*, такъ и просится на мысль изреченіе въ св. Апокалипсисѣ (гл. 8, ст. 16)... “ Въ видахъ поддержанія проповѣдничества въ средѣ воспитанниковъ Академіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ пишутся проповѣди иногда дѣльныя и произносятся даже въ церкви воспитанниками VI класса въ Семинаріи, преосв. Антоній дѣлалъ предложеніе Академическому Совѣту съ просьбою назначать, хотя по одной проповѣди въ годъ, каждому студенту. Академическій Совѣтъ хотя видѣлъ, что на это нѣтъ положеній въ самомъ Уставѣ, но, сознавая потребность и полезность, предложеннаго преосв. Антоніемъ, дѣла, сдѣлалъ отъ себя постановленіе объ обязательномъ для студентовъ сочиненіи одной проповѣди въ годъ. Но какъ оказалось, что не на кого изъ наставниковъ было возложить обязательный трудъ цензуровать эти проповѣди во множествѣ по количеству студентовъ,—то сказанное постановленіе и не могло получить желаемаго выполненія, и студенты, зная это, отнеслись къ возложенному на нихъ обязательству совершенно свободно и, въ большинствѣ, не писали проповѣдей; а, затѣмъ, самый вопросъ объ этомъ закрылся, особенно послѣ кончины преосв. Антонія.

Но, вотъ, сколько извѣстно по слухамъ и газетамъ, о нѣкоторыхъ результатахъ пересмотра существующаго Устава дух. Академій, въ ряду прочихъ новыхъ положеній имѣеть быть такое постановленіе, чтобы составле-

нію проповѣдей студентами было непременно обязательное ⁽¹⁾ и чтобы эти проповѣдническія сочиненія были принимаемы во вниманіе для оцѣнки успѣховъ наравнѣ со всѣми семестровыми сочиненіями, и самая кафедра церковнаго краснорѣчія—Гомилетика, по новому Уставу, будетъ отнесена къ разряду наукъ общеобязательныхъ ⁽²⁾. Относительно же, высказанной преосв. Антоніемъ, характеристики проповѣдей нынѣшняго ученаго пошиба обращено уже вниманіе и сдѣлано высшеначальственное распоряженіе, въ которомъ буквально выражено, что „Свят. Синодъ имѣлъ разсужденіе именно о томъ, что нѣкоторые священники, особенно изъ городскаго и столичнаго духовенства, а также изъ состоящаго при учебныхъ заведеніяхъ, при произношеніи своихъ проповѣдей по случаю разныхъ общественныхъ событій, или по случаю смерти какихъ либо извѣстныхъ дѣятелей, не всегда съ должною сдержанностію и разборчивостію касаются подобныхъ предметовъ... и потому призналъ благовременнымъ и благопотребнымъ поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ—преподать священнослужителямъ должныя наставленія., чтобы, между прочимъ, пастыри не выступали въ своихъ проповѣдяхъ судьями общественныхъ дѣлъ и явленій не по разуму Богопреданнаго ученія, и по мудрованію человѣческому, по духу вѣка сего и проч...“ ⁽³⁾.

Далѣе,—въ связи съ этою же темою о введеніи факультетовъ въ академіяхъ,—вниманіе преосв. Антонія обращало на себя положеніе объ академическихъ ученыхъ степеняхъ. Выходя изъ понятія о значеніи факультетовъ, изъ коихъ, очевидно, одинъ только выдерживаетъ спеціальный характеръ собственно Богословскій, преосв. Ан-

(1) Въ § 123 новаго академич. Устава значится: «Кромѣ прочихъ сочиненій для студентовъ *всѣхъ четырехъ* курсовъ *обязательно составленіе проповѣдей* въ томъ количествѣ, какое определено будетъ Совѣтомъ Академіи».

(2) По § 100-му Гомилетика и Исторія проповѣдничества отнесены къ предметамъ, изучаемымъ всѣми студентами.

(3) Указъ св. Синода отъ 7 Декабря 1883 г.

тоній разсуждалъ: „Ну, вотъ, что сказать и о самыхъ наименованіяхъ нынѣшнихъ ученыхъ академическихъ степеней въ томъ именно отношеніи, что къ нимъ непремѣнно припиливается терминъ „*Богословіе*“, т. е. Кандидатъ, Магистръ, Докторъ „*Богословія*“...—на какомъ основаніи и къ чему это,—развѣ только и собственно для того, чтобы только отличить отъ другихъ лицъ, получающихъ эти степени въ свѣтскихъ заведеніяхъ?! По моему, справедливѣе и лучше было бы давать титулъ ученой степени такой: „Магистръ или Докторъ духовной Академіи по такому-то отдѣленію, или даже частиѣе, по такой-то специальной наукѣ“ (1). Въ свѣтскихъ заведеніяхъ это такъ и есть. Опять же магистры и доктора получаютъ у насъ, по принятіи священства, кресты; докторскій же крестъ въ особенности, и по виду и по образу ношенія, есть чисто принадлежащій духовному сану, и самая надпись на немъ свидѣтельствуетъ объ особенной знаменательности самой учености въ смыслѣ глубокаго духовнаго вѣдѣнія Богословскихъ истинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, учительства въ строгомъ Евангельскомъ религіозно-нравственномъ духѣ. Спрашивается: если бы не слушавшій вовсе Богословскаго курса въ Академіи и состоящій на ученой должности по какому либо частному не-Богословскому предмету и получившій ученую степень Доктора за сочиненіе по наукѣ вовсе не Богословской принялъ санъ священства, то какъ бы полькъ къ нему и самый крестъ?!—Не такъ ли же развѣ, какъ съострилъ, или точнѣе сбалагурилъ во время оно В. И. Аскоченскій; насколько тогда эта острота была неумѣстна, настолько теперь, пожалуй бы, приходилось довольно кстати (2). Въ самомъ дѣлѣ,—шутя, не шутя

(1) Въ новомъ Уставѣ (1884 г.) въ § 141, дѣйствительно, сказано такъ же,—а именно: «Удостоенные докторской степени носятъ наименование Доктора или Богословія, или Церковной Истори, или Каноническаго Права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ, или представленной (специально-научной) диссертации.

(2) Содержаніе этой остроты г. Аскоченскаго извѣстно читателямъ.

сказать — невольно чувствуется и слово молвится: что же если у насъ стануть размножаться именуемые, положимъ, по праву достигнутыхъ ученостію степеней, — „Докторы Богословія“, но будутъ оставаться во фракахъ и мундирахъ и вообще въ родѣ нѣмецкихъ докторовъ-богослововъ, да если эти же доктора Богословія, — не слушавшіе въ Академіи самаго Богословія, и впоследствии мало когда либо раскрывавшіе св. Библію и какіе либо святоотеческія творенія и книги Богословскаго церковнаго содержанія — будутъ принимать и священное званіе, то что же опять выйдетъ изъ самаго характера ихъ учености, хотя бы и высокой и широкой по какой либо своей спеціальности?! Да, впрочемъ, что я говорю, какъ бы, гадательно только, когда, къ удивленію и прискорбію, не только носящіе рясы, но и клобуки, являются соискателями степеней докторскихъ, — но какимъ путемъ, въ какомъ направленіи, духъ и характеръ своихъ ученыхъ трудовъ?! Что сказать напр. о докторантѣ, написавшемъ изслѣдованіе о книгѣ Іова? Пришла же, подумаешь, фантазія блеснуть такою велемудростію и, при томъ, хотя бы своею, а то насквозь заимствованною у нѣмецкихъ докторовъ-богослововъ!!.. Самъ же онъ — докторантъ перечислилъ, какъ извѣстно, въ своемъ предисловіи болѣе десяти нѣмецкихъ авторовъ, которыми онъ пользовался въ своемъ самостоятельномъ, будто бы, изслѣдованіи, а, между тѣмъ, сверхъ десяти-то перечисленныхъ авторовъ, воспользовался какимъ нибудь, уже непоименованнымъ въ ряду прочихъ... Я писалъ ему лично отъ себя, предупреждая всячески... и писалъ особо Митрополиту Арсенію, — что, избави Богъ, пропустить такую новинку диковинную въ нашей духовно-Богословской литературѣ и, тѣмъ паче, допустить автора до соисканія докторской степени при открытой защитѣ... Одно то, что явился бы здѣсь человекъ въ такомъ званіи и въ томъ заведеніи, котораго самъ начальникъ, явился бы какъ на трибунѣ, — одно это, по моему, больно уже не статно; а, съ другой стороны, этотъ самый докторантъ, при очевидномъ его увлеченіи содержаніемъ написаннаго изслѣдованія и при его личномъ характерѣ, сколько и мнѣ из-

вѣстно, горячемъ, раздражительномъ, положимъ, на открытомъ диспутѣ одержалъ бы верхъ и вызвалъ бы, конечно, громъ рукоплесканій во славу такой небывалой эрудиціи, но что выходило бы изъ этого?! Не даромъ и теперь, не смотря на то, что авторъ-соискатель докторства, выражаясь Гоголевски, „не состоявшия оказался“, титулуется уже въ свѣтской печати не иначе, какъ *ученый Епископъ* (1) и, при томъ, не за какую либо, въ самомъ дѣлѣ, ученость, въ прямомъ смыслѣ слова, а собственно за новомодный характеръ и направленіе этой учености въ духѣ и тонѣ чисто западно-протестантскаго критицизма... На такой, преподносимый печатно, титулъ—Епископу—то первому и слѣдовало сдѣлать отвѣдъ, приводя, себѣ самому и титулюющимъ его во свидѣтельство и подобающее назиданіе, слова св. Апостола Павла св. Епископамъ Тимоѳею и Титу о томъ, каковымъ подобаеть быти Епископу собственно въ изученіи Слова Божія и вообще въ изслѣдованіи Богоспасительныхъ истинъ Вѣры. А вотъ, какъ разъ, кстати сказать, что мнѣ писали недавно о Митрополитѣ Московскомъ Иннокентіи. Пишутъ, что когда онъ узналъ объ этомъ велемудромъ сочиненіи, то, въ простотѣ и благоговѣйности чувства, сказалъ такъ: „ну, а что же послѣ этого нужно будетъ читать въ храмѣ Божіемъ на страстной недѣлѣ вмѣсто паремій, какъ самыхъ знаменательно-прообразовательныхъ, читаемыхъ отъ начала до днесь, изъ книги Іова?! Да и у св. Апостола Іакова въ посланіи Соборномъ нужно уже будетъ замѣнить какъ нибудь слова: *терпѣніе Іовле слышите и кончину его видѣсте...*, а, наконецъ, и въ святцахъ православныхъ церковныхъ слѣдуетъ вычеркнуть, подъ 6-мъ числомъ Мая, имя „*праведнаго Іова многотраднаго*. Вотъ до чего доходятъ иногда наши ученые книжные люди священнаго сана. Видно, что умъ за разумъ заходитъ...“ Наконецъ, преосв. Антоній вполне былъ успокоенъ, когда узналъ сначала изъ письма Ан-

(1) Въ промежутокъ времени, отъ представленія сочиненія на докторство до окончательнаго исхода этого дѣла, Ректоръ Филаретъ былъ возведенъ въ санъ Епископа—втораго Викарія Клевскаго съ оставленіемъ, однако, на должности ректорской.

дрея Ник. Муравьева, а потомъ изъ отвѣтнаго письма самого высокопр. Арсенія, какой имѣлся въ виду результатъ по этому дѣлу, заочно затрогивавшему преосв. Антонія, какъ видѣлось, едва ли не болѣе, чѣмъ кого либо изъ ближайшихъ; такъ какъ самый Совѣтъ Кіевской Академіи признавалъ было, съ своей стороны, сочиненіе своего Ректора вполне заслуживающимъ искомой имъ степени Доктора. Высокопр. Арсеній, по представленіи ему журнала Академическаго Совѣта, далъ свое мнѣніе, которое и представилъ въ св. Синодъ. Мнѣніе это состояло въ слѣдующемъ: „хотя сочиненіе Арх. Филарета имѣетъ за собою высокія ученія достоинства въ литературномъ и филологическомъ отношеніи, но взглядъ автора на избранный имъ предметъ и тонъ его диссертаци, въ общемъ своемъ складѣ и направленіи, не соотвѣтствуетъ Богодухновенному характеру разсматриваемой имъ книги Іова, издревле Православною Церковію за нею признаваемому“. Вслѣдствіе этого Митр. Арсеній предлагалъ, не „благоугодно ли будетъ св. Синоду прежде, нежели пустить сіе сочиненіе въ публику, поручить сочинителю нѣкоторыя мѣста въ немъ, могущія подать поводъ къ разнымъ невыгоднымъ толкамъ, исправить, а другія исключить; или, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, сочиненіе сіе оставивъ достояніемъ школы, дать сочинителю докторское званіе безъ публичной защиты диссертаци (1). Св. Синодъ, соглашаясь съ мнѣніемъ высокопр. Арсенія „не нашелъ возможнымъ допустить названную диссертацию въ настоящемъ ея составѣ и видѣ къ публичной защитѣ авторомъ на степень Доктора Богословія“ и предоставилъ автору исправить ее согласно, изложеннымъ въ представленіи Митрополита указаніямъ и замѣчаніямъ (2). Но, Филаретъ, по словамъ одного автора, „не захотѣлъ, да и не могъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ касательно исправленія сочиненія, такъ какъ онъ не соглашался со многими замѣчаніями

(1) Смотри. Протоколы Совѣта Кіевск. дух. Академіи, 1874 г., стран. 216—217.

(2) Тамъ же.

Митр. Арсенія. Онъ предпочель представить на степень Доктора новое сочиненіе подъ заглавіемъ „происхожденіе книги Екклесіастъ“—Библиологическое изслѣдованіе“⁽¹⁾. Но это послѣднее его намѣреніе не состоялось, и, такимъ образомъ, искомое докторство имъ не было достигнуто.

Впрочемъ, не по поводу только этого дѣла преосв. Антоній разсуждалъ въ такомъ и подобномъ родѣ и смыслѣ относительно публичныхъ ученыхъ диспутовъ. „Охъ! часто и больно ноетъ душа моя,—говариваль онъ, послѣ присутствованія своего на диспутахъ въ Академіи—когда представишь себѣ самое положеніе и значеніе оппонентовъ, и официальныхъ, и частныхъ, и вообще всю процедуру, насквозь являющую въ себѣ одну и одну форму... А, съ тѣмъ вмѣстѣ, что сказать и о самой предварительной рецензій по отношенію и къ предметамъ сочиненій, и къ состоянію лицъ, принимающихъ на себя рецензію, и вообще ко всему уставленному порядку дѣла въ соисканіи ученыхъ степеней. Во всякомъ случаѣ это должно быть исполняемо далеко-далеко серьезнѣе, особливо же при соисканіи степени докторской. Съ одной стороны отнюдь не должно, по части оцѣнки, ограничиваться одною средою лишь мѣстной академической корпораціи; а съ другой и самые предметы для докторскихъ сочиненій—(да и для магистерскихъ)⁽²⁾ должно напередъ опредѣлять по ихъ значенію въ отношеніи къ цѣлой наукѣ и не допускать какихъ либо чисто побочныхъ, хотя и представляющихъ какой-то спеціальный, но, въ то же время, слишкомъ частный интересъ, и по существу не относящійся всецѣло ни къ какой наукѣ въ составѣ академическаго образованія“.—Въ этихъ словахъ, нужно замѣтить, было прямое указаніе на одинъ опредѣленный

(1) Смотри. Рѣчь на торжественномъ Собраніи Кіев. дух. Академіи 28 Сентября 1882 г., стр. 27.

(2) Въ письмахъ преосв. Антонія къ высокопр. Иннокентію, въ бытность его—Антошия Ректоромъ Кіев. Акад., есть данныя, что онъ обращался къ послѣднему съ такими словами: «Не благоугодно ли будетъ В. В.—ству указать нѣсколько темъ... Рады будемъ стараться...»

фактъ въ здѣшней Академіи, — о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Но, и безотносительно къ этому, преосв. Антоній держался положительнаго мнѣнія и убѣжденія такого рода, что всего ближе и цѣлесообразнѣе было бы предлагать соискателямъ степеней брать на себя трудъ — писать какой либо трактатъ, могуцій составлять цѣльный пространный отдѣлъ изъ полной системы науки. Эти сочиненія, составляя, по нынѣшнему излюбленному выраженію, „*кладъ въ сокровищницу*“ познаній, въ тоже самое время имѣли бы ближайшее и полезное приложение къ дѣлу самаго преподаванія наукъ въ Академіяхъ. Довольно было бы имѣть ихъ только подъ руками, вмѣсто того, чтобы излагать во всей полнотѣ содержаніе ихъ въ аудиторіи. Иначе что же? — вѣдь, и по опыту я знаю при моихъ посѣщеніяхъ, и въ отчетахъ на годичныхъ актахъ постоянно изъ года въ годъ слышится, что занятія студентовъ 3-хъ первыхъ курсовъ состоятъ въ слушаніи и записываніи и, на основаніи этихъ записей, въ составленіи и усвоеніи читаемыхъ имъ лекцій, а также въ чтеніи сочиненій, относящихся къ уясненію, изучаемыхъ ими, предметовъ!! Но что служить здѣсь порукой за то, чтобы учащіеся въ состояніи были усвоить, какъ должно, читаемое и слушаемое ими; да и самыя ихъ записи классныя могутъ ли быть ведены ими съ полнотою и съ точною осмысленностію; а отсюда и, составляемые ими, лекціи могутъ ли оказываться вполнѣ содержательными?!.. Въ концѣ концовъ, эти разсужденія свои преосв. Антоній свелъ даже къ той прямой мысли, что для студентовъ академій непремѣнно должны быть соответственные — „*учебники*“, по крайней мѣрѣ, по главнымъ наукамъ; и эти-то учебники, по его разсужденіямъ, могли бы постепенно составляться сами собою изъ сочиненій на ученія степени, коль скоро такими для послѣднихъ избирались бы цѣлыя трактаты изъ системы той, или другой науки. Объ этихъ учебникахъ, впрочемъ, преосв. Антоній трактовалъ подробно еще по другому поводу, о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Относительно же требованія возможно серьезнаго рецензирования и самаго оппонирования при диспутахъ

преосв. Антоній высказывался такъ: во 1-хъ, докторантскія сочиненія нужно бы предварительно передавать во всѣ Академіи для рецензировки, находящимися тамъ на лицо, специалистами и, можетъ быть, уже докторами; во 2-хъ, для диспутовъ избрать одно центральное мѣсто и опредѣленное срочное время и, по преимуществу, свободное отъ занятій и для соискателя и для оппонентовъ и всѣхъ, могущихъ принять въ этомъ участіе,—напр. время рождественскихъ каникулъ. Это придавало бы особое значеніе самому дѣлу по его важности и достоинству; а, съ другой стороны, и для соискателей докторскихъ степеней составляло бы „stimulationem calcaribus“ при самомъ трудѣ, чтобы не рассчитывать на мѣстныя только рецензіи своихъ colleg-овъ и на слишкомъ щедрыя рукоплесканія при диспутѣ. Наконецъ, и самое отбирание голосовъ имѣло бы тогда положительное значеніе, такъ какъ эти голоса исходили бы не отъ присутствовавшихъ только на диспутѣ сослуживцевъ, но людей разномѣстныхъ и, главное, компетентныхъ и бывшихъ, къ тому, рецензентами. Говоря, впрочемъ, объ отбирании голосовъ—тутъ же въ залѣ и, какъ бы, на лету и на ушко подъ раздающимися рукоплесканіями,—нельзя не примолвить, что это выходитъ больно не статно... Кажется, по самому понятію о значеніи голосовъ, какъ бы, своего рода вердикта, это дѣло должно совершаться иначе, именно въ особомъ Собраніи Академическаго Совѣта со включеніемъ рецензентовъ и оппонентовъ, и съ предоставленіемъ даже права другимъ, бывшимъ на диспутѣ, особливо дѣлавшимъ отъ себя возраженія и, можетъ статья, не вполне удовлетворившимся отвѣтами со стороны диспутанта, или не могшимъ высказать своихъ возраженій во всей полнотѣ и силѣ и, тѣмъ болѣе, что это бываетъ обыкновенно въ торопяхъ, скороговоркой, летуче и, какъ бы, въ перебивку между возражающими и защищающимъ (1).

(1) На что указывалъ преосв. Антоній, какъ не совсѣмъ статное, это, въ дѣйствительности, такъ и бывало; но въ тоже время въ печатаемыхъ академическихъ протоколахъ значится это дѣло оформ-

Что касается, въ отдѣльности, выше указываемой преосв. Антоніемъ, стороны, что рецензія однихъ мѣстныхъ лицъ, какъ сослуживцевъ, и какъ не всегда вполне компетентныхъ, можетъ быть недостаточна и несостоятельна, то онъ прямо указывалъ на фактъ, бывшій въ Кіевской дух. Академіи по поводу соисканія степени „Доктора“ бывшимъ ординарнымъ Профессоромъ Щ.—„Вотъ вамъ, говорилъ преосв. Антоній, не живое ли доказательство моихъ прежнихъ извѣстныхъ указаній... А что, всего болѣе, странно и прискорбно, этотъ фактъ попалъ, какъ говорится, на зубы современной досужной прессы,—гдѣ, безъ обиняковъ, охарактеризовали дѣйствія и отношенія нашихъ рецензентовъ и сужденія самого академическаго Совѣта въ смыслѣ *халатности* (въ буквальномъ выраженіи), съ прямою укоризною въ манкированіи предметомъ и дѣломъ такой важности, каково докторство,—особливо въ духовномъ не ученое только, но духовно-учительномъ смыслѣ.

Наконецъ, относительно самаго избранія предметовъ для докторскихъ диссертаций преосв. Антоній тоже указывалъ на живые примѣры въ лицахъ, объ одномъ изъ коихъ рѣчь уже извѣстна. „Одни, говорилъ онъ, забираются уже слишкомъ въ высренность, а другіе за то ниспускаются въ область предметовъ, почти не заслуживающихъ и содержаніемъ своимъ, и значеніемъ ученаго вообще труда и, тѣмъ болѣе, на право соисканія докторской степени Православнаго Богословія“. — Въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ, дѣйствительно, фактъ собственно въ здѣшней Казанской Академіи. — Когда Совѣтомъ Академіи представленъ былъ преосв. Антонію

леннымъ обыкновенно въ слѣдующемъ видѣ: «Въ открытомъ общемъ собраніи Совѣта Каз. дух. Академіи подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, высокопр. Антонія архіеп. Казан. и Свѣяжскаго. присутствовали—Ректоръ Академіи, помощники его и пр. и затѣмъ постановили: «Признавая защиту такимъ-то сочиненія его, представленнаго имъ на соисканіе степени Доктора или Магистра Богословія удовлетворительною, удостоить его сей степени и представить объ утвержденіи его въ этой степени св. Правительствующему Синоду».

протоколъ открытаго общаго Собранія (отъ 13 Мая 1873 г.) о признаніи защиты ординарнымъ Профессоромъ П. В. Знаменскимъ сочиненія на степень Доктора Богословія подъ заглавіемъ „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра“, то на этомъ протоколѣ послѣдовала такая резолюція Его Высокопреосвященства 23 Мая 1873 года. „Изготовить по сему дѣлу представленіе Святѣйшему Синоду, присовокупивъ и мое мнѣніе о сочиненіи Профессора г. Знаменскаго, при семъ мною прилагаемое, и препроводивъ въ св. Синодъ экземпляръ сего сочиненія“.

Не выписывая всего полнаго содержанія этого мнѣнія преосв. Антонія (напечатаннаго въ подлинникѣ въ самомъ протоколѣ) ⁽¹⁾ по его весьма значительной обширности, приведемъ здѣсь, особенно замѣчательные только, пункты.

Вотъ самыя начальныя слова преосв. Антонія въ данномъ имъ отъ себя особомъ мнѣніи: „Соглашаясь представить Святѣйшему Синоду ходатайство Совѣта Академіи объ утвержденіи г. Профессора Знаменскаго въ степени Доктора Богословія, считаю, однако же, себя обязаннымъ присовокупить къ сему ходатайству, что я, съ своей стороны, отдавая справедливость ученымъ трудамъ сего Профессора, затрудняюсь настоящее сочиненіе его признать сочиненіемъ „Богословскимъ“. Какъ по содержанію, такъ и по направленію своему оно не имѣетъ характера Богословскаго, требуемаго, по мнѣнію моему, въ диссертациі на степень Доктора Православнаго Богословія. Бывъ писано первоначально въ видѣ отдѣльныхъ статей для журнала „Православный Собесѣдникъ“, сочиненіе это есть не болѣе, какъ историческій сборникъ матеріаловъ и, при томъ, одностороннихъ. Авторъ, въ началѣ диспута, счелъ нужнымъ и самъ заявить сіе и объяснилъ, что его книга есть, дѣйствительно, не что либо цѣлое, а лишь часть цѣлаго. Но, къ сожалѣнію, подобнаго объясненія нѣтъ нигдѣ въ самой

⁽¹⁾ Смотри въ собраніи протоколовъ засѣданій Совѣта Казан. дух. Академіи за 1873 г. стр. 143—146.

книгѣ, а, между тѣмъ, заглавіе одно столь широкое и общее, что въ ней, по мысли автора, какъ будто бы должно содержаться всестороннее и цѣлое изложеніе предмета. Далѣе, желая, какъ можно болѣе, собрать матеріаловъ для своего сочиненія, авторъ не всегда довольно разборчиво пользовался сими матеріалами и рядомъ съ документами и фактами несомнѣннаго историческаго характера, а иногда даже предпочтительно предъ ними, давалъ у себя мѣсто документамъ и фактамъ весьма сомнительнаго достоинства. Не избѣгъ авторъ и того увлеченія нѣкоторыхъ новѣйшихъ у насъ повѣствователей, по которому они слишкомъ обобщаютъ иногда самые мелочные, частные и случайные, даже, можетъ быть, исключительные факты, указывая на нихъ, какъ на характеристику общаго положенія дѣлъ въ то, или другое время, или какъ на отличительное свойство того, или другаго главенствующаго лица и, при томъ, подбирая факты, относящіеся, въ большинствѣ, къ темной сторонѣ быта русскаго духовенства со времени реформы Петра. Подъ угломъ зрѣнія автора и съ высоты этой огромной массы матеріаловъ темнаго цвѣта открывается самая безотрадная картина,—и впечатлѣніе, какъ послѣ каждаго отдѣла сочиненія, такъ и по прочтеніи онаго въ цѣлости, остается самое тяжелое. Конечно, были въ частности безпорядки и злоупотребленія въ этомъ періодѣ русской Церкви, какъ и въ средѣ всякаго человѣческаго общества: но ужели же сплошь и рядомъ такъ было въ описываемомъ періодѣ? Безъ оговорки автора въ этомъ смыслѣ, безъ сопоставленія другихъ свѣтлыхъ чертъ съ тѣми темными невольно представляется, что и состояніе Церкви Русской было хаотическое, такъ что среди этого хаоса она, повидимому, сто разъ должна бы стереться съ лица земли. Какимъ образомъ допущенъ былъ въ ней такой хаосъ высшимъ Промысломъ Главы Церкви, обѣтовавшаго пребыть съ нею и съ служителями ея до скончанія вѣка? Былъ ли этотъ Промыслъ надъ нею и падъ ея клиромъ? Видѣнъ ли и въ чемъ именно найденъ Перстъ этого Промысла въ тѣхъ или другихъ, по видимому, случайностяхъ, которымъ она подвергалась въ

то или другое время? Какъ этотъ Перстъ, при всей путаницѣ внѣшнихъ условій, вель, однако же. Церковь, болѣе или менѣе успѣшно, къ своей цѣли? Обо всемъ этомъ въ сочиненіи нѣтъ нигдѣ разсужденій и ни одной искрой евангельскаго свѣта и Богословской мысли не освѣщается то состояніе, въ какомъ, по изложенію автора, представляется русская Церковь въ періодъ, объемлющій болѣе полутораста лѣтъ“.

Изъ сущности и содержанія этого мнѣнія преосв. Антонія очевидно, что, изложенныя здѣсь, положенія если для кого, то всего болѣе для самого преосв. Антонія, были совершенно естественны и имѣли особенный вѣсъ въ силу его личныхъ убѣжденій, которыя такъ открыто высказывалъ онъ относительно значенія и характера высшаго академическаго духовнаго образованія.— Когда же, наконецъ, воспослѣдовало отъ св. Синода утвержденіе въ степени Доктора Богословія г. Профессора Знаменскаго, то преосв. Антоній, все-таки, остался при своемъ мнѣніи, которое, не обинуясь, высказывалъ въ средѣ академической корпораціи и лично предъ самимъ Петромъ Васильевичемъ ⁽¹⁾. А что самъ св. Синодъ далъ свое безусловное утвержденіе, преосв. Антоній и на это высказывалъ свои особыя сужденія, о коихъ будетъ рѣчь еще впереди.— Но, что замѣчательно, и самъ П. В. не только въ ту пору, но и теперь, вполнѣ отъ души, выражаетъ свое сужденіе о его сочиненіи и о значеніи полученной имъ степени Доктора съ титуломъ— „Богословія“ отчасти согласное именно съ мнѣніемъ преосв. Антонія ⁽²⁾. Во всякомъ случаѣ, говорилъ и говоритъ онъ,—

(1) Преосв. Антоній былъ тѣхъ прямыхъ мыслей, что лучше, правильнѣе и достойнѣе было бы, когда бы П. В. З. представилъ на соисканіе степени Доктора свой прежній печатный трудъ, признанный учебникомъ,—это его «Исторія Русской Церкви», чѣмъ, какъ бы по насилію, представить этотъ новый. Основаніе преосв. Антонія къ этому увидимъ еще впереди.

(2) Въ новомъ Уставѣ въ § 141 значится: «Лица, удостоенныя докторской степени, носятъ наименованіе Доктора или—*Богословія*, или—*Церковной Исторіи*, или—*Каноническаго Права*, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ, или представленной диссертаци».

я былъ бы радъ, если бы дали мнѣ степень Доктора съ прибавленіемъ „Церковной Исторіи“.—Относительно же самаго достоинства своего сочиненія тоже не скрываетъ, что оно вышло у него докторскимъ въ смыслѣ, такъ сказать, „*improviso et ex necessitate...*“ Это-то послѣднѣе, именно „*ex necessitate*“ разумѣль и преосв. Антоній по отношенію къ воспослѣдовавшему со стороны св. Синода утвержденію.—„Да скрываться печего, говорилъ преосв. Антоній, что здѣсь прямое неотразимое мѣсто пословицѣ: „назвался груздемъ, не отрекайся отъ кузова“.—Въ самомъ дѣлѣ, когда введено вдругъ такое законоположеніе высшей власти, что всякій, состоявшій, хотя съ давнихъ лѣтъ, ординарнымъ Профессоромъ, если желаетъ быть имъ на будущее время, долженъ непремѣнно въ теченіи *трехъ лѣтъ не больше*, по преобразованіи академій, вырости, во что бы-то ни стало, въ ростъ докторскій, то что же и оставалось, какъ однимъ,—подпавшимъ подъ такія *impressalia*, во что бы то ни стало, браться немедленно за перо, а со стороны другой, *volens-nolens*, давать утвержденіе въ степеняхъ; въ противномъ случаѣ вышло бы то, что изъ числа десяти, положенныхъ по штату ординарныхъ профессорскихъ кафедръ, оказалось бы незанятымъ самое большое число. Но спрашивается: во 1-хъ должно ли, по закону вообще, простираться значеніе и дѣйствіе новыхъ положеній на прежнее время, или что тоже на лицъ получившихъ уже, по утвержденію же св. Синода, званія и мѣста ординарныхъ Профессоровъ и, при томъ, такихъ, коимъ оставалось дослуживать до срока 25-лѣтія, можетъ статья, 5—6 и менѣе лѣтъ... во 2-хъ что за цѣль и какой вообще прямой смыслъ издавать такое законоположеніе?! развѣ только ради того, чтобы скорѣе украсить кафедры ординарныхъ профессоровъ академій громкими титулами докторства? Но въ 3-хъ на кого же, сказать по сущей правдѣ, можно было такъ прямо и несомнѣнно разсчитывать, что непремѣнно такъ и возжелаютъ возсѣсть на эти кафедры безъ сознанія того, чѣмъ условливается самое значеніе докторства. Вѣдь, не кафедра краситъ Профессора, а послѣдній первую, хотя

онъ и не былъ бы со степенью Доктора.—Во всякомъ разѣ и во всѣхъ, можно сказать, отношеніяхъ такое срочное трехгодичное обязательство для непремѣннаго соисканія и полученія степени докторской, если судить по истинному значенію самаго труда,—слишкомъ *накладно* для исполнителей; а если допустить и признать въ этихъ исполнителяхъ не столько соисканія докторства по достоинству, сколь и исключительно ради ординатуры, или что тоже, ради *трехтысячнаго* оклада,—то это уже *больно не ладно...* Мнѣ кажется, иной скорѣе готовъ разстаться съ ординатурой, а другіе и навсегда остаться экстраординарными ⁽¹⁾. Этому, впрочемъ, есть уже живыя доказательства теперь, когда мѣста ординарныхъ профессоровъ съ окладами въ три тысячи пустѣютъ, а экстраординарныхъ кафедръ не достаетъ... и, такимъ образомъ нѣтъ ходу и доцентамъ, хотя вполне заслуживающимъ званій экстраординарныхъ профессоровъ ⁽²⁾. Наконецъ, если уже совершенно безусловно сказанное обязательство, то зачѣмъ же видимъ исключенія и, при томъ, въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, кои поставлены во главѣ академій,—каковы ректоры въ Петербургской и Кіевской академіяхъ, которые, съ тѣмъ вмѣстѣ, занимаютъ кафедры ординарныхъ профессоровъ, хотя это исключеніе ни чѣмъ не обусловлено подобно тому, какъ для Ректора нашей здѣшней Академіи“.

Однимъ словомъ, много и много своихъ личныхъ взглядовъ и сужденій высказывалъ обыкновенно преосв. Антоній, если не прямо противъ, то по поводу разновременныхъ предметовъ и явленій, относившихся къ академическому status quo по новому преобразованію. Въ заключеніе мы не можемъ оставить безъ изложенія еще

(1) Въ § 45 новаго Устава сказано: «Ординарн. Профессоры Академи должны имѣть степень Доктора Богословскихъ наукъ». — Но въ *примѣчаніи* къ этому § присовокуплено: «Преподаватели <не Богословскихъ> наукъ въ Академи, имѣюще степень Магистра Богословія, могутъ быть опредѣляемы на вакантныя кафедры *ординарнаго Профессора* съ званіемъ *исправляющихъ должность* орд. Профессора».

(2) По поводу этого, дѣйствительно, не разъ возникали вопросы официальные и дѣлаемы были по нимъ представленія.

нѣсколько подобныхъ же сужденій преосв. Антонія, имѣющихъ, съ одной стороны, прямую связь съ предъидущими, а съ другой выражающихъ зоркую всестороннюю его наблюдательность, проникнутую глубокою соучастливостію и внимательностію по отношенію ко всеѣмъ фактамъ въ томъ видѣ, какъ они совершались и, болѣе или менѣе, осложнялись, и какъ должно бы быть имъ въ дѣйствительности въ возможно болѣе соотвѣтственномъ и удовлетворительномъ положеніи и значеніи дѣла, — что и оправдалось уже въ значительной мѣрѣ въ последнее время.

ГЛАВА XII.

Начавъ однажды рѣчь по поводу пріемныхъ экзаменовъ для поступающихъ въ Академію воспитанниковъ семинарій, результаты которыхъ (экзаменовъ) онъ видѣлъ прямо изъ журналовъ здѣшней Академіи, а равно и изъ печатныхъ такихъ же свѣдѣній другихъ академій, — пресвящ. Антоній, повидимому, ухватился за этотъ предметъ слишкомъ издалека. Но какъ и прежде извѣстно было, такъ и изъ самой начатой имъ рѣчи, еще болѣе открылось, что этотъ предметъ особенно глубоко интересовалъ его, и, при томъ, не въ предѣлахъ только его значенія, а въ другихъ многообразныхъ отношеніяхъ, — о чемъ онъ и писалъ не мало въ свое время, куда и кому слѣдовало. — Потому-то и при описываемомъ случаѣ пресв. Антоній главнымъ исходнымъ пунктомъ своихъ сужденій поставилъ вопросъ: „Ну вотъ, по чему и къ чему по новому Уставу академій уничтожены, прежде бывшіе, академическіе учебные округа?! (1) И что же отсюда оказывается на дѣлѣ даже въ прямѣйшемъ и ближайшемъ отношеніи къ теперешнимъ, напр., пріемнымъ экзаменамъ воспитанниковъ, являющихся въ академіи изъ

(1) По опредѣленію св. Синода отъ 25—27 Апрѣля 1884 г. — пропечатанному, вмѣстѣ съ опубликованіемъ новаго Устава 20 Апрѣля, постановлено: «Пунктъ III. Существующія въ Имперіи, духовныя семинаріи раздѣлить на *четыре округа* по числу дух. акад., слѣд. образомъ и пр...» — На какомъ основаніи и въ чемъ именно выражались со стороны пресв. Антонія весьма частыя и самыя настоятельныя разсужденія о потребности возстановленія прежде существовавшихъ, но затѣмъ уничтоженныхъ, учебныхъ академическихъ округовъ, — читатели увидятъ въ своемъ мѣстѣ...

возможно разномѣстныхъ и, естественно, разнохарактерныхъ семинарій?! Академія печатають теперь во всеобщее вѣдѣніе на всю Россію, а пожалуй—и на всю Европу и цѣлый свѣтъ (потому что все это переходитъ иногда, многое цѣликомъ, во всевозможныя газеты), — печатають, говорю, статистическія въ своемъ родѣ, данныя о результатахъ этихъ приемныхъ экзаменовъ съ обозначеніемъ, иногда въ очень значительныхъ подробностяхъ, удовлетворительности, и всего болѣе—неудовлетворительности успѣховъ семинаристовъ по разнообразнымъ предметамъ и вообще—о степени ихъ малоразвитости, недостаточной подготовки собственно къ академическому курсу и т. п. А что же изъ этого далѣе? Отпечатаала Академія такую свою статистику, да и только... и это изъ года въ-годъ одно и то же съ малѣйшими развѣ видоизмѣненіями и, при томъ, такими, что въ одинъ годъ изъ такихъ-то семинарій прибывшіе воспитанники оказались вполне хорошими, а затѣмъ—въ другой же годъ или черезъ годъ изъ тѣхъ же семинарій, воспитанники показали себя совершенно противоположно... Спрашивается: какое значеніе, вліятельно-дѣйственное, имѣють всѣ эти академическіе публикаціонные отзывы?! Ни на похвалу, ни на оужденіе въ подобныхъ отзывахъ, все равно какъ бы сказать, *на всякое чужанье* любая Семинарія *и не поздравствуется*... Къ тому же, если сравнивать эти отзывы академій съ тѣми, какіе печатаются въ отчетахъ Ревизоровъ-Членовъ Духовно-учебнаго Комитета, то не рѣдко встрѣтишь совершенную разноголосицу. Въ однихъ отзывахъ академическихъ, положимъ, говорится, что по такому и такому-то предмету въ воспитанникахъ изъ такой-то Семинарії оказалась особенная неудовлетворительность, а въ отчетѣ ревизорскомъ за этотъ же самый годъ въ той же Семинарії, о преподавателяхъ и успѣхахъ учениковъ по тѣмъ же предметамъ, восписуются особенныя похвалы. Кому вѣрить и чему отдать предпочтеніе?! Стороннему лицу, пожалуй, такъ и сякъ; а со стороны семинарской корпораціи, всеконечно, предпочтеніе прямое отчету ревизорскому, такъ какъ здѣсь власть и вліяніе, награда или выговоръ и проч. Наконецъ, въ

академическихъ же отзывахъ видится иногда указаніе и объясненіе самыхъ причинъ неудовлетворительности, на-примѣръ, неудовлетворительности учебниковъ и даже самыхъ программъ и проч.; а, между тѣмъ, Дух.-уч. Комитетъ только на томъ и стоитъ, и сидитъ, и бдитъ, и Ревизорамъ, преимущественно, даетъ наказы слѣдить и требовать, чтобы все шло и выполнялось до буквы по программамъ и учебникамъ, изъ коихъ (учебниковъ), можетъ статься, по преимуществу, восхвалены именно тѣ, на кои указано въ академическомъ отзывѣ, какъ на особенно плохіе. При взглядахъ на все это, право же, невольно призадумашься, что это за кунсткамера, гдѣ не размотришь ни слона, ни букашки... Или, что это за ларчикъ, около котораго трудятся такія представительныя головы и цѣлыя корпораціи, и одна другой не показываютъ своего ключа, чтобы отпереть этотъ ларчикъ, хотя бы съобща, — а вращаютъ только его и внизъ и вверхъ, около и вокругъ!!! Да, кѣмъ-то изъ древнихъ истинно сказано: *mutantur tempora, et in illis nos mutamur*, а здѣсь приводится еще прибавить: *et vagamur*“ (1). А, между

(1) Такія именно выраженія употреблялъ преосв. Антоній въ откровенномъ разговорѣ, между прочимъ, съ самимъ же Членомъ-Ревизоромъ Дух.-учеб. Комитета, дѣйств. стат. сов. С. И. Лебедевымъ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ еще прежде въ Смоленской епархіи, изъ которой изъ духовнаго званія былъ и г. Лебедевъ. Послѣдній, въ свою очередь, и самъ со всею искренностію и откровенностію признавался, что, дѣйствительно, и программы, и учебники, да и самые нынѣшніе наставники, специально приготовляемые на извѣстные предметы еще въ академіяхъ, и вооруженные всѣми педагогическими методами и приемами, увы. по преимуществу, только и вращаются въ данныхъ имъ рамкахъ; а самостоятельности, сравнительно съ прежними академистами-преподавателями, проявляется, въ большинствѣ, очень-очень мало. Вообще, говорилъ онъ, самые наши отчеты ревизорскіе есть только еще слабый снимокъ съ дѣйствительности, и направляются собственно къ тому, чтобы втиснуть, такъ сказать, семинарское образованіе въ рамки новаго Устава, а что впереди,—это не наше дѣло. По крайней мѣрѣ, изъ-года въ-годъ становится труднѣе и труднѣе характеризовать состояніе той или другой Семинари, такъ какъ необходимо выставлять уже на показъ самые плоды, но ихъ-то и не легко опредѣлить по достоинству.—Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что отчетъ

тѣмъ, говорилъ преосв. Антоній, будь бы только прежніе академическіе круги и теперь, тогда и отзывы о результатахъ пріемныхъ экзаменовъ имѣли бы свою положительную силу и дѣйствіе, и программы и учебники были бы въ вѣдѣніи и прямыхъ рукахъ академическихъ корпорацій, да и самыя-то ревизіи семинарій тоже (1), и, наконецъ, самый Дух.-уч. Комитетъ зналъ бы свой предѣлъ и свою мѣру, а не самоуправствовалъ бы, хлеща съ плеча на право и на лѣво, въ силу лишь своихъ тенденцій“.

Такъ напр., говорилъ преосв. Антоній, обращаясь въ частности къ начальной рѣчи о пріемныхъ академическихъ экзаменахъ: „Если справедливо то, что, являющіеся на пріемные академическіе экзамены, воспитанники семинарій оказываются неудовлетворительно подготовленными и, главнымъ образомъ, по причинѣ неудовлетворительности семинарскихъ учебниковъ и программъ (2), а, вслѣдствіе этого, и самаго преподаванія; то ясное дѣло, что самыя-то воспитанники, экзаменующіеся въ академіяхъ, всего менѣе виноваты. Между тѣмъ, эти же воспитанники семинарій, которые еще заранѣе знаютъ, что ихъ назначать въ Академію, или по желанію своему предполагаютъ за ранѣе же поступить въ нее, несомнѣннѣе всего, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, послѣдняго года не выпустили бы изъ виду и изъ рукъ академическихъ учебниковъ, коль скоро бы послѣдніе имѣлись (3). По этимъ учебникамъ они напередъ сами бы вообще ос-

ты г. Лебедева всѣ отличались особенною краткостію сравнительно съ отчетами другихъ г.г. ревизоровъ.

(1) По новому Уставу, 20 Апр. 1884 г., дѣйствительно, предоставлено Академическимъ Начальствамъ, каждому въ своемъ округѣ, назначать ревизоровъ въ семинаріи изъ своихъ профессоровъ. Смotr. § 81, в., 8.

(2) Въ свѣдѣніяхъ о результатахъ пріемныхъ экзаменовъ въ академіяхъ не рѣдко указываются эти причины... (Смotr. въ Церк. Вѣстникѣ за разные годы...)

(3) Относительно учебниковъ по преподаваемымъ, въ Академіи, хотя нѣкоторымъ главнымъ, предметамъ были изложены сужденія преосв. Антонія еще прежде.

мотрѣли и провѣрили кругъ своихъ семинарскихъ познаній и, напередъ уже, составили бы собѣ понятіе и о томъ, — что и въ какой мѣрѣ предстоитъ имъ отвѣчать при приемныхъ экзаменахъ и изучать въ дальнѣйшемъ времени по тѣмъ или другимъ наукамъ. Это же самое весьма было бы полезно и для желающихъ поступить въ духовныя академіи воспитанниковъ изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Далѣе, — для принятыхъ уже въ Академію самый выборъ, на какое поступить изъ трехъ нынѣшнихъ отдѣленій, былъ бы гораздо болѣе осмысленъ, чѣмъ теперь. Даже скажу болѣе: при существованіи академическихъ учебниковъ, и, слѣдовательно, при явномъ облегченіи слушанія лекцій и изученія предметовъ, по моему мнѣнію, если бы и предстояла необходимость вводить въ академическихъ курсахъ отдѣленія, то не болѣе, какъ развѣ только два, и, при томъ, не въ значеніи спеціальности курсовъ или что то же факультетовъ, — а такъ, чтобы къ одному отдѣленію относились всѣ тѣ науки, изученіе которыхъ обязательно для всѣхъ безъ исключенія воспитанниковъ, — каковы всѣ науки Богословско-церковныя, — а къ другому отдѣленію прочія науки и языки... Въ этомъ же развѣ, — что особенно и существенно важно, — количество общеобязательныхъ наукъ могло бы тогда быть увеличено гораздо-гораздо, и во всякомъ случаѣ къ разряду ихъ всенепремѣнно должно отнести не Основное только Богословіе (которое, сказать къ слову, не вполне выдерживаетъ своего наименованія „Богословія“), но и Богословія — Догматическое, Нравственное, Сравнительное, Гомилетику, Церковную Археологію съ Литургикою, и еще что по существеннѣе ⁽¹⁾. Это такъ

(1) Въ новомъ Уставѣ 1884 г. въ § 100 значится: «Къ предметамъ, изучаемымъ *всеми студентами* въ Академіи, относятся: 1) Введение въ кругъ Богосл. наукъ, 2) Св. Писаніе съ Библ. Исторіею, 3) Богословія — Догматическое, 4) Нравственное, 5) Пастырское, 6) Гомилетика съ исторіей проповѣдничества, 7) Церковное Право. 8) История Церкви, 9) Патристика. 10) Церковная Археологія, 11) Философія, съ подраздѣленіемъ — на а) Исторію Философіи и б) Логика, Психологія и Метафизика...» — Слѣдовательно, почти совершенно тоже, что признавалъ преосв. Антоній!!.

и было въ старину на дѣлѣ, хотя и не существовало прямого уставнаго распредѣленія“.

Кромѣ сейчасъ указаннаго значенія и прямой пользы академическихъ учебниковъ, преосв. Антоній весьма обстоятельно проводилъ такія же мысли и въ приложеніи къ занятіямъ студентовъ послѣдняго IV курса, называемаго, по нынѣшнему Уставу „практическимъ“. „И на дѣлѣ видно, говорилъ онъ, и въ отчетахъ, печатаемыхъ и читаемыхъ на актахъ, изъ-года въ-годъ, и почти отъ слова и до слова говорится объ этихъ занятіяхъ студентовъ одно и то же, т. е. „что эти занятія состоятъ въ разработкѣ подъ руководствомъ преподавателей разныхъ вопросовъ по предметамъ ихъ специальныхъ занятій и въ специальномъ изученіи, и приготовленіи къ преподаванію въ Семинаріи, избранныхъ ими, предметовъ въ порядкѣ программъ, одобренныхъ учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ для семинарій; въ разборѣ учебниковъ и пособій. въ устномъ изложеніи практическихъ уроковъ, согласно съ требованіями семинарскаго преподаванія, а также въ слуханіи лекцій по избраннымъ ими для практически-спеціального изученія группамъ предметовъ, по которымъ они готовились къ замѣщенію преподавательскихъ кафедръ въ семинаріяхъ и по окончаніи IV курса должны были сдавать магистерскій экзаменъ“ (1). Но, вѣдь, смотря на эту переченьъ всѣхъ практическихъ занятій студентовъ послѣдняго курса, право же, ни какъ не отгонишь отъ себя мысли: что это за лабораторія не-то фельдшерско-аптекарская, не-то просто даже кухмистерская?... Ужели для спеціального изученія, въ видахъ будущаго преподаванія въ Семинаріи какого-нибудь предмета въ порядкѣ программы и по данному учебнику, одобренному Дух.-уч. Комитетомъ, потребна именно такая усложненная процедура занятій и подъ непремѣннымъ даже руководствомъ Профессора Академіи и, при томъ, на цѣлый годъ непрерывно?! И для кого же?—Для лицъ развитыхъ уже вполне, и по возрасту и по значенію трехъ-лѣтняго

(1) Эти слова подлинныя, взятыя изъ отчетовъ академическихъ.

академическаго образованія, наконецъ, тѣхъ самыхъ, которые въ теченіи трехъ лѣтъ спеціально уже изучали, по преимуществу, тотъ предметъ, который они въ послѣдній годъ избираютъ для будущаго своего преподаванія. Съ другой стороны—что же выйдетъ, когда придется все это разработанное приложить къ самому преподаванію семинарскому? Вѣдь, если, какъ видится ясно изъ отзывовъ академическихъ комиссій о результатахъ приемныхъ экзаменовъ,—и программы и учебники выставляются главною причиною неудовлетворительности отвѣтовъ, а самая разработка и приготовленія идутъ, какъ говорится въ самыхъ отчетахъ о занятіяхъ въ IV курсѣ, въ порядкѣ и содержаніи тѣхъ же программъ и учебниковъ, то значить и въ итогѣ, и перспективѣ та же неудовлетворительность... А если опытный, разумный Профессоръ Академіи поступитъ иначе, по своему, и, приготовленный подъ его руководствомъ, кандидатъ на преподаваніе въ Семинаріи выступитъ только съ своими еще пробными лекціями, то что мудренаго, если, держащіяся обязательно неотступно программъ и учебниковъ, семинарскіе цѣнители и прокатятъ его на черныхъ за то именно, что пробныя лекціи его не соотвѣтствуютъ программѣ и учебнику; или же когда пріѣдетъ Ревизоръ и увидитъ тоже отступленіе, то распишетъ его по своему и, пожалуй, выпишетъ изъ ряда преподавателей... Вѣдь, не даромъ же подъ разными предлогами и условіями, кончившіе курсъ Академіи стали теперь стараться заручаться свидѣтельствами о сдачѣ пробныхъ лекцій, не выходя еще изъ Академіи, и по нимъ получать право на должность преподавателей по своей спеціальности, чтобы, въ самомъ дѣлѣ иногда, и за самое-то дѣльное разумѣніе предмета, но только проведенное на пробныхъ же лекціяхъ въ средѣ семинарской корпораціи, не согласно съ учебникомъ или программой, не потерпѣть такъ называемаго фіаско... Хотя, къ слову сказать, здѣсь опять открывается новая *несуразица* въ томъ именно отношеніи, что, вѣдь, этихъ же самыхъ кандидатовъ на должность преподавательскую, т. е., представившихъ академическое свидѣтельство о сдачѣ пробныхъ лекцій, хотя бы отличнымъ обра-

зомъ, семинарскія корпораціи, все-таки, подвергаютъ баллотировкѣ. Спрашивается: кандидата ли тутъ баллотировуютъ, или самое свидѣтельство академическое? Случись такъ, что забаллотировуютъ подобнаго кандидата... тогда что же?—Придется развѣ ему же просить позволенія еще дать новыя пробныя лекціи?.. Что же все это значить на сколько-нибудь здравый взглядъ? Кажется, ничего болѣе, какъ просто-на-просто такая нелѣпица, что изъ рукъ вонъ... И помяните мое слово, что скоро-скоро, дастъ Богъ, минуютъ всѣ эти затѣи и будутъ назначаться преподаватели или прямо по распоряженію Дух.-уч. Комитета, или по приказамъ Оберъ-Прокурорскимъ ⁽¹⁾, а, потому, и самыя специально-практическія занятія студентовъ IV курса, само собою, потеряютъ и послѣднее, хотя мало-мальское, значеніе. Впрочемъ, если это и будетъ такъ, все-таки и здѣсь не много еще прибавитъ толку и проку; это будетъ однимъ лишь видоизмѣненіемъ въ смыслѣ только распорядительномъ, а не то, чего бы желалось и что должно бы быть по существу и значенію дѣла“.

Но когда преосв. Антоній такъ рачительно входилъ во всестороннее обсужденіе относительно того, какъ бы должно совершаться размѣщеніе кончившихъ курсъ въ Академіи на наставническія должности, а предварительно—чѣмъ и какъ должно было бы обуславливаться окончательное приготовленіе студентовъ IV курса въ замѣнъ, неодобряемой имъ, системы занятій студентовъ IV курса,—въ это же время послѣдовало, по инициативѣ собственно Дух.-уч. Комитета, новое мѣропріятіе, и, какъ-разъ, въ значеніи еще большаго усиленія

(1) Въ послѣдніе годы этотъ порядокъ, дѣйствительно, вошелъ уже въ законную силу; а баллотировки, какъ уже сказано, всякія отмѣнены... Въ вышеприведенномъ указѣ св. Синода объ учрежденіи учебныхъ округовъ сказано въ V пунктѣ: «Совѣтами Академій должны быть сообщаемы Оберъ-Прокурору свѣдѣнія о томъ,—къ какой должности признается тотъ или другой изъ воспитанниковъ наиболѣе способнымъ; а самое назначеніе ихъ и опредѣленіе будетъ совершаться по усмотрѣнію и распоряженію центрального Управления».

той же системы по части практическихъ занятій студентовъ IV курса. И вотъ тутъ-то, можно сказать напередъ, вышло то, что если вышеприведенныя сужденія преосв. Антонія объ этомъ предметѣ могли представляться кому-нибудь значительно рѣзкими, то здѣсь были только цвѣтики, а ягоды явились именно въ предуказываемомъ теперь фактѣ, который мы и изложимъ въ самомъ подлинникѣ.

Въ 1873 году послѣдовало на имя преосв. Антонія отношеніе г. Оберъ-Прокурора св. Синода отъ 26 Апрѣля, за № 110-мъ такого содержанія: „Въ Учебномъ Комитетѣ при св. Синодѣ возникло, въ послѣднее время, предположеніе объ устройствѣ практическихъ занятій для студентовъ IV курса духовныхъ академій по преподаванію, избранныхъ ими, наукъ въ мѣстныхъ духовныхъ семинаріяхъ, съ цѣлію лучшаго подготовленія сихъ воспитанниковъ къ ихъ будущей преподавательской дѣятельности. Находя, съ своей стороны, такое предположеніе Комитета весьма цѣлесообразнымъ, предварительно представленія его на утвержденіе св. Синода, считаю нужнымъ обратиться къ Вашему Преосвященству съ покорнѣйшею просьбою предложить подвѣдомственнымъ Вамъ Совѣту духовной Академіи и Педагогическому Собранію Правленія Семинаріи войти въ обсужденіе способа выполненія означенной мѣры, и заключенія свои по сему предмету представить мнѣ для дальнѣйшихъ распоряженій“. Замѣчательно, что преосв. Антоній, по видимому, сначала отнесся къ этой бумагѣ совершенно спокойно, какъ свидѣтельствуется и самая резолюція,—а именно: „Препровождается въ Совѣтъ Академіи, который имѣетъ, по сношенію и соглашенію съ Педагогическимъ Собраніемъ Семинарскаго Правленія, обсудить и сдѣлать заключеніе по изложенному здѣсь предмету“ (1). Когда же, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, составлена была, по постановленіямъ Академическаго Совѣта и Семинарскаго Педагогическаго Собранія, Комmissія изъ шести лицъ,—трехъ академиче-

(1) Смотр. собраніе протоколовъ Совѣта Казан. Академіи за 1873 г.—31-го Мая сего года, стран. 147.

скихъ экстраордин. профессоровъ и трехъ семинарскихъ наставниковъ, въ числѣ коихъ (последнихъ)—былъ и я—пишущій,—и когда стало извѣстно преосв. Антонію, что эта Коммиссія должна приступить къ назначенному ей дѣлу, то преосв. Антоній въ бытность мою у него,—спросилъ: „ну а что ваша Коммиссія?! Меня ужасно интересуетъ,—не подумай,—самое дѣло, а именно вопросъ: „ужели вы—шесть головъ—не пожалѣете здѣсь хотя бы и малѣйшей частички вашихъ мозговъ, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, войти въ какія либо разсужденія“.— Но, былъ мой отвѣтъ,—Ваше В—ство изволили сами же дать прямую резолюцію: „обсудить и сдѣлать заключеніе“.—„Ну что же мнѣ было дѣлать, въ смыслѣ формальной процедуры,—не возвратитъ же бумагу назадъ,—хотя бы она и заслуживала не болѣе, какъ этого.—А если бы эту бумагою прошено было собственно отъ меня мое личное обсужденіе и заключеніе, то я, конечно, пожалѣлъ бы даже труда и времени прочитать ее сколько нибудь съ особеннымъ вниманіемъ, а не то, чтобы обсудить и представлять отъ себя свое заключеніе... Потому-то меня и интересуетъ мысль: ужели вы-то станете ломать свои головушки!!.. Впрочемъ, не стѣсняйтесь, дѣлайте свое,—*suum cuique*,—но только не забывайте, что это „*suum rationis honoris que dignum debet*“...

Въ два-три засѣданія Коммиссія наша выполнила порученное ей дѣло, изложивши свои соображенія, въ количествѣ 20 §§⁽¹⁾, въ 2-хъ экз., изъ коихъ одинъ представленъ былъ въ Совѣтъ Академіи, а другой въ Педагогическое Семинарское Собраніе. Прежде еще, чѣмъ представлены были эти соображенія, преосв. Антонію открылся случай къ разговору объ этомъ предметѣ между нимъ и другимъ лицомъ при мнѣ же, заставшемъ разговоръ уже въ разгарѣ... „Да, говоритъ преосв. Антоній своему собесѣднику, явственно раздѣлявшему его сужденія,—и, нужно сказать, отличавшемуся, по своему служебному званію, прямою и стойкостію—

(¹) Соображенія эти въ подлинникѣ напечатаны въ протокол. Сов. Академіи 19 Октября 1873 г., смотр. стран. 265—266.

аристидовскою (1).—Отсюда можете заключить, какъ у насъ все проектируется... Тамъ въ ряду засѣдающихъ за комитетскимъ бюро пришло въ голову кому нибудь одному, какъ говорится, бросить камень въ болотную воду,—а тутъ извольте заставлятъ шестерыхъ. отъ нихъ же вотъ и онъ,—вытаскивать“... „А что въ самомъ дѣлѣ, обратился ко мнѣ преосв. Антоній, Коммиссія ваша?!... Я слышалъ отъ о. Ректора нѣкоторые пункты изъ вашихъ комиссейскихъ соображеній... И если эти и подобныя соображенія представлены будутъ мнѣ въ томъ же видѣ и смыслѣ (2), то я напередъ открепиваюсь, чтобы и читать ихъ, и посылать отъ своего имени отказываюсь“... „Вотъ видите ли, что они-то попринадумали, между прочимъ,—началь говорить преосв. Антоній, обращаясь къ собесѣднику. Первое, чтобы студенты IV курса изъ Академіи ходили цѣлыми группами въ Семинарію почти изо-дня въ день,—это за три версты въ одинъ конецъ,—и тутъ они должны размѣщаться по классамъ по нѣскольку лицъ, изъ коихъ одинъ по очереди-будетъ преподавать ученикамъ Семинаріи урокъ по извѣстному предмету, вмѣсто преподающаго его наличнаго наставника Семинаріи.—Число же этихъ пробнопреподавательскихъ

(1) Этотъ собесѣдникъ былъ Предсѣдатель Казан. Судебн. Палаты тайный сов. А—ръ Емел. Лазаревъ. Съ этимъ лицомъ и, еще болѣе, съ другими двумя бывшими предсѣдателями этой же Палаты. теперь Сенаторами, преосв. Антоній имѣлъ самое искреннее дружественное знакомство и съ ними-то любилъ входить въ бесѣды, по преимуществу, о предметахъ дѣловыхъ общественныхъ и, въ томъ числѣ, о касавшихся прямо своего духовно-церковнаго Вѣдомства, со всею увѣренностію, зная религиозное чувство и настроеніе этихъ своихъ собесѣдниковъ.

(2) Совѣтъ Академіи, по выслушаніи представленнаго ему проекта изъ составленныхъ Коммисіею соображеній, въ числѣ 20 §§, измѣнилъ только §§ 4 и 11 и дополнилъ одинъ пунктъ,—именно такъ: «чтобы наставники Семинаріи доносили Совѣту Академіи не позднѣе Мая мѣсяца о томъ, сколько каждый студентъ былъ на лекціяхъ. Затѣмъ постановилъ: «Сображенія эти просить Его Высокопреосвященство представить Его Святельству г. Оберъ-Прокурору Графу Д. А. Толстому. (Смотр. Собр. протоколовъ Акад. 1873 г. стр. 266—267.

уроковъ отъ каждаго студента требуется не менѣе шести... Ну скажите, Господа ради, есть ли тутъ хотя капелька какой либо сообразительности?! Напр. ты знаешь (было обращеніе ко мнѣ),—сколько уроковъ бываетъ въ недѣлю по Нравственному Богословію, или по Основному или по Литургикѣ...—вѣдь не болѣе двухъ-трехъ... а по Нравственному знаю я самъ твердо, что только два.—Представимъ же себѣ, что избравшихъ для себя специально преподаваніе Нравств. Богословія студентовъ окажется по крайней мѣрѣ пятеро; если же каждый изъ нихъ удѣлитъ по шести классныхъ уроковъ, то выйдетъ тридцать,—а всѣхъ-то уроковъ въ году учебномъ по Нравственному Богословію,—за исключеніемъ праздниковъ, экзаменовъ и пр.—едва ли наберется болѣе 50-ти. И такъ что же?! Что вы хотите сдѣлать во 1-хъ и съ самими преподавателями?! Заставить ихъ только, быть какъ хозяевъ на своемъ пахатномъ полѣ или на гумнѣ, гдѣ, сложа руки, они будутъ сидѣть и смотрѣть,—какъ чужіе, только еще пробующіе себя за сохой или бороной, и за цѣпомъ,—будутъ въ глазахъ ихъ работать и хозяйничать... а пожинать-то и съ гумна свозить придется имъ же самимъ,—тогда какъ при жнивѣ будутъ пусты *рукоятки*, а при собраніи съ гумна окажется лишь мякина... А мнѣ-то каково будетъ, когда и теперь, послѣ каждаго экзамена годичнаго, приводится иногда всхлопывать только руками... потому, что уже становится тяжело дѣлать тѣ, или другія указанія наставникамъ по разнымъ предметамъ. Да и наставники-то развѣ не въ правѣ будутъ мнѣ заявлять, „что это-де не мы виноваты—а пришлые лабораторанты...“ Наконецъ, что оставалось бы помыслить и о самихъ ученикахъ Семинаріи, когда стали бы они слушать въ пересыпку то одного, то другаго пробнаго преподавателя... какой бы они наслушались тутъ дребедени и какой бы вышелъ въ итогъ сумбуръ изъ всѣхъ разнокалиберностей, которыя, естественно, отражались на нихъ бы по роду и виду преподающихъ...“ „Да еще: правдали, что въ соображеніяхъ комиссейскихъ есть даже такой §, чтобы наставникамъ Семинаріи назначить особое добавочное воз-

награжденіе не менѣе 300 р. въ годъ... (1). Ужъ если это правда, то изъ рукъ вонъ,—хотя, очевидно, что губа-то не дура... и это ужъ конечно выработано не въ Комиссіи только, а съ обща въ семинарской корпораціи... Впрочемъ мнѣ удивительно, что не додумались вы до того, чего бы, сказать правду, и желалось для окончательной пародіи на самое-то иниціативное распоряженіе отъ Духовн.-учебн. Комитета. Слѣдовало бы поставить еще §, который даже былъ бы основательнѣе, а именно: въ 1-хъ такъ какъ и наставники Академіи должны же бывать въ Семинаріи на студенческихъ преподаваніяхъ (2) и какъ имъ изъ Академіи до Семинаріи ходить или ѣздить весьма далеко и, при томъ, иногда приводилось бы имъ пробывать въ Семинаріи на всѣхъ урокахъ,—то имъ бы слѣдовало назначить прогонныя и порціонныя деньги. А на послѣдокъ для самыхъ студентовъ IV курса, обязанныхъ гурьбами (3) посѣщать Семинарію,—во всякое время года и въ буранъ и въ грязь... нужно сдѣлать подрядъ на извощиковъ, и въ между-классное время—напр. послѣ первыхъ двухъ уроковъ—приготовлять завтракъ... Иначе если они, бѣдные, должны будутъ, пробывши до 2-хъ часовъ въ Семинаріи, снова пѣшешествовать до Академіи на пространствѣ трехъ

(1) Въ § 20-мъ, дѣйствительно, сказано такъ: «ходатайствовать предъ св. Синодомъ, чтобы наставники семинарій академическихъ городовъ въ вознагражденіе особыхъ трудовъ по приготовленію студентовъ Академіи и въ видахъ, между прочимъ, привлеченія въ эти семинарии лучшихъ педагогическихъ силъ, получали добавочное вознагражденіе не менѣе 300 руб. каждый». (См. тамъ же стр. 266).

(2) Въ § 14 сказано: «на каждой лекціи, преподаваемой студентомъ, присутствуетъ наставникъ Семинаріи и, по возможности, Профес. Академіи,—послѣдній, по крайней мѣрѣ, на одной изъ многихъ».

(3) Студенты обязаны были являться въ большомъ количествѣ чуть не цѣлымъ курсомъ потому, что сказано: въ § 2: «студенты первоначально являются, чтобы слушать преподаваніе наставника Семинаріи». Въ § 3: «это слушаніе должно продолжаться нѣсколько разовъ». и въ § 17: «при говореніи студентомъ урока въ Семинаріи обязаны присутствовать товарищи его по избранной группѣ».

версть, особливо въ дурную погоду, — то вы ихъ не заманите и калачемъ... А то ли дѣло, когда были бы готовы всегда извозчики, и былъ бы на виду завтракъ, — студентамъ-то вѣдь вышла бы чистая масляница; — катайся да и только каждый день въ Семинарію... да завтракай себѣ на доброе здоровье!! Да, все это слѣдовало бы изложить и въ смѣтѣ предварительной... и въ счетъ, конечно, духовно-учебныхъ капиталовъ, обыкновеннѣе всего не жалѣемыхъ, по преимуществу, на подобныя, отсюда же исходящія, затѣи, надъ коими всѣми верхъ преимущества, по всему праву, нужно отдать именно этой послѣдней затѣѣ, которая болѣе, чѣмъ изъ рукъ и изъ всякой мысли вонъ, такъ что и разсуждать-то объ ней не только тяжело, но и тошно!! И я напередъ говорю, что едва ли буду имѣть терпѣніе, чтобы прочитать въ подробности, что будетъ мнѣ представлено въ составленныхъ и утвержденныхъ Совѣтомъ Академіи соображеніяхъ. Попрошу, кажется, о. Ректора Академіи напередъ, чтобы меня избавили отъ подобной пытки... Пусть ихъ представляютъ прямо сами отъ себя. — Я же истинно говорю, что если и воспослѣдуетъ рѣшеніе оттуда, гдѣ возникло самое предположеніе объ устройствѣ такихъ практическихъ занятій для студентовъ IV курса Академіи, которое съ своей стороны самъ г. Оберъ-Прокуроръ, — какъ выражено буквально въ его отношеніи, — находить и впередъ признаетъ весьма цѣлесообразнымъ, — то я рѣшусь, кажется, на то, чтобы не пускать и на порогъ Семинаріи будущихъ практикантовъ, которые и теперь въ продолженіи IV курса, по просту сказать, шалаболничаютъ... въ стѣнахъ Академіи, а тогда, шляясь изъ конца въ конецъ города, и совершенно разсѣять себя; да и семинарскіе-то наставники и ученики тоже будутъ вести дѣло спустя рукава“.

Послѣ столь-продолжительной тирады бывшій собесѣдникъ преосв. Антонія сказалъ ему: „Что же, Ваше В—ство, если гдѣ и о чемъ слѣдовало бы привести Вамъ свое прямое мнѣніе, — то кажется здѣсь...“ Ахъ! спаси Господи, перебилъ эти слова преосв. Антоній... Я уже сказалъ, что напередъ отрещиваюсь... и не рѣшусь...

чтобы и рукъ не марать“... „Снесла курица яйцо, оказавшееся болтуномъ, пусть же сама она и клохчетъ, сколько захочетъ, чтобы быть клушкой и изъ болтуна высидѣть и вывести не цыпленка, а что не стоитъ и выфденнаго яйца... Я дивлюсь уже и тому, что и академическій-то Совѣтъ слишкомъ много поступился своимъ достоинствомъ, когда взялся разсуждать и проектировать по поводу настоящаго предположенія, вырвавшася тамъ изъ чьей-то головы, какъ бы, съ вѣтру и выраженнаго въ самомъ отношеніи Его Сіятельства г. Оберъ-Прокурора, какъ бы, въ родѣ загадки...—Въ самомъ дѣлѣ, разсудите хорошенько: въ отношеніи пишется, что въ Дух.уч. Комитетѣ возникло предположеніе объ устройствѣ практическихъ занятій для студентовъ IV курса съ цѣлю лучшаго подготовленія къ ихъ будущей преподавательской дѣятельности. Г. Оберъ-Прокуроръ, съ своей стороны, уже напередъ призналъ это предположеніе весьма цѣлесообразнымъ... но предварительно представленія его на утвержденіе св. Синода, онъ проситъ предложить Академіи и Семинаріи войти въ обсужденіе способа выполненія означенной мѣры... Въ чемъ же именно состояло самое предположеніе Комитета и какія были у него-то самого хотя гадательныя мѣры и способы,—объ этомъ ничего не сообщено, а сказано, между тѣмъ, что это предположеніе *уже напередъ признано* со стороны Оберъ-Прокурора *весьма цѣлесообразнымъ*. Не загадка ли это?! Извольте-де обсудить то, что только зародилось у кого-то въ головѣ, какъ предположеніе,—и сдѣлать заключеніе объ этомъ, какъ непременно *весьма цѣлесообразномъ*?! Совѣту Академіи надлежало бы прямо отринуть это въ вопросъ въ самомъ принципѣ... Мало сего: этимъ вопросомъ скорѣе бы нужно было Совѣту воспользоваться къ тому, чтобы поставить вопросъ о положительной бесполезности того, отъ чего и теперь тратятся попусту и время, и трудъ студентовъ IV курса..., а не поддакивать тому, чѣмъ должна еще увеличиться эта бесполезность..., хотя бы дѣло *тамъ* сидящимъ на мѣстѣ и представлялось весьма цѣлесообразнымъ“. Скажу прямѣе: если академіи призываются къ участію въ соразсужде-

нiи и содѣйствiи Дух.-уч. Комитету по части улучшенiя преподаванiя въ семинарiяхъ, то это дѣло должно быть отдано въ главныя руки самихъ же академiй, именно въ томъ видѣ и значенiи, какъ это было прежде при существованiи академическихъ Округовъ. Объ этомъ предметѣ, помнится, я говорилъ когда-то съ Вами же; да и Вы хорошо знаете про существованiе нашихъ академическихъ Округовъ. Эти Округи имѣли свое значенiе, положительно полезнѣйшее и, въ своей мѣрѣ, болѣе, чѣмъ остающiеся доселѣ Округи университетскiе. Вѣдь, Вы начали службу Вашу въ здѣшней же Гимназiи, и опредѣленiе Васъ зависѣло только отъ Попечителя Округа и отчасти Директора Гимназiи, и, при томъ, на основанiи Вашего только аттестата... И Попечитель округа и Директоръ могли не знать Васъ и во снѣ..., да и самъ Университетъ съ той минуты, какъ выдалъ Вамъ аттестатъ объ окончанiи курса, забылъ про Васъ, какъ бы никогда не бывавшаго въ его вѣдѣнiи... Между тѣмъ, у насъ все это дѣлалось въ такъ называвшемся „внѣшнемъ“ Правленiи, въ которомъ предсѣдателемъ былъ всегда Ректоръ Академiи, члены же инспекторъ и многiе изъ профессоровъ; —здѣсь же имѣли прямое участiе, по извѣстнымъ дѣламъ, и члены Конференцiи, избранные изъ разныхъ лицъ, какъ изъ среды профессоровъ, такъ и изъ среды мѣстнаго духовенства, по преимуществу, достойные и по академическому образованiю и по своему служебному званiю въ епархiи. — Отъ этой-то мѣстно-начальственной корпорацiи, въ общемъ составѣ внѣшняго или окружнаго Правленiя и Конференцiи, зависѣло исключительно и самое первоначальное распредѣленiе, — *кого и куда и на какой предметъ* избрать и назначить изъ кончившихъ курсъ Академiи; совмѣстно же съ этимъ, отъ той же корпорацiи (собственно Конференцiи, въ которой участвовали, при этомъ, всѣ лица Академiи), — зависѣло присужденiе и самыхъ степеней — магистерскихъ и кандидатскихъ, на основанiи самыхъ положительныхъ данныхъ, — т. е. успѣховъ за всѣ четыре года, и самаго поведенiя и такъ называвшихся курсовыхъ сочиненiй, писанныхъ на степень и уже прочитан-

ныхъ и оцѣненныхъ. Мало сего—при этомъ всепре-
мѣнно принимались во вниманіе и строжайше взвѣщи-
вались всѣ основательныя заявленія членовъ Конферен-
ціи и, по преимуществу, профессоровъ Академіи о сту-
дентахъ и про и contra... Это, бывало, можно сказать,
что-то въ родѣ именно собранія парламентскаго, гдѣ
дозволялись открытыя пренія и дѣло иногда не оканчи-
валось одно-дневнымъ только собраніемъ. Такимъ обра-
зомъ, состояніе студентовъ, въ большинствѣ, было разби-
раемо, такъ сказать, по косточкамъ и въ отношеніи ус-
пѣховъ, и способностей, и поведенія, и всего направленія,
чтобы дать тому или другому соотвѣтственное назначе-
ніе какъ по предмету преподаванія, такъ даже и по са-
мому мѣсту будущаго его служенія. Это одна сторона,
которой теперь и тѣни нѣтъ... (1). А что сказать о
другой?! Разумѣю именно ту, что тоже самое Окружное
академическое Правленіе вѣдало и заправляло всѣмъ,
что происходило въ той или другой Семинаріи своего
Округа. Всѣ даже списки учениковъ семинарій, и самыхъ
училищъ постоянно за каждый учебный годъ имѣлись въ
Окружномъ Правленіи, изъ которыхъ оно ясно видѣло
всѣ успѣхи учениковъ и въ нихъ успѣхи и самаго пре-
подаванія и, слѣдовательно, личныя достоинства препо-
давателей, коихъ и формулярные списки, съ ежегодными
аттестациями мѣстныхъ Архіеревъ о способности и даже
поведеніи, доставлялись въ это же Окружное Правленіе.
Оно же—Окружное Правленіе, съобща съ Конференціею,
избирало и ревизоровъ въ подвѣдомыя семинаріи и учи-
лица не чрезъ срочное только время, а смотря потому,
гдѣ и что оказывалось требующимъ ревизіи на мѣстѣ... (2).
Оно же имѣло право, на основаніи всѣхъ сказанныхъ

(1) Въ прежде приведенномъ указѣ св. Синода читатели уже
видѣли, что высказанный преосв. Антоніемъ порядокъ рассмат-
риваемаго дѣла возстановленъ теперь, вмѣстѣ съ учрежденіемъ окру-
говъ, въ той же почти мѣрѣ...

(2) Въ новомъ Уставѣ 1884 г. въ § 81—въ отдѣлѣ: «Пред-
мѣты занятій Совѣта Академіи»—в. пункт. 8—сказано, что къ этимъ
занятіямъ относится—и «назначеніе изъ среды профессоровъ реви-
зоровъ по учебно-воспитательной части въ Семинаріи своего округа,

данныхъ, назначать къ перемѣщенію не только наставниковъ, но и ректоровъ и инспекторовъ изъ одной Семинаріи въ другую въ тѣхъ или другихъ видахъ, или присуждать къ совершенному увольненію и вообще употреблять свои прямыя мѣры къ исправленію разныхъ недостатковъ въ состояніи заведеній или представлять обвинныхъ Высшему Начальству⁽¹⁾. Оно же, наконецъ, смотря по состоянію семинарій, опредѣляло и число студентовъ къ назначенію въ Академію, зная напередъ, откуда можно надѣяться принять сравнительно лучшихъ, способнѣйшихъ для академическаго образованія, и въ видахъ будущаго ихъ назначенія для пользы вообще самыхъ учебныхъ заведеній и будущаго служенія этихъ лицъ на пользу Церкви. А если случалось иногда, что, присланный для поступленія въ Академію, воспитанникъ какой-либо семинаріи оказывался на приемныхъ экзаменахъ плоховатымъ, то дѣло не ограничивалось только нынѣшними безцѣльными публикаціями о результатахъ приемныхъ экзаменовъ.—Окружное Правленіе имѣло полное законное право дѣлать замѣчанія и выговоры семинарскимъ начальствамъ, или даже возвращать воспитанниковъ въ свою епархію и, при томъ, со взысканіемъ съ избравшихъ и приславшихъ подобнаго воспитанника прогонныхъ и путевыхъ денегъ за оба пути.—Вотъ Вамъ простое мое сказаніе о бывшемъ прежде порядкѣ дѣла, которое велось такъ просто, въ смыслѣ самомъ естественномъ, и рационально и практично.—И какъ все въ

разсмотрѣніе ихъ отчетовъ и соображенія о мѣрахъ къ поднятію уровня семинарскаго образованія». НВ. Но такъ какъ Ревизоры-Члены Дух.-уч. Комитета тоже оставлены при своихъ обязанностяхъ и дѣйствіяхъ ревизионныхъ на мѣстахъ,—то, естественно, остается вопросъ о сравнительной степени значенія тѣхъ и другихъ ревизій...

(¹) Въ одномъ изъ писемъ преосв. Антонія, въ бытность его Ректоромъ Киевск. Акад., къ преосв. Иннокентію читаемъ: «Двѣ семинаріи были обревизованы и отзывы уже представлены. Необходимо чтобы на эти ревизіи было обращено вниманіе Высшаго Начальства... Иначе онѣ (ревизіи) рѣшительно не будутъ имѣть значенія и уваженія отъ самихъ семинарій ревизуемыхъ». (Письмо 21 Февраля 1853 г.).

этомъ порядкѣ—и начало съ концомъ и конецъ съ началомъ сходились, сочетавались... и какая выходила тогда нормальная золотая середина въ отношеніяхъ между академіями и семинаріями, какая концентричность была въ самомъ ходѣ духовнаго образованія, —какая гармонія отражалась во всѣхъ дѣйствіяхъ управленія въ томъ или другомъ Округѣ, и какая, вслѣдствіе всего этого, типическая характеристичность отпечатлѣвалась на самыхъ питомцахъ академическихъ, —такъ что и до днесь можно сразу угадывать, кто въ какой Академіи получилъ образованіе, хотя бы это было уже въ давнѣйшее время... А теперь что?! Право же и сравнивать-то не приводится... начиная напр. съ самыхъ факультетовъ и оканчивая, достойно вѣнчающей ихъ, этою послѣднею пародіею на нихъ, —настоящимъ проэктомъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ въ преподаваніи въ самыхъ семинаріяхъ...—Ужъ истинно теряютъ головы самые вводители этихъ факультетовъ, какъ выныривать самыхъ факультетчиковъ, когда, кромѣ специалистовъ въ лицѣ академическихъ профессоровъ, еще притягиваютъ сюда же новыхъ нянекъ—наставниковъ семинарій. Ужъ вѣрно выйдетъ отъ сюда пословица: при семи нянькахъ дитя будетъ съ однимъ глазомъ, хотя бы и спеціальнымъ... Вмѣсто этихъ наньчиньевъ, что лучше, какъ придти бы, по крайней мѣрѣ, къ той мысли, —не измѣняя пока и самыхъ спеціальныхъ отдѣленій, чтобы въ продолженіи послѣдняго IV курса заставить студентовъ понаньчиться самимъ надъ собою, именно возможно сосредоточиться на главномъ цѣлостномъ существенномъ содержаніи всего академическаго образованія. А это, по моему, должно бы выйти вотъ какимъ путемъ и порядкомъ: во 1-хъ, чтобы были академическіе учебники по всѣмъ главнымъ предметамъ; во 2-хъ, чтобы поступившіе въ IV курсъ, наоборотъ, не столько занимались своими спеціальностями, —для чего съ избыткомъ достаточно для нихъ прежнихъ трехъ лѣтъ, —а чтобы были обязаны слушать опредѣленное число лекцій въ каждую недѣлю, по крайней мѣрѣ, по двѣ по три, —по всѣмъ собственно Богословскимъ предметамъ, —на что, по моему, вполне достаточно

и времени, такъ какъ, помнится, въ Уставѣ назначено въ IV курсѣ только 9-ть лекцій для спеціальныхъ кафедръ,—слѣдовательно, менѣе, чѣмъ на половину противъ первыхъ 3-хъ курсовъ. При семъ и самое преподаваніе этихъ наукъ должно быть не какое либо особенно широкое и выпренье научное, а возможно приближительное къ самымъ учебникамъ академическимъ, которые и самими студентами должны быть прочитаны всецѣло и усвоены осмысленно и сердечно не по школьному, а какъ свойственно развитому уже человѣку—христіанину. А что касается и до самаго, впрочемъ, усвоенія содержанія учебниковъ въ родѣ школьнаго, т. е. на память, то въ этомъ, само собою, весьма поможетъ уже одно то, что эти Богословскія науки были же, такъ или иначе, толково и твердо, изучаемы этими же студентами въ свое время въ семинаріяхъ и не могли же быть въ конецъ забыты. Во всякомъ случаѣ эти-то именно слушанія и чтенія Богословскихъ предметовъ повѣяли бы на нихъ инымъ духомъ, произвели бы впечатлѣніе и прямое вліяніе, какъ на развитыхъ уже людей, а не какъ въ прежнемъ возрастѣ. Однимъ словомъ, слушающіе и читающіе цѣлый годъ эти науки Богословскія и, при этомъ,—(что особенно нужно бы ввести обязательно),—непремѣнно прочитывающіе священную Библію—изъ Ветхаго Завѣта нѣкоторыя книги учительныя и пророческія,—а изъ Новаго Завѣта всѣ,—студенты, такъ сказать, одуховнились бы и стали бы смотрѣть на самую Академію, какъ на мѣсто своего образованія, спеціальнаго *собственно* въ этомъ существенномъ смыслѣ,—духовно-просвѣтительномъ преимущественно предъ прочими разсадниками высшаго образованія, а не какъ на что-то, составляющее только часть общаго высшаго университетскаго образованія, въ которое хотя бы и ревнують многіе втиснуть духовныя академіи въ значеніи только факультетовъ въ ряду прочихъ университетскихъ.—Въ этомъ же случаѣ,—скажу еще,—не было бы и тѣхъ послѣдствій, каковыя оказываются теперь при назначеніи на должности преподавателей Богословскихъ предметовъ, за недостаткомъ слушающихъ ихъ спеціалью въ академіяхъ,—а равно и

тѣхъ послѣдствій, что получающіе степени Магистра и даже Доктора „Богословія“ носятъ ихъ только номинально... и что, при принятіи ими священнаго сана, они оказываются менѣе всего вѣдающими Священное Писаніе и Богословіе, а, потому, носимые ими самыя кресты—магистерскіе и докторскіе служатъ только вывѣскою того, чего нѣтъ въ содержаніи“.

— Охма, охма!! произнесъ преосв. Антоній это свое обычное восклицаніе, какъ-то особенно протяжно на этотъ разъ, съ одной стороны отъ видимой усталости, при продолжительномъ непрерывномъ словоговореніи,—а всего болѣе отъ тяжелыхъ чувствованій, о которыхъ тутъ же не утерпѣлъ и высказаться.

„Вотъ Вы,—Ваше П—ство, сказали мнѣ давеча, что слѣдовало бы мнѣ непременно писать... Да развѣ это секретъ, что я уже писалъ столько, что инымъ со стороны думается въ этомъ самомъ видѣть нѣчто, не говорю уже въ мою личную не пользу, но, будто бы, не въ пользу и самаго дѣла... выражаясь по просту: будто бы я слишкомъ *записался* и уже *исписался*... Но я скажу Вамъ и всякому, — тоже не какъ секретъ, — что какъ ни думали бы объ этомъ не со стороны только, но даже и *тамъ вверху*, я остаюсь при одномъ: *еще писалъ, писалъ*... равно какъ *еще рекохъ* и теперь воистину *глаголахъ* и готовъ свидѣтельствовать за Васъ самихъ, что Вы не скажете обо мнѣ, будто я ужъ слишкомъ заговорился и истощился въ содержаніи нашей бѣсѣды...“ Когда собесѣдникъ, тронутый до глубины души смысломъ этихъ словъ, привставая съ кресла съ поклономъ сталъ свидѣтельствоваться со всею искренностію...—преосв. Антоній, какъ-то томно и полуулыбаясь, еще завелъ рѣчь: „Вотъ о тѣхъ-то, отъ коихъ все оное исходитъ..., желалось бы и должно по справедливости сказать: о когда бы! они поскорѣе *исписались* и *истощились* по части своихъ новопридумываній, подобныхъ послѣднему о практикантскихъ занятіяхъ студентовъ IV курса въ Семинаріи... и, о когда бы!, скорѣе наступило то время, которое бы само собою обнаружило и обличило всю *несуразность*, въ большин-

ствѣ, того, что выразилось и на дѣлѣ уже осуществилось въ произведенномъ вообще новомъ преобразованіи нашихъ академій и семинарій и училищъ духовныхъ— въ прямой и явный ущербъ ихъ благосостоянію... Доживемъ ли мы съ Вами, Ваше П—ство, до этой поры, Богъ вѣсть (1); но сознать и высказываться въ значеніи этихъ желаній и упованій, какъ вызываемыхъ самою насущною, даже волюющею потребностію, полага-тельно, никто не въ силѣ наложить запрета... Готовъ сказать больше: худо, горько, положительное горе будетъ, если, наоборотъ, этою системою придавливанія всякихъ прямыхъ и ясныхъ указаній, заявляемыхъ пока изъ среды только нашей, доведутъ до того, когда возмется за это дѣло общая пресса... Исходъ тутъ одинаково горькій и положительно такъ называемый, —cornutus съ двухъ сторонъ: во первыхъ то несомнѣнно, что разобьютъ, какъ говорится, на повалъ все то, что теперь зиждется, но зиждется такъ, что теперь же даетъ явные признаки скорого распадена, —а во 2-хъ тутъ же, въ замѣнъ распадающихся, будутъ подставлять такіе проэскты, которые перещеголяютъ доселѣ бывшіе... и *будутъ послѣдняя горшка первыхъ!!!* до коихъ не дай Господи намъ съ Вами и дожить, если бы было суждено этому быть. Но будемъ воспѣвать отъ глубины души: *„Утвержденіе на Тя надъющихся утверди Господи Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею Кровію и исполненіе Церкви Твоя сохрани и всякое достояніе ея соблюди и управи!“* Съ этими словами преосв. Антоній заносилъ уже свою руку для благословенія своего бывшего собесѣдника, съ коимъ и простился обычнымъ добызаніемъ, —примолвивъ улыбаясь: „извините, однако, А. Е., что я слишкомъ заговорился... хотя не по содержанию предмета и качеству разговора, —а по количе-

(1) Оба не дожили: преосв. Антоній скончался 8-го Ноября 1879 г., когда всѣ описываемые порядки и дѣйствія были еще въ полной силѣ при бывшемъ Оберъ-Прокурорѣ и Предсѣдателѣ Дух.-учеб. Комитета о Прот. І. В. Васильевомъ; а собесѣдникъ Ал. Емел. скончался 25 Декабря 1877 г.

ству времени; вѣдь, вотъ, скоро уже и десять часовъ, если не больше...“.

Готовы бы и мы извиниться предъ читателями, что, быть можетъ, тоже заговорились уже слишкомъ долго касательно многообразныхъ разсужденій преосв. Антонія въ излагаемомъ здѣсь отношеніи и смыслѣ... Но мы можемъ такъ же свидѣтельствоваться отъ лица всѣхъ тѣхъ многихъ, кто только бывалъ въ подобныхъ собесаѣдованіяхъ съ преосв. Антоніемъ, что, съ одной стороны, онъ, дѣйствительно, былъ способенъ и былъ неистощимъ, чтобы вести свои подобные разговоры со всею полнотою и задушевностію, и что, съ другой стороны, самые предметы и содержаніе его разговоровъ всегда возбуждали живой интересъ, чтобы выслушивать ихъ до конца... не перебивая, и, даже при самомъ окончаніи, все-таки еще предвидѣть что-то впереди по самой связи и послѣдовательности.—На этотъ именно разъ, помимо всякаго извиненія предъ читателями, намъ пельзя не высказать еще одного разсужденія преосв. Антонія касательно образа и порядка дѣйствій въ академіяхъ по части формально-официальной, —именно касательно печатанія протоколовъ засѣданій Академическаго Совѣта и, всего болѣе, распространенія ихъ во всеобщее свѣдѣніе въ приложеніяхъ къ издаваемымъ академіями ученымъ журналамъ.

Печатаніе, въ особенности же издаваніе въ свѣтъ, совѣтскихъ академическихъ протоколовъ преосв. Антоній находилъ совершенно излишнимъ, неумѣстнымъ и во многихъ отношеніяхъ прямо вреднымъ. „Недостаточно ли уже и того, говорилъ преосв. Антоній, что въ силу извѣстнаго § Устава (§ 102) составляется подробный годичный отчетъ о состояніи академій во всѣхъ отношеніяхъ, —который и печатается во всеобщее свѣдѣніе. А къ чему печатать протоколы и, при томъ, въ такой пунктуальной точности со всѣми подробностями о всякомъ дѣлѣ до самаго малѣйшаго, —гдѣ все разсужденіе и постановленіе Совѣта иногда заключается въ словахъ: „приложить къ дѣлу“ *безъ принятія даже къ свѣдѣнію*, потому что не стоитъ... Между тѣмъ, на это печатаніе, —со включеніемъ (хотя весьма-весьма рѣдко появляющихся), маги-

стерскихъ сочиненій—ассигнуется ежегодно 3000 руб.—Слѣдовательно, на всѣ четыре академіи двѣнадцать тысячъ... Невольно скажешь: *чего ради гибель сія?! Не могло ли сіе очень-очень почтенное количество денегъ* (1) быть назначено и употреблено на что либо прямо полезное?! (2). И, дѣйствительно, эти разсужденія преосв. Антонія скоро оправдались именно въ послѣднемъ смыслѣ. Самъ преосв. Антоній имѣлъ-было въ виду удѣлять хотя нѣкоторую часть изъ этихъ денегъ въ вознагражденіе Проф. Академіи Н. И. Иваловскому за труды его по преподаванію ученія о расколѣ въ Семинаріи и вообще за воскресныя собесѣдованія его съ раскольниками въ семинарскомъ зданіи, хотя онъ и не выразилъ сего

(1) По новому Уставу (1884 г.) количество этихъ денегъ уменьшено,—именно: для академій Кіевской, Московской и Казанской назначено по 2000 руб., а для Петербургской—2500 р.

(2) При одномъ изъ подобныхъ разговоровъ, по этому же именно предмету, преосв. Антоній прямо указывалъ, на что всего полезнѣе было бы отдѣлить хотя часть изъ этого *двѣнадцати-тысячнаго* количества денегъ, а именно: на печатаніе и изданіе въ кожаномъ переплетѣ св. Библіи (В. и Н. Завѣта) на *Славянскомъ языкѣ*,—при томъ, въ 4-ю долю листа, шрифтомъ покрупнѣе и почотче съ параллельными цитатами внизу страницы,—экземпляры которой ежегодно и должны быть рассылаемы во всѣ академіи и семинаріи для раздачи каждому изъ новопоступающихъ воспитанниковъ съ тѣмъ, чтобы во весь курсъ воспитанникъ пользовался ею, какъ чистою собственностію и не имѣлъ бы обязанности сдавать эту книгу въ бібліотеку, даже и на время вакаціи, и наконецъ, и, по окончаніи курса, имѣлъ право взять ее, какъ неотъемлемо ему принадлежащую—на всю жизнь... Вѣдь былъ же этотъ истинно разумный и благополезный порядокъ—прежде, когда высылались экзем. св. Библіи для всѣхъ воспитанниковъ Семинаріи, переходившихъ въ Богословскій уже классъ и отдавались имъ безмездно навсегда... Это было въ 50-хъ годахъ!! А теперь, кажется, болѣе и удобствъ книгопечатныхъ и средствъ, если не тратить ихъ на протоколистику и т. п.,—равно какъ и самая-то потребность въ удовлетвореніи этому святому дѣлу всего болѣе насущна и воюща въ виду нынѣшняго явнаго охлажденія въ воспитанникахъ къ чтенію Слова Божія... Еще: для воспитанниковъ V и VI классовъ весьма благопотребно и полезно было бы выдавать такъ же каждому по экз. Службника, Требника, Октоиха и Тріодей:—послѣдніе—Октоихъ и Тріоди—весьма хорошіе издаются въ 8-ю д. листа въ Моск. Синод. типографіи. Эти церковныя книги должны

прямо въ своемъ предложеніи Академическому Совѣту, въ которомъ онъ приглашалъ г. Ивановскаго для занятій по расколу въ Семинаріи ⁽¹⁾. Но Совѣтъ Академіи, въ то же время входившій въ особыя разсужденія о крайнемъ затруднительномъ положеніи, — собственно финансовомъ, — журнала „Православный Собесѣдникъ“, воспользовался сказанными разсужденіями преосв. Антонія „Въ виду всѣхъ своихъ соображеній—(сказано въ протоколѣ Совѣта по сему предмету).—Совѣтъ Академіи съ глубокимъ прискорбіемъ извѣстился изъ доклада Редакціи, читаннаго въ общемъ собраніи наставниковъ Академіи, о печальномъ финансовомъ положеніи журнала „Православный Собесѣдникъ“ и считаетъ своею обязанностію оза-

быть вмѣстѣ съ св. Библиею, въ полномъ смыслѣ настольными у воспитанниковъ и во время курса Богословскаго, и впослѣдствіи тѣмъ паче, когда они поступятъ въ священники или диаконы, или псаломщики и учителя церк.-приходск. школъ; иначе выходитъ, что священники-то первые менѣе всего слушаютъ и въ самой Церкви, и разумѣютъ весьма мало содержаніе Богослужебныхъ книгъ, которое, между тѣмъ, есть самое лучшее и для проповѣдей въ духѣ истинно-церковномъ.—Я было думалъ и думаю сдѣлать распоряженіе, хотя и не формальное, — чтобы кончившіе курсъ Семинаріи и поступающе въ священники и диаконы обязательно приобрѣтали всѣ сказанныя книги въ свою собственность, помимо имѣющихся въ церкви, такъ чтобы не прежде выдавать имъ и ставленныя Граматы, какъ по удостовѣреніи въ выполнении этого обязательства:—но, при всемъ этомъ, полагаю, что цѣль достигалась бы здѣсь не настолько, какъ въ томъ случаѣ, когда воспитанники еще въ теченіи Богослов. курса слушаючи науки по Литургикѣ, Гомилетикѣ, а тѣмъ паче, слушаючи во весь шестилѣтній семинарскій курсъ св. Писаніе, могли бы, дѣйствительно, возможно внимательно и толково вникать и усваивать и содержаніе, и самый духъ, и характеръ священно-церковнаго ученія и чрезъ это, такъ сказать, оцерковлялись бы... Самая выдача книгъ была бы для нихъ поощреніемъ..., а на расходъ по этому предмету, по моему, самое бы справедливое дѣло отчислить изъ ассигнуемыхъ на академич. протоколы и пр. 12-ти тысячъ потребное количество денегъ, и этимъ искупить хотя часть вины въ пустопорожней затратѣ такой громадной суммы. НВ. Этому предположенію преосв. Антонія, дѣйствительно, соотвѣчаетъ, въ своей мѣрѣ, вышеуказанное въ новомъ Уставѣ, назначеніе суммъ на протоколы, — именно вмѣсто 12 т. въ количествѣ только 9½ тысячъ.

(1) Смотри. Собрание Протоколовъ 1873 года—24-го Сентября, стран. 286—287.

ботиться принятиемъ мѣръ къ продолженію его существованія, которому угрожаетъ серьезная опасность. Общее Собраніе наставниковъ назначило особую комиссію, которой поручило изыскать возможные мѣры къ улучшенію финансоваго положенія Редакціи. Совѣтъ же Академіи, съ своей стороны, осмѣливается утруждать св. Синодъ ходатайствомъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ деньги 3000 рублей, ассигнуемыя на печатаніе протоколовъ Совѣта и магистерскихъ диссертаций, обратить въ распоряженіе Редакціи Православнаго Собесѣдника съ обязательствомъ, чтобы послѣдняя издавала всѣ, опредѣляемые къ напечатанію Совѣтомъ, протоколы и магистерскія диссертации, а равно и курсовыя сочиненія, написанныя противъ магометанства, на изданіе которыхъ отпущена была часть изъ такихъ же денегъ. Остающіяся за покрытіемъ означенныхъ издержекъ, деньги, могли бы служить субсидіею для поддержанія академическаго журнала и вознагражденіемъ Редакціи за тѣ пожертвованія, какія она постоянно дѣлала и дѣлаетъ академической библіотекѣ.—Въ силу этого опредѣлили: Просить Его Высокопреосвященство, преосвященнѣйшаго Антонія, ходатайствовать предъ св. Синодомъ о передачѣ 3000 рублей, ассигнуемыхъ на изданіе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций, въ вѣдѣніе Редакціи Православнаго Собесѣдника съ прописаннымъ обязательствомъ“ (1).

Понятно, съ какимъ сочувствіемъ принялъ на себя преосв. Антоній ходатайство по этому дѣлу. Но когда воспослѣдовало удовлетворительное рѣшеніе св. Синода, онъ, все-таки, не отставалъ отъ своей прежней мысли о напрасной тратѣ бумаги и трудовъ Редакціи Православнаго Собесѣдника на печатаніе протоколовъ.—Эта мысль укоренилась въ преосв. Антоніи еще болѣе, когда, время отъ времени, стали оправдываться на дѣлѣ всѣ тѣ основанія и причины, по которымъ онъ находилъ, съизначала, печатаніе и распространеніе во всеобщность ака-

(1) Смотр. Собрание Протоколовъ 1873 года—24-го Сентября, стран. 288—291.

демическихъ протоколовъ неумѣстнымъ и прямо, во многихъ отношеніяхъ, вреднымъ. „Скажите мнѣ хотя для примѣра, говариваль преосв. Аптоній.—въ какихъ высшихъ заведеніяхъ, напр. хоть въ университетахъ, ведется такой порядокъ, чтобы оповѣщать всѣхъ и каждаго, что—„вотъ-де у насъ получаютъ такія и такія бумаги по такимъ-то дѣламъ, и что по нимъ бываютъ такія-то разсужденія, составляются опредѣленія“ и пр. и пр.—Если же этого нѣтъ, то что за оригинальная фантазія родилась у проэктосоставителей новаго Устава для академій, ввести такой порядокъ дѣлопроизводства въ Совѣтахъ академическихъ, чтобы выставлять на показъ всему свѣту все, что происходитъ въ дѣлопроизводствѣ?! Ужъ не рассчитывали ли здѣсь проэктосоставители на чувство того предуслажденія, что пусть-де видитъ весь свѣтъ и любитъся, и восхищается, какъ, отсель, все и во всемъ пойдетъ образцово въ новообразованномъ состояніи нашихъ духовныхъ академій?! Но увы! подобное предуслажденіе только и могло быть предуслажденіемъ,—которое и для нихъ самихъ совершенно тоже, что выражается пословицею: по усамъ текло, да въ ротъ ни капли не попало; да и со стороны осталось повторять такъ же пословицу: „не прочь бы пить медь да не чужими устами“... А потому не наоборотъ ли,—вмѣсто услажденія, приводится, дѣйствительно, выносить изъ чтенія этихъ протоколовъ иногда прямое чувство огорченія, а для иныхъ даже въ смыслѣ не безопаснаго отравленія,—могущаго переходить еще и въ своего рода эпидемическое зараженіе... Возьмемъ самый простой, по видимому, пунктъ изъ содержанія протокола напр. такой: „По справкѣ оказалось,—что такой-то кончившій курсъ Академіи по такому-то отдѣленію получилъ на послѣднихъ экзаменахъ такіе-то баллы... незавидные вообще и что о его курсовомъ сочиненіи послѣдовали такіе-то отзывы... тоже не больно приглядные и поведенія онъ съ балломъ $3\frac{3}{4}$...—Постановили: „Положимъ... хотя... правда... но... однако... при всемъ томъ... удостоить кончившаго курсъ N степени кандидата Богословія“... А. затѣмъ, въ другомъ протоколѣ объ этомъ же N сказа-

но: что онъ назначается въ такую-то Семинарію преподавателемъ такихъ-то предметовъ, какъ специально имъ изученныхъ... (но, надобно бы прибавить тутъ ради чистой правды—изученныхъ неудовлетворительно, что очевидно изъ выведенныхъ въ прежней справкѣ балловъ его успѣховъ...) И что же далѣе?! Этотъ кандидатъ, назначенный преподавателемъ, является къ мѣсту должности... а здѣсь давнымъ давно ужъ прочитаны и сослуживцами и даже семинаристами всѣ тѣ отпечатанныя свѣдѣнія объ немъ... Спрашивается: сколько здѣсь на долю этого кандидата выпадаетъ огорченія..., и сколько для самихъ будущихъ учениковъ его отравленія въ смыслѣ явнаго предубѣжденія противъ него, какъ не надежнаго преподавателя; а это предубѣжденіе не можетъ ли распространиться даже и на тѣхъ учениковъ, кои не находятся еще, въ пору его поступленія въ преподаватели, учениками его, а имѣютъ поступить только въ послѣдствіи?!—Вотъ вамъ и вся цѣль и вся польза, въ данномъ случаѣ, печатанія и публикованія протоколовъ академическихъ!—Но это еще одна сторона—сколько ни худая, но, все-таки, внутренняя, касающаяся только частныхъ личностей. А что сказать о другихъ дѣлахъ?—Вотъ давно ли были примѣры въ Кіевской Академіи. Одинъ фактъ—это соисканіе докторства самимъ Ректоромъ Академіи. Вѣдь, въ какой мѣрѣ разносился слухъ въ особенную честь и славу его прежде, по поводу самаго содержанія его ученаго труда,—въ такой же мѣрѣ прочитавшіе въ печатныхъ протоколахъ всю процедуру дѣла со всѣми отзывами, кончившуюся не въ пользу искомаго докторства, само собою понизили, на много-много процентовъ, свои понятія о самыхъ личныхъ ученыхъ достоинствахъ писавшаго такое сочиненіе,—а въ числѣ читавшихъ были, ближе всего, и самые студенты Академіи, въ которой онъ былъ Ректоромъ... Другой же фактъ, еще горшій по своимъ послѣдствіямъ, тотъ, когда напечатаны были во всей подробности.—въ строгомъ смыслѣ внутреннія разсужденія членовъ Совѣта, доходившія, между прочимъ, до значительныхъ преній по предмету тоже докторства въ лицѣ заслуженнаго Про-

фессора той же Кіевской Академіи Щ.—Извѣстно, какъ сразу подхватили тогда газеты на свои страницы этотъ фактъ и пустились въ толкованія не по отношенію къ существу предмета, а именно къ процедурѣ разсужденій и преній и низвели самое дѣло на тонъ фельетонный, и даже карикатурно-юмористическій,—изобразивши Членовъ Совѣта—Профессоровъ Академіи въ буквально такъ называемомъ *халатномъ* положеніи и въ отношеніяхъ взаимныхъ другъ къ другу и къ самому дѣлу. А, вѣдь, если что съ особенною жадностію читають въ газетахъ, то именно подобныя картины и на нихъ утверждають свои сужденія съ прибавленіемъ своихъ красныхъ, но непрекрасныхъ словечекъ, приуравливая, подъ часъ, образъ и характеръ разсужденій и дѣйствій въ великоученыхъ совѣтахъ академическихъ къ какимъ либо волостно-правленскимъ... Наконецъ, эти же газетныя сообщенія,—да и самые протоколы,—читають всѣ и всякій и всюду, включая сюда самихъ же студентовъ академій и продолжая до трактирщиковъ и сидѣльцевъ въ питейныхъ домахъ... Каковы же отсюда послѣдствія... и все изъ-за чего?! Изъ-за того, что отпускается *на четыре* академіи цѣлыхъ *дванадцать тысячъ* рублей, въ каждый годъ, изъ коихъ, болѣе чѣмъ половина, употребляется спеціально на печатаніе и распространеніе, съ одной стороны, самыхъ пустопорожнихъ приказническихъ свѣдѣній, а съ другой — порождающихъ столь явную зловредность...“ „Слава Богу, говорилъ преосв. Антоній, въ протоколахъ нашей Академіи нѣтъ такой поживы для газетчиковъ... Мнѣ даже больно не хотѣлось, чтобы было пропечатано цѣликомъ въ подлинникѣ все мое мнѣніе, которое приложено было при представленіи св. Синоду по дѣлу возведенія П. В. Знаменскаго на степень Доктора, хотя я и успокоиваюсь теперь тѣмъ, что, значитъ, не нашлось тутъ ничего подходящаго подъ вкусъ и кисть мазильщиковъ-газетчиковъ“. Впрочемъ, преосв. Антоній иногда конфиденціально передавалъ о. Ректору Академіи, чтобы нѣкоторыя протокольныя статьи не были печатаемы (1).

(1) Въ новомъ Уставѣ (1884 г.) въ § 89 сказано: «Журналы

Но преосв. Антоній, все-таки, какъ бы, сглазиль такой ходъ и содержаніе протоколовъ здѣшней Академіи. Фактъ, о которомъ мы хотимъ сказать, былъ дѣйствительно и случился въ самый послѣдній уже годъ жизни преосв. Антонія. По существу дѣла этотъ фактъ, сказать правду, не наводилъ еще тѣни на бывшія всегда чистыми и свѣтлыми страницы протоколовъ здѣшней Академіи, если бы не привошли сюда инья, совершенно съ чужой стороны, обстоятельства, или точнѣе, неблагонамѣренныя тенденціи *нѣкихъ господій стрѣляній*— (Быт. 49, 24), воспользовавшихся указываемымъ фактомъ какъ бы новымъ зарядомъ для своего злорадственнаго выстрѣла, пущеннаго, въ родѣ такъ называемой шумихи-ракеты сигнальной въ среду предъизбраннаго ими лагеря—извѣстнаго печатнаго органа—„Церковно-общественнаго Вѣстника“.

Фактъ этотъ былъ слѣдующій, какъ буквально значится онъ въ печатномъ протоколѣ 28 Января 1879 г. (¹). Въ засѣданіи этого числа Совѣтъ Академіи слушали: Указъ Св. Правит. Синода на имя Высокопреосвященнаго Антонія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 24-го Января 1879 г. за № 270: „По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали, предложенный г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, журналъ Учебнаго Комитета, за № 306, по представленію Вашего Преосвященства о назначеніи на каѳедру св. Писанія Ветхаго Завѣта въ Казанской духовной Академіи, остающуюся вакантною уже второе полугодіе, экстра-ординарнаго Профессора Кіевской Академіи, Доктора Богословія, Акіма Олесницкаго, съ возведеніемъ его въ званіе ординарнаго Профессора. *Приказали:* Признавая безъотлагательное замѣщеніе въ Казанской духовной Академіи вакантной каѳедры

Совѣта Академіи по дѣламъ, относящимся до ученой дѣятельности Академіи, могутъ быть печатаемы вполнѣ или въ извѣщеніи—съ разрѣшенія епархіальнаго Преосвященнаго».—Не прямое ли здѣсь оправданіе сужденій и дѣйствій преосв. Антонія?!

(¹) Смотр. стран. 31—35.

по св. писанію Ветхаго Заѣта постояннымъ преподавателемъ весьма желательнымъ, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) на основаніи § 54 Устава дух. академій перемѣститъ экстраординарнаго Профессора Кіевской Академіи Акима Олесницкаго, по желанію его, въ Казанскую Академію на кафедру, св. Писанія Ветхаго Заѣта, съ возведеніемъ его, какъ Доктора, въ званіе ординарнаго Профессора; 2) поручить Вашему Преосвященству: а) предложить Совѣту Казанской Академіи, чтобы онъ относился съ большею заботливостію къ важнѣйшему предмету своихъ занятій—пополненію учебнаго состава Академіи соотвѣтственными преподавателями, не допуская въ этомъ напрасной медленности и не возлагая заботъ о пріисканіи наставниковъ для Академіи на епархіальнаго Преосвященнаго и на высшее духовное Правительство; и б) въ виду того, что въ этой Академіи состоитъ много вакансій ординарнаго Профессора и нѣтъ ни одной свободной вакансіи доцента и экстра-ординарнаго Профессора.—чѣмъ, безъ сомнѣнія, не можетъ не затрудняться замѣщеніе свободныхъ преподавательскихъ вакансій,—предложить, *не имѣющимъ* степени Доктора Богословія, профессорамъ и доцентамъ Академіи, въ видахъ уравнианія между преподавателями числа кафедръ ординарнаго и экстра-ординарнаго Профессора, и для чести Академіи и своей собственной—усилить заботы о пріобрѣтеніи степени Доктора Богословія“.

Въ содержаніи этого Указа св. Синода со стороны каждаго изъ читающихъ его, само собою, невольно обращается вниманіе на пунктъ второй, гдѣ сказано:— „Поручить Вашему Преосвященству,—предложить Совѣту Казанской Академіи, чтобы онъ относился *съ большею заботливостію къ важнѣйшему предмету своихъ занятій*—пополненію учебнаго состава Академіи соотвѣтственными преподавателями, *не допуская въ этомъ напрасной медленности* и не возлагая заботъ о пріисканіи кандидатовъ на епархіальнаго Преосвященнаго и на высшее духовное Правительство“. Какъ ни толковать содержаніе этого пункта, начиная съ самаго слова „предложить“,

смягчающаго, по видимому, значеніе дѣла, но въ официальной, отъ высшаго Правительства, бумагѣ, все это отзывается равносильнымъ тому, что невольно вызываетъ понятное чувство... въ главныхъ дѣятеляхъ ученаго Академическаго Совѣта, — да и во всей корпораціи тѣхъ наличныхъ преподавателей, къ коимъ относятся дальнѣйшія слова указа. т. е. „чтобы не имѣющіе докторскихъ степеней для чести Академіи и собственной своей усилили заботы о соисканіи и полученіи этихъ степеней“.

Но, замѣчательно, что если кто первый, то самъ же преосв. Антоній возчувствовалъ это и первый не замедлил высказаться въ этихъ чувствованіяхъ, предъ кѣмъ находилъ нужнымъ. Съ своей стороны, мы — бывшіе личные свидѣтели описываемаго факта, какъ нельзя болѣе твердо, помнимъ. и столько же твердо и несомнѣнно свидѣтельствуемъ самими тѣми лицами, при коихъ преосв. Антоній началъ свою рѣчь по поводу настоящаго указа св. Синода. — Это было именно въ прощальное, послѣднее на масляницѣ, воскресенье послѣ отслуженной преосв. Антоніемъ Литургіи. Къ нему прибыли, по долгу и чувству христіанскому для прощанія, о. Ректоръ и г. Инспекторъ Академіи въ такую, при томъ, пору, когда отъ преосв. Антонія отбыли уже всѣ посѣтители. — Пользуясь этими свободными минутами, преосв. Антоній, высказавъ сначала свои чувствованія по отношенію къ самому времени и прощальнаго дня, и предстоящаго великаго поста, и будущей св. Пасхи, т. е. что все это для него (по его развившемуся болѣзненному состоянію), вѣрнѣе всего, уже въ послѣдній разъ на сей землѣ, и что, по этому, и настоящее прощаніе для него имѣетъ особенное значеніе, — вдругъ обратился къ о. Ректору и Инспектору: „вотъ и съ Вами, а въ лицѣ Васъ и со всею возлюбленною мною Академіею я исполню, навѣрное, въ послѣдній разъ этотъ христіанскій долгъ взаимнаго прощанія. Отъ глубины души радъ и свидѣтельствуюсь предъ Вами же самими, что я во всѣ мои годы не положилъ претыканія и не подавалъ повода къ тому, за что Вы могли бы имѣть нѣчто на меня, — равно какъ и я не находилъ ничего въ Васъ, — хотя бы и искалъ... Впро-

чемъ, вотъ развѣ что... могло, можетъ статья, заронить-ся въ средѣ Вашей, хотя какъ слабая искорка.., именно дѣло самое недавнее... разумѣю указъ св. Синода, Вамъ извѣстный".—Въ этотъ самый моментъ присутствовавшіе готовы были въ одинъ голосъ высказаться... но преосв. Антоній, не давши имъ начать рѣчи,—продолжалъ свою: „Но вотъ Вамъ моя святительская исповѣдь предъ Вами. Если Вы и Совѣтъ Академіи признаете себя нисколько не виноватыми въ томъ, что послужило предметомъ и поводомъ для св. Синода дать указъ такого, ясно, для Васъ неблагопріятнаго содержанія, —то знайте, что и я ни прежде, ни теперь и въ помышленіи не имѣлъ взводить на Академію какую либо провинность. Но станете ли и Вы винить меня, когда я исполнилъ здѣсь то, что долженъ былъ исполнить по прямому законному положенію. Не будь сказано въ извѣстномъ Вамъ § Устава (§ 54), на который указано, какъ на прямое основаніе въ самомъ указѣ св. Синода,—т. е. „что въ случаѣ неизбранія кандидата на какую либо каѳедру въ теченіи полгода,—св. Синодъ, *по представленіи о томъ мѣстнаго Пресвященнаго*, назначаетъ и пр.“, а пусть бы этотъ § относился прямо исключительно къ Совѣту.—я бы тогда былъ, само собою, въ сторонѣ.—Къ тому же извѣстно, что прошло уже два полугодія со времени отерывшейся вакансіи; далѣе, когда въ началѣ втораго полугодія истекъ срокъ, опубликованнаго на эту каѳедру, конкурса,—то желающихъ занять ее такъ же никого не оказалось... Наконецъ, хотя имѣлся было въ виду кандидатъ изъ здѣшнихъ, но нужно было ожидать еще цѣлые полгода, когда онъ долженъ былъ только еще защищать свою диссертацию на степень Магистра,—и могъ ли еще защитить и получить,—дѣло это было закрытое, хотя для меня отчасти и не сокрытое въ смыслѣ не безусловной надежности на успѣхъ этого магистранта.—Что же касается того, что я давалъ согласіе на временное порученіе преподаванія по этой вакантной каѳедрѣ,—то, понятно, это вызывалось существеннѣйшею надобностію, чтобы не оставлять студентовъ безъ слушанія лекцій по столь важному предмету, къ

св. Писаніе... Я здѣсь даже рисковалъ, когда, помню, по особенному представленію Совѣта, рѣшился дозволить своею властію приступить къ чтенію лекцій до времени испрошенія на это разрѣшенія св. Синода. Все это, конечно, и Вамъ столько же извѣстно, сколько и мнѣ какъ по Вашимъ протоколамъ ⁽¹⁾, такъ и по личнымъ взаимнымъ нашимъ обсужденіямъ этого дѣла. Наконецъ, если еще что, кромѣ прямого обязательнаго смысла § Устава, вызывало меня поступить такъ, какъ я поступилъ, то это, — имѣвшійся въ виду и заявившій свое согласіе, достойнѣйшій кандидатъ на каѳедру столь важнаго предмета, — имѣвшій уже степень Доктора Богословія и извѣстнѣйшій своею спеціальностію именно по этому предмету. Я почиталъ для себя нравственнымъ и служебнымъ долгомъ, ради самой чести и пользы Академіи, не опустить благопріятнаго случая пріобрѣсть столь достойнѣйшаго Профессора, который и долженъ былъ по праву степени занять прямо одну изъ вакансій ординарно-профессорскихъ, которыхъ въ нашей Академіи такъ много, что этимъ затрудняется дѣло замѣщенія другихъ каѳедръ экстра-ординарскихъ и доцентскихъ. — На это-то, сказать правду, не даромъ и, какъ бы, невольно обращено особое вниманіе св. Синода и выражено въ самомъ указѣ, — т. е. чтобы „предложить наличнымъ преподавателямъ Академіи усилить свои заботы, для чести Академіи и собственной своей, о пріобрѣтеніи степени Доктора Богословія“. — Но на счетъ этого послѣдняго обсудите уже Вы сами; я же признаюсь, что, — какъ ни достожелательна эта честь, но вызывать и, какъ бы, подгонять къ соисканію ея сказанными побужденіями и цѣлями, — дѣло, по моему, не статное, — не статное въ томъ же именно смыслѣ, какъ я понималъ и высказывалъ это многожды еще и прежде, когда въ самомъ началѣ введенія преобразования обязали такъ насильственно всѣхъ бывшихъ наличныхъ ординарныхъ профессоровъ непременно если не быть, то сдѣлаться, или *явиться* докторами... Впрочемъ, теперь и вспоминать объ этомъ не статно...“

(1) Всѣ эти выясненія дѣла точь въ точь значатся и въ справкахъ протокола. Смотри. стр. 33—35.

Переведя только духъ отъ явной усталости, при тогдашней его (къ тому же) болѣзненности, преосв. Антоній сказалъ: „Такъ вотъ моя Вамъ исповѣдь... теперь за Вами очередь. Впрочемъ, я и перебилъ, кажется, Васъ давеча... Вы хотѣли было что-то высказать и, навѣрное, по этому же дѣлу. А я вотъ Вамъ еще, съ своей стороны, выскажусь... Все, что Вы найдете съ Вашей стороны представить мнѣ формально въ прямое объясненіе Вашего прежняго образа дѣйствій въ данномъ случаѣ и, конечно, въ своей мѣрѣ не безоправдательное для Васъ,—то я все съ готовностію приму съ тѣмъ, что самъ же и представляю въ св. Синодъ объ этомъ.—Пусть *тамъ* поймутъ, какъ угодно, и пусть *со стороны*, кому досуже, толкуютъ, какъ хотять,—но то, что я говорю теперь и готовъ исполнить,—само собою, Вы не позволите себѣ сами, понимать какънибудь иначе,—о чемъ живо и глубоко да напомнить Вамъ самая пѣснь молитвенная, которую мы всѣ будемъ слышать и должны возчувствовать въ предстоящій святой постъ: „*Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсахъ*“... И такъ простимся же другъ съ другомъ о Господѣ съ миромъ и не зазрѣнною совѣстію!“.

Результатомъ всего этого, дѣйствительно, было то, что значится въ протоколѣ по настоящему дѣлу,—а именно: сначала выведены были справки, въ числѣ 5-ти пунктовъ, о всей процедурѣ дѣла, начиная съ 5 Декабря 1877 г.,—когда сдѣлалась вакантною кафедра по св. Писанію, и оканчивая заслушаннымъ Указомъ св. Синода отъ 24 Января 1879 г. за № 270. Затѣмъ. Совѣтомъ Академіи постановлено: „Указъ св. Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію, въ чемъ надлежитъ. Вмѣстѣ же съ симъ просить Его Высокопреосвященство,—не признаетъ ли онъ возможнымъ, въ видахъ оправданія дѣйствій Совѣта Казанской Академіи по дѣлу замѣщенія означенной въ Указѣ кафедры, сообщить св. Синоду о мѣрахъ, принимавшихся Совѣтомъ къ замѣщенію оной, какъ онѣ изложены въ справкѣ“ (1). Преосв. Антоній, съ своей

(1) Смотр. тамъ же, стран. 35.

стороны, съ полною готовностію согласился съ этимъ представленіемъ Совѣта и сообщилъ его во всемъ содержаніи св. Синоду.

Такъ это дѣло, по видимому, и особенно для другихъ со стороны представлявшееся чѣмъ-то въ родѣ крупныхъ несогласій и даже личныхъ. Будто бы не благоприятныхъ, отношеній между Академіею и преосв. Антоніемъ,—кончилось самымъ естественнымъ законнымъ порядкомъ. Оно не только не породило ничего дискордіальнаго, а, напротивъ, послужило, какъ бы, пробнымъ камнемъ для повѣрки и оцѣнки, и еще большаго скрѣпленія и утвержденія взаимныхъ отношеній и служебныхъ и личныхъ съ той и другой стороны. Преосв. Антоній, когда только проводилъ, въ сказанный прощальный день, о. Ректора и Инспектора, и, въ тѣ же минуты помолившись, сѣлъ за бывшій уже на готовѣ обѣдъ,—то, не прерывая своего молитвеннаго настроенія промолвилъ: „да, Слава Богу, что у насъ такъ въ Академіи!.. Вѣдь, ты вѣрно замѣтилъ же, какъ у Александра Поликарповича и Николая Ивановича въ одинъ моментъ разлилась въ лицахъ ихъ краска, какъ живое и чистѣйшее свидѣтельство того внутренняго состоянія, какого только можно желать для полноты и неподкупности взаимнаго сочувствія искренне-сердечнаго... Спасибо имъ, что меня истинно наградили такимъ утѣшеніемъ.—Болѣе чѣмъ увѣренъ, что и они сами разстались со мною, особливо въ нынѣшній знаменательный день, съ такими же чувствованіями...—А вотъ вы—семинарскіе, небось, подняли бы цѣлый гвалтъ, вошли бы во всевозможныя пререканія и усиливались бы, во что бы ни стало провести дѣло *туда—вверхъ*... на основаніи извѣстнаго § Устава, какъ что-то неразрѣшимое, или, какъ бы страшное, законопреступное явленіе... Этого мало,—нашлись бы еще, скорѣе всего, борзописцы, которые, размазавши по своему самое значеніе дѣла, послали бы грамотку въ свою излюбленную газетную экспедицію всѣхъ подобныхъ дразговъ.—Эхма!! Поучились бы вы уму-разуму и благородству чувствъ, хотя сколько нибудь, изъ живыхъ образцовыхъ примѣровъ въ здѣшней нашей Ака-

деи. Или уже такъ зачерствѣло все это у васъ, что все равно, что къ стѣнѣ—горохъ... Вотъ и въ постѣ-то самый, пожалуй, не угомонитесь..., хотя я, съ своей стороны, кажется, совершенно откажусь читать ваши журналы, а поручу это Преосв. Викарію... Но не теперь, впрочемъ, объ этомъ вспоминать... Да и на душѣ-то у меня, слава Богу, ничего нѣтъ противъ кого либо даже и изъ тѣхъ, кои завѣрное мнѣ извѣстны... Такъ и передай, при случаѣ, всѣмъ отъ меня это послѣднее мое слово.—Понималъ я и всегда,—откуда вѣтеръ дуетъ и отъ кого и какъ раздувается... Господь съ ними со всѣми!“.

Но сколько назидательно и умилительно было выслушивать эти послѣднія истинно святительскія чувствованія и разсужденія, тѣмъ въ большей мѣрѣ тяжело отозвалось на душѣ, когда, напротивъ, какъ бы по прозорливости преосв. Антонія, сбылись его первыя слова о томъ,—„найдутся-де борзописцы, или, по сказанному прежде, *господіе стрѣляній*...“ Изъ какого именно лагеря были послѣдніе, объ этомъ не желательно дѣлать какія либо указанія;—каждому изъ нихъ навѣрное, хотя и заднимъ числомъ, подскажетъ же собственное чувство ихъ совѣсти и благородства, подавленное ими въ свое время... Мы укажемъ только на тотъ несомнѣнный фактъ, что со стороны той корпораціи, изъ протоколовъ которой (академической) взято почти цѣликомъ содержаніе корреспонденціи (1), изложенной въ злорадственномъ диффамационномъ характерѣ и значеніи, направленномъ прямо противъ преосв. Антонія, проявившаго, будто бы, въ этомъ фактѣ послѣднюю крайнюю степень и мѣру несостоятельности и безтактности въ своихъ дѣйствіяхъ,—со стороны этой, говоримъ, корпораціи послѣдовало, тогда же предъ всѣми, выраженіе одного лишь крайнѣйшаго негодованія и презрѣнія ко всякому, кто бы

(1) Корреспонденція, съ содержаніемъ взятыхъ изъ протоколовъ, была изъ Казани безъ подписи автора, а напечатана въ Церковно-Обществ. Вѣстникѣ въ № самомъ ближайшемъ ко времени бывшаго факта.

ни былъ во главѣ, или на сторонѣ сказанныхъ *господій стрѣляній*..., столь нагло *прелазившихъ* въ чужой даже дворъ, чтобы тутъ *уготовлять стрѣлы въ туль и наляцать свой лукъ сострѣляти во мракъ правья сердца*... (1) Не безъизвѣстно было, что со стороны этихъ, достойно вознегодовавшихъ, лицъ имѣлось было въ виду печатно же изобличить эту *подпольную*, въ своемъ родѣ, фабрикацію корреспонденцій; но было извѣстно напередъ, что для самого преосв. Антонія это было бы дѣломъ положительно не желательнымъ. Онъ, въ послѣднее особенно время, просилъ даже и не сообщать ему ничего о подобныхъ корреспонденціяхъ, тѣмъ паче изъ Церк.-Общ. Вѣстника. Когда же, однако, такъ или иначе дошло до него свѣдѣніе объ настоящей корреспонденціи, а равно о предполагавшейся отписи, онъ высказался, между прочимъ, такъ: „Мнѣ сдается, что дѣлать отписи въ подобныхъ дѣлахъ едва-ли не тоже, что, по пословицѣ: „бить только по оглоблямъ...“ Правда, я прежде удивлялся самой возможности допущенія, столь открытыхъ и съ такимъ содержаніемъ и направленіемъ, — корреспонденцій собственно въ нашей церковно-духовной области; но, увы! не въ корреспонденціяхъ здѣсь дѣло, а въ томъ, что для приѣма ихъ открыто особое бюро...

(2) Нужно сказать, что именно въ описываемую же пору были особенно усугублены подобныя *стрѣлянія* по поводу возникшаго дѣла объ увольненіи, кончившемся, впрочемъ, перемѣщеніемъ, одного служебнаго лица въ Семинаріи. Пишущій позволяетъ себѣ не скрыть, что и его собственное имя, во всей рельефности, было выставлено при этомъ на ряду съ именемъ въ Бозѣ почившаго Святителя, — на что послѣдній дѣлалъ даже указаніе въ самыя предсмертныя его минуты, обращенныя къ пишущему, въ чувствѣ и смыслѣ духовно-иноческаго назиданія, — въ слѣдующихъ, между прочимъ, буквальныхъ выраженіяхъ: «Если кому, то монахамъ ни уныніе, ни ропотъ, ни кое либо недовольство своею судьбою и положеніемъ не должны быть извѣстны даже и по наименованію... Самыя злорадости со стороны другихъ для насъ — монаховъ должны быть приемлемы за сладость... Плохой я примѣръ, но испыталъ и выстрадалъ по мѣрѣ силъ, Богу укрѣпляющую, довольно!.. чему ты самъ ближайшій свидѣтель и даже сопричастникъ..., — вѣдь и тебѣ, *яко млокоему Симону Киринейскому задѣши* отчасти понести крестъ мой... (Смотр. брошюру: «Послѣдніе дни жизни, кончина и погребеніе въ

гдѣ и составляются, какъ бы, предварительные протоколы такого содержанія, которое, если не доставало рѣшительной отваги провести цѣликомъ прямо въ вышеназначенную сферу... за-то путемъ этихъ побочныхъ „*протоколовъ*“, тоже самое содержаніе становилось вѣдомо послѣдней еще въ большей мѣрѣ, въ какой только желалось представить... И все это, само собою, теперь уже не секретъ. Не скрываюсь я самъ первый, что писалъ объ этомъ *протоколномъ органѣ, святоотечественно*, можно сказать, присвоившемъ себѣ и самое первое титуло въ своемъ наименованіи—„*Церковно*“ Общественнаго Вѣстника... Но истинно непостижимое дѣло, что слушающіе-то *тамъ* непосредственно, въ какомъ видѣ и смыслѣ и на какіе лады и тоны раздуются звуки этого *органа*, какъ бы, не хотятъ и чуютъ того, что при такомъ направленіи этого *органа*, истинно-то *Сіонскіе органы* оказываются, какъ-бы, *повышенными на вербихъ... на рѣкахъ Вавилонскихъ...* (1) Или сказать иначе—даже больше: эти-то самыя наши органы Сіонскіе сняли и захва-

Бозѣ почившаго высокопр. Антонія—Архiep. Казанскаго. Сост. Арх. Серг. Спб. 1879 г. стран. 6). Принявъ въ свое время, сейчасъ приведенныя, святоотечески-наставительныя слова въ Бозѣ почившаго Архипастыря, какъ священныя завѣты для себя и всегда соблюдая ихъ въ своемъ сердцѣ въ этомъ же чувствѣ и смыслѣ. пишущій и въ настоящій разъ повторяетъ ихъ собственно въ тѣхъ искреннихъ побужденіяхъ и благихъ цѣляхъ. дабы.—кто бы ни были виновники. бывшихъ во дни оны личныхъ недоброжелательствъ и *завѣвательствъ*,—такъ же приняли къ сердцу и возчувствовали всю силу и значение предсмертныхъ словъ бывшаго ихъ Архипастыря, равно и тѣхъ словъ, кои высказаны были имъ же въ послѣдній бывший для него на землѣ, прощальный день,—а именно: «на душѣ у меня, слава Богу, ничего нѣтъ противъ кого либо. Понималъ я и всегда.—откуда вѣтеръ дуетъ и отъ кого и какъ раздувается... Но Господь съ нами со всѣми!» (Эти слова буквально приведены нами выше въ своемъ мѣстѣ).

(1) Подобныя приуравненія. съ употребленіемъ именно слова «*Вавилонъ*», унаслѣдованы преосв. Антоніемъ отъ дяди своего—высокопр. Филарета, который въ письмахъ употреблялъ это самое въ такомъ точно значеніи.—При настоящемъ же случаѣ подобное приуравненіе шло всего ближе потому, что въ недѣлю сыропустную

тили въ свои же руки *пльннии*..., чтобы и на нихъ-то разыгрывать свои пѣсни quasi-Сіонскія. глаголемыя „*церковно-общественныя*... Писаль я на-прямки, что ужели нѣтъ и силы и власти, если не воспретить совершенно изданіе этой газеты, то, во всякомъ случаѣ, подчинить ее цензурѣ духовной, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отнять и самое титло „*Церковно*“, особливо, когда явился официальный органъ св. Синода, наименованный по всему праву — „*Церковный Вѣстникъ*“.

Последнее желаніе преосв. Антонія, дѣйствительно, сбылось, хотя и недавно только. Государь Императоръ, 28 Октября 1883 года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе св. Синода о подчиненіи газеты „*Церковно-Общественный Вѣстникъ*“ вѣдѣнію духовной Цензуры. Что же касается до вышеприведенныхъ сужденій преосв. Антонія и самыхъ выраженій, представляющихся, какъ бы, особенно рѣзкими, то достаточно только припомнить, — какъ преосв. Антоній, еще гораздо прежде, выражался, въ своихъ, напр., письмахъ къ преосв. Анатолю (Могилевскому), о *благодѣтеляхъ-врагахъ*... Наконецъ, чтобы уразумѣть значеніе того, что преосв. Антоній разумѣлъ подъ предварительной протоколистикой и что называлъ не секретомъ для него самого, то въ последнее время, съ кончиною бывшего Предсѣдателя Дух.-уч. Комитета, это стало не секретомъ и для всѣхъ. И замѣчательно, что самого же редактора Церковно-Общественнаго Вѣстника, какъ говорится, попуталъ самъ грѣхъ, когда онъ самъ же первый вошелъ въ печатную откровенность. „*выставивъ себя проводникомъ идей, бывшего Предсѣдателя Комитета* (1). Но такъ какъ эти именно идеи и тенденціи, съ одной стороны, исходившія изъ Дух.-уч. Комитета путемъ официальнымъ,

поется именно Псаломъ «*На рѣкахъ Вавилонскихъ на вербихъ обь сикомъ органи наши... Возпросиша ны, пльннии насъ: воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ*».

(1) Смотри брошюру: «Отвѣтъ Редакции Современнаго Общества» по случаю защиты Церков.-Общ. Вѣстника дѣятельности Прот. І. В. Васильева по званию Предсѣдат. Дух.-уч. Комитета. С.-Петербург.. Юля 19 д. 1882 г.

а съ другой—проводимыя въ подборѣ на извѣстный ладъ разнообразныхъ корреспонденцій на столбцахъ Церк.-Об. Вѣстника, были для преосв. Антонія, по преимуществу, если не исключительно, идущими въ разрѣзъ съ его взглядами и убѣжденіями. то совершенно понятно, что преосвящ. Антоній и не могъ не чувствовать себя и не выражаться такъ, какъ видимъ это въ вышеприведенныхъ его сужденіяхъ. Но не менѣе понятно и то, что преосв. Антоній имѣлъ въ виду здѣсь не лицъ дѣйствовавшихъ, хотя и характеризировалъ ихъ, при случаѣ, весьма мѣтко, а предметъ и значеніе самаго дѣла, изъ-за котораго онъ такъ ревностно, до самоотверженія, ратовалъ, желая возбудить и въ другихъ, кто *на сіе*, по слову Апостола, *истое дѣло призванъ и поставленъ*, дабы,—говоря словами его писемъ,—„самую одною уже медлительностію и нерѣшительностію не дать *врагамъ-благопріятелямъ* захватить въ свои руки это самое дѣло и повредить ему крѣпко“.

Въ заключеніе остается вопросъ: правъ ли былъ и насколько успѣлъ преосв. Антоній во всѣхъ своихъ сказанныхъ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ?—Отвѣчать на это во всей полнотѣ, по меньшей мѣрѣ, было бы рановременно. Но, съ одной стороны, отвѣтомъ на это могутъ служить тѣ данныя, въ которыхъ нѣкоторыя изъ начинаній и дѣйствій преосв. Антонія уже оправдались на дѣлѣ. Съ другой же стороны, несомнѣнно еще болѣе, свидѣтельствуетъ объ этомъ, начатый уже года три ⁽¹⁾, пересмотръ бывшаго новаго Устава духовныхъ академій. За несомнѣнность эту ручается уже одно то, кому принадлежитъ главная инициатива въ этомъ столь благопотребномъ и благовременномъ дѣлѣ, о значеніи и характерѣ котораго первостолычная Академія предварительно уже засвидѣтельствовала, что она „празднуя нынѣ (17-го Февр. 1884 г.) семидесятипятилѣтіе, со дня своего ос-

(1) Мы оставляемъ эти выраженія, употребленныя здѣсь въ смыслъ будущаго предполагаемаго, ожидаемаго,—собственно потому (какъ уже было замѣчено и прежде), что рукопись наша была закончена въ свое время и нами теперь оставлена неизмѣненною.

нованія, и пятнадцатилѣтіе со времени бывшаго новаго преобразованія, готовится, въ недалекомъ будущемъ, вступить, согласно Державной волѣ и предначертаніямъ св. Синода, въ новый третій періодъ своего существованія и дѣятельности,—и что она въ этомъ третьемъ періодѣ надѣется вѣрой и правдой осуществлять свое прямое назначеніе во благо св. Православной Церкви и своего возлюбленнаго отечества, оставаясь вѣрною приснопребывающей идеѣ своего учрежденія, какъ духовнаго разсадника, и своимъ исконнымъ традиціямъ“ (1). А такъ какъ эта-то *приснопребывающая идея* и эти *исконныя традиціи* и составляли всю суть и главную задачу начинаній и дѣйствій преосв. Антонія, то для полученія искомаго отвѣта остается только прослѣдить, хотя вкратцѣ, характеръ и значеніе совершившагося пересмотра Устава духовныхъ академій, инициативу которому положилъ, главнымъ образомъ, именно тотъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ котораго самъ же преосв. Антоній находилъ всегда самое ближайшее и искреннѣйшее сочувствіе и согласіе съ своими собственными мнѣніями и убѣжденіями.

Обратимся же къ тѣмъ даннымъ, въ которыхъ проявилась инициатива и дѣятельность Его Высокопревосходительства съ самыхъ первыхъ моментовъ его служенія по званію Оберъ-Прокурора св. Синода,—и въ которыхъ, дѣйствительно, отразилась самая ближайшая сходственность въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ его съ таковыми же, бывшими у преосв. Антонія, во многихъ отношеніяхъ—даже съ пунктуальной точностію.

(1) Заключительныя слова отчета, читаннаго экстраordin. Проф. Санктпет. дух. Академіи Н. И. Барсовымъ на годичномъ актѣ въ Академіи, 17 Февр. 1884 г. (Церков. Вѣстникъ 1884 г., № 7, стр. 7—8).

ГЛАВА XIII.

прѣля 26-го 1880 г. состоялось Высочайшее назначеніе новаго Оберъ-Прокурора св. Синода за увольненіемъ прежняго, по его личному прошенію, бывшаго, совмѣстно съ этою должностію, и Министромъ Народнаго Просвѣщенія—Его Сіятельства Графа Димитрія Андреевича Толстаго. Новымъ Оберъ-Прокуроромъ св. Синода былъ Высочайше назначенъ—Членъ Государственнаго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.—Всѣ серьезные органы нашей періодической прессы, и духовной и свѣтской, не замедлили тогда же занести на свои страницы этотъ фактъ съ особеннымъ сочувствіемъ. вмѣсто сгруппировыванія, взятыхъ по частямъ изъ страницъ разныхъ изданій, данныхъ, мы воспользуемся здѣсь, между прочимъ, такими, которыя явились не подъ первымъ лишь впечатлѣніемъ и воззрѣніемъ, но сложились уже послѣ значительнаго времени и изъ дѣйствительныхъ фактовъ, и въ которыхъ всего прямѣе и рельефнѣе представится вниманію всякаго и самый искомый отвѣтъ, именно—о самыхъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ новопоступившаго г. Оберъ-Прокурора св. Синода по отношенію собственно къ духовно-учебнымъ заведеніямъ и въ отдѣльности—къ академіямъ.

Вотъ эти свѣдѣнія, взятая нами изъ подлиннаго текста одного духовно-церковнаго изданія.

„Скоро годъ, съ 26 Апр. прошедшаго 1880 г., когда Высочайше былъ назначенъ Оберъ-Прокуроръ св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ. Съ назначеніемъ на этотъ, высокій и важный въ дѣлахъ церковнаго управленія,

пость лица, составившаго себѣ репутацію высокопросвѣщеннаго и опытнаго юриста, принимавшаго близкое участіе въ различныхъ законодательныхъ работахъ и реформахъ, а съ другой стороны—преданнаго и благочестиваго сына св. Православной Церкви, близко и сердечно интересующагося дѣлами и вопросами религіозно-церковными, естественно, явились тогда же ожиданія серьезныхъ реформъ въ духовномъ вѣдомствѣ, оживились надежды на скорое рѣшеніе разныхъ вопросовъ, затронутыхъ и поставленныхъ на очередь предшествующимъ управленіемъ. Рѣшеніе важныхъ и сложныхъ вопросовъ и введеніе существенныхъ реформъ—дѣло, конечно, трудное, и ему должно, по этому, предшествовать внимательное изученіе и обсужденіе. И новый Оберъ-Прокуроръ, дѣйствительно, поставилъ своею задачею сначала лично и на мѣстѣ ознакомиться съ различными учрежденіями ему подвѣдомыми... Мы не посвящены въ тайну намѣреній новаго Оберъ-Прокурора св. Синода относительно реформъ и мѣропріятій по духовному вѣдомству, но, по нѣкоторымъ фактамъ и свѣдѣніямъ, имѣемъ основаніе думать, что перемѣны готовятся и не заставятъ себя долго ждать, и прежде всего, кажется, по духовно-учебной части“.

„Знакомясь ближе съ дѣлами своего Вѣдомства, новый Оберъ-Прокуроръ св. Синода обратилъ вниманіе, прежде всего, на духовно-учебныя заведенія. Не довольствуясь свѣдѣніями, имѣющимися въ центральномъ управленіи этихъ заведеній, онъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго учебныхъ годовъ, лично посѣщалъ и духовныя академіи и семинаріи, и училища, близко и подробно наблюдая жизнь этихъ заведеній, присутствуя на экзаменахъ, на лекціяхъ, на урокахъ, бесѣдуя съ учителями и учениками, внимательно и пристально изучая духъ и направленіе духовнаго образованія и воспитанія. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ посѣщеніе г. Оберъ-Прокуроромъ Кіевскихъ духовно-учебныхъ заведеній, во время котораго онъ высказывалъ и свои взгляды на задачу и цѣль духовнаго образованія.—Эти живыя непосредственныя наблюденія

надъ современнымъ состояніемъ духовно-учебныхъ заведеній, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ приложеніе въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія предполагается произвести въ уставахъ и учебныхъ программахъ этихъ заведеній, которыя признано нужнымъ вновь пересмотрѣть и измѣнить. Появились извѣстія, напр., о предположеніи усилить въ училищахъ и семинаріяхъ преподаваніе Русскаго языка на счетъ слишкомъ большаго количества уроковъ по древнимъ языкамъ, — чему нельзя не порадоваться. Отъ ректоровъ духовныхъ академій затребованы мнѣнія о томъ, какія, по ихъ мнѣнію, нужны измѣненія въ нынѣ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ; и ректоры, посоветовавшись съ академическими корпораціями, говорятъ, уже отправили свои мнѣнія“ (1).

По прочтеніи этихъ свѣдѣній, намъ кажется, что даже излишне было бы и указывать, насколько очевидно здѣсь, съ перваго же раза, самое близкое совпаденіе главныхъ пунктовъ и сторонъ въ дѣйствіяхъ г. Оберъ-Прокурора св. Синода съ тѣми самыми, какія видѣли читатели во всѣхъ взглядахъ и сужденіяхъ преосв. Антонія. Такъ, самое первое, что новый г. Оберъ-Прокуроръ *не удовольствовался свѣдѣніями, имѣющимися въ центральномъ управленіи* духовно-учебныхъ заведеній и проч., — было и со стороны преосв. Антонія, всего болѣе и чаще, предметомъ указаній на эти же свѣдѣнія и даже самыя дѣйствія Дух.-уч. Комитета, не только не вызывавшія доволства, а напротивъ — внушавшія во многомъ не одобреніе и даже недовѣріе, по его, по крайней мѣрѣ, личнымъ убѣжденіямъ и пониманіямъ, свидѣтельствовавшимся тогда же данными фактическими. Далѣе, самое затребованіе мнѣній отъ ректоровъ и корпорацій академическихъ о томъ, какія нужны измѣненія въ дѣйствующемъ уставѣ академій, было и у преосв. Антонія однимъ, какъ извѣстно, изъ первыхъ желаній. Къ тому же, эти воспослѣдовавшія мнѣнія, на сколько извѣстно, выразились, по преимуществу, въ томъ духѣ, характерѣ, содержаніи и смыслѣ, въ какомъ неперестан-

(1) Смотр. Московскія Церковныя Вѣдомости 1881 г., Январь.

но и неизмѣнно трактовалъ и устно и письменно преосв. Антоній, именно—чтобы всевозможно дать поворотъ разсматриваемому дѣлу къ прежнему *status quo* нашихъ академій. Наконецъ, замѣчательно и то, что въ значеніи такого-то именно поворота представила свои мнѣнія корпорація (частнѣе о. Ректоръ) Кіевской Академіи, во имя и въ силу авторитета которой дѣйствовалъ, по преимуществу, и самъ преосв. Антоній, о чемъ онъ и засвидѣтельствовалъ открыто при самомъ торжествѣ ея пятидесятилѣтняго юбилея, сказавши, что „эта Академія была примѣрно вѣрна тѣмъ истиннымъ добрымъ началамъ, какія были положены въ самомъ ея основаніи и непостыдно можетъ стоять на нихъ и всегда...“ (1). Равно замѣчательно здѣсь и то, что когда указываемыя мнѣнія Кіевско-академической корпораціи успѣли въ свое время попасть на страницы газетъ извѣстнаго пошиба, то и онѣ не миновали той же участи, какой подпали и мнѣнія преосв. Антонія.

Но такъ или иначе, несомнѣнно только то, что шагъ къ прямому рѣшительному дѣйствованію, именно—по вопросу о пересмотрѣ, просуществовавшаго десять лѣтъ новообразовательнаго Устава духовныхъ академій, сдѣланъ былъ на самыхъ первыхъ же порахъ оберъ-прокурорства Константина Петровича,—и сдѣланъ не путемъ только официальной процедуры въ лицѣ учрежденій Комиссіи (въ 1881 г.), но непосредственнымъ самодѣйственнымъ участіемъ его, какъ,—по выраженію въ вышеприведенныхъ свѣдѣніяхъ—„преданнаго и благочестиваго сына св. Православной Церкви“, и близко и сердечно интересующагося дѣлами и вопросами религіозно-церковными, и, въ ряду ихъ, на первомъ же планѣ поставившаго для себя задачею лично, пристально прослѣдить духъ и направленіе духовнаго образованія и воспитанія и всего состоянія духовно-учебныхъ заведеній.

Въ чемъ же именно выразилось указываемое личное

(1) Смотри Юбилей Кіевской дух. Академіи, 28 Сент. 1869 г., стр. 220. Привѣтствие высокопреосв. Антонія Архiep. Казанскаго, лично присутствовавшаго на этомъ юбилеѣ.

самодѣйственное участіе повопоступившаго г. Оберъ-Прокурора, — ближайшимъ отвѣтомъ на это могутъ служить нижеслѣдующія свѣдѣнія о посѣщеніи имъ, прежде всѣхъ другихъ духовно-учебныхъ заведеній, — именно заведеній Кіевскихъ и по преимуществу тамошней Академіи. Свѣдѣнія эти не безъ особаго, кажется, значенія изложены были тогда же весьма подробно въ одномъ изъ мѣстныхъ Кіевскихъ періодическихъ изданій и цѣликомъ перепечатаны въ Церковномъ Вѣстникѣ, какъ официалномъ органѣ самого св. Синода (¹). Мы представимъ изъ этихъ свѣдѣній, по преимуществу, то, что, главнымъ образомъ, относилось къ средѣ академической — къ лицамъ учащимъ и учащимся, и къ самымъ предметамъ наукъ, въ особенности же къ характеру и направленію собственно наукъ Богословскихъ и вообще къ религіозно-духовному образованію, — и отчасти къ средѣ семинарской.

„При самомъ первомъ представленіи Ректоромъ Академіи — преосв. Епископомъ Михаиломъ всѣхъ лицъ, служащихъ въ Академіи, Константинъ Петровичъ познакомился отдѣльно съ каждымъ изъ нихъ и разспрашивалъ о ихъ занятіяхъ, входя относительно нѣкоторыхъ предметовъ академическаго курса въ обстоятельныя объясненія. Въ замѣчаніяхъ Константина Петровича по этому поводу преобладала мысль о *большей сосредоточенности* въ цѣлой системѣ академическаго образованія, а относительно учебной практики имъ высказано было желаніе имѣть *печатныя руководства* вмѣсто существующихъ записываній лекцій, требующихъ отъ студентовъ много времени. Послѣ этой бесѣды онъ слушалъ лекціи по Латинскому языку, Церковной Археологіи, Церковно-Библейской Исторіи. При послѣдующемъ разѣ Константинъ Петровичъ сказалъ нѣсколько словъ о желанномъ характерѣ духовной науки. Академія Кіевская, — говорилъ К. П., имѣетъ свѣтлыя преданія, опредѣляющія ея призваніе въ области духовной науки. Она издревле послу-

(¹) Церковный Вѣстникъ 1880 г., № 47, стр. 7—9. Статья подъ заглавіемъ: «Посѣщеніе Оберъ-Прокуроромъ св. Синода учреждений духовнаго вѣдомства въ г. Кіевѣ».

жила воспитанію многихъ Иерарховъ нашей Церкви и общественныхъ дѣятелей. Будучи по своему началу учрежденіемъ народно-церковнымъ, она хотѣла жить въ союзѣ съ народомъ, съ обществомъ, служить духовнымъ потребностямъ его. Эти, завѣщанныя преданіемъ, задачи духовной науки существуютъ въ ней и теперь“. „Въ вашихъ, господа, рукахъ, сказалъ Оберъ-Прокуроръ *«соль земли»*... „Молодые люди, вами воспитываемые, далеко разойдутся по разнымъ концамъ отечества, чтобы въ свое время послужить просвѣщенію народа, составляющему важнѣйшую цѣль нашу. Отъ направленія въ теперешнемъ воспитаніи ихъ можетъ зависѣть успѣхъ ихъ просвѣтительной дѣятельности въ будущемъ“.

Въ слѣдующій разъ въ разговорѣ со студентами Академіи Константиномъ Петровичемъ высказано было нѣсколько замѣчаній объ общей постановкѣ высшаго Богословскаго образованія въ академіяхъ. Между прочимъ имъ упомянуто было о томъ матеріалѣ для *изученія языка*, какой представляютъ *проповѣди истинно церковно-отечественныя*, какъ напр., покойнаго Московскаго Митрополита Филарета. Затѣмъ, Константинъ Петровичъ обратился къ нимъ, приблизительно, со слѣдующимъ наставленіемъ: „Желаю вамъ успѣшно окончить все то, что пачали. Хотѣлъ бы дать вамъ совѣтъ; но у васъ есть руководители, которые знаютъ, какъ направить ваши силы и куда направить. И я только выскажу вамъ мои пожеланія. Отъ всего сердца пожелаю вамъ прежде всего, чтобы вы *въ цѣломъ образованіи* своемъ *держались средоточія*, и главное, чтобъ это средоточіе было основано на *одномъ началѣ*: разумѣю то, чтобы вы *берегли въ себѣ вѣру*. А правду сказать, сохранить вѣру въ себѣ въ настоящее время не такъ легко. Настоящее время—время критики. Вся наука ушла *въ критику*, и это направленіе ея доведено до крайности. Критика стала до крайности самонадѣянною. вмѣстѣ съ тѣмъ, критика стала чрезмѣрно пытливою, и такое ея направленіе ведетъ ее къ крайней сбивчивости въ понятіяхъ, запутанности въ изслѣдованіяхъ. Это особенно замѣтно, напр., на современной нѣмецкой критикѣ: то что осталось отъ

прежней критики, разбивается новою критикой. Въ виду такихъ-то крайностей критическаго направленія въ современной наукѣ слѣдуетъ старательно оберегать въ себѣ вѣру, какъ *средоточное начало истины*. И дай Богъ вамъ во все продолженіе вашего образованія и вашей жизни, когда и сами будете учить другихъ, сохранить стремленіе къ сосредоточенности, стремленіе къ истинѣ, чтобы не быть похожими на тѣхъ, которые, думая учить, сами теряются въ подробностяхъ и другихъ топятъ въ подробностяхъ. Имѣя въ сердцѣ стремленіе къ истинѣ, вы найдете ее и поймете. А къ познанію истины приводитъ насъ слово Божіе въ св. Писаніи. Знать св. Писаніе необходимо по этому, какъ можно полнѣе. Въ одной изъ семинарій отъ учениковъ уже V класса пришлось мнѣ слышать признаніе, что они мало читали Новый Завѣтъ. Я имъ сказалъ, что ужъ лучше бы они не имѣли сюртука, жилета и проч., но имѣли у себя Новый Завѣтъ; безъ св. Писанія христіанину жить невозможно. Священное Писаніе—это кремень, который, ударя о душу, вызываетъ искры. Итакъ, стоя на основѣ вѣры и Слова Божія, вы, когда будете учить другихъ, идите прямо къ ихъ душѣ, и, не вдаваясь въ крайности пытливой критики, стремитесь прямымъ путемъ къ истинѣ. Вы готовитесь быть учителями. Въ вашемъ призваніи необходимо держаться твердыхъ началъ, сосредоточивать себя въ стремленіи къ истинѣ, въ живомъ чувствѣ вѣры. Руководясь такими началами, вы принесете много добра. Этого я и желаю вамъ отъ всего сердца“. Наконецъ, при посѣщеніи Кіевской же духовной Семинаріи, Константинъ Петровичъ, разспрашивая у преподавателей о разныхъ предметахъ и сторонахъ учебнаго дѣла, замѣтилъ имъ всѣмъ съобща, что слѣдуетъ имъ обращать особенное вниманіе на изученіе св. Писанія“.

По прочтеніи всего этого изложенія остается, кажется, одинъ только трудъ,—трудъ не въ томъ, чтобы усматривать и проводить сходства между взглядами и сужденіями г. Оберъ-Прокурора св. Синода и таковыми же извѣстными—преосв. Антонія, а въ томъ лишь, чтобы подумать,—можно ли здѣсь найти и указать въ чемъ-

либо разность между первыми и послѣдними... Для наглядности сдѣлаемъ, однако, хотя одну лишь цифирную переченьъ главныхъ предметовъ и сторонъ, на которые обратилъ свое вниманіе и высказалъ свои указанія г. Оберъ-Прокуроръ въ отношеніи академическаго научно-образовательнаго состоянія и проч., и о которыхъ не встрѣчали бы читатели свѣдѣній прежде въ разнообразныхъ сужденіяхъ преосв. Антонія. Такъ: 1) У Константина Петровича, послѣ первыхъ же обстоятельныхъ объясненій съ профессорами Академіи относительно постановки предметовъ академическаго курса, выразилась первая преобладающая мысль о возможно большей *сосредоточенности* въ цѣлой системѣ академическаго образованія. Не эта ли же самая мысль была такою же преобладающею и у преосв. Антонія, въ силу которой онъ такъ, можно сказать, вопіялъ противъ *раздробленности* и *разбросанности* преподаванія наукъ въ нововведенныхъ факультетахъ въ академіяхъ?!. 2) Сказанныя К. П. слова о желанномъ характерѣ духовной науки и приложеніи ея,—въ чемъ представлена примѣромъ и образцомъ древняя и позднѣйшая до новаго преобразованія Кіевская духовная Академія,—не то-ли же въ главномъ содержаніи и значеніи, что многократно говорилъ преосв. Антоній и чего желалъ видѣть въ Казанской духовной Академіи?!. 3) Самое выраженіе святоевангельское—*вы есте соль земли*, обращенное и приложенное К. П. къ профессорамъ Академіи,—не изъ устъ ли преосв. Антонія, какъ извѣстно слышавшимъ,—часто исходило въ этомъ же смыслѣ и приложеніи?!. 4) Всѣ благожеланія К. П. студентамъ Академіи, чтобы „во всемъ своемъ прохожденіи академическаго образованія держались они средоточія, и чтобы это средоточіе было основано на единомъ краеугольномъ камени—укорененіи и сохраненіи въ себѣ чистой вѣры и прямыхъ положительныхъ убѣжденій въ истинахъ христіанскаго исповѣданія,—не есть ли пастырскій отеческій гласъ того-жъ преосв. Антонія, всего чаще раздававшійся во всеуслышаніе, посѣщаемыхъ имъ, студентовъ?!. 5) Всѣ сужденія К. П. о томъ, какъ нынѣшнія науки,—въ томъ числѣ и Богословскія, ушли,

такъ сказать, по уши въ критику, и какъ это направленіе доведено до крайности въ сбивчивости понятій, въ запутанности въ изслѣдованіяхъ... не напоминаетъ ли самымъ живымъ образомъ для читателей то, что высказывалъ преосв. Антоній по поводу, между прочимъ, напр. докторскаго сочиненія, бывшаго Ректора въ самой же Кіевской духовной Академіи, занесшагося тоже въ глушь нѣмецко-богословской критики?!.. 6) Далѣе, что сказать о выраженномъ К. П., между прочимъ, желаніи, чтобы воспитанникамъ Академіи имѣть *печатныя руководств* по изучаемымъ ими предметамъ. вмѣсто существующаго записыванія лекцій, требующаго отъ нихъ много времени и труда?! Не объ этомъ ли трактовалъ весьма много и подробно преосв. Антоній?! 7) И еще: если К. П. въ одной изъ семинарій высказался такъ объ ученикахъ, — „что лучше было бы, если они не имѣли приличнаго сюртука, жилета и пр., но имѣли бы каждый у себя Новый Завѣтъ, — то не Преосвященный ли же Антоній желалъ и проэктировалъ, чтобы не Новый только Завѣтъ, но полная Библия были непременною принадлежностію и настольною потребностію для каждаго ученика съ перваго класса Семинаріи и пр. 8) Наконецъ, К. П. было до указано на тотъ матеріалъ для *изученія языка* какой представляютъ *проповѣди истинно церковно-отечественныя*; не это ли же самое желалъ возможно провести въ воспитанниковъ, какъ будущихъ священниковъ, преосв. Антоній, указывая матеріалъ для проповѣдей въ *церковно-служебныхъ* книгахъ?!.

Впрочемъ, при всѣхъ столь очевидныхъ отождествленіяхъ цѣлаго приведеннаго ряда ⁽¹⁾ взглядовъ и сужденій въ лицѣ двухъ этихъ дѣятелей, нужно принять во вниманіе, что здѣсь со стороны одного — К. П. видны только еще первые проблески его взглядовъ, сужденій, указаній, и, при томъ, при самыхъ первыхъ только ша-

(1) А если присоединить къ этому ряду всѣ тѣ данныя, которыя приведены нами въ подстрочныхъ указаніяхъ на все то, что оправдалось уже изъ сужденій и предположеній преосв. Антонія на самомъ дѣлѣ — и въ разновременныхъ распоряженіяхъ, и въ самыхъ новыхъ Уставахъ академій и семинарій, то кто и самымъ простымъ

гахъ, и вслѣдствіе лишь краткихъ непосредственныхъ наблюдений и ознакомленій съ положеніемъ дѣла. Но вотъ, при самомъ окончательномъ выполненіи работы по отношенію къ пересмотру и измѣненію существующаго доселѣ Устава и прочихъ положеній въ духовныхъ академіяхъ,—въ чемъ самъ же г. Оберъ-Прокуроръ приметъ, по долгу и по праву, прямое и полное участіе,—несомнѣнно откроется еще и еще многое, совпадающее съ тѣмъ, о чемъ разсуждалъ и писалъ въ свое время преосв. Антоній... Потому-то такъ и просится здѣсь прямо въ сердце то чувство, которое такъ глубоко-искренно выразилъ преосв. Викторинъ при самомъ первомъ извѣстіи о назначеніи К. П. Оберъ-Прокуроромъ св. Синода: „Жаль, что это (назначеніе) сбылось не при самой жизни Владыки Антонія!“ Въ самомъ дѣлѣ, если,—сколько извѣстно за несомнѣнное,—и Его Сіятельство, бывший г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода, Гр. Д. А. Толстой, въ свое время первый обратилъ самое достойное вниманіе на дѣятельность преосв. Антонія по дѣлу преобразованія имъ Смоленскихъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ, и при самомъ проэкто-составленіи преобразованія академій, съ готовностію (собственно на первыхъ порахъ) принималъ отъ преосв. Антонія и, въ отвѣтахъ своихъ, выражалъ желаніе принимать еще отъ него изложеніе мнѣній и указаній: то во-сколько еще болѣе воспослѣдовало бы это самое теперь со стороны г. Оберъ-Прокурора, Константина Петровича?! Съ другой стороны,—какъ тогда самъ преосв. Антоній писалъ бывшему г. Оберъ-Прокурору—Гр. Толстому, еще, все-таки и на первыхъ только порахъ, и, въ своей мѣрѣ, а priori, или,—говоря собственно въ приложеніи къ пролагавшемуся только еще пути къ преобразованію,—не болѣе, какъ *заочно*,—и потому могъ, такъ или иначе, слѣдовать своимъ исключительнымъ взглядамъ, которые, всего болѣе,

глазomъ не видитъ.—на сколько увеличивается этотъ рядъ *отожествленій* по самому итогу *количественному*,—и тѣмъ паче, кто изъ благовнимательныхъ не уразумѣетъ и не оцѣнитъ, этихъ самыхъ отожествленій по ихъ *качественному* значенію въ полномъ достоинствѣ?!

и могли не подходить подъ вкусъ и нравъ, и всѣ тенденціи тогдашнихъ тамошнихъ *свѣдущихъ* людей и главныхъ заправителей;—такъ, наоборотъ, тотъ же преосв. Антоній, всего естественнѣе, шелъ бы теперь именно по тому пути и кругозору, какіе въ теченіе болѣе десяти лѣтъ еще полнѣе и яснѣе образовались въ его воззрѣніяхъ на все то, что онъ преслѣдовалъ и прежде шагъ за шагомъ чуть не въ каждомъ изъ главныхъ параграфовъ нововведеннаго академическаго Устава, котораго, однако, *volens-nolens*, онъ долженъ былъ держаться въ своей административной дѣятельности. Наконецъ и для Константина Петровича всего ближе, понятнѣе и, по своему достоинству, цѣннѣе было бы все, исходившее собственно отъ преосв. Антонія, уже потому самому, что и въ принципѣ и въ самой прямой задачѣ, при пересмотрѣ академическаго Устава, дано имъ тоже самоглавнѣйшее направленіе, чтобы возвратить, на-сколько благовременно и благопотребно, *status-quo* академій къ прежнему духу, характеру и направленію и всей постановкѣ высшаго духовнаго образовательно-воспитательнаго дѣла.

Съ своей стороны, въ отношеніи всѣхъ этихъ положеній и условій, начиная съ личныхъ, извѣстныхъ, уже взаимныхъ отношеній между преосв. Антоніемъ и К. П., мы имѣемъ такія несомнѣннѣйшія данныя, которыя равносильны полномочію, чтобы свидѣтельствовать объ этомъ. —Его Высокопревосходительство Константинъ Петровичъ съ готовностію соизволилъ въ свое время выразить согласіе на упоминаніе его собственнаго лица и имени въ нераздѣльной связи съ именемъ и памятію въ Божѣ Почившаго,—почитая это относящимся и служащимъ къ его собственной чести,—не смотря на то, что онъ, въ эту пору, уже занялъ настоящій, столь высокій свой постъ,—выразивъ при этомъ одно лишь то, достойнѣйшее христіанскаго смиренномудрія, чувство, чтобы все, достойное имени и памяти въ Божѣ почившаго Святителя по его дѣланіямъ, *и относилось собственно къ нему одному*—преосв. Антонію“ (1). Понятно, на чемъ обо-

(1) Эти чувства и самыя выраженія Его Высокопревосходи-

сновывается и изъ какого духа и чувства истекаетъ одна эта готовность и соизволеніе поставить свое имя въ такой нераздѣльности съ преосв. Антоніемъ.— Не есть ли въ этомъ прямое оправданіе смысла другихъ словъ преосв. Викторина, выраженныхъ имъ въ томъ же, прежде указанномъ, письмѣ по первому извѣстію о назначеніи Константина Петровича Оберъ-Прокуроромъ св. Синода: „Да, вѣрно духъ преосв. Антонія на небѣ ходатайствовалъ о семъ (назначеніи)“—ходатайствовалъ, конечно, не въ смыслѣ временной личной только чести для назначеннаго на столь высокій и важный постъ служенія, но ради блага самой св. Церкви, для благоуспѣшнѣйшаго выполненія главныхъ задачъ и предпріятій по разнымъ дѣламъ церковнаго управленія, въ которомъ Высочайшею волею Помазанника вручено ему такое важное кормило, какъ и выражено это въ томъ же письмѣ преосв. Викторина: „Дай же Богъ обновленія въ управленіи кормиломъ дѣлъ церковныхъ къ возвышенію Православія“.

И такъ, если остановиться всецѣлымъ и безпристрастнымъ вниманіемъ на представленныхъ данныхъ, относящихся къ дѣлу пересмотра и измѣненія, бывшаго Устава духовныхъ академій, а равно и семинарій, и если столь же безпристрастно представить весь, прежде изложенный, очеркъ дѣятельности преосв. Антонія въ этомъ же отношеніи,—представить, хотя въ видѣ проведенной параллели: то не ясно-ли здѣсь—и логически и фактически заключеніе въ прямую положительную сторону искомаго нами отвѣта на поставленный извѣстный вопросъ—именно: „правъ ли былъ и на-сколько успѣлъ преосв. Антоній въ своихъ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ, на которыхъ онъ настаивалъ до самоотверженія?!“—Впрочемъ, если окончательный судъ и приговоръ объ этомъ дѣлѣ еще впереди въ значеніи всецѣлаго оправданія результатовъ его въ общемъ приложеніи къ выступающему толь-

тельство Константинъ Петровичъ изволилъ изложить въ собственно-ручномъ письмѣ ко мнѣ (отъ 18 Ноября 1881 г.), когда ему стало извѣстно о составляемой мною настоящей Биографіи, почему и письмо свое заключилъ такими словами: «Отъ души желаю вамъ привести къ доброму концу благое ваше предпріятіе».

ко еще теперь новому status quo нашихъ академій, то, тѣмъ не менѣе, это значеніе дѣятельности преосв. Антонія можетъ уже достойно и праведно опредѣлиться тѣми плодами непосредственно личныхъ вліятельно-дѣйственныхъ отношеній его собственно къ Академіи Казанской, которая такъ открыто и задушевно засвидѣтельствовала объ нихъ, какъ только можетъ *любимое дитя* чувствовать все подобное къ возлюбленному отцу...

Приведемъ здѣсь, еще разъ, въ отрадное воспоминаніе для всѣхъ истинно сочувствующихъ слова, изъ указываемаго свидѣтельствованія этихъ чувствъ отъ лица здѣшней Казанской Академіи: „Прости, Владыко святыи! Мы никогда не забудемъ твоихъ словъ: *«Академія—мое любимое дитище»*.—Прими же и ты дань молитвы, любви, почитанія и всякаго благодаренія отъ насъ—*чадъ твоихъ*, и сподоби и *тамъ Твоихъ молитвъ* о процвѣтаніи и укрѣпленіи вѣры, здравыхъ понятій, честности стремленій въ Твоемъ дорогомъ *дитищѣ*, да принесеть оно свою благородную лепту на пользу служенія св. Церкви и духовной наукѣ“. (1).

По порядку нашего изложенія и по самой связи предметовъ дальнѣйшая рѣчь будетъ о томъ,—какъ относился преосв. Антоній, по званію и долгу своему архипастырскому, къ мѣстнымъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ и вообще къ дѣлу общехристіанскаго образованія, начиная отъ аудиторій университетскихъ и оканчивая общенароднымъ обученіемъ въ сельскихъ школахъ.

(1) Заключительныя слова изъ надіробной рѣчи, сказанной бывшимъ Инспекторомъ Казанской Академіи, Н. И. Ивановскимъ.

ГЛАВА XIV.

Вышій г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода Графъ Д. А. Толстой былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія, — что продолжалось въ теченіи четырнадцати лѣтъ. Кто и какъ бы ни понималъ, въ свое время, это совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ столь высокихъ и важныхъ постовъ въ церковно-государственномъ управленіи, преосв. Антоній, съ своей стороны, имѣлъ на это опредѣленный взглядъ въ смыслѣ благопріятномъ. — Въ частности такой именно взглядъ у преосв. Антонія образовался на первыхъ же порахъ, между прочимъ, потому, что въ обоихъ вѣдомствахъ были тогда, какъ разъ одновременно, на очереди вопросы и самые проекты о преобразованіяхъ учебно-воспитательной части, — начиная — въ духъ. Вѣдомствѣ — съ училищъ до академій, а въ вѣдомствѣ Мин. Нар. Просвѣщенія — отъ народныхъ сельскихъ школъ до гимназій и даже до самыхъ университетовъ. Главнѣйшимъ образомъ преосв. Антоній предусматривалъ здѣсь самое естественное, въ возможной мѣрѣ, сближеніе, въ смыслѣ прямаго взаимно-содѣйствія и живаго воздѣйствія, между и лицами-дѣятелями, при выполненіи сказанныхъ проектовъ, и между самими задачами и существеннѣйшими интересами самого дѣла учебно-воспитательнаго въ духѣ, характерѣ и направленіи православно-христіанскомъ и церковно-народномъ. Наконецъ, такъ какъ самое назначеніе одного лица для занятія двухъ выше-начальственныхъ должностей, — Синодальной Оберъ-Прокурорской и Министерской по народному просвѣщенію, — воспослѣдовало непосредственно послѣ извѣстнаго, дотолѣ еще не бывалаго въ нашемъ православномъ отечествѣ, перваго столь страшнаго злодѣй-

ства—покушенія на царевубійство, и такъ какъ самый этотъ злодѣй—*сынъ беззаконія и погибели*,—оказался изъ среды питомцевъ—выродковъ изъ учебнаго заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, и какъ тогда же признаки какого-то, вообще зловреднаго и опаснаго, броженія въ обучающихся въ заведеніяхъ и свѣтскихъ и духовныхъ, не могли укрыться отъ бдительности Правительства, а въ силу этого тогда же былъ изданъ Высочайшій Указъ ⁽¹⁾ о всевозможномъ вниманіи, наблюденіи и преслѣдованіи всѣхъ подобныхъ признаковъ и ихъ проявленій, и, всего болѣе, о возможно-тщательномъ и благотворномъ дѣйствіи и вліяніи на учебно-воспитательное состояніе и учащихъ и учащихся,—то преосв. Антоній все это особенно глубоко сложилъ въ своемъ сердцѣ, какъ одно изъ священнѣйшихъ требованій своего Архипастырскаго званія и долга, не въ отношеніи только къ прямо подвѣдомымъ ему духовно-учебнымъ заведеніямъ, но и къ прочимъ свѣтско-народнымъ—отъ Университета до сельскихъ школъ,—хотя и безъ того, по существовавшимъ тогда правительственнымъ законоположеніямъ, всякій мѣстный Архіерей есть наблюдатель хода и успѣховъ по преподаванію христіанскаго ученія въ предѣлахъ программъ и учебниковъ и, тѣмъ паче, наблюдатель и руководитель въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ, преподающимъ христіанское ученіе, начиная отъ сельскихъ школъ до кафедры университетской. По управленію же сельскими школами, на прямомъ основаніи тѣхъ же законоположеній, мѣстныя Архіереи состояли прежде Предсѣдателями общихъ губернскихъ училищныхъ Совѣтовъ.

Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ преосв. Антоній, въ силу своего опредѣленнаго взгляда, возлагалъ прямыя надежды, что г. Оберъ-Прокуроръ, по своей совмѣстной власти Министра Народнаго Просвѣщенія, откроетъ, возможно большій, просторъ лицамъ духовнаго вѣдомства къ усиленію своего значенія и вліянія въ средѣ общенароднаго просвѣщенія, и что между самими заведеніями, учебны

(1) Высочайшій Указъ отъ 14 Мая 1866 г.

ми, — духовными и свѣтскими, — возможно сгладится существующая рознь и исчезнетъ самое понятіе о какой-то кастовой выдѣленности духовенства изъ цѣлостной среды общества. Дѣйствительно, подѣ влияніемъ этого своего взгляда и надеждъ и вообще по душевному своему чувству и убѣжденію въ несомнѣнной пользѣ такихъ взаимныхъ отношеній между двумя учебными вѣдомствами (ставшими въ описываемое время подѣ управленіе одного главенствующаго лица), — преосв. Антоній не умедлилъ на первыхъ же порахъ выразить открыто свои взгляды и желанія. Такъ на торжествѣ двадцатипятилѣтія въ Казанской духовной Академіи (8 Ноября 1867 года) преосв. Антоній лично отъ себя превозгласилъ здравицу такими именно словами: „Я, съ своей стороны, желаю, чтобы здѣшнее Казанское общество вошло въ доброе единеніе съ здѣшнею Академіею, особенно же, — по самому ближайшему сродству, — общество ученое ⁽¹⁾. Далѣе при торжествѣ столѣтняго юбилея первой Казанской Гимназіи (бывшемъ 21 Января 1868 года), старѣйшей въ ряду всѣхъ гимназій во всей Имперіи, и потому удостоенной именнымъ Высочайшимъ Рескриптомъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія наименованія „*Императорской*“, преосв. Антоній въ своей архипастырской рѣчи выразилъ особенное сочувствіе и благожеланія къ преуспѣянію ея въ будущемъ: „Благословляю благословеніемъ Господнимъ, отъ Него же исходитъ всякій залогъ и успѣхъ во всемъ благомъ и истинномъ, и отъ всей души желаю, дабы и впредь всегда выходили изъ сего разсадника просвѣщенія, по самой знаменательной его древности въ примѣръ и другимъ позднѣйшимъ, — выходили христіански благовоспитанные и истинно просвѣщенные дѣятели на пользу общую, а въ особенности для здѣшняго собственно края. еще такъ не богатаго просвѣщеніемъ, въ коемъ весьма не мало еще элементовъ, не слившихся доселѣ даже съ общею жизнію русскаго народа, и о коемъ, по справедливости, должно

(1) Смотр. Извѣстія по Казан. епархіи 1867 г., стр. 616.

сказать, — что въ немъ *жизни много, но дѣлателей мало*“ (1).

По инициативѣ и примѣру своего Архипастыря, въ такомъ же духѣ и смыслѣ, отнеслись къ этому событію въ исторіи здѣшней Гимназіи, какъ старѣйшей представительницѣ свѣтскаго образованія, съ своей стороны и духовная Академія и все духовенство Казанской епархіи. Съ своей стороны, праздновавшая столѣтній юбилей свой, Императорская первая Гимназія отозвалась достойнѣйшимъ образомъ на всѣ, выраженные ей, сочувственныя отношенія, начиная съ Архипастыря.

Вотъ нѣкоторыя слова изъ отвѣта отъ имени Совѣта этой Гимназіи, обращенныя къ своему Архипастырю: „Воспомявая свое столѣтнее прошедшее, Гимназія постигаетъ глубокий смыслъ Вашихъ Архипастырскихъ благопожеланій на новый періодъ ея существованія. Истинно-отеческія благопожеланія Вашего Высокопреосвященства наполняютъ наши сердца надеждою, что небесною помощію Заступницы нашей и силою Вашего Архипастырскаго благословенія новый вѣкъ жизни Гимназіи будетъ новымъ для нея періодомъ, — періодомъ зрѣлаго и всесторонняго развитія духовныхъ силъ ея, возрастанія и высокаго преуспѣнія на указанномъ ей поприщѣ служенія дѣлу православно-русскаго просвѣщенія, періодомъ еще болѣе дѣятельнаго благодѣйствія ея во благо отечеству, во славу Божию. Чтобы сія радостная надежда наша была крѣпка и достовѣрна, начальствующіе, учащіе и учащіеся въ Гимназіи всеусерднѣйше и почтительнѣйше просятъ Ваше Высокопреосвященство — какъ нынѣ, такъ и впредь осѣнять ихъ благодатію Архипастырскаго благословенія, святыми молитвами ограждать, благословеннымъ ученіемъ наставлять, просвѣщеннымъ руководствомъ направлять къ неуклонному и неукоснительному восхожденію отъ силы въ силу, дабы питомцы Гимназіи не были младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству челоуѣковъ, по хитрому искусству оболъщенія (Еф. 4, 15), но дабы были *мудры*.

(1) Смотр. Извѣстія по Каз. епархіи, 1868 г., Январь.

яко змія и црли яко голубіе (Матѳ. 10, 16), и дабы всякій изъ нихъ *былъ совершенъ и на всякое дѣло благо уготованъ* (2 Тим. 3, 17)" (1).

Когда такія же истинныя сочувственныя отношенія всего мѣстнаго учебнаго вѣдомства и представителей общества, начиная съ главноначальствующихъ лицъ въ мѣстныхъ управленіяхъ всѣхъ вѣдомствъ, выражены были, и лично и письменно, здѣшной духовной Семинаріи, по случаю, тоже празднованнаго ею, своего, еще болѣе старѣйшаго, юбилея *стопятидесятилѣтняго*, бывшаго въ томъ же 1868 году (20 Октября),—тогда еще болѣе преосв. Антоній слагалъ въ сердцѣ своемъ искреннія положительныя убѣжденія и надежды относительно столь явственнаго и столь благопріятнаго сближенія и единенія въ положеніи всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, какъ вѣрнаго залога въ будущемъ ходѣ и направленіи образованія, безъ различія вѣдомствъ, во благо общее по мѣстнымъ потребностямъ церковно-общественнымъ и государственно-народнымъ.—„За особенное для себя счастье почитаю, говорилъ преосв. Антоній, что мнѣ пришлось быть во главѣ участія въ настоящемъ торжествѣ здѣшной Семинаріи, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, почитаю для себя долгомъ выразить предъ всѣми искреннѣйшее благодареніе и всесердечное удовольствіе, что здѣсь на торжествѣ духовной Семинаріи, хотя исторически представляющей въ себѣ такое преимущество старѣйшинства предъ всѣми мѣстными духовными и свѣтскими учебными заведеніями, но, все-таки, въ настоящее время и въ теперешнемъ положеніи занимающей въ средѣ ихъ второстепенное *скромное* мѣсто,—собрались дружно и съ любовью для участія въ этомъ торжествѣ всѣ высокодостоинѣйшія особы, представители всѣхъ вѣдомствъ и сословій (2),—и потому отъ лица всѣхъ и отъ всей мо-

(1) Смотри. Извѣстія по Каз. епархіи, 1868 г., Январь.

(2) Присутствовали на празднествѣ въ церкви и въ актовомъ залѣ слѣдующія лица: Начальникъ губерніи Н. Я. Скарятинъ, Командующій войсками Казанскаго военнаго Округа Б. Г. Глинка-Мавринъ, Попечитель Казанскаго учебнаго Округа П. Д. Шестаковъ, Вице-Губернаторъ, Начальникъ штаба военнаго Округа. По-

ей души выражаю всеискреннѣйшее молитвенное пожеланіе дальнѣйшаго наилучшаго преуспѣянія Казанской Семинаріи—этому старѣйшему разсаднику христіанскаго просвѣщенія въ области Церкви Казанской и въ предѣлахъ сей страны, гдѣ она, со дней оныхъ древнихъ до времени открытія первой Гимназіи, была единственнымъ разсадникомъ высшаго, по тогдашнему состоянію, всякаго научнаго образованія духовнаго и свѣтскаго въ мѣстномъ краѣ, открытымъ для лицъ всѣхъ сословій и званій, такъ что, въ свое время, носила титулъ Академіи“ (1).

Такимъ образомъ по всѣмъ этимъ, одновременно сгруппировавшимся, юбилейнымъ историческимъ событіямъ, совмѣстно празднованнымъ въ духовныхъ и свѣтскихъ уч. заведеніяхъ, преосв. Антоній, все болѣе и болѣе утверждалъ свой, извѣстный уже, взглядъ на настоящее и будущее въ ходѣ и направленіи духовнаго и свѣтскаго образованія въ прямыхъ надеждахъ на возможное объединеніе и проч.

Для осуществленія такихъ своихъ желаній и для утвержденія самымъ дѣломъ возможно благопріятныхъ отношеній между корпораціями духовныхъ и свѣтскихъ заведеній преосв. Антоній съ своей стороны,—и личной и епархіально-административной,—питалъ прямую и особенную увѣренность въ самыхъ духовныхъ лицахъ, служившихъ въ ту пору въ Университетѣ и въ обѣихъ гимназіяхъ. Первый изъ нихъ былъ прежде упоминаемый о. Прот. А. П. Владимірскій—Профессоръ Богословія въ Университетѣ; другіе же двое были законоучителями въ гимназіяхъ;—въ первой Императорской свящ. Н.

мощникъ Попечителя учебнаго Округа, Ректоръ Университета и многіе профессора Университета, Ректоръ и Инспекторъ и всѣ профессора Академіи. Директоры Императорской 1-й и 2-й Казанскихъ гимназій, ихъ инспекторы и преподаватели. Градской Голова и многія другія лица духовныя и свѣтскія. Кромѣ сего были присланы адреса отъ Каз. дух. Академіи, отъ Императорскаго Каз. Университета, отъ Императорской 1-й и 2-й Казанскихъ гимназій.— (Смотр. Извѣст. по Каз. епархіи).

(1) Тамъ же.

А. Переверзевъ, во 2-й свѣщ. М. М. Зефировъ ⁽¹⁾. Всѣмъ этимъ лицамъ преосв. Антоній придавалъ особенное значеніе еще потому, что всѣ они состояли, избранными отъ духовенства, членами Педагогическаго Собранія въ духовной Семинаріи. А какъ это было въ самые начальныя годы новаго преобразованія семинарій, когда нужно было, по преимуществу, имѣть прямой и зрѣлый взглядъ, разумное опытное сужденіе по разнымъ предметамъ и возникавшимъ вопросамъ, и какъ преосв. Антоній самъ лично, болѣе всего, сосредоточилъ тогда же свое вниманіе на дѣлѣ этого преобразованія, — и, при томъ, въ соотношеніи съ таковымъ же преобразованіемъ, происходившимъ тогда и въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, — то непосредственное служебное участіе сказанныхъ лицъ, какъ членовъ Совѣтовъ и тамъ и здѣсь, составляло для преосв. Антонія особый, такъ сказать, критеріумъ, сколько и самый источникъ свѣдѣній о распоряженіяхъ, исходившихъ отъ одного главенствующаго инициатора и заправителя этого преобразованія въ лицѣ Графа Д. А. Толстаго — какъ Оберъ-Прокурора св. Синода и какъ Министра Народнаго Просвѣщенія

Въ концѣ концовъ все это, столь желательно установившееся на самыхъ первыхъ порахъ, возрѣніе преосвѣщ. Антонія на возможное объединеніе замыкалось,

(1) О первомъ изъ этихъ лицъ довольно сказать только, что онъ былъ воспитанникомъ самого же преосв. Антонія въ Кіевской Академіи, а потому и здѣсь поставилъ себя, естественно, въ самыя подобающія отношенія къ своему Архипастырю въ дѣлѣ своего законоучительскаго служенія, желая руководиться, преимущественно, всѣми указаніями и совѣтами послѣдняго, вѣдая еще со скамьи академической всю ревность и энергичность преосв. Антонія въ этомъ отношеніи. Относительно же втораго о. Законоучителя достаточно того указанія, что онъ, по окончаніи курса въ здѣшней Академіи однимъ изъ первыхъ магистровъ, былъ опредѣленъ Баккалавромъ и, затѣмъ, экстра-ордин. Профессоромъ при этой же Академіи; и на этой же службѣ, принявъ санъ священническій, поступилъ на служеніе въ Казанскую Богоявленскую церковь и занялъ должность Законоучителя во второй Гимназіи. Въ послѣдствіи же былъ онъ Ректоромъ Тамбовской Семинаріи и съ этой должности былъ назначенъ, по избранію Совѣта Казанскаго Университета, Профессоромъ Богословія, гдѣ и до-днесь продолжаетъ свою службу.

такъ сказать, въ личныхъ самыхъ благопріятныхъ дружественныхъ отношеніяхъ между нимъ и г. Попечителемъ Казанскаго уч. Округа Петромъ Димитріевичемъ Шестаковымъ, съ коимъ, какъ извѣстно уже изъ прежнихъ фактовъ, преосв. Антоній самъ же первый пользовался случаями раздѣлять свои воззрѣнія и сужденія по вопросамъ, относящимся и къ духовно-учебному вѣдомству. — При этихъ отношеніяхъ къ г. Попечителю преосв. Антоній поставлялъ себя и его въ равностепенное служебное положеніе не номинально, а въ силу того же воззрѣнія на объединеніе общихъ интересовъ въ разрѣшеніи многихъ одинаковосущественнѣйшихъ задачъ и вопросовъ въ дѣлѣ христіанскаго истинно-народнаго просвѣщенія отъ высшихъ ученыхъ и учебныхъ каедръ до деревенскихъ скамей въ сельскихъ школахъ и не Русскихъ только, но и инородческихъ, и не отъ правительства только учреждаемыхъ, но и отъ самихъ приходскихъ сельчанъ и, въ частности, отъ Братства Святителя Гурія. Въ этомъ Братствѣ самъ же г. Попечитель принималъ на себя не разъ званіе Предсѣдателя Совѣта Братства, по избранію всѣхъ членовъ на общихъ собраніяхъ сего Братства, вполне видѣвшихъ и цѣнившихъ какъ личное христіански-ревностное усердіе его, такъ и благотворное вліяніе на развитіе и успѣхи дѣятельности Братства, по преимуществу, въ дѣлѣ устройства инородческихъ школъ (1).

По плану нашего изложенія мы остановимъ вниманіе читающихъ прежде всего на той дѣятельности, которая равно соучастно выразилась со стороны двухъ вѣдомствъ—и духовнаго и свѣтски-министерскаго,—именно по отношенію къ народно-школьному образованію, особливо въ описываемое начальное время.

Преосв. Антоній, какъ бывшій непремѣнный Предсѣдатель Губернскаго Училищнаго Совѣта, пока существовало въ силѣ Высочайше утвержденное (14-го Іюля

(1) Изъ отчетовъ Братства видно, что въ два года предсѣдательства г. Попечителя Округа П. Д. Шестакова весьма значительно увеличилось и число братчиковъ и братницъ, и количество самыхъ средствъ.

1864 г.) положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ,—особенно глубоко понималъ и цѣнилъ личное дѣятельное участіе П. Д. Шестакова. Первымъ главнымъ основаніемъ къ этому послужило для преосв. Антонія уже одно напр. т.е. когда П. Д.,—при самыхъ еще первыхъ начинаніяхъ Губернскаго училищнаго Совѣта по дѣлу народнаго образованія,—первый выступилъ съ своимъ заявленіемъ и положилъ этимъ инициативу для направленія общей дѣятельности Совѣта—такого содержания и характера, что преосв. Антоній тогда же отъ всей души свидѣтельствовался такъ: „да, дай Богъ и Архіереямъ—Предсѣдателямъ Совѣта проводить такіе взгляды. заявлять такой голосъ и полагать такія начинанія, чтобы проводить ихъ въ самое дѣло христіанско-народнаго просвѣщенія во всемістныхъ народныхъ училищахъ и школахъ.—Всеискреннѣйшее православно-русское спасибо Петру Димитріевичу за это.—Иначе заяви и проведи это же самое Архіерей—Предсѣдатель Совѣта, все-таки подобное заявленіе показалось бы комунибудь чѣмъ-то въ родѣ исключительнаго, односторонняго, не соотвѣтствующаго современнымъ взглядамъ и стремленіямъ... Тогда какъ это же самое въ лицѣ его, не какъ даже Попечителя Округа, но какъ вообще образованнаго свѣтскаго человѣка, всего несомнѣннѣе, имѣло прямой смыслъ и значеніе въ глазахъ и мнѣніи всякаго“.

Такой сочувственно-благодарный отзывъ преосв. Антонія о значеніи указываемаго заявленія П. Д. объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что содержаніе этого заявленія, можно сказать, всецѣло совпадало съ тѣмъ, что и самъ преосв. Антоній заявлялъ и проводилъ въ дѣло обученія въ народныхъ церковно-приходскихъ школахъ еще въ Смоленской епархіи. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ главныхъ тезисовъ, буквально выраженныхъ въ заявленіи г. Попечителя Округа: а) „Чтобы начальные народныя (въ чистомъ смыслѣ этого слова) училища достигали прямой истинной цѣли своего учрежденія, прежде всего необходимъ выборъ вполне достойныхъ лицъ-наставниковъ, которые бы не своими только знаніями и умѣніемъ вести учебное дѣло приносили пользу

дѣтямъ, но, главнѣе всего, своею жизнію могли бы служить повсюднымъ назидательнымъ примѣромъ, какъ для вѣранныхъ имъ дѣтей, такъ и для *самихъ родителей*. — людей простыхъ и именующихъ себя *темными*, и, потому, не менѣе дѣтей нуждающихся въ добромъ душе-спасительномъ примѣрѣ въ религіозно-просвѣтительномъ и нравственно-руководственномъ отношеніи. б) По этому мѣстный священникъ, по моему крайнему убѣжденію, не долженъ ограничиваться оффиціальными лишь отношеніями къ школѣ, посѣщеніемъ оной и даваніемъ въ ней нѣсколькихъ уроковъ, и даже не повременнымъ только наблюденіемъ за направленіемъ школы, — что возлагается на него самымъ положеніемъ, — но требуется отъ него гораздо большее, дѣйствительнѣйшее, способное растворять сердца и школьниковъ, и ихъ родителей — какъ одинаково духовныхъ его чадъ по его пастырскому священно-дѣйственному званію и служенію въ дѣлѣ строительства спасенія душъ христіански вѣрующихъ. в) По этому все преподаваніе начальнаго обученія, чтобы оно могло вызвать и приобрѣсти полное истинное вниманіе и уваженіе въ глазахъ самого народа, должно сосредоточиваться и корениться на религіозно-церковныхъ началахъ. г) Не только для чтенія должны быть, главнымъ образомъ, даваемы книги священно-церковныя, но должно быть введено, по возможности, приобученіе всѣхъ дѣтей къ пѣнію священно-церковному. д) Даже и самое обученіе чтенію должно начинаться съ книгъ *церковной печати* — съ Часослова, Псалтири. — этихъ любимыхъ священныхъ книгъ русскаго православнаго народа, который привыкъ въ самой грамотѣ, въ самыхъ буквахъ ея видѣть и почитать нѣчто, особенно высокое и священное... И, потому, слѣдуетъ непремѣнно поддержать и охранять въ народѣ этотъ благодатный взглядъ вполне религіозно-церковнымъ характеромъ и направленіемъ школы. Отъ книгъ же церковной печати переходъ къ книгамъ печати гражданской совершенно легокъ и печувствительно можетъ совершаться самъ собою (1).

(1) Смотр. въ Извѣстіяхъ по Казан. епархіи за 1867 г. стр.

Въ этомъ же отношеніи и такомъ же значеніи пресовъ. Антоній глубоко благодарилъ въ душѣ того же Петра Димитріевича Шестакова за другое сдѣланное имъ, первымъ же, заявленіе и на самомъ дѣлѣ состоявшееся въ томъ, чтобы, при обсужденіи Губернскимъ училищнымъ Совѣтомъ тѣхъ мѣръ и средствъ, какія должны и могутъ быть принимаемы къ распространенію начальныхъ училищъ въ разномѣстныхъ инородческихъ приходахъ, равно и самыхъ способовъ къ наблюденію за этими училищами и, наконецъ, и самаго образа, и метода обученія инородческихъ дѣтей, — избрать и приглашать въ засѣданія Совѣта лицъ съ положительными спеціальными по этой части знаніями языковъ этихъ инородцевъ и самаго духа и быта ихъ. Эти лица были имъ самимъ же указаны, какъ вполне достойнѣйшія не только по познаніямъ, но, болѣе всего, по глубокому истиннѣйшему призванію къ этой спеціальности, именно: — состоявшій тогда при Казанскомъ Университетѣ преподавателемъ татарско-турскаго языка коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Ильминскій и, кончившій курсъ въ томъ же Университетѣ, Николай Ив. Золотницкій, какъ основательно изучившій Чувашскій языкъ, знакомый ему къ тому же съ дѣтства по самому мѣсту рожденія въ чувашскомъ селеніи (1). Не замедливъ возможно скоро и ближе ознакомиться съ этими лицами, пресовъ. Антоній, въ тоже время, сугубо утѣшился, какъ дорогою находкою, и другими двумя лицами, — каковы были тогда при Каз. дух. Академіи Баккалавръ Евфимій Александровичъ Маловъ и, состоявшій тогда въ качествѣ практиканта, столь извѣстный теперь настоятель церкви въ крещено-татарской школѣ, Василій Тимофеевичъ, — бывшій прежде (не къ униженію, а къ возвышенію его имени сказать) при той же Академіи пасмнымъ рабочимъ — водовозомъ. — Объ этихъ лицахъ, равно какъ и объ Ник. Иванов. Ильминскомъ пресовъ. Антоній пи-

10—11. «Собрание Губернск. училищнаго Совѣта 17-го Октября 1866 года.

(1) Смотр. въ Извѣстіяхъ по Каз. епар. 1867 г., стр. 9—10.

салъ даже на первыхъ порахъ и въ Смоленскъ, свидѣтельствуя свою душевную радость и упованіе, что Господь, видимо, благословляетъ его начинанія, и выражая большую надежду на только что заводившеся, по его выраженію, *гнѣздышко*.—на устроявшуюся тогда по исключительной инициативѣ сказанныхъ же трехъ лицъ крещено-татарскую школу въ скромной избушкѣ въ слободкѣ близъ Академіи.

При такомъ, явно благоспѣшествуемомъ во всемъ. начальномъ положеніи и ходѣ дѣлъ преосв. Антоній. съ своей стороны, все болѣе и болѣе лелѣялъ, такъ сказать, ту задушевную свою мысль, что, такъ или иначе, ближе и тѣснѣе, со временемъ. соединятся элементы двухъ учебныхъ вѣдомствъ въ интересѣ однѣхъ и тѣхъ задачъ и цѣлей. Въ самыхъ указанныхъ лицахъ—специалистахъ призванникахъ—преосв. Антоній видѣлъ осязательное доказательство этого, такъ какъ г.г. Ильминскій и Золотницкій состояли въ вѣдомствѣ Мин. Народн. Просв., а г. Маловъ въ средѣ академической, къ которой причислялся и Василій Тимофеевичъ и по мѣсту своего первоначальнаго работничества, а, затѣмъ, по званію quasi практиканта. Наконецъ, эти же самыя лица во главѣ съ г. Попечителемъ Округа. были въ числѣ началоположниковъ учрежденія самаго Братства св. Гурія и настолько проявили достойно свою дѣятельность, что при ежегодномъ общемъ избираніи членовъ Совѣта Братства. они всегда получали честь быть въ числѣ не только временно избираемыхъ, но въ значеніи. какъ бы, непремѣнныхъ Членовъ,—что продолжается и до днесь. Со временемъ—вскорѣ въ составъ Совѣта Братства вступили и другія достойнѣйшія лица изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ напр. г.г. Директоръ и Инспекторъ народныхъ школъ.

Такимъ-то чередомъ и пошло и шло-было все дѣло согласно самымъ первоначальнымъ взглядамъ и желаніямъ преосв. Антонія, для осуществленія которыхъ въ будущемъ представлялись ему же первому ширь и гладь и. достойно сказать. Божія благодать...

Но вдругъ самый вопросъ о народномъ образованіи

получилъ видоизмѣненіе въ общемъ его значеніи; самыя народно-сельскія школы оказались раздѣленными, и именно по части главнаго завѣдыванія, ихъ устройства и самаго характера обученія и пр.—Какія были положительныя основанія, причины и побужденія къ такой новой постановкѣ дѣла по части народнаго образованія, само-собою, это не можетъ входить въ настоящее изложеніе. Довольно только сказать, что все это воспослѣдовало изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и, слѣдовательно, въ одномъ этомъ стало уже ясно Преосвященному же Антонію, что, питаемая имъ, желанія и надежды должны были получить вмѣсто дѣйствительности значеніе только такъ называемыхъ „*ria desideria*“. Потому съ самыхъ же первыхъ поръ преосв. Антоній, по обычной своей манерѣ, началъ высказывать многія разнообразныя свои сужденія, проводя ихъ широко и далеко,—начиная съ этого ближайшаго вопроса о начальныхъ народныхъ школахъ до университетскаго образованія и даже до самыхъ представителей высшей учености, двигателей и жрецовъ современной науки.—Какъ все это выходило, развивалось и укладывалось у него въ, своего рода, системѣ и логически и фактически, читатели увидятъ въ сей часъ слѣдующемъ изложеніи, составленномъ исключительно изъ данныхъ, взятыхъ съ натуры.

Мнѣ привелось быть личнымъ свидѣтелемъ, какъ преосв. Антоній впивался, такъ сказать, въ каждое слово въ сообщенныхъ ему въ самый первый разъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ на мѣстѣ однимъ лицомъ, бывшимъ въ Петербургѣ и тамъ призывавшимся, по его служебному званію, къ участію въ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ министерской камерѣ при личномъ присутствіи самого г. Министра Народнаго Просвѣщенія, хотя не какъ предсѣдательствовавшаго, но какъ только принимавшаго главное участіе въ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ средѣ г.г. Предводителей дворянства ⁽¹⁾. Последніе были тогда въ множествѣ въ Петербургѣ по

(1) Указываемое лицо—Г. Казанскій Предводитель Дворянства—дѣйств. ст. сов. Камергеръ—А. Г. Осокинъ.

случаю совершенія бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Маріи Александровны. По словамъ сообщившаго эти свѣдѣнія, дѣло было такъ. Государь Императоръ на придворномъ балѣ собственно устно изволилъ выразить г. Министру и г.г. Предводителямъ Свое прямое непремѣнное желаніе, чтобы первый пригласилъ послѣднихъ къ немедленному общему обсужденію вопроса о проектируемомъ въ Министерствѣ учрежденіи начальныхъ народныхъ училищъ. Не излагая, во всей подробности, сообщенныхъ тогда преосв. Антонію свѣдѣній по этому дѣлу, мы скажемъ только слѣдующее. Сообщившимъ свѣдѣнія было сказано, между прочимъ, что въ Министерствѣ сводилось дѣло къ тому, чтобы въ будущихъ училищныхъ Губернскихъ Совѣтахъ предсѣдательскія кресла были предоставлены лицамъ, подвѣдомымъ Министерству же—именно Директорамъ Гимназій; но, при бывшихъ совѣщаніяхъ г.г. Предводителей, нашлись, тутъ же въ средѣ ихъ (1), высказавшіеся прямо и рѣшительно „противъ“ такого положенія,—и потому, въ концѣ концовъ, принято было общимъ голосомъ иное положеніе. т. е. что предсѣдательство должно быть предоставлено г.г. Губернскимъ Предводителямъ. Преосв. Антоній не утерпѣлъ, чтобы не прервать рѣчь говорившаго... „А что же, скажите пожалуйста. былъ ли хоть поминъ какой о бывшихъ-то прежде Предсѣдателяхъ Губернскихъ училищныхъ Совѣтовъ.—сирѣчь—объ насъ—объ Архіереехъ?!.. Или уже такъ себѣ—прямо съ козель долой... да и на запяткахъ-то, видно, мѣсто указать для нихъ не изволили...“

Когда высказаны были эти слова преосв. Антоніемъ въ присутствіи собесѣдника, то, по самому тону произношенія, въ нихъ выражалось скорѣе похожее, какъ бы, на полусуточку. Но проводивъ посѣтителя, тотчасъ же преосв.

(1) При этомъ были наименованы самыя лица.—но мы имена ихъ не вполне помнимъ; за несомнѣнное можемъ только указать на Графа Бобринскаго, который былъ во главѣ высказавшихся противъ указываемаго положенія.

Антоній, какъ бы, ухватился за свои же слова и продолжалъ: „Да, эта новость касается не предѣдательскихъ только кресель, на которыхъ кто бы, пожалуй, ни сидѣлъ... И у меня во все время разговора съ А. Г. на душѣ была главная мысль о томъ, — что-то будетъ съ нашими церковно-приходскими-то школами!! Строго говоря, первое-то положеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія о предѣдательствѣ было бы, по моему, лучше и для нашихъ-то церковно-приходскихъ школъ, особливо при Оберъ-Прокурорствѣ того же Министра. — Вѣдь, живо еще то особое Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ, открывавшіяся духовенствомъ и приходскими Попечительствами, сельскія школы и оставались въ вѣдѣніи духовенства и, при томъ, съ тѣмъ, чтобы и Министерство Народнаго Просвѣщенія оказывало содѣйствіе къ преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности, и отнюдь не привлекало въ свои свѣтскія народныя начальныя училища учениковъ изъ церковно-приходскихъ школъ никакими мѣрами убѣжденія... Слѣдовательно, кому-же, какъ не Графу Д. А. и предстояла бы особая честь во всей цѣлости и точности сохранить указанные положенія, когда въ рукахъ его одного и власть Министерская и Синодальная — Оберъ-Прокурорская. Во 1-хъ онъ самъ зналъ и знаетъ изъ своихъ же отчетовъ Оберъ-Прокурорскихъ, что церковно-приходскихъ школъ еще давно существовало уже болѣе *двадцати тысячъ* и число учащихся простиралось до *полумилліона*. Во 2-хъ для привлеченія къ нимъ самыхъ силъ образовательно-воспитательныхъ былъ уже открытъ тогда же прямой и вѣрный источникъ, который, если бы только порасчистить его русло по-шире и по-глубже, былъ бы всегда достаточнымъ и вѣрнымъ даже и для министерскихъ-то народныхъ училищъ, — на что и были примѣры. Твердо помню, какъ все это было прекрасно проведено въ самое дѣло и въ Смоленской епархіи. — И нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ бы дальше, тѣмъ бы лучше пошло дѣло этимъ именно порядкомъ, особливо при одномъ главенствующемъ лицѣ въ обоихъ Вѣдомствахъ. Въ противномъ случаѣ, чуется, какъ бы не сбылось слово реченное: „...царство раздѣльшиися на ся не ста-

нетъ...“ Право же, у меня такъ и поднываетъ что-то въ душѣ... Я готовъ бы теперь же писать къ Графу Д. А., но жалко, что хорошенько-то еще не могу взять въ толкъ: отъ чего это вдругъ потянуло вѣтромъ, какъ бы, съ такъ называемаго „гнилаго угла не къ доброй погодѣ“... Ужели въ самомъ дѣлѣ здѣсь со стороны Министерства открывається своего рода конкуренція съ церковно-приходскими школами, или, чего добраго, не подпало ли оно подъ тѣ паруса, которые въ извѣстной средѣ интеллигенціи и современной прессы, видимо, натягиваются въ направле- ній уже не конкуренціи только, а даже антагонизма... У этихъ *кормчихъ* такъ и *корчатся* мозги отъ мереща- гося имъ quasi *клерикализма*, захваченнаго ими же не болѣе, какъ изъ представлений о клерикализмѣ запад- номъ... и переносимаго въ смыслѣ какой-то боязни и придирки и къ намъ—духовнымъ... Конечно въ прило- женіи къ проводникамъ такихъ сентенцій вѣрно слово Псалмопѣвца: *тамо убо явися страха, идъже не бы страха*... за то и съ другой стороны. по тому же Псалмо- пѣвцу, выходитъ, что *слова ихъ паче еля, но та суть стрѣлы*... А кому-кому бы, кажется, предлежалъ здѣсь первый долгъ и первый шагъ, чтобы развѣять всю эту мглу наважденій, какъ не тому, кто имѣетъ теперь въ рукахъ такое вѣрное мѣрило и по отношенію къ вѣдом- ству Народнаго Просвѣщенія и вѣдомству Церковно-ду- ховному и, въ частности, духовно-учебному... Впрочемъ, по рассказамъ-то очевидно, что долго не заставятъ ждать... тогда не услышимъ только, а и увидимъ“...

Дѣйствительно, когда начали входить въ законную силу и дѣйствіе положенія о ново-учрежденныхъ мини- стерско-земскихъ народныхъ училищахъ, преосв. Анто- ній особенно пристально слѣдилъ за каждымъ шагомъ въ ходѣ этого дѣла, и не пропускалъ случая высказы- вать свои сужденія.—То—высказывался онъ напр. о са- мыхъ расходахъ, которые потребовались сразу въ огром- ныхъ размѣрахъ изъ суммъ казенныхъ и земскихъ. То— почти пальцемъ указывалъ на ново-открываемыя заведе- нія—учительскіе институты и семинаріи по отношенію собственно къ контингенту лицъ, учащихъ въ этихъ за-

веденіяхъ. То,—наконецъ, на самыхъ лицъ, начавшихъ вступать въ учителя въ народныхъ училищахъ и на непосредственныхъ мѣстныхъ наблюдателей и заправителей дѣломъ народнаго образованія,—разумѣя подь послѣдними, между прочимъ, даже волостныхъ старшинъ и чуть ли не писарей, и, въ тоже время, съ особенною грустію выставялъ онъ положеніе мѣстныхъ священниковъ, хотя и призванныхъ сюда, но какъ бы ради только отклоненія опасности соблазна и, пожалуй, укора и протеста со стороны самихъ же простолудиновъ, увидѣвшихъ своихъ духовныхъ пастырей, какъ бы, оттолкнутыми.

Такъ, спустя уже долгое время, высказывался особенно подробно преосв. Антоній въ бесѣдѣ съ N.N.— „Судите сами, что такое теперь священники въ отношеніи къ этимъ училищамъ?.. не поставлены ли они здѣсь. буквально сказать, на запяткахъ?! Не въ прямую ли на смѣшку, своего рода, назначено имъ урочное жалованье въ уровень, а индѣ, пожалуй, и менѣе, съ количествомъ платы, получаемой наемнымъ сторожемъ при этомъ же училищѣ?! За то, въ добавокъ къ этому мизерному жалованью, поставили тѣхъ же священниковъ еще въ болѣе мизерное нравственно-служебное положеніе и въ отношеніи къ учителямъ и даже учительницамъ, какъ главенствующимъ въ училищахъ лицамъ, и еще болѣе къ инспектирующимъ лицамъ, не то чтобы къ Инспекторамъ или Директорамъ этихъ школъ или Предводителямъ дворянства, нѣтъ—но просто на просто къ старшинамъ съ писарями волостныхъ правленій изъ мужиковъ... А сколько пазначили уроковъ-то по Закону Божию и по какимъ программамъ и учебникамъ... объ этомъ конечно и Вы знаете... Наконецъ, такъ какъ учителями въ училища поступаютъ—quasi специалисты изъ учительскихъ институтовъ и семинарій,—а поступаютъ-то въ эти самыя заведенія, извѣстно, хотя бы въ меньшинствѣ, лица самыя разнокалиберныя и, кажется, не рѣдко полуисключенные ученики изъ другихъ заведеній свѣтскихъ и духовныхъ,— то понятно, что можетъ быть отъ такихъ дѣлателей, да еще при такой нагрузкѣ книгъ для чтенія мальчиковъ,— книгъ подь часъ слишкомъ сомнительнаго, а случалось,

и положительно вреднаго направленія (1). Здѣсь, кажется, нужно ожидать послѣдствій гораздо *похруще*, нежели отъ восхваленныхъ—было въ свое время, какъ бы *благоспасительныхъ же для народа*,—воскресныхъ школъ, отъ коихъ насилу отдѣлались, хотя тутъ являлись дѣлатели временно, налетомъ,—а теперь здѣсь дѣланіе будетъ постоянное, систематическое. А давно ли, подумашь, продолжалъ преосв. Антоній, были въ силѣ и дѣйствіи, Высочайше утвержденныя, положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, равно какъ и церковно-приходскихъ... гдѣ все главное содержаніе, такъ прямо и цѣлостно, направлено было въ преимущественную сторону начальнаго народно-школьнаго преподаванія въ духѣ религиозно-церковномъ, начиная съ самой азбуки славянско-церковной, какъ имѣющей, вѣдрившееся искони въ духѣ и понятіи народа, священное благодатное значеніе... и оканчивая собственно пастырскимъ вліяніемъ на весь ходъ школьнаго ученія въ лицѣ священниковъ и пр.!! И,—что было замѣчательно и особенно утѣшительно,—содержаніе этихъ самыхъ положеній раздѣлялось, вполнѣ задушевно, даже самими-то лицами, состоящими въ Министерствѣ же Народнаго Просвѣщенія... Я и теперь напр. съ отраднѣйшими чувствами вспоминаю то, какъ напр. самъ же Попечитель Округа Петръ Димитріевичъ показалъ и намъ,—Архіереямъ, какъ бы урокъ и примѣръ въ этомъ отношеніи. Кстати сказать, давненько я собираюсь повидѣться съ нимъ и потолковать о нововводимыхъ народныхъ училищахъ. Да и теперь у меня на умѣ первая мысль такая: „благо, что Архіереи теперь не Предсѣдатели въ училищномъ Губ. Совѣтѣ, а то бы я, на первомъ же Собраніи, предложилъ вывести на справку прежнее заявленіе Петра Димитріевича и самое одобреніе этого заявленія, воспослѣдовавшее отъ Министерства, и поставилъ бы вопросъ

(1) Преосв. Антоній однажды или дважды дѣлалъ отъ себя, куда слѣдовало, представленія о подобнаго рода книжкахъ. По этой части слѣдилъ въ особенности, по просьбѣ преосв. Антонія и по личному желанію, бывший Викарій преосв. Викторинъ, который былъ специалистъ въ этомъ родѣ; онъ самъ составилъ извѣстную *Азбуку*.

всѣмъ сочленамъ: *что ся вамъ мнитъ, господіе - братіе?!.* Интересно бы услышать, какіе-то поданы были бы голоса на это, не исключая и самого П. Д., хотя бы то въ конфиденціальному значеніи... и тогда, навѣрное, по крайней мѣрѣ, *икнулось бы и тамъ*—и въ Министерствѣ и почувялось бы и въ нашемъ духѣ. Вѣдомствѣ..., выпустившемъ изъ-подъ рукъ своихъ столь важное и сказать—святое дѣло своего призванія и долга! (1). Впрочемъ, въ Министерствѣ-то, конечно, свои принципы и виды, что *чья власть, того и воля*, и особенно на такомъ свободномъ раздольномъ полѣ, которое разрабатывается новоявившимся земщиннымъ управленіемъ..., гдѣ и старшины и писари волостные вольны дѣлать, что ни взбредеть въ голову... а всего болѣе по части невѣжественныхъ притязаній и прямыхъ стѣсненій въ отношеніи къ церковно-приходскимъ школамъ,—на что излишне приводить и примѣры, равно какъ почти напрасное дѣло и обращаться, къ кому бы слѣдовало, объ устраненіи подобныхъ явленій,—чему я самъ видѣлъ опыты... Но, о! когда бы проникло въ разумъ и пало глубоко-глубоко на сердца всѣхъ подобныхъ властныхъ дѣятелей, начиная съ вышнихъ, слово Самого Господа Спасителя: *Блюдите, да никто же отъ васъ соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ!!.* А кажется, если бы когда,

(1) Въ 1884 г. состоялось опредѣленіе св. Синода о возстановленіи церковно-приходскихъ школъ на прежнихъ началахъ и составленныя «Положенія» объ этихъ школахъ Высочайше утверждены въ 13-й день Іюня мѣсяца; при чемъ Его Величеству благоудно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету Собственноручно начертать: *«Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высококаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ».* Согласно этимъ «Положеніямъ» св. Синодъ,—сказано въ указѣ,—возлагаетъ на епарх. Преосвященныхъ особое попеченіе какъ о поддержаніи существующихъ, такъ и объ устройствѣ новыхъ церк.-приход. школъ, гдѣ никакихъ училищъ не имѣется.; а гдѣ имѣются послѣднія гражданскаго вѣдомства, то открывать первыя не иначе, какъ по сношеніи съ подлежащимъ начальствомъ гражданскимъ, дабы для достиженія полнаго успѣха было единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію сему дѣлу».

то теперь это Божественное изреченіе Господа должно быть слишкомъ свѣжо и внятно для каждаго благомыслящаго—и какъ христіанина, и какъ патріота... Не даромъ же это самое изреченіе—именно выраженіе—*единого отъ малыхъ силъ*—нашло само себѣ, какъ бы не вольно, столь знаменательное мѣсто и значеніе въ народно-патріотическихъ статьяхъ по случаю страшнаго перваго удара—покушенія на жизнь Помазанника—Главы Отечества... „Коммисаровъ“ былъ истинно *единъ отъ малыхъ силъ* въ средѣ той Костромской православной русской населенности, изъ которой былъ и землякъ его, приснопамятный въ исторіи государства, какъ спаситель же жизни Царя—„Сусанинъ“... Тогда какъ кто были эти *сыны погибели* и олицетвореннаго беззаконія—*Каракозовъ, Соловьевъ?!.* Извѣстно, не *отъ малыхъ силъ*, а отъ среднихъ и отчасти отъ *высшихъ*, судя по ихъ образованію въ заведеніяхъ; и они же оба, къ несказанному изумленію, были даже учителями въ народныхъ училищахъ и въ воскресныхъ такихъ же школахъ!! И они-то, какъ извѣстно, даже и на судѣ Верховномъ, предъ неизбѣжною для нихъ смертною карою, съ сатанинскимъ злорадствомъ свидѣтельствовали первымъ дѣломъ о себѣ (напр. кажется *Соловьевъ*) буквально, что *онъ не признаетъ никакой религіи!!...* Охъ! Господи помилуй и спаси!.. Кажется бы ужъ лучше было, когда бы, по крайней мѣрѣ, не печатали и не публиковали этихъ свѣдѣній... А то, избави Богъ, и отъ этихъ однѣхъ публикацій, вѣдь, ядъ тоже разливается... И, Богъ одинъ вѣсть, чего ожидать въ будущемъ!! Правда, послѣ этихъ страшныхъ потрясеній всегда начиналось было что-то.., но выражалось и завершалось едва ли не болѣе, какъ, выступавшими лишь на очередь полуопредѣленными, пересмотрами уставовъ, гдѣ, въ послѣднихъ пересмотрахъ, скорѣе видишь опять-таки такое направленіе,—какъ бы больше и шире дать простора и свободы въ смыслѣ какой-то автономіи въ учебныхъ корпораціяхъ; а относительно дисциплинарнаго и нравственнаго порядка и вліянія на учащееся юношество почти ничего не встрѣтишь... Такъ напр. отъ властнаго и влі-

ятельнаго надзора за нравственнымъ состояніемъ студентовъ университетское начальство совершенно свободно и безучастно, по силѣ самаго Устава, а о религіозномъ и говорить нечего. Отсюда—что же удивительнаго въ нерѣдко повторяющихся беспорядкахъ въ университетахъ и др. заведеніяхъ, гдѣ выражались иногда самыя рѣзкія демонстраціи противъ Начальства, для прекращенія которыхъ вынуждены бывали мѣстные начальства требовать даже военной команды. Къ тому же все это опять сейчасъ же распубликуывается въ газетахъ, и, положимъ, съ указаніемъ на такія-то и такія-то мѣры, принятыя начальствомъ противъ этого зла,—а выходитъ, что послѣднія остаются ни при чемъ, а самыя-то распубликованія оказываются прямою заразою для другихъ учебныхъ заведеній... Этого мало... когда только выходятъ распоряженія начальства для пресѣченія зла,—(хотя опять-таки всегда возможно гуманныя и какія-то палліативныя),—въ эту же пору открываются новыя сходбища и составляются петиціи и чуть не протесты противъ этихъ мѣръ, или уже прежде существовавшихъ. Наконецъ—и что почти рѣшительно не объяснимо,—въ эту же пору въ пользу тѣхъ же демонстраторовъ собираются значительныя суммы, или въ томъ самомъ городѣ и обществѣ устроятся благотворительныя спектакли, или, наконецъ, самимъ студентамъ разрѣшается начальствомъ устроить балы тоже въ свою пользу... Тогда какъ, въ другихъ слояхъ общества того же города, развѣ не слышатся голоса въ родѣ такихъ: „эхъ, плохо-плохо выходитъ дѣло; вѣдь, того и смотри, и тамъ, гдѣ учатся теперь наши ребята, заберутъ себѣ въ головы эти-то примѣры, такъ что, когда доучатся до большаго, тогда жди и отъ нихъ того же...“ А эти-то голоса родителей, столь грустные и опасливые за своихъ дѣтей, кому, какъ не намъ,—Архіереямъ, скорѣе и глубже всего должны проходить не въ уши, а въ душу... Да что я говорю объ этихъ только голосахъ?!. Я знаю самыя подлинныя факты изъ конфиденціальныхъ мнѣ донесеній нѣкоторыхъ священниковъ, какъ напр., новопоступающіе изъ учительскихъ семинарій и институтовъ, нѣкоторые учителя, идя въ

церковь, въ глазахъ же мальчиковъ-учениковъ курятъ папирсы до той поры, что затоптываютъ окурки въ оградѣ церковной, и, выходя изъ церкви, снова закуриваютъ, зажигая спичку о самую стѣну церковной паперти... Знаю и то, что въ великій пятокъ одинъ учитель съ нарочитою открытостію предъ другими, при растворенномъ окнѣ на улицу, объѣдался жаренымъ поросенкомъ... да, еще въ добавокъ, тутъ же пустился въ понятныя рацеи... А, между тѣмъ, подобные-то учителя, по одобренію мѣстныхъ училищныхъ властей, стоятъ на особенномъ счету по части учебно-педагогической... Вотъ вамъ и вся не долга!“

Воспользовавшись паузою въ рѣчи преосв. Антонія, собесѣдникъ вставилъ такія слова... „Да, Ваше В—ство, я, помнится, даже читалъ въ газетахъ что-то похожее на сейчасъ сказанные Вами факты...“ — „То-то и есть, что печатать-то печатаютъ, а отъ этого-то горе еще горшее... Напечатанное въ газетахъ читаютъ и въ самыхъ селахъ и, къ тому же, самые, научившіеся грамотѣ, мальчики, — а взрослые-то слушаютъ, — и въ концѣ-то всего что же они видятъ?! Видятъ, что никто изъ начальствующихъ, посѣщающихъ училища, и ухомъ не ведутъ, чтобы обратить на это какое либо вниманіе... а заикнись только тутъ священникъ, или даже сообщи о подобныхъ фактахъ хотя бы и Архіерею, — тогда-то и приишутъ это, пожалуй, quasi *клерикализму*.., или ближайшимъ образомъ подумаютъ, что здѣсь-де проявляется какое-то чувство досады и мести за-то, что Архіереевъ-де обошли предѣдательскими креслами въ Училищномъ Совѣтѣ, которыя принадлежали имъ по прежнимъ Правительственнымъ Положеніямъ“.

„Однако, перебилъ собесѣдникъ, когда бы предѣдательство было за Архіереями, тогда бы можно было проводить прямое властное вліяніе на строй и порядокъ народно-учебнаго дѣла“... — „О! нѣтъ, сказалъ преосв. Антоній, „*одинъ въ полъ не воинъ*“. Это разв; а главное, развѣ Архіереи, и безъ кресель предѣдательскихъ по самому истинному понятію о существѣ дѣла по народному образованію, не есть предѣдательствующіе без-

смѣнные, какъ Архипастыри, каждый въ области своей паствы и не по правамъ только уполномочія оффиціальнаго, но по дару и власти Всесвятаго Духа, по благодати Святительства... Скажу ближе, прямо въ приложеніи къ народному образованію,—точнѣе къ истинному христіанскому просвѣщенію: что такое есть и самая св. Церковь въ отношеніи къ этому именно дѣлу?! Какъ бы Вы думали отвѣтить на это?! Впрочемъ, если станете думать, то менѣе всего, кажется, отвѣтите, какъ должно... А не думая, только перенеситесь мысленно во всѣ учебныя заведенія, начиная отъ высшихъ—отъ университетовъ, академій, до послѣдней сельской школы, въ то самое время, когда только полагается начало ученію и совершается по этому молебень по чиноположенію св. Церкви... Припомните-ка, что тогда поется, что читается, какія особыя эктениі возносятся—и о комъ, и о чемъ, и въ какомъ значеніи?! Припомните-ка, какъ это было и какъ чувствовалось, когда Вы и сами еще учились!... И замѣчательно, что при всѣхъ преобразованіяхъ еще, кажется, не поднимался нигдѣ вопросъ объ отмѣнѣ этого чиноположенія церковнаго, хотя я и не знаю завѣрное, совершается ли оно неотмѣнно вездѣ, напр. въ университетахъ и, чего добраго, и въ сельскихъ-то школахъ, гдѣ учителями являются вышесказанные субъекты... и гдѣ, пожалуй, они, при совершеніи молебна въ самомъ училищѣ, готовы быть на столько безумными, что и тутъ окажутся съ папирскою въ рукахъ... А вотъ говорятъ, будто въ здѣшнемъ Университетѣ, въ то самое время, когда совершается даже Литургія въ тамошней церкви, то,—начиная съ нижняго этажа на самыхъ ступеняхъ лѣстницы, ведущей на второй, гдѣ находится церковь, происходитъ чистое курево, отъ котораго клубы табачнаго дыма могутъ разноситься и до самыхъ дверей церкви, и будто происходитъ такое табачное курево въ гурьбѣ студентовъ въ ту даже пору, когда проходятъ по корридоору сами начальствующие и профессеры Университета... Пусть эти слухи и преувеличенны, но, вѣдь, и при скольконибудь похожей на это картинѣ, какой либо

сельскій учитель сравнительно оказывается уже на заднемъ планѣ, такъ какъ онъ идетъ до церкви съ папирскою, не представляя, по крайней мѣрѣ, въ эту пору никакой надъ собою власти... а, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что сельскій-то учитель, быть можетъ, и снялъ для себя образецъ изъ живыхъ примѣровъ въ высшемъ же заведеніи... Ахъ! счастливъ тотъ поэтъ, который могъ выразиться, что *преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ*... и я бы желалъ выразиться словами Псалмопѣвца: *да не возглаголютъ уста моя дѣлъ челоуческихъ*; да дѣло въ томъ, что здѣсь не поэзія, а тяжкая дѣйствительность, входящая въ норму, въ цѣлый status quo образовательно-воспитательныхъ заведеній... А, съ другой стороны, кто какъ не мы—Архіереи обязаны закономъ, съ официально-служебной стороны, отдавать ежегодно отчеты, восходящіе, въ общемъ составѣ, на Высочайшее воззрѣніе Благочестивѣйшаго Государя, гдѣ должны мы свидѣтельствовать о состояніи и самаго просвѣщенія народнаго отъ самыхъ высшихъ до низшихъ слоевъ въ значеніи духовно-религіозномъ и нравственно-воспитательномъ, которое,—при всѣхъ министерскихъ видоизмѣненіяхъ учебно-образовательнаго дѣла по части разнообразныхъ системъ и административныхъ и педагогическихъ,—должно лежать всегда неизмѣнно, какъ краеугольный камень. — Потому-то не предсѣдательскія только кресла, но и самое-то главное бюро министерское, понятно, какую имѣютъ здѣсь силу и значеніе по самой идеѣ объ истинномъ заправленіи столь существенно-важнымъ и, прямо сказать, священнѣйшимъ дѣломъ просвѣщенія. Въ противномъ же случаѣ, никогда намъ, кажется, не дожидаться, чтобы не встрѣчаться съ такими скорбно-тяжкими явленіями въ разныхъ видахъ, начиная отъ сельскихъ школъ до высшихъ *святлищъ* наукъ и *храмовъ* просвѣщенія... какъ любятъ и до днесъ величать этими священными титулами учебныя заведенія... хотя, какъ бы, въ пародію съ тѣмъ, что зрится, не рѣдко, въ дѣйствительности... Да, истинно речено: *очисти прежде внутренняя стѣкляницы, и тогда и витѣнная ихъ будутъ чиста*...—Истин-

по же скажу и я, что сколько конечно ни не пріятны бываютъ и *внѣшнія* ощущенія для обонянія отъ дымнаго курева, но и *внутреннія*-то отъ нѣкоторыхъ напр., читаемыхъ на университетскихъ актахъ, рѣчей ощущенія были таковы, что я чувствовалъ себя въ иныя минуты, какъ будто, на иголкахъ... Какъ ни смотрѣть на дѣло, но, по меньшей мѣрѣ, выходитъ, что очень не умѣренно и тѣмъ паче неумѣстно, при указываемыхъ мною теперь случаяхъ, поставлялся предъ публикою, такъ называемый *tripos* съ воскуреніемъ во имя *жречества* въ честь *современной богини—науки*. Вѣдь, не даромъ пословица существуетъ, что и отъ малѣйшихъ искръ, если вѣтеръ ихъ раздуетъ, даже сырѣ-боръ загорается.., или, говоря ближе къ предмету и самому мѣсту, отъ подобныхъ научно-жреческихъ воскуреній и тончайшія струйки могутъ дѣйствовать сильнымъ одуряющимъ угаромъ особенно на мозги тѣхъ, у коихъ они еще молоды—зелены“...

Сейчасъ указываемыя сужденія преосв. Антонія и самые факты, по поводу которыхъ онѣ выражались, читатели увидятъ въ слѣдующемъ за симъ изложеніи.

ГЛАВА XV.

Не разъ приводилось преосв. Антонию выслушивать вопросъ, предлагавшійся ему нѣкоторыми, повидимому, такъ-себѣ ради разговора, — вопросъ такого рода: — „отчего преосв. Антоній никогда не служилъ Литургію въ университетской церкви, особливо, напр., въ день, празднуемой Университетомъ, годовщины и бывающаго тамъ публичнаго акта (5 Ноября)?“ Преосв. Антоній при подобныхъ обращеніяхъ къ нему, бывало, какъ-бы, отмалчивался, а однажды отвѣтилъ вопросомъ же: „а скажите-ка мнѣ кстати, кто знаетъ завѣрное, — когда и кто именно изъ бывшихъ здѣшнихъ Преосвященныхъ служилъ въ университетской церкви?“... Отдѣлываясь подобнымъ образомъ отъ отвѣта на вопросъ, преосв. Антоній, тѣмъ не менѣе, держалъ его на умѣ и, видимо было, желалъ разрѣшить его какъ нибудь самымъ дѣломъ.

И вотъ, когда предложенъ былъ ему еще такой же вопросъ, и когда предложившій его присовокупилъ, что онъ самъ весьма любитъ бывать въ университетской церкви, гдѣ все Богослуженіе и нерѣдкія проповѣди о. Настоятеля-Профессора весьма ему нравятся.., преосв. Антоній на этихъ же словахъ перехватилъ рѣчь собесѣдника и началъ свою: „Это не вы — первый только говорите мнѣ; отъ многихъ я слышалъ, и меня это весьма радовало. Я знаю нѣкоторыхъ, которые прямо именуютъ себя прихожанами этой церкви и самую церковь — придворною, въ значеніи, между прочимъ, близости Университета по разстоянію отъ ихъ домовъ. Мнѣ передавали даже, что и самого тамошняго чтеца часовъ, Апостола и пр. стоитъ только послушать, чтобы придти

въ молитвенное расположеніе... Но когда я спрашивалъ этихъ же самыхъ лицъ, — много ли бываетъ богомольцевъ изъ корпораціи университетской, и, въ частности, усердно ли посѣщаютъ Богослуженіе самые воспитанники Университета?!. Вотъ тутъ-то оказалось, что не смотря даже на то, что, чаще и усерднѣ всѣхъ, бываютъ на Богослуженіи въ университетской церкви самъ, напр., г. Попечитель, его Помощникъ и нѣкоторые другіе изъ достопочтенныхъ профессоровъ, студентовъ-то Университета разъ, два, пять, десять, — да и обчелся... И что же еще?!. Въ эту-то пору, идущіе въ церковь и выходящіе изъ нея, богомольцы видятъ постоянно цѣлыя гурьбы студентовъ, толпящихся въ нижнемъ этажѣ и спующихъ туда и сюда даже по лѣстницамъ прямо къ церкви и, при томъ, съ неснятыми шапками и, въ прибавокъ, съ папиросами во рту.., какъ будто откуриваясь, чтобы не слышать запаху кадильно-церковнаго...“.

„Ну, вотъ, на это-то что вы мнѣ скажете?“ — вдругъ обратился преосв. Антоній къ начавшему рѣчь объ университетской церкви. — Когда тотъ, хотя и замаявшись, — готовъ былъ отвѣтить почти тоже... преосв. Антоній опять перехватилъ его рѣчь. „Нѣтъ, ужъ не станемъ толковать объ этомъ, а обратимся-ка къ тому: отъ чего же все это такъ? гдѣ причины? и какой источникъ?.. А, вѣдь, ларчикъ-то, сказать правду, этотъ просто открывается... Вы и другіе хвалите церковь университетскую и все Богослуженіе, начиная съ самаго чтенія; но не помните ли вы рѣчь, читанную уже давно на университетскомъ актѣ? (1) Не увидите ли вы тутъ, съ одной

(1) Указываемая рѣчь, подъ заглавіемъ: «Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевского», была читана на университетскомъ актѣ 5-го Ноября 1868 г. — По содержанию своему — именно, гдѣ дѣло касалось собственно дѣятельности дѣйств. ст. совѣтн. Мих. Леонт. Магницкаго, эта рѣчь крѣпко запала въ душу преосв. Антонія съ весьма неблагоприятной стороны. Рѣчь эту, и послѣ выслушанія на актѣ, онъ прочиталъ снова самъ, и карандашомъ очеркнулъ весьма многие пункты, которыми мы и воспользовались сами, чтобы выписать ихъ здѣсь. — а) Магницкій писалъ Министерству, «что весь вредъ, въ университетахъ нашихъ

стороны, именно то, что если и теперь такъ пріятно и назидательно быть въ университетской церкви, то каково было все это во дни оны, когда, по словамъ читанной рѣчи, вся университетская корпорація съ Попечителемъ во главѣ и со всѣми служащими лицами, и со всѣми до единого студентами, являлись къ Богослуженію... и когда эти студенты и, внѣ Богослужебнаго времени, совершали тѣ и другія молитвенныя правила и проч., и пр. И въ силу чего все это было?!—Само собою,—въ силу тогдашнихъ положеній и правилъ устава, и начальственныхъ инструкцій и распоряженій, соотвѣтствовавшихъ истиннымъ потребностямъ состоянія Университета, гдѣ, дѣйствительно, въ основаніе университетской учебно-воспитательной жизни поставлено было и дѣйствовало христіанское религіозно-церковное начало и направле-

усмотрѣнный, произошелъ отъ образованій, отъ книгъ и идей, изъ германскихъ университетовъ заимствованныхъ; тамъ зараза невѣрія и началъ возмутительныхъ, возникшая въ Англіи, усиленная въ прежней Франціи, сдѣлалась полною системою и, такъ сказать, классическою и проч.» Но,—замѣтилъ авторъ рѣчи,—Магницкій понялъ это совершенно въ ложномъ смыслѣ... (Стр. 25). б) Магницкому представилось, что отъ этого страдаетъ и нашъ Казанскій Университетъ, и отсюда все не устройство сего Университета, безпорядки въ Совѣтѣ, распущенность студентовъ и проч., и онъ рѣшился возсоздать Университетъ Казанскій на началахъ новыхъ, чтобы, какъ онъ выражался, «совокупить неразлучно вѣру и просвѣщеніе, и чтобы не умозрѣніями, но живымъ примѣромъ цѣлаго сословія лицъ обширнѣйшаго округа... дѣйствительно доказать, что богохульныя оныя умствованія чужеземцевъ... суть ложь, мракъ и неистовство». (Стр. 26). в) Для осуществленія этого идеала Университета, онъ, Магницкій, «хлопоталъ, чтобы постановлено было наблюдать не только за направлениемъ и духомъ преподаванія, и за нравственностію не только студентовъ, но и самыхъ преподавателей». Въ частности, онъ составилъ для студентовъ правила самаго строгаго аскетизма, которыя могли быть примѣними развѣ только въ самомъ строгомъ отшельническомъ братствѣ... Такъ наприм., чтобы развить въ студентахъ духъ смиренія и чувство челолюбія, было заведено имъ по торжественнымъ праздникамъ приготавливать университетскіе обѣденные столы для нищей и убогой брати, а за столомъ этимъ прислуживать студентамъ. (Тамъ же). г) Отъ преподавателей требовалось, чтобы главнымъ источникомъ своихъ лекцій, на-сколько только возможно, они брали св. Писаніе... и чтобы они болѣе всего, вез-

ніе... Да я скажу самъ, по собственному чувству, что когда вступилъ я въ первый разъ въ университетскую церковь, то, при первомъ взглядѣ на ея устройство, я отнесъ ее къ разряду, такъ называемыхъ, „Базиликъ“. Особливо же глубоко-знаменательный смыслъ представилъ и внушилъ мнѣ самый иконостасъ, устроенный, какъ извѣстно, въ формѣ креста. Я отъ души благословлялъ того, кто первый пришелъ къ такой назидательной мысли дать иконостасу такой крестообразный видъ. Ясно, что здѣсь, кромѣ общаго понятія объ иконостасѣ, была у строителя особая идея по отношенію собственно къ значенію Божественнаго храма въ храмѣ научнаго просвѣщенія. Я самъ тогда же, осматривая иконостасъ, отъ глубины души повторилъ себѣ слова священно-церковной пѣсни: *Силою Креста Твоего, Христе, утверди мое мышленіе!* И, въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ, то именно тутъ, среди разнообразнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, доступныхъ въ мѣру силъ для мышленія и разумѣнія че-

дѣ и всегда, были примѣромъ благочестія. И, въ глазахъ самаго Магницкаго, тотъ былъ первымъ, кто болѣе другихъ старался выказать этого видимаго благочестія. (Стр. 27). *д)* И большинство преподавателей всѣми мѣрами старались выказывать свое христіанское благочестіе... Самъ Совѣтъ Университета духъ и видимые даже обряды благочестія перенесъ и облекъ въ бумажную, дѣловую даже, форму. (Стр. 30). Самый слогъ Совѣтъ Университета употреблялъ въ своихъ протоколахъ въ этомъ же духѣ благочестія, съ текстами изъ св. Писанія. Такъ напр., представляя самому же Магницкому записку о малоуспѣшности учениковъ въ училищахъ, Совѣтъ писалъ въ ней: «что же касается до образованія таковыхъ (вполнѣ благонадежныхъ) учителей для сихъ училищъ, къ коимъ бы можно было прямо отнести слова св. Писанія: *вы есте соль земли и свѣтъ міру тако свѣтящійся предъ чловѣки, яко да видятъ ихъ добрыя дѣла, и прославятъ Отца свѣтовъ, Иже на небесахъ...* (Стр. 31—32). *е)* Во всякомъ случаѣ, Магницкій всѣмъ старался показать, что онъ вѣритъ искренности благочестиваго настроенія Каз. Университета, и вѣрилъ, что вмѣстѣ съ этимъ-то настроеніемъ начинается процвѣтатъ Каз. Университетъ. (Стр. 33). Но, читаемъ, между прочимъ, въ рѣчи,—вѣрилъ ли самъ Магницкій искренности этого настроенія Каз. Университета, или притворялся, что вѣрилъ, желая угодить лишь, господствовавшему тогда, направленію въ Министерствѣ,—судить объ этомъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. (Тамъ же).

ловѣческаго, паче и паче нужно это „*утвержденіе помысленій*“, чтобы онѣ не заходили за предѣлы истины и не возносились на разумъ Божій“.

„Но припомните, говорю, хорошенько содержаніе, указываемой мною, тогдашней рѣчи, или прочитайте ее снова съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой... и скажите, — какое впечатлѣніе и какое убѣжденіе вынесете вы, и не вы только, а поставьте вмѣстѣ съ собою самихъ студентовъ, слушавшихъ и, затѣмъ, прочитавшихъ печатную рѣчь... Вотъ тутъ-то, кажется, вы не удивитесь, и не станете уже смущаться тѣмъ, что вы хотѣли-было высказать на равнѣ съ другими касательно поведения студентовъ вблизи самой церкви и во время даже самаго Богослуженія... А, вѣдь, эту рѣчь могли и могутъ читать теперь и воспитанники всѣхъ заведеній, готовящіяся, быть можетъ, поступить въ Университетъ... а теперь пока въ своихъ заведеніяхъ обязанные, по крайней мѣрѣ сравнительно, бывать при Богослуженіяхъ обязательно, а живущіе-то въ самыхъ заведеніяхъ — бывать и на молитвахъ утреннихъ и вечернихъ, каковы порядки, напр., во всѣхъ духовныхъ заведеніяхъ, или, напр., въ учительской Семинаріи и въ крещено-татарской школѣ. Изъ этихъ же послѣднихъ, извѣстно, большинство поступаютъ сами въ наставники сельскихъ школъ, гдѣ на первомъ планѣ опять тѣ же религіозно-церковные порядки... Наконецъ, и самые теперешніе-то студенты Университета, со временемъ, могутъ быть инспекторами и директорами гимназій, при которыхъ существуютъ свои церкви, — или же инспекторами и директорами народныхъ училищъ и проч. Сложите же все это, и представьте себѣ, — что можетъ быть даже ближайшимъ образомъ теперь въ средѣ и состояніи учащихся въ сказанныхъ заведеніяхъ?!.. Не будутъ ли они, хотя и изрѣдка, но съ искоса посматривать на теперешнія для нихъ инструкціи, на тѣ именно параграфы, гдѣ излагаются обязанности и правила въ религіозно-церковномъ и вообще нравственномъ отношеніи, — посматривать, какъ-бы только на что-то бывшее, устарѣвшее... да и на самыхъ-то начальниковъ и приставниковъ, дѣйствующихъ по ин-

струкціямъ, не будутъ ли взирать въ томъ же значеніи, образцы котораго представлены въ лицѣ Магницкаго, и почти-что въ полукарикатурномъ видѣ и смыслѣ, и открыто опубликованы съ кафедры университетской предъ лицомъ всѣхъ высшеначальственныхъ лицъ и самого даже Архіерея, присутствовавшихъ при этомъ, и своимъ присутствіемъ, какъ-бы, санкціонировавшихъ все, ими слышанное въ рѣчи!!“.

„Правда,—продолжалъ преосв. Антоній,—въ одномъ пунктѣ есть нѣчто, представляющее своего рода крайность, именно,—помню, тамъ, гдѣ заведенъ былъ даже такой порядокъ, чтобы развить въ студентахъ духъ смиренія и человеколюбія,—было заведено такъ, что въ праздники готовились университетскіе особы обѣденные столы для нищей и убогой братіи и за столами должны были прислуживать студенты... Положимъ, говорю, здѣсь крайность не малая, если только это въ дѣйствительности выполнялось... Но съ другой стороны, слышалось мнѣ, что студенты, когда устрояютъ общественные балы и тамъ, представляя изъ себя, какъ бы, хозяевъ, выполняютъ въ тоже время обязанности—и какія же?!—quasi и буфетчиковъ и официантовъ, хотя конечно въ видѣ и значеніи не общемъ съ наемными, навычными для выполнения подобныхъ офицій, людьми,—то невольно спрашивается:—какія здѣсь развиваются въ студентахъ чувства—смиренія ли, или человеколюбія, или...—ну, сами договорите лучше;—Вы, быть можетъ, видѣли и въ натурѣ всѣ бальные роли студентовъ и вообще имѣете полное понятіе о бальныхъ этикетахъ... Съ своей стороны я не прочь предполагать, что тутъ можетъ развиваться, положимъ, вѣжливость, предупредительность и самая манерность облагороженная и пр. Но перемѣнимъ декорацию: „вотъ у тѣхъ же студентовъ торжественные дни храмоваго праздника, или годовщины университетской, и приглашаемъ былъ бы къ Богослуженію Архіерей... И что же?—Соотвѣтственно тому, какое личное участіе принимаютъ студенты въ приготовленіяхъ къ баламъ и въ исполненіяхъ всего, что требуется во все время бального празднества,—че-

го бы слѣдовало ожидать отъ этихъ же студентовъ и въ отношеніи къ указываемымъ празднествамъ церковнымъ?! Не они ли напр. прекрасно бы сдѣлали, если бы составили хоръ поющихъ на клиросахъ изъ избранныхъ знающихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, приготовились и съобща всѣ, присутствуя въ рядахъ въ храмѣ, пропѣть напр. Единородный Сыне.., Помяни насъ Господи... Вѣрую во единого, Отче нашъ, и даже самое первое входное— „Достойно есть“, поемое при архіерейскомъ служеніи.— Далѣе—иные бы выносили рипиды, другіе прислуживали въ алтарѣ, да кто нибудь прочиталъ бы часы не хуже, конечно, тамошняго причетника... И пусть бы все это они сдѣлали не по приказу, а по собственной инициативѣ, по искреннему усердію, такъ какъ по отношенію къ устройству бальныхъ празднествъ. вѣдь, никто ихъ не принуждаетъ, а сами же они просятъ на это разрѣшенія и принимаютъ на себя хлопоты... — Но чтожь?—съ улыбкою проговорилъ преосв. Антоній.— что, если бы нынѣшніе студенты только подслушали наши теперешніе разговоры, то, кажется, раздались бы хлопанья посылнѣе, чѣмъ приводилось слышать ихъ по прочтеніи рѣчи, гдѣ выставлены были такъ рельефно сужденія и дѣйствія Магницкаго по части религіозно-церковныхъ обязанностей и правилъ не для студентовъ только, но и для лицъ служащихъ!!...“

„Такъ-то!—Если обратиться теперь къ самому первоначальному вопросу, послужившему темою для настоящаго разговора— „почему я ни разу не служилъ въ университетской церкви“, то, кажется, я не погрѣшу, если скажу, хотя предположительно, что архіерейское-то служеніе не могло ли бы, пожалуй, подвергнуться профанированію своего рода, начиная съ того, что и самому Архіерею пришлось бы, могло стать, проходить сквозъ тѣхъ же, толпящихся внѣ церкви, студентовъ, а въ храмѣ-то при самомъ Богослуженіи привелось ли бы увидѣть ихъ въ числѣ молящихся?... Не случилось ли бы такъ, что при прибытіи Архіерея на служеніе иные и промолвятъ: „вотъ-де новая эра возстановленія святости временъ Магницкаго и К^о...“ Да и къ самимъ-то,

усердствующимъ къ Богослуженію, лицамъ начальствующимъ, того и смотри, можетъ, подъ часъ, прилагаться кличка á la Магницкихъ съ тою только разницею, еще, впрочемъ, горшею, что въ свое время Магницкій и другіе дѣйствовали въ силу Устава и достигали въ своей мѣрѣ своихъ цѣлей... а теперь какъ будто бы нѣтъ и Устава и никакихъ положительныхъ требованій и правъ, и вліяній со стороны начальства въ отношеніи собственно къ религіозно-церковнымъ обязанностямъ студентовъ Университета, хотя самое громадное ихъ большинство православнаго русскаго происхожденія, и многіе изъ нихъ изъ семействъ положительно религіозныхъ и даже, во множествѣ, изъ семействъ духовенства“.

„Правда,—Вамъ ли, или другимъ сужденія мои могутъ показаться проводимыми немножко уже далеко, сравнительно съ содержаніемъ читанной на актѣ рѣчи; но положеніе-то дѣлъ гласитъ инсе... Чѣмъ болѣе слѣдишь постепенно, какія выходятъ изъ Министерства новыя и новыя положенія, то, по духу и характеру ихъ, невольнo видишь, что все, относящееся именно къ главнѣйшему-то предмету и задачѣ религіозно-нравственнаго христіанскаго образованія, какъ бы игнорируется. А тутъ еще, какъ разъ, извѣстнаго направленія современная пресса напрямки трубитъ, что-де религіозность въ дѣлѣ учебнаго образованія не должна имѣть и мѣста, и что самое преподаваніе вѣроучительныхъ и нравственныхъ истинъ по Катихизису, или по Богословскимъ системамъ составляетъ, по меньшей мѣрѣ, парадоксъ, такъ какъ, при строгихъ научныхъ историко-философическихъ и натурологическихъ изслѣдованіяхъ и, утверждаемыхъ на нихъ, воззрѣніяхъ и положеніяхъ, эти истины не выдерживаютъ-де скольконибудь порядочной критики и т. п. Положимъ, эти доктрины изошли первоначально изъ-подъ пера пресловутаго историко-философа автора „Исторіи цивилизаціи Англіи“ (Бокля); но подобныя воззрѣнія и положенія стали уже ходячими въ головахъ и нашихъ Русскихъ послѣдователей и проявляются на страницахъ журнальныхъ... а отсюда—далекъ ли переходъ и въ аудиторіи, если не прямой, то косвенный и

хотя бы зигзагами, въ проблескахъ и намекахъ только, въ родѣ фактически-историческихъ указаній на времена Магницкихъ... Мнѣ кажется, если бы только въ настоящіе дни полагалась самая инициатива учрежденія университетовъ, то въ стѣнахъ ихъ едва ли бы удѣлили и мѣстечко для устройства въ нихъ храмовъ-то Божіихъ въ силу тѣхъ же, сказанныхъ, доктринъ...“

„Впрочемъ, закончимъ нашу бесѣду другой картиной, которая, сказать правду, живо рисовалась у меня еще при тѣхъ словахъ, гдѣ я представлялъ то,—какъ прекрасно поступили бы студенты, если бы, дѣйствительно, было совершаемо въ ихъ храмахъ Архіерейское-то служеніе. Картину эту живую съ природы не далеко взять.— Это напр. Институтъ благородныхъ дѣвиць, или духовное училище дѣвиць же... Замѣчательно, что въ Институтѣ бывають тоже и балы собственно для институтокъ,— но въ тоже время, когда, бывало, я не разъ служилъ въ тамошней церкви, то тамъ истинный образецъ всевозможной дисциплины въ отношеніи религіозно-правственномъ, во всей обстановкѣ, начиная съ участія въ пѣніи и чтеніи, и даже въ одновременныхъ земныхъ поклоненіяхъ, чисто, можно сказать, по монастырски... И что же? согласуется это, или не согласуется съ прямыми истинными понятіями о значеніи этихъ заведеній высшихъ и состоящихъ подъ особымъ Высочайшимъ вѣдомствомъ самой Государыни Императрицы?! А какъ университеты тоже носятъ титулы—Императорскихъ,— то, казалось бы, не достаточно ли и этого одного, чтобы было соотвѣтствіе и въ указываемыхъ отношеніяхъ?!.. Или сказать,—что здѣсь-де другое особенное Министерство... другія начала, другой духъ... такъ что если поступають сюда и дѣвицы же, хотя бы изъ тѣхъ же институтовъ, на, такъ называемые, высшіе курсы,—то и на нихъ, увы, отражаются *similia similibus*... А, впрочемъ, и по виду-то своему онѣ, какъ говорятъ, просто *стриженныя*, да и самое-то наименованіе ихъ *курсистками* понимается какъ-то не рекомендательно...—Къ изумленію моему, я недавно узналъ, что въ числѣ курсистокъ есть уже и дочери духовныхъ, воспитывавшіяся, къ тому же,

въ епархіальныхъ духовныхъ училищахъ, слѣдовательно, на церковныя же деньги... *O tempora, o mores!*. А какія?! Конечно не *meliora* и не *meliores!*!

Обратившись, наконецъ, еще къ содержанію рѣчи о Магницкомъ, преосв. Антоній потребовалъ подать ему самую книжку, и тутъ-то, прочитавъ нѣкоторые пункты изъ положеній Магницкаго напр. о томъ, „чтобы поставлено было наблюдать не только за духомъ и направленіемъ преподаванія, но и за нравственностію и не студентовъ только, а и самихъ преподавателей,—и еще,— что самъ Магницкій, какъ выражено въ рѣчи, вѣрилъ, что вмѣстѣ съ начавшимся благочестивымъ настроеніемъ Каз. Университета начинаетъ процвѣтать и Университетъ“,—преосв. Антоній сказалъ: „Ну, и во что же иначе бы приходилось вѣрить и чего ожидать при подобныхъ положеніяхъ?!—Развѣ ожидать бы только, судя по нынѣшнему *status quo* университетовъ, что вотъ-де такъ и посылются со всѣхъ сторонъ, и отъ преподавателей и студентовъ, петиціи и демонстраціи?!... Но это и есть, своего рода, язва нашего времени, что мы и въ самыхъ-то принципахъ и инициативахъ въ дѣлѣ законоположеній, прежде всего, водимся мыслию, какъ бы-де не только *гусей* но и *гусятъ*-то не раздражить..., такъ какъ служащимъ-то въ университетахъ данъ излишекъ простора въ смыслѣ своего рода автономіи, начиная съ безусловнаго права самоличнаго выбора начальствующихъ;—а относительно студентовъ забыта аксіома, что воспитанникъ, будь онъ хоть самаго высшаго заведенія и, по возрасту своему, будь съ бородой хоть по поясъ, все-таки не болѣе, какъ воспитанникъ, а не гражданинъ... По самой же степени, получаемаго имъ, высшаго образованія и по мѣрѣ взрослости онъ тѣмъ обязательнѣе долженъ подчиняться всякимъ положеніямъ и требованіямъ Начальства“.

„*Что ся вамъ мнитъ* относительно всего, мною теперь сказаннаго,—я даже и не спрашиваю Вашего мнѣнія и отзыва... А что я сказалъ теперь. то сказалъ,—выражусь словами одного классика—вотъ ему (было указаніе на меня) очень извѣстнаго—*ὡς μοι ἀλλήθεα*

δοξέει εἶναι...⁽¹⁾. И, по слову Апостола, *уповая имѣти благоу совѣсть* и такія же убѣжденія, и побужденія, чтобы свидѣтельствовать это предъ кѣмъ угодно такъ, а не иначе“...

Слушавшіе такія и подобныя сужденія преосв. Антонія, собесѣдники, само собою, не всѣ одинаково, а тѣмъ болѣе не безусловно, раздѣляли ихъ значеніе.— Въ частности можно указать на такіе напр. отзывы нѣкоторыхъ изъ бывавшихъ собесѣдниковъ, что они усматривали въ сужденіяхъ преосв. Антонія, какъ бы, своего рода, предзанятыя мысли и даже, въ своей мѣрѣ, антипатіи къ свѣтскимъ заведеніямъ и, по преимуществу, въ отношеніи къ тому современному духу и направленію, какіе, такъ или иначе, вносятся въ самый status quo заведеній путемъ административнымъ въ формѣ видоизмѣняющихся, не рѣдкихъ и разнообразныхъ, проэктвъ. Правдивости этихъ отзывовъ въ извѣстной долѣ, дѣйствительно, нельзя не признавать. Сказать больше и прямѣе: въ характерѣ и значеніи разсматриваемыхъ сужденій преосв. Антонія, видимо, стражалося, особливо въ послѣднее время, именно то, такъ сказать, разочарованіе, которое получилъ онъ вълѣдствіе не оправдавшихся его желаній и надеждъ, какія питалъ онъ въ самомъ началѣ состоявшагося общеглавенствующаго управленія, сосредоточеннаго въ одномъ и томъ же лицѣ— и Оберъ-Прокурорѣ св. Синода и Министрѣ Народнаго Просвѣщенія.—Такое личное состояніе и настроеніе преосв. Антонія тѣмъ въ большей мѣрѣ усиливалось, въ какой видѣлъ онъ ближайшимъ образомъ подобное же въ ходѣ и направленіи дѣйствій и по учебно-духовному управленію, какъ бы принаравливаемыхъ къ духу и характеру управленія министерскаго.—Здѣсь онъ прямо усматривалъ, по своимъ убѣжденіямъ, именно то, о чемъ и выражался буквально такъ: это не только *и нашимъ и нашимъ*, а точнѣе и что хуже—*ни нашимъ, ни вашимъ*, а такъ себѣ подъ чью дудку придется, подъ ту

⁽¹⁾ По самому точному буквальному переводу это изреченіе значить: «какъ мнѣ истинно мнится быти».

и пляшется“... Но, съ другой стороны, помимо указываемыхъ причинъ и обстоятельствъ, породившихъ и вызывавшихъ взгляды и сужденія преосв. Антонія не въ пользу status quo свѣтскихъ заведеній, должно по всей справедливости признать за преосв. Антоніемъ и на оборотъ—положительное сочувствіе и къ свѣтскимъ заведеніямъ въ обще-гуманномъ смыслѣ. Такъ, если начать даже съ самаго личнаго его состоянія, то не безызвѣстно, что онъ въ свое время, еще на скамьѣ семинарской, питалъ особенное чувство призванія къ философскимъ наукамъ, а объ руку съ ними и ко всѣмъ, такъ называемымъ, *artibus liberalibus*. Онъ былъ не прочь и самъ поступить тогда въ Университетъ Московскій, гдѣ получилъ образованіе и родной его старшій братъ, и былъ въ числѣ служившихъ въ свѣтскомъ же заведеніи родной его дядя... Такъ же точно, и во все послѣдующее время и въ санѣ святительскомъ, онъ съ приятнымъ сочувствіемъ встрѣчалъ, въ рядахъ университетскихъ Профессоровъ,—лицъ по происхожденію изъ духовнаго званія и въ свое время обучавшихся въ Семинаріи, ручаясь при этомъ, что духовное званіе и Богословское образованіе глубоко лежало въ корнѣхъ и основѣ ихъ убѣжденій христіанско-религіозныхъ, отражающихся и въ прочихъ специально научныхъ ихъ воззрѣніяхъ и столько же проводимыхъ и вліяющихъ на слушающихъ ихъ студентовъ. Въ этомъ отношеніи живые ближайшіе примѣры имѣлъ онъ предъ глазами и здѣсь и въ другихъ университетахъ... Вообще онъ вполне раздѣлялъ разсужденіе въ этомъ отношеніи высокопр. Филарета, Митрополита Московскаго,—самыя буквальные выраженія котораго по этому предмету онъ твердо помнилъ и, къ случаю, повторялъ: „Церковь, конечно, челоѣколюбива и благодушна въ томъ, что образуетъ достойныхъ людей, и плоды сего уступаетъ не рѣдко иному служенію. Можно съ спокойною совѣстію пользоваться такимъ ея снисхожденіемъ къ общему истинному благу“ (1). Но смотря на то, что и какъ было сдѣлано

(1) Эти слова буквально выражены высокопр. Филаретомъ въ

по новопреобразовательному Уставу нынѣшнихъ семинарій, именно въ отношеніи къ возможности (въ смыслѣ присвоенныхъ правъ и даже, какъ бы, привелегій сравнительно съ воспитанниками гимназій),—выходить по окончаніи четвертаго класса и поступать въ университеты и другія свѣтскія заведенія,—смотря на это, или прямо на самыхъ воспитанниковъ, какъ на птенцовъ еще не оперившихся, а не то-что окрылившихся, но уже выскакивающихъ изъ своего роднаго гнѣзда,—преосв. Антоній, дѣйствительно, не рѣдко раздражался въ своихъ чувствованіяхъ и сужденіяхъ объ этомъ явленіи, какъ самомъ грустномъ, вредномъ, даже прямо гибельномъ. по отношенію и къ самымъ этимъ воспитанникамъ и къ заведеніямъ, въ которыя набирались такіе неофиты, недоросли и, въ своемъ родѣ, *рenegаты*... Ренегатами онъ титуловалъ ихъ не потому, что они оказывались таковыми въ отношеніи къ своему званію по происхожденію (которое уже теперь законоположительнымъ порядкомъ уничтожено),—а ренегатами отъ того существеннѣйшаго образовательно-воспитательнаго элемента—вѣроучительнаго Богословскаго, который долженъ лежать въ основаніи дальнѣйшаго научнаго развитія и усовершенствованія и тѣмъ больше, чѣмъ выше учебное заведеніе, хотя бы и свѣтское.

„Вѣдь, если разобрать,—разсуждалъ преосв. Антоній,—введенное законоположеніе, какъ есть, по азбучнымъ складамъ и вникнуть въ то, что въ немъ говорится и прямо, и *подъ титлами* въ своемъ родѣ,—то выходитъ, что семинаристы-то, закончившіе только курсъ четвертымъ классомъ, должны оказываться,—сравнительно съ гимназистами, кончившими полный курсъ,—едва ли не съ меньшимъ запасомъ познаній по предметамъ вѣроучительнымъ, кромѣ развѣ св. Писанія и то Ветхозавѣтнаго только... Слѣдовательно, за что же имъ и привилегій? Или остается признать то, что такъ-какъ въ высшихъ-то заведеніяхъ, въ университетахъ и проч. менѣе

писемъ его къ своему племяннику, принявшему намѣреніе выйти изъ духовнаго званія въ свѣтское. (Странникъ 1864 г.).

всего запроса по части этого именно элемента, то семинаристы, зная это, какъ бы напередъ ублаживаютъ себя еще въ Семинаріи, что дальнѣйшее двухгодичное, собственно Богословское, образованіе въ Семинаріи совершенно излишне и составляло бы для нихъ одну лишь трату времени; а, пожалуй, иные даже и опасаются, что бы чрезчуръ не осеминариститъся и не выдаваться какими-либо Богословскими познаніями въ ожидающей ихъ средѣ выше-учащейся свѣтской молодежи. И на дѣлѣ, къ величайшему прискорбію, оказываются именно такіе экземпляры этихъ ренегатовъ... Кто-кто,—а они, чуть не первые, готовы на некрасное, иногда до кощунственности, словцо на счетъ религіозно-нравственныхъ и духовно-церковныхъ предметовъ... Свидѣтельства этому и въ литературѣ изъ подъ перьевъ подобныхъ субъектовъ... Да, вѣрно и вполне приложимо здѣсь древнее классическо-педагогическое изреченіе: *Qui proficit in litteris, et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit* (1)—и для школы и для жизни“...

Такую именно рѣчь, помнится намъ, держалъ преосв. Антоній въ бесѣдѣ съ пріѣзжавшимъ къ нему для нарочитаго свиданія, однимъ Преосвященнымъ изъ одной ближайшей епархіи. Послѣдній, между прочимъ, вставилъ и тотъ вопросъ преосв. Антонию: „а что, какъ идутъ, или уже замолкли толки о предполагавшемся открытіи въ самыхъ университетахъ особаго факультета Богословскаго наравнѣ съ академическимъ?!“—„Да, отвѣчалъ съ грустью преосв. Антоній; тамъ-то, положимъ, толковали, да и только... За-то мы-то сами ихъ перещеголяли, устроивши въ нашихъ академіяхъ тѣ же факультеты въ подражаніе университетскимъ, и въ томъ числѣ—Богословскій, который едва ли чѣмъ отличается отъ предполагавшагося въ университетахъ... Но дѣло-то въ томъ, что затѣвавшіе, указываемый Вашимъ Преставомъ, проэктъ разумѣли болѣе, чѣмъ Вы думаете. Въ этомъ проэктѣ имѣлось въ виду то, чтобы замѣнить,

(1) Буквальный переводъ этого изреченія такой: «Кто успѣваетъ въ наукахъ, но не успѣваетъ въ нравахъ (доброй нравственности), тотъ болѣе не успѣваетъ, чѣмъ успѣваетъ».

все цѣликомъ, настоящее выше-Богословское академическое образованіе, — однимъ словомъ — слить во едино оба заведенія подъ именованіемъ университетскаго. Вотъ тутъ-то, — что оставалось бы намъ съ Вами подумывать?! А мнѣ кажется, что чего-чего, а ужъ прежде всего сколько расплодилось бы у насъ на православной Руси докторовъ Богословія, да ужъ такихъ, что кто во что бы гораздъ по части всякихъ критическихъ изслѣдованій, которымъ далеко бы не чета бывшія, напр., о книгѣ Іова... и тогда бы, пожалуй, уже непременно и вопросъ „объ единеніи съ англиканскою церковію“ рѣшился бы какъ дважды — два, такъ что и мы-то, быть можетъ, оказались бы присоединившимися къ англиканской церкви, а не она къ намъ, — хотя бы въ смыслѣ компромиссовъ...“ А съ другой стороны, говорилъ преосв. Антоній: „ну ужъ тогда не возрадовались бы и всѣ теперешніе антиклерикалы. Тогда бы, вѣдь, имъ пришлось имѣть дѣло не съ тѣми, которые, по заповѣди св. Апостола, пребываютъ *не высоко мудрующующе, но смиренными ведущеся*.., а съ бойцами, облеченными, само собою, не во всеоружіе святой Христовой Религіи и истины, а во всеоружіе науки и, съ тѣмъ вмѣстѣ, исполненными такимъ энтузіазмомъ, фанатизмомъ, какіе только особенно свойственны, когда ложь смѣшается съ истиною до безразличія сущности и содержанія, и гдѣ, при этомъ, всего болѣе, господствуетъ сила эгоизма и всепреклоняющаго авторитета. А это-то собственно и составляетъ всю характеристику, *дѣйствительнаго*, сложившагося исторически, западнаго *клерикализма*, котораго только тѣни видятся или, точнѣе, просто мерцаютъ въ глазахъ тѣхъ, которые стараются провести инициативу къ сліянью высшихъ учебныхъ заведеній съ упраздненіемъ всякой самостоятельности собственно духовно-церковныхъ, каковы наши академіи“.

„Ну, а что и какъ, однако, въ теперешнихъ-то университетахъ, напр., въ ближайшемъ Вашемъ Казанскомъ, по части религіознаго и вообще научнаго развитія и направленія, спросилъ гость-Преосвященный. Мнѣ бы очень интересно знать объ этомъ именно отъ Васъ...“ — Въ

разныхъ отрывочныхъ разговорахъ преосв. Антоній, дѣйствительно, удовлетворилъ желаніе своего гостя, рассказавъ довольно подробно и о той университетской рѣчи, въ содержаніе которой входила трактація о Магницкомъ.

Но вотъ предъ нами еще другой живой фактъ, который былъ тоже въ здѣшнемъ Каз. Университетѣ на годичномъ же актѣ и заключался также въ содержаніи. читанной на этомъ актѣ, рѣчи. Самыя разсужденія по поводу этого послѣдняго факта ведены были, между прочимъ, преосв. Антоніемъ тоже съ однимъ, бывшимъ у него тогда проѣздомъ на свою епархію, Преосвященнымъ.

На годичномъ актѣ въ Казан. Университетѣ (въ 1876 г.) была читана рѣчь ординар. Проф. Н. О. Ковалевскимъ подъ заглавіемъ: „Какъ смотритъ Физиологія на жизнь вообще и психическую въ особенности“. Лишь только возвратился преосв. Антоній съ этого университетскаго акта, онъ, во время даже своего домашняго обѣда, начиналъ уже высказываться неблагоприятно о содержаніи слышанной имъ рѣчи... „Что-то тутъ больно пахнетъ, говорилъ онъ, взглядами современнаго матеріализма... А. впрочемъ, какъ удосужусь, я прочитаю эту рѣчь повнимательнѣе...“ Этотъ начальный, подмѣченныи, взглядъ преосв. Антонія, не замедлилъ усилиться, когда вскорѣ же сообщены были ему свѣдѣнія, что и на самомъ общемъ университетскомъ обѣдѣ, въ день бывшаго акта, со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ Университета былъ серьезный и крупный, шумный говоръ не въ пользу содержанія рѣчи въ томъ же, подмѣченномъ преосв. Антоніемъ, смыслѣ. Это еще болѣе подстрекнуло его собственное желаніе прочитать хорошенько рѣчь... Наконецъ, когда преосв. Антонію стало извѣстно, что говоръ на обѣдѣ не кончился только говоромъ; но что одинъ изъ профессоровъ вызвался тогда же печатно отозваться о содержаніи и значеніи рѣчи, какъ не выдерживающей своихъ научныхъ положеній въ отношеніи психологическомъ,—преосв. Антоній сказалъ: „вотъ это хорошо и спасибо заявителю... и честь вообще ученому сотовариществу. Если

говорится по-пословицѣ: дружба дружбой и служба службой,—то тѣмъ болѣе истина, къ тому же проводимая во имя и путемъ науки, да еще такъ торжественно возвыщаемая, должна требовать и вызывать оправданіе смысла этой пословицы.—Интересно, весьма интересно... что-то явится въ печати со стороны Профессора... По части собственно Физиологіи, конечно, я не могу какъ-нибудь спеціально разсуждать, но чтобы допустить силу и употребленіе какихъ-то *мърительныхъ снарядовъ*, одинаково, будто-бы, дѣйствующихъ и опредѣляющихъ состояніе силъ и органовъ тѣлесныхъ и душевныхъ въ области мышленія, сознанія и проч.; это уже противно самому мышленію и сознанію и положительному христіанскому ученію о душѣ и духѣ человѣческомъ и, вообще, пахнетъ своего рода матеріалистичностію, хотя бы то и неразвиваемою авторомъ рѣчи въ значеніи положительно-матеріалистической доктрины, напр. Бюхнеро-Фохтовской“.

Вызовъ сказаннаго г. Профессора не заставилъ ждать себя долго. Преосв. Антоній поручилъ мнѣ изъ первыхъ же рукъ достать ему экземпляръ отпечатанной брошюры ⁽¹⁾. Вскорѣ послѣ этого и была бесѣда преосв. Ан-

(1) Брошюра эта одобрена была, по опредѣленію Историко-физиологическаго факультета Каз. Университета, къ напечатанію 18-го Ноября, слѣдовательно чрезъ двѣ недѣли послѣ прочтенія рѣчи на актѣ (5-го Ноября); брошюра эта очень пространна, въ 65 страницъ.—Мы выпишемъ здѣсь только нѣсколько самыхъ начальныхъ строкъ и самыхъ послѣднихъ, изъ которыхъ читатели ясно увидятъ суть дѣла, равно какъ и то, что преосв. Антоній чутко и мѣтко понималъ и опредѣлялъ съ своей стороны содержаніе и значеніе рѣчи. «Прежде всего мы считаемъ нужнымъ замѣтить,—говоритъ авторъ брошюры, Проф. А. Смирновъ,—что идеи нашего почтеннаго Физиолога Н. О. Ковалевскаго, развитыя имъ въ рѣчи: «Какъ смотритъ Физиологія и проч.» не вполне совпадаютъ съ тѣми матеріалистическими взглядами, которые защищали Бюхнеръ и Фохтъ, хотя общая тенденція и выводы у него одинаковы съ ними. Правда, мы не встрѣчаемъ уже такихъ заявленій, какъ напр. «мысль есть продуктъ мозга» или: «мысль отдѣляется мозгомъ такъ, какъ желчь печенью» или: «мышленіе не возможно безъ фосфора». Нашъ многоуважаемый Физиологъ дѣлаетъ чрезвычайно важную уступку, которой не дѣлали матеріалисты ни прошлаго вѣка, ни сороковыхъ годовъ нынѣшняго, именно—онъ допускаетъ, что сущность сознанія

тонія съ бывшимъ у него проѣздомъ Преосвященнымъ, который самъ же навелъ его на это разспросами въ родѣ тѣхъ,—что-де и какъ въ здѣшнемъ ученомъ университетскомъ и академическомъ городѣ и интеллигентномъ обществѣ по части современныхъ вопросовъ, возрѣній и проч.?!..

Тутъ-то преосв. Антоній и началъ свои обычныя разсужденія, заведя рѣчь, какъ-разъ, по поводу послѣдняго факта, не опустивъ отчасти и то, что было говорено имъ и по поводу прежней рѣчи; равно-какъ съ этимъ же Преосвященнымъ, въ другіе разы, проговорилъ и обо всемъ прочемъ касательно учебно-воспитательнаго дѣла и въ академіяхъ и въ семинаріяхъ. Собесѣдовавшій гость спрашивалъ, между прочимъ,—какъ же вообще преподаетъ Профессоръ Богословія въ Университетѣ, и какъ на самомъ дѣлѣ относятся студенты къ преподаванію Богословія... Вѣдь они должны же, волей-неволей, слушать и знать, потому что должны отвѣчать на экзаменахъ... Я помню,—не знаю какъ теперь,—что и въ уни-

остается не уясненной, что сознаніе не можетъ быть въ настоящее время выведено изъ извѣстной формы, или величины матеріальнаго движенія и неизвѣстно, будетъ ли когда объяснено такимъ образомъ (стр. 35—36). Но не смотря на эту уступку, которая въ существѣ дѣла идетъ наперекоръ матеріализму, авторъ все-таки призналъ себя вправѣ утверждать, что процессы психологической жизни матеріальны и что само сознаніе есть свойство нервныхъ процессовъ. Эти положенія, которыя защищаетъ и развиваетъ Н. О. Ковалевскій, всегда были коренными догматами матеріализма. Матеріалисты всегда утверждали, что психическая жизнь есть результатъ тѣхъ же самыхъ силъ, которыми производятся и другія явленія органической жизни. Вотъ тезисъ, который отстаиваетъ Н. О. Ковалевскій и опроверженіе котораго составляетъ цѣль автора этой критической замѣтки.

«Намъ кажется, что въ рѣчи Н. О. Ковалевскаго его взглядъ на задачу Физиологіи въ отношеніи къ психической жизни сливается съ нѣкоторыми предположеніями матеріализма, который наука и философія должны считать отжившей уже доктриной. Впрочемъ, можетъ быть, мы ошибаемся; можетъ быть наша точка зрѣнія и точка зрѣнія Н. О. Ковалевскаго въ существѣ дѣла ближе одна къ другой, чѣмъ какъ это можно заключить изъ его рѣчи и изъ нашей критической ея оцѣнки».

верситетахъ отмѣтки по Богословскому экзамену значили слишкомъ много...— „Да, проговорилъ преосв. Антоній, нынѣ приводится только вспоминать то, что было хорошаго въ старину. Я и самъ это твердо знаю, что Вы говорите, еще по Кіевскому Университету... За-то тогда Профессоръ Богословія въ Университетѣ читаль и Логикѣ и Психологію, а въ связи съ послѣднею, конечно, была неизбѣжна и Физіологія человѣческая—истинная... И обѣ онѣ, конечно, одинаково освѣщались одною истиною Богооткровеннаго воззрѣнія на тѣло и душу человѣка, или какъ—помните ⁽¹⁾—держался самъ, по преимуществу, Ив. Мих. Скворцовъ ⁽²⁾ воззрѣнія *на трехчастный составъ* человѣка—духъ, душу и тѣло на основаніи словъ св. Апостола. И кто не знаетъ, что значило тогда одно имя Ивана Михайловича?! Сколько мнѣ въ жизни случалось встрѣчать лицъ высокопоставленныхъ изъ его воспитанниковъ по Университету, истинно съ благоговѣніемъ воспоминающихъ его имя!.. А теперь что сказать—не о преподавателяхъ Богословія въ университетахъ, которые сами по себѣ соотвѣтствуютъ своему званію и призванію, но о слушателяхъ—студентахъ?! Едва ли не большинство съ трудомъ знаютъ своего Проф. Богословія хорошенько и въ лицо-то, подобно тому, какъ не видятъ его и въ самой церкви... Что же касается самыхъ успѣховъ студентовъ въ Богословскихъ знаніяхъ, то, кажется, говоря словами автора рѣчи, излишне было бы употреблять *мртительные* снаряды и *способы физіологическіе къ пониманію и опредѣленію психическихъ процессовъ* ⁽³⁾. На экзаменахъ видно простымъ глазомъ насквозь, что въ головушкахъ-то, а тѣмъ паче въ сердцахъ студентовъ, точь въ точь то самое,—какъ выражено въ

(1) Указываемый здѣсь Преосвященный самъ служилъ, въ извѣстное время, въ Кіевской дух. Семинаріи—на должности Наставника.

(2) Протоиерей, Докторъ Богословія, Профессоръ Кіев. Университета.

(3) Эти слова буквальныя въ рѣчи Профес. Ковалевскаго. Смолтр. стран. 42.

канонъ св. Андрея Критскаго: „Законъ Божій изнеможе, празднуетъ Евангеліе, писаніе же все въ тебѣ, о душе, небрежено бысть“ (1).

„Да и вообще-то сами же профессора прямо говорятъ, что нынѣшніе студенты, при самомъ еще поступленіи въ Университетъ, являютъ себя не-ахти какъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ. И.—что замѣчательно,—эти отзывы особенно слышатся о нашихъ семинаристахъ. Бывало, говорятъ, семинариста сразу узнаешь, и знаешь напередъ, что тутъ непременно здоровый положительный толкъ, и затѣмъ во все время, изъ курса въ курсъ, постоянно видишь явное развитіе, особливо логическое, умственное, равно какъ и внимательность, сосредоточенность, усидчивость въ занятіяхъ,—а нынѣ нѣтъ и нѣтъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній... Да и Вы сами, Преосвященный, конечно, слыхивали отзывы подобные же, по крайней мѣрѣ, о поступающихъ нынѣ въ гражданскую службу именно изъ нашихъ семинаристовъ, прямо ли изъ Семинаріи. или изъ Университета, что прежняго характера и, такъ сказать, закала столь отличительнаго, какъ прежде въ чиновныхъ семинаристахъ, съ трудомъ поискать... Все это, впрочемъ, совершенно естественно... Я вотъ и самъ, проѣзжая по здѣшней Воскресенской университетской улицѣ, вижу, что,—говоря опять словами автора рѣчи,—*волевое движеніе* нынѣшнихъ студентовъ *формируется* однимъ преимущественнымъ *процессомъ* и физиологическимъ и психическимъ (2)—процессомъ шатанія по улицамъ и утаптыва-

(1) Канонъ великій св. Андрея Критскаго, пѣснь IX. троп. 3-й, въ понедѣльникъ первой седмицы. НВ. Выраженіе «*Евангеліе празднуетъ*» въ Славянскомъ текстѣ представляется отчасти не понятнымъ и даже, какъ бы, страннымъ... Въ Греческомъ подлинномъ текстѣ глаголь *празднуетъ* стоитъ ἀρῦεῖ—который означаетъ... бездѣйствуетъ и оказывается недѣйственнымъ... Вообще, приведенныя по Славянскому тексту, выраженія на Русскомъ языкѣ переводномъ съ подлинника должны читаться такъ: «Законъ Божій сдѣланъ безсильнымъ, Евангеліе стало недѣйственнымъ, и всякое писаніе (душеспасительное) тобою, душа моя, пренебрежено, какъ безполезное...» и пр.

(2) Эти выраженія тоже буквальные въ рѣчи.

нія тротуаровъ во время самыхъ урочныхъ часовъ въ Университетѣ... Такъ и видишь вереницы снующихъ туда и сюда, или засѣдающихъ на тротуарныхъ скамейкахъ съ папрусами во рту и къ тому же съ книжками подъ мышками... Хотя бы послѣдняго-то не дѣлали; тогда бы можно еще не угадывать—студенты ли это, или какіе-нибудь подмастерья, потому что по костюму-то и по всему прочему, явно не-ряшливому, виду не отличишь... А, наконецъ, что сказать объ этомъ же *волево́мъ движеніи* студентовъ въ томъ отношеніи и направленіи и *процессахъ*, о коихъ Вы, конечно, знаете изъ печати?!. Сколько бывало уже смуть, неурядиць, открытыхъ безпорядковъ, чуть не бунтовъ..., такъ-то для удержанія этого *волеваго движенія* недостаточно, не говоримъ о силѣ и вліяніи университетскаго Начальства и полицейскихъ мѣръ и способовъ, а потребно даже бываетъ войско *съ снарядами* уже чисто фізіологическими и матеріальными... Вотъ тутъ-то и вспомнишь про времена Магницкаго... чтобы оцѣнить значеніе его дѣйствій и проч. А между тѣмъ нынѣ, хотя и воспоминаюто было все это въ исторической запискѣ. но въ какомъ смыслѣ и значеніи, — сами Вы видѣли изъ прочитанныхъ давеча нами нѣкоторыхъ выдержекъ“. — „Да, да! отвѣчалъ съ явною грустью собесѣдникъ—Пресвященный... Но мнѣ кажется, говорилъ онъ, на счетъ содержанія этихъ рѣчей нужно бы разсудить посерьезнѣе... Вы всего тверже меня знаете, какъ поступилъ, помните, высокопреосв. Филаретъ, митропол. Кіевскій, когда при немъ читана была въ Кіевскомъ Университетѣ рѣчь „о конкубинатѣ“. — „Еще-бы не помнить, — отвѣчалъ Пресвященный Антоній. Это было лично при мнѣ на университетскомъ актѣ; да и то, что писалъ по этому поводу Владыка Филаретъ, проходило буквально чрезъ мои руки; я составлялъ и самую бумагу со словъ Владыки. Да вѣдь тогда Владыка-то поступилъ слишкомъ открыто и рѣшительно, такъ что чтеніе рѣчи въ тужь минуту было прекращено... При этомъ онъ сказалъ только, что онъ не нарушаетъ продолженія акта, а нарушать свое духовное состояніе и особенное настроеніе, послѣ только-что совершенной имъ

въ тотъ же день Божественной Литургіи, никто не въ силахъ ни упросить его, ни заставить...“ „А впрочемъ, присовокупилъ Владыка тогда же, если прерваніемъ рѣчи нарушается, быть можетъ, нѣкоторымъ образомъ порядокъ офиціальный,—объ этомъ я самъ же первый готовъ представить, куда должно, и отвѣтствовать“⁽¹⁾.— „Да, продолжалъ преосв. Антоній, то были другія времена. Помните, какъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ Университету и Бибииковъ; хоть у него была одна только рука, но держалъ онъ все и всѣхъ и, въ частности,—Университетъ и кадетскій Корпусъ, крѣпче, чѣмъ двумя руками... Да и присноблаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ, помните, какія изволили изрѣчь слова, обращенныя, между прочимъ, въ

(1) Указываемый теперь, фактъ былъ рассказываемъ намъ, въ бытность въ Кіевѣ на юбилей Кіев.-Владим. Университета, однимъ изъ г.г. Профессоровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ явился тогда же и въ печати (въ Кіевлянинѣ № 185 отъ 19 Августа 1884 г.),—какъ замѣчательное въ своемъ родѣ событіе въ пятидесятилѣтней исторіи Кіевск. Университета. Почитаемъ съ своей стороны умѣстнымъ наложить здѣсь содержаніе, напечатанное въ Кіевлянинѣ...—Въ 1841 году Совѣтъ Университета поручилъ экстраорд. Профессору по кафедрѣ законовъ Государственнаго благоустройства Николаю Дмитриевичу Иванишину произнести рѣчь на торжественномъ актѣ 15-го Іюля того года. Темой рѣчи Иванишевъ избралъ: «Идея личности въ древнемъ правѣ Богемскомъ и Скандинавскомъ». Рѣчь эта впоследствии напечатана въ 1842 г. въ журналѣ Министерства Нар. Просв. Въ своей рѣчи говоря о правахъ женщины, Иванишевъ необходимо долженъ былъ коснуться вопроса о многоженствѣ, о наложничествѣ (concubinatus) и т. п. Рѣчь предварительно была прочитана въ Совѣтѣ и факультетѣ и одобрена. Наступилъ день акта. Попечителя не было. Округомъ управлялъ за его отсутствіемъ К. А. Неволинъ, бывший тогда Ректоромъ. Въ числѣ приглашенныхъ находился Митрополитъ Филаретъ и другія духовныя лица.—Среди общаго вниманія Иванишевъ читалъ свою рѣчь; но едва успѣлъ онъ коснуться конкубината, какъ вдругъ раздался голосъ Митрополита Филарета, который прервалъ оратора слѣдующими словами: «Я—почетный Членъ Вашего Университета; позвольте мнѣ сказать Вамъ, что предъ нами неприлично говорить такую рѣчь. Мы сейчасъ отъ Алтаря Господня, гдѣ мы приносили Божественную Безкровную Жертву, а Вы говорите намъ въ рѣчи Вашей о конкубинатѣ и пр... Къ тому же здѣсь есть и молодые люди. Из-

слухъ ко всѣмъ студентамъ, когда изволилъ Онъ, въ бытность въ Кіевѣ, лично осматривать, только-что отстроенный тогда, новый университетскій корпусъ. А еще прежде-то, знаете, Университетъ Кіевскій былъ даже закрываемъ вовсе на два года по Высочайшему повелѣнію ⁽¹⁾. Пожалуй, нынѣ укажутъ на все это, какъ на примѣръ крутыхъ строгостей, свойственныхъ тогдашнему времени;

вините меня, что я Вамъ это замѣчаю; я Вань настырь и долженъ Васъ учить...» Чтобы какъ нибудь замаять это происшествіе, Неволинъ приказалъ Иванішеву прекратить чтеніе рѣчи и велѣлъ пѣть «Боже Царя Храни», а потомъ началось чтеніе отчета по Университету и раздача медалей. Обо всемъ этомъ происшествіи Неволинъ немедленно донесъ Министру, стараясь уяснить дѣло. Министра Уварова въ то время не было въ Петербургѣ, а управлявшій Министерствомъ Графъ Протасовъ и Директоръ Департамента Князь Ширинскій-Шихматовъ представили все дѣло въ 1-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи въ такомъ видѣ, что Иванішеву слѣдовало бы для торжественнаго акта выбрать предметъ не столь сухой, а болѣе религіозный, болѣе отечественный; такая тема болѣе бы подошла для торжественнаго случая какъ актъ, какъ день св. Владиміра, въ присутствіи православнаго духовенства и т. п. Государь призналъ замѣчаніе Министерства справедливымъ и повелѣлъ: «Поставить на видъ Ректору Университета св. Владиміра, что онъ въ отсутствіи Попечителя былъ обязанъ устранить все неприличное, прежде чѣмъ допускать до подобнаго неспріятнаго случая, что падаетъ на его отвѣтственность». Такой исходъ дѣла не понравился Уварову и желая хоть не много поправить дѣло, онъ приказалъ напечатать рѣчь въ журналѣ Министерства въ томъ видѣ, въ какомъ она была одобрена Совѣтомъ. Въ свое время много говорили въ обществѣ объ этомъ случаѣ, истолковывая его различно... Самъ Неволинъ передавалъ предположеніе, ходившее тогда по городу, что Митр. Филаретъ былъ будто не доволенъ, что рѣчь не была ему дана предварительно для просмотра; но едва-ли это предположеніе справедливо... Во всякомъ случаѣ происшествіе это на долго оставило послѣ себя неспріятное впечатлѣніе въ Университетѣ...

(1) Высокопр. Филаретъ писалъ объ этомъ, между прочимъ, преосв. Иннокентію, бывшему его Викарію, такъ: «Съ Университетомъ св. Владиміра случилось, кажется, большое искушеніе... Слышно, что онъ закрыть на два года. Впрочемъ сердце мое,—какъ знаете,—это предчувствовало... Теперь озаботятся преобразовать его по-русски... Такъ и должно...» (Письмо отъ 31 Января 1839 г.).

за-то пусть знаютъ указывающіе и о томъ, въ какой мѣрѣ обращалось самое строго-попечительное вниманіе высшаго Начальства. высоко цѣнившаго все истинно доброе въ успѣхахъ и паправленіи воспитанниковъ тѣхъ же свѣтскихъ заведеній, и особливо, когда получались свѣдѣнія объ этомъ, свидѣтельствующія, напрѣм., самимъ Владыкою Филаретомъ, присутствовавшимъ по временамъ на экзаменахъ по Закону Божію... Я твердо помню одинъ, между прочимъ, фактъ, когда Самъ нынѣшній Государь Императоръ, бывшій еще, Цесаревичемъ Наслѣдникомъ, въ Высочайшемъ вѣдѣніи Котораго состояли всѣ военно-учебныя заведенія, изволилъ въ Своемъ письмѣ выразить Свою Высочайшую благодарность Владыкѣ за присутствованіе его на экзаменѣ въ Кадетскомъ Владимірскомъ неранжированномъ Корпусѣ, и за отзывъ его объ успѣхахъ кадетовъ, представленный тогда же Владыкою въ своемъ особомъ письмѣ Его Высочеству.— Вотъ онъ,—указывая на меня, сказала преосв. Антоній,—хорошо знаетъ про этотъ фактъ по матеріаламъ изъ біографіи Владыки“. Воспоминаніе преосв. Антонія, дѣйствительно, сохранилось у него, какъ оказалось, вполне твердо и точно. Мы приведемъ здѣсь подлинное, отъ слова до слова, Высочайшее письмо, въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича (отъ 24-го Іюня 1853 г.).

„Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ письма Вашего Высокопреосвященства и изъ донесенія за вѣдывающаго неранжированнымъ Владимірскимъ Кіевскимъ Кадетскимъ Корпусомъ полковника Вольскаго, что Вы удостоили своимъ посѣщеніемъ экзаменъ воспитанниковъ означеннаго заведенія изъ Закона Божія.

Весьма пріятно было Мнѣ прочитатъ лестный отзывъ Вашъ объ успѣхахъ воспитанниковъ. Долгомъ считаю изъяснить Вашему Высокопреосвященству искреннюю Мою благодарность за попеченія Ваши о малолѣтней Вашей паствѣ. Вполнѣ уповаю, что, любовію проникнутая, пастырская заботливость Ваша возраститъ въ сердцахъ юношей плоды благочестія и христіанскихъ добродѣтелей.

Поручая себя молитвамъ Вашего Высокопреосвященства, съ отличнымъ уваженіемъ пребываю Вамъ искренно доброжелательный

„Александръ“.

При этомъ, воспоминаютомъ преосв. Антоніемъ, фактъ, я, съ своей стороны, позволилъ указать ему еще на другой, какъ вполне идущій къ предмету, веденнаго имъ, раговора и относившійся къ тому же высокопр. Филарету. „Да, да, — сразу подхватилъ мои слова преосв. Антоній, — я и это тоже твердо помню; это было въ послѣдній годъ жизни Владыки, именно — въ самомъ концѣ Августа 1857 г. Тутъ Владыка Филаретъ, дѣйствительно, показалъ уже не то, чтобы, какъ говорится, погладить по головкѣ самое начальство Кадетскаго Корпуса. Это было по случаю освященія храма въ новопостроенномъ Кадетскомъ Корпусѣ (1). „Да, въ раздумьѣ сказалъ преосвящ. Антоній, все это было такъ, но, увы, въ другія времена, и какъ будто бы, подумаешь, гдѣ то за тридцать земель!“.

„А что студенты Вашей Академіи, заговорилъ гость-Преосвященный, совершенно-ли чужды увлеченій по отношенію къ бывавшимъ университетскимъ студенческимъ беспорядкамъ?“ — „Да, слава Богу, кромѣ известной панихиды, подъ названіемъ „Щаповской“, ни, ни... ничего. — И это, конечно, всего болѣе отъ того, что жили-то академисты доселѣ по прежнѣму всѣ въ корпусѣ. А распусти-ка ихъ по квартирамъ, по трущобамъ... Да вотъ, если размножится число волонтеровъ, штатныхъ и сверхштатныхъ, и приходящихъ вольнослушателей, — о чемъ уже начинаются хлопоты въ видѣ учрежденія даже попечительствъ для вспомошествованія этимъ послѣднимъ, — и когда на этотъ даровой кормъ найдутся конечно многіе и многіе, и будутъ жить по необходимости тоже въ квартирахъ.., (2) тогда, избави Богъ, начнутъ „жкшаться“

(1) Фактъ этотъ имѣеть быть изложенъ въ біографіи высокопр. Филарета.

(2) Эти опасенія преосв. Антонія въ послѣднее время предумотрѣны со стороны самого св. Синода. Въ указѣ (циркулярномъ)

и со студентами Университета и ветеринарнаго Института, и этотъ „modus vivendi“ не замедлитъ произрастить плоды по роду своему... Въ Институтѣ ветеринарномъ, кстати сказать, вотъ недавно была исторія, по поводу которой потребовались даже мѣры полицейскія... Между тѣмъ и въ это заведеніе, какъ только оно открылось, изъ семинаристовъ весьма много привалило; изъ нашей Семинаріи изъ четвертаго же класса перешло туда не мало учениковъ и, что особенно грустно, изъ лучшихъ, даровитѣйшихъ, изъ коихъ я зналъ нѣкоторыхъ, начиная еще съ училища здѣшняго, — какъ мальчиковъ благонравственнѣйшихъ и съ направлениемъ, видимо, готовымъ къ церковно-духовному званію. А что подѣлаешь?! Лянуть, какъ

св. Синода отъ 6—13 Іюля 1883 г. (№ 1195) читаемъ слѣдующее: «Дѣйствующій нынѣ, Уставъ православныхъ духовныхъ академій допускаетъ въ Академіи, кромѣ казенно-коштныхъ студентовъ, неопредѣленное число своекоштныхъ воспитанниковъ и вольныхъ слушателей (§§ 7 и 8). Эти воспитанники и вольные слушатели въ продолженіи всего курса ученія живутъ, за весьма немногими исключеніями, внѣ академическихъ зданій, на вольныхъ квартирахъ, и, будучи такимъ образомъ удалены отъ непосредственнаго надзора академическаго начальства, далеко не имѣютъ, какъ показалъ опытъ, той твердости въ добромъ направленіи, какая желательна въ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Большинство изъ нихъ, поступая въ духовныя академіи не по призванію и не для пользы православной Церкви, а единственно для снисканія виѣшнихъ выгодъ, какія даетъ высшее учебное заведеніе (по справедливому замѣчанію, учрежденнаго св. Синодомъ 1881 г., Комитета для пересмотра дѣйствующаго Устава духовныхъ академій), оказывается невнимательнымъ къ своимъ обязанностямъ, дозволяетъ себѣ опускать классы и уклоняться отъ надзора инспекціи. *Приказали:* «Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ §§ Высоч. утв. 30 Мая 1869 г. Уст. дух. акад., постановить нижеслѣдующія правила относительно принятія семинарскихъ воспитанниковъ и постороннихъ слушателей въ духовныя академіи: 1) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по вызову академій, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно, принимаются: лучшіе—казенно-коштными студентами, а остальные—своекоштными. 2) Своєкоштные студенты допускаются въ Академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ Академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій. Внѣ зданій Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей».

мухи, хотя бы, кажется, и специальность-то ветеринарская не привлекательна ни по самой научности, ни по будущей служебной карьере. где в каком-нибудь уезде простой народ будет величать этих специалистов все-таки по своему— „*коновалами* учеными“.

„Впрочемъ. высказалъ гость-Преосвященный, это бѣгство изъ семинарій почти повальное; а у Васъ здѣсь тѣмъ естественнѣе, что самыя-то заведенія свѣтскія подъ руками. Теперь, правда, поприжмутъ семинаристовъ, по крайней мѣрѣ, требуемые отъ нихъ аттестаты зрѣлости. А съ другой стороны—нельзя безусловно и винить семинаристовъ, когда ихъ поприжали и съ нашей-то стороны такъ, что и самыя-то кончившіе курсъ студенты обречены на немалые годы къ слишкомъ непривлекательной карьерѣ—псаломщицкой...“— „Это—такъ, истинно, присовокупилъ преосв. Антоній: но и этого мало. Псаломщичество еще не бѣда бы, коль скоро въ то же время не оттерли бы нашихъ, кончившихъ курсъ Семинаріи, воспитанниковъ отъ должностей учительскихъ въ сельскихъ школахъ—министерско-земскихъ, для которыхъ не пожалѣли даже многихъ сотенъ тысячъ для учрежденія особыхъ учительскихъ заведеній... хотя въ то же время, замѣтите, и по нашему-то вѣдомству то же усилили преподаваніе педагогики и ввели даже практическія занятія по части учительства... Кажется, что тутъ оба вѣдомства „*ме спѣлись хорошенько...*“

„А можетъ быть и иначе,—сказать между нами, т. е. особенно спѣлись... промолвилъ тутъ же гость-Преосвященный... Эта завидность самаго первоначальнаго положенія нашихъ богослововъ, т. е., быть псаломщиками только и не быть учителями въ сельскихъ училищахъ,—въ которыхъ между тѣмъ, самыя-то денежныя средства отъ земства назначаются очень хорошія, и, во всякомъ случаѣ, превышающія псаломщицкіе доходы, по крайней мѣрѣ, вдвое, даже по мѣстамъ—втрое,—а равно и то, что хотя семинаристъ кончитъ курсъ даже и студентомъ, а все-таки долженъ добывать себѣ аттестатъ зрѣлости для поступленія въ высшее свѣтское заведеніе непременно въ заведеніи свѣтскомъ... отъ корпорации

гимназической, — а добыванье такого аттестата можетъ быть и не безопасно даже и для студента-семинариста. — все это, — хочу я сказать — взятое вмѣстѣ, не заставляетъ ли напередъ призадумываться не только учениковъ, но и самыхъ родителей ихъ надъ вопросомъ: „куда поступать — въ Семинарію ли, или уже лучше прямо въ Гимназію. если имѣется въ виду поступленіе въ высшее свѣтское заведеніе. На это я знаю даже нѣкоторые факты...“ — „То есть, Вы хотите сказать, — отвѣтилъ преосв. Антоній, — что здѣсь суть-то снѣвки въ томъ, что пазывается по пословицѣ „не мытьемъ, такъ катаньемъ“. — Да, Ваша мысль совершенно вѣрна... А что Вы знаете нѣкогорые факты, какъ сами родители изъ духовныхъ отдають своихъ сыновей прямо въ Гимназію, — то я уже и не знаю, какъ сказать, что доводилось мнѣ почувствовать и перемыслить по поводу подобныхъ явленій... Вы оговорились, что это „между нами“, а я и писалъ объ этомъ, куда слѣдовало, и здѣсь въ семинарское Правленіе проводилъ не разъ свои указанія на это явленіе... А кстати еще спросить: сколько Вы знаете примѣровъ, чтобы въ наши-то семинаріи поступали изъ другихъ сословій, хотя, — какъ гласитъ Уставъ семинарскій, — для всѣхъ отверсты двери. и даже такъ, что, само собою, всякій, съ успѣхомъ поступившій въ Семинарію, принимается прямо и на казенное содержаніе... У насъ, кажется, былъ одинъ только примѣръ этому, и то дѣло кончилось тѣмъ, что этотъ прозелить, какъ только кончилъ четвертый классъ. — помню, съ лучшими успѣхами, — тотчасъ и улетучился въ ветеринарный Институтъ, да еще увлекъ съ собою нѣсколько другихъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, бывшихъ на казенномъ же содержаніи. А обратили ли Вы, наконецъ, вниманіе на то, что въ томъ же Уставѣ сказано, чтобы деньги за время обученія на казенномъ содержаніи были взыскиваемы въ случаѣ подобныхъ выходовъ и вообще, если кончившій курсъ не поступитъ въ духовное вѣдомство...“ „Да, отвѣчалъ Преосвященный, это вѣдь прописывается даже и въ самыхъ аттестатахъ или свидѣтельствахъ... по только не знаю, на сколько это выполняется... А съ другой сто-

роны, это походить на что-то въ родѣ закабаливанія...“— „А вотъ и еще пришло мнѣ на мысль,—говорить преосв. Антоній,—извѣстное положеніе по нашему учебному вѣдомству, гдѣ сказано въ родѣ слѣдующаго: „если-де кто изъ воспитанниковъ Семинаріи уволится, положимъ, послѣ четвертаго класса. и притомъ. если семинарскому начальству завѣдомо будетъ извѣстно, что таковой уволился съ цѣлью поступить въ высшее какое-либо заведеніе, и если онъ же самый, не достигши своей цѣли, или, можетъ, и побывавши нѣсколько времени въ иномъ заведеніи, вздумалъ бы присѣсть обратно въ Семинарію, хотя бы даже и не въ свою, а въ другую, то таковой *„да недопускается даже и на порогъ Семинаріи“* (1). Помнишь,—обратился ко мнѣ при этомъ преосв. Антоній,—вѣдь такой примѣръ былъ въ вашей Семинаріи. Мнѣ, кажется, было представлено объ этомъ даже и въ журналѣ. или лично передалъ этотъ фактъ бывший тогда о. Ректоръ, при чемъ, помню, онъ объяснялъ даже и то, что ему самому-то было жалко этого подъявившагося воспитанника, потому что онъ на провѣрочныхъ испытаніяхъ оказался однимъ изъ лучшихъ по успѣхамъ и былъ признанъ вполне достойнымъ принятія... Но вдругъ по справкѣ, полученной изъ Семинаріи. въ которой онъ обучался (кажется, въ Пермской), оказалось, что онъ-де вышелъ отсюда и держалъ уже экзамень на поступленіе въ Университетъ, или куда-то“... „Вотъ ужъ при этомъ-то явленіи я рѣшительно теряю голову... сказалъ преосв. Антоній; о чемъ гласитъ эта *притча*. изшедшая изъ нашего духовно-учебнаго Управленія... Вѣдь это уже какой-то прямѣйшій антигуманизмъ, да и въ отношеніи къ свѣтскимъ-то заведеніямъ явнѣйшій антагонизмъ... Выходить, по-просту говоря, что будто бы воспитанникъ. лишь только посыкнувшійся вступить,

(1) Въ этомъ содержаніи и значеніи былъ, дѣйствительно, циркулярный указъ св. Синода отъ 11 Января 1883 г. № 4; затѣмъ уже въ 1882 г. указомъ же св. Синода. отъ 4—18 Марта за № 141-мъ. разрѣшено Семинарскимъ Правленіямъ принимать обратно воспитанниковъ, выбывавшихъ изъ семинарій для поступленія въ свѣтскія высшія учебныя заведенія.

положимъ, въ Университетъ, и не побывавшій, можетъ быть, и въ аудиторіи, оказывается какъ бы уже окупившимся въ какой-то нечистый заразительный омутъ, такъ-что и никакого карантина не полагается для очищенія его отъ заразы, какъ-будто отъ проказы...“ „Да, примолвилъ и гость-Преосвященный: здѣсь что-то, дѣйствительно, заключается въ родѣ того, чтобы сказать словами св. Апостола: „*въ нихъ же (этихъ распоряженіяхъ) суть неудобь разумна ныкая...*“ Послѣ этихъ словъ преосв. Антоній сказалъ: „истинно правда, что здѣсь *неудобь разумна ныкая*, но только, всеконечно, не въ томъ смыслѣ и отношеніи, какъ изречены эти слова св. Апостоломъ Петромъ, который, свидѣтельствуя такъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ и посланіяхъ св. Апост. Павла, свидѣтельствовалъ объ немъ же: „*яко возлюбленный нами братъ Павелъ написалъ по данному ему отъ Бога премудрости (2 Петр. III, 15. 16)...*“ А ужъ эти-то наши начальственно-распорядительныя посланія писаны бывають *по какой премудрости*—это удобно уразумѣть только развѣ самимъ же пишущимъ... А намъ-то остается, кажется,—удобно или неудобно—уразумѣвать, между прочимъ, одно: „не придется ли намъ, со временемъ, заводить снова духовныя школы при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ для образованія кандидатовъ къ священничеству и причетничеству, какъ это было ведено со дней духовнаго регламента...“ А предвидится что-то дѣйствительно похожее на это, если Господь, *или же вѣсть судьбами*, не измѣнитъ настоящей судьбы и положенія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній отъ училищъ до академій съ возвращеніемъ ихъ къ недавнему бывшему строю и порядку, выдержавшимъ себя въ своей мѣрѣ вполнѣ удовлетворительно въ теченіи цѣлаго пятидесятилѣтія“...

Прошло послѣ этой бесѣды не много времени и чтожь?... Указаніе бывшаго гостя-Преосвященнаго на то, какъ высокопреосв. Филаретъ Кіевскій нашелся вынужденнымъ писать къ Министру Народнаго Просвѣщенія по поводу вышесказаннаго факта въ Кіевскомъ Университетѣ,—не замедлило осуществиться и въ лицѣ пре-

осв. Антонія по отношенію именно къ Университету здѣшнему по слѣдующему случаю. По предварительному извѣщенію и приглашенію отъ университетскаго Начальства преосв. Антоній прибылъ на университетскій экзамень по Богословскимъ предметамъ, на каковыхъ экзаменахъ онъ всегда бывалъ ежегодно неопустительно. Въ описываемый прїездъ его на экзамень оказалось, что студентовъ въ экзаменаціонной залѣ рѣшительно не было ни одного. Встрѣтившій и сопровождавшій преосв. Антонія въ залу, о. Протоіерей, Профессоръ Богословія, естественно, какъ рассказывалъ самъ преосв. Антоній, переконфузился... туда сюда, а все-таки нѣтъ никого изъ студентовъ..., хотя я самъ, говорилъ преосв. Антоній, проходя корридоромъ, видѣлъ весьма многихъ... О. Протоіерей отправился самъ отыскивать и собирать студентовъ... Узналъ объ этомъ Проректоръ... и чтоже?! Явилось на экзамень всего-на-всего только двое студентовъ. Нечего дѣлать, чтобы окончателно не конфузить о. Профессора и начальство, я посидѣлъ нѣсколько времени при испытаніи этихъ двоихъ бѣдныхъ студентовъ, не могшихъ, вѣрно, никакъ увернуться... Этотъ-то случай, наконецъ, и вынудилъ преосв. Антонія рѣшиться написать объ немъ гр. Д. А. Толстому, хотя немало раздумывалъ, какъ писать ему—какъ Министру ли. или Оберъ-Прокурору?! Кромѣ значенія этого факта въ самомъ себѣ и по отношенію лично къ преосв. Антонию, преосв. Антоній понудился писать и по тому, что фактъ этотъ огласился и вызывалъ разные взгляды и толки, и послѣдніе были со стороны иныхъ не безъ преувеличенія и извращенія истины въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; вообще онъ опасался здѣсь за подрывъ значенія и вліянія духовно-начальственнаго, если пройти этотъ фактъ молчаніемъ.—Отъ Начальства университетскаго были представлены, затребованныя отъ него Министерствомъ. свѣдѣнія, въ коихъ все случившееся сводилось къ тому, что будто преосв. Антоній прїѣхалъ на экзамень значительно ранѣе, опредѣленнаго по часамъ. времени; къ тому же, будто бы, въ бумагѣ преосв. Антонія нѣкоторыя обстоятельства были изложены не въ подлинной точности... Когда преосв. Ан-

тоній получилъ самъ, сообщенное ему въ отвѣтъ, тоже въ родѣ сказаннаго,—то махнулъ только рукой, промолвивши: „ну и ладно—пусть виноватые будутъ правыми... А впрочемъ благо, что нѣтъ еще церковно-судебной реформы,—а то, пожалуй, притянули бы къ мировому судѣ, или прямо въ окружный судъ за извращеніе, будто бы, факта и оклеветаніе служебныхъ лицъ...“ Съ этой поры преосв. Антоній не былъ уже въ Университетѣ ни разу ни на экзаменахъ, ни на актахъ по той, впрочемъ, собственно причинѣ, что въ эти послѣдніе годы онъ не могъ высиживать долго по развившейся у него болѣзненности.

Настоящій очеркъ отношеній преосв. Антонія къ Университету и пр. мы закончимъ изложеніемъ, въ значеніи эпилога, въ сейчасъ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XVI.

Какъ разъ въ самое время изложенія нами, приведенныхъ предъ этимъ, фактовъ, въ здѣшнемъ Университетѣ проявились, между прочимъ, весьма крупныя и грустныя безпорядки со стороны студентовъ ⁽¹⁾, такъ что Университетъ былъ закрытъ, и, по этому, не могъ быть въ немъ и годичный актъ (5 Ноября). Когда же въ духовной здѣшней Академіи былъ такой же актъ—(8 Ноября) и, надобно сказать, былъ особенно торжественный и многочисленный въ лицѣ мѣстныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ по той, между прочимъ, причинѣ, что въ этотъ годъ исполнилось сороколѣтіе Академіи, и что въ этотъ разъ впервые служилъ Литургію и присутствовалъ на актѣ новоприбывшій Архіепископъ Казанскій высокопр. Палладій,—бывшій самъ воспитанникомъ этой же Академіи назадъ тому тридцать лѣтъ (1848—1852),—когда, говоримъ, все это сбылось въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ въ состояніи Университета и Академіи,—то, всего естественнѣе, эта самая рѣзкость противоположныхъ явленій, столь ближайшихъ и по самому времени, послужила животрепещущею темою для многихъ серьезныхъ разговоровъ въ средѣ разныхъ лицъ, глубоко принимающихъ къ сердцу интересы высшаго образованія и самаго состоянія мѣстныхъ заведеній.

Намъ привелось быть участникомъ въ этихъ разговорахъ въ кругу высокихъ мѣстныхъ лицъ и, къ тому же, прекрасно знавшихъ преосв. Антонія, и, почти всѣ,

(1) Это было 28—29 Октября 1882 г.—о чемъ пропечатано было во всѣхъ газетахъ.

его взгляды и сужденія относительно состоянія академическаго и университетскаго. — Одинъ изъ собесѣдовавшихъ говорилъ: „да, что ни толковать, а преосв. Антонія нельзя не вспоминать истиннымъ добромъ, хотя оно для него-то самого обошлось слишкомъ тяжеленько... И вотъ теперь только и нужно ждать, что академіи духовныя, въ самомъ дѣлѣ, вступятъ въ ту колею, которой онъ такъ ревниво желалъ и самъ проэктировалъ ⁽¹⁾. А, потому, если и доселѣ Академія напр. здѣшняя являетъ себя сравнительно съ Университетомъ такъ благопріятно во мнѣніи общемъ, — то и это нужно отнести къ его же чести; — онъ истинно стоялъ на стражѣ этого заведенія.., хотя въ тоже время онъ особенно сочувствовалъ возможному общенію между академическою корпораціею и университетскою. — Я помню, какъ онъ выражалъ свое удовольствіе въ этомъ отношеніи открыто на праздникѣ въ Академіи по случаю 25-тилѣтія...“

„За-то, говорилъ другой, сбылись его же опасенія и предубаженія уже и не разъ, какъ вотъ и теперь... касательно положенія Университета. Сколько, бывало, онъ высказывалъ и удивленія, и скорби, видя какую-то неопредѣленность внутренняго устройства университетовъ и указывая прямо на извѣстные ему факты въ здѣшнемъ Университетѣ... когда ему, наконецъ, пришлось самому, какъ онъ выразился мнѣ, выйдти однажды съ экзамена университетскаго „взадъ пятнами...“ — Извѣстно, что покойный Преосвященный даже писалъ объ этомъ къ Министру, — хотя слышно было, что въ результатѣ-то вышло, по милости существовавшаго порядка, ни то ни се... Впрочемъ вотъ вы, о. Архимандритъ, навѣрное знаете это дѣло, которое должно, по моему, имѣть мѣсто и значеніе въ біографіи покойнаго Преосвященнаго“.

Не успѣвъ на это сказать ни чего, кромѣ согласительнаго — да.., я былъ тутъ же, какъ бы на перехватѣ,

(1) Здѣсь разумѣлся начинавшійся проэктъ пересмотра академическаго Устава въ особомъ учрежденномъ св. Синодомъ въ 1881 г. Комитетѣ подъ Предѣлательствомъ присутствовавшаго въ Синодѣ Архіепископа Казанскаго Сергія.

спрошенъ инымъ собесѣдникомъ: „Все это, положимъ, такъ, что говорится теперь о покойномъ преосв. Антоніи, — но вотъ что рѣшите мнѣ, о. Архимандритъ: извѣстно, что покойный Архіепископъ Антоній былъ Докторъ Богословія; — я и самъ учился по его Богословію Догматическому; но не хочу таиться, что Богословіе его мнѣ что-то не давалось... По системѣ своей оно уже, какъ бы, устарѣло. а по изложенію и чрезчуръ сжато и сухо до нельзя; кромѣ цѣлыхъ рядовъ текстовъ изъ Библии, къ тому же по славянскому тексту, и еще многихъ свидѣтельствъ изъ писаній св. Отцовъ, право же, рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтишь живую рѣчь... Можетъ быть это только личное мое мнѣніе, но говорю это вотъ почему: не полезнѣе ли бы потрудился покойный, когда бы эту самую свою Догматику разработалъ по нынѣшнему..., чѣмъ писать о томъ и туда, *что и гдѣ*, — какъ онъ самъ видѣлъ, — или какъ къ стѣнѣ горохъ, или ему же первому отзывалось не по добру — не по здорову... Вѣдь извѣстно, отъ чего онъ, въ продолженіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ архіерейства своего здѣсь въ Казани, едва-едва получилъ одну только Высочайшую награду. Да и въ какой-то духовной газетѣ, особенно задористой, печаталось довольно непріятнаго для покойнаго Преосвященнаго. Вотъ рѣшеніе этихъ вопросовъ-то я' желалъ бы встрѣтить въ его біографіи“.

„Желаніе ваше, былъ мой краткій отвѣтъ, не напрасно; но удовлетвореніе его будетъ ли и должно ли быть по вашему взгляду и разсужденію, особливо въ послѣднемъ отношеніи, — это вопросъ, который пусть и останется открытымъ, пока. дастъ Господь, раскроете страницы самой біографіи покойнаго Владыки Антонія. Съ своей же стороны я весьма благодаренъ за постановку вами этого послѣдняго вопроса“.

„А я, — вдругъ перебилъ насъ обоихъ еще одинъ изъ присутствовавшихъ, — готовъ бы рѣшить этотъ *открытый* вопросъ *теперь же* только по нашему по военному... по артикуламъ (1). Прежде всего скажемъ мы

(1) Начавшій эту рѣчь изъ военныхъ — отставной Генераль-

съ вами сами себѣ, NN, не на ушко, а въ слухъ: кто какъ не мы—свѣтскіе интеллигентные, а больше всего наша свѣтская современная печать, излюбили извѣстное словечко, чтобы прилагать его къ духовнымъ вообще, а также и къ Архіереямъ.—Я разумѣю слово: *книжники* и, пожалуй, *печатники*; прилагасмъ же мы его именно тогда, когда приводится или слушать проповѣди въ церкви, или если не читать, то, по крайней мѣрѣ, въ объявленіяхъ газетныхъ встрѣчать о напечатанныхъ проповѣдяхъ и разныхъ Богословіяхъ такого-то, или такого Архіерея. Что-де, говоримъ мы, толку въ этихъ книгонпечатаніяхъ, а между тѣмъ сколько-де утрачено тутъ самага времени и труда, которые бы такъ было нужно и полезно употребить на прямыя живыя практическія стороны жизни въ разнообразныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ, начиная съ самага ближайшаго дѣла—возможно внимательнаго непосредственнаго наблюденія и руководства въ средѣ духовенства и пасомыхъ, и оканчивая всѣмъ строимъ и управленіемъ епархіи во всѣхъ учрежденіяхъ, смотря по ихъ назначенію... Вотъ-де гдѣ *зоба дня* и насущная потребность въ проявленіи и приложеніи всей дѣятельности Архіерея!!! И дѣйствительно, всякое болѣе или менѣе выдающееся въ какой либо епархіи, нововведеніе въ этомъ родѣ и значеніи сейчасъ и въ самыхъ газетахъ разносится и по достоинству

Мюръ, отличающийся, дѣйствительно, всегда прямою своихъ сужденій, и бывший въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ преосв. Антоніемъ и, что замѣчательно, занимавшійся въ послѣднее время специально-научными изслѣдованіями по Свящ. Писанію исключительно съ Еврейскаго текста. Первый же трудъ его былъ—переводъ съ Французскаго, составленнаго о. Владиміромъ Гетте труда: «Изложеніе ученія Правосл. Католической Церкви и разногласій съ нимъ другихъ христіанскихъ церквей.—Этотъ свой трудъ онъ представлялъ преосв. Антонію еще въ рукописи для повѣрки и, затѣмъ, напечаталъ въ 1869 г. въ Казани, посвятивъ его, какъ изложено въ самомъ предисловіи, братчикамъ и братчицамъ Казанскаго Братства св. Гурія, котораго онъ состоитъ доселѣ въ званіи члена-учредителя.—Во время уже печатанія нашего труда,—этотъ истинно достоуважаемый Геп.-Маюръ Петръ Николаевичъ Арцыбышевъ скончался—именно 15 Апрѣля 1885 г.

одобряется, восхваляется, какъ примѣръ и образецъ... и чтожь?! Если покойный Антоній дѣйствительно такъ энергически до самоотверженія проявлять и направлять всю свою многолѣтнюю здѣсь дѣятельность, какъ на главную потребность и задачу.—на вопросъ и самое дѣло совершавшихся преобразованій въ столь близкихъ ему духовныхъ заведенійхъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, зорко слѣдилъ за этимъ же дѣломъ и въ заведеніяхъ свѣтскихъ начиная съ Университета и, сколько мнѣ извѣстно изъ личныхъ бесѣдъ съ покойнымъ Преосвященнымъ, продолжая нашими гимназіями, отъ которыхъ мы же съ вами чуть не воемъ, подычасъ, за дѣтей нашихъ... Во первыхъ, будь бы покойный Антоній гдѣ нибудь въ Тобольской, Архангельской епархіи, и будь бы самъ онъ на службѣ до архіерейства на подобныхъ же окраинахъ, гдѣ могъ бы имѣть понятіе объ университетахъ, какъ бы во снѣ, да и объ академіяхъ настолько же, насколько когда самъ учился въ Академіи,—тогда бы онъ, само собою, и не взялся писать то, что писалъ... Но вѣдь мы сами величаемся, что нашъ-де городъ и университетскій и академическій, и мы же иногда толкуемъ, что вотъ-де таковъ *подобаніе намъ архіерей*, каковы были прежніе Григорій и покойный Антоній, т. е. какъ Докторы Богословія, и бывшіе въ свое время ректорами академій и тогда же знакомые хорошо съ университетскимъ состояніемъ... Далѣе мы же, вотъ сейчасъ, выражали ожиданіе, что академіи вступятъ въ ту колею, какъ проектировалъ преосв. Антоній, хотя за подлинное не знаемъ, что и насколько именно войдетъ собственно изъ проекта его въ новый... значить, преосв. Антоній въ свое время трудился надъ своимъ проектомъ не напрасно... Правда, жалко, что писанное имъ не печаталось въ ту пору,—хотя это не отъ него уже зависѣло.;—а если бы онъ поступилъ такъ, какъ напр. преосв. Ага-ѳангель—(извѣстный намъ бывший здѣшній же Ректоръ Академіи) по вопросу о проектировавшейся духовно-церковной судебной реформѣ, — который напечаталъ свои взгляды и мнѣнія прямо въ своихъ епарх. вѣдомостяхъ, или какъ сдѣлано тоже въ особомъ изданіи Елагина..,

тогда бы мы, можетъ быть увидѣли въ ту же пору такой же результатъ, т. е. что и самое преобразованіе академій, въ которомъ онѣ просуществовали десять лѣтъ и которому полагается уже теперь, въ той или иной мѣрѣ, конецъ,—можетъ статься и вовсе не состоялось бы и не вышло бы тогда и того, чего мы теперь ожидаемъ и само собою, къ желаемому лучшему... А еще,—если дожилъ бы самъ преосв. Антоній до времени послѣдняго пересмотра Устава академій, онъ, несомнѣнно все, отнесся бы къ этому дѣлу еще съ большимъ участіемъ и энергіею и. быть можетъ, привнесъ бы еще что либо, выработанное имъ, лучшее... Да и смѣло можно сказать, что во главѣ теперешняго Комитета по этому дѣлу вѣрнѣе всего былъ бы поставленъ покойный Антоній, подобно тому, какъ нашъ же Казанскій Архіепископъ Сергій, который тоже все время до архіерейства прослужилъ въ Академіи Инспекторомъ и Ректоромъ и здѣсь, хотя и недолго, видѣлъ и изучилъ нынѣшнее положеніе Академіи. Изъ этого видно, что преосв. Антоній не мало потрудился надъ живыми практическими сторонами жизни духовно-учебныхъ заведеній. Такъ что же вы судите будто преосв. Антоній полезнѣе бы сдѣлалъ, если бы занялся писательствомъ духовно-литературнымъ... Пишущихъ-то подобныя писанія, въ томъ числѣ и Богословія и догматическія и нравственныя, и безъ того не мало; на это дѣло должны быть призваны и обязаны специально лица самихъ же корпорацій академическихъ... а для Архіереевъ достаточно, чтобы они были рецензентами этихъ сочиненій Богословскихъ, начиная съ учебниковъ. И преосв. Антоній чтожъ! развѣ мало потрудился въ этомъ отношеніи, когда былъ Ректоромъ и Семинаріи и Академіи?.. Еще: вы толкуете, что у преосв. Антонія изложеніе сухое и какъ бы несовременное... Вспомните и то, когда въ здѣшней же Академіи бывший Ректоръ Докторъ Богословія Іоаннъ началъ писать и печатать свои, самыя животрепещущія современностію, статьи и проповѣди и рѣчи... что же оказалось въ результатъ въ средѣ самыхъ студентовъ Академіи, — не исторія ли «Щановская» и какъ разъ въ связи съ университетскою?!

Да и самый-то журналъ „Православный Собесѣдникъ“ попалъ же тогда подъ опеку чужой цензуры Московско-академической. Допустимъ - же, что такое современное проповѣданіе въ лицѣ самого же Ректора и Доктора Богословія (Іоанна) продолжилось бы и до послѣднихъ поръ въ стѣнахъ здѣшней Академіи, — тогда бы не порадовались мы и нынѣшнему акту Академіи, на стражѣ которой, какъ давеча было сказано, — стоялъ такъ бдительно преосв. Антоній. И мнѣ кажется, что если въ новоприготовляемомъ Уставѣ академій осуществится многое изъ писаннаго въ свое время преосв. Антоніемъ, — начиная напр. съ самаго уничтоженія факультетовъ, изъ коихъ, какъ мнѣ лично извѣстно изъ устъ преосв. Антонія, будто бы собственно-богословскій имѣлъ *много званыхъ*, да меньше всего *избранныхъ* слушателей, — то трудъ и заслуга его должны быть оцѣнены во всемъ достоинствѣ. Покойный Владыка, какъ теперь помню, высказывался мнѣ, что въ иные курсы держали выпускной экзаменъ собственно специально по Богословскимъ предметамъ по два, по три человѣка... Судите же послѣ этого, — кто какъ хочетъ, — что значить самая Академія духовная, — какъ высшее заведеніе для научнаго собственно Богословскаго образованія!! Для чего, послѣ этого, писать и сама-то Богословія, да и чего намъ-то, мірянамъ, ожидать отъ будущихъ пастырей изъ лицъ академическихъ, коль скоро они самыхъ текстовъ св. Писанія и Богословскихъ святоотеческихъ свидѣтельствъ и изреченій будутъ знать не больше нашего?! Какой же это вертоградъ духовный, гдѣ, вмѣсто плодовъ положительнаго изученія вѣроучительныхъ истинъ христіанскихъ, все равно какъ бы вмѣсто *винограда* и *смоковъ*, получалось бы, какъ говоритъ Спаситель, — «*терніе* и *рыіе*»... Наконецъ, что касается собственно учености въ смыслѣ положительныхъ познаній и самой тенденціи покойнаго Преосвященнаго, то, въ своей мѣрѣ, онъ былъ слишкомъ далеко не изъ рядовыхъ и еще болѣе въ значеніи собственно духовнаго, свойственнаго самому его сану, вѣдѣнія и разсужденія. Я собственнымъ опытомъ убѣдился въ этомъ по поводу моихъ личнымъ трудовъ, съ коими обращался къ

нему за совѣтами, равно и братъ мой покойный... Конечно онъ во многомъ оказывался какъ бы чрезъ чуръ консерваторомъ и въ частности въ отношеніи къ св. Писанію охранителемъ самой буквы; за то и былъ правъ онъ положительно во многомъ. Въ томъ, что самъ я напр. обстаивалъ прежде, сознаю теперь свою несостоятельность, потому что и самый трудъ мой тогдашній былъ еще, какъ говорится, въ пеленкахъ... А съ другой стороны, что прежде онъ признавалъ неизмѣннымъ и что, дѣйствительно, и до днесь заключается въ самыхъ Богословскихъ системахъ, — колы скоро указываемо и выясняемо было ему со всею основательностію иное, — онъ отнюдь не отрицалъ, хотя съ самою строгою осторожностію. — Вотъ о. Арх — ть это знаетъ отлично хорошо по одному уже напр. весьма важному вопросу объ общепринятомъ толкованіи пророчества Даниила „о *седмидесяти седминахъ*“ (1).

(1) Мы уже сказали выше, что описываемое здѣсь лицо занимался, и до-днесь занимается, специально изъясненіемъ, избираемыхъ имъ, замѣчательныхъ мѣстъ св. Писанія В. З. собственно по Еврейскому подлиннику. Указываемое теперь здѣсь, толкованіе пророчества Даниила о седмидесяти седминахъ вызвало его къ личнымъ занятіямъ этого рода — именно послѣ только-что прочитаннаго имъ въ рукописи моего сочиненія подъ заглавіемъ: «Богооткровенная рѣчь Архангела Гавриила къ Пророку Даниилу». (Пр. Дан. гл. IX ст. 21—27). — «*Историческо-экзегетическій—въ частности филологическій опытъ новаго толкованія сею мѣста св. Писанія*». — Сочиненіе это приготовлено было въ 1866—67 г. на степенъ Магистра, но по обстоятельствамъ это дѣло не состоялось. — Но какъ онъ не зналъ или точнѣе не видалъ, до этого времени, *ни аза* Еврейскаго въ глаза, а между тѣмъ, видѣлъ, что вся сила и значеніе моего труда заключались въ Еврейскомъ языкѣ, въ его филологическомъ анализѣ. — то онъ рѣшился, не смотря на свои годы, во что-бы-то ни стало, изучить Еврейскій языкъ. — И дѣйствительно, послѣ трехъ много пяти лѣтъ, онъ овладѣлъ знаніемъ этого Евр. языка уже удовлетворительно, а въ послѣднее время, при постоянныхъ усидчивыхъ занятіяхъ, превзошелъ и учителя своего... Преосв. Антоній сначала и вѣрить не хотѣлъ, чтобы указываемое лицо обладало такимъ знаніемъ Еврейскаго языка, въ какомъ онъ невольнo убѣждался въ послѣднее время своей жизни и считалъ это истинно *феноменомъ* въ своемъ родѣ. Дѣйствительно, въ послѣднее время это ли-

„Вотъ такъ-то, говорю, по нашему по военному рѣшается вопросъ ясно и прямо и теперь, чѣмъ оставлять его открытымъ... Остается развѣ досказать только одно: если бы и въ отношеніи къ университетскому образованію какъ въ дѣлѣ самаго преподаванія наукъ, такъ и въ постановкѣ управленія и положенія самихъ студентовъ, однимъ словомъ ко всему строю и уставу нашелся бы такой же дѣятель въ сферѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Попечитель ли Округа или

по составилъ нѣсколько опытовъ дословнаго (на основаніи строго научной филологии Евр. языка)—перевода двухъ первыхъ главъ Бытія,—нѣкоторыхъ изъ Псалмовъ и нѣсколькихъ мѣстъ изъ книги Іова... Эти опыты онъ сообщилъ извѣстному лингвисту-гебрансту Проф. Хвольсону и также переводъ филологическо-эзегетическій о Седминахъ Даниловыхъ... Послѣдній отвѣчалъ ему, послѣ долгаго, однако. молчанія—между прочимъ, слѣдующее: «Прошу извиненія, что такъ долго не отвѣчалъ... Я теперь занятъ печатаніемъ одного большаго сочиненія моего, которое поглощаетъ вполнѣ мое время... Переводъ Вашъ разныхъ мѣстъ Ветх. Завѣта я читалъ; но такъ какъ я по преимуществу филологъ, то съ *филологической точки зрѣнія* этотъ переводъ одобрить не могу. Что же касается Вашего сочиненія: «о Седминахъ», то покорнѣйше прошу Васъ ожидать еще нѣкоторое время, такъ какъ этотъ предметъ довольно серьезный, пока я окончу печатаніе моего труда;—послѣ чего займусь чтеніемъ Вашего сочиненія». (Спб. 13 Апрѣля 1881 г.). Общанное г. Хвольсономъ,—какъ намъ за вѣрное извѣстно,—и до сего времени осталось не выполненнымъ, да и самая рукопись авторская не возвращена. Это, въ своемъ родѣ, что-то странное, если не болѣе,—чтобы представители учености такъ медленно поспѣшали своимъ участіемъ въ разработкѣ такихъ серьезныхъ и для нихъ интересныхъ, по самой ихъ специальности, изслѣдованій.—При этомъ позволяемъ себѣ смѣть свое сужденіе имѣть и касательно отзыва г. Профессора филолога-гебранста о первомъ, указанномъ въ его письмѣ, переводѣ разныхъ мѣстъ Ветх. Завѣта. Если г. Профессоръ *по преимуществу* почитаетъ себя *филологомъ*, то, намъ кажется, этотъ переводъ именно *съ филологической-то точки зрѣнія*—(полнаго и глубокаго) *по преимуществу* и долженъ вызвать и заслужить рекомендацію не неодобрительную, а наоборотъ. Мы скорѣе готовы примириться съ сдѣланнымъ отзывомъ развѣ лишь подъ условіемъ или вкравшейся здѣсь обмолвки, или недомолвки, могшей произойти отъ неполнѣ приложеннаго къ чтенію вникающа, а всего менѣе въ отношеніи значенія самыхъ Богооткровенныхъ истинъ—(разумѣемъ въ духѣ и смыслѣ Православномъ)—въ нераздѣльности съ филологи-

Предсѣдатель учебнаго Комитета, и давно бы давно началъ, подобно преосв. Антонію, дѣйствовать въ такомъ же духѣ и энергіи, — то, навѣрное, выработалось бы многое въ силу всѣмъ очевидной, особливо въ послѣднее время. столь вопіющей, потребности въ коренномъ не пересмотрѣ только, но непремѣнномъ измѣненіи Устава и разнообразныхъ положеній въ нашихъ университетахъ... Между тѣмъ какъ за отсутствіемъ всего этого, начиная съ инициаторовъ и дѣятелей, въ послѣднемъ родѣ, и въ добавокъ съ столь частою переменною самыхъ Министровъ (въ три года уже теперь четвертый Министръ) увы! и увы! только и жди явленій, которыхъ мы очевидцами и теперь.., и гдѣ сила значенія конечно не въ зачинщикѣ — Воронцовѣ.., (студентѣ Университета) а въ томъ, — сколько жертвъ... и каково бы было для насъ, если бы въ

ческою точкою зрѣнія!!.—Посылалъ также эти же опыты авторъ ихъ и къ высокопр. Макарию Митроп. Московскому въ виду того, что изъясненіе пророчества Данила «о Седминахъ» сдѣлано особенно подробное въ его «Введеніи въ Догматическое Богословіе». Но отъ него получилъ такой отвѣтъ: «Покорнѣйше прошу Васъ извинить меня, что я, къ крайнему моему прискорбію, не нахожу возможности исполнить Ваше желаніе относительно Вашей рукописи, препровожденной ко мнѣ (отъ 8-го Окт. 1879 г.) Я только бѣгло могъ прочитать ее; но чтобы прочитать ее внимательно и написать обстоятельный отзывъ, потребовалось бы очень много времени, котораго у меня не достаетъ и для моихъ официальныхъ занятій» (письмо это отъ 7-го Ноября 1879 г.).—Въ свое время, именно въ бытность высокопр. Макария въ 1874 г. въ Казани, при нахожденіи его въ Ивановскомъ монастырѣ при моемъ Настоятельствѣ, я имѣлъ случай и смѣлость докладывать ему о моемъ бывшемъ трудѣ по изъясненію пророчества «о Седминахъ». —Высказанные ему мои тезисы онъ принялъ сразу во вниманіе, —но совѣтывалъ, всевозможно строго, пообдумать все содержаніе моего изложенія; нѣкоторыя мои, по частямъ, довольно многія новыя воззрѣнія онъ тоже признавалъ... Съ своей стороны, я тогда же осмѣлился прямо указать высокопр. Макарию на его же собственные слова, выраженные въ предувѣдомленіи къ 3-му изданію (1863 г.) его труда: «Введеніе въ Православное Богословіе». Слова эти буквально слѣдующія:—«Слѣдовало бы не исправить только и дополнить по мѣстамъ, —а совершенно передѣлать, или сочинить вновь настоящую книгу... а потому въ этомъ же предувѣдомленіи самимъ авторомъ вызывались къ труду восполненія или направленія всѣхъ, признаваемыхъ имъ въ этомъ

числѣ послѣднихъ были и наши сынки уволены изъ Университета и возвращены теперь же подъ кровъ семейный въ объятія отцевъ и матерей... Какъ вы думали бы встрѣтить и принять ихъ. — по Евангельски ли какъ *блудныхъ сыновей*, — или пожелали бы лучше, чтобы, какъ бывало во времена блаженной памяти Государя Николая Павловича, отправлены они были на тогдашній Кавказъ, а нынѣ хотя бы въ Туркестанъ подъ команду Черняева. — Впрочемъ, опять скажу, что, можетъ быть, это все я говорю по нашему по военному... хотя образованіе-то и я получилъ тоже въ Университетѣ здѣшнемъ... И если нынѣ стараются всегда и всячески извинять и самыхъ студентовъ въ увлеченіи по ихъ, будто бы, молодости... да вѣдь и мы, господа, учились въ Университетѣ не съ бородами, а у меня не было еще и усовъ, потому что я кончилъ курсъ на 18 году отъ роду...“

изданіи, недостатокъ—лица, которыя бы (по буквальному выраженію автора), «своими болѣе современными и совершеннѣйшими изслѣдованіями о коренныхъ истинахъ Религій и Христіанства замѣнили бы новымъ ученымъ трудомъ настоящій трудъ, какъ признаваемый имъ самимъ за несовершенный». Эти самые слова приведены были мною и въ самомъ моемъ трудѣ во вступленіи. Пресвященный же Антоній, съ своей стороны, по преимуществу раздѣляя мое толкованіе пророчества «о Седминахъ», начиная еще съ первоначальнаго моего опыта, такъ что, хотя и въ его Догмат. Богословіи изложено это пророчество по общепринятому смыслу и толкованію, собственно по блажен. Феодориту, — но на экзаменахъ, напр. въ Семинаріи, онъ уже прямо выражалъ, что такое толкованіе оказывается несостоятельнымъ. — Что касается до упомянутого указываемымъ лицомъ роднаго брата его, — недавно умершаго надворнаго совѣтника М. Н. А., то послѣдній занимался вопросами собственно догматическими и написалъ два трактата довольно обширныхъ: — 1) объ образѣ и подобіи Божіемъ въ челоуѣкѣ и 2) о Троичности лицъ Пресв. Троицы. — Онъ тоже представлялъ эти свои труды пресв. Антонію, но оставался постоянно не доволенъ его разсужденіями, какъ несоотвѣтствовавшими его личнымъ... а потому-то онъ титуловалъ самого пресв. Антонія не очень одобрительно... Трактаты эти давалъ онъ читать и мнѣ, и много съ нимъ мы толковали; но разубѣдить его бывало невозможно... Характеръ изложенія и вообще его взглядовъ какой-то своеобразный (хотя во многомъ весьма дѣльный), и мистическій... Одинъ изъ этихъ трактатовъ—именно о Троичности лицъ, онъ напечаталъ въ Берлинѣ въ 1879 г.

„Ну что же скажете, однако, вы, о. Архимандритъ,—въ правду ли я разсуждаю, и главное, вѣрно ли я понималъ и теперь высказываю характеристику покойнаго преосв. Антонія по части его дѣятельности во всемъ, о чемъ мы теперь толковали?! Миѣ кажется, если бы я и ошибался, то въ самыхъ малыхъ чертахъ,—въ чемъ, пожалуйста, вы меня и обличите, а въ чемъ должно, подтвердите истину моихъ словъ... Правда,—сужденіе мое, какъ мірянина, о Святителѣ можетъ показаться, какъ бы, отчасти не кстати, по я вѣдь сужу объ немъ, какъ о дѣятелѣ общественномъ... равно и самую біографію вообще разумѣю, не какъ только сборникъ матеріаловъ письменныхъ архивныхъ, и не въ смыслѣ только панигирика, или даже,—если позволите выразиться на прямки—не въ видѣ чего-то, похожаго на *акаѳистъ*!!.“ „Да,—былъ мой отвѣтъ этому собесѣднику,—вы правы не только въ послѣднемъ отношеніи и смыслѣ,—но напрасно оговариваетесь и въ первомъ.—Св. Апостоль Павелъ, не безъ основанія, завѣщалъ о всякомъ Епископѣ, что *подобаетъ ему свидѣтельство добро имѣти и отъ внѣшнихъ—да не въ поношеніе впадетъ...* (1 Тим. 3. 7), гдѣ подъ словомъ *внѣшнихъ* разумѣются лица мірскія, готовые свидѣтельствовать истину и правду. И вы засвидѣтельствовали теперь это же самое, и при томъ такъ, что *при двои и тріехъ свидѣтелейъ станеть всякъ глаголѣ*, который, по этому, я и принимаю съ достойнымъ признаніемъ его содержанія и значенія въ составленіи біографіи того Святителя, который, къ утѣшенію общему, пребываетъ такъ приснопамятенъ въ средѣ бывшихъ его пасомыхъ. Этому служить живымъ свидѣтельствомъ и все наше настоящее собесѣдованіе, которое, и тѣмъ болѣе для меня, составляетъ живой интересъ потому, что самое изложеніе мною біографіи, въ настоящіе именно дни какъ разъ, совпадаетъ съ содержаніемъ всего, здѣсь сказаннаго и слышаннаго всѣми нами съобща, и такъ чистосердечно и откровенно, какъ только требуется и самую задачею и характеромъ истинной біографіи“.

Лишь только успѣлъ я кончить свои отвѣтныя слова, въ тотъ же моментъ послышался голосъ еще одного изъ

собесѣдниковъ: „Ну ужъ если, господа, разбирать покойнаго Владыку Антонія, какъ говорится, по косточкамъ... (лишь бы только не потрясти ихъ все...), то и я при-молвилъ свое словечко...—Вы все толковали объ ученыхъ и учебныхъ предметахъ и вопросахъ, въ которыхъ извѣстенъ былъ своимъ участіемъ покойный Владыка. А развѣ не знали мы, каждый по мѣрѣ возможности, какъ онъ относился и къ другимъ предметамъ и явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто собственно въ разныхъ слояхъ нашего общества, —относился, впрочемъ, истинно архипастырьски, а не такъ, какъ говорится, „залѣзая не въ свои сапоги“... Припомните факты, кто зналъ ихъ прежде, или выслушайте, что я знаю относительно ихъ.—да вѣрно вотъ и о. Архимандритъ знаетъ же ихъ, какъ біографъ.—Напр. что заявилъ, кому слѣдовало, покойный Владыка, когда дошли до него извѣстія, что на здѣшнемъ театрѣ готовится представленіе изъ жизни Царя Иоанна Грознаго?!. Такъ же точно—какъ высказывался онъ, когда случился пожаръ въ театрѣ (на 4-е Декабря), и когда были приняты столь энергическія, не бывалыя и не слыханныя въ нашей общественной администраціи, мѣры и способы, чтобы, какъ говорится, по щучьему велѣнію все было восстановлено не смотря и на зимнюю пору, и не взирая на громадныя расходы?!. И еще къ слову о театрѣ же,—какъ онъ пальцемъ указывалъ... что вотъ-де у театра при всѣхъ подѣздахъ устроены газовые фонари во множествѣ... и на особенныхъ фигурныхъ столбахъ,—а у каѳедральнаго Собора... увы и увы!!.—Далѣе.—какъ онъ же отнесся къ тому факту, когда только что было введено новое „Городовое Положеніе“, и когда, на основаніи его, избрали первымъ городскимъ Головою кого же именно?!—Лице, принадлежащее къ средѣ старообрядцовъ!.. (1) Потомъ, какъ рассуждалъ онъ и дѣйствовалъ,

(1) Предъ самымъ временемъ печатанія настоящаго изложенія въ нашей рукописи мы встрѣтили въ мѣстной газетѣ «Казанск. Биржев. Листокъ» (№ 41, отъ 10-го Апрѣля 1885 г.) указаніе на этотъ именно фактъ. Въ этомъ фактѣ выведены въ роли участника-дѣятеля нѣкто, бывший Студентъ здѣшней Академіи и уже священникъ *Люцерновъ*, которому, по словамъ сообщившаго эти свѣдѣнія,

когда Управа и Дума Городская присвоили себѣ какое-то quasi Каноническое церковное право на всецѣлое обладаніе церковію, называемою гостинно-дворскою... и по части свѣчныхъ церковныхъ доходовъ и даже по отношенію къ лицамъ причта, надъ которыми не хотѣли, кажется, признавать—даже и благочинническаго вѣдѣнія... А наконецъ—не станемъ таить грѣха,—не мы ли, интеллигентныя и представительныя въ обществѣ и служебномъ рангѣ лица, начиная, не въ укоръ сказать, съ Начальника губерніи,—имѣемъ какой-то не осмысленный обычай являться къ Богослуженію въ каѳедр. Соборъ въ торжественные дни никакъ не раньше, а лишь къ самому только молебну, и то подъ часъ, какъ говорится, къ шапочному разбору... между тѣмъ еще до начала обѣдни

будго-бы «преосв. Антоній (звать не только князя-то *тонкия* (?) порученія по части протестацій прогнвъ состоявшагося выбора въ головы лица—старообрядца—(Романова); но даже ему же—Люцернову, будго бы, поручено было составленіе особой записки для представленія въ Синодъ... Пишущій (сказано буквально въ приводимой статьѣ Бирж. Лист.)—эти строки отлично помнитъ, какъ, забѣгавшій къ нему не рѣдко, о. Люцерновъ горячо былъ погруженъ въ эту миссию; тревога не сходила съ его лица... и если съ нимъ заговорить тогда объ этомъ дѣлѣ, то можно было подумать...» По прочтеніи этихъ свѣдѣній намъ приводится прежде всего сказать, что какъ преданіе это, по видимому, ни свѣжо, по вѣрить ему нельзя,—разумѣемъ собственно въ приложеніи его къ лицу въ Бозѣ почившаго Святителя. Самое понятіе о какихъ-то названныхъ «тонкихъ» порученіяхъ совершенно не идетъ къ духу, характеру и образу дѣйствій преосв. Антонія,—въ чемъ несомнѣнно убѣдится всякій, прочитавшій его биографію. Всего же болѣе даже не мыслимо, чтобы не сказать боже, то, что будто бы поручено было Люцернову *даже составленіе самой записки*, при томъ *такой, которая* должна была быть представлена *въ Св. Синодъ*... Это даже прямо оскорбительно для личныхъ достоинствъ въ Бозѣ почившаго.—Если же пишущій утверждаетъ, что онъ отлично помнитъ, «какъ забѣгавшій къ нему не рѣдко о. Люцерновъ горячо былъ погруженъ въ эту миссию, и что тревога не сходила съ его лица»...—то этихъ свѣдѣній мы не отрицаемъ... не говоримъ и противъ отличной памяти пишущаго. относительно забѣгавшаго къ нему. и, можетъ статьса, и ко многимъ другимъ... такого горячаго рванаго quasi выполнителя мисси, у котораго тревога не сходила, а можетъ быть и потъ кровавый, съ его лица...

всѣ первыя мѣста ограждаются полицейскими, чтобы никто не могъ ихъ занять и даже пройти... Вѣдь извѣстно, какъ покойный Антоній отзывался объ этомъ сколько деликатно, столько и на прямки..; а относительно распоряженій полицейскихъ прямо просилъ и требовалъ, чтобы ихъ не было.., потому что вмѣсто порядка они производятъ только безпорядки... А на послѣдокъ всего не онъ ли—покойный сколько ни терпѣлъ сначала, а потомъ нашелъ себя вынужденнымъ дать уразумѣть намъ же, и косвенно и прямо, какъ, дѣйствительно не прилично и положительно не разумно, позволяли мы себѣ, бывало, не остановясь еще на мѣстѣ въ Соборѣ, и кивать головою въ разные стороны, и протягать руки и рядомъ, и даже вдвали стоящимъ, дѣлая все это такъ же открыто и развязно, какъ бы въ залѣ... а потомъ тотчасъ же заводить разговоры, хотя бы-то и шопотомъ, другъ съ другомъ, какъ будто вѣкъ не видѣлись... И что-жь?.. не честь ли и хвала покойному, какъ истин-

Но пусть все это и относится *собственно и исключительно къ лицу ея*—Люцернова.., а отнюдь не слѣдуетъ прицѣплять этого къ архипастырскимъ дѣйствіямъ преосв. Антонія.., который,—о чемъ фактически мы знаемъ,—если и принималъ иногда къ себѣ о. Люцернова, то собственно изъ участія къ его лишениямъ материальнымъ, претерпѣваемымъ безвинно его семействомъ, хотя тогда же смотрѣлъ на него, какъ на челоуѣка увлекающагося, неумѣренно предприимчиваго и даже въ своемъ родѣ—искателя приключеній... И намъ кажется, что самый послѣдній, столь прискорбный, фактъ въ его жизни—*переходъ въ старообрядческіе священники*, болѣе чѣмъ подтверждаетъ взглядъ на него въ Бозѣ почившаго Владыки. Выходитъ ясно, что *сами не правда себѣ* въ лицѣ такого quasi миссіонера, при имени котораго, къ глубокому душевному прискорбію, невольно повторяются слова возлюбленнаго Ученика Христова: *«Отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ: аще бы отъ насъ были,—пребыли убо быша съ нами: но да явятся, яко не суть отъ насъ.»* (Іоан. 2, 19). Само собою не имѣя ничего ни противъ г. пишущаго относительно о. Люцернова, ни противъ сего послѣдняго, мы почли только долгомъ ограничить тѣ отношенія, въ какихъ представленъ о. Люцерновъ къ въ Бозѣ почившему Владыкѣ Антонию совершенно не правильно, хотя можетъ стать ся Люцерновъ и выставлялъ самъ себя въ такихъ отношеніяхъ въ смыслѣ выражений: *«мы-де вмѣстѣ пахали...»* или—*«какую пыль мы подняли...»*

ному Архипастырю, что онъ не церемонился высказываться напрямки объ этой нашей привычной, крайне неумѣстной, маперѣ?! И его слова, сказанныя по одиночкѣ тому и тому въ своей домашней бесѣдѣ, а затѣмъ сдѣлавшіяся извѣстными многимъ, дѣйствительно имѣли полное значеніе. Не мы ли сами свидѣтели, когда иные, забываясь и въ силу привычки зачинали было разговоры.., тогда другіе тотчасъ же поталкивали въ бокъ, или глазами показывали туда, гдѣ Владыка..., который и самъ, стоя среди церкви во время молебна, видимо зорко замѣчалъ подобныя искушенія... Я знаю, что онъ и тѣхъ, которыхъ мы сами же называемъ „богомолами“, т. е. любящихъ проходить въ алтарь и тамъ стоять гдѣ-то въ сторонкѣ, преосв. Антоній, какъ говорится, приструнивалъ, коль скоро замѣчалъ ихъ присаживанье тамъ и тѣ же шепотничества. И такъ—что же все это, какъ не истинныя достоинства архипастырскія въ лицѣ и дѣйствіяхъ покойнаго Владыки Антонія?! Къ этому же еще развѣ присоветовать и то, что онъ не очень-то любилъ этикетничать, чтобы напр. отплачивать взаимные визиты нашему брату... особенно тѣмъ, которые явятся лишь въ праздникъ въ общей толпѣ, и только... а затѣмъ вспоминай его, какъ звали...—Ну вы, о. Архимандрить, что скажете на все это?! А мнѣ кажется, что всѣ или почти всѣ, указанные мною, случаи и дѣйствія, право же, достойны изложенія и въ самой біографіи покойнаго Владыки!—„Не только случаи и дѣйствія достойны,—былъ мой отвѣтъ, но даже и самыя выраженія Ваши, какъ искреннѣйшія прямо съ природы взятыя... Будьте же увѣрены, добрѣйшій N.N.,—что Вы встрѣтите ихъ на страницахъ біографіи во всей буквальной точности“.

ГЛАВА XVII.

Тринадцать лѣтъ протекло со времени вступленія преосв. Антонія на казанскую Каѳедру. Во все это время преосв. Антоній былъ, какъ уже видѣли читатели, поистинѣ неустаннымъ труженикомъ по званію и долгу своему во всемъ, что только относилось къ его пастырскому служенію... Все это видѣли, по возможности, все, сознавали, цѣнили, и вообще, отъ самой даже долговременности, имя преосв. Антонія сдѣлалось популярнымъ и произносилось съ какимъ-то особеннымъ, истинно задушевнымъ, духовно-святыннымъ чувствомъ, въ томъ именно значеніи, какъ выражено это было въ самомъ первомъ извѣщеніи о его кончинѣ, т. е. „въ почитаніи его за святаго“ (1). Не намъ, конечно, однимъ, а многимъ другимъ приводилось слышать, напримѣръ, произносимое по мѣстному простолюдному выговору имя „Онтоній“ не иначе какъ съ прибавленіемъ—и при этомъ даже съ крестнымъ знаменіемъ такія напр. возгласенія „О! нашъ Владыка Онтоній истинный владыка Божій, молитвенникъ, угодникъ предъ Господомъ“ (2). Называемая интеллигентная часть общества, конечно, смотрѣла иногда и по своему.., но то замѣчательно, что, и со стороны этой послѣдней, выражалось невольнo почти тоже, только въ другихъ словахъ въ силу другихъ понятій и значеній самаго достоинства и заслугъ Архипастыря, болѣе какъ общественнаго только дѣятеля въ церковно-духовномъ управительномъ и просвѣтительномъ отношеніи.— Въ приведенномъ, только что предъ этимъ, эпитогѣ не разъ повторялись выраженія, что въ немъ и то и дру-

(1) Церковн. Вѣстникъ, 1879 г., № 45.

(2) Таковъ напр. былъ старецъ—Михаилъ Платоновичъ Платоновъ,—извѣстный христоробивыми жертвованіями на храмы Божіи.

гое было хорошо, достойно въ полномъ смыслѣ.., но только самому-то преосв. Антонію приходилось не по добру не по здорovu... Эти и подобныя выраженія были едва ли не общеупотребительными и тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе проходило времени, доколѣ наконецъ прошло „цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ“.

Чтобы понять значеніе этихъ *двѣнадцати лѣтъ* въ связи съ сказанными мнѣніями и выраженіями о личныхъ и служебныхъ достоинствахъ и заслугахъ преосв. Антонія, довольно сказать, что въ теченіи 12-ти лѣтъ преосв. Антоній не былъ удостоиваемъ Высочайшихъ наградъ; такъ что въ этотъ періодъ времени другія лица, бывшія еще только архимандритами и ректорами Семинаріи и имѣвшія только орденъ 2 степени Анны, успѣли сравниться съ нимъ и по сану и въ полученіи 2-й ст. В. Кн. Владиміра, — каковую преосв. Антоній получилъ еще въ Смоленскѣ въ 1866 г.

Наконецъ только въ 1878 году въ день св. Пасхи (16 Апрѣля) послѣдовала Высочайшая Грамата такого содержанія:

Преосвященному Антонію, Архіепископу Казанскому и Свѣяжскому.

„Въ изъявленіе Монаршаго Нашего благоволенія къ долговременному отлично-усердному служенію вашему, неутомимой ревности въ назидааніи паствы и просвѣщенной заботливости о преуспѣяніи, состоящихъ подъ вашимъ управленіемъ и руководствомъ, духовно-учебныхъ и миссіонерскихъ учреждений. Мы признали справедливымъ причислить васъ къ Императорскому ордену Нашему святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Препровождая знаки сего ордена и повелѣвая вамъ возложить оныя на себя и носить по установленію, пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны“.

„Александръ“.

Значеніе сей Высочайшей награды, какъ истиннаго изъявленія Монаршаго Благоволенія, всеконечно, принято было со всеподобающимъ чувствомъ первымъ самимъ

преосв. Антоніемъ. Но когда стало извѣстно объ этой наградѣ въ средѣ всѣхъ, и когда было совершено нарочитое, по этому поводу, благодарственное моленіе и приносимы были обычныя поздравленія преосв. Антонію, то нельзя было не видѣть, что все это происходило именпо только обычнымъ порядкомъ. Въ общей средѣ тогда же переходили изъ устъ въ уста выраженія такого смысла, что это награжденіе должно быть принимаемо за двойное, если не за тройное, судя по долговременности служенія... Иные же, впрочемъ, удивлялись и этому.., а другіе присовокупляли свои иныя толкованія и т. п. Впрочемъ и въ самой рѣчи поздравительной, произнесенной предъ лицомъ преосв. Антонія въ кафедральномъ Соборѣ, были выражены, знаменательныя въ этомъ же послѣднемъ родѣ, слѣдующія, между прочимъ, слова: „Богатому въ милостяхъ, Богу благоугодно было нынѣшнюю общую нашу радость о разрушившемъ и даровавшемъ жизнь Спасителѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ усугубить, даровавъ Тебѣ, благодѣнѣйшій нашъ Архипастырѣ, еще особаго рода оживленіе въ Высочайшемъ благовниманіи Боголюбиваго Государя нашего къ Твоему достойному служенію архипастырскому: ибо по словамъ древняго Премудраго царя, *„во свѣтломъ взорѣ царя— жизнь и благоволеніе Его, какъ облако съ осеннимъ дождемъ для рождающей добрыя былія земли* (Притч. 16, 15).—Кое убо нынѣ можемъ принести и выразить Тебѣ чувствованіе, какъ токмо усердное молитвенное, да *напопришь Твоемъ достойнѣйшаго Твоего служенія „избавишься Ты отъ злыхъ и лукавыхъ челоавкъ“* (2 Сол. 3, 2). Ибо кто Тебѣ *упованіе, или радость или вѣнецъ похваленія* (1 Сол. 2, 10).—и не о семъ ли одномъ Ты и помышляешь и ревнуешь?!“ (1).

Въ частности же, самъ преосв. Антоній не скрывалъ, между прочимъ, своихъ чувствованій въ томъ именпо родѣ, что эта новая звѣзда есть уже для него вечерняя зарница.., что, дѣйствительно, и сбылось, потому что, ровно чрезъ два мѣсяца, онъ впервые почувство-

(1) Смотри. Извѣстія по Каз. епархіи 1878 г., № 9, стр. 219. Рѣчь о. кафедр. прот. В. П. Вишневекаго.

валь признаки, крившейся въ немъ, болѣзни, незамедлившей быстро развиться до того, что онъ тогда же (недѣли чрезъ двѣ) принялъ напутственное Таинство Елеосвященія.

Наконецъ, нельзя умолчать и еще объ одномъ частнѣйшемъ случаѣ, въ которомъ преосв. Антоній вызванъ былъ высказаться уже чисто по человѣчески и по своему обычному—правилу разсуждать и дѣйствовать на прямки...

Ровно чрезъ мѣсяцъ, послѣ полученія Ордена св. Александра Невскаго, когда преосв. Антоній былъ еще совершенно здоровъ, и жилъ въ загородномъ домѣ, получено было извѣстie, что будетъ проѣзжать на пароходѣ и имѣть остановку на пристани Казанской, для принятія служебныхъ лицъ, бывший тогда г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода и вмѣстѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Д. А. Толстой. Приближалось самое время его прибытiя. Извѣщенъ былъ объ этомъ и преосв. Антоній чрезъ посредство другихъ. Стали иные толковать, что вотъ-де хорошо бы преосв. Антонию лично повидаться съ г. Оберъ-Прокуроромъ...! Мысль эту вполнѣ раздѣляли весьма многie по самому искреннему чувству благожеланiя... Въ томъ числѣ и бывший преосв. Викарiй и Секретарь Консисторiи нарочито сообщили преосв. Антонию о днѣ и часѣ прибытiя Графа (18 Мая утромъ), — проводя ту же мысль... Но преосв. Антонiй какъ бы отмалчивался... Наконецъ, наканунѣ самаго прiѣзда, я, подѣ влиянiемъ, бывшаго мнѣ извѣстнымъ, столь общаго желанiя, рѣшился испробовать, чтобы, по крайней мѣрѣ, получить рѣшительный отвѣтъ: „да или нѣтъ“. — Помню, — какъ теперь — погода была скверная дождливая, дорога слякотная, когда я явился въ загородный домъ. — „Ну, — были самыя первыя слова преосв. Антонiя. — вижу по всему, что какая-то неволюшка вызвала тебя въ такую погодушку... и я догадываюсь, — въ чемъ дѣло... Небось у васъ тамъ все толки и планы на счетъ завтрашняго-то дня!.. А я было и забылъ уже объ этомъ къ моему спокойствiю... Однако же что вы тамъ попридумали?!.“ — „Да въ сущности-то то же, — былъ мой от-

вѣтъ, — что уже Вамъ извѣстно, какъ общее желаніе извѣстныхъ лицъ... “— „Въ такомъ случаѣ и у меня остается въ сущности то же, что я говорилъ прежде тому и тому... Да вотъ и самая погода-то кстати на моей же сторонѣ... Уже ли я потащусь за цѣлыя двѣнадцать верстъ?! Уже одно это усердіе можетъ быть въ диковинку для всѣхъ... Да, наконецъ, куда же это я поѣду?! На пристань пароходную... и въ какую пору?! утормъ часовъ почти съ шести... На-ко ты вотъ?! А тамъ, пожалуй, еще придется ждать гдѣ нибудь въ конторкѣ... въ толкотнѣ... и чуть не выждать очереди.. затѣмъ пробираться въ каюту пароходную... а за чѣмъ и по что?! Разсудите-ка вы хорошенько-то.., на что это походило бы... Другое дѣло, если бы Графъ пріѣхалъ въ городъ, пробылъ хотя съ сутки;—да и тогда-то небольшо статно было бы, если бы я вздумалъ первый зачесаться къ нему“.

„Но“—хотѣлъ я сказать...

„Никакое *но*, ни *ну* не понудитъ меня къ тому, о чемъ вы толкуете, хотя знаю, что все это отъ души благожелательно“...

„Прежде всего скажу. что мнѣ пользоваться этимъ случаемъ, чтобы, такъ сказать, сблизиться съ Его Сіятельствомъ, нѣтъ даже и основанія... Я не расходился, и всего болѣе по чувствамъ христіанскимъ;—а прочее было бы похоже на пословицу: „насилъно миль не будешь“... Наконецъ, что другимъ кажется основаніемъ и самымъ, будто бы, благовременнымъ поводомъ къ личному нашему свиданію,—это, наоборотъ, я нахожу по преимуществу неосновательнымъ и несообразнымъ... Одно то, что я долженъ буду надѣть новопожалованный мнѣ Орденъ...—это на что будетъ походить въ отношеніи собственно къ нему самому?! А я-то что долженъ буду чувствовать при этомъ?! Скажу однако и то, что я далеко не раздѣляю многіе изъ тѣхъ толковъ, которые ходятъ по настоящему предмету.., а всего менѣе допускаю ихъ къ сердцу, къ душѣ... Онъ ли, другіе ли, болѣе всего и его самого,—виновники въ этомъ,—для меня все равно... Высочайшую же награду я приѣмлю, какъ истинную Царскую, какъ

отъ руки Помазанника Божія. Не менѣе этой награды я почитаю на всю жизнь для себя счастьемъ, что удостоился издѣсь лицезрѣнія Государя Императора и Его благовниманія, равно какъ и многихъ другихъ Высочайшихъ Лицъ. Это именно счастливейшая рѣдкость, или рѣдчайшее счастье и для самой-то Казани, что въ нѣсколько лѣтъ сряду были столь частыя посѣщенія Высочайшихъ Особъ.—Такъ вотъ мой рѣшительный отвѣтъ на вашъ общій, хотя и благожелательный, совѣтъ: —нѣтъ и нѣтъ!—И преосв. Викарію я, съ своей стороны, не могу давать согласія, чтобы ему туда ѣхать; пускай явится туда одинъ только Секретарь Консисторіи“.

„Къ слову о сейчасъ сказанныхъ мною Высочайшихъ посѣщеніяхъ остается только развѣ сказать то, что Графъ Д. А. удивляетъ на оборотъ, что вотъ уже 12 лѣтъ онъ ни разу не былъ въ Казани, хотя проѣзжаетъ теперь уже въ третій, кажется, разъ, но все мимо и мимо... Какъ будто здѣсь въ городѣ университетскомъ и академическомъ менѣе предметовъ для его вниманія и дѣятельности Министерско-Прокурорской, чѣмъ въ Вяткѣ, Перми, Уфѣ или въ какомъ либо захолустномъ Мензелинскѣ и Сарапулѣ... Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ еще до меня здѣсь, когда, между тѣмъ, и тогдашняго Архіепископа Аванасія онъ едва ли даже и видѣлъ, по тогдашней временной его болѣзни, за которую, однако, тогда же уволили его на покой... А кажется, больно-больно бы нужно личное свиданіе для него, какъ Оберъ-Прокурора св. Синода, съ мѣстными Архіереями и, само собою, не на пристани только для взаимнаго раскланыванья и десяти-минутнаго обмѣна нѣсколькими фразами... и, при томъ, при людной суетѣ... Такъ-то; Богъ съ нимъ, какъ хочетъ, такъ и думаетъ о моемъ непріѣздѣ къ нему... Пусть, какъ хотятъ, понимаютъ и толкуютъ и прочіе мой настоящей поступокъ.—за который я спокоенъ и чистъ и въ моей совѣсти, и по прямому здравому честному разсужденію.—Да и то надо сказать, что по нашему Вѣдомству нѣтъ никакого извѣщенія, что-де Оберъ-Прокуроръ отправляется по такимъ-то епархіямъ; другое дѣло по Министерству Народнаго Просвѣщенія;—тамъ

оповѣщено объ этомъ официально, да и самому Попечителю П. Д. Ш. сообщено въ особенности. — Потому-то ему и другимъ, само собою, долгъ прямой непременно явиться не только на здѣшнюю пристань, но, если бы назначено было на Тетюшевскую, или Лаишевскую“.

Излишне говорить, что, по поводу этого факта, были опять разные толки, хотя и некогда было много и долго толковать объ этомъ, такъ какъ вскорѣ—черезъ мѣсяцъ, стало извѣстно о первыхъ и весьма сильныхъ проявленіяхъ болѣзни преосв. Антонія, и даже пронеслись было слухи о его кончинѣ,—въ ту именно пору, когда совершено было уже надъ нимъ Таинство Елеосвященія, — и тогда же сдѣлано было имъ духовное предсмертное завѣщаніе. (Это было 3 Іюля 1878 г.).

Подъ вліяніемъ этихъ, такъ неожиданно послѣдовавшихъ, обстоятельствъ, болѣе всего, представлялось именно то, что выражалъ въ свое время и самъ преосв. Антоній, т. е. что Александровская звѣзда была для него вечерней зарницей... И дѣйствительно, преосв. Антоній, во время сказанной болѣзни, припоминая слова въ рѣчи о. каѳ. Протоіерея, говорилъ, между прочимъ: „да, старецъ о. Протоіерей пророчественно выразился словами Премудраго, что въ свѣтломъ взорѣ Царя, — обращенномъ ко мнѣ въ недавнемъ пожалованіи Ордена, — явилось Благоволеніе Его, какъ облако съ дождемъ, — но только *уже осеннимъ*“. При этомъ же примолвилъ: „впрочемъ, какъ теперь помню, когда я имѣлъ счастье зрѣть Государя Императора въ первое время его царствованія (въ 1857 г.) и когда удостоился узрѣть и здѣсь (въ 1871 году), — то и Онъ Самъ-то представлялся мнѣ какъ бы подъ осеннимъ дождемъ. Какой-то чисто старческой видъ, не по лѣтамъ бы еще Его, ясно отражался во взорѣ Его“. Сохрани Его Господи и помилуй! Паче же и паче *возглаголи въ сердцѣ Его благая о Церкви Твоей святой и о всѣхъ людехъ Твоихъ*“.

Нужно замѣтить, что смыслъ этихъ послѣднихъ словъ, содержащихся въ одной изъ священнодѣйственныхъ молитвъ на Божественной Литургіи (¹), особенно

(¹) Эти слова буквально заключаются въ молитвѣ въ Литур-

глубоко воспринимался въ душѣ и не рѣдко выражался въ устахъ преосв. Антонія съ какими-то умиленно-благотворительными чувствованіями. и столько же съ особенными глубокими разсужденіями о значеніи Помазанниковъ Божіихъ и о судьбахъ Церкви и всего міра. При этомъ онъ самъ же воспоминалъ, что это же изреченіе молитвенное слышалось имъ, бывало, особенно часто изъ устъ покойнаго Владыки Филарета, отличавшагося, какъ извѣстно, всеглубочайшею примѣрнѣйшею царелюбивостію и молитвенностію за Императора и весь Царственный Домъ.—За то и самъ онъ—высокопр. Филаретъ имѣлъ счастіе пользоваться особенною извѣстностію и, такъ сказать, доступностію въ разнообразныхъ отношеніяхъ и личныхъ и письменныхъ къ Царственнымъ Лицамъ. Эти чувствованія, видимо было, унаслѣдовалъ отъ дяди своего и преосв. Антоній; равно какъ, если онъ былъ извѣстенъ, по возможности, съ давнихъ еще поръ—съ Кіева.—Царственнымъ Лицамъ и многимъ высшимъ царскимъ сановникамъ,—то это зависѣло тоже отъ сказанныхъ отношеній Владыки Филарета (Кіевскаго) къ тѣмъ и другимъ. Нельзя не замѣтить здѣсь и той даже частности, что покойный Филаретъ тоже въ теченіи послѣднихъ тринадцати лѣтъ—съ 1842 г. до самой кончины Императора Николая Павловича находился тоже въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ служебныхъ со стороны нѣкоторыхъ высшихъ начальственныхъ лицъ—бывшихъ какъ въ Кіевѣ во времена Бибииковскія, такъ и тамъ въ Петербургѣ во все время Оберъ-Прокурорства Графа Н. А. Протасова... Неблагопріятныя отношенія эти угрожали ему даже и неблаговоленіемъ самого Государя Императора Николая Павловича. Возникали эти неблагопріятныя отношенія собственно со стороны мѣстныхъ властей во 1-хъ изъ-за мѣста для постройки театра, во 2-хъ изъ-за мѣста же для Владимірскаго Собора, въ 3-хъ изъ-за Памятника св. Вел. Князю Владиміру и, наконецъ, изъ-за реставрированія Великой

ги Св. Василя Великаго непосредственно по пресуществленіи Св. Даровъ.

Успенской Лаврской Церкви⁽¹⁾. О послѣднемъ донесено было Государю Императору, выразившему, по этому предмету, свое неудовольствіе на высокопр. Филарета. Посѣщеніе Вел. Кн. Михаила Павловича, лично осматривавшаго работы, смягчило неудовольствіе Государя. Приписывали высокопресв. Филарету еще одну вину, состоящую въ слишкомъ не осторожномъ будто выраженіи лично предъ Государемъ Императоромъ. Государь, осмотрѣвши все зданія новоустроенныхъ вокругъ, между прочимъ, Лавры военныхъ укрѣпленій и посѣтивши въ тотъ же разъ самую Лавру, сдѣлалъ высокопр. Филарету такой вопросъ: „А что, Пресвященный, вѣдь хорошо мы оградили укрѣпленіями и самыя святыни Лаврскія... какъ по вашему?!—„Ваше Величество, отвѣчалъ Митр. Филаретъ,—по моему разумѣнію я признаю и исповѣдую ту истину, что не крѣпостныя твердыни ограждаютъ безопасностію святыни, но самыя святыни сильны только укрѣпить всякія матеріальныя твердыни“.—Но при всѣхъ этихъ неблагопріятностяхъ и въ частности при бывшемъ, по крайней мѣрѣ, временномъ неблаговоленіи Государя Императора въ этотъ описываемый періодъ своей жизни, высокопр. Филаретъ въ душѣ своей, наоборотъ, развилъ до самой высшей степени особенно глубокія и горячія чувства царелюбовности, вмѣстѣ съ коими и любилъ повторять сказанныя слова молитвы: *возглаголи Господи въ сердце Его благая о Церкви Твоей* и пр. Съ другой стороны, въ отношеніи къ своимъ недоброжелателямъ онъ не только повторялъ тѣ же слова, или подобныя о избавленіи *отъ злыхъ и лукавыхъ человекъ*, кои выражены въ приведенныхъ словахъ рѣчи пресв. Алтонію, но и гораздо яснѣе и прямѣе,—напр. въ родѣ пословицы: „милостивъ-де царь,—да не милостивъ писарь“, или еще буквально прилагалъ къ себѣ слова Апостола: *Александръ ковачъ много ми зла сотвори... зло бо противится словесемъ нашимъ* (2 Тим.

(1) Все эти данныя взяты были нами въ свое время изъ подлинныхъ документовъ и заключаются въ изложенныхъ нами материалахъ для біографіи высокопр. Филарета.

4, 14—15). Подобныя выраженія въ устахъ высокопр. Филарета не имѣли, однако, какихъ либо душевныхъ, не въ добромъ смыслѣ, мыслей и чувствованій въ отношеніи къ недоброжелателямъ, хотя бы и *злымъ и лукавымъ челоѣткымъ*. Всякое отсутствіе чего либо подобнаго онъ даже и самъ выражалъ иногда, вспоминая и высказывая слѣдующій фактъ, записанный съ его собственныхъ словъ и бывший еще въ самую раннюю пору его жизни, именно когда проявилъ противъ него свои тяжелыя преслѣдованія бывший Орловскій преосв. Досиѣей, спровадившій его въ Уфу, какъ бы въ ссылочное положеніе. „На дорогѣ въ Уфу чрезъ Москву былъ я на благословеніи у высокопр. Митр. Платона. Принялъ меня очень ласково; вспомнилъ обо мнѣ по свиданью въ Сѣвскѣ, и пожалѣлъ, что не довелось мнѣ перемѣститься къ нему, и что такъ далеко я посланъ... Я отвѣтилъ, что, вѣрно, такъ угодно Богу... А онъ сказалъ: „*нѣтъ! Богу угодно было другое, да злые люди помѣшали, Богъ только попустилъ по Своимъ неисповѣдимымъ Судьбамъ*“ (1). Такъ-то, — приговаривалъ къ этому высокопр. Филаретъ, — все отъ Бога... чего же мы еще хлопочемъ, когда и въ самыхъ дѣйствіяхъ злыхъ людей одинъ и тотъ же Перстъ Господень, то попускающій эти дѣйствія, то обращающій ихъ въ прахъ... А нашъ святѣйшій долгъ вѣровать и исповѣдывать: „*якоже избыточествуютъ страданія наша, лишь бы только не по грѣхамъ нашимъ, тако въз Господь избыточествуютъ и утѣшенія наши*, — какихъ и самъ не придумаешь лучшихъ.., *ихъ же око не видѣтъ, и ухо не слышитъ и на сердце челоѣткы не въздоша*“. Эти же самыя именно послѣднія слова не рѣдко промалвливалъ и преосв. Антоній, припоминая ихъ, какъ слышанныя отъ Владыки Филарета и, въ своей мѣрѣ, прилагаемыя имъ къ себѣ.

Что же касается до сказанныхъ выше чувствованій и самыхъ отношеній Владыки Филарета къ Царственнымъ Лицамъ, — то, конечно, никто другой не могъ быть

(1) Смотр. въ запискахъ, писанныхъ съ рассказовъ самого высокопр. Филарета Митр. Киевскаго.

такимъ ближайшимъ вѣдателемъ ихъ, какъ самъ же преосв. Антоній. Довольно сказать только, что всѣ письма Владыки Филарета къ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, начиная еще съ Александры Ѳеодоровны. и другимъ Высочайшимъ Лицамъ проходили черезъ руки преосв. Антонія. Онъ ихъ писалъ на черно подѣ диктовку Филарета, или же, выслушавши содержаніе, излагалъ ихъ самъ на бумагу, — и затѣмъ представлялъ только на поправку. Всѣ подлинники черновые, — иные писанные карандашемъ, преосв. Антоній сохранялъ у себя какъ священные ⁽¹⁾, — и ими даже пользовался въ своихъ письмахъ; равно какъ и отвѣтныя Высочайшія письма были у него въ подлинникѣ. При бывавшихъ по временамъ разборахъ своихъ бумагъ, преосв. Антоній почти каждый разъ останавливался съ глубокимъ вниманіемъ на этихъ письмахъ и прочитывалъ тогда же по нѣскольку словъ, — приговаривая: „да, вотъ чего бы нужно болѣе и болѣе желать, чтобы Господь именно возглаголивалъ болѣе и болѣе и чаще и чаще въ сердцѣ Царевомъ о Церкви Своей, и чтобы предстоятели Церкви имѣли доступъ къ лицу и сердцу Цареву о всѣхъ благихъ потребностяхъ для Церкви, а отсюда нераздѣльно и для Престола и Государства.., а не то, чтобы все шло черезъ руки официальныхъ посредниковъ... Благо, что Владыка имѣлъ такое дерзновеніе и счастье, что могъ писать письма и удостоиваться отвѣтовъ, при одномъ чтеніи которыхъ и теперьливается въ душу истинно благодатная отрада.., по говоря уже о томъ, что чувствовалось бывало, когда все это было во очю!“.

Имѣющимися у насъ, копіями съ сказанныхъ писемъ мы воспользуемся, чтобы привести нѣсколько выписокъ изъ нихъ, — съ нѣкоторыми предварительными потребными объясненіями. — Эти объясненія состоятъ въ слѣдующемъ. — Ея Величество Императрица Александра Ѳеодоровна во дни оны, когда высокопр. Фи-

(1) Эти черновые подлинники хранятся теперь у пишущаго — въ материалахъ для біографіи высокопр. Филарета.

лареть находился въ прежде указанныхъ неблагопріятностяхъ со стороны извѣстныхъ лицъ,—и не пользовался вполнѣ въ это время благоволеніемъ Самого Государя Николая Павловича, тогда и Императрица Александра Ѳеодоровна не удостоивала его счастья, чтобы онъ имѣлъ дерзновеніе писать къ Ней.—Преосв. Антоній самъ рассказывалъ объ этомъ и приводилъ, между прочимъ, такой фактъ, когда Императрица Александра Ѳеодоровна выразила даже личное неудовольствіе ко Владыкѣ Филарету, обратившись къ сопровождавшимъ Ее лицамъ свиты съ однимъ выраженіемъ, въ полголоса, на нѣмецкомъ языкѣ на счетъ Владыки... Выраженіе это въ переводѣ на русскій языкъ значило: „какой-де онъ не деликатный, или точнѣе угловатый, или даже мужиковатый“. Вина же Владыки состояла въ томъ, что, бывши спрошенъ лично Ея Величествомъ о чемъ-то въ видахъ полученія отъ него отвѣта утвердительнаго, или, по крайней мѣрѣ, полусогласительнаго,—онъ отвѣчалъ на прямки по своему убѣжденію, и при томъ, употребивши оборотъ, въ своей отвѣтной рѣчи, дѣйствительно не статный. Онъ началъ отвѣтъ, какъ говорится, *ab rupto*... „Нѣтъ Ваше Величество... и проч.“.

На долго ли оставалось въ душѣ Государыни такое понятіе о высокопр. Филаретѣ, не извѣстно; только, съ самыхъ же первыхъ дней по кончинѣ Государя Николая Павловича. Ея Величество соизволила удостоивать принятія писемъ къ Ней высокопр. Филарета и Своихъ отвѣтовъ ему.—Для образца мы приведемъ два изъ писемъ Ея Величества, изъ подлиннаго содержанія которыхъ ясны самыя обстоятельства и предметы дѣла.

Вотъ самое первое Высочайшее письмо Ея Величества:

Преосвященный Митрополитъ Филареть!

Въ глубокой неизьяснимой скорби о потерѣ незабвеннаго Супруга Моего, по неисповѣдимымъ Судьбамъ Всевышняго преждевременно, среди неустанныхъ попеченій о благѣ любезной Ему Россіи, воззваннаго къ

жизни вѣчной, ваше Пастырское посланіе послужило Мнѣ истиннымъ сердечнымъ утѣшеніемъ. Съ христіанскимъ смиреніемъ покоряясь волѣ Божіей, Я съ особенною признательностію приняла, доставленное Мнѣ вами изъ Кіево-Печерской Лавры, святое Евангеліе, Которое одно можетъ даровать растерзанному горестію сердцу духовное врачеваніе и небесную отраду.

Изъявля вамъ за сіе приношеніе искреннюю Мою благодарность и поручая Себя Пастырскимъ молитвамъ вашимъ и вѣрною вамъ Богохранимой обители, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонною

„Александра“.

Въ С.-Петербургѣ
Марта 18-го дня 1885 г.

Второе письмо Ея же Величества мы почитаемъ священнымъ долгомъ представить здѣсь въ тѣхъ особенныхъ чувствахъ, какія выразить имѣли мы духовное для насъ утѣшеніе въ самомъ посвященіи настоящаго нашего труда Августѣйшему Имени Той, къ лицу Которой, совместно съ Августѣйшимъ Супругомъ Ея Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ,—относится всецѣло содержание Высочайшаго письма...

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Сочувствуя Моей радости по случаю предстоящаго бракосочетанія Любезнѣйшаго Сына Моего Великаго Князя Николая Николаевича съ обрученною Невѣстою Его Великою Княгинею Александрою Петровною, вы, при утѣшительномъ посланіи вашемъ, доставили Мнѣ Крестъ и два золотыхъ кольца отъ мощей св. Велико-мученицы Варвары. Принявъ сей священный даръ, какъ залогъ благословенія Свыше, съ чувствомъ особеннаго сердечнаго утѣшенія, Я пріятнымъ для Себя долгомъ поставляю изъявить Вамъ искреннюю Мою признательность за усердное ваше приношеніе и за ваши благожеланія.

Уповаю, что Всевышній осытитъ юную Чету небес-

нымъ Своимъ покровомъ, поручаю Себя и Дѣтей Моихъ вашимъ Пастырскимъ молитвамъ.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонною

„АЛЕКСАНДРА“

Въ С.-Петербургѣ
19-го Января 1856 г.

Пресв. Антоній въ особенности восхищался и умилялся тѣми отношеніями покойнаго Владыки Филарета, какихъ удостоивался послѣдній не только въ письмахъ, но и въ личныхъ отношеніяхъ къ нему Ихъ Императорскихъ Величествъ—въ Божѣ почившихъ Государя Императора Александра Николаевича и Императрицы Маріи Александровны въ бытность Ихъ въ Кіевѣ въ 1857 г. Такія чувствованія тѣмъ болѣе были живо присущи душѣ пресв. Антонія, что онъ и самъ имѣлъ тогда счастье впервые лично сдѣлаться извѣстнымъ Ихъ Величествамъ даже и въ томъ отношеніи, что онъ родной племянникъ высокопр. Филарета.

Высокопр. Филаретъ (Кіевскій), по старости и слабости здоровья, не могъ быть на Коронаціи въ Августѣ 1856 г. Но какъ, между тѣмъ, Государыня Императрица Марія Александровна, во всю бытность Цесаревною,—съ 1840 г., ни разу не посѣщала Кіева, то Влад. Филаретъ въ простотѣ чувства, говаривалъ: „вотъ пора бы и умереть... но нѣтъ не хочу и не умру, доколѣ не узрю въ нашемъ Русскомъ Іерусалимѣ Государыню Марію Александровну...“ Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ Государю Императору, выражая приглашеніе посѣтить Кіевъ.

И вотъ, въ отвѣтномъ Всемиловѣйшемъ письмѣ Государя Императора Александра Николаевича, посланномъ изъ Москвы отъ 21-го Августа 1856 г. Митрополиту Филарету, читаемъ, между прочимъ, слѣдующія слова: „Въ самомъ непродолжительномъ времени (разумѣется здѣсь—послѣ Коронаціи)—вмѣстѣ съ Любезнѣйшею Супругою Моею Императрицею Марією Александровною. Я надѣюсь посѣтить древній Богоспасаемый Кіевъ—этотъ нашъ Іерусалимъ Русской земли,

поклониться св. Угодникамъ Печерскимъ и лично принять ваше Архипастырское благословеніе.

„Да продлитъ Господь Богъ еще на долго тихій вечеръ благочестивой, назидательной и многополезной Отечеству жизни вашей“.

Надобно было видѣть, говорилъ преосв. Антоній, Владыку въ тѣ самыя минуты, когда онъ читалъ и еще снова перечитывалъ про себя это-письмо Государя Императора... Я сначала было помыслилъ: „нѣтъ ли чего либо въ родѣ несчастія.., такъ какъ у Владыки заструпились слезы, какъ у дитяти... Потомъ вдругъ просіявши, какъ дитя, необычайною улыбкою радости и перекрестившись молитвенно предъ св. иконами, онъ восторженно сказалъ: „ну. а что?! не правду ли я сказалъ, что не умру ни за что.., пока не узрю Царскихъ Помазанниковъ здѣсь въ Кіевѣ... На-ко прочитай мнѣ еще въ слухъ.., я, право же и глазамъ не вѣрю въ такой моей радости“... Послѣ прочтенія мною, онъ присовокупилъ: „Ну хоть и не въ самомъ непродолжительномъ времени Они пожалуютъ,—потому что скоро осень да и неизвѣстно еще, какова будетъ погода, а я теперь еще скажу, что и годъ прожду и не умру“...

Последнія слова Владыки оправдались. По возвращеніи Своемъ изъ Москвы въ Петербургъ, Государь Императоръ удостоилъ Митр. Филарета новымъ письмомъ изъ Гатчины отъ 19 Октября 1856 г., въ которомъ изволилъ писать такъ: „Присланное вами святое Евангеліе для Моихъ дѣтей Я имѣлъ удовольствіе получить. Вы конечно не могли сдѣлать Имъ лучшаго приношенія. Да озаряетъ и согрѣвасть юныя сердца Ихъ благотворный свѣтъ Евангельскій и слово Божіе да руководствуетъ Ихъ во всехъ путяхъ жизни.

„Крайне сожалѣю, что позднее время года и состояніе здоровья Любезнѣйшей Супруги Моей Императрицы Маріи Александровны воспрепятствовали Намъ исполнить сердечное желаніе Наше—посѣтить Кіевъ, для поклоненія св. его Угодникамъ; но Мы приняли твердое намѣреніе, если Господу Богу угодно будетъ благословить оное, совершить путешествіе это въ будущемъ году.

„Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный

„Александръ“.

Годъ проходилъ и Владыка Филаретъ, видимо для всѣхъ, болѣе и болѣе слабѣлъ и, по временамъ, сильно болѣлъ. — но постоянно высказывать живѣйшее желаніе и надежду дожить до времени обѣщаннаго посѣщенія Ихъ Императорскихъ Величествъ. И дѣйствительно, — какъ читаемъ въ послѣднихъ дняхъ его жизни ⁽¹⁾, „съ какимъ петрицнѣемъ и озабоченностію онъ ожидалъ Царственныхъ Поклопниковъ, съ такою же потомъ радостию и пламеннымъ усердіемъ встрѣтилъ Ихъ и съ удивительною, по его лѣтамъ и болѣзненному состоянію, бодростию и неумимостию сопровождать по св. мѣстамъ Кіева и Лавры. По отбытіи же Высочайшихъ Гостей, до послѣднихъ дней жизни, однимъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ его бесѣдъ было воспоминаніе объ Нихъ. Съ особеннымъ живѣйшимъ восторгомъ говорилъ онъ о томъ глубокомъ благочестіи Царственныхъ Богомольцевъ, какое явили Они во все время пребыванія Своего въ Кіевѣ; радовалась, восторгалась душа его при одной мысли, что такой прекрасный истинно Высочайшій примѣръ въ этомъ поданъ Имъ всей Православной Руси, и какъ благословлять будетъ Ихъ за это весь благочестивый Русскій народъ. — Вотъ этой славы дай Имъ Господи болѣе! Всякой другой славы у Нихъ много, — а эта слава — слава благочестія особенно и всего болѣе нужна Имъ. — Утѣшался Владыка Филаретъ до умиленія и тою чрезвычайною благодію и безпримѣрнымъ вниманіемъ, какихъ удостоился и самъ онъ лично отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ... „Но ужъ за то и я больно молюсь усердно и много за Государя, Государыню и Чадъ ихъ и весь домъ“... ⁽²⁾.

Бывши не только личнымъ свидѣтелемъ, но и участникомъ, въ значеніи непосредственнаго, какъ бы, послушника и прислужника самому Владыкѣ Филарету при

(1) Смотр. стран. 9 и проч.

(2) Тамъ же.

всѣхъ бывшихъ пріемахъ и сопровожденіяхъ послѣднимъ Государя Императора и Государыни Императрицы, — преосв. Антоній разсказывалъ, между прочимъ, объ этомъ нѣкоторыя особенныя подробности. — Ихъ Величества прибыли въ Кіевъ 3-го Октября по полудни и позволили пробыть до 7-го числа утра. — Въ одинъ изъ дней, именно 5-го числа, послѣ полурачней Литургіи, слушанной Ихъ Величествами въ пещерской церкви. Они благоизволили посѣтить Владыку Филарета за-просто, чтобы откушать чаю въ его покояхъ. Но Владыка Филаретъ предварительно еще приказалъ, чтобы въ извѣстныя минуты, былъ вынесенъ ему подносъ съ бокалами шампанскаго. Когда же это было исполнено, то Владыка самъ взялъ въ руки подносъ и обратившись къ Ихъ Величествамъ сталъ говорить самымъ душевнымъ старческимъ тономъ... „Ваши Величества! Сегодня у всѣхъ насъ на святой Руси, а тѣмъ паче у Васъ въ Вашей святой семьѣ, праздникъ... Въ этотъ моментъ Ихъ Величества замѣтно переглянулись... Владыка продолжалъ: — Да, вотъ сегодня день благословеннаго рожденія Вашей возлюбленной Дщери Маріи Александровны... Итакъ, за благословеніемъ Господнимъ. — (Владыка сдѣлалъ обращеніе къ св. иконамъ) благоволите Ваши Величества принять всерадостнѣйшее поздравленіе и выкупать за здоровье Виповницы нынѣшняго праздника въ чувствахъ Вашей благочестивородительской радости о Вашей единственной Дщери!..“ Принявъ бокаль, Государыня Императрица держа одною рукою свой бокаль, другою изволила перепясть изъ рукъ Владыки самый подносъ, и обратила къ нему самому третій бокаль и сказала: „примите же и вы, преосвященный Владыка, участіе въ нашей радости!“ Владыка съ преклоненіемъ принявъ въ руки бокаль, возгласилъ тостъ; затѣмъ продолжалъ: „да, вотъ теперь Ея Высочество еще больно махонькая у Васъ (1); но за-

(1) Ея Императорское Высочество В. К. Марія Александровна родилась 5 Октября 1853 г. слѣдов. Ей исполнилось въ этотъ день только еще четыре года.

то, вѣдь, въ этихъ-то годахъ и дороги дѣтки сердцу родительскому, особливо материнскому... А какъ она у Вашихъ Величествъ одна единственная дочка, то, и тѣмъ болѣе, Вы конечно радуетесь не на радуетесь, глядя на нее... А вотъ дай-ко Богъ Вамъ вырастить ее и потомъ еще болѣе порадоваться, когда Господь пошлетъ хорошаго добраго женишка"... Второй тостъ предложилъ Владыка за Ихъ Величества... и тутъ же сказалъ: „Вотъ истинно слава, хвала и благодареніе Господу, что я таки дождался, чтобы удостоиться лицезрѣнія Вашего здѣсь на землѣ... да иначе я и не хотѣлъ умереть безъ этого счастья"... Государь Императоръ изволилъ напомнить Владыкѣ, что дѣйствительно онъ писалъ прежде еще въ прошедшемъ году о своемъ намѣреніи быть въ Кіевѣ,—и что отложено было это до нынѣшняго, и что Онъ радъ, что это, наконецъ, исполнилось по молитвамъ Владыки...—Съ этими словами Государь Императоръ изволилъ выразить, съ новымъ тостомъ за здоровье Владыки, свои желанія и надежды, чтобы и еще скоро же увидѣть его... Государыня же Императрица изволила присовокупить, что у Нея, дѣйствительно, есть желаніе пріѣхать въ Кіевъ весной и со всѣми дѣтьми на слѣдующій же годъ... Владыка Филаретъ, благоговѣнно преклоняясь предъ Ихъ Величествами и воззрѣвши на св. иконы, сказалъ: „Нѣтъ ужъ довольно и этой избыточествующей милости Божіей, что я сподобился дожить и до настоящаго счастья. Пожить въ Кіевѣ подольше и помолиться съ Вашими дѣтками, обратился онъ къ Государынѣ Императрицѣ,—дай Господи Вамъ въ будущее или иное лѣто; нужно только бы для этого имѣть здѣсь собственно Императорскій Дворецъ;—а воля и желаніе Ваши, хотя и царственные, да подчипятся волѣ Царицы Небесной... Проводивши Васъ, я уже одно и одно долженъ буду сугубо твердить себѣ: „*Нынѣ отпущаеши Владыко съ миромъ*“...—Когда же еще въ послѣдній разъ Ихъ Величества удостоили своимъ посѣщеніемъ Владыку Филарета и когда онъ сталъ провожать Ихъ изъ своихъ покоевъ,—то предъ самымъ выходомъ, почти предъ порогомъ, вдругъ остано-

виль Ихъ словами: „Ваши Величества! Еще и еще разочекъ дайте мнѣ взглянуть на Васъ и въ эти минуты заструились слезы по сѣдинамъ его... Государыня Императрица изволила сказать: „Я буду стараться писать вамъ часто... только вы будьте здоровы“...

Въ письмѣ Своемъ, изъ Царскаго Села, отъ 30-го того же Октября, — дѣйствительно, Государыня Императрица изволила писать Митроп. Филарету такъ: „Приношу сердечную благодарность вашему Преосвященству за икону Пресвятой Богоматери, полученную Мною при письмѣ вашемъ отъ 18-го числа. Этотъ вѣрный списокъ съ чудотворнаго Лица, составляющаго одну изъ древнѣйшихъ святынь Кіева, послужить Мнѣ живымъ воспоминаніемъ краткаго пребыванія Моего въ древнемъ градѣ, посѣщеніе котораго, столь обильное глубокими ощущеніями, доставило Мнѣ такъ много душевной отрады.

„Съ прискорбіемъ узнала Я о болѣзни, постигшей васъ вскорѣ послѣ Нашею отъѣзда: надѣюсь, что кратковременный недугъ не будетъ имѣть послѣдствій, и молю Бога, да сохранитъ Онъ дни ваши, украшенные столь многолѣтними заслугами.

„Поручая всѣхъ Насъ усерднымъ вашимъ молитвамъ, пребываю навсегда искренно вамъ доброжелательная

„МАРІЯ“.

Далѣе, 1-го Декабря, въ день ангела Влад. Филарета прислана была телеграмма отъ Государыни Императрицы съ поздравленіемъ и вопросомъ о состояніи здоровья. Наконецъ, когда болѣзнь его сдѣлалась явственно предсмертною и когда стало извѣстно объ этомъ Ихъ Величествамъ, то Имъ угодно было повелѣть, чтобы на телеграфной станціи въ Кіевѣ ежедневно были получасмы свѣдѣнія о ходѣ болѣзни и ежедневно же были доставляемы депеши въ кабинетъ Его Величества. Посѣщавшему съ этою цѣлью больнаго Владыку, тогдашнему Генераль-Губернатору князю Васильчикову, самъ Владыка Филаретъ, между прочимъ, продиктоваль одну изъ депешъ на имя Государя Императора, въ

послѣдній именно день предъ кончиною въ такихъ словахъ, — „что надежды нѣтъ никакой, и что онъ умираетъ съ пламениѣйшею молитвою въ душѣ о Благочестивѣйшемъ Государѣ, Государынѣ и о всемъ Августѣйшемъ Ихъ Домѣ и по смерти будетъ молиться о Нихъ“ (1).

Такъ истинно велика и глубока была въ душѣ въ Бозѣ почившаго Кіевскаго Первосвятителя Филарета его царелюбовность, и такъ же было велико его счастье видѣть къ себѣ столь благоволительное вниманіе царственное. Потому-то онъ и хранилъ, какъ единственное на землѣ сокровище—все царскія грамоты и письма въ особенной сокровенной шкатулкѣ, въ которой нашли, по его кончинѣ, собственноручную его записку въ слѣдующихъ словахъ: „Въ сей шкатулкѣ хранятся сокровища Царскихъ милостей ко мнѣ“... Любя не рѣдко, говорилъ преосв. Антоній, рассказывать о многообразныхъ случаяхъ особыхъ благоволеній царственныхъ, Влад. Филаретъ тутъ же непремѣнно повторялъ въ заключеніе извѣстное выраженіе: „за Богомъ молитва и за Царемъ служба никогда не пропадаютъ,—прилагая его въ прямѣйшемъ смыслѣ къ себѣ. За-то ужъ я крѣпко, крѣпко уповалъ во всю мою жизнь на Десницу Господню, и съ вѣрой и правдою служилъ всю службу царскую... Вотъ и ты потише всемѣрно и, паче всего объ этомъ... Иди всегда прямымъ путемъ... Это было моимъ всегдашнимъ неизмѣннымъ правиломъ. И было хорошо.—Охъ! часто и больно приводилось мнѣ въ жизни быть въ большихъ и тяжкихъ тѣспотахъ среди разныхъ обстоятельствъ служебныхъ... и сверху-то давятъ, бывало, и снизу неблагопріятствуютъ, да и со сторонъ-то тѣснятъ... А я все держался одного своего прямого пути и такъ всегда рассуждалъ: какъ люди ни хитрятъ и сколько ни усиливаются, а Богъ всѣхъ перемудритъ и все пересилитъ“. Эти послѣднія слова Владыка Филаретъ, дѣйствительно, продиктовалъ преосв. Антонію въ прямой личный завѣтъ ему, когда послѣдній во время болѣзни перваго, сидя

(1) Послѣдніе дни, стран. 40.

у его кровати, писалъ со словъ его краткія записки о его жизни (1).

Всѣ эти данныя, относящіяся къ характеристикѣ собственно дяди преосв. Антонія, всякій видитъ, какое близкое прямое значеніе имѣютъ и въ приложеніи къ послѣднему. Въ описанное время пребыванія въ Кіевѣ Императорскихъ Величествъ преосв. Антоній былъ Ректоромъ Академіи, и, какъ упомянуто уже прежде, находился при Митр. Филаретѣ неотлучно при всѣхъ личныхъ отношеніяхъ его къ Царственнымъ Поклонникамъ. И былъ даже случай такого рода, что Митр. Филареть, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, по старческой своей немощи имѣя однажды нужду въ помощи всходить на возвышенность въ пещерныхъ мѣстахъ, вдругъ сказалъ: „ну-ка, чадо Антоній, пособи мнѣ... взойти-то... И остановясь для передышки, сказалъ предъ Ихъ Величествами: „да вотъ старый — что малый... Я вотъ его нянчилъ самъ еще малюткой, за-то теперь онъ пусть нянчится со мной“.

Смысль этихъ словъ, само собою, былъ понятъ Ихъ Величествами касательно родственныхъ отношеній между Митр. Филаретомъ и Ректоромъ Антоніемъ. Съ другой стороны, и по самому служебному своему положенію, преосв. Антоній имѣлъ счастье обратить личное на него благовниманіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Намъ, студентамъ, самимъ привелось, — насколько возможно было, — знать это тогда же. — Такъ, Государыня Императрица изволила изъявить свое желаніе быть въ Братскомъ академическомъ Соборѣ на Литургіи 6-го Октября (въ воскресеньѣ), что и было Ею объявлено лично бывшему у Нея Ректору Антонію. Но затѣмъ, мы видѣли сами же, что пріѣзжала къ Ректору одна Фрейлица съ объясненіемъ отъ лица Ея Величества, что желаніе Свое Она находитъ по чему-то неудобносполнимымъ. Затѣмъ 6-го же числа Ихъ Величества удо-

(1) Точная копія съ этихъ записокъ, въ количествѣ 7 листовъ имѣется у меня, съ нумераціею самыхъ подлинныхъ листовъ, — изъ коихъ на 6-мъ листѣ значатся и приведенныя слова.

стоили Ректора (преосв. Антонія) своего принятія; причѣмъ онъ имѣлъ счастье поднести отъ монастыря Икону, а отъ Академіи нѣсколько сочиненій.—Тутъ же, наконецъ, Ихъ Величества изволили объявить ему, что во всякомъ случаѣ завтра, т. е. 7-го числа, Они, на пути при отъѣздѣ изъ Кіева, непременно заѣдутъ въ Братскій академическій Монастырь.—гдѣ, именно въ Соборѣ,—утромъ 7-го числа Октября и имѣли счастье всѣ академическія учащія лица быть представлены Ректоромъ Ихъ Величествамъ, равно какъ и всѣ студенты очастливлены были лицезрѣніемъ Ихъ Величествъ и нѣсколькими словами объ нихъ, обращенными къ Ректору.—Ея Величество, съ своей стороны, смотря на насъ—студентовъ, изволила выразить, что изъ числа многихъ „нѣкоторые высматриваютъ слишкомъ юными“.

При открывшейся вскорѣ за этимъ,—въ Январѣ 1858 г.,—вакансіи викаріатства въ Кіевѣ, по смерти уже и самого Филарета (сконч. 21-го Декабря 1857 г., слѣдовательно чрезъ два мѣсяца съ половиною послѣ посѣщенія Ихъ Величествъ) —Государю Императору благоугодно было собственноручно указать бывшему тогда г. Оберъ-Прокурору св. Синода кандидата на викаріатство прямо Ректора Академіи Антонія. Объ этомъ тогда же писалъ ему, особо въ частномъ письмѣ, бывший г. Оберъ Прокуроръ Графъ А. П. Толстой съ выраженіемъ своей особенной радости, такъ какъ Графъ прекрасно былъ знакомъ съ преосв. Антоніемъ еще ранѣе по Кіеву и особенно глубоко до святости почиталъ и Митроп. Филарета.

Съ этой поры до самаго архіепископства своего въ Казани преосв. Антоній не имѣлъ случая видѣть никого изъ Царственныхъ Лицъ,—такъ какъ и самое хиротонисаніе его въ Епископы было совершено не въ Петербургѣ, а въ Кіевѣ.—За-то, какъ сказано уже отчасти, преосвящ. Антоній былъ сугубо вознагражденъ въ этомъ счастіи въ Казани. Начиная съ 1868 г., въ теченіи четырехъ сряду послѣдующихъ годовъ, изволили посѣщать Казань и Государь Императоръ и бывший тогда Наслѣдникъ, нынѣ благополучно Царствующій Госу-

дарь Императоръ и нынѣшняя Государыня Императрица и Великіе Князья—Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Константинъ Николаевичъ. Въ Возѣ почившимъ Государемъ Императоромъ преосв. Антоній былъ удостоенъ приглашенія къ обѣду; Государь же Наслѣдникъ съ Государынею Цесаревною удостоили преосв. Антонія личнымъ посѣщеніемъ въ его домѣ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ быть при служеніи Литургіи преосв. Антоніемъ въ каедральномъ Соборѣ и, затѣмъ, быть въ его комнатахъ и принять чай, подавать который Его Высочеству представлено было счастье мнѣ—вишущему.

Эти-то, столь частыя изъ года въ годъ, Высочайшія посѣщенія, дѣйствительно, почиталъ преосв. Антоній счастливѣйшею радостію, или рѣдкимъ счастіемъ для себя; да и для самой Казани это чувствовалось такъ же. Нѣкоторые, въ чистотѣ и простотѣ сердца, прямо выражали, что такая благодать была именно за молитвы нашего Владыки „*Антонія...*“ Вообще во мнѣніи и убѣжденіи всѣхъ,—хотя бы и не безъ исключенія,—слышалось одно, что преосв. Антоній несомнѣнно заслуживалъ и, въ мѣру возможности, пользовался благовниманіемъ Государя Императора по его истинно архипастырскимъ достоинствамъ.—Потому-то и самая долговременность неполученія имъ наградъ порождала невольное недоумѣніе; равно какъ даже и то, что онъ ни разу не былъ вызываемъ для присутствованія въ св. Синодѣ, тогда какъ всѣ его предшественники и преемники его недавній—Архіепископъ Сергій были удостоивасмы этою вызова, какъ бы, по преимуществу, по самому значенію кафедръ Казанской.

Не говоря о подобныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ лицъ мѣстныхъ, должно сказать, что это же самое видѣлось и со стороны всѣхъ, кто только бывалъ въ Казани и посѣщалъ преосвящ. Антонія. Минуя то, что преосв. Антоній не всегда оказывался точнымъ исполнителемъ всѣхъ тонкостей этикета, а скорѣе являлъ себя предъ всѣми въ простотѣ и прямоств своихъ чувствъ и

отношеній, — кто бы ни былъ изъ указываемыхъ лицъ, — мнѣнія и убѣжденія ихъ несомнѣнно слагались въ пользу его достоинства. — Можно сказать даже, что отсутствіе сказанныхъ нѣкоторыхъ условій этикета еще болѣе, рельефнѣе характеризовало его личныя достоинства, а тѣмъ паче внутреннія его свойства и качества. Особливо это послѣднее было яснѣе всего понятно и цѣнно для тѣхъ, кто зналъ преосв. Антонія еще съ издавна — съ Кіева, или кто зналъ близко митр. Филарета, какъ дядю, или вѣрнѣе какъ отца — наставника преосв. Антонія.

Намъ несомнѣнно, во очію и во ушію, приводилось удостовѣряться, что дѣйствительно при послѣднихъ разставаніяхъ съ пріѣзжавшими откуда либо посѣтителями, въ большинствѣ, были выражаемы взаимныя желанія и уговоры — вести переписку по извѣстнымъ предметамъ, которые, очевидно, служили живою прямою темою разговоровъ при временныхъ свиданіяхъ, смотря по мѣрѣ взаимнаго заинтересованія. И нужно сказать, что преосв. Антоній первый не замедлялъ быть инициаторомъ въ этомъ отношеніи, — такъ что, иногда, это-то и казалось первою стороною неэтикетности его. Объ этомъ онъ и самъ, бывало, высказывался почти такъ: „кажется.., а впрочемъ не знаю... ладно ли, что я заговорилъ съ такимъ-то объ этомъ-то, или написалъ то-то, хотя я видѣлъ сразу, что онъ искренно соучаствуетъ“. За-то наоборотъ, когда онъ окончательно вполне удостовѣрялся въ умѣстности разговора и получалъ на это вполне удовлетворительные отвѣты, — то восписывалъ самую достойную честь, приговаривая: „слава Богу, что еще далеко нѣтъ мѣста для пессимизма на нашей св. Руси; вездѣ и много истинныхъ людей съ христіанскою чистою душею и т. п.“ Когда же, наконецъ, при разговорахъ, хотя бы съ новымъ, совершенно въ первый разъ встрѣчаемымъ имъ, лицомъ видѣлъ онъ или несочувственность, или возраженія и находилъ эти послѣднія не основательными, или только уклончивыми, то и здѣсь онъ, всего болѣе, не держался этикета, чтобы, по крайней мѣрѣ, отмалчиваться; напротивъ тутъ онъ высказывался со всею силою прямоты и правоты, какъ бы ревнуя о томъ, что

бы, по крайней мѣрѣ, въ этомъ лицѣ заложить сколько нибудь основанія къ разсужденію истинному о данномъ предметѣ. Однимъ словомъ изъ всѣхъ подобныхъ данныхъ очевидно было, какъ твердо онъ слѣдоваль завѣту Владыки Филарета—„идти всегда во всемъ прямымъ путемъ... а не хитрить, не мудрить, хотя при этомъ и за это приводилось бы видѣть тѣсноту и съ верху и со сторонъ и пр.“ Въ этомъ отношеніи и смыслѣ и самъ онъ, преосв. Антоній, на основаніи своихъ личныхъ, пережитыхъ имъ, опытовъ тѣсноты и скорби, говорилъ въ значеніи тоже завѣта извѣстныхъ, приводимыхъ уже прежде, слова не задолго до кончины: „намъ—монахамъ ни уныніе, ни ропоть, ни кое-либо недовольство своею судьбою не должны быть извѣстны и по наименованію... Напротивъ, самыя тѣсноты или злорадости со стороны другихъ должны быть пріемлемы нами за сладость и пр...“

ГЛАВА XVIII.

Преосвященный Антоній, всегда вѣрный тому святительскому духу и образу своихъ дѣйствій и отношеній къ лицамъ свѣтскимъ. безъ различія ихъ служебныхъ постовъ и званій, какіе представлены въ предъидущемъ нашемъ изложеніи, еще болѣе выдерживалъ себя такъ же по отношенію къ сослужителямъ по святительскому сану и къ другимъ духовнымъ лицамъ.— Читателямъ уже извѣстны многія данныя въ этомъ родѣ изъ личныхъ и письменныхъ отношеній преосв. Антонія къ самому даже великому во Іерархахъ Филарету Митрополиту Московскому. Подобныя же свѣдѣнія изложены были отчасти прежде объ отношеніяхъ его къ присутствовавшимъ въ св. Синодѣ — Преосвященнымъ Нектарію и Макарію.

Преосв. Антоній вель вообще очень обширную переписку съ весьма многими Преосвященными и, по преимуществу, неизмѣнно поддерживалъ ее съ тѣми. въ письмахъ коихъ видѣлъ духъ твердости, рѣшимости, открытости... Верхъ же преимущества онъ отдавалъ въ этомъ отношеніи высокопр. Михаилу, Митрополиту Сербскому, какъ истому поборнику правды и истины, и бывшему, истинно, столпомъ и утвержденіемъ для благосостоянія тамошней Церкви среди современныхъ политическихъ движеній и внутреннихъ волненій. Съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнесся преосв. Антоній и къ преосв. Агаангелу, бывшему Волынскому Архіепископу, хотя и не зналъ его лично и не переписывался съ нимъ до того времени, когда напечатаны были имъ, прямо въ енарх. вѣдомостяхъ, извѣстные отвѣты относительно затѣвавшейся пресловутой реформы церковно-судебной.

Весьма кстати сказать здѣсь нѣсколько подробностей о взглядѣ и сужденіяхъ самого преосв. Антонія относительно этого предмета. Преосв. Антоній отнесся, по первымъ только еще газетнымъ извѣстіямъ объ этой реформѣ, по его собственному выраженію, какъ *къ затыль*; онъ скорбѣлъ, что допускаются такъ гласно подобныя вещи... и опасался даже какихъ-то послѣдствій... Особливо, говорилъ онъ, ужъ всенепремѣнно подъявится тутъ съ самыми ретивыми услугами „Церков.-Обществ. Вѣстникъ“; одинъ онъ своими прелиминаріями подъ дудку началозатѣйщиковъ просто взбаламутить тѣхъ изъ духовенства, которые готовы чуть не преклоняться, какъ предъ своего рода вааломъ, предъ его оракульскими сентенціями, а вслѣдствіе этого *хромать*, по слову Пророка, *на обѣ плъсны* и высовываться съ своими же борзописаніями о томъ, что не скислось и въ собственныхъ ихъ головушкахъ.., а ради лишь словечка, что „и мы-де пахали... или: вонъ—какую пыль мы подняли...“

Сколько намъ за несомнѣнное извѣстно, преосв. Антоній очень долго не писалъ своего отвѣта, и на вопросы объ этомъ отмалчивался. Но вотъ однажды, по поводу полученнаго мною отъ одного изъ Преосвященныхъ, письма, въ которомъ 'былъ вопросъ: „а что?.. писалъ ли Вашъ Владыка Антоній отвѣтъ о реформѣ? и проч.“,— я прочиталъ ему, что относилось къ дѣлу.—прямо изъ подлиннаго письма. Онъ отвѣчалъ: „что тутъ и о чемъ спрашивать намъ другъ друга?! Кажется, не стоитъ этого и самый вопросъ объ такомъ дѣлѣ... Я еще не писалъ... да, кажется, и вовсе не буду писать... Пусть пишутъ консисторіи... Вѣдь, и ихъ равносильно запрашиваютъ объ этомъ же... Да, вотъ до чего доживаютъ Русскіе Архіереи!! Имъ даже нѣтъ и вѣры... или,— что едва ли еще не хуже,—ставятъ на одну доску съ членами консисторій... Отъ чего ужъ бы не затребовать мнѣній еще отъ секретарей со столоначальниками консисторій?! Вѣдь, толкуютъ же и пишутъ, что-де секретари-то и столоначальники, даже болѣе членовъ, орудуютъ и'заправляютъ дѣлами и слѣд. они компетентнѣе самихъ членовъ... Да, да! шила, видно, не утаишь въ мѣшкѣ!..

Въ одномъ этомъ распоряженіи, чтобы Архіереи отъ себя представили отдѣльныя мнѣнія, а консисторіи свои,—такъ и видится изреченіе: *Divide et impera!* Да, кажется, что я такъ и напишу... Въ самомъ дѣлѣ, если вникнуть только въ это распоряженіе съ трезвою, какъ нынѣ любятъ выражаться, —мыслію, —слѣдов. не съ какою либо полуопьянѣвшею подѣ влияніемъ какой-то эпидимической мани къ реформамъ...,—то что же можно предвидѣть въ самомъ ближайшемъ результатѣ?! Представимъ, —какъ всеконечно и должно быть, —что изъ пятидесяти Архіереевъ 40 дадутъ свои мнѣнія *противъ* реформы;—а изъ столькихъ же числомъ консисторій, наоборотъ, послѣдуютъ мнѣнія *за* реформу... Что же останется дѣлать?.. Обосновывать дѣло на цифирномъ большинствѣ?! Въ такомъ разѣ пусть же прежде объявятъ Церковь въ Россіи „*quasi пресвитеріанскою*“. Довольно уже, кажется, и того, что цѣлая область управленія столь важнѣйшимъ предметомъ церковнымъ, —коково образованіе духовныхъ юношей, какъ будущихъ пастырей, вручена въ исключительную почти власть пресвитеріанскую, такъ что судятъ и рядятъ безапелляціонно всякія дѣйствія и распоряженія Архіереевъ... и, только какъ бы для формы, представляютъ св. Синоду... Да, странно и страшно, когда пораздумаешь обо всемъ подобномъ. Какъ будто нѣтъ и простыхъ соображеній, что затребованіе напр. мнѣній, собственно отъ консисторій, въ равносильность съ мнѣніями Архіереевъ, есть дѣло противоканоническое. Да оно же противно и самому закону—уставу консисторій, по которому ясно, что Консисторія, при бытности на лицо епархіальнаго Архіерея, не имѣетъ никогда права имѣть непосредственныя отношенія къ св. Синоду, —развѣ только въ смыслѣ открытой жалобы, или протеста противъ явныхъ неправильностей Архіерея... Довольно уже и того, что было особенно во дни оны—напр. Протасовскіе, когда секретари консисторій облечены были въ какое-то полномочіе, чтобы быть въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Оберъ-Прокурору, такъ что обязаны были, завѣдомо для Архіереевъ, писать къ Оберъ-Прокурору „*въ собственныя руки*“... все что ни взбрело бы подѣ часъ

пишущему... и вообще не исключая разныхъ интригъ, или мелочей. Для этого и назначались эти секретари всенепремѣнно оттуда же по личному избранію Оберъ-Прокурора же. А какіе иногда бывали эти личности, начиная съ самаго образованія и ограниченности ума и толка... Вотъ живой примѣръ и здѣсь былъ при покойномъ Архіепископѣ Григоріи. Благо что послѣдній скоро же на отрѣзъ написалъ Оберъ-Прокурору, чтобы взяли его, во что бы то ни стало, изъ здѣшней Консисторіи“...

Когда же явилось извѣстное изданіе г. Елагина по поводу начавшагося проэкта о духовно-судебной реформѣ, то преосв. Антоній, какъ говорится, обѣими руками ухватился за него... и прочитывалъ отъ строчки до строчки... Послѣ же прочитыванія, по временамъ, приговаривалъ: „да, истинно, что *нѣтъ и худа безъ добра*“... разумѣя подъ худомъ самую затѣю о реформѣ, а подъ добромъ это изданіе... „Пусть-ка теперь поизонпрячь свои перья... небось почувствуютъ невольное ихъ притупленіе... А по моему бы слѣдовало теперь же поступить такъ, чтобы поставить вопросъ и начать самое дѣло не о реформѣ новой, а о томъ, чтобы опредѣлить истинный *status quo* церковно-суднаго управленія на основаніяхъ древнихъ каноническихъ, примѣнительно, конечно, къ всѣмъ историческимъ русско-церковнымъ даннымъ и соотвѣтственно потребностямъ современнымъ, и не въ отношеніи къ формѣ и порядку процедуры канцелярской, а по существу и значенію самаго церковнаго управленія вообще“. Потомъ, когда, между прочимъ, узналъ преосв. Антоній завѣрное, что одинъ изъ Преосвященныхъ епархіальныхъ, чуть ли, кажется, не произвелъ цѣлдневный звонъ по поводу проектировавшейся реформы, — и когда, тѣмъ болѣе, преосв. Антоній лично и коротко зналъ этого Преосвященнаго, служившаго Ректоромъ въ одной Семинаріи, паходившейся въ округѣ Кіевской Академіи (1), то онъ, отъ одного этого, не хотѣлъ иногда заводить и рѣчи о настоящемъ предметѣ...

(1) Въ Семинаріи Еватеринославской.

Впрочемъ,—говорилъ онъ при другомъ случаѣ,— видимо, что *совѣтъ. его же совѣщаніи, не возмгутъ составить!!*. Истинно говаривалъ Владыка Филаретъ „какъ люди ни хитрятъ и сколько ни усиливаются,— а Богъ всёхъ пересилить и перемудрить...“ о! когда бы только по благодсти Своей не преминулъ и *приумудрить* въ познаніе истины,—иначе же да не сбудется и надъ нами, по грѣхамъ нашимъ. реченное св. Апостоломъ о *глаголющихся быти мудри...* (Римл. 1, 28).

Что у преосв. Антонія была обширная переписка, это естественно уже по тому самому, что онъ не могъ даже удерживаться, чтобы не высказаться по мѣрѣ сочувствія и къ лицамъ и предметамъ, коль скоро находилъ полную увѣренность въ достоинствахъ тѣхъ и другихъ. и что переписка взаимная не останется безъ полезныхъ, тѣхъ или иныхъ, послѣдствій. Вообще, въ этомъ отношеніи, должно сказать тоже, что сказано было о его всегдашней готовности и доступности для всёхъ и всякаго для личной бесѣды. Не говоря, впрочемъ, здѣсь о перепискѣ разнообразной съ знакомыми, мы укажемъ собственно на переписку серьезную, дѣловую. Для характеристики этого рода переписки довольно указать напр. на слѣдующія слова изъ воспоминаній одного лица, высказанныхъ имъ печатно. „Послѣ перваго только личнаго свиданія въ Казани съ преосв. Антоніемъ я.— говорить воспоминатель. —какъ только издалъ свои „Письма по Пастырскому Богословію“, немедленно же послалъ экз. ихъ при письмѣ къ нему. Онъ тоже не замедлилъ своимъ отвѣтомъ, въ тотормъ ясно было, съ какимъ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ отнесся онъ къ моему труду, изложивъ и свои мнѣнія, и пожелавъ имѣть это мое сочиненіе для каждой церкви въ своей епархіи. Послѣдующіе мои труды я такъ же представлялъ къ нему—первому; и онъ тоже давалъ отзывы, такъ что это, по преимуществу, и было темою и задачею нашей переписки. Съ своей стороны, я писалъ къ нему часто и просто, за-то и онъ столько же прямо и откровенно, хотя рѣже, извиняясь понятными благословными причинами, заключавшимися во множествѣ заня-

тій и въ поврежденныхъ его недугахъ, — прося, однако, писать къ нему во всей братской искренности. Видавшись, съ теченіемъ времени, и еще три раза лично съ приснопамятнымъ святителемъ Казанскимъ Антоіемъ, равно какъ судя по его письмамъ, я долженъ сказать отъ всей души: — какъ онъ сочувственно относился ко всякому доброму предпріятію и разсужденію другихъ. Какъ радовался о истинѣ и разумной благой дѣятельности всякаго, какъ вѣрилъ чужой добротѣ и искренности. На сколько онъ былъ чуждъ всякой зависти, когда видѣлъ таланты другихъ и успѣхи кого бы то ни было на службѣ! — Въ частности же, говорить воспоминатель, я убѣдился изъ своей переписки и изъ личныхъ бесѣдъ съ покойнымъ Антоіемъ, — у котораго я, въ два послѣдніе пріѣзда въ Казань, останавливался въ его собственныхъ покояхъ, — что любимыми предметами его бесѣдъ и переписки были вопросы церковные, пачиная съ правительственныхъ до приходской священнической службы, — именно — современное религіозное состояніе въ школахъ, въ обществѣ, и направленіе литературы духовной и свѣтской и вообще что только для него составляло живой прямой интересъ по чувству и долгу святительскому и по его ревности объ истинѣ. И замѣчательно, что мы во всемъ сходились взглядами и, какъ-бы, предугадывали другъ у друга мысли, и это зависѣло именно отъ простоты и искренности. Вотъ что и сколько зналъ я о преосв. покойномъ Антоіи, живя на разстояніи отъ него на 500 верстъ. Что зналъ, тѣмъ и радъ подѣлиться со всѣми знавшими и почитавшими сего святителя, каковыхъ, какъ знаю, много, много и въ столицахъ и по всей Россіи. Даль бы Богъ больше такихъ Архипастырей истинныхъ, горящихъ духомъ любви и правоты въ духѣ Христовой ревности“⁽¹⁾.

(1) Душеполезное Чтеніе 1880 г., Апр., стр. 484—488. Авторъ этихъ воспоминаній, Пержскій о. Протоіер. Е. А. П., въ самую недавнюю пору доставилъ мнѣ 15 подлинныхъ писемъ преосв. Антоіа. Содержаніе этихъ писемъ вполнѣ оправдываетъ содержаніе и характеристику воспоминаній; но я не могъ воспользоваться содержаніемъ ихъ здѣсь и по времени и по пространству мѣста.

Сейчасъ приведенная характеристика преосв. Анто́нія, въ означенномъ отношеніи, дѣйствительно вѣрна и достаточна, насколько возможно и удобно было опредѣлить ее воспоминателю. Въ особенности вѣрно выражены тѣ черты, что преосв. Анто́ній со всею полнотою сочувствія относился ко всякому доброму предпріятію, радовался о всякой истинѣ, утѣшался успѣхами добрыми каждаго къ пользѣ общей, сколько и своей законной и честно-справедливой пользѣ дѣятелей. Такъ же точно утѣшался онъ, можно сказать, каждой страницей въ каждомъ новопоявляющемся изданіи и даже въ газетныхъ извѣстіяхъ, коль скоро видѣлъ благое и полезное, и, по поводу подобныхъ явленій, тотчасъ поспѣшалъ писать, къ кому что относилось, смотря по мѣрѣ надобности. Зато и наоборотъ—тотчасъ же брался за перо, когда прочитывалъ что-либо противнаго содержанія и значенія, о чемъ, бывало, и высказывалъ самъ же въ домашнихъ бесѣдахъ, указывая на ту или другую статью печатную, по поводу которой онъ писалъ такому-то то и то... Равнымъ образомъ при распечатываніи писемъ въ присутствіи другихъ, онъ тоже, въ большинствѣ, не утаивалъ содержаніе ихъ безъ различія лицъ и предметовъ; при чемъ, обычно, неудержимо выражалъ чувства и взгляды свои, какъ благопріятные, такъ и противныя съ извѣстными приговорками.., а иногда даже просто съ швыряньемъ письма въ сторону.

Вель преосв. Анто́ній переписку указываемаго содержанія и рода съ давнихъ поръ, начиная еще съ ректорства своего въ Кіевской Академіи. Читателямъ извѣстно уже объ этомъ изъ переписки его, наприм., съ преосв. Иннокентіемъ, Архіеп. Херсонскимъ, и съ преосв. Анатолиемъ, Архіеп. Могилевскимъ и др. Кромѣ содержанія, въ подобной перепискѣ всего рельефнѣе выступаетъ одинъ и тотъ же неизмѣнный духъ и характеръ писавшаго, въ значеніи прямоты, рѣшимости до высшей ревности объ истинѣ, правдѣ и пользѣ, не взирая на авторитетность служебныхъ лицъ и общепризнаваемое значеніе дѣйствій и явленій въ церковно-общественной сферѣ въ разныхъ отношеніяхъ. Съ этой именно сторо-

ны во всей полнотѣ вѣрны сужденія, упоминаемаго нами не разъ, автора статьи (1). обнародовавшаго, между прочимъ, три письма преосв. Антонія къ преосв. Анатолію Могилевскому, и имѣвшаго у себя еще нѣкоторые, при этомъ, матеріалы. Сужденія эти выражены у него въ такихъ словахъ: „черезъ эти, хотя и краткія, свѣдѣнія мы знакомимся, во всякомъ разѣ, съ нѣкоторыми завѣтными идеями этого, заслуживающаго дѣйствительно всесторонняго изученія. Иерарха Русской Церкви, съ его взглядами на многіе вопросы, выдвинутые, современною ему, церковно-общественною жизнію и литературою“. — Эти сужденія и самыя данныя автора идутъ самымъ ближайшимъ образомъ и къ настоящему мѣсту нашего изложенія, чтобы воспользоваться отчасти послѣдними (данными), съ приведеніемъ всѣхъ другихъ, имѣющихся у насъ въ рукахъ паговѣвъ.

Вотъ что читаемъ, прежде всего, у достопочтеннаго автора цитуемой нами статьи въ прямое соотвѣтствіе только-что написаннымъ нами выше строкамъ. „Во многихъ (и другихъ) отношеніяхъ преосв. Антоній опредѣлилъ современныхъ ему епархіальныхъ Начальниковъ. Онъ внимательно слѣдилъ за современнымъ направлеиіемъ литературы и журналистики, какъ духовной, такъ и свѣтской. Онъ по многимъ причинамъ высказывалъ недовольство какъ той, такъ и другой. Свѣтская литература того времени въ своемъ либерализмѣ доходила до послѣдней крайности: „свѣтскіе журналы, писалъ преосв. Антоній въ Петербургъ, разнуздались до-нельзя. проповѣдуютъ явное невѣріе, а у насъ (т. е. духовныхъ) цензура сильна, руки связываетъ ратовать противъ нихъ, какъ должно. Сами помогаемъ мы руками брать насъ врагамъ нашимъ“. Впрочемъ, къ чести преосв. Антонія нужно сказать, что даже и въ данномъ случаѣ онъ не сидѣлъ, сложа руки, а энергически дѣйствовалъ, борол-

(1) Статья: «Къ биографіи Антонія, Архіепископа Казанскаго». Церковный Вѣстникъ 1883 г., Ноябрь. № 48, стр. 2—5. Сюда же относится и статья г. Мацѣвича, обнародовавшаго въ Трудахъ Кіев. Академіи (Іюль 1883 г.) нѣкоторые письма и матеріалы.

ся насколько только представлялось для него возможнымъ. „О парубкомъ направленіи литературы и особенно *Словаря* (...) (1) я сдѣлалъ уже.—такъ писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—энергическое представленіе; миѣ же навязали сдѣлать указаніе и разборъ особенно вредныхъ статей. Судите, есть ли возможность нашему брату симъ заниматься? Впрочемъ, я воспользовался рецензіею о. Н. и послалъ отвѣтъ свой. Полагаю, что Синоду въ полемику подробную и не слѣдъ вдаваться, а можно для своей цѣли, для сильной протестаціи предъ Правительствомъ довольствоваться тѣмъ, что я написалъ. Любопытно знать, что будетъ сдѣлано. А что бы о.о. Петербургскимъ ученымъ предпринять вмѣсто какого-либо не важнаго журнала, напр., „Духа Христіанина“, изданіе своего Богословскаго Словаря въ истинномъ православномъ направленіи? Вотъ бы всего лучше была оппозиція оному Словарю“.

„Пресовъ. Антоній много заботился о томъ, чтобы, какъ самъ однажды выразился, „возбуждать энергію въ духовенствѣ къ разумной церковно-Богословской грамотности, отъ которой наши пастыри, по его справедливымъ словамъ, скоро отстанутъ на мѣстахъ“. Наличная духовная журналистика мало представляла тогда интереса для духовенства, особенно сельскаго; послѣднее въ то время еще не развило въ себѣ особеннаго вкуса къ чтенію вообще. Да и самъ пресовъ. Антоній многого не одобрялъ въ современной ему духовной журналистикѣ. Вотъ что, напр., онъ писалъ относительно довольно солиднаго Московскаго духовнаго журнала „Православное Обозрѣніе“. „Жаль, что „Обозрѣніе“, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе уклоняется отъ надлежащаго направленія, да въ сужденія о многомъ, слишкомъ неумѣренныя и

(1) Мы должны сказать о себѣ, что не знаемъ ничего относительно этого «Словаря», такъ какъ не приводилось никогда и слышать что-либо объ этомъ дѣлѣ отъ самого пресовъ. Антонія. Приводимъ же здѣсь настоящія свѣдѣнія собственно на основаніи цитуемой нами статьи, какъ извлеченной авторомъ изъ подлинныхъ, очевидно, данныхъ.

неосторожныя, вдается. О полемикѣ бранчивой и говорить нечего“ (1).

Отзываясь такъ о многомъ въ содержаніи и направленіи современной духовной журналистики и вообще литературы, преосв. Антоній, какъ-бы, съ недоумѣніемъ, а съ другой стороны—съ укорительнымъ недовольствомъ отзываясь еще и о духовной цензурѣ въ такихъ словахъ: „Цензоры наши (разумеются здѣсь Кіевскіе) со всею ревностію стараются только процѣживать комаровъ.., поелику такой примѣръ подается свыше...“ „Напрасно изволите безпокоиться, писалъ онъ преосв. Анатолію, что это сочиненіе Ваше (Объ отношеніяхъ Римской церкви) не довольно отдѣлано: оно прекрасно, преплезно и во всей полнотѣ достаточно для своей цѣли. А привязкамъ оцѣживающихъ комаровъ ничто въ свѣтѣ не удовлетворить, ни даже ангельское совершенство. Желательно, чтобы книгу эту распространило само начальство, какъ можно, больше, и чтобы она и за границу перешла. Напр. можно бы послать въ Венгрію—въ Будинь, гдѣ уніаты Австрійскіе обнаруживаютъ сильное движеніе религіозно-литературное и издають журналъ—церковную газету въ духѣ уніи, и въ этомъ журналѣ рѣзко стоятъ за свою самостоятельность и вызываютъ насъ на взаимное уясненіе разныхъ спорныхъ предметовъ. Изволите-ли получать эту газету? Намъ прислалъ преосв. Варшавскій (Арсеній Москвинъ, умершій Кіевскимъ Митрополитомъ)“ (2).

Читать по возможности все, доходившее до него, печатное преосв. Антоній любилъ, смотря, конечно, по интересу предметовъ. Если же встрѣчалъ только еще извѣщеніе о выходѣ какой-либо книги, то обращался съ вопросами къ другимъ,—не читалъ ли кто и требовалъ отзыва, стоитъ ли читать и, тѣмъ болѣе, приобрѣтать книгу. Между тѣмъ, книготорговецъ, комиссіонеръ здѣшняго Университета, Дубровинъ иногда слишкомъ проявлялъ свое усердіе и услуги, чтобы доставлять къ преосв. Ап-

(1) Смотр. въ Церк. Вѣстн. 1883 г., № 48.

(2) Тамъ же.

тонію возможно всё, болѣе или менѣе подходящія для него, книги. Не имѣя, естественно, возможности прочитывать самъ, онъ часто поручалъ мнѣ прочитывать и высказывать ему содержаніе. Газетныя новости, по преимуществу, любилъ выслушивать отъ другихъ, и, въ случаѣ только особенной интересности, брался читать самъ. Зато журналы духовныя тотчасъ же по полученіи приказывалъ разрѣзывать и, смотря по оглавленію, или пробѣгалъ по нѣсколькимъ строчекъ на выдержку, или же обозначалъ карандашомъ ту или другую статью. Епархіальныя Вѣдомости, получавшіяся имъ почти отовсюду, тоже просматривалъ по оглавленію и инныя откладывалъ для прочтенія, а остальные передавалъ о. каедр. Протоіерею съ тѣмъ, чтобы, если найдетъ онъ что интересное для епархіальной практики, сообщалъ ему, и затѣмъ, что усматривалъ самъ подобное же, предлагалъ отдать для перепечатанія въ Извѣстія по Каз. епархіи. Въ концѣ же концовъ эти вѣдомости епархіальныя препровождались постоянно чрезъ мѣсяцъ въ собственность ученической семинарской библіотеки. Прочитанное относительно, тѣхъ или иныхъ, предметовъ и распоряженій епархіальныхъ служило во многихъ случаяхъ содержаніемъ его переписки съ Преосвященными, съ цѣлію или большаго ознакомленія, или въ смыслѣ указанія на что-либо непризнаваемое имъ.

Не чуждался преосв. Антоній и свѣтской литературы, хотя и не выписывалъ ни одного изъ журналовъ; онъ пользовался ими, по преимуществу, изъ Академіи, или отъ знакомыхъ, если узнавалъ что-либо интересное. Не любилъ только онъ одного изданія, — это „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ и предшественницу его — „Современность“, которую называлъ спутницею „Странника“, приговаривая, что какъ этотъ послѣдній иногда *странничаетъ*, такъ ужъ первая, кажется, совсѣмъ блуждаетъ по распутіямъ и нашимъ и вашимъ... Касательно же „Церк.-Общ. Вѣстника“, издатель-редакторъ котораго былъ прежде редакторомъ „Современности“, преосв. Антоній выражался особенно сильно-рѣзко, начиная даже съ самаго его „самозванничества“, такъ какъ подъ фир-

мою „Церковнаго“ онъ облакался, по его выраженію, какъ волкъ въ овечью шкуру, чтобы прелазить во дворъ овчій и баламутить не овецъ только, а самыхъ пастырей, которые, дѣйствительно, и оказались столь податливыми и отзывчивыми на его волчьи подвиганья, что силошь и рядомъ только и слышишь въ статьяхъ, пастырями же составленныхъ, вопль и вой противъ пасомыхъ овецъ; за-то и со стороны овецъ видишь невольный образъ не добрыхъ же отношеній къ пастырямъ. Наконецъ, такъ какъ въ большинствѣ церковныхъ причтовъ выписывался этотъ „Церк.-Общ. Вѣстникъ“ даже на церковно-приходскія суммы. то онъ далъ предложеніе—воспретить навсегда употреблять на это церковныя деньги ⁽¹⁾, а предписалъ выписывать „Вѣстникъ Церковный“, какъ органъ св. Синода.

Съ самымъ тщательнѣйшимъ вниманіемъ читалъ преосвящ. Антоній послѣдній переводъ Библии на русскій языкъ, начиная съ самыхъ первыхъ поръ, какъ этотъ переводъ сталъ выходить въ печати по частямъ. Прочитывалъ онъ все до іоты и Толковое Евангеліе, издаваемое по частямъ же, бывшимъ о. Архимандритомъ Михайломъ, нынѣшнимъ Еп. Курскимъ.—„Исторія перевода Библии на русскій языкъ, свидѣтельствуесть упоминавшійся прежде авторъ ⁽²⁾, интересовала преосв. Антонія не мало.“—„Какъ идетъ переводъ реченій Новаго Завета?“—спрашивалъ преосв. Антоній въ одномъ письмѣ въ

(1) Это распоряженіе преосв. Антонія, какъ видно было, доведено было до свѣдѣнія Редакціи Церк.-Общ. Вѣстника въ частной корреспонденціи услужливыхъ подписчиковъ-батюшекъ и, при томъ, въ преувеличенномъ видѣ, т. е., что, будто, запрещено вовсе выписывать эту газету даже и на свои деньги... И, помнится, Редакція что-то писала объ этомъ слишкомъ не въ пользу преосв. Антонія.—И съ этой поры, съ почина этой, легкой не на добро, руки корреспондента, въ послѣдніе годы имя преосв. Антонія на столбцахъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника» являлось печатаннымъ чуть не «киноварью», хотя онъ-то самъ и махнулъ рукой на это не хотѣлъ, когда слышалъ и просилъ даже, чтобы ни о чемъ подобномъ ему вовсе не сообщалось и не намекалось...

(2) Статья: «Къ биографіи Антонія Архіепископа Казанскаго». Церков. Вѣстникъ 1883 г., № 48, стр. 3.

Петербургъ. „Мнѣ обѣщали сообщить мнѣніе Московскаго (т. е. Митроп. Филарета) по сему предмету въ отвѣтъ на мнѣніе въ Бозѣ почившаго Кіевскаго Владыки (т. е. Митропол. Филарета Амфитеатрова), но обѣщаніе осталось не исполненнымъ со стороны обѣщавшаго. Нельзя ли достать и сообщить“?—Читатели припомнимъ, что въ изложеніи даннаго факта въ свое время (именно—въ 1856 г.) Кіевскимъ Митр. Филаретомъ, касательно перевода Библии на русскій яз., участвовалъ и преосв. Антоній, въ бытность его тогда Ректоромъ Академіи, и еще о. Прот., Докторъ Богословія, Ив. Мих. Скворцевъ. Мнѣніе это, въ его изложеніи, съ выправками рукою высокопр. Филарета, имѣется у меня ⁽¹⁾; оно одновременно, въ тожественномъ содержаніи, было препровождено къ бывшему Оберъ-Прокурору св. Синода, Гр. Алек. Петр. Толстому и къ высокопр. Филарету Митр. Московскому. Высокопр. Филаретъ Кіевскій до конца этого дѣла не дожилъ, и потому и мнѣніе Московскаго Митрополита преосв. Антонію оставалось неизвѣстнымъ. Потому, при чтеніи, начавшагося издаваться, послѣдняго перевода Библии, преосв. Антоній, твердо зная все изложенное въ мнѣніи дяди своего—Филарета, часто высказывалъ нѣкоторыя мысли и положенія не согласныя съ тѣмъ, что встрѣчалъ, но мѣстамъ, въ послѣднемъ переводѣ, равно какъ и въ Толковомъ Евангеліи.

Въ частности—въ новомъ переводѣ преосв. Антоній особенно слѣдилъ за нѣкоторыми текстами, которые, въ значеніи такъ называемыхъ классическихъ текстовъ, находятся въ Богословіи Догматическомъ. Въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, усмотрѣлъ весьма значительныя неточности въ новомъ переводѣ Библии. Для примѣра мы должны представить два таковыхъ мѣста изъ Вѣтхаго Завѣта,—одно въ книгѣ Бытія (гл. 49 ст. 10), гдѣ содержится извѣстное пророчество Патріарха Іакова, которое въ Славянскомъ переводѣ читается такъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вожди отъ чреслъ его, дождеже*

(1) Мнѣше это изложено на нѣсколькихъ листахъ; оно имѣетъ быть помѣщено въ биографіи высокопр. Филарета.

придутъ отложенная ему, и Той чашии языковъ. Второе мѣсто въ книгѣ св. Прор. Исаи, тоже классическое въ значеніи богословско-догматическомъ, — именно гл. 1, ст. 18, которое по Славянскому тексту читается: *придите и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, — яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, — яко червленое, — яко волну убѣлю...*

По поводу, сразу усмотрѣнныхъ преосв. Антопиемъ, неточностей въ повомъ переводѣ вышеуказаннаго перваго текста, онъ тогда же поручилъ мнѣ безотлагательно сдѣлать и представить ему подробнѣйшее изслѣдованіе съ возможно точнѣйшимъ строгимъ филологическимъ анализомъ Еврейскихъ терминовъ, читаемыхъ въ Славянскомъ текстѣ — *князь* и *вождь* и въ Русскомъ — *жезль* и *скипетръ*. Изслѣдованіе было представлено ему на восьми листахъ; но онъ не рѣшился послать его въ подлинномъ цѣльномъ содержаніи, а сдѣлалъ собственноручное извлечение въ формѣ письма къ высокопреосв. Исидору, Митроп. Петербургскому, прося его обратить вниманіе на все изложенное и дать ему значеніе при дальнѣйшемъ изданіи всего перевода Библии. Дѣйствительно, спустя известное время, преосв. Антоній съ полнѣйшимъ удовольствомъ и утѣшеніемъ прочиталъ мнѣ даже буквальный отвѣтъ на это изъ письма его Высокопреосвященства. Послѣдній сообщилъ ему, что указаніе на неточность перевода въ указанномъ текстѣ справедливо, и въ слѣдующемъ изданіи эта неточность будетъ исправлена согласно указанію преосв. Антонія.

Что же касается до втораго текста изъ книги св. Прор. Исаи (гл. 1, ст. 18), здѣсь, собственно говоря, была таже процедура дѣла, но исходъ былъ иной. Представленное мною преосв. Антонію, подобное прежнему, изслѣдованіе съ еврейскаго подлинника, ему же первому пришлось не по вкусу и представлялось или невѣрнымъ, или невѣроятнымъ. Дѣло въ томъ, что, для признанія вѣрности представленнаго мною изслѣдованія, преосв. Антонію приводилось слишкомъ много поступиться въ своихъ убѣжденіяхъ въ томъ догматическомъ смыслѣ, въ какомъ этотъ текстъ, собственно по Славянскому

буквальному чтенію, поставленъ и у него въ своемъ мѣстѣ въ системѣ его Догмат. Богословія, и въ какомъ, надобно сказать, принять и употребляется этотъ текстъ во всѣхъ нашихъ трактатахъ Богословскихъ и въ проповѣдяхъ. Ему было разясняемо это и при устныхъ бесѣдахъ не одинъ разъ,—причемъ онъ и самъ обращался тутъ же къ разнымъ переводамъ на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ и добивался всячески возможнаго сближенія и соглашенія этихъ переводовъ съ Славянскимъ въ общепринятомъ Богословскомъ смыслѣ и значеніи.., но дѣло и истина требовали своего... Въ концѣ концовъ онъ все-таки собирался изложить по-своему и послать къ тому же высокопр. Митр. Исидору, но отвѣта не воспослѣдовало, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ ничего преосв. Антоній не говорилъ объ отвѣтѣ, хотя въ послѣдствіи и заводилъ рѣчь объ этомъ же предметѣ (1).

Толковое Евангеліе (о. Архимандрита Михаила), съ самаго выхода перваго выпуска до полнаго изданія, было у преосв. Антонія постоянною настольною книгою. Отзывы его объ этомъ трудѣ были вообще одобрительныя. „Жалко одного, говорилъ онъ, что авторъ не потрудился дѣлать изъ разныхъ толковательныхъ мѣстъ одного болѣе опредѣленнаго вывода; иначе для большин-

(1) Суть дѣла заключалась, вкороткѣ сказать, въ томъ, что въ Славянскомъ текстѣ читается *ублюю*... т. е., въ первомъ лицѣ, отъ имени Самого Господа, а въ переводѣ новомъ Русскомъ,—*сдѣлаются бльми*... Въ Еврейскомъ текстѣ тоже чтение это, т. е., послѣднее, а въ Греческомъ и Латинскомъ текстахъ встрѣчается и то и другое.., но болѣе второе—*убльятся*. Это-то послѣднее и представлялось преосв. Антонию несогласнымъ съ понятіемъ о Божественной благодати, очищающей и оправдывающей, какъ истекающей, такъ сказать, лично-активно отъ Самого Господа Спасающаго... Онъ разсуждалъ именно такъ: вѣдь, выходитъ, по новому переводу Русскому, что грѣхъ, какъ положительное зло, будто бы превратится въ положительное добро, подобно какъ черное сдѣлается бльмъ; напротивъ—грѣхи человѣческіе, или вообще грѣховное состояніе Господь Богъ Своєю силою благодати уничтожаетъ и даруетъ другое—очищенное, обновленное, состояніе чистоты и святости... *Окропиши мя иссопомъ, и очищуся; омыши мя, и паче снѣга ублююся... Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови...* «Вотъ ви-

ства читающихъ трудно и. по мѣстамъ, почти невозможно отыскать главное существенное, при разнородности приводимыхъ свидѣтельствъ. — Въ частности—его занимало весьма одно мѣсто въ самомъ текстѣ св. Евангелія отъ Іоанна (27 и 28 ст. гл. V-й), гдѣ содержатся слова Господа Спасителя, читаемыя на Славянскомъ языкѣ такъ (въ ст. 27): *И область даде (Отецъ) Ему и судъ творити, яко Сынъ человекъ есть,*—и (въ ст. 28): *Не дивитесь сему: яко грядетъ часъ, въ оныя же вси суици во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія...*“ Не разъ онъ высказывалъ о не точности раздѣленія этихъ двухъ стиховъ; помнится, хотѣлъ онъ и писать объ этомъ, но что-то выходило и у него самого не выполнѣ ясно и опредѣленно, судя по его же изъясненіямъ.

Такою же настольною книгою было у преосв. Антонія и *Четвероевангеліе* (изд. о. Протоіер. В. Гречулевичемъ, нынѣшнимъ преосв. Виталиемъ, Епископомъ Могилевскимъ). Трудъ этотъ преосв. Антоній приписывалъ, между прочимъ, на основаніи какихъ-то извѣстныхъ ему данныхъ, преосвящен. Анатолию (Архіепископу Могилевскому), по крайней мѣрѣ—относительно инициативы этого труда, что въ его понятіяхъ возвышало и самое достоинство лица—издателя, судя по однимъ уже этимъ взаимнымъ отношеніямъ между первымъ и послѣднимъ, особливо по части трудовъ издательскихъ ⁽¹⁾.

дишь,—все обращается и присвоается прямому дѣйствию Самого Бога..., а не то, чтобы сказать: *ублѣтятся...* и проч.». — Въ чемъ же именно заключалась другая сторона дѣла и истины, открывающаяся и выясняющаяся собственно изъ филологическаго и герменевтическаго изслѣдованія этого изреченія, и примиряющая, такимъ образомъ, переводъ новый съ подлинникомъ Еврейскимъ.—объ этомъ рѣчь была-бы здѣсь, конечно, неумѣстна какъ по самой неkratкости изложения, такъ, можетъ статься и самое изложение наше могло бы представляться и для другихъ, подобно какъ для преосв. Антонія, тоже не вѣроятнымъ. А съ другой стороны, выступать съ своими сентенціями въ такомъ важномъ вопросѣ пишущему не позволяетъ его личное положеніе и званіе, какъ *единаго отъ мнѣшихъ* въ братіи въ отношеніи къ священно-начальственному сонму *право правящихъ* (ὀρθοτομήτων) слово Божественныя истины.

(1) Объ этомъ, между прочимъ, читаемъ въ письмѣ преосв.

По содержанію и по цѣли, и вообще по всему преосв. Антоній приписывалъ этому изданію весьма большое и полезное значеніе, и прежде всего по отношенію къ изученію св. Писанія въ духовныхъ заведеніяхъ, и, затѣмъ, вообще — къ усердствующимъ читать св. Евангеліе. Въ послѣднемъ отношеніи онъ, однако, находилъ, что полезнѣе было бы дать этому изданію иной видъ въ изложеніи. Самая эта табличность съ разграфленіями страницъ и еще болѣе — слишкомъ дробная параллельность реченій, потребовавшая слишкомъ частыхъ вставокъ со скобками, (а вставки эти состоятъ во множествѣ не болѣе, какъ въ союзахъ: и, же, бо...) производитъ крайнюю пестроту для самыхъ даже глазъ и препятствуетъ связному и цѣльному усвоенію содержанія. По этому предмету, какъ можно было замѣтить изъ его словъ, онъ писалъ что-то и автору-издателю, съ которымъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, равно-какъ и самъ бывший о. Протоіерей глубоко почиталъ преосв. Антонія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, свято чтить въ Бозѣ почившаго Филарета, Митр. Киевскаго. Свидѣтельство послѣдняго заключается въ одномъ письмѣ собственно ко мнѣ, когда стало извѣстно о. Прот. Гречулевичу о моемъ трудѣ по составленію біографическихъ записокъ о высокопр. Филаретѣ, изъ жизни котораго онъ сообщилъ мнѣ даже одинъ замѣчательный фактъ по отношенію къ нему лично... Было тогда у меня и у преосв. Антонія въ намѣреніи провести по частямъ указываемыя записки въ издаваемомъ о. Протоіереемъ „Странникѣ“, который, кстати сказать, о. Протоіерей постоянно высылалъ преосв. Антонію въ одномъ экземплярѣ бесплатно, въ значеніи почетнаго приношенія... Но надобно же было случиться, какъ разъ вскорѣ, что преосв. Антоній, прочитавъ въ „Современности“, издававшейся при „Странникѣ“ отъ одной общей Редакціи, одну статью неодобрительнаго содержанія, до того встревожился по-

Антонія къ преосв. Анатолю такія слова: «Тысячекратно благодарю В. В—ство за книги, Вами изданныя въ 1858—1864 г.г. Я ихъ получилъ даже вдвойнѣ—и отъ Васъ и отъ г. Гречулевича—издателя., которому тоже искреннѣйше благодаренъ». (Смотр. въ стат. автора: «Къ біографіи Антонія, Архiep. Казанскаго»).

слѣдую, что написать, по поводу ея, въ родѣ протеста къ высшему Начальству, гдѣ отозвался, какъ было отчасти замѣчено нами прежде, весьма рѣзко и о „Страшникѣ“, какъ о журналѣ, начавшемъ *страничать* и о „Современности“, какъ о спутницѣ „Страшника“—въ смыслѣ кометы *блуждающей*. Такимъ образомъ, и самое намѣреніе печатать біографическія записки о высокопр. Филаретѣ въ „Страшникѣ“ не состоялось. да и высылка прежняго бесплатнаго экземпляра прекратилась...

Въ числѣ изданій для чтенія была у преосв. Антонія и „Домашняя Бесѣда“ извѣстнаго Виктора Ипатьевича Аскоченскаго. Всего чаще можно было видѣть въ рукахъ преосв. Антонія эту „Бесѣду“ во время вечерняго чая. Достоинство этого періодическаго изданія, вошедшаго, какъ извѣстно, у многихъ журнально-газетныхъ изданій, *въ притчу* самую пролическую вмѣстѣ съ самымъ именемъ Аскоченскаго, преосв. Антоній, съ своей стороны, могъ опредѣлять, само собою, вѣрнѣе, чѣмъ кто-нибудь..., зная Виктора Ипатьевича еще съ академической товарищеской скамьи... „Экая, подумаешь, тишичность не изгладимая и не сокрушимая ни годами, ни обстоятельствами жизни... Скорѣе *рысь*, по слову Пророка, *измѣнитъ свои пестроты*, а Аскоченскій, оказывается, нѣтъ и нѣтъ... да и не думаетъ обдуматься, въ чемъ бы слѣдовало. Я пробовалъ какъ-то писать къ нему по содержанію, издаваемой имъ, этой „Бесѣды“..., но онъ только-что не отбранилъ меня... вмѣсто добраго отвѣта въ согласность съ моими, потребными для него и для пользы изданія, указаніями. По этому предмету я помню особенно одно письмо, гдѣ онъ излилъ, всевозможныя для него, остроты, начиная съ филологическихъ и оканчивая герменевтическими“. — „*Златицу цензорства* Вашего В—ства я, съ подобающею ей честію принялъ и *вложилъ въ корванну* моихъ соображеній..., но какъ слово *цензорство* происходитъ отъ слова *цензъ*, а *цензъ* — Латинское *census* отъ Греческаго — перешедшаго безпереводно и въ нашъ Славянскій языкъ — слова *κῆρυξον* — *кни сонъ*, то сей-то послѣдній для вложенія *въ мою корванну* потребень, само собою, гораздо существеннѣе по значе-

нію его матеріальныхъ *златицъ*, чѣмъ оная первая... Вамъ-де извѣстно, что я тутъ ни причемъ, если „Домашняя Бесѣда“ не находитъ въ вашей Казани подписчиковъ нѣ нее, хотя по моимъ соображеніямъ слѣдовало бы имѣть ихъ не менѣе, по крайней мѣрѣ, десятка, не считая моего дароваго экземпляра, посылаемаго для Вашего В—ства... Кстати сообщаю, что въ моей *домашней... не бесѣдѣ, а въ семьѣ*, совершилось приращеніе... Благословите съ мыслію: *яко человекъ родися въ мѣрѣ...* Но вѣдь онъ *нагъ изыде*, по реченному св. Іовомъ, *изъ чрева матере... и нагъ, положимъ, изыдетъ* въ свое время *изъ міра*,—а пока живъ есть и будетъ, то нужно прикровеніе для наготы его, начиная отъ *ризокъ* перстальныхъ, да и кормленіе не *отъ сосцевъ* только *матернихъ*, но и отъ грошей отцовскихъ,—ихъ же и не ма, а дуже треба... *Что ся убо Вамъ мнитъ?.. Достоин ли есть Вамъ дати здѣсь кинсонъ Вашъ, или ни?!* Но вѣдь речено ясно: *воздадите убо... Кесарева Кесареви*—человѣку живому на житейскія потребности... Съ своей же стороны я имѣю честь быть съ глубочайшею, напередъ приносимою Вашему В—ству, благодарностію... за ожидаемый къ полученію *кинсонъ*,—въ чемъ и примите неложнѣйшее увѣреніе“...

„И такъ, во сколько же,—былъ поставленъ мною вопросъ,—обходится Вамъ эта *кинсонная* ежегодная подать Викт. Ипатьевичу?“—Владыка улыбнулся и сказалъ: „да, кажется, въ общей-то сложности за время изданія имъ сначала „Народной Бесѣды“, а потомъ „Домашней“, я не менѣе переслалъ ему денегъ, чѣмъ покойный Митр. Григорій отвалилъ, съ большаго-то ума, Аскоченскому при самомъ первомъ начинаніи имъ своего авторскаго редакторско-издательскаго служенія... Это именно было въ ту пору, когда самъ Митроп. Григорій печаталъ въ „Духовной Бесѣдѣ“ рядъ своихъ статей, подъ названіемъ: „*Свѣчка во тьму*“... Аскоченскій тутъ-то къ нему и подкочилъ въ благопріятный часъ... и росписалъ всю свою программу „Домашней Бесѣды“, по которой выходило, что это будетъ *не свѣчка только*, а именно *свѣтозарность* во тьмѣ—въ духѣ писанія и на-

правления подобно митрополитскимъ статьямъ... И при этомъ смиреннѣйше просилъ онъ у Митрополита высокоаго его покровительства и содѣйствія будущему изданію, на начало которому тутъ же и вытормошилъ у него полторы тысячи... съ обѣщаніемъ, конечно, возвращенія при несомнѣнномъ успѣхѣ изданія... Когда же Митрополитъ напомнилъ ему, въ послѣдствіи, о возвращеніи, онъ ему отвѣчалъ: *Туне пріяте, тунѣ дадите...* Митрополитъ Григорій замѣтилъ: „кто же тебѣ сказалъ, что я туне пріялъ?.. У меня нѣтъ какихъ-либо золотыхъ пріисковъ...“ Аскоченскій и тутъ не постѣснился сказать: „Вѣрьте, Ваше В—ство, что я отъ всей души пріялъ Ваше одолженіе туне, какъ и всякое даяніе благо на благое дѣло.., на которое и пошли, дѣйствительно, Ваши деньги. Если угодно, я съ готовностію пропечатаю въ „Домашней Бесѣдѣ“, что это изданіе началоположеніемъ своимъ обязано великой благотворной жертвѣ Вашего Высокопреосвященства. Къ тому же я, предъ кѣмъ слѣдовало, не скрывалъ уже и доселѣ со всеподобающимъ чувствомъ искренности и благодаренія заявлять о Вашей этой жертвѣ, достойнѣйшей Вашего первосвятительскаго имени и званія...“ (1)

„Да кстати вспомнить, — продолжалъ преосв. Антоній — сколько Аскоченскій и въ Кіевѣ у Владыки нашего пользовался, въ силу такихъ же *всеподобающихъ* чувствъ.., пособіями. И однажды чуть было не посадилъ его въ просакъ, да и меня тутъ же по части своей авторской публицистики; по крайней мѣрѣ, бывшаго тогда Викарія, преосв. Аполинарія онъ положительно втянулъ было въ весьма непріятную серьезную исто-

(1) Высокопр. Митрон. Московск. Филаретъ, наоборотъ, совершенно обѣкъ всѣ надежды Аскоченскаго слѣдующею резолюціею, данною на письменномъ обращеніи Аскоченскаго: «Повѣстить это изданію по епархія значило бы рекомендовать самое изданіе. Но сдѣлать не удобно: потому что по программѣ нельзя съ точностію опредѣлить религиозное и нравственное направленіе будущаго изданія. 1861 г. Января 9-го дня». (Смолтр. въ Душенпол. Чтенія извлеченіе резолюцій Архимандритомъ Григоріемъ.

рію... Благо, что тогда былъ Генераль-Губернаторъ такой (Князь Илар. Илар. Васильчиковъ), предъ которымъ достаточно было одного слова Владыки Филарета, чтобы не давать формальнаго значенія этому факту; хотя и тогда, въ тоже время, охотно согласился съ Княземъ, что нужно-де все-таки проучить борзонища... посадить его подъ арестъ въ крѣпость..., куда, впрочемъ, Владыка приказалъ посылать ему отъ себя столь обѣдненный“ (1).

„На эту исторію, — сказалъ я съ своей стороны, — Аскоченскій дѣлалъ указаніе и въ своей „Домашней Бесѣдѣ“, когда въ своемъ отдѣлѣ „Изгарь“ онъ трактовалъ о состоянціи нынѣшнихъ университетовъ, т. е., на прежнюю его тему и въ томъ же духѣ..., при чемъ представлялъ себя чуть не „страстотерпцемъ“ за правду“. — „Ну что касается нынѣшняго-то status quo университе-

(1) Указываемая здѣсь, исторія относится къ 1856—57 г.г. Вкраткѣ сказать, она состояла въ слѣдующемъ: Аскоченскій составилъ огромную статью съ описаніемъ въ ней status quo Клевскаго Университета съ очень неодобрительной стороны на основаніи бывшихъ, доступныхъ его вѣдѣнію, подлинныхъ фактовъ... Рукопись его пошла по рукамъ разнымъ, — попала и въ Академію, и къ студентамъ, гдѣ, по его же желанію секретному, она была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ... Подлинную же рукопись давалъ онъ читать и Владыкѣ Филарету и преемъ. Антонію; тотъ и другой находили ее, въ извѣстной степени, имѣющею значеніе правды. Преемъ. же Викарій Аполлипарій до того увлекся содержаніемъ этой (подлинной) рукописи, что на ней же самой написалъ свой, хотя и краткій, отзывъ въ похвалу автору... Этотъ отзывъ тоже пошелъ по рукамъ, и вотъ, наконецъ, мѣстное начальство накрыло эту исторію..., какъ говорится, съ позичнымъ... и тогда-то Аскоченскаго притянули куда слѣдовало... и въ заключеніе всего посадили на гауптвахту въ крѣпость... Что же касалось до доставляемаго обѣда Викт. Ипатьевичу во время его заключенія, то противъ этого выразилъ-было свою претензію комендантъ крѣпости. Владыка Филаретъ, услышавши подобныя слова отъ претендовавшаго, сказалъ ему въ отвѣтъ: *«Въ темницѣ бнхъ и постытисе... такъ рекъ Господь. Если бы и ваше высокородіе попали въ заключеніе..., — будущее одицъ Господь вѣдаеть...»* Впослѣдствіи говорили, что слово архистарца Владыки будто бы не прошло даромъ для претендовавшаго...

товъ, —сказаль преосв. Антоній—объ этомъ толковать излишне..., а тогда-то, слава Богу, было еще, по крайней мѣрѣ, не такъ, чтобы писать статьи подобно Аскоченскому...! Да и теперь что могутъ значить его вопли..., кромѣ какъ *гусей дразнить*... Къ тому же понятно, что онъ своимъ языкомъ-бритвеннымъ можетъ только приводить иныхъ къ подозрѣнью въ его личной предвзятости и раздражительности... „Лѣстницу не очищаютъ отъ сора съ нижнихъ ступеней, а сверху“... „Домашнюю Бесѣду“ можно бы, дѣйствительно, поставить на ноги добрыя-твердыя, а не на ходули, на которыхъ Аскоченскій способенъ носиться и являться, говоря его же филологическимъ складомъ, въ родѣ „*Наскоченскаго*“. Я съ удовольствіемъ теперь прочитываю въ „Бесѣдѣ“ по преимуществу только статьи преосв. Теофана, и нѣкоторыя другія подобнаго рода.

Съ своей стороны самъ преосв. Антоній участвовалъ однажды въ доставленіи матеріала для „Домашней Бесѣды“. Къ сожалѣнью, этотъ матеріаль его не вошелъ во всей полнотѣ въ печатное изданіе по причинѣ поразившей Аскоченскаго болѣзни (удара),—такъ-что окончаніе самой рукописи затерялось въ числѣ прочихъ редакціонныхъ матеріаловъ (1).

Къ слову объ участіи преосв. Антонія въ составленіи нѣкоторыми авторами своихъ посильныхъ сочиненій религіозно-духовнаго содержанія, должно указать на время Смоленскаго же служенія его. Мы разумѣемъ здѣсь

(1) Содержаніемъ указываемой рукописи, составленной, еще довольно давно, бывшимъ въ Смоленскѣ, извѣстнымъ для читателей, о. Архимандр. Алексіемъ совмѣстно съ священникомъ А. Лавровскимъ—было повѣствованіе, весьма назидательное и поразительное по чудодѣйственности, о явленныхъ надъ однимъ лицомъ знаменійхъ—Святителемъ и Чудотворцемъ Митрофѣемъ Воронежскимъ. Самое же лицо преосв. Антоній отлично хорошо зналъ еще въ Смоленскѣ и слышалъ разсказъ—какъ исповѣдь. изъ устъ этого лица. Это была помѣщица Смоленской губерніи—*Ольга Васильевна Азанчевская*, которая, впоследствии, жила постоянно въ Москвѣ въ одномъ изъ монастырей и пользовалась благовниманіемъ самого высокопреосв. Филарета. Преосв. Антоній съ г. Азанчевскою (жива ли она, или уже скончалась, намъ не извѣстно) вель изрѣдка переписку.

двухъ лицъ, изъ коихъ одно составило два сочиненія, именно—въ бытность преосв. Антонія еще въ Смоленскѣ и при его непосредственномъ участіи въ дѣлѣ выправкѣ самыхъ авторскихъ рукописей. Эти сочиненія значатся въ изданіяхъ подъ заглавіями: одно—„*Отвѣты на возраженія противъ Вѣры истинной*“ (отпечатанное послѣднимъ (третьимъ) изданіемъ въ Петербургѣ въ 1867 г.); второе: „*Вѣра и Наука*“ или „Согласіе христіанскихъ истинъ съ позднѣйшими открытіями науки“ (изданное въ первый разъ одновременно съ третьимъ изданіемъ перваго—въ Петербургѣ же 1867 г.). Въ самомъ предисловіи къ изданію этого втораго сочиненія „Вѣра и Наука“ сказано именно такъ: „Мы составили постоянныя бесѣды для одного друга, которому неудовлетворительными показались нами прежде изданные: „Отвѣты на возраженія противъ Вѣры истинной“. Олѣ желалъ доказательствъ болѣе научныхъ, философскихъ и проч. Въ глубокомъ убѣжденіи (сказано въ самыхъ послѣднихъ строкахъ предисловія), что Вѣра есть жизненный вопросъ для человѣчества, и сознавая вполне, сколь немощны мы, чтобы говорить о столь высокомъ предметѣ, мы призываемъ на слабое слово наше всепильную помощь Духа истины и благословеніе досточтимѣйшаго *Архипастыря* нашего *Антонія*... А... К... (Смоленскъ. 1866 г.)“.

Чтобы открыть предъ читающими подлинное имя и званіе лица—автора, подписавшагося вышеписанными двумя начальными буквами: А... К... я признаю не неумѣстнымъ и даже, въ своемъ родѣ, интереснымъ сообщить фактъ, заключающій въ себѣ именно разрѣшеніе этого вопроса: кто такой былъ авторъ? Въ бытность мою въ Кіевѣ въ Іюль и Августѣ 1867 г. (о чемъ было говорено уже прежде), высокопр. Митроп. Арсеній и Андрей Николаевичъ Муравьевъ, не за долго получившіе предъ тѣмъ экземпляры этой книги „Вѣра и Наука“,—обращались ко мнѣ, порознь и тотъ и другой,—съ вопросомъ: кто это такой у васъ въ Смоленскѣ авторъ А. К... и, прежде моего прямого отвѣта, съ полуувѣренностію высказывали, что это Архимандритъ или Кириллъ или

Корнилій, зная въ дѣйствительности, что Архим. Кирилль былъ въ эту пору Инспекторомъ въ Смоленской Семинаріи, а Архимандр. Корнилій—Инспекторомъ въ Петербургской Семинаріи...—Высокопр. Арсенію я отвѣтилъ на вопросъ прямымъ наименованіемъ личности автора, а Андрея Николаевича нѣсколько помучилъ замаскированіемъ... Я сначала въ полунутку говорилъ ему между прочимъ: „почему Вы думаете, что подъ литерою А. разумѣется непременно Архимандритъ,—а можетъ статья—Архіепископъ?!.. или даже по просту *архимандрисса*... наприм. Корнилія?!. Опъ съ улыбкою сказалъ: „это что такое... ужъ не значить ли, что при нынѣшнихъ толкахъ о томъ, что Епископы могутъ быть изъ женатыхъ при жизни самыхъ женъ ихъ,—являются въ вашихъ Смоленскихъ предѣлахъ такіе архимандриты.., женатые же.., или не произведена ли какая игуменія въ высшее званіе „архимандриссы!..“ вѣдь кресты-то давнымъ давно начали давать игуменіямъ и протоіерейскіе наперсныя (съ неизмѣнною даже подписью на этихъ крестахъ) и украшенные камнями въ родѣ архимандричьихъ... остается только дожидаться, что будутъ давать что-либо въ родѣ митръ, по подобію древнихъ, напр.. парчевыхъ съ шитьемъ кокошниковъ...“ „Вы нѣкоторымъ образомъ угадали, отвѣчалъ я, именно въ самомъ первомъ предположеніи вашемъ о женатости епископовъ... я доскажу Вамъ въ чемъ дѣло: когда только вышло извѣстное сочиненіе преосв. Іоанна (нынѣшняго нашего Епископа Смоленскаго) „о монашествѣ епископовъ“ въ опроверженіе указанныхъ вами толковъ, выходившихъ и въ печати,—тогда этотъ-то самый авторъ А. К. возревновалъ всею силою обличенія противъ проводниковъ этихъ послѣднихъ сентенцій и толкованій. Рукопись этого автора была тоже на разсмотрѣніи у преосв. Антонія; но онъ нашель невозможнымъ дозволить автору выступить съ такимъ своимъ произведеніемъ... гдѣ было очень довольно рѣзкостей и своего рода карикатуръ—хотя и благороднаго свойства, противъ проектируемаго быта семейныхъ епископовъ... Тамъ были поставлены напр. такіе вопросы: „какъ-де приказали бы величать, по титулу му-

жа епископа, самую жену его?!. Очевидно-де *Епископесса*... а при личном обращеніи къ ней уже и не знай, какъ приводилось бы титуловать ее... развѣ соотвѣтственно слову „*Владыка*“—„*Владычицей*“. И еще: могла ли бы эта госпожа „владычица-епископесса“ ѣздить въ каретѣ мужа на четвернѣ напр. въ Соборъ, и не нужно ли было бы ей звонить хотя въ малый звонъ—въ полуполіелейный колоколь..,—и что было бы, если бы она вздумала иногда ѣхать вмѣстѣ съ мужемъ-архіереемъ къ Богослуженію... Не нужно ли бы для этого быть особымъ при встрѣчѣ ея *иподіакониссамъ*... А, наконецъ, могла ли бы она ѣздить въ каретѣ на четвернѣ съ визитами, забравши иногда съ собою одну или двухъ взрослых дочекъ... или когда заблагоразсудила бы, какъ владычица, отправиться въ театръ съ своими же дѣтками?!. На послѣдокъ всего, какъ давались бы напр. если не балы, то танцевальныя вечера въ архіерейскомъ домѣ?!. А что было бы, если бы мужъ-архіерей былъ возведенъ въ санъ даже Митрополита?!..“

Андрей Николаевичъ, при всей его извѣстной неизмѣнной угрюмости, не вытерпѣлъ, чтобы не улыбаться при моей рѣчи... „Ну-съ будетъ же... довольно этой грустно забавной тирады остающагося все-таки для меня загадочнымъ лица—автора А. К...“ Я, наконецъ, отвѣтилъ: „это не иной кто, какъ *Анастасія* (Ивановна) *Калечицкая*, почтеннѣйшая, въ полномъ смыслѣ, госпожа, помѣщица Тверской и Смоленской губерній, проживающая постоянно въ Смоленскѣ, гдѣ сынъ ея Правителемъ Канцеляріи Губернатора. Вотъ вамъ вся не долга...“

„Спасибо вамъ, заговорилъ Андрей Николаевичъ, за искренность вашу, но не спасибо вашему преосв. Владыкѣ Антонію... Онъ, по моему, напрасно поскромничать, что не пропустилъ послѣдней рукописи доброй разумной госпожи Анастасіи Ивановны относительно *епископессъ*... Такой прямой правдивый практическій судъ женщины весьма бы кстати былъ для любящихъ читать подобныя бредни, каковы толки о возможности епископамъ быть въ своемъ званіи съ женами и семействами. Какъ видно по перу и всеѣмъ взглядамъ и убѣжденіямъ

г. Калечицкой, она бы съумѣла мастерски поставить дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ;—преосв. Антонію же оставалось бы только поправить, можетъ быть, что либо... Напечатать эту статью можно было бы не только въ Домашней Бесѣдѣ, но и въ Духовной Бесѣдѣ... Передайте отъ меня это преосв. Антонію; время еще не ушло... Кстати: мы съ нашимъ Владыкою Митроп. Арсеніемъ были доселѣ одинаково увѣрены, что авторъ А. К. есть какой либо Архимандритъ. „Да, говорилъ я, Его Высокопреосвященство изволилъ спрашивать меня и вмѣстѣ высказать тоже, что и Вы... но я ему отвѣчалъ прямо объ Анастасіи Ив. Калечицкой и только.—„Нѣтъ, напрасно поскромничали и Вы... нужно бы такъ же передать ему все, какъ теперь мнѣ... Впрочемъ, я не оцущу случая къ передачѣ всего, сказаннаго Вами, Митрополиту, при личномъ свиданіи съ нимъ“.

Было еще одно лицо въ Смоленскѣ же—любительница собирать свѣдѣнія о лицахъ, дѣлавшихся извѣстными по добродѣтельной жизни, и о предметахъ и дѣйствіяхъ, носящихъ явный характеръ священной знаменательности и назидательности. Съ такими своими матеріалами, и устно и письменно, обращалась она тоже къ преосв. Антонію для провѣрки и самыхъ данныхъ, и личныхъ убѣжденій. Это была такая же госпожа, какъ и Анаст. Иван.,—Смоленская помѣщица, глубокая старлица, проживавшая при своей дочери родной—монахинѣ Варварѣ, въ Смоленскомъ женскомъ монастырѣ,—*Екатерина Григорьевна Палицына*, праправнучка, по мужней родовой линіи, извѣстнаго въ исторіи героя-защитника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, *Авраамія Палицына*. Изъ ея авторскихъ трудовъ извѣстенъ былъ при мнѣ и читалъ мною лично, составленный ею небольшою очеркъ жизни одного Смоленскаго уроженца, извѣстнаго своимъ юродствомъ, называвшагося „Мишенькою“ (Михаилъ Ив. С...ковъ). Этотъ очеркъ Екатер. Григор. желала непременно помѣстить въ епарх. Смоленскихъ Вѣдомостяхъ; но Редакторъ Вѣдомостей, бывший о. Ректоръ Семинаріи, Архимандр. Павелъ (нынѣшній высокопреосв. Екзархъ Грузіи), не согласился печатать, находя въ по-

вѣствованіи нѣкоторыя, не выдерживающія критики, данныя... „Батюшки—свѣты!.. начала вопіять предъ всѣми па о. Ректора старица Палицына... до чего мы доживаемъ, что и святой правдѣ вѣры не даютъ... и т. п.“ Тогда же обратилась она къ преосв. Антонію съ тѣми же воплями... просила и молила его всячески, чтобы благословилъ напечатать... Иначе грозила написать и пожаловаться преосв. Филарету Московскому, которому она была лично извѣстна, какъ бывшая помѣщица и Московской губерніи. Преосв. Антоній, нечего дѣлать, принялъ личное участіе въ исправленіи рукописи по совѣщанію съ о. Ректоромъ,—и рукопись была, наконецъ, напечатана.

Не касаясь нѣкоторыхъ еще подобныхъ же, намъ извѣстныхъ, данныхъ, изъ коихъ инья отчасти были упомянуты и прежде (напр. въ Казани по части трудовъ автора: „О седминахъ Даніиловыхъ“ и автора: „О лицахъ Пресвятыя Троицы“, и: „Объ образѣ и подобіи Божіихъ въ человѣкѣ“), мы закончимъ настоящее изложеніе прежде приведенными словами воспоминателя, бывшего въ перепискѣ съ преосв. Антоніемъ по предметамъ своего авторства: „Видавшись съ теченіемъ времени лично съ приспомятымъ святителемъ Каз. Антоніемъ и судя по его письмамъ, я долженъ сказать отъ всей души: какъ онъ сочувственно относился ко всякому доброму предпріятію и разсужденію другихъ... Какъ радовался объ истинѣ и разумной благой дѣятельности всякаго!.. Насколько онъ былъ чуждъ всякой зависти, когда видѣлъ таланты другихъ и успѣхи, кого-бы-то ни было, во всѣхъ положительныхъ отношеніяхъ... И потому много, много есть,—какъ я знаю самъ,—знавшихъ и почитавшихъ преосв. Антонія и въ столицахъ и по всей почти Россіи“ (1).

Но къ указанной сей часъ извѣстности имени преосвящ. Антонія, „и въ столицахъ, и по всей почти Россіи“, должно присовокупить еще о подобной же извѣст-

(1) Смотр. выше, «Душеполезное Чтеніе». Воспоминанія Протоіер. Е. А. Попова.

ности и за предѣлами Россіи, какъ то: въ Славянскихъ земляхъ—Болгаріи, Сербіи, въ Греціи и въ другихъ мѣстахъ св. Востока, именно: на Аѳонѣ и въ св. градѣ Іерусалимѣ. и что, вслѣдствіе этого, преосв. Антоній имѣлъ тоже переписку съ подлежащими лицами.—Начало этихъ отношеній было еще съ-издавна, съ Кіева, и образовались онѣ, прежде всего, при посредствѣ высокопреосв. Филарета. У преосв. Антонія хранилась очень значительная коллекція подлинныхъ посланій и писемъ на Греческомъ языкѣ ⁽¹⁾, получавшихся, въ свое время, высокопр. Филаретомъ. „Владыка Филаретъ, говорилъ преосв. Антоній, хотя очень хорошо зналъ самъ по-Гречески, но не могъ, и по слабости зрѣнія, и по самому кочерку подлинниковъ, въ большинствѣ очень вычурному, прочитывать ихъ, и потому тогда же поручалъ мнѣ не только переводить, хотя и недословно, но иногда и отвѣчать за него отъ лица его за собственнымъ моимъ подписомъ. Нѣкоторые лица, пріѣзжавшія изъ св. мѣсть Востока и бывавшія въ Кіевѣ у Владыки, тоже знали лично и меня, и, затѣмъ, писали иногда прямо на мое имя, если что нужно было сообщить Владыкѣ. Равно и наши кіево-печерскіе старцы, когда отправлялись, по временамъ, и на Аѳонъ и въ Іерусалимъ, то чрезъ нихъ я тоже входилъ въ нѣкоторыя сношенія и дѣлалъ посылки туда и отъ Владыки, и отъ своего лица. Такимъ-то путемъ и образовались мои сношенія и переписка съ нѣкоторыми старцами на Аѳонѣ и лицами святительскими на Востокѣ“. Со старцами на Аѳонѣ, а во главѣ ихъ съ о. Настоятелемъ Русика-Пантелеимонова монастыря, преосв. Антоній имѣлъ сношенія до послѣднихъ поръ и, по преимуществу, по предметамъ получаемыхъ имъ оттуда частицъ св. мощей и св. иконъ.—Авторъ краткихъ замѣтокъ ⁽²⁾ о посѣщеніи имъ Черемисскаго монастыря въ Козмодемьян-

(1) Эти подлинники и переводы ихъ имѣются у пишущаго въ материалахъ для биографіи высокопр. Филарета.

(2) Авторъ—г. А. Грековъ. Смотр. «Церков. Вѣст.» 1880 г., № 46, стр. 4.

скомъ уѣздѣ, устроеннаго преосв. Антоніемъ, говорить, напр., слѣдующее: „Главнымъ украшеніемъ обители служатъ иконы: св. Великомученика и цѣлителя Пантелеимона съ частицею его св. мощей, присланная, по ходатайству преосв. Архіеп. Казанскаго Антонія, въ благословеніе юной обители съ Аѳона изъ Русскаго Пантелеимонова монастыря.—Божіей Матери-Скоропослушницы,—святит. Николая съ частицею мощей и икона св. Архистратига Михаила,—полученныя тоже съ Аѳона Владыкой же Антоніемъ, и данныя имъ въ благословеніе обители Черемисской при самомъ ея открытіи“.

Что же касается до подобныхъ же отношеній и переписки съ лицами въ Болгаріи, Сербіи и въ Аѳинахъ, то объ этомъ, какъ припомнятъ читатели, были уже отчасти изложены свѣдѣнія въ своемъ мѣстѣ. Въ числѣ главныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи было во I-хъ, то, что въ ректорство преосв. Антонія въ Кіевской Академіи особенно много обучалось Сербовъ и Болгаръ, которые, по окончаніи курса, возвращались на свою родину и оттуда-то начинали вести переписку съ нимъ, особливо тѣ изъ нихъ, кои скоро заняли весьма высокіе посты служебные, въ родѣ нашихъ, напр., министерскихъ, иные же вскорѣ были Архіереями, а Михайлъ (Іоанновичъ), наприм., даже Митрополитомъ. Предметы переписки были, по временамъ, самыя серьезныя. „Взоръ преосв. Антонія, справедливо указалъ извѣстный уже читателю авторъ, простирался далеко;—онъ слѣдилъ за судьбою Православной Церкви и за предѣлами Россіи. Въ Константинопольской Церкви былъ тогда въ самомъ разгарѣ, такъ называемый, Греко-Болгарскій церковный вопросъ, и теперь еще, къ сожалѣнію, не пришедшій къ благополучному концу. „Не опаснѣ ли для насъ“, такъ разсуждалъ въ одномъ своемъ письмѣ преосв. Антоній по поводу Греко-Болгарской распри,—вражда, возбуждаемая нами самими въ іерархіи Церкви Греческой противъ насъ? Пишутъ, что за вмѣшательство въ судьбу Болгаръ Восточная Церковь просто угрожаетъ намъ разрывомъ и отлученіемъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ едва ли хорошо, что вмѣшиваемся безъ всякаго предварительна-

го объясненія чрезъ посланіе ли, или чрезъ лицо довѣренное“ (1).

Въ частности, въ Аѳинахъ имя преосв. Антонія, само собою, сдѣлалось общеизвѣстнымъ съ той самой поры, какъ издано было имъ на свой счетъ для тамошнихъ учебныхъ заведеній Догматическое Богословіе, переведенное въ Аѳинахъ, при посредствѣ находившагося тамъ Настоятелемъ посольской церкви, о. Архимандрита Антонина. Съ о. Архимандритомъ Антониномъ преосв. Антоній былъ близко и искренне знакомъ еще въ Кіевѣ, гдѣ о. Антонинъ тоже былъ, по окончаніи курса. Баккалавромъ въ Кіев. Академіи. Заведенная ими въ началѣ, взаимная переписка продолжалась также и въ послѣдствіи, когда о. Архим. Антонинъ былъ назначенъ изъ Аѳинъ въ Константинополь и, наконецъ, въ Іерусалимъ, гдѣ онъ и до днесь жительствуетъ въ званіи же Настоятеля. Здѣсь-то и чрезъ него преосв. Антоній, между прочимъ, и сталъ извѣстенъ Патріархіи Іерусалимской и, при томъ, такъ былъ уважаемъ и чествуемъ за его святительскія достоинства, что память объ немъ почтена была—можно сказать—безпримѣрно,—при первомъ лишь извѣщеніи о его кончинѣ.—Выписываемъ здѣсь подлинное сообщеніе объ этомъ, тогда же напечатанное (2). „Вечеромъ 11-го Ноября (слѣд. на четвертый день по кончинѣ преосв. Антонія, когда онъ не былъ еще погребенъ) Іерусалимскою Патріархіею получена была изъ Константинополя, отъ блаженнѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго Героея, печальная телеграмма, извѣщавшая Іерусалимскій священнѣйшій Синодъ о кончинѣ Преосвященнѣйшаго Архіепископа Казанскаго Антонія. Вслѣдствіе этого, на другой же день (слѣд. въ самый день погребенія), на самой *св. Голгоѣ* была совершена архіерейскимъ служеніемъ заупокойная Литургія, по окончаніи которой Преосвященнымъ Севастійскимъ, Мит-

(1) Статья: «къ биографіи Антонія Архiep. Каз.» Церк. Вѣстн. 1883 г. № 48, стр. 3.

(2) Смотри. Газету «Востокъ» № 23, отъ 29-го Ноябр. 1879 г., стран. 352.

рополитомъ Никифоромъ, со всеми, пребывающими во св. градѣ Іерусалимѣ, Архіереями и при участіи всего святоградскаго духовенства, отправлена была торжественная панихида. Въмѣстѣ съ тѣмъ, блаженнѣйшій Патріархъ Іерофей, цѣня *многообразныя и многоплодныя труды почившаго, подъятыя имъ на пользу православія*, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы имя новопреставленнаго *Архіеп. Казанскаго Антонія* было внесено въ св. диптихи для вѣчнаго поминовенія и на св. *Голгоѣ и въ прочихъ св. мѣстахъ Палестины*“.

И такъ, если присоединить сюда и то, самое первое, извѣщеніе въ „Церковн. Вѣстникѣ“, какъ органѣ св. Синода, гдѣ было выражено о кончинѣ преосв. Антонія, какъ „*достойнѣйшаго Архіпаствыря Русской Церкви, святителя духа твердаго, честности неподкупной, убѣжденій непреклонныхъ, какъ правыхъ и истинныхъ*, въ силу чего паства Казанская такъ чтитъ его, что еще при жизни считала его за святаго ⁽¹⁾, и если всю извѣстность его и въ Россіи, и за предѣлами Россіи свести къ общему знаменателю, не по количеству только, а по качеству многообразныхъ и многоплодныхъ дѣйствиі его и отношеній, столь явственно выразившихся предъ всеми и во всемъ, въ чемъ и насколько онъ былъ поставленъ по своему званію и служенію и ходилъ достойно того и другаго: то остается сказать только словами одного изъ надгробныхъ словъ: „Если воспослѣдовавшее тотчасъ же по кончинѣ, такое *воздаяніе чести* имени и памяти въ Возѣ почившаго, превышало мѣру его собственнаго чувства смиренномудрїя при жизни, то оно соотвѣтствовало, достойно и праведно свидѣтельствуемымъ, чувствованїямъ всехъ вѣдавшихъ и почитавшихъ его, и паче всего, *во истинну угодно было*, по слову Премудраго, *предъ самымъ Богомъ въ день смерти его воздати по дѣламъ его и въ скончаніи жителства его явити открытіе дѣлїи его* (Сирах. XI. 26, 27),— явить не по отношенію только къ нему, а чрезъ него и для насъ— *насомыхъ Церкви Казанской*, когда теперь и самое на-

(1) «Церковн. Вѣстникъ» 1879 г., № 45-й.

именованіе послѣдней нераздѣльно съ *именемъ Антонія, Архіепископа Казанскаго*, перешло въ вѣчную извѣстность при будущемъ вѣчномъ поминовеніи его тамъ—на *св. Голгоѣ* (1).

Дальнѣйшія свѣдѣнія о послѣднемъ времени жизни преосв. Антонія войдутъ въ содержаніе слѣдующей главы.

ГЛАВА XIX.

Отношенія, какія видѣли читающіе въ перепискѣ преосв. Антонія, къ мѣстамъ и лицамъ за предѣлами Россіи и въ особенности на Востокѣ, начиная съ Аѳона, въ послѣднее время его жизни проявлялись у него очень часто въ особенныхъ его личныхъ чувствованіяхъ... Онъ, видимо, питалъ и лелѣялъ, глубоко запавшія въ душу его, желанія и надежды, чтобы сподобиться лично побывать въ святыхъ мѣстахъ Востока. Начавъ такое паломничество свое съ Русскаго Іерусалима—Кіева. Еще въ 1878 г., послѣ самыхъ первыхъ приступовъ его болѣзни, вскорѣ однако миновавшихъ, именно по принятіи имъ св. Таинства Елеосвященія, онъ начиналъ уже высказываться въ указанныхъ желаніяхъ и надеждахъ... Проживая въ загородномъ домѣ, онъ однажды, во время прогулки, остановившись противу тамошней холодной церкви, вдругъ началъ такую рѣчь: „Вѣдь, вотъ, каждое лѣто я проживалъ здѣсь, но только недавно на дняхъ я, взглянувъ на этотъ храмъ, какъ бы впервые узналъ, что онъ именуется „*Входоіерусалимскимъ*“. Тутъ же вдругъ рѣзко представилось мнѣ и самое наименованіе всего этого мѣста, т. е. что оно послало въ старину названіе, въ родѣ монастыря, и писалось такъ: „*Монастырь, именуемый новый Іерусалимъ, что на островъ Едемъ зовомомъ*. Это, дѣйствительно, встрѣчалъ я въ старинныхъ здѣшнихъ Богослужбныхъ книгахъ, на коихъ по страницамъ, въ родѣ скрѣпы, сдѣланы, въ свое еще время, надписи съ обозначеніемъ сказаннаго наименованія. И тутъ-то врѣзалась мнѣ въ душу мысль: если Господь воздвигнетъ меня отъ недуга на долгое время, хотя годочка на два-три, то

я готовъ бы теперь же изречь даже обѣтъ отправиться сначала въ Кіевъ, а оттуда простереть свое путешествіе и далѣе на Аѳонъ и во св. градъ Іерусалимъ“. — Эти мысли и желанія настолько начали было вкореняться въ душѣ преосв. Антонія, что когда онъ сталъ получать письма изъ Кіева, о пріѣздѣ въ который онъ самъ еще заранѣе предувѣдомлялъ, то говорилъ мнѣ однажды: „вотъ прочитай, что пишутъ... ждуть не дождутся моего пріѣзда въ Кіевъ... Отвѣть-ка ты пока за меня и отъ меня, что если не попаду я въ Кіевъ пышѣ, то все-таки уповаю быть, но только не больнымъ, чтобы не быть тамъ никому въ отягощеніе, и что оттуда надѣюсь простереться и далѣе, если Господу угодно утвердить меня въ добромъ здоровьѣ... а именно, по крайней мѣрѣ, на Аѳонъ... Наконецъ, когда прежняя болѣзнь, по его выраженію, *отдохнувши*, принялась за него, видимо, крѣпко, доколѣ не довела его до кончины, — то и тутъ, по временамъ, просверкивали, какъ близкія къ потуханію искры, отражавшіяся въ душѣ его прежнія чувствованія по отношенію къ св. мѣстамъ. Такъ, между прочимъ, видя, полагавшіяся по заведенному порядку на его столѣ на виду, новополучаемыя газеты, онъ вдругъ однажды швырнулъ ихъ со стола, сказавъ: „не нужно болѣе мнѣ этой дребедени, и чтобы газетъ не было отселѣ у меня и на глазахъ... Я теперь началъ и хочу читать одинъ только Патерикъ Аѳонскій... Да отыскать мнѣ еще описаніе путешествій по св. мѣстамъ, — чтобы все это было на виду подъ руками“.

Съ другой стороны, были у преосв. Антонія и другія предположенія, которыя, дѣйствительно, представлялись болѣе близкими и удобными къ осуществленію. Мы воспользуемся здѣсь словами прежде упомянутаго воспоминателя о разговорѣ преосв. Антонія съ нимъ, при бытности тутъ же и моей, — хотя содержаніе этого разговора было извѣстно мнѣ уже и прежде. — „Преосв. Антоній полулежалъ на диванѣ, постоянно перемѣняя свое положеніе, чтобы ему было поспокойнѣе. Между прочимъ, онъ заговаривалъ: „ахъ, какъ бы я желалъ уволиться на покой и поселиться въ Кіево-Печерской Лав-

рѣ!! Тамъ произнесъ я свои обѣты иноческіе и полагаю было въ намѣреніи вести жизнь иноческую-аскетическую. Но, къ сожалѣнію, учебная служба при Семинаріи и Академіи отняли у меня это намѣреніе.— „Что же?—быль ему вопросъ,—Вы можете и теперь еще возвратиться къ возможнымъ въ вашемъ положеніи аскетическимъ подвигамъ, уволившись на покой въ Кіевъ?!“— „Охъ! нѣтъ, болѣзнь моя уже убила во мнѣ силы. что-бы вступать теперь въ подвиги... Я вижу и чувствую, что могу беспокоить даже другихъ, окружающихъ меня, своею недужностію и болѣзненною раздражительностію“...—Такимъ образомъ. намѣреніе свое переселиться въ Кіевъ преосв. Антоній не называлъ еще тогда рѣшительнымъ... и, тѣмъ болѣе, въ виду затрудненія ѣхать туда зимою, хотя сильно опасался въ Казани наступившей уже осени, особенно при ненастной погодѣ“ (1).

Наконецъ, вотъ у насъ теперь же въ рукахъ подлинное, собственноручно, полулежа на постелѣ, писанное, письмо преосв. Антонія (отъ 10 Марта 1879 г., слѣд. за семь мѣсяцевъ до кончины), посланное тогда въ Калугу на имя ближайшей любимой родственницы—племянницы его—протоіерейши Надежды Петр. Ростиславовой. Изъ содержанія этого письма, приводимаго нами во всей полнотѣ до іоты, всякій и безъ комментарія увидитъ и опредѣлитъ, и, несомнѣнно, съ самымъ живымъ сочувствіемъ, все состояніе и душевное и тѣлесное и внѣшнее положеніе писавшаго.

„Благодарю отъ души, Надежда Петровна, за письмо твое отъ 23 Февраля и за теплыя родственныя чувства и соболѣзнованіе мнѣ въ моей болѣзни. Что дѣлать! Вижу надъ собою руку Божию, и наказующую и милующую меня. Болѣзнь моя, или лучше нѣсколько разныхъ недуговъ все продолжаютъ очищать и духовный и тѣлесный организмъ мой и претворяютъ тотъ и другой къ лучшему, какъ уповаю я на Господа, пославшаго мнѣ недуги сіи въ пачалѣ старческаго уже моего возраста. „Обаче Богови да повинется душа моя, отъ

(1) Сморг. Душеполезное Члене 1880 г., Апр., стр. 286.

Того бо и терпѣніе мое. Ибо Той Богъ мой и Спасъ мой и Заступникъ мой“.—повторяю я непрестанно слова сіи Богодухновеннаго Псалмопѣвца, а равно и другія отрадныя изреченія Псаломскія. и тщуся не изнемогать подѣ тяжестію креста моего, который взялъ, и носить его на себѣ я далѣ обѣтъ не только въ св. Крещеніи, но и въ монашествѣ. Прихожу иногда къ мысли, что, быть можетъ, и зоветъ меня Господь, чрезъ болѣзнь мою и къ послѣдному исходному кризису; но уповаю на милость Его, что и еще дастъ Онъ мнѣ время для большаго преуспѣянія, или для покоя гдѣ либо на нѣсколько лѣтъ съ увольненіемъ отъ службы. Впрочемъ, врачи мои согласны увѣряють, что ничего опаснаго для жизни моей во всѣхъ моихъ болѣзняхъ нѣтъ; и съ открытіемъ полной весны я оправлюсь совершенно, только бы пожить мнѣ на свободѣ и чистомъ воздухѣ хотя съ мѣсяць. Я такъ и рѣшаюсь сдѣлать. Думалъ было просить себѣ увольненія мѣсяца на два для путешествія въ Кіевъ, — но пашель, что это скорѣе утомитъ меня, чѣмъ успокоитъ. Лучше удалюсь въ Райскую Пустынь. А дѣла епархіальныя я ужъ почти всѣ передалъ преосв. Викарію. Всего прискорбнѣе мнѣ, что я съ Среды первой недѣли почти не имѣлъ возможности служить и вижу въ этомъ на себѣ тяжкую *епитимію*. Дѣло въ томъ, что у меня сильнѣйшій ревматизмъ и расслабленіе въ ногахъ; явно, что я глубоко и насквозь простужень, кромѣ катарра желудка и геморроя. Къ горю моему, домовая церковь моя, хотя и хороша, по видимому, но такъ устроена, что именно для главнаго своего хозяина и не приспособлена нисколько. Теперь мнѣ величайшій трудъ ходить въ эту церковь для причащенія св. Таинъ,—чрезъ лѣстницу, чрезъ сѣни, чрезъ всю церковь,—въ алтарь. По сему у меня уже составленъ планъ перенести ее лѣтомъ на верхъ и все въ домѣ иначе устроить. Видишь—я сколько написалъ къ тебѣ, чтобы успокоить васъ всѣхъ относительно моей болѣзни, *хотя и пишу я это на постели*. Въмѣсто безпокойствъ прошу молитвъ. Хорошо, что Татьяна К. возвратилась съ Сергіемъ. Всей твоей, любезной мнѣ, семьѣ цѣлованіе мое и Бо-

жіе благословеніе, и прочимъ роднымъ привѣтъ и благословеніе. Отъ души желаю кончить св. постъ благополучно и войти въ радость воскресшаго Господа. 10 Марта 1879 г. Преданный вамъ Антоній А. К.“.

По содержанію этого письма мы считаемъ нужнымъ и умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе и для уясненія того, что выражено въ немъ относительно Рацѣской Пустыни,—именно о желаніи преосв. Антонія удалиться въ эту Пустынь. Желаніе это не сбылось по той причинѣ, что ходъ болѣзни, хотя на значительное время оставившій больнаго, требовалъ постояннаго наблюденія и совѣтовъ докторовъ. При этомъ нужно знать, что подъ удаленіемъ разумѣлся здѣсь и не временный только переѣздъ туда на лѣтнюю пору, а съ предположеніемъ объ увольненіи вовсе на покой. Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи преосв. Антоній въ описываемую пору особенно живо и глубоко воспроизводилъ для себя въ воспоминаніяхъ и прилагалъ къ своему состоянію то, что извѣстно было не только ему, но и многимъ изъ здѣшнихъ старожиловъ касательно подобнаго же предположенія высокопр. Филарета въ бытность его Казанскимъ Архіепископомъ. Послѣдній свое предположеніе осуществилъ было на половину самымъ дѣломъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ Рацѣской Пустыни былъ начатъ постройкой особый корпусъ съ домовою при немъ церковью. Для этого самъ онъ начертилъ и планъ и удѣлилъ часть своихъ денежныхъ средствъ, и самъ же содѣйствовалъ собиранію, жертвуемыхъ другими, приношеній. Вызванный по званію Члена св. Синода, весною 1836 г. въ Пегербургъ, высокопр. Филаретъ далъ особья полномочія Рацѣскому Настоятелю ⁽¹⁾ продолжать начатыя постройки безостановочно, обѣщавши свое содѣйствіе въ матеріальномъ отношеніи. Изъ Петербурга онъ въ Казань уже не возвращался, бывши перемѣщенъ въ этомъ же 1836 г. на Ярославскую Архіепископію. Не успѣвши же и побывать въ этой новой своей епархіи,

(1) О. Архимандритъ Амвросій, бывший, съ тѣмъ вмѣстѣ, миссіонеръ.

онъ вскорѣ—въ Апрѣлѣ 1837 г. получилъ Высочайшее назначеніе на Митрополию Кіевскую. Постройки, между тѣмъ, не останавливались въ Раиѣской Пустыни. Настоятель былъ увѣренъ, что высокопр. Филаретъ, рано или поздно, переселится сюда же на покой, гдѣ бы онъ ни находился на мѣстѣ служенія. Самъ Владыка Филаретъ продолжалъ по прежнему не оставлять дѣло постройки до конца своими пособіями и изъ Кіева. Слустя извѣстное время о. Настоятель Раиѣскій сообщилъ ему въ письмѣ своего рода отчетъ во всемъ, по окончательномъ устройствѣ всего корпуса и церкви, —присовокупивъ, что дѣло остается лишь за однимъ, —чтобы перемѣнился самъ Хозяинъ на жительство...—Но высокопр. Филаретъ отвѣчалъ ему: „Нѣтъ и нѣтъ, отче и брате мой возлюбленне о Господѣ, изъ св. Кіево-печерской Лавры—этой *Геосиманіи* и *Богородичнаго Дома* (слова изъ стпхир... на Успеніе Божіей Матери) я уже никуда не хочу переселяться ни въ какой пной край, кромѣ какъ въ небесный Рай... ибо и въ Лаврѣ-то теперь я живу чисто, какъ въ Раю, кабы только не грѣхи мои были при мнѣ... Что же касается до увольненія на покой, то и это желаніе и намѣреніе я, по волѣ Божіей, отмѣнилъ, думая про себя такъ: „монаху тогда только дается право выхода въ отставку *на покой*. когда запоютъ надъ нимъ: *со Святыми упокой*...“ Сего и тебѣ, отче честный, отъ души молитвенно желаю; за окончательную отстройку дома вмѣстѣ съ церковью радуюсь и благодарю усерднаго строителя;—мѣсто свято, по речецію, не останется пусто... въ немъ же ты теперь самъ и пребывай, и спасайся о Господѣ, не забывая въ молитвахъ и моей худости“ (1).

Твердо зная всю эту исторію о построеніи описаннаго настоятельскаго корпуса съ домовою церковію, пресвящ. Антоній, съ перваго же года своего служенія въ Казани, любилъ посѣщать, по преимуществу, Раиѣскую Пустынь, помѣщаясь въ этомъ самомъ корпусѣ. Со втораго же года онъ завелъ такой неизмѣнный порядокъ,

(1) Изъ біографическихъ матеріаловъ.

что тотчасъ же, по совершеніи празднественнаго служенія въ Казанскомъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ въ день явленія (8 Іюля) св. чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери, онъ отправлялся въ Раиѣскую Пустынь, чтобы тамъ провести время своихъ именинъ 10-го Іюля. По прибытіи туда же, на другой день, части архіер. хора и другихъ сослужащихъ лицъ и многихъ, по собственному усердію пріѣзжавшихъ туда, духовныхъ лицъ—въ особенности монашествующихъ изъ ученыхъ,—какъ то о.о. ректоровъ и другихъ служащихъ въ Академіи и Семинаріи и пѣкоторыхъ настоятелей ближайшихъ монастырей,—преосв. Антоній обыкновенно совершалъ тамъ всенощное бдѣніе во всемъ согласно чиноположенію Кіево-Печерской Лавры въ честь св. препод. Антонія со чтеніемъ и житія его и Акаѳиста ему совместно съ св. Θεодосіемъ Печерскимъ.—Въ самый же день именинъ совершалась Литургія тоже торжественно при цѣломъ *сонмѣ иночествующихъ*—сослужащихъ. На трапезѣ обѣденной бывали и многія изъ города лица, особенно почитавшія преосв. Антонія. При этомъ, въ родѣ какъ бы Синаксаря, каждый разъ повторялись рассказы и о томъ, какъ устроился корпусъ съ церковію по желанію высокопр. Филарета и о прочемъ, что выше изложено нами.

Впрочемъ, въ самые предпослѣдніе годы, преосв. Антоній немножко тяготился численностію, пріѣзжавшихъ въ Пустынь, лицъ для его именинъ... Онъ приводилъ при этомъ себѣ на память и рассказывалъ однажды при всѣхъ о томъ, какъ поступалъ Владыка Филаретъ во дни своихъ именинъ. Это значитъ, между прочимъ, и въ самомъ описаніи преосв. Антоніемъ послѣднихъ дней жизни высокопр. Филарета. Отсюда мы возьмемъ слѣдующее буквальное изложеніе (1). „Наступило 1-е Декабря (это было за три недѣли до его кончины)—день Филарета Милостиваго, его ангела. Издавна Владыка имѣлъ обычай проводить день сей въ молитвенномъ безмолвіи, уеди-

(1) Послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета. Кіевъ. 1858 г. Стран. 11—13.

няясь почти каждый годъ въ Голосѣву Пустынь и уклоняясь отъ всѣхъ привѣтствій и пріемовъ. Теперь не могъ онъ отправиться туда; при томъ день былъ воскресный. Предложено было ему общес желаніе видѣть и привѣтствовать его въ этотъ день всѣмъ. — Но онъ не согласился. „Буду, говорилъ, праздновать день своего ангела по прежнему обычаю, въ совершенномъ уединеніи, и для сего удалюсь на весь день на ближнія пещеры къ Преподобнымъ: это лучше, — ибо сказано: *съ преподобными преподобенъ будешь*“. Такъ и было: отслуживъ въ св. пещерахъ въ церкви преподобнаго Антонія, а потомъ, совершивши поклоненіе св. угодникамъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, онъ провелъ остальное время дня до вечера въ келліяхъ покойнаго старца іеросхимонаха Парѣнія, и только къ вечерней службѣ возвратился въ Лавру въ свои покои. Послѣ службы, когда ближайшія къ нему лица привѣтствовали его со днемъ ангела и изъявляли обычныя желанія, чтобы Господь далъ паствѣ Кіевской епископу впредь праздновать день сей, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, благодарю за такое желаніе. Не хочу, чтобы оно исполнилось. Вѣдь, это въ 60-й уже разъ я праздную нынѣшній день. Можетъ быть въ цѣлой Россіи нѣтъ такого монаха, который бы сравнялся со мною лѣтами въ монашествѣ (1). Этотъ день уже не повторится для меня. Да, признаться, выходя изъ святыхъ пещеръ, я, принавъ ко гробу преосв. Антонія, такъ усердно помолился ему, чтобы онъ принялъ меня къ себѣ въ небесныя обители, что, думаю, онъ услышалъ и исполнить мою молитву“. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время, по всей

(1) И въ санѣ священническомъ лицъ въ Кіевѣ и во всей епархи высокопр. Филаретъ не находилъ старше себя, кромѣ одного бывшаго Настоятеля Кіево-Подольскаго Успенскаго Собора о. Протоіерея Максимовича. Въ одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ, въ день именинъ же своихъ, Владыка Филаретъ, послѣ пропѣтія ему «многая лѣта» бывшими у него избранными, говорилъ такъ: «Охъ! сколько ни пой многая-то лѣта, — а все-таки будетъ имъ конецъ. Вотъ когда бы скорѣе воззвать: *Нынѣ отпущаеши...* и услышать: *вѣчная память*. О! скажи ми Господи кончину мою и число дней моихъ кое есть да уризумлю... А, вѣдь, я, правду сказать, и старше всѣхъ, и по мо-

вѣроятности, положено было начало въ немъ той болѣзни, которая, въ послѣдствіи, оказалась смертельною, хотя и не вдругъ обнаружилась въ своей силѣ. И самъ онъ чувствовалъ это и высказывалъ, что точно 1-го числа получилъ болѣзнь и ее послали ему св. преподобные Отцы. Утромъ на другой день вручена была Архипастырю телеграфическая депеша съ поздравленіемъ со днемъ ангела отъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Александровны, и съ вопросомъ о состояніи здоровья. Съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности за такое Высочайшее благоволеніе. прочиталъ онъ депешу и сказалъ при этомъ: „чудное дѣло! я и во снѣ видѣлъ, что получилъ депешу и былъ радъ. Какое сочувствіе! Но я же и молюсь-то много и крѣпко за Государя, Государыню и Чадъ Ихъ“. Тогда же продиктована была имъ и отправлена отвѣтная депеша, съ изъявленіемъ всеподданнѣйшей благодарности и присовокупленіемъ, что и самыя послѣднія силы посвящаются служенію, священнодѣйствію, молитвѣ, службѣ“...

Твердо помня эти слова телеграммы, т. е. что Влад. Филаретъ до послѣднихъ дней посвятилъ всѣ самыя послѣднія силы служенію и проч., равно какъ и прежнія его слова въ письмѣ къ Настоятелю Раиѣской Пустыни, — что монаху только тогда покой, когда запоютъ надъ нимъ — со Святыми упокой, — преосв. Антоній и самъ окончательно отложилъ свои предположенія объ увольненіи на покой съ переселеніемъ или въ Кіевскую Лавру, или въ Раиѣскую Пустынь. Въ послѣдней онъ находилъ

нашеству и по священничеству...» «Извините, Владыка Святой», — подхватилъ тутъ же бывший завсегдагай при подобныхъ собраніяхъ, — Викт. Ипат. Аскоченскій. — «Вы ошибаетесь въ счетахъ... Кіево-Подольскій Успенскій Протопопъ старше Васъ...» Нѣтъ, братъ, я не ошибся въ счетахъ..., а отца-то Протопопа только въ счетъ не клалъ, потому что онъ и самъ потерялъ счетъ своимъ годамъ, давно заѣвши чей-то чужой вѣкъ... А мнѣ-то онъ, пожалуй, дорогу загораживаетъ... Передай-ка ты, кстати, ему, — чтобы помолился хорошенько, да и съ миромъ ко Господу... ужъ за нимъ-то и мнѣ будетъ прямой и скорый исходъ... О. Протоіерей Максимовичъ вскорѣ, дѣйствительно, скончался.

даже видимое препятствіе въ томъ, что за частовременными перемѣнами настоятелей оказывалось не вполне достаточно благопріятныхъ условій, чтобы поселиться въ этой Пустыни на покой. — Что же касается до перемѣщенія въ Кіево-Печерскую Лавру, то преосв. Антоній, напротивъ, представлялъ и, такъ сказать, лепѣлъ самыя пріятныя надежды на всѣ удобства и благопріятныя условія и отношенія. „Навѣрно, высказывался онъ, и самый духовный Соборъ Лаврскій (это — главное въ своемъ родѣ присутственное коллегіальное управленіе Лаврою) — не откажетъ мнѣ въ милости — уступить мнѣ для жительства бывшія келейки батюшки Пароенія, — въ которыхъ я имѣлъ утѣшеніе погостить и въ бытность мою въ Кіевѣ на Академическомъ юбилеѣ. Къ тому же самый-то отецъ Намѣстникъ Лавры Архимандритъ Иларіонъ чисто свой — почти родной по сослуженію въ Смоленскѣ. (Это, — упоминавшійся прежде, о. Ключарь Смол. куоедр. Собора Прот. Іоаннъ Евфимовичъ Юшеновъ), а, наконецъ, и самый Викарій — преосв. Іоаннъ — тоже сослуживецъ Смоленскій (бывшій каоедр. Прот. Пав. Іоновичъ Ждановъ), и еще ближе — сослуживецъ какъ бывшій Викарій Казанскій... Да, да!.. Если угодно будетъ Господу и воззвать меня тамъ къ вѣчности, — то они-то оба закроютъ глаза мои, какъ истинно родные. А могилу-то я желалъ бы избрать тамъ или въ Михайловскомъ Соборѣ, по праву моею бывшаго викаріятства, или даже въ Кіево-Братскомъ академическомъ Соборѣ — по праву же бывшаго моего ректорства и настоятельства“.

Прежде цитованный нами, воспоминатель о. Протоіерей Е. А. Поповъ указалъ въ своихъ запискахъ на нѣкоторыя стороны и черты преосв. Антонія въ его обыденной домашней жизни, на сколько онъ самъ могъ усмотрѣть ихъ лично, во время гощенія у него. Таковы напр. указанія его на выполненіе правилъ молитвенныхъ, на начинапіе занятій съ самаго ранняго утра, на соблюденіе имъ постовъ и пр., оканчивая даже тѣмъ, что въ своей келейной жизни и обстановкѣ преосвящ. Антоній любилъ выполнять все, что было пужно для обихода, своими собственными руками, напр. самъ пришивалъ,

при случаѣ. оторвавшюся пуговицу у подрясника, самъ сшиваль пужныя тетради (1). Эти и подобныя свѣдѣнія отчасти приводились уже въ прежнемъ нашемъ изложеніи по мѣстамъ, при разныхъ случаяхъ, начиная съ примѣрной аккуратности преосв. Антонія во всѣхъ таковыхъ дѣйствіяхъ, отличавшей его еще въ жизни студенческой, — и вообще характеризовавшей его во всю жизнь во всей внѣшности до эстетичности, но отнюдь не изысканности, напр. въ одѣяніи, въ мебелиной обстановкѣ комнатъ и вообще въ такъ называемомъ комфортѣ.

Въ ряду свѣдѣній о домашней жизни преосв. Антонія мы укажемъ здѣсь на тѣ, кои и до-днесь составляютъ предметъ пріятнѣйшихъ и назидательнѣйшихъ воспоминаній для насъ, — именно, на непосредственныя отношенія Владыки ко всѣмъ, жившимъ въ его архіерейскомъ домѣ, лицамъ, не исключая и самыхъ пѣвчихъ. Сверхъ положенныхъ по штату лицъ, іеромонаховъ и іеродіаконовъ, въ архіерейскомъ домѣ жили еще: я—пишущій (до 1872 г.), Архимандр. Самуилъ и Іеромонахъ Германъ; первый, подобно мнѣ, былъ учителемъ Латинскаго языка въ Семинаріи, а второй—учителемъ Греческаго языка въ духовн. училищѣ. Сказать по правдѣ, — прочая братія домовая насъ не очень-то жаловала, титулуя *учеными* и, въ своемъ родѣ, какъ-бы, *дармоядами*

(1) Смотри. Душеполезное Чтеніе 1880 г., Апрѣль, стр. 487. Къ числу порядковъ въ обыденной жизни преосв. Антонія нужно отнести, между прочимъ, ту особенность, которую видѣли, несомнѣнно, всѣ изъ посѣщавшихъ его въ вечернюю чайную пору, — и которую онъ самъ относилъ, какъ привычку, ко времени еще академическаго студенчества, именно то, что онъ не любилъ, чтобы подавали ему и посѣтителямъ чай изъ чайной комнаты уже совсѣмъ приготовленный и налитый... Напротивъ, ему подаваемъ былъ сначала чайникъ, въ который онъ собственноручно клялъ чай, потомъ приносили на подносѣ и прежній чайникъ съ чашемъ и еще другой съ кипяченой водой и чашки, (а отнюдь не стаканы)... Тутъ-то онъ самъ и хозяйничалъ, наливая каждому по чашкѣ...—Когда же послѣ Литургии собирались къ нему въ гостиную посѣтители, тогда онъ, волей-неволей, отступалъ отъ своего порядка.—хотя никому не подавался чай и тутъ въ стаканахъ, а въ чашкахъ.

по отношенію къ экономіи архіерейскаго дома (1). Но самъ преосв. Антоній, наоборотъ, утѣшался, что въ числѣ братства его дома состоятъ ученые лица, къ тому же всѣ трое его постриженники по монашеству. Выражая къ намъ, особенно академистамъ, при томъ же Кіевскимъ, истинно-отеческія отношенія, преосв. Антоній, съ тѣмъ вмѣстѣ, держалъ насъ, какъ бы студентовъ. Не говоря о томъ, что строго наблюдалъ за посѣщеніемъ нами Богослуженій въ домовой церкви, и назначалъ насъ ко всегдашнему сослуженію съ собою въ Соборѣ или въ домовой церкви, онъ требовалъ, чтобы во всякое, свободное отъ уроковъ, время совершали мы поочередно и Богослуженіе, или же читали на клиросѣ... Всякій выѣздъ куда-либо былъ дѣлаемъ нами съ его личнаго благословенія. Кромѣ того, какъ-бы воспроизводя для себя свое бывшее Кіево-академическое служеніе, преосв. Антоній посѣщалъ и наши комнаты и инспектировалъ наши учебно-служебныя занятія, и при томъ такъ, что, побывавши у одного—перваго, бралъ его съ собою въ сопровождатели къ другому, и, въ концѣ концовъ, входилъ въ общія со всѣми собесѣдованія о предметахъ занятій и, болѣе всего, о самомъ учительскомъ званіи и служеніи въ духовныхъ заведеніяхъ и, по преимуществу, о благотворномъ вліяніи на воспитанниковъ. Заставъ же одного, напримѣръ, за Илліадою, другаго—за Энеидою, третьяго—за какими-нибудь аористами и аугментами.., не рѣдко выражался: „фи!.. Какъ нарочно сошлись вы всѣ, хотя и монахи, на такихъ предметахъ... классическо-языческихъ...“ За-то тутъ же проводилъ прямыя указанія, какъ и въ чемъ, и при этихъ предметахъ, возможно дѣйствовать благотворно на развитіе учащихся вообще, и даже въ педагогическо-нравственномъ отношеніи. При этомъ напоминалъ и намъ самимъ учителямъ-монахамъ извѣстныя слова св. Григорія Богослова, въ которыхъ послѣдній разсуждалъ о значеніи изученія языческихъ писате-

(1) Когда, по преобразованіи Казанск. Семинаріи, увеличилось наше жалованье вдвое, то каждый изъ насъ вносилъ въ архіерейскую экономію по 10 руб. въ мѣсяць.

лей приуподобительно такъ: „Какъ Евреи, вышедшіе изъ Египта и вынесшіе съ собою, взятые ими на время у Египтянъ, разные сосуды, золотые и серебряные, сначала употребили—было часть ихъ во зло и погибель себѣ при сліяніи золотаго тельца, такъ, съ другою—наоборотъ, по повелѣнію и наставленію Моисея и Аарона, принесли ихъ на употребленіе святое для сооруженія въ скиніи святого ковчега, стамны, херувимовъ... такъ и вы поступайте въ непремѣнное послѣдованіе второму примѣру съ вашими Иліадами и Энеидами, извлекая изъ нихъ все чистое и годное на пользу и въ сооруженіе истинной скиніи образованія чрезъ ваше учебно-воспитательное занятіе съ учениками... блюдя и себя самихъ первѣе всего сохранивъ отъ всякихъ пусто-порожностей, хотя бы и классическихъ...“ Вслѣдъ за посѣщеніемъ насъ, проходилъ преосв. Антоній и въ пѣвческія комнаты, гдѣ обращалъ вниманіе на занятія пѣвчихъ изъ учениковъ училищныхъ,—или приходилъ иногда на спѣвки, призывая иногда и насъ. Пѣвчихъ, не рѣдко, призывалъ, бывало, и къ себѣ и раздавалъ имъ гостинцы.

Принималъ преосв. Антоній насъ къ себѣ во всякую пору истинно по-отечески, по-домашнему, хотя все-непремѣнно въ строгой дисциплинѣ, начиная съ полного одѣянія монашескаго... Въ лѣтнюю пору, вакаціонную, часто бывали мы и живали въ загородномъ домѣ на тѣхъ же условіяхъ, что и въ домѣ городскомъ. Тамъ отводились намъ особыя помѣщенія. Въ бывалыхъ, особенно любимыхъ Владыкою, прогулкахъ, поочередно или сообща, мы участвовали въ большинствѣ случаевъ, особливо внѣ сада по смежному лѣсу, по полямъ и на пчельникѣ. Это требовалось отчасти и для безопасности, на всякій случай, такъ-какъ былъ однажды случай, могшій отозваться непріятностію для Владыки со стороны какаго-то встрѣчнаго проходимца. Преосв. Антоній, впрочемъ, воспользовался, какъ-разъ вспомнившимся ему при этомъ, примѣромъ высокопреосв. Филарета Кіевскаго, который мы, кстати, и приведемъ здѣсь съ его словъ. Преосв. Антоній дѣлалъ, надобно сказать, свои, описы-

ваемыя теперь, прогулки даже по подражанію, въ своей мѣрѣ, Владыкѣ Филарету. Съ послѣднимъ же былъ такой случай. Когда онъ одинъ забрелъ далеконько по тропинкамъ въ лѣсу Голосѣевой пустыни, его вдругъ остановилъ, вышедшій изъ-за кустовъ, человекъ. Владыка сначала осѣнилъ его благословеніемъ, но тотъ прямо къ своей цѣли: „давай, что у тебя есть!...“ Влад. Филаретъ преспокойно вынулъ кошелекъ и, отдавая, сказалъ: „ну, братъ жалко мнѣ тебя, что тутъ должно быть мало“. Но когда, вынимая кошелекъ, Влад. Филаретъ распахнулъ полу, незнакомецъ увидѣлъ на немъ часы съ цѣпочкою, и потому тутъ же, принимая кошелекъ, сказалъ: „ну, если тутъ больно мало, такъ давай-ка въ добавокъ и часы твои“. Владыка преспокойно исполнилъ требованіе. Взглянувъ на часы и цѣпочку, незнакомецъ сказалъ: „да они, кажется, золотые“. — „Да, отвѣчалъ Владыка:—такъ чтожь? тебѣ же, братъ, выгоднѣе“. „Эге! сказалъ тотъ:—„ты монахъ, а у тебя какъ же это часы-то такіе?.. или ты не изъ простыхъ?.. можетъ быть, ты—Казначей?.. или кто-нибудь...“—Нѣтъ, я не Казначей“. „Да кто же?“—„Меня-то, коли хочешь знать правду, зовутъ здѣсь Митрополитомъ“... Тотъ остолбенѣлъ...—„Ну, что же ты, любезный, такъ перенолошился?! Господь съ тобой!“—Тотъ въ ноги... — „Ну, братъ, встань-ка, да проводи меня и не бойся, пожалуйста, ничего“.—Когда подошли уже оба они къ Пустынѣ, Владыка Филаретъ обратился къ несчастному:—„вотъ—что, братъ, ты отдай-ка мнѣ часы-то назадъ; это для тебя же лучше; иначе попадешься ты, пожалуй, съ ними въ бѣду, коли станешь продавать... А здѣсь постой немножко, я тебя позову сію же минуту къ себѣ, какъ странника, да и дамъ тебѣ, сколько и на что тебѣ нужно“.—Тотъ отдалъ часы. Владыка на крыльцѣ же приказалъ келейному—о. Сергію, идти скорѣе къ воротамъ и позвать странника, который такой добрый, что проводилъ его.—Келейный пошелъ, но уже и слѣдъ простылъ незнакомца. „Экой недобрый!.. Ну Господь съ нимъ!“ И преосв. Антоній, встрѣтившемуся ему, незнакомцу, что было въ кошелькѣ, то-же отдалъ, и посоветовалъ ему

уйдти скорѣе своимъ путемъ - дорогой, потому что не вдалекѣ показались проходившіе люди.

За-то съ преосв. Антоніемъ былъ другой случай очень непріятный, хотя не отъ людей, а отъ того, что сію же минуту увидятъ читающіе. Это было 1-го Мая 1870 года. Въ этотъ разъ преосв. Антоній дѣлалъ прогулку внутри сада и продолжилъ ее до позднихъ сумерекъ. Имѣя постоянно, бывало, привычку ходить около большихъ деревьевъ и обламывать на нихъ нависшіе сухіе сучья, или оббивать ихъ своею клюшкою, — гдѣ онъ не могъ ихъ доставать руками, — преосв. Антоній и тутъ поусердствовалъ особенно около одной огромнѣйшей липы. „Сначала — будемъ говорить подлинными словами его разсказа — я потянулъ довольно сучьевъ и пошелъ дальше. На обратномъ же пути еще потянулся я за однимъ нависшимъ сухимъ сучкомъ на этой же липѣ, и не доставши рукою, приударилъ сильно клюшкой. Вдругъ хрюпъ!! съ высоты дерева какъ-бы чурбанъ какой прямо мнѣ въ лицо, въ правую щеку. Я едва не слетѣлъ съ ногъ... схватился ладонью за ударенное мѣсто и, ошеломленный внезапностію и силою удара, пустился почти бѣгомъ... и клюшку уронилъ... Выбѣжавши изъ тѣнистой аллеи на открытое мѣсто, я отнялъ руку и увидѣлъ, что вся ладонь облита кровью... Скорѣй-скорѣй домой!.. И тутъ-то, обмывши лицо, я увидѣлъ, что въ пяти мѣстахъ — на щекѣ, близъ переносицы и самаго глаза, сильныя ссадины и даже язвины. Когда побѣжали разыскивать мою клюшку, то увидѣли, что на томъ деревѣ, около котораго она лежала, сидѣла огромнѣшая сова... А мнѣ же, говорилъ преосв. Антоній, въ самый-то моментъ удара подумалось, что упалъ чурбанъ или небольшой улей, которые, дѣйствительно, ставились на нѣкоторыхъ деревьяхъ въ саду, гдѣ былъ и пчельникъ въ сторонѣ. На другой день, по осмотрѣ дерева, оказалось, что у совы на немъ было гнѣздо. Преосв. Антоній съ улыбкой сказалъ: „ну мнѣ и гнѣваться на обидчицу нечего: я самъ первый ее обидѣлъ, нарушивъ ея семейное спокойствіе“.

Случай этотъ скоро сталъ извѣстенъ въ городѣ почти всюду, тѣмъ болѣе, что преосв. Антоній не могъ

служить раза два, пока зажили ранки на лицѣ. Нашлись, конечно, и инья толкованія на счетъ этого случая, и, тѣмъ болѣе. что около этой поры было два несчастныхъ случая съ другими Преосвященными, о коихъ напечатано было и въ газетахъ поименно и съ изложениемъ самыхъ обстоятельствъ и указаніемъ виновниковъ. Эти случаи были съ преосв. Гуриемъ (Таврическимъ) и преосв. Григоріемъ (Калужскимъ), коимъ дерзкія личности нанесли сильныя удары по лицу—первому тоже во время прогулки, а второму во время даже Литургіи, когда онъ возсѣдалъ среди церкви на кафедрѣ при маломъ выходѣ. Когда указываемыя толкованія на счетъ случая съ преосв. Антоніемъ стали и ему извѣстны, то онъ говорилъ: „конечно, не урони я своей клюшки на самомъ мѣстѣ подъ деревомъ, и не будь такъ благородна самая сова, что не скрылась съ дерева тотчасъ же, я и самъ, пожалуй бы, близокъ былъ подумать, что не злой ли человѣкъ огорошилъ меня такъ... Но дѣло ясно и юридически, что виновница сова здѣсь, какъ мстительница, а я виноватъ безусловно за свою неосторожность“. Потому, когда экономъ дома распорядился—было подкараулить и застрѣлить сову,—преосв. Антоній воспретилъ это, какъ несправедливое мщеніе,—и сказалъ только, чтобы гнѣздо на деревѣ раззорили, „дабы незваная гостья-дачница не угостила бы еще кого либо подобною же подачею своихъ не любезныхъ когтей“.

Другія свойства и качества и ихъ характеристическія черты и проявленія въ жизни, въ разныхъ личныхъ дѣйствіяхъ, какъ видимыя всѣми, такъ и сокрывавшіяся во внутренней клѣтѣ сердца и души преосв. Антонія, справедливо и достойно можно опредѣлить, между прочимъ, слѣдующими словами, сказанными въ надгробномъ словѣ ⁽¹⁾: „Высокія добродѣтели, указываемыя въ Евангеліи,—смирennemудріе, дѣтское незлобіе и чистота, нестяжательность, искренность въ обращеніи со всѣми,

(1) Слово, сказанное о Ректорѣ Каз. Академіи Прот. Алекс. Полик. Владимірскимъ при окончаніи Литургіи предъ отпѣваніемъ Некрологъ, стр. 40—46.

преданность волѣ Божіей и любовь къ Богу и ближнимъ, сочетавались въ немъ съ прекрасными природными качествами души его, съ свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, усовершенствованнымъ основательнымъ научнымъ образованіемъ, съ твердою и энергичною волею, съ добротою и чистотою сердца, съ благородствомъ въ приемахъ, съ откровенною искренностію въ бесѣдахъ, и составили изъ себя, какъ бы, прекрасный вѣнокъ, сплетенный изъ пріятнѣйшихъ для зрѣнія и благоухающихъ цвѣтовъ“.

Для образца красоты и благоуханія этихъ, влеченныхъ въ одинъ общій вѣнокъ, цвѣтовъ добродѣтелей, представимъ для читающихъ хотя одинъ напр. изображенный въ томъ же словѣ: „О нестяжательности и благотворительности къ бѣднымъ о почившемъ въ Возѣ Архипастырѣ нашемъ справедливо сказать, что онъ, по заповѣди Господа, не скрывалъ себѣ сокровищъ на земли (Матѣ. VI, 19), а старался *богатиться въ дѣлѣхъ добрыхъ, благотворительнымъ быти, собирая себѣ сокровище*, долженствующее быть добрымъ основаніемъ для будущаго, чтобы достигнуть истинной жизни въ вѣчности (1 Тим. VI, 18. 19). Земное стяжаніе его, незначительное (само по себѣ, — какъ извѣстно изъ его духовнаго завѣщанія, уходило у него на приобрѣтеніе стяжанія духовнаго, на дѣла благотворенія и нищую братію, которую почти ежедневно можно было встрѣтить при его домѣ, и которая, особенно въ большомъ количествѣ, стекалась сюда въ дни праздничные и еще въ одинъ изъ дней недѣли — Четвергъ, день, установленнаго почившимъ Архипастыремъ въ кафедральномъ Соборѣ, чтенія акаѳиста Первосвятителю Казанскому святому Гурію, въ прямой живой примѣръ сему же Первосвятителю Казанскому, при жизни своей являвшему образецъ этой же добродѣтели (1).

Въ духовномъ завѣщаніи преосв. Антонія сказано относительно его житейской имущественной собственности такъ: въ пунктѣ 7, — „О вещахъ моихъ, состоящихъ въ одеждѣ, бѣльѣ и другихъ домашнихъ

(1) Смотр. въ томъ же словѣ.

принадлежностяхъ. не дѣлаю въ семь завѣщаніи никакихъ распоряженій. потому что я еще прежде распредѣлил все. кому что слѣдуетъ“. Въ пунктѣ 8: „Денегъ у меня по смерти моей не искать, такъ какъ. по обѣту иноческой нестяжательности, я ихъ не собиралъ и не сберегалъ; а какія имѣлъ, тѣ употреблялъ на текущія нужды, на пособіе роднымъ и нищимъ и на другія дѣла благотворенія“.—Въ пунктѣ 9: „На погребеніе же сбережены мною отъ расходовъ полторы тысячи рублей“.—Этотъ послѣдній пунктъ былъ, впрочемъ, измѣненъ самимъ же преосв. Антоніемъ не задолго—за мѣсяць предъ его кончиною. Пригласивъ къ себѣ преосв. Викарія и о. Ключаря Собора, копѣ въ самомъ завѣщаніи предоставлено было право распорядиться выполненіемъ его, преосв. Антоній объявилъ имъ: „Для моего погребенія достаточно оставить одну только тысячу рублей, а пять сотъ рублей взять теперь же и доставить въ пользу Братства Святителя Гурія, что тогда же было исполнено. Вообще же о нестяжательности преосв. Антонія должно сказать, что онъ не пользовался даже всѣми, причитавшимися ему по праву, доходами отъ экономіи архіерейскаго дома съ принадлежащими къ нему угодьями. Изъ этихъ доходовъ, въ размѣрѣ третьей части, приводилось бы получать ему приблизительно тысячь около пяти; сверхъ же сего онъ получалъ казеннаго жалованья по штатному назначенію 1500 руб. Но преосв. Антоній постановилъ для себя нормою получать всего ежегодно только отъ 3000 руб. до 3500 руб., т. е. со включеніемъ и 1500 жалованья. Понятно, что такая сумма не очень-то значительна, чтобы позволять себѣ какъ нибудь роскошничать. и тѣмъ паче, когда изъ этихъ денегъ, не менѣе двухъ третей употреблялось имъ, какъ сказано въ 8-мъ пунктѣ его завѣщанія, на пособія роднымъ, разнымъ нуждающимся и пр. Касательно родныхъ однако онъ, по временамъ, тяготился вслѣдствіе ихъ, непомѣрныхъ иногда, обращеній за помощію съ обозначеніемъ даже самыхъ количествъ денегъ, весьма иногда значительныхъ, отъ 200 руб. и гораздо больше въ одинъ разъ. „Вотъ на-ко тебѣ читай... что и какъ

пишутъ N.N. Это вѣдь просто, какъ будто ассигновка присылается прямо въ казначейство... Да помнишь, давно ли только были посланы имъ деньги... Ясно, что не поспротски живутъ, и не по одежкѣ протягиваютъ ножки".—Отягощеніе это выражалось не по отношенію къ чувству и дѣлу вспомошествованія, а по понятной причинѣ,—что денегъ не было, такъ что приводилось забирать у эконома впередъ. Извѣстнымъ же недостаточнымъ лицамъ, въ Смоленскѣ, напр., и даже въ Кіевѣ, преосв. Антоній посылалъ иногда и безъ просьбы ихъ, по преимуществу, къ великимъ праздникамъ. Подобныя посылки, положимъ, были не значительны, отъ 10 до 20 рублей, но очень не малочисленны. На случай же онъ поручалъ мнѣ напоминать ему объ извѣстныхъ лицахъ, или прямо говорилъ,—„напиши ты отъ меня такимъ-то, да пошли по скольку нибудь; а я вотъ получу за мѣсяцъ, и ты возмешь... а можетъ быть; говорилъ, полуулыбаясь, и забудешь,—какъ монахъ"...

Эта,—одна изъ высокихъ добродѣтелей Евангельскихъ,—нестыжательность для себя и щедродательность въ пользу другихъ—родныхъ и нуждающихся, составлявшая, говоря словами вышеприведенной надгробной проповѣди, „одинъ изъ благоухающихъ цвѣтовъ, вилетенныхъ въ цѣлый прекрасный вѣнокъ, украшавшій истинно христіанскую душу преосв. Антонія, дѣйствительно развивалась и усовершеншалась въ немъ въ силу его прекрасныхъ духовныхъ природныхъ качествъ".—Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что развитіемъ этимъ и усовершенствованіемъ преосв. Антоній былъ особенно обязанъ непосредственному живому примѣру и вліянію на него,—съ самыхъ раннихъ поръ своего дѣтства, бывшаго воспитателя, его дяди—высокопр. Филарета, въ бытность послѣдняго еще Епископомъ въ Калугѣ... Читатели припомнятъ, какъ нѣжно любящій дядя давалъ своему Яшѣ гостинцы денежныя, чтобы часть ихъ удѣлялась непременно роднымъ братьямъ и сестрамъ,—и—какъ чрезъ руки того же Яши переходили иногда и подавнія приходящимъ къ Филарету нуждающимся. Наконецъ, тотъ же Яша не могъ, по преимуществу, не чув-

ствовать щедродательности того-же Владыки Филарета, когда послѣдній былъ уже Казанскимъ Архіепископомъ и когда въ это время онъ остался сиротою,—когда и для всего осиротѣвшаго многочисленнаго семейства былъ одинъ и единственный источникъ средствъ, получавшихся именно отъ любвеобильнаго сердца, милостиваго ко всѣмъ, Филарета. Что этотъ примѣръ и вліяніе высокопр. Филарета и самыя чувствованія, дѣйствительно, присуци душѣ преосв. Антонія, мы встрѣчаемъ, замѣчательное въ своемъ родѣ, свидѣтельство на это въ слѣдующемъ фактѣ, значущемся въ подлинномъ собственноручномъ письмѣ преосв. Антонія, относящемся къ позднѣйшему времени его жизни, именно къ 1870 г. Содержаніе этого письма, яснѣе и полнѣе нашихъ словъ, само покажетъ, какъ глубоко и живо сохранились въ душѣ преосв. Антонія примѣръ и вліяніе дяди Филарета по части родственнолюбивости и щедродательности,—и какъ, дѣйствительно, самыя средства у преосв. Антонія на подобныя дѣла доходили до рѣшительнаго истощенія.—Приводимъ здѣсь это письмо въ подлинникѣ съ нѣкоторыми потребными дополненіями.—Письмо было на имя о. Протоіерея Ал. Ив. Ростиславова,—отъ 17 Мая 1870 г. „Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Соскорблю вамъ, а особенно новой вдовѣ и ея сиротамъ... Хотя кончина добраго нашего Василія Михайловича ⁽¹⁾ была и вами и имъ самимъ, и мною уже предвидѣна и предчувствуема,—но, конечно и при этомъ, слишкомъ чувствительна. Поразительно для меня совпаденіе числа кончины и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ съ катастрофою, постигнушею нашъ домъ въ 1830 году. Какъ разъ 10-го Мая скончался Батюшка мой и оставилъ свое семейство въ такомъ же, или еще менѣе обезпеченномъ, состояніи, какъ и семейство новаго нашего покойника. И день погребенія тотъ же... И осиротѣвшему семейству приходится перейти въ тотъ же домъ. И въ Казани тогда была главная опора

(1) Протоіерей Холмицкій—зять Петра Степ. Алексанскаго, за которымъ была въ замужествѣ родная племянница пр. Антонія овдовѣвшая—Татіана Петровна.

осиротѣвшей семьи... Господь *черезъ сорокъ ровно лѣтъ* послалъ нашему дому совершенно похожее испытаніе... Претерпимъ убо его съ благодареніемъ и безъ ропота. Опытъ прошедшаго показалъ, что сироты суть чада Божій, и никто изъ нихъ, ни самая вдовица не видѣли себя оставленными и потерянными для жизни. Да *всѣ они* уже и преселились въ жизнь вѣчную, и *единъ отъ нихъ есмь азъ, дондеже перейду туда же...*

„Поскорбимъ вмѣстѣ, да и утѣшимся, возвергнувъ печаль свою на Бога,—Отца сирыхъ и Хранителя вдовиць... Позаботимся, какъ устроить осиротѣвшую семью. На первыя нужды я съ завтрешнею же почтою пошлю все до копѣйки, что обрѣлось у меня теперь подъ руками. На будущее время надѣюсь, если Богъ дастъ, и не измѣнятся обстоятельства, не скудно помогать. Вы изъявляете готовность помѣстить сиротъ у себя: это, при вашемъ, и безъ того огромномъ, семействѣ великая любовь родственная и одолженіе. Пусть кромѣ сего не будетъ для васъ ни въ чемъ обремененія. О Ѳедорѣ ⁽¹⁾ рѣшите теперь же, куда ему идти. Если созрѣлъ и хочетъ въ Академію, я беру его на полное попеченіе. Основательно разсудите—въ Казань ли ему поступить, или въ Москву, или въ Кіевъ. Сергію же, думаю, оставаться лучше съ матерью и съ вашими дѣтьми. А мать прошу и молю беречь себя крѣпко для сиротъ. Я думаю, она помнитъ свою бабиньку въ подобномъ же положеніи... Пусть примѣръ ея послужитъ ей и въ назиданіе и въ утѣшеніе... О пенсіи всячески надобно похлопотать. Напишите, когда пойдетъ дѣло. Я, быть можетъ, найду возможнымъ написать кому либо объ этомъ. Мы здѣсь въ Казани, недавно же, сиротамъ Инспектора Семинаріи ⁽²⁾ дали 60 руб. въ годъ. Да отцу ⁽³⁾ вдовы дано лучшее мѣсто въ городѣ. Прошу сообщить мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о кончинѣ Василя Михайловича.—Христосъ со

(1) Старшій сынъ покойника Прот. Холминскаго.

(2) Протоіерея Василя Андр. Ложкина.

(3) Въ послѣднее время бывший Протоіерей Каз. Владимірской церкви—о. Михаилъ Зайковъ.

всѣми вами! Благословеніе и утѣшеніе отъ Него призываю на всѣхъ васъ, паче же на вдову и сирыхъ. 17 Мая 1870 г. Казань.—Преданный Вамъ А. А. К.“

Этой же самой вдовѣ Протоіерея Татьянѣ Петровнѣ Холминской по своему завѣщанію (пунктъ 7) преосв. Антоній назначилъ половинную часть изъ своего имущества, а другую часть сестрѣ ея, женѣ Прот. Ростиславова—Надеждѣ Петровнѣ.

Не роскошь, а, напротивъ, возможная ограниченность преосв. Антонія въ расходахъ собственно на себя доказывается, наконецъ, уже и тѣмъ, преждепомянутымъ фактомъ, что онъ на предназначавшуюся имъ поѣздку въ Кіевъ отложилъ было только пять сотъ рублей. Да и эти деньги тотчасъ же назначилъ на другой предметъ. „Послѣднимъ желаніемъ вождельнымъ,—читаемъ въ некрологѣ,—которое лелѣяло любвеобильное сердце благодѣйшаго Владыки, было учрежденіе при здѣшнемъ Богородицкомъ монастырѣ епархіальной богадѣльни, въ которой бы могли имѣть приютъ обезпеченный бѣдныя вдовы и сироты изъ лицъ духовнаго сословія. Мысль и желаніе эти хотя были у него и съиздавна, но окончательно выразились въ починѣ самаго осуществленія по случаю совершавшагося въ Іюль 1879 г. (ровно за четыре мѣсяца до его кончины) празднованія трехсотлѣтія отъ времени явленія въ г. Казани св. чудотворной Иконы Божіей Матери. Хотя отъ этого почина далеко еще до осуществленія самого дѣла, но благо то, что положено Владыкою Антоніемъ прочное сему основаніе (1). Кроме сказанныхъ 500 руб. отъ себя преосв. Антоній назначилъ тогда же еще 500 руб. и отъ экономіи архіерейскаго дома; при томъ до послѣднихъ дней жизни онъ имѣлъ у себя особый подписной листъ для приглашенія, при всякомъ удобномъ случаѣ, усердствующихъ на этотъ предметъ жертвователей. Самъ же онъ высказывалъ желаніе, чтобы и впредь ежегодно вносить отъ себя собственно по 500 руб. до самой своей кончины.—При этомъ было ему сказано къ слову: „а вотъ, Владыка свя-

(1) Въ Некрологѣ.

тый, хорошо бы Вы сдѣлали, если бы, оставляемую Вами столь значительную сумму изъ причитающихся ежегодно Вамъ доходовъ отъ экономіи архіерейскаго дома, назначили хотя съ настоящаго времени всю туда—на устройство богадѣльни...“ Онъ отвѣчалъ: „что же тутъ толковать о прошедшемъ!! да и о настоящемъ-то и будущемъ мнѣ ли уже теперь разсуждать?!. А впрочемъ, ты знаешь и самъ, что и архіерейскій-то домъ имѣлъ свои нужды... Да развѣ я не зналъ, что мало ли что толковали, кому была воля и охота, въ томъ смыслѣ, будто я обѣднилъ даже архіерейскій домъ своими какими-то излишественными расходами въ угоду, яко бы, только себѣ... Другіе же поддакивали иное, т. е. будто бы я слишкомъ довѣрчивъ къ приставникамъ и распорядителямъ, и потому-де и мои, оставляемые въ пользу экономіи, деньги шли ни во что... Но Богъ съ ними со всѣми, кто не можетъ, по чистой совѣсти, *непщевати вины о грѣсѣхъ* своихъ по части приставничества... Я и самъ себя, пожалуй, не извиняю, что давалъ, быть можетъ, излишній доступъ и кредитъ ближайшимъ наприм. моимъ келейнымъ... Ты не безъ основаній говаривалъ мнѣ давно, что нужно бы мнѣ пріобрѣсти для себя *второго о. Назарія*... Онъ бы хотя и *потыкивалъ и понукивалъ*, какъ бывало въ дни моего дѣтства, да и Владыкъ-то спуску не давалъ, за то дѣло было бы иное во всемъ... и для меня и для другихъ-то приставниковъ... Владыка-дядя не даромъ именовалъ о. Назарія *вторымъ псомъ* въ чистомъ смыслѣ этого выраженія. И онъ,—Назарій-то знаешь ли, когда и какъ скончался?!. Владыка, отправляясь въ Петербургъ въ 1841 г., не взялъ о. Назарія съ собою по его уже устарѣлости... и что жъ?.. прощаясь съ Владыкою, онъ сказалъ: „не переживу я, Владыка, этой разлуки, умру безъ тебя отъ тоски“... Такъ и сбылось... Владыка искренно винилъ себя въ этомъ и скорбѣлъ сильно... доколѣ не избралъ ему Батюшка о. Парѣній другаго келейника о. Сергія, который былъ совершенная противоположность о. Назарію по характеру, отличаясь дѣтскою добротою, тихостью,—за-то въ вѣрности и преданности Владыкъ не уступалъ первому... да

таковъ же былъ и другой младшій келейный о. Іоакимъ; ты знаешь ихъ обоихъ самъ... А гдѣ найдешь нынѣ таковыхъ?! Я вѣдь вотъ старался избирать въ келейники тоже изъ монашествующихъ, но ты самъ видѣлъ, что они только и дули губы и вздымали себѣ носы предъ другими, а предо мною только занскивали и старались стяжевать *своихъ си...* Хорошо, что я могъ, наконецъ, отпустить ихъ отъ себя, какъ бы по ихъ собственному желанію... Теперь я радъ, что Яковъ ⁽¹⁾ очень выдержанный малый, да и чувашенинъ *Митричъ* (Павелъ) ⁽²⁾ напоминаетъ мнѣ отчасти о Назарія своею, между прочимъ, угловатостію, видимо, природною...

„Наконецъ, — продолжалъ Владыка!, — что касается экономіи, то я радъ-радшенекъ, что Господь благословилъ мнѣ устроить, всю за-ново, домовую церковь, — и уповаю, что мои-то дѣньги, по крайней мѣрѣ, пошли на это святое дѣло, тѣмъ болѣе для меня дорогое, что вѣдь эту церковь устроилъ Владыка же Филаретъ; а онъ-то, самъ видишь, какъ знаменательно — на стѣнѣ въ верху около самага окна, — что изъ молельни въ церковь, — помѣстилъ изображеніе св. праведнаго милостиваго Филарета, держащаго въ рукѣ своей денежную суму, отверстую и простертую къ другимъ, а не охваченную обѣими руками и не прижатую къ себѣ къ груди, къ сердцу“.

„Охма! охма! произнесъ, глубоко вздохнувши пресв. Антоній... Вѣдь, чего добраго, найдутся думающіе, что и недавнія-то перестройки во всѣхъ комнатахъ моихъ я затѣялъ какъ бы изъ прихоти... и тѣмъ болѣе скажутъ: — къ чему-де, когда уже и жизнь-то на исходѣ... А впрочемъ — доводилось ли тебѣ слышать, что когда кто, проживши долго на одномъ мѣстѣ, вдругъ вздумаетъ перестраивать свои помѣщенія, — то это особенная, почти вѣрная, примѣта скорой смерти?! „Да,

(1) Яковъ — лѣтъ 17-ти изъ бывшихъ дворовыхъ г. Обухова.

(2) Павелъ Дмитріевъ находится теперь, по старости, въ Богдѣльнѣ Адмиралтейской и часто бываетъ у меня для прислуги по памяти о Владыкѣ.

отвѣтилъ я, такая примѣта есть, но насколько она соотвѣтствуетъ дѣйствительности, — это, само собой вопросъ“... хотя на этотъ разъ примѣта эта глубоко залегла въ душѣ моей, что оставалось бы только договорить... Видимо, замѣтивъ по самому тону моихъ словъ не досказанное мною, Владыка сказалъ: „Что же?! Буди воля Господня! Жалѣю я только, что я не послѣдовалъ твоему плану въ устройствѣ моленной. Дѣйствительно, хорошо было бы сдѣлать прямо изъ моей теперешней спальни сходи въ находящіяся внизу комнаты, которыя ты же занималъ, живя здѣсь прежде, и тамъ возстановить бывшую дверь прямо въ церковь. Это весьма кстати бы теперь, чтобы мнѣ выходить въ церковь для св. Причастія, да и вынести-то меня по смерти тотчасъ же удобно было бы весьма, прямо въ церковь, чтобы тамъ же на амвонѣ совершить и самое облаченіе и положеніе во гробъ“...

Такія и многія другія разсужденія бывали у пресв. Антонія постепенно, день за днемъ, въ присутствіи иногда разныхъ лицъ, его посѣщавшихъ. Объ этомъ, въ свое же время, были сообщены нами по возможности подробныя свѣдѣнія, напечатанныя въ Церковн. Вѣстникѣ (отъ 29 Ноября 1879 г.) и Редакціею его изда ны отдѣльной брошюркою. Эти свѣдѣнія, съ болѣе обстоятельными подробностями, и изложатся въ нижеслѣдующей главѣ.

ОТДѢЛЪ V.

(1879—1884 г.)

ГЛАВА XX.

Кончина высокопреосвященнаго Антонія не была неожиданною. Самъ Высокопреосвященный давно уже какъ бы сроднился съ мыслию о ней. При первомъ сильномъ, хотя случайномъ, проявленіи болѣзни, онъ успѣшилъ прежде всего, по его буквальному выраженію, *вручить себя Врачу души и тѣлеса*, потребовавъ совершить надъ нимъ таинство св. Елеосвященія. Это было 3 Юля 1878 года. Затѣмъ къ 10-му числу (дню его тезоименитства) его здоровье быстро начало возстановляться. Принимая въ этотъ день сугубо-радостныя отъ всѣхъ привѣтствія, онъ сказалъ въ отвѣтъ на эти привѣтствія: „Каково мое здоровье тецерь, — опредѣлить не могу, только вѣрую, что Божественное Таинство явило на мнѣ свое благодатное дѣйствіе и что чьи либо молитвы, усердныя и достойныя, за меня услышаны Господомъ, а паче молитвы, самую Церковію возносимыя“.

Послѣ многократныхъ перемѣнъ въ состояніи своего здоровья, въ теченіи цѣлаго года, покойный Владыка рѣшился испросить себѣ временное двухмѣсячное отдохновеніе отъ дѣлъ по управленію; но, получивъ его, какъ разъ съ той же поры почувствовалъ себя такъ хорошо, что въ шутку сказалъ посѣщавшимъ его въ загородномъ домѣ: „вотъ съ увольненіемъ моимъ, видно, и болѣзнь моя уволилась отъ меня; боюсь одного, чтобы она, отдохнув-

ши, не принялась за меня крѣпче“. По минованіи увольнительнаго срока онъ, впрочемъ, видимо еще болѣе, почувствовалъ себя хорошо; это было въ Августѣ.

Наступилъ Сентябрь съ значительными холодами. Покойный Владыка пожелалъ, по заведенному имъ обычаю, совершить перенесеніе Чудотворной Казанской иконы Божіей Матери изъ холоднаго въ теплый Соборъ и пазначилъ для этого служеніе въ Воскресенье (16-го Сентября); но вдругъ къ вечеру наканунѣ Воздвиженія Креста распорядился, чтобы все было приготовлено къ перенесенію св. Иконы въ день самаго Воздвиженія. Утромъ же послѣдовало новое распоряженіе, что онъ или вовсе не будетъ, или только прибѣдетъ къ совершенію самой Литургіи, но что безъ него до Литургіи должно быть сдѣлано перенесеніе св. Иконы. Божественную Литургію онъ, хотя чрезъ силу, совершилъ въ этотъ день. Но затѣмъ снова началъ чувствовать прежніе признаки болѣзни и, время отъ времени, сильнѣе и сильнѣе. Не смотря на это, высокопреосвященный Антоній 30-го Сентября совершилъ Литургію въ Крестовой церкви, а также и 1-го Октября въ каѳедральномъ Соборѣ. Послѣ этой послѣдней онъ, за обычнымъ чаемъ, сказалъ: „нѣтъ, — ноги мои, кажется, не служаки мнѣ болѣе; не знаю, послужать ли онѣ мнѣ въ праздникъ Святителя Гурія (4-го Октября); крѣпко хотѣлось бы совершить и всенощную и Литургію въ этотъ день; а то придется развѣ только какъ нибудь доплестись и отслужить праздничный молебенъ Святителю послѣ Литургіи“. На вопросъ: „что же Вы особенно чувствуете кромѣ болѣзни ногъ?“ — „Чувствую, сказалъ Владыка, что весь ни куда не пожусь... *есмя яко сосудъ скудельный сокрушенъ...*“

Предчувствіе его сбылось; онъ съ трудомъ явился въ Соборъ только къ молебну. И это было послѣднее его вхожденіе въ каѳедральный Соборъ, куда, чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, онъ былъ уже принесенъ въ гробъ и тамъ положенъ на вѣчное упокоеніе.

Во время принятія весьма многихъ посѣтителей въ день Святителя Гурія, всѣмъ видимо уже было изнеможеніе Владыки и не временное только. Самъ покойный

хотя и распорядился подать обѣдъ ради праздника, но пригласилъ къ нему только двухъ лицъ и, чувствуя особенную усталость, былъ за обѣдомъ *яко возлежай*, какъ онъ самъ выразился. Среди многихъ его грустныхъ разговоровъ неотразимо чувствовалось, что это *возлежаніе* было переходомъ къ возлежанію на одрѣ болѣзни, а съ одра во гробъ. Такъ какъ онъ почти не кушалъ, то къ концу обѣда велѣлъ подать ему, только что полученныя, письма. Пробѣжавъ ихъ наскоро, приказалъ пишущему эти строки отвѣтить на нѣкоторыя изъ нихъ, причемъ, между прочимъ, сказалъ: „проси въ письмахъ отъ меня сугубыхъ молитвъ обо мнѣ и всего болѣе у Преосвященныхъ N и N и N; я вѣрю въ ихъ особенное благорасположеніе ко мнѣ и эту вѣру унесу съ собою туда, гдѣ, если уже не здѣсь, будутъ особенно дороги для меня ихъ молитвы“. Сопровождаемый въ спальню подъ руку, онъ съ какой то особенной грустью взглянулъ и сказалъ: „такъ-то вотъ скоро-скоро походите около меня и въ черненькихъ“. Ему было отвѣчено: „Такъ говорилъ Владыка Филаретъ (Митр. Кіев.)“. „Да! и я эти слова знаю и потому повторяю, и онѣ вѣрно сбудутся“.

Войдя въ спальню и улегшись въ ту же минуту поспокойнѣе на своей кровати, Владыка указалъ мнѣ на стулъ, чтобы я посидѣлъ, пока онъ задремлетъ... Между тѣмъ взглянувши пристально на окна, въ которыя прямехонько видѣнъ Казанскій женскій Монастырь, находящійся весьма не вдалекѣ отъ архіерейскаго дома, онъ самъ началъ рѣчь: „вѣдь вотъ, въ теченіи всей моей здѣсь жизни, не было же у меня ума-разума, чтобы устроить спальню и внутренній кабинетъ на этой именно сторонѣ дома—прямо на востокъ... По крайней мѣрѣ теперь я чувствую, какъ здѣсь особенно хорошо... начиная съ того, что я встрѣчаю и самый восходъ солнца, и во всякое время предъ взоромъ моимъ Соборъ Казанскій и въ немъ св. Чудотворная Икона, предъ которою я представляю себя, какъ бы непосредственно, предстоящимъ, и потому молюсь иногда прямо на Соборъ...“ — „Здѣсь хорошо и тѣмъ,—вставилъ я слова,—что не слышно ни шуму отъ проѣзжающихъ по улицѣ и подѣзжаю-

шихъ къ крыльцу дома и вообще не видно никакихъ движеній людскихъ... Я и самъ когда жилъ здѣсь внизу подъ этими Вашими теперешними комнатами, находилъ для себя всѣ эти удобства и выгоды".—Я продолжалъ еще рѣчь кое о чемъ—подходящемъ...

При словахъ моихъ преосв. Антоній какъ бы задумался, или сталъ приходить въ полудремоту... Я спросилъ: вѣрно пора Вамъ вздремнуть... „Нѣтъ, перебилъ онъ..., я углубился въ эту минуту почему-то въ мысль: *скоро ли одрѣ сей будетъ ми гробъ?!* и мнѣ вдругъ представилось, „какъ я буду лежать во гробѣ...“—Я ему опять замѣтилъ, что эти же слова были и у Владыки Филарета—помните?!—„Еще бы... не помнить;—онѣ были сказаны именно мнѣ, все равно какъ мною теперь тебѣ“.—А позвольте спросить: „видаете ли Владыку Вы когда либо во снѣ?“.—„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—и, сказать по правдѣ, даже удивляюсь этому... я бы больно желалъ“.—А въ какомъ смыслѣ?—былъ мой вопросъ.—„Понятно въ какомъ—чтобы онъ былъ предвѣстникомъ моей кончины... (1). Вѣдь, ты знаешь, что и самъ Владыка видѣлъ же во снѣ Батюшку о. Пароенія въ этомъ именно смыслѣ,—и это сбылось такъ вѣрно, что я помѣстилъ, видѣнный Владыкою, сонъ въ описаніи послѣднихъ дней его жизни...“—„Да и я знаю это отъ слова до слова, и какъ теперь смотрю, что, припоминаемый Вами, сонъ Владыки Филарета помѣщенъ въ Вашей книжкѣ въ сноскѣ... Къ тому же Вы, очевидно, имѣли основаніе указать на этотъ сонъ тѣмъ болѣе, что самъ-то Владыка въ календарѣ своемъ записалъ собственно

(1) Предвѣстиемъ скорой своей кончины—именно въ 1879 г., преосв. Антоній признавалъ, однако, то обстоятельство, что въ ближайшее предъ этимъ время скончались одинъ за другимъ *три Антонія*.—Бывшій Еписк. Пермскій, находившійся на покоѣ въ Москвѣ,—о. Намѣстникъ Троицко-Сергіевой Лавры, и Архіеп. Владимирскій. «Вотъ цѣлый «ordo Антоніевъ» переселился уже въ вѣчность,—говорилъ онъ не одинъ разъ; и теперь прямая очередь за мною. Видишь отъ Москвы такъ и пошло чрезъ Владиміръ по дорогѣ къ Казани...» При этихъ словахъ нельзя было не видѣть въ немъ глубокой положительной увѣренности въ предзнаменованіи.

ручно содержаніе этого сна...“—А ну-ка кстати,—я спать-то вовсе теперь не располагаюсь,—достапъ-ко самую книжку съ этажерки вонъ тамъ... я, помню, недавно бралъ ее почитать...“ Въ книжкѣ онъ тутъ же прочиталъ слѣдующія слова:—„Въ кабинетномъ календарѣ его за 1855 годъ противъ 20-го числа Ноября написано его рукою: „Получилъ радостную вѣсть объ отшествіи моемъ ко Христу въ жизнь вѣчную“. „Впослѣдствіи онъ сказывалъ, что въ ночь того числа впдѣлъ во снѣ покойнаго старца о. Пароенія, который будто бы служилъ вмѣстѣ съ нимъ Литургію. Когда же старецъ подошелъ къ св. Престолу, и Архиѳастырь, держа Чашу полную св. Крови, причастилъ его, то сказалъ ему: „потерпи, Владыко святой, и тебя Господь скоро возметъ къ Себѣ“ (1).

„Сонъ этотъ, несомнѣнно, благодатный въ силу самаго союза между духовнымъ отцемъ и сыномъ... заговорилъ я. „А еще: помните Вы. Ваше В—ство, какой сонъ видѣлъ и Вамъ передать Владыка же Филаретъ по отношенію къ Митрополиту Московскому Филарету, который (сонъ) былъ Вами прописанъ и въ письмѣ къ послѣднему по кончинѣ перваго“... „Да, помню... а теперь спасибо тебѣ, что ты напомянулъ. Дѣло вотъ въ чемъ: письмо къ Митр. Московскому писано было мною на-скоро, и копіи у меня не осталось. Но какъ ты добылъ себѣ копію отъ о. Намѣтника Антонія. то, пожалуйста, не забудь помѣстить это письмо цѣликомъ въ Біографіи... Однако, охма! опять мнѣ пала глубоко на сердце мысль о Біографіи“... И вотъ при этомъ-то разѣ было проговорено покойнымъ Владыкою Антоніемъ все то, что изложено мною въ Предисловіи (2)

Послѣ нѣкоторой паузы, я продолжалъ еще нѣсколько рѣчь о сновидѣніяхъ, предвѣщательныхъ о смерти, и указалъ при этомъ на самого Владыку Филарета Московскаго, которому было предъизвѣщеніе, почти что на яву, отъ его роднаго отца съ указаніемъ даже сама-

(1) Послѣдніе дни жизни Филарета Митр. Клевскаго. Стран. 8—въ сноскѣ.

(2) Смотри. въ Предисловіи въ I-мъ томѣ стр. V и VI.

го точнаго числа (19 числа) въ мѣсяцѣ, но только безъ названія самаго мѣсяца“.—Владыка промолвилъ на это: „все это бываетъ истинно... сколько по силѣ благодатной, столько же вѣрно и психологически... И живые могутъ видѣть о живыхъ сны подобнаго же рода, т. е. въ смыслѣ предуказанія на ихъ кончину... Да впрочемъ ты самъ живой примѣръ... твой сонъ, помнишь, о покойномъ Митроп. Арсеніи (Кіевскомъ) такъ поразилъ меня тогда, что я и доселѣ его твердо знаю... Этотъ сонъ слѣдовало бы, по всему праву, передать тогда же въ печати, и я готовъ бы идти самъ во свидѣтели“.—Я отвѣтилъ, что дѣйствительно хотѣлъ было сообщить про этотъ сонъ Вас. Феод. Пѣвницкому ⁽¹⁾,—когда онъ началъ печат-

(1) Василий Феодоровичъ Пѣвницкій—ордин. Проф. Докторъ Богословія въ Кіев. дух. Академи.—Въ силу такого убѣжденія преосв. Антонія въ фактической вѣрности указываемаго сна и высказаннаго имъ желанія—*передать его въ печати*, я позволяю себѣ изложить здѣсь этотъ сонъ съ краткимъ хотя указаніемъ на самыя обстоятельства, когда онъ былъ переданъ мною лично преосв. Антонию, и какъ онъ, дѣйствительно поразительно, сбылся. «Въ Апрѣлѣ 1876 г. я былъ сильно боленъ. Владыка съ истиннымъ отеческимъ участіемъ посѣщалъ меня не разъ; это было еще въ Ивановскомъ монастырѣ. 26 Апрѣля, возвращаясь съ какого-то экзамена въ одномъ изъ свѣтскихъ заведеній, Владыка заѣхалъ ко мнѣ. Тутъ-то постъ нѣсколькихъ словъ о состояніи моей болѣзни, я и высказалъ ему свой сонъ, прилагая его содержаніе болѣе всего къ самому себѣ., т. е. не предназначуешь ли онъ исходъ болѣзни моей къ смерти.—Предварительно разказа самаго сна я напомнилъ Владыкѣ прежній свой разказъ ему же о томъ,—какъ въ бытность мою въ Кіевѣ (въ Іюль и Августъ 1867 г.), имѣлъ я честь и утѣшеніе быть принимаемымъ Высокопр. Митроп. Арсеніемъ по просту, по домашнему и весьма часто къ обѣдамъ. 27 Іюля—въ царскій день—былъ у Митрополита обѣдъ для приглашенныхъ всѣхъ сослужащихъ—въ томъ числѣ были о. Ректоръ Академіи Арх. Филаретъ, о. Ректоръ Семинаріи Архимадр. Феоктистъ (нынѣшній Еписк. Рязанскій) и другіе архимандриты; я, какъ наименьшій изъ всѣхъ присутствовавшихъ—церомональ, занималъ самое послѣднее мѣсто въ концѣ стола, но такъ, что сидѣнье мое было прямо впрѣдъ лицомъ самого Владыки Митрополита.—Къ концу уже обѣда Владыка сталъ наливать себѣ въ стаканъ сначала пиво, а потомъ туда же и медъ... Я обратилъ на это вниманіе, между прочимъ, потому, что и самъ любилъ пить такъ же вмѣстѣ пиво и медъ.—Владыка вдругъ ко мнѣ: «что, братъ-гость, больно ты

тать біографическія записки о Владыкѣ Арсеніи, — но какъ-то пропустилъ время...

Слово за словомъ бесѣда наша продолжалась... но преосв. Антоній какъ-то особенно пристально всматривался въ меня и слѣдилъ за содержаніемъ моихъ словъ. — И, наконецъ, спросилъ: „да ты однако, съ чего это взялъ вести сегодня начатыя разговоры съ вопроса ко мнѣ на счетъ Владыки... т. е. видывалъ ли я въ послѣднее время его во снѣ?! Я догадываюсь, что, вѣроятно, ты имѣешь что либо въ этомъ родѣ сказать и обо мнѣ, какъ о покойномъ Арсеніи... Только избави Богъ!.. я не желаю и молю Господа всегда, чтобы не послалъ мнѣ кончину внезапную... а хотя и болѣзненную-стра-

посматриваешь на мой стаканъ... небось не встрѣчалъ людей съ такимъ безтолковымъ вкусомъ...» Я смѣло отвѣтилъ, что было у меня какъ разъ на мысли, — т. е. что я и самъ люблю это *пивомедіе*... Владыка, усмѣхнувшись, сказалъ: «вотъ такъ спасибо тебѣ... выходить, что я не одинъ такой дуракъ по части вкуса..; пожалуй-ста же, не церемонясь, кушай же по своему и по моему вмѣстѣ на доброе здоровье».

Въ видѣнномъ мною снѣ сначала какъ бы повторилась вся эта обѣденная обстановка... только къ концу обѣда оказались на столѣ двѣ большихъ миски, въ родѣ зауспокойныхъ чашъ, и въ каждой изъ нихъ опущенъ былъ разливательный ковшъ. Владыка Арсеній привсталъ и, размѣшивая палитое то въ той, то въ другой мискѣ, обратился съ вопросомъ къ сидѣвшимъ за столомъ: «ну — кто хочетъ пить?!». На этотъ вопросъ было общее молчаніе... Я же приподнялся и сказалъ: «да что это за питье?! Онъ же, какъ бы не дослышавши моего вопроса, повторилъ прежній свой, а на меня взглянулъ, между прочимъ, какъ бы давая знать мнѣ, чтобы я не высовывался... Но я не утерпѣлъ и снова спросилъ прямѣе: «это, Ваше Высокопреосвященство, не прежнее ли питье изъ пива и меда?! Онъ сухо отвѣчалъ: «да, братъ, пиво и медъ, — да только не-тотъ»... Съ этими словами взглянувъ на всѣхъ прочихъ какъ-то полусурово... онъ промолвилъ съ какою-то томностію: «ну, коли никто не хочетъ пить, такъ я выпью одинъ самъ»... и тутъ же, почерпнувъ ковшами изъ обѣихъ мисокъ и вливъ въ одну кружку, выпилъ залпомъ... Я проснулся»...

Преосв. Антоній, выслушавши этотъ сонъ, сказалъ: «конечно, это сновидѣніе скорѣе всего нужно приписать твоему болѣзненному состоянію и особенно внутреннему жару и жаждѣ... а съ другой стороны, къ тебѣ-то, кажется, значеніе его не относится... другое дѣло, если бы тебѣ налилъ Митрополитъ то же кружку, и ты вы-

дальческую, только бы постепенно и мирно приблизившуюся... Говори же, не стѣсняйся "... Я не могъ не умилиться этими, какъ бы, дѣтскими любопытственными желаніями Владыки Антонія, и не удержался на первомъ же словѣ утвердительномъ... да!.. „я видѣлъ во снѣ, только не Владыку Филарета, а преосв. Аѳанасія бывшаго здѣшняго... и видѣлъ именно въ ночи на Покровъ Пресвятой Богородицы... и, сколько сознаю, подь вліяніемъ тѣхъ мыслей, какія запали мнѣ въ душу наканунѣ... Вы, вѣдь, служили Литургію 30 Сентября здѣсь въ Крестовой церкви... и затѣмъ объявили свое желаніе и даже распоряженіе, что будете служить и въ Покровъ въ кафедральномъ Соборѣ, не смотря на Вашу особенную бывшую слабость здоровья. Тутъ-то я и сталъ размышлять: *что убо сіе хоцетъ быти?!* Послѣднія ли это искры жизненности, или, далъ бы Господь, возгрѣваемыя искры къ возстановленію силъ для долгаго будущаго?!"

„Во снѣ же мнѣ привидѣлось буквально такъ: Побывши у Васъ, какъ вотъ и теперь, и выходя изъ гостинной въ залу, я хотѣлъ провѣрить свои часы съ стѣнными, что въ залѣ.., гдѣ виситъ портретъ (извѣстный) покойнаго преосв. Аѳанасія... Вдругъ вмѣсто портрета я увидѣлъ Преосвященнаго, движущагося прямо ко мнѣ... Я не смутился... подошелъ тутъ же къ нему подь бла-

пиль бы... то, пожалуй что, это было бы не даромъ... Но какъ онъ не далъ тебѣ, и даже, какъ бы, отклонилъ твой вызовъ пить, а самъ только одинъ выпилъ... то ближе всего остается подумать объ немъ... Не случилось ли съ нимъ чего...—не пришлось ли ему выпить чашу... , если не предсмертную, то вслѣдствіе какихъ-либо тяжкихъ непріятностей... а я имѣлъ недавно извѣстіе изъ Кіева, что тамъ въ Лаврѣ что-то не благополучно со стороны нѣкоторыхъ лицъ въ отношеніи собственно къ преосв. Митрополиту...»

Владыка уѣхалъ... и что-жъ? утромъ на другой день, онъ прислалъ ко мнѣ келейнаго съ полученною имъ телеграммою изъ Петербурга, гдѣ сказано: «Митрополитъ Арсеній 26-го числа утромъ пораженъ ударомъ и безнадеженъ...» Послѣ, при свиданіи, преосв. Антоній сказалъ мнѣ: «вотъ твои, во снѣ видѣнныя, чаши чѣмъ обозначились... Молись же усерднѣе за Владыку Митрополита Арсенія!...»

гословеніе... Онъ же, подавъ мнѣ благословляющую руку для цѣлованія, другою взялъ меня за плечо и наклонилъ меня такъ, чтобы удобно было сказать мнѣ что-то на ухо... Я наострилъ слухъ... „Ну, что наконецъ— уходили таки его... кивая рукою по направленію къ Вашей спальнѣ“... У меня вдругъ мелькнула мысль объ его собственной бывшей болѣзни и отставкѣ... и я сказалъ: „а Васъ-то развѣ не уходили тоже еще за живо?!“... „Ну, братъ, мое было другое дѣло... у меня и натура совсѣмъ не такая, какъ у него... вѣдь онъ-то что твой кипятокъ... а потому-то и докипѣлъ такъ скоро... или иначе докипятили его до дна... а вотъ скоро-скоро и самый сосудъ пополамъ“.

Владыка выслушалъ мой сонъ, какъ говорится, не моргнувши... Я присовокупилъ, что про этотъ сонъ я рассказалъ на другой же день о. Ключарю въ Соборѣ,— и подъ вліяніемъ этого сна я особенно наблюдалъ за Вами во время Божественной Литургіи... Когда же, помните, былъ у Васъ послѣ Литургіи Павелъ Александровичъ Прибытковъ... и Вы высказывались, что „лѣтъ и нѣтъ... ноги мои, кажется, не служаки уже мнѣ болѣе“... тогда сонъ мнѣ представлялся еще живѣе и похожимъ на прямое предсказаніе... хотя я въ тотъ разъ и повоздержался заговорить съ Вами объ этомъ.

„Да, промолвилъ Владыка послѣ какого-то раздумья... твой сонъ, вѣрнѣе всего, прямо въ руку... Это я признаю... и признакомъ достовѣрности для меня служатъ самыя слова покойнаго Аѳанасія... Вѣдь, подобныя же слова онъ мнѣ высказывалъ лично, когда мы разсуждали съ нимъ, бывало, о дѣлахъ епархіальнаго управленія... и о *тамошнихъ сверху* дѣйствіяхъ... Онъ меня тогда же чистосердечно возвеличалъ *прогрессистомъ*, да даже *либераломъ*... и тутъ же присовокупилъ половицу: „обуха плеть не перешibaетъ... а сама-то скорѣе расхлыстается по кусочкамъ“...— А кетати сказать, что онъ-то самъ первый непосредственный и былъ для меня обухъ, потому что оставилъ такую обузу дѣлъ запущенныхъ, что не въ проворотъ было на нервахъ цорахъ“.

„Помнится, я писалъ, кажется, объ этомъ и тебѣ самому еще въ Смоленскъ. А впрочемъ, *сiе глаголя*. я теперь и самъ-то боюсь, чтобы не заставить помянуть меня преемнику моему чѣмъ либо подобнымъ же... Благо, что я не слушаюсь докторовъ и другихъ совѣтниковъ, чтобы оставить вовсе занятіе дѣлами... Мнѣ даже скорѣе досадно бываетъ, когда вижу, что и Консисторія какъ будто хочетъ угодить мнѣ тѣмъ, что представляетъ мало журналовъ и другихъ дѣлъ. Вотъ пора бы напр. представить ей мнѣ и списки о наградахъ... чего тянуть. не знай... Да и просителей, какъ я замѣчаю, не всѣхъ допускаютъ ко мнѣ и даже прошеній ихъ не передаютъ... Кто коноводитъ тамъ этимъ?! Это для меня крайне прискорбно!.. Чѣмъ просители-то бѣдны виноваты?! Понятно, что съ ихъ стороны можетъ быть только ропотъ на меня же,—и ропотъ справедливый“.

При этихъ словахъ я, взявши раскрытую книжку, — изъ которой преосв. Антоній прочиталъ записанный сонъ Владыки Филарета, какъ разъ остановился взоромъ на однихъ словахъ... и задумался...— „Что ты встрѣтилъ тутъ такое“?!—Вмѣсто отвѣта собственнаго, я прочиталъ слѣдующія строки: „Тяжело, говаривалъ онъ,—т. е. Владыка Филаретъ—до крайности носить мнѣ теперь бремя службы... Такъ мнѣ все наскучило... отраднато такъ мало во всемъ. Какъ бы хорошо совѣмъ удалиться и посвятить себя единому Христу Спасителю... Чтобы и не отрываться отъ Него, какими бы то ни было, житейскими дѣлами“... (1). „Да это такъ истинно... но прочтиска строки еще другія...“ Я прочиталъ: „Опасаясь, однако, чтобы по немощи его не было какого либо опущенія въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, онъ до послѣднихъ дней жизни всегда твердо держалъ ихъ въ рукахъ... И Христу Спасителю говорили: „*спиди со креста*“, но Онъ не сошелъ... Такъ и я часто слышу, какъ бы, эти же слова... именно такъ воиютъ иногда дѣла, а иногда собственное петерѣвнѣе и немощь... но я положилъ въ душѣ не сходить... Да я и вижу ясно, что Самъ Го-

(1) Послѣдніе дни жизни Митр. Филарета, стр. 7.

сподь скоро освободить меня!“..— „Вотъ видишь, что и какъ было... Да будетъ же такъ и со мною, по единой всеблагой волѣ Единаго живыми и мертвыми Обладающаго!.. Пока же еще живъ и могу думать о живомъ будущемъ, хотя уже и не своемъ, то даль бы Господь, чтобы по скорѣе поспѣшили назначеніемъ преемника, — иначе, въ самомъ дѣлѣ, и безъ вины будешь виновать въ накопленіи и запущеніи дѣлъ по управленію епархіей“.

Этимъ и кончилась тогдашняя бесѣда и была почти уже послѣднею, по крайней мѣрѣ въ значеніи пространности содержанія и по продолжительности времени. — Намъ вспомнились особенно живо послѣднія слова изъ этой бесѣды, именно о желанномъ преосв. Антоніемъ ускореніи назначенія преемника ему, — когда прочитаны были нами, спустя ровно четыре года, слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя преждеупоминавшимся авторомъ (1) по отношенію къ Смоленской епархіи, когда назначался только еще въ нее преосв. Антоній. „Преемника преосв. Тимоѳею, бывшему Архіепископу Смоленскому, говоритъ авторъ, почему-то не назначали около полугода. Для преосвящ. Антонія, зорко слѣдившаго за всѣми даже и мало-значительными событіями современной церковной жизни, такое промедленіе не казалось одною лишь простою случайностію. „Изумительно для меня. — писалъ онъ по этому предмету, — что за цѣль была бросать безъ архіерейскаго управленія цѣлую паству на столь продолжительное время“.

Такъ неизмѣнно вѣренъ былъ и пребылъ *до послѣднихъ дней своей жизни* своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ по отношенію ко всѣмъ интересамъ въ дѣлахъ церковныхъ всегда ревностный и неустанный блюститель и исполнитель ихъ — преосв. Антоній!..

Но вотъ . наконецъ , дни его жизни были уже изочтены...

Съ этой поры недѣли двѣ-три ходъ болѣзни преосв. Антонія былъ самый неопредѣленный, но только не къ лучшему. 23-го Октября (въ день его ангела по мірскому

(1) Церковн. Вѣстн. 1883 г. 26 Ноября. № 48, стран. 2.

имени—*Таковъ*) было особенное молебствіе въ Соборѣ при собраніи всего духовенства; послѣ молебна, хотя докторъ и не позволялъ больному тревожиться, онъ, тѣмъ не мѣнѣе, позволилъ всѣмъ подходить къ нему подъ благословеніе, хотя не могъ встать съ постели. Въ это время хоръ пѣвчихъ въ залѣ, далеко отъ спальни, пѣлъ концертъ. Съ начала думали, что это потревожитъ Владыку, но когда пѣвчіе, по его желанію, подошли тоже къ нему подъ благословеніе, онъ сказалъ, чтобы они еще пошѣли въ ближайшей комнатѣ при отворенныхъ къ нему дверяхъ и, при томъ, что либо заунывное. Въ заключеніе же самъ назначилъ процѣть „*Достойно есть*“ на напѣвъ пѣсни: „*Объятія отца отверсти ми потицися*“. Пѣснь эта, извѣстно, поется при постриженіи въ монашество и напѣвъ ея, самъ по себѣ трогательно-умилительный, производитъ особенно глубокое впечатлѣніе въ описываемыя минуты, въ приложеніи къ лицу и состоянію пожелавшаго слышать этотъ именно напѣвъ. Пѣснь „*Достойно есть*“, обыкновенно называемая *входною* по употребленію ея при входѣ святителей въ храмъ на служеніе, при настоящей обстановкѣ была уже для Владыки *предъисходною*.

До 3-го Ноября ходъ болѣзни продолжался по прежнему съ видимымъ, однако же, усиленіемъ. Болящій не отрицалъ медицинской помощи, но, видимо, готовился къ кончинѣ: онъ ежедневно приобщался св. Таинъ, спачала выходя въ моленную, а потомъ уже въ кабинетъ, гдѣ у него была особая кровать. Зная, что во всѣхъ церквахъ возносятся особыя молитвы о его выздоровленіи, онъ, между прочимъ, сказалъ однажды: „не о томъ вы молитесь; молитесь не о моемъ выздоровленіи, а о томъ, чтобы Господь даровалъ мнѣ *кончину безболѣзненну, не постыдну, мирну и добрый отвѣтъ на страшномъ судилищѣ*“.

Чувствуя по временамъ сильныя страданія, Владыка сказалъ однажды съ какимъ то особенно сыновне-простодушнымъ чувствомъ: „нѣтъ! вѣрно Господь не слышалъ моихъ и прежнихъ недостойныхъ молитвъ, не слышитъ и теперь, не уменьшаетъ страданій болѣзни ради

моей немощи“. При напoминанiи ему словъ Писанiя: „терпѣнiе Ювле слышасте и кончину его видѣсте“, Владыка сказалъ: „да, то былъ Ювъ, а я что?“, и приказалъ читать ему Патерикъ.

Вышеозначеннаго 3-го Ноября, въ Субботу съ утра, болящiй показался какъ будто въ лучшемъ сравнительно состоянiи; прислуживающiе даже изумились, что онъ безъ всякой помощи всталъ съ постели и проползъ самъ, незамѣтно ни для кого, въ моленную при началѣ ранней Литургiи и всю службу просидѣлъ спокойно и, затѣмъ, прiобщился тамъ-же св. Таинъ. Но вскорѣ же за этимъ произошелъ небывалый припадокъ, такъ что всѣ разстерялись. Самъ онъ объявилъ тутъ же о крайней опасности и приказалъ попросить немедленно къ себѣ г. Губернатора. Чувствъ и отношенiй послѣдняго къ почившему Архипастырю нишущiй не беретъ на себя выразить во всей полнотѣ: такъ онѣ были глубоки, искренни во всей сыновней преданности и почтительности ⁽¹⁾. Потому-то въ послѣднiе дни онъ просилъ и Владыку, чтобы, при малѣйшей надобности, онъ приглашалъ его, и прислуживавшимъ строго наказывалъ, чтобы они не замедляли минуты сообщить ему объ этомъ приглашенiи. Въ настоящiй разъ, хотя припадокъ скоро миновалъ, и болящiй значительно успокоился, тѣмъ не менѣе онъ тутъ же пожелалъ благословить г. Губернатора, преклонившагося къ его одру, заранѣе приготовленной иконою съ выраженiемъ самой задушевной благодарности къ благословляемому и всей благожелательности ему и всему семейству.

По прошествiи нѣкотораго времени Владыка еще болѣе успокоился, особенно, когда, по его желанiю, былъ прочитанъ канонъ съ акаѳистомъ Спасителю. Ему было помянуто, что скоро день св. памяти Святителя Германа Казанскаго и что слѣдуетъ возлагать упованiе на его помощь. „Знаю, отвѣчалъ онъ, что его память; да я-то

(1) Таковыя же чувствованiя и отношенiя были и со стороны всѣхъ высшихъ лицъ, хотя и не выражавшися такъ непосредственно при послѣднихъ дняхъ, по самому неудобству частаго посѣщенiя.

каюсъ, что въ послѣдніе годы мало помнилъ долъ свой... Въ прошломъ году, поправившись отъ болѣзни, думалъ и собирался ѣхать въ Свѣяжскъ, чтобы отслужить при его мощахъ, но имѣлъ несчастье послушаться совѣтовъ людскихъ, пугавшихъ опасеніями; въ нынѣшнемъ тоже я опять былъ отклоненъ чѣмъ-то... Потому-то и самъ Святитель не слышитъ теперь моихъ молитвъ. Впрочемъ, присовокунилъ Владыка, вѣрпо слово, что знаменій и чудесъ не просятъ, а тѣмъ паче не требуютъ... Бывало я служилъ хотя здѣсь въ этотъ день, — а теперь лежу“...

Въ день Святителя Германа, послѣ приобщенія св. Таинъ, Владыка хотя оставался въ прежнемъ положеніи, тѣмъ не менѣе принималъ о. Ректора Академіи съ дѣлами и утвердилъ журналы. Около перваго часу былъ и г. Секретарь Консисторіи съ дѣлами. Предметомъ разсужденія было. между прочимъ, дѣло о какомъ-то священникѣ изъ молодыхъ, допустившемъ проступокъ по несоблюденію нѣкоторыхъ важныхъ церковно-каноническихъ правилъ при совершеніи таинства брака. „Да, горе мнѣ, горе, — сказалъ Владыка, — съ этими „развитыми“ ставленниками. Эта-то ложная развитость и доводитъ ихъ скоро до забвенія, — кто они, и что требуется отъ нихъ, какъ священниковъ... Не такое бы развитіе хотѣлось въ нихъ видѣть!“...

Вечеромъ Владыка пожелалъ приобщиться св. Таинъ на почь. На вопросъ: почему онъ не хочетъ подождать до утра по обычаю? — „Боюсь, — сказалъ Владыка, — можетъ быть не доживу“ и къ этому прибавилъ: „да я желалъ бы и переодѣться на всякій случай; распорядись, чтобы сейчасъ же“... Переодѣвшись Владыка замѣтно успокоился, однако же сказалъ: „Но все-таки скоро-скоро и послѣднее „прощай“... Послѣднія слова Владыки пишущему были таковы: „когда я вручалъ тебѣ крестъ при постриженіи, то не свои слова произносилъ, а Того, Кто Самъ рекъ: *Иже аще хоцетъ по Мнѣ идти, да возметъ крестъ свой...* Если кому, то монахамъ ни уныніе, ни ропоть, ни кое-либо недовольство своею судьбою и положеніемъ не должны быть извѣстны и по наименованію. Самыя злорадости со стороны другихъ должны быть для

насъ монаховъ пріемлемы за сладость... Плохой я примѣръ...—но испыталъ и выстрадалъ по мѣрѣ силъ, Богу укрѣпляющую, довольно!.. чему ты самъ ближайшій свидѣтель и даже сопричастникъ...—вѣдь и тебѣ, *яко некому Симону Киринейскому задѣша* отчасти понести крестъ мой...“

Въ слѣдующій день (7 числа) болящій, видимо было, сталъ приближаться къ концу; большую часть времени проводилъ въ полусонѣ и рѣдко-рѣдко что проговаривалъ; святыхъ же Таинъ пріобщился въ обычное время. Сталъ чувствовать особенную жажду; ничѣмъ и никто уже его не беспокоилъ, хотя онъ наканунѣ и приказывалъ приготовить одно дѣло къ этому дню для подписи.

Вечеромъ и во время всенощной и послѣ оной стали собираться многіе; нѣкихъ допускали, а большинство нѣтъ. Чтеніе каноновъ и акаѳистовъ продолжалось во весь день почти непрерывно близъ его кровати. Часовъ съ 8-ми дыханіе стало слишкомъ трудное, жажда и требованье питья постоянныя. По временамъ, еще часовъ съ 7-ми, вырывались сильные вздохи и даже стоны. До девяти часовъ онъ говорилъ еще довольно свободно, прося напр. питья. Чтобы опредѣлить его состояніе, былъ предложенъ вопросъ: „Слышите ли Вы читаемое изъ каноновъ и акаѳистовъ?!“ „Да,—только чтеніе монотонно и не выразительно“. Послѣ этого слова Владыки, отъ времени до времени произносимыя имъ, были уже мало вняты. Онъ смотрѣлъ, какъ бы спрашивая и чего-то тревожно ища. Я спросилъ: „Вы крестъ ищете?“ Послѣдовалъ утвердительный знакъ. Крестъ (его постригальный—перломутровый), придерживаемый имъ постоянно на груди, скатился въ это время на одну сторону; я взялъ и поднесъ крестъ прежде къ устамъ Владыки, и онъ крѣпко поцѣловалъ его; потомъ я вложилъ крестъ въ правую руку Владыки онъ крѣпко прижалъ его къ своей груди.

Наступили минуты, въ которыя не время и не мѣсто уже было для человѣческихъ наблюденій надъ послѣднимъ тѣлеснымъ процессомъ жизни... Это—тѣ мину-

ты, значеніе коихъ уже недомыслимо земнымъ смертнымъ.

Начато было чтеніе, положенныхъ Церковію, молитвъ па исходъ души... По окончаніи ихъ чрезъ четверть часа великое *таинство разлученія* души съ тѣломъ совершилось... Это было въ началѣ перваго часа, въ то знаменательное время, которое невольно напоминало присутствовавшимъ слова церковной пѣсни: *Се женихъ грядетъ въ полнощи...*

Эта знаменательность особенно живо воспринималась, когда, при начатомъ тотчасъ, по церковному обряду, облаченіи почившаго о Господѣ, протодіаконъ возгласилъ: „Да возрадуется душа твоя о Господѣ, облече бо ты въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя ты и *яко жениху* возложи ти вѣнецъ и *яко невесту* украси ты красотою“. Облаченіе послѣдовало тѣмъ болѣе чинно, что все одѣяніе самимъ же покойнымъ Владыкою было приготовлено еще за недѣлю и имъ высказываемы были не разъ подробныя распоряженія, что и какъ сдѣлать и, главное, *не суетясь и не спѣша...*

По окончаніи этого, когда положено было на столѣ въ залѣ тѣло почившаго Архипастыря, послѣдовали мѣрные заунывные звуки колокола въ Соборномъ храмѣ, а потомъ и въ другихъ церквахъ. Началась панихида; къ половинѣ ея уже начали стекаться многіе и многіе, не смотря на такую пору ночи и при томъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; такъ напр. изъ Академіи прибылъ о. Ректоръ. Снятіе съ смертнаго одра, облаченіе и панихида были совершены Викаріемъ преосв. Павломъ съ двумя архимандритами, о. каедр. Протоіеремъ, Ключаремъ и другими. Преосвященнымъ Епископомъ Павломъ были отправлены телеграммы, куда и кому слѣдовало, официальные и частныя.

При разсвѣтѣ дня начались непрестанныя и многочисленнѣйшія посѣщенія лицъ всѣхъ званій, такъ что опасались иногда за полъ залы... Послѣ полуденной панихиды въ присутствіи г. Губернатора и прочихъ высшихъ лицъ мѣстныхъ управленій и множества другихъ, съ благословенія преосвященнаго Викарія и послѣ пѣ-

сколькихъ словъ сказанныхъ имъ, было распечатано и прочитано вслухъ всѣхъ Ключаремъ Собора предсмертное завѣщаніе въ Бозѣ почившаго, составленное имъ еще въ прошломъ году послѣ принятія Таинства Елеосвященія и подписанное, между прочимъ, самимъ же г. Начальникомъ губерніи тайнымъ совѣтникомъ Н. Я. Скарятинымъ. Дальнѣйшія, во всѣ послѣдующіе дни, панихиды были назначены—главныя архіерейско-соборныя одна въ 12 часовъ дня, а другая въ 8 часовъ вечера. Между прочими панихидами была отслужена особая панихида о. Ректоромъ дух. Академіи Протоіереемъ А. П. Владимірскимъ въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и служащихъ въ Академіи лицъ и студентовъ. При этомъ были произнесены двѣ рѣчи: одна Инспекторомъ Академіи экстра-ординарнымъ профессоромъ Н. И. Ивановскимъ, другая доцентомъ С. А. Терновскимъ.

Утромъ слѣдующаго дня (9-го числа) было совершенно положеніе во гробъ и перенесеніе Почившаго въ кафедральный Соборъ, въ которомъ, по завѣщанію его, было назначено опредѣленное мѣсто и для могилы. Последнее назначено было имъ въ правомъ придѣлѣ во имя Рождества Христова у стѣны за лѣвымъ клиросомъ. Замѣчательно, что, при раскопкѣ этого мѣста, оказалось, что тутъ была уже прежняя могила, происхожденіе которой объяснялось различно. Общая же мысль та, что тутъ былъ погребенъ одинъ изъ бывшихъ митрополитовъ Казанскихъ Тихонъ III; но, по случаю капитальныхъ перестроекъ въ храмѣ, въ 1842 г., тѣло его перенесено въ нижній склепъ подъ главный алтарь Собора. Знали самъ Почившій заранѣе объ этомъ мѣстѣ погребенія, — не извѣстно никому.

При перенесеніи тѣла въ Соборъ трудно и опредѣлить многочисленность народа, равно какъ и выразить его чувства. Въ этотъ и во всѣ слѣдующіе дни народъ со всѣхъ концовъ города сплошными массами двигался къ Собору, начиная съ утрени и оканчивая девятью часами вечера, когда оканчивалась вечерняя общая панихида... Частныхъ же, по просьбѣ усердствующихъ, панихидъ было столько, что чтеніе Евангелія постоянно

прерывалось. По свидѣтельству несомнѣнно знающихъ, даже городскіе извозчики и прѣзжавшіе на рынокъ поселяне считали священнымъ долгомъ быть на поклоненіи у гроба и сподобиться облобызать святительскую руку. Передавали съ увѣреніемъ и то, что были при этомъ и многіе больные.

День самаго погребенія оставался неопредѣленнымъ до времени прибытія преосвященнаго Симбирскаго Θεоктиста. Прибытіе же его несомнѣнно ожидалось сколько по сообщенію ему въ телеграммѣ приглашенію, согласно желанію самого въ Бозѣ почившаго, столько и по воспослѣдовавшему распоряженію объ этомъ Святѣйшаго Синода, данному ему телеграммою.

Преосвященнѣйшій Θεоктистъ, не смотря на всю затруднительность пути и особенно на опасность самой переправы чрезъ Волгу, не замедлилъ прибыть для отдачі послѣдняго священнаго долга своему бывшему Ректору по Академіи и отцу своему по постриженію. Онъ прѣхалъ 10-го числа какъ разъ ко времени полуденной панихиды, которую и совершилъ. Погребеніе окончательно было назначено 12 числа. тѣмъ болѣе, что желаніе самого Почившаго было— „не держать его долго“.

Заупокойная Литургія была совершена обоими Преосвященными въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, шести протоіереевъ, двухъ игуменовъ и двухъ священниковъ. Самое же погребеніе совершено при сослуженіи всего Казанскаго духовенства. Надгробное слово за Литургіей было сказано Ректоромъ Академіи о. Прот. А. П. Владимірскимъ; при отпѣваніи же были сказаны четыре рѣчи, въ числѣ ихъ одна самимъ преосвященнѣйшимъ Θεоктистомъ ⁽¹⁾.

Трогательно до глубины души было то время, когда, наконецъ, былъ поднятъ на рамена своими сослужителями-настырями, благоговѣнно чтимый ими и всѣми именуемый *благостнѣйшій*, почившій *Архипастырѣ*. Еще умиленнѣе было видѣть, во время обношенія вокругъ Со-

(1) Всѣ эти рѣчи были напечатаны въ «Правосл. Собесѣдникѣ» вмѣстѣ съ некрологомъ.

бора тѣла Почившаго, огромное множество его пасомыхъ, ожидавшихъ нѣсколько часовъ на сильномъ морозѣ послѣдняго явленія предъ ними святочимаго ими Владыки и во множествѣ коленопреклоненныхъ въ эту минуту. Говорили видѣвшіе, что по сторонамъ, нѣсколько поодаль отъ православныхъ, стояли и лица изъ мѣстныхъ татаръ, а также и раскольниковъ, привлеченныхъ, по крайней мѣрѣ, любопытствомъ къ этому трогательному зрѣлищу (1).

Въ половинѣ третьяго исполнено, наконецъ, слово *Создавашаго человека и рекшаго: земля еси и въ землю отидеши.*

На заупокойной поминальной трапезѣ совершены были обычные церковные обряды, законченные возношеніемъ вѣчной памяти въ Бозѣ почившему, достойно и праведно имъ заслуженной, и пѣснопѣніемъ при заупокойной чашѣ, столько и для всякаго смертнаго благопотребнымъ для непрестаннаго памятованія: *Какъ житейская сладость пребываетъ печали не причастна?! Какъ ли слава стоитъ на земли не предложна?!* Эти слова священной пѣсни, сколько извѣстно, любилъ не рѣдко повторять самъ въ Бозѣ почившій, какъ и на дѣлѣ доказывалъ многообразно, не лстясь сладостію житейскою и славою неустойчивою.

(1) Какъ при перенесеніи тѣла въ Соборъ, такъ и при Литургии и отпѣваніи были г.г. Командующій войсками Округа Генераль-отъ-Инфантеріи А. О. Бруннеръ, Начальникъ губернии, Попечитель учебнаго Округа тайн. сов. П. Д. Шестаковъ, губериск. Предводитель дѣйств. ст. сов. А. Г. Осокинъ и другія высокопоставленные лица.

ГЛАВА XXI.

Со дня погребенія въ теченіи всего сорокоуста. читаемъ въ некрологѣ ⁽¹⁾. въ поминовеніе высокопр. Архіепископа Антонія духовенство Казанское, и именно протоіерей, священники и діаконъ, продолжали ежедневно чтеніе св. Евангелія въ Крестовой церкви, — а у могилы его соборное духовенство послѣ Литургій панихиды. Въ особенные же, знаменательные по ученію православной Церкви, дни—9-й, 20-й и 40-й собиравось въ кафедральный Соборъ все городское духовенство, для совершенія торжественной панихиды по новопреставленномъ Владыкѣ послѣ Литургій, совершавшихся здѣсь Преосвященнымъ Викаріемъ. Въ эти всѣ дни память своего любимаго въ Бозѣ почившаго Архипастыря нѣкоторые священнослужители почтили одушевленными и назидательными словами. Такъ о. Протоіерей Покровской церкви—Стефанъ Адоратскій произнесъ въ Соборѣ при панихидахъ на могилѣ рѣчи—въ 9-й день послѣ кончины. и въ 20-й день; накануне же 40-го дня о. Протоіерей кафедральнаго Собора Викторъ Петровичъ Вишневскій и въ самый 40-й день Настоятель Каз. Ивановскаго монастыря Архимандритъ Сергій—произнесли слова.

Въ послѣдній день сорокоуста, 17-го Декабря, огромный кафедральный Соборъ былъ полонъ народа; тутъ были представители всѣхъ сословій и званій. По совершеніи Божественной Литургіи Преосвященнымъ Павломъ, Викаріемъ Каз. епархіи, съ двѣнадцатью сослу-

(1) Смотр. Некрологъ. стран. 59—60.

жившими—архимандритами, протоіереями, священниками и іеромонахами, отправлена при участіи почти всего городского духовенства, торжественная панихида въ придѣльномъ храмѣ, у самой могилы Почившаго; а затѣмъ панихида совершена была и въ самомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ скончался Высокопреосвященнѣйшій Антоній. Послѣ чего предложенъ въ архіерейскомъ домѣ городскому духовенству и представителямъ разныхъ сословій города поминальный обѣдъ, приготовленный отъ усердія избраннѣйшихъ лицъ изъ мѣстныхъ почетныхъ гражданъ (1). Въ продолженіи затѣмъ всего года возносились заупокойныя моленія и литіи при могилѣ въ Бозѣ почившаго и совершалось цѣлогодичное поминовеніе его имени во всѣхъ церквахъ епархіи“.

Всѣхъ словъ и рѣчей, произнесенныхъ въ теченіи сорокадневнаго поминовенія, было двѣнадцать. Мы не представляемъ ихъ здѣсь въ подлинникахъ (даже и въ приложеніяхъ), потому что главное содержаніе ихъ по частямъ было уже приводимо нами, гдѣ и что приличествовало, по порядку и по предметамъ жизнеописанія. Остановимся лишь на нѣсколькихъ словахъ изъ самой первой рѣчи, сказанной при внесеніи гроба почившаго Архипастыря въ каедр. Соборъ и изъ послѣдняго слова, сказаннаго въ сороковой день поминовенія, какъ имѣющихъ особенное значеніе къ самому мѣсту его погребенія и ко многимъ пунктамъ его завѣщанія.—Какъ только гробъ Почившаго былъ внесенъ въ двери Собора, о. каедр. Протоіерей съ крестомъ въ рукѣ, какъ бы во время обычной встрѣчи на служеніе, сказалъ: „Добрый нашъ Пастырь! Безъ нѣсколькихъ дней тринадцать лѣтъ Ты еженедѣльно, а въ иныя недѣли почти ежедневно, приходилъ въ Твой престольный сей храмъ, чтобы своими молитвами и ученіемъ низводить на благодарованную Тебѣ паству, спасительную для всѣхъ человѣковъ, благодать Божию. Въ настоящій же день, тако изволившу Гос-

(1) Эти лица были купцы 1-й гильдіи: Пав. Александр. Прибытковъ, Пав. Вас. Щетинкинъ и Вас. Никит. Никитинъ. Первый и послѣдній изъ этихъ лицъ уже скончались.

поду, бывшіе Твои сослужители приносятъ Тебя сюда, бездыханна и безгласна. чтобы Ты упокоился отъ трудовъ Твоихъ до дня всеобщаго воскресенія мертвыхъ.

„Но если, по слышанному Тайнозрителемъ съ неба гласу, у мертвыхъ, умирающихъ во Господѣ на покой, вслѣдъ за ними идутъ дѣла ихъ (Ап. XIV, 13); то мы увѣрены, что Ты, и покоясь здѣсь, не престанешь умолять Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, да соблюдетъ бывшую паству Твою отъ непріязни. Ибо дѣло пастыря есть бдѣть о душахъ пасомыхъ (Евр. XIII. 17). „Вниди убо съ миромъ, вѣрный служитель Христовъ, и благочестнѣйшій строитель Таинъ Божіихъ въ предуказанное Тобою же самимъ мѣсто для покоища твоего!“ (1).

Мѣсто для своего посмертнаго упокоенія преосв. Антоній, дѣйствительно, предуказалъ самъ въ своемъ даже завѣщаніи (пунктъ 4). Мѣсто это знаменательно тѣмъ, что въ теченіи тринадцати лѣтъ преосв. Антоній проходилъ всегда на Богослуженіе въ Соборѣ (кромѣ великихъ праздниковъ въ лѣтнюю пору) именно чрезъ этотъ самый придѣлъ, да и самый входъ сюда онъ же самъ устроилъ въ первый еще годъ прибытія въ Казань, проведя изнутри крыльца своего архіерейскаго дома крытую галерею до дверей, ведущихъ прямо въ указываемый придѣлъ во имя Рождества Христова. Потому, если взять въ приблизительной сложности число восхожденій и исхожденій преосв. Антонія во всѣ столь учащательныя его служенія, (бывавшія, какъ сказано въ рѣчи, въ иныя недѣли почти ежедневныя), то выйдетъ не менѣе двухъ десятковъ сотенъ разовъ, когда взоръ его, даже неизбежно, долженъ былъ останавливаться на мѣстѣ предъизбраннаго имъ покоища для себя... и останавливаться, конечно, не праздно, но, естественнѣе всего, съ глубокою мыслию и взоромъ вѣры и молитвы о томъ, чтобы сподобиться возлечь здѣсь въ самомъ храмѣ, какъ мѣстѣ вселенія Божія на землѣ въ залогъ непостыдный для вселенія въ обителяхъ Отца Небеснаго, уготованныхъ всѣмъ вѣрнымъ

(1) Некрологъ, стран. 30.

рабамъ и служителямъ Его... Не при этихъ ли воззрѣнiяхъ на мѣсто ожидавшаго его покоища, естественнѣе и вѣрнѣе всего, изливались въ тайнѣ души его и тѣ молитвенныя его воззванiя къ Сердцевѣдцу—Судии живыхъ и мертвыхъ, какими онъ заключилъ собственно и собственноручно свое духовное завѣщанiе: „Величая величаю Тя, Господи, яко призрѣлъ еси на смиренiе мое и спаслъ еси отъ нуждъ душу мою. И нынѣ, Владыко, да покрыетъ мя рука Твоя, и да придетъ на мя милость Твоя. Милостивъ буди ми, Владыко, и да примутъ душу мою Ангели Твои свѣтлiи. Дажь славу имени Твоему святому и на Божественномъ Твоемъ судилищи неосужденну предстати ми сотвори и буди ми Спасъ и Заступникъ. Помилуй, Господи, душу мою и чистую покаянiемъ и исповѣданiемъ прими. Яко благословешъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Съ другой стороны, если въ Бозѣ почившiй въ своемъ святительскомъ завѣщанiи умолялъ Казанскую паству свою „паче всего твердо хранить св. православную вѣру Христову и неуклонно неизмѣнно держаться всѣхъ уставовъ св. Церкви (1 пунктъ завѣщанiя) и, съ тѣмъ вмѣстѣ, смиренно просилъ всѣхъ чадъ своей паствы творить о немъ молитвенную память (пунктъ 2),—и говоря словами одной изъ надгробныхъ рѣчей (1) во всемъ этомъ онъ выразилъ и засвидѣтельствовалъ на вѣки, какъ онъ, подобно св. Апостолу, *любилъ и возлюбилъ до конца* свою паству любовiю Иисуса Христа (Филип. 1, 8.), то въ приложенiи къ самому мѣсту погребенiя въ Бозѣ почившаго такъ и думалось, чувствовалось и вѣровалось, въ самыя минуты опущенiя гроба его въ могилу, что онъ вмѣщался тутъ, какъ бы стражъ и блюститель своихъ пасомыхъ чадъ и по смерти... Въ этихъ именно мысляхъ и чувствованiяхъ и были выражены нами. (въ словѣ въ послѣднiй сороковой день) (2), слѣдующiя обращенiя ко всѣмъ предстоящимъ: „Приходя отнынѣ въ сей храмъ, да неминуемъ и мѣста покоища нашего приснопамятнаго

(1) Некрологъ, стран. 53.

(2) Тамъ же, стран. 79.

Святителя съ молитвою въ душѣ и будемъ взирать на это мѣсто, не какъ только ради чести святительства его здѣсь уготованное, но съ вѣрою и упованіемъ, что какъ на этомъ мѣстѣ, по преимуществу, онъ былъ срѣтаемъ и сопровождаемъ нами, при всѣхъ вхожденіяхъ и исхожденіяхъ его во дни совершаемыхъ имъ священнодѣйствій,—такъ и отселѣ навсегда душа его и духъ молитвенно-благодатный будутъ, несомнѣнно, присущи по средѣ церкви со страхомъ и благоговѣніемъ входящихъ въ нее, яко присныхъ ему чадъ его паствы, и паче посредѣ *поминающихъ* его, по слову св. Апостола, *яко наставника глаголавшаго слово Божіе и взирающихъ на скончаніе его жителства для посильнаго подражанія върѣ его*“.

Наконецъ, указываемая знаменательность предъизбранія преосв. Антоніемъ могилы для себя въ описываемомъ мѣстѣ и самая неложность, воспринимаемыхъ при этомъ, чувствованій молитвы и вѣры свидѣтельствуется и оправдывается словами его же духовнаго завѣщанія. Вотъ два пункта этого завѣщанія, по своему содержанию прямо относящіеся къ настоящему предмету.—*Пунктъ 4.* „Именемъ Господа прошу—бранные останки мои погребсти вмѣстѣ со всѣми моими предмѣстниками, начиная со Святителя Гурія, въ Казанскомъ кафедральномъ Соборѣ, въ Рождественскомъ придѣлѣ, за лѣвымъ клиросомъ, гдѣ надъ мѣстомъ погребенія устроить кивотъ изъ имѣющихся въ моей молитвенной и мнѣ принадлежащихъ св. иконъ Христа Спасителя и другихъ“.
Пунктъ 5. „Св. икону Смоленской Божіей Матери, большого размѣра шитую золотомъ и серебромъ съ камнями, передать въ Казанскій кафедральный Соборъ, съ тѣмъ, чтобы она поставлена была въ кивотъ за правымъ клиросомъ того же Рождественскаго придѣла“.

Надобно замѣтить прежде всего, что преосв. Антоній отличался иконолюбіемъ и благоговѣйнымъ почитаніемъ иконъ не только въ значеніи чувствъ молитвенныхъ, но и въ смыслѣ, такъ сказать, ухода за ними самаго тщательнаго и непремѣнно собственнаго-личнаго. Нужно ли было палить елея въ лампадки, поправить или перемѣнить самый фитиль въ нихъ,—онъ никогда не только не при-

казывалъ, но и не позволялъ дѣлать этого кому нибудь, а исполнялъ самъ, при всякомъ случаѣ. Такъ напр. когда онъ, бывало, разговаривалъ съ кѣмъ нибудь и вдругъ замѣчалъ тусклость той, или иной лампадки, онъ немедленно подходилъ къ иконамъ и исполнялъ, что нужно. Потому у каждой божницы были всегда наготовѣ и елей и щипчики для снимки нагара на фитиляхъ; и самые фитили имѣлись у него въ запасѣ. Въ извѣстныя времена предъ праздниками всѣ иконы онъ самъ же ошачивалъ и отиралъ.—Совершалось все это имъ съ какою-то особенною задушевно-дѣтскою и послушническою радѣтельностью. Св. иконъ, разныхъ размѣровъ и качествъ, было у преосв. Антонія весьма большое число, и всѣ онѣ были, по его словамъ, памятны по какимъ либо обстоятельствамъ и по именамъ лицъ и мѣстъ, отъ кого и откуда та, или другая икона была имъ получена. Кромѣ большаго образнаго кивота въ его молитвенной комнатѣ, иконы разставлены были въ разныхъ мѣстахъ,—и непременно устанавлились въ возможно строгомъ порядкѣ и симметрично имъ же самимъ собственноручно; въ случаѣ полученія новой иконы, или отдачи имъ самимъ кому либо въ благословеніе,—онъ тотчасъ же дѣлалъ соотвѣтственное размѣщеніе.

Изъ огромнаго числа иконъ преосв. Антоній заранѣе постепенно раздавалъ въ послѣднее время его болѣзни, а болѣе всего предъ самою кончиною въ благословеніе и молитвенную память о немъ разнымъ лицамъ. О другихъ же сдѣлалъ заранѣе распоряженіе, указанное и въ его завѣщаніи, относительно помѣщенія ихъ въ придѣльномъ храмѣ.—на мѣстѣ его будущаго погребенія, перечисливши ихъ самъ подробно и въ порядкѣ, какъ они должны быть размѣщены въ отдѣльныхъ кивотахъ.—Этихъ иконъ осталось послѣ кончины преосв. Антонія семнадцать. Всѣ они замѣчательны были для него вообще тѣмъ, что получены были въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ въ ознаменованіе какихъ либо событий и обстоятельствъ въ его жизни или отъ лицъ, особенно имъ чтимыхъ и близкихъ къ его сердцу. Такова напр. въ особенности св. икона Христа Спасителя—

„Нерукотвореннаго Образа“, которую дядя его—высокопр. Филаретъ Кіевскій вручилъ ему, какъ бы, въ особенное наслѣдіе съ такими словами: (1) „Возми эту св. Икону себѣ и сохрани ее навсегда, какъ особенную святыню. Я тебѣ открываю, что на сей св. Иконѣ я не разъ сподоблялся видѣнія какого-то блистанія неземнаго свѣта, разливавшагося на Пречистомъ Лицѣ Господа Спасителя“. Эта св. Икона постоянно находилась у преосв. Антонія на особомъ небольшомъ столѣ, въ родѣ наложія, вблизи изголовья его кровати. Тутъ же надъ самымъ изголовьемъ на стѣнѣ висѣла небольшая иконка, писанная на какой-то металлической, видимо серебрянной, доскѣ, изображающая Ангела Хранителя и съ изображеніями разными по краямъ. Она была благословена преосв. Антонію, по словамъ его, Владыкою же Филаретомъ еще въ дѣтствѣ его. Переѣзжая на лѣто въ загородный домъ. преосв. Антоній всегда перевозилъ Икону Спасителя туда.—и непременно самъ на своихъ рукахъ,—завернутою въ пелену.—Вторая Икона, отдѣльно упомянутая въ 5-мъ пунктѣ завѣщанія, именуемая Смоленскою Иконою Божіей Матери, чтима была особенно преосв. Антоніемъ, какъ копія по размѣру и по изображенію съ подлинной, и цѣнима была имъ, какъ дорогой для его души памятникъ любви принесшихъ ему въ даръ эту Икону. Въ одномъ же кивотѣ съ этою Иконою помещена еще Икона Святит. Чудотв. Николая.—Копія съ чудотворной иконы, именуемой „Никола-Березовская“, по мѣсту явленія ея, въ царствованіе Михаила Θεодоровича, въ селѣ *Березовкѣ* нынѣшняго Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи. Эту Икону преосв. Антоній читилъ особенно, какъ *родинную* по мѣсту рожденія своего въ Уфимской губерніи. Она принесена была ему въ даръ отъ преосв. Никанора, бывшаго Уфимскаго Епископа, нынѣ Одесскаго.

Въ числѣ сказанныхъ семнадцати иконъ мы не можемъ не упомянуть и еще объ одной иконѣ, дорогой

(1) Это значитъ въ матеріалахъ по Биографіи высокопр. Филарета.

собственно по воспоминаніямъ лично нашимъ, и свидѣтельствующей съ тѣмъ вмѣстѣ о томъ,—какъ дорого цѣнилъ и самъ преосв. Антоній чувства и отношенія къ нему Кіевской Академіи и, въ частности, самыхъ студентовъ. Эта икона св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова поднесенная ему нами—бывшими студентами старшаго курса (XIX) Кіевск. Академіи. При поднесеніи этой иконы была произнесена преосв. Антонію, отъ лица всѣхъ насъ, однимъ изъ товарищей (Херасковымъ—нынѣшнимъ Прот. и Ректоромъ Владимірской Семинаріи) рѣчь.—Содержаніе этой рѣчи мы не помнимъ во всей подлинности, но главныя мысли и чувствованія подносившихъ были почти тождественны съ тѣми, какія выражены были въ надгробной рѣчи однимъ изъ позднѣйшихъ воспитанниковъ Кіевской же Академіи (Доцентомъ Каз. Акад. Сер. Ал. Терновскимъ). Это отождествленіе особенно замѣчательно въ отношеніи собственно къ самой иконѣ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.—Вотъ подлинныя слова въ этой рѣчи: „Кіевская Академія съ особеннымъ благоговѣніемъ чтить и празднуетъ память великаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Всякій знаетъ, Владыка святой, какъ велики были Твои Богословскія познанія, и какъ крѣпки непоколебимы Твои Богословскія убѣжденія... Но не буду говорить объ этомъ... Скажу нѣчто другое. — О св. Евангелистѣ Іоаннѣ извѣстно, что онъ въ послѣдніе дни своей жизни повторялъ своимъ ученикамъ однѣ и тѣ же слова: *„братіе, любите другъ друга“*. И еще,—объ немъ же есть свидѣтельство, какъ о самомъ горячемъ строгомъ ревнителѣ о правомъ ученіи и исповѣданіи Вѣры... Находятъ иные не вѣроятнымъ самое это свидѣтельство, представляя не возможнымъ совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ такихъ свойствъ—столь глубокой любви и снисходительности и горячей ревности... Но и въ Тебѣ, Владыка святой, было совмѣщеніе именно этихъ двухъ свойствъ: Ты до послѣднихъ дней жизни своей твердо помнилъ и не разъ въ нашей академической, Тобою возлюбленной, семьѣ любилъ повторять заповѣдь: *„вся вамъ любовію да бываютъ“*... И мы всег-

да живо чувствовали и чтили эту силу любви, но съ симъ вмѣстѣ глубоко чтили и Твое глубокое, искреннѣйшее, горячее до ревности исповѣданіе Твоихъ священныхъ убѣжденій“ (1).

Обратимъ еще вниманіе на одну икону, — помѣщенную въ кивотѣ вмѣстѣ съ Смоленскою Иконою Божіей Матери, — небольшого размѣра и по виду своему не представляющую, по видимому, какой либо особенности, кромѣ разнородности сдѣланныхъ на ней св. изображеній — въ числѣ восьми. — О происхожденіи и значеніи этой иконы пишущему извѣстно было еще въ свое время изъ устъ самого преосв. Антонія. — По кончинѣ же чрезъ нѣсколько времени (11 Февраля 1880 г.) мною было получено письмо отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыми была прислана описываемая икона преосв. Антонію ко времени двадцатилѣтія его епископства (30 Марта 1878 г.). Лица эти изъ благочестиваго семейства (изъ дворянъ помѣщиковъ Полтавской губерніи) пользовались особеннымъ расположеніемъ и высокопр. Филарета Кіевскаго; съ ними находился въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ знакомства и преосв. Антоній почти со времени своего еще студенчества, и во все время своего служенія въ Кіевѣ, и до конца своей жизни. — Все это увидится сейчасъ изъ указаннаго ниже письма.

„Икона, — читаемъ въ письмѣ, — посланная нами Владыкѣ, ко дню двадцатилѣтняго его архіерейскаго служенія, составлена по мысли и плану, принадлежащимъ оригинально намъ. Дѣло было такъ. Мы, какъ Вамъ не безъизвѣстно, каждый годъ къ 30 Марта приготавливали и посылали какую нибудь работу своихъ рукъ (2). Владыка сколько благодарилъ насъ, столько же въ послѣднее время и оговаривалъ насъ за наше такое усердіе, выражаясь, что мы слишкомъ его балуемъ... Но мы все-таки

(1) Некрологъ, стран. 38.

(2) Работы эти относились къ церковно-служебнымъ вещамъ, — таковы напр. саккосъ архіерейскій, — подризники, воздухи, подушки для кафедры; въ одинъ изъ подризниковъ этихъ преосв. Антоній назначилъ облачить себя по кончинѣ.

пожелали непременно въ этотъ годъ послать ему еще подарокъ.—Въ одну ночь не то во снѣ, не то въ воображеніи представилась мнѣ эта икона. Утромъ я сообщила сестрѣ, и мы тутъ же распланировали на листѣ бумаги, гдѣ и какое помѣстить изображеніе,—и прежде всего мы живо вспомнили то, какъ 30 Марта, во время совершенія хиротоніи, Владыка стоялъ колѣнопреклоненнымъ предъ св. Престоломъ, надъ которымъ, какъ извѣстно и Вамъ, на верху въ алтарномъ куполѣ въ Софійскомъ Соборѣ изображена Божія Матерь, именуемая „Нерушимая Стѣна“. Ее-то мы и помѣстили во главѣ—въ срединѣ всѣхъ другихъ изображеній, а рядомъ съ нею съ двухъ сторонъ—Иконы Божіей Матери—Смоленской и Казанской, въ ознаменованіе двухъ его епископскихъ кафедръ; далѣе св. Великомученицы Варвары, св. мощи которой въ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ Владыка служилъ Викаріемъ;—потомъ иконы святыхъ: препод. Евѡимія—15 Октября,—день рожденія Владыки,—св. Ап. Іакова брата Господня,—день его ангела по мірскому имени (23 Окт.), св. препод. Антонія Печерскаго—день ангела по монашеству, св. Іоанна Лѣствичника 30-го Марта—день его хиротоніи, и, наконецъ, св. Евстаѡія—29 Марта.—Этотъ послѣдній день намъ особенно глубоко памятенъ въ душѣ тѣмъ, чего мы были сами личныя свидѣтельницами... Въ этотъ день, наканунѣ хиротоніи, покойный Владыка служилъ Литургію раннюю въ пещерской церкви св. преп. Антонія и провелъ весь почти день бозъ исхода въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ въ особенномъ духовномъ молитвенномъ подвигѣ. Въ концѣ всего, Владыка долго-долго то молился, то стоялъ въ безмолвномъ размысленіи предъ гробницею Владыки Филарета,—причемъ слезы лились у него буквально ручьемъ, а мы, стоя въ сторонѣ, только что не рыдали.., чтобы не нарушить его состоянія. Насъ поражало это все какимъ-то трепетомъ.., особливо такой плачь и когда—же въ свѣтлый день (хотя и послѣдній) св. Пасхи!!—Вотъ почему мы возжелали помѣстить на нашей иконѣ св. угодника Евстаѡія, память котораго совершается въ это 29-е число Марта...“

Прервемъ на минуту слова настоящаго письма и приведемъ здѣсь собственныя слова преосв. Антонія въ письмѣ его къ преосв. Анатолю (Могилевскому), какъ разъ соотвѣтствующія вышеприведеннымъ въ письмѣ словамъ. Извѣщая преосв. Анатоля о дняхъ своего нареченія (27 Марта) и хиротоніи (30-го ч.), бывшихъ въ томъ году въ пасхальную недѣлю, преосв. Антоній писалъ такъ: „Такимъ образомъ я буду праздновать сугубую Пасху—Христову и свою. И признаюсь—приходится вкушать се мнѣ, какъ древле Израильтяне, съ горькими травами... Чувствуется, при самомъ первомъ шагѣ въ святительскій санъ, что *епископство* точно есть *священномученичество*, какъ говорилъ, бывало, часто покойный Владыка нашъ—приснопамятный Филаретъ. Да, вижу ясно, что приѣмлю крестъ тяжелый... И замѣтите, въ какое время пришлось мнѣ готовиться къ сему...—во дни страстной крестной седмицы! О! когда бы далъ Господь приобщиться мнѣ всею душою моею Страстей Его спасительныхъ, и живоносною силою Креста Своего даровалъ мнѣ силу и помощь подъять и понести во спасеніе, предстоящій мнѣ, крестъ! Еще и еще прошу *со слезами*: помолитесь о мнѣ Владыко святой! (1). При чтеніи этихъ строкъ письма такъ и просятся въ душу чувство и мысли: не объ этомъ ли самомъ безмолвно размышлялъ преосв. Антоній и при гробницѣ того, изреченіе котораго буквально повторилъ онъ и въ письмѣ... о значеніи епископства, какъ *священномученичества*, и не тутъ ли самая Пасха вкушалась имъ духовно, яко съ горькими травами... и не тѣ ли же,—еще только сугубѣйшія, изливались у него при гробницѣ, Почившаго Владыки-дяди, слезы, съ какими онъ просилъ у живаго Святителя молитвъ о себѣ...“

„—Но чтобы Вы знали и поняли, — писано было въ томъ же прерванномъ выше письмѣ,—какъ принялъ Владыка нашъ подарокъ—поднесенную ему икону, мы переписываемъ Вамъ здѣсь, слово въ слово, все, что пи-

(1) Смотр. статью: «къ Биографіи Антонія, Архiep. Казанскаго». Церк. Вѣстникъ, 1883 г., № 48, стр. 4.

саль намъ Владыка въ отвѣтъ по полученіи нашей иконы.— „Не знаю и не умѣю, какъ благодарить васъ за этотъ вашъ истинно превосходный даръ мнѣ. Вы, по чьему-то вдохновенію свыше, умудрились дать мысль художнику совмѣстить на одной иконѣ тѣ изображенія, какія тамъ написаны, а художнику вѣрно самъ св. преподобный Антоній помогъ осуществить вашу мысль прекрасно... Право, вы обязываете меня безпредѣльною благодарностію вамъ за любовь и усердіе ваши... Въ дарѣ вашемъ я вижу и великую заботливость о спасеніи души моей. Тамъ, въ этой иконѣ, цѣлая система,—для меня нравоучительная въ высшей степени.—Всѣ важнѣйшіе моменты моей жизни такъ живо напоминаются мнѣ святыми лицами, изображенными на иконѣ.—Да! Пора, прежде суда Божія и отчета предъ Нимъ въ дѣлахъ своихъ, самому мнѣ построже судить себя и требовать отчета.—что сдѣлано мною въ тотъ, или другой періодъ моей жизни, и какой общій итогъ всего, съ коимъ придется предстать предъ Судію всей земли... Съ такою мыслию я потицусь всегда и чаще-чаще молитвенно взирать на вашу икону“.

Сводя все сказанное объ иконолюбіи преосв. Антонія, о благоговѣйномъ почитаніи иконъ и, само собою, глубококомъ молитвенномъ возношеніи души и сердца его предъ ними, и принимая, тѣмъ паче, во вниманіе особенную знаменательность многихъ священныхъ изображеній въ приложеніи къ разнымъ судьбамъ его жизни, мы уповаемъ, что непогрѣшительно будетъ сказано, что и самое желаніе въ Бозѣ почившаго, не забытое даже въ предсмертномъ его завѣщаніи,—чтобы извѣстныя св. иконы перенесены были, вмѣстѣ же съ нимъ, на мѣсто его покоища, заключало въ себѣ особеннѣйшую знаменательность... Мы разумѣемъ эту знаменательность и въ отношеніи къ нему самому, хотя почивающему во гробѣ, и ко всѣмъ, приходящимъ сюда чадамъ возлюбленной его паствы.—Не здѣсь ли онъ самъ, такъ наглядно для всѣхъ, представляется осѣняемымъ тѣми же св. иконами, предъ коими изливался молитвенный духъ его при жизни, а тамъ навѣрное зрятся ему уже лицомъ къ ли-

цу тѣ, которые изображены на сихъ св. иконахъ?!. Предъ лицомъ сихъ-то святыхъ, онъ и самъ ходатайствуетъ молитвенно какъ о себѣ, такъ и о всѣхъ, кои, приходя къ его гробу, возносятъ молитвы объ немъ и возжигаютъ, въ молитвенную память объ немъ, свѣщи и елей съ усердными поклоненіями предъ тѣми же самими иконами его, какъ бы въ сопредстоятельствѣ его же самого, тутъ присутствующаго...

Дѣйствительно. съ самой первой поры, какъ только установлены были на своихъ мѣстахъ всѣ иконы, и когда стало постепенно дѣлаться извѣстнымъ, что это собственныя иконы самого преосв. Антонія и находились у него постоянно въ его молитвенной и перенесены сюда по его собственному желанію и завѣщанію, — нельзя было не видѣть постоянно приходящихъ въ Рождественскій придѣлъ богомольцевъ, ставящихъ свѣчи предъ иконами съ земными поклонами и, не рѣдко, лобызаніями ихъ, и вслѣдъ затѣмъ преклоняющихся и предъ гробницею своего Архипастыря. Достоинно и праведно засвидѣтельствовать здѣсь, — чего очевидцы всегдашніе — всѣ сослужащіе нынѣшняго Архипастыря высокопреосв. Палладія Архіепископа Казанскаго, — какой высокій примѣръ являетъ онъ первый въ лицѣ своемъ для всѣхъ пасомыхъ. При каждомъ вхожденіи своемъ и выходѣ въ дни Богослуженій, высокопр. Владыка неопустительно всегда, въ заключеніе обычныхъ церковно-служебныхъ молитвословій, — поклоняется предъ тѣми же св. иконами, поставленными при гробницѣ, глубоко чтимаго имъ, своего достойнѣйшаго Предмѣтника. Эти чувствованія и отношенія свои онъ неоднократно, начиная съ первой своей вступительной на каѳедру Казанскую рѣчи, выражалъ съ особенною силою въ общее назиданіе всѣхъ и въ смыслѣ собственно личнаго соревнованія, чтобы „Господь, — скажемъ собственными его словами, — благословилъ Своимъ пренебеснымъ благословеніемъ и его пастырское здѣсь служеніе, дабы быть и ему пастыремъ по сердцу паствы, и сердца пасомыхъ всѣхъ обратилъ и привлекъ къ нему, подобно какъ къ приснопамятному и святочтимому бывшему Архипастырю — Антонію. — къ которому и до днесь

столь неизмѣнно влекутся души и сердца всѣхъ входящихъ въ храмъ сей, и тутъ же приходящихъ, въ чувствахъ молитвеннаго поминовенія, и къ самому мѣсту покоища его, — чему онъ самъ лично свидѣтель!..“ (1). Въ этомъ же смыслѣ и значеніи высокопр. Палладій особенно глубоко и сильно засвидѣтельствовали свои чувствованія и отношенія и внѣ храма, въ общемъ торжественномъ Собраніи Братства Святителя Гурія (30-го Ноября 1882 г.) (2). „Да возрадуются въ небесныхъ селеніяхъ, — изрекъ изустно Владыка Палладій съ какою-то восторженностію духа, — душа приснопамятнаго Учредителя и перваго Покровителя Братства, глубоко и свято чтимаго Іерарха, Преосвященнѣйшаго Антонія, взирая на это плодотворнѣйшее учрежденіе свое! Да будетъ благословенно имя его въ роды родовъ! Онъ, какъ „пастырь добрый“, подвизался подвигомъ неустаннымъ на духовной нивѣ Христовой до полного истощенія силъ, ревновалъ ревностію Божіею (2 Кор. 11, 2) до всецѣлаго самоотверженія во благо Церкви и паствы своей. И нынѣ вмѣстѣ съ Первосвятителемъ и приснымъ св. молитвенникомъ нашимъ Гуріемъ, не престаи, Іерарше Божій, приникать съ небесе къ возлюбленному своему дѣлу и спомоществовать ему твоими молитвами! — Божіею волею посланный духовно пасти паству Казанскую, я, смиренный Пастырь, входя въ дѣло твое и трудъ твой, приснопамятный святителю, да буду продолжателемъ труда твоего... О, если бы Господь даровалъ быть мнѣ *искуснымъ и непостыднымъ дѣлателемъ* (2 Тим. 2, 15) въ великомъ и многотрудномъ подвигѣ распространенія и утвержденія спасительной вѣры Христовой въ предѣлахъ страны сей, среди заблуждающихъ, прельщенныхъ и омраченныхъ смысломъ!.. Буди же, Ты, мнѣ образомъ, наставникомъ и помощникомъ!“.

Взирая на такой примѣръ своего Архипастыря, такъ открыто словомъ и дѣломъ свидѣтельствующаго предъ всѣми свои чувствованія и обращенія къ въ Бозѣ почив-

(1) Правосл. Собесѣдникъ, 1882 г. Декабрь.

(2) Тамъ же.

шему своему предмѣстнику, жители Казани дѣйствительно выражаютъ еще сугубѣйшую любовь и память къ преосвящ. Антонію, а нераздѣльно съ этимъ болѣе и болѣе обращаются и влекутся сердцемъ своимъ и къ сему новому своему Архипастырю и этимъ самымъ достойно оправдываютъ и собственное выше сказанное соревновательное желаніе его быть Пастыремъ по сердцу паствы. Какъ на непререкаемое свидѣтельство такого постепеннаго усугубленія чувствъ любви молитвеннаго чествованія имени и памяти преосв. Антонія мы должны указать на постоянное многочисленное стеченіе молящихся при годовичныхъ двукратныхъ поминовеніяхъ его—въ день кончины (7-го Ноября) ⁽¹⁾ и день бывшаго тезоименитства (10-го Іюля), наконецъ и на то, въ какомъ огромномъ числѣ, отъ первыхъ самыхъ дней до настоящихъ, подаются на проскомидіи просфоры и помянники, о поминовеніи преосв. Антонія. — Мы не можемъ не привести здѣсь факта, столь же несомнѣннаго въ истинности, сколько истинна священность самаго жертвенника, при которомъ былъ указываемый нами теперь фактъ, бывший недавно, именно въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, — день престольнаго праздника въ Казанскомъ кафедр. Соборѣ. Совершая при жертвенникѣ свое частное поминовеніе и видя, какое величайшее множество было подаваемо просфоръ и помянниковъ, — такъ что прочитывать послѣдніе приводилось двумъ и тремъ лицамъ, — мы были истинно поражены отъ глубины умиленія слѣдующими словами одного изъ подававшихъ просфоры къ другому, читавшему помянники: „вы, пожалуйста, раскрывая всякій помяникъ и не смотря, прямо произносите имя покойнаго Владыки Антонія.., потому что рѣшительно нѣтъ

(1) Высокопр. Палладій установилъ совершать поминовеніе въ день кончины вмѣсто 8 Ноября въ 7-е число потому, что во 1-хъ самая кончина была, такъ сказать, на рубежѣ между этими числами (въ первой половинѣ 1-го часа ночи) и во 2-хъ потому, что въ самый день 8-го Ноября.—въ который совершается празднованіе въ честь св. Архисстратига Михаила,—бываетъ храмовой праздникъ въ Каз. дух. Академіи, гдѣ и совершается всегда архіерейское служеніе.

ни одного помянника, гдѣ бы имя его не стояло первымъ...“ Самый тонъ этихъ словъ, простыхъ, но задушевныхъ, такъ прозвучалъ въ нашемъ слухѣ сильно и живодѣйственно, что только глубочайшій вздохъ отъ умиленія и осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ могли быть посильнымъ соотвѣтствіемъ ихъ смыслу и значенію. Въ тотъ же моментъ, однако, столько же живо вызвалась у насъ мысль:—здѣсь ли это только, или и всюду, гдѣ только вѣдомо имя въ Бозѣ почившаго?!.. и въ отвѣтъ на это тутъ же отозвались не въ памяти только, но изъ глубины души и тѣ слова, какія выражены были нами же въ проповѣди, сказанной въ сороковой день по кончинѣ приснопамятнаго Архипастыря нашего—Антонія.— Повторимъ еще разъ здѣсь эти слова: „По первому извѣстію (полученному въ Іерусалимской патріархіи) о кончинѣ его на другой же день (12-го Ноября—день самаго погребенія) на святой самой *Голгоотъ* была совершена Архіерейскимъ служеніемъ заупокойная Литургія и панихида. Въ то же время Блаженнѣйшій Патріархъ Іерооѳей сдѣлалъ распоряженіе, чтобы *имя* новопреставленнаго Архіепископа Казанскаго *Антонія* было внесено въ св. диптихи для *вѣчнаго* его поминовенія и на св. *Голгоотъ* и *въ прочихъ св. мѣстахъ Палестины*“. И такъ, что значить это, когда имя и память Казанскаго Святителя, отънынѣ и на вѣки, будутъ нераздѣльно поминаемы не здѣсь только при мѣстѣ его покоища и не во всѣхъ только храмахъ бывшей паствы его, но и тамъ—на святѣйшей *Голгоотъ*, гдѣ совершалъ и завершилъ Божественно-Искупительное служеніе Свое Самъ Началоположникъ спасенія, Вѣчный Глава Церкви Христосъ Спаситель Господь и Богъ нашъ?! (1).

Когда, тотчасъ же по совершеніи Божественной Литургіи въ указанный день Благовѣщенія, вышли мы всѣ сослужащіе, для обычнаго сопровожденія высокопр. Владыки Палладія, въ придѣлъ Христорождественскій, то, при поклоненіи св. иконамъ предъ гробницею преосв. Антонія, снова отрыгнули въ душѣ моей тѣ же чувство-

(1) Некрологъ. стран. 73—74.

ванія и мысли, когда при этомъ взору моему представились, особенно въ большемъ числѣ, горѣвшія еще свѣчи и положенный къ-то на ряду съ прежними вѣнками новый вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ... Тутъ вдругъ родилась въ душѣ новая еще мысль... — „Вѣрно, что благочестивое усердіе принесшаго этотъ свѣжій вѣнокъ въ день праздника Благовѣщенія было чѣмъ-то, по чувству его самого, въ родѣ какъ бы Архангеловой вѣтви райской...“ И не есть ли это, помыслилось мнѣ, какъ бы видимое знаменіе того, что душа въ Бозѣ почившаго воистину сподобляется уже тамъ въ селеніяхъ горнихъ, въ мѣру мздовоздаянія Божія, наслаждаться райскими радостями въ ликѣ праведныхъ, стяжавшихъ вѣчные вѣнцы блаженства (1). Буди же и буди это такъ по вѣрѣ и усердію принесшаго этотъ вѣнокъ въ такой благознаменательный день празднества, — выражающаго *главизну нашего спасенія*... — Въ противномъ же случаѣ, — невольнo проговорилъ я про себя тѣ слова, какія слышаны были не разъ изъ устъ самого же покойнаго Владыки о не всегдашней умѣстности подобныхъ приношеній на гробы покойниковъ... „Избави Богъ, — разсуждалъ бывало онъ, чтобы при подобныхъ украшеніяхъ вѣнками гробовъ и могилъ, помимо истинныхъ христіанскихъ чувствъ вѣры и молитвы, — не приложились сюда же и слова св. Евангелія, — о *пованленіи гробовъ и крашеніи ракъ пророческихъ*“ . — (Матѣ. XXIII, 27. 29). Вмѣстѣ съ этимъ же, по самой ближайшей ассоціаціи, воспроизвелъ я для

(1) Таковую же духовно-умилительную картину могъ видѣть всякій, бывшій на мѣстѣ могилы преосв. Антонія на утрени и ранней Литургии въ первый день св. Пасхи. Съ своей стороны я на этотъ разъ имѣлъ сугубое утѣшеніе выразить и свои чувства и услышать такія же изъ устъ Преосвященнѣйшаго Кирилла (Викарія Казанскаго), такъ какъ мы оба останавливались вмѣстѣ при гробницѣ въ Бозѣ Почившаго въ духѣ молитвеннаго христосованія съ нимъ. и тутъ-то видимо было нами обильное число свѣчъ не только предъ иконами, но и прилѣпленныхъ къ самой надгробной плитѣ, на которой, съ тѣмъ вмѣстѣ, были новые вѣнки, а вокругъ ея поставлено было десять вазоновъ съ разноцвѣтными душистыми растеніями, и, наконецъ, тутъ же разложены были по разнымъ мѣстамъ пасхальныя яйца...

себя его же слова и о неумѣстности употребленія музыки при погребеніяхъ православныхъ христіанъ... „Благо бы еще, говаривалъ онъ, если бы эти трубные звуки вызывали въ слушающихъ ихъ мысль о *трубномъ гласѣ* въ послѣдній день Суда Божія, къ которому и переходитъ каждый умершій, и къ которому всю жизнь должны готовиться и всѣ живущіе... Но вѣрнѣе выходитъ, что нѣмая бездушная музыкальность можетъ только подавлять собою сказанное душевное настроеніе...“ Въ прямѣйшее соотвѣтствіе этимъ, прежде бывавшимъ, разсужденіямъ преосв. Антонія, мы не можемъ миновать здѣсь и слѣдующаго факта, который проявился въ самыя послѣдніе дни его жизни,—о чемъ тогда же засвидѣтельствовано было, въ общее для всѣхъ назиданіе, въ изданіи академическаго журнала—Православнаго Собесѣдника, въ слѣдующихъ буквальныхъ словахъ: „Въ настоящей книгѣ (за Ноябрь 1879 г.)—помѣщено нами слово въ Бозѣ почившаго Архипастыря нашего Антонія, хотя оно было сказано имъ давно (въ день св. великомученицы Екатерины 24 Ноября 1875 г.).—Помѣщено же оно именно здѣсь теперь только потому, что въ Редакціи пришлось получить его въ самый день его кончины, а препровождено въ нее было оно по личному его желанію, выраженному имъ за нѣсколько дней до его кончины. Въ главномъ содержаніи этого слова и особливо въ заключеніи его выражено было, какъ бы, предсмертное задушевное желаніе Архипастыря, молящаго Бога, чтобы онъ сподобилъ его вмѣстѣ съ его паствою при *последней трубѣ* на страшномъ Судѣ Христовомъ явиться непостыдными исповѣдниками Вѣры Христовой и получить *вѣнцы* нетлѣнія“ (1). Въ этихъ словахъ, дѣйствительно, содержится полное наглядное соотвѣтствіе бывшимъ разсужденіямъ въ Бозѣ почившаго о значеніи возложенія *вѣнковъ* и употребленія музыки (2); равно какъ

(1) Православный Собесѣдникъ, 1879 г.. Ноябрь, стран. 1 въ предисловіи.

(2) Высочайшимъ Повелѣніемъ въ Февралѣ сего 1884 г. воспрещено употребленіе музыки при погребальныхъ православныхъ проходахъ покойниковъ, кромѣ лицъ военнаго званія и извѣстнаго ранга.

очевиднѣйшее свидѣтельство и того, какъ глубоко и священны были чувствованія въ душѣ самого разсуждавшаго въ свое время о подобныхъ предметахъ.

Въ некрологѣ читаемъ, между прочимъ, что „въ глубоко признательной къ имени и памяти высокопр. Антонія паствѣ Казанской уже слышны были. (во время составленія самаго некролога въ первые же дни послѣ погребенія) многіе голоса, требующіе сооруженія памятника надъ могилою въ Бозѣ почившаго Архипастыря“ (1). Какой именно разумѣлся здѣсь памятникъ, намъ не извѣстно; но за подлинное знаемъ, что самъ преосв. Антоній, если и не выразилъ объ этомъ ничего въ своемъ завѣщаніи, за-то твердо помнилъ и высказывалъ буквальные слова высокопр. Филарета Кіевскаго, который прямо завѣщалъ: „Памятника надъ могилою моею не дѣлать, а только въ стѣнѣ утвердить доску съ приличною надписью“ (2). Ставить памятникъ какой либо, выдающійся по виду и размѣру своему, дѣйствительно не позволяло бы и самое мѣсто, занятое могилою; да и подобный памятникъ не соотвѣтствовалъ бы значенію храма. Предполагалось было поступить именно подобно завѣщанному высокопр. Филаретомъ; но явилась и другая мысль устроить такъ, какъ это и устроено было, годъ спустя послѣ кончины преосв. Антонія. Мысль эта на дѣлѣ осуществилась, какъ нельзя болѣе, цѣлесообразно. Послѣ погребенія преосв. Антонія могила была заложена въ уровень съ поломъ тѣми же самыми плитами чугунными, которыя были прежде вынуты изъ пола при устройствѣ могилы.—Но оставлять въ такомъ видѣ верхъ могилы было бы не прилично,—хотя при ней и укрѣплена была бы на стѣнѣ доска съ надлежащею подписью. Очевидно, самое мѣсто могилы было бы открыто для ступанія по нему приходящихъ. Потому-то выписана была изъ Екатеринбургскаго гранильнаго завода плита изъ Уральскаго бѣлаго мрамора въ размѣрѣ самой могилы въ длину и ширину, и въ четверть аршина вышины

(1) Некрологъ, стран. 28.

(2) Смотри. Послѣдніе дни жизни Митроп. Филарета, стр. 78.

отъ полу. На этой плитѣ высѣчена надпись слегка золочеными буквами, съ осмиконечнымъ крестомъ во главѣ, слѣдующаго содержанія: „Антоній Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій—родился 15 Октября 1815 г.; скончался 8 Ноября 1879 г.; въ Епископы хиротонисанъ изъ ректоровъ Кіевской духовной Академіи, 30 Марта 1858 г.“.

Такимъ образомъ, какъ видитъ всякій, надъ могилою теперь находится, какъ бы своего рода, надгробный памятникъ, который не отличается съ виду почти ничѣмъ отъ надгробной плиты и тѣмъ болѣе никакими орнаментами, и этимъ самымъ всецѣло удовлетворяетъ чувства взирающихъ на этотъ памятникъ, какъ соотвѣтствующій своею скромностію личнымъ душевнымъ и духовнымъ качествамъ возлежащаго подъ нимъ... Впрочемъ, какъ сказано въ некрологѣ же (1). „если въ средѣ пасомыхъ въ Бозѣ почившаго слышаны были голоса о сооруженіи памятника, то въ тоже время всякій еще болѣе чувствовалъ и сознавалъ, что незабвенный Архипастырь—высокопр. Антоній самъ уже воздвигъ себѣ памятникъ перукотворенный, петлѣнный, вѣчный... Это—его духовно-ученыя Богословскіе и пастырскіе труды, явившіеся въ свое еще время во многихъ печатныхъ изданіяхъ и книгахъ“ (2). „Составляющій же (скажемъ словами одной надгробной рѣчи) и незыблемое основаніе, и верхъ-вѣнецъ этого памятника есть трудъ въ Бозѣ почившаго Богомудраго Учителя-Архипастыря нашего—извѣстное „Догматическое Богословіе“, по которому три уже десятилѣтія учились и учатся Богоспасительнымъ истинамъ вѣры и благочестія и не только пасомые, но и пастыри и даже святители Русской Церкви, изъ ко-

(1) Некрологъ. стран. 28.

(2) Перечень этихъ трудовъ преосв. Антонія въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ книгахъ была указана нами въ своемъ мѣстѣ, но не во всей полнотѣ. Восполненіе этого будетъ сдѣлано въ особомъ, хотя краткомъ, изложеніи съ приведеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся къ этому предмету,—а съ тѣмъ вмѣстѣ съ ограниченіемъ нашихъ прежнихъ предположеній относительно подробнаго разбора и оцѣнки всѣхъ указываемыхъ трудовъ.

ихъ нѣкоторые учились по сему же Богословію даже изъ устъ его въ высшемъ училищѣ духовнаго просвѣщенія“. И замѣчательно, что живое свидѣтельство этихъ послѣднихъ словъ было, какъ тутъ, въ лицѣ двухъ святителей, отдававшихъ послѣдній долгъ своимъ священнодѣйствіемъ при погребеніи бывшаго для нихъ учителя-Богослова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отца ихъ евангельскаго по постриженію ихъ въ монашество. Эти святители были въ это время—Симбирскій Епископъ Θεоктистъ (нынѣ Архіепископъ Рязанскій) и Викарій Казанскій преемств. Павелъ (нынѣ Епископъ Саратовскій). Одинъ изъ нихъ—первый запечатлѣлъ это свидѣтельство и самъ въ знаменательно-соотвѣтственныхъ чувствованіяхъ и словахъ своихъ въ тѣ самыя трогательныя для всѣхъ минуты, когда, по отданіи имъ и всѣми послѣдняго цѣлованія въ Бозѣ почившему, онъ, какъ Первостоятель, вручалъ ему разрѣшительную церковную молитву. Вотъ эти слова: „Эту хартію, содержащую въ себѣ моленіе о разрѣшеніи Тебя отъ грѣховъ, только что произнесенное мною предъ Твоими честными останками, въ слухъ Твоей Казанской паствы, по усердію и любви къ Тебѣ

—Что же касается столь усерднаго искреннѣйшаго почитанія въ Бозѣ почившаго Святителя, выражающагося въ чувствахъ благоговѣйнаго преклоненія предъ его гробницею—надгробною плитою даже съ лобызаніемъ послѣдней, то у пишущаго была и есть на душѣ мысль, вполне раздѣляемая многими, чтобы, для удовлетворенія этихъ священныхъ чувствованій въ ихъ подобающемъ христіанско-молитвенномъ значеніи, вставить на надгробной плитѣ, на самой серединѣ ея, именно подъ начертаннымъ на ней плоскимъ крестомъ, небольшую фанифтаную икону съ изображеніемъ св. преп. Антонія Печерскаго, какъ тезоименника въ Бозѣ почившаго, или такую же икону Божіей Матери именуемую Печерскою—(особенно чтимую и самимъ въ Бозѣ почившимъ),—на которой Пречистая Богородица изображается съ предстоящими Ей своей препод. Антоніемъ и Θεодосіемъ. и тутъ же между ними изображена и св. *Великая Церковь Успенско-Лаврская*. Иначе же одни вѣнки и цвѣты, находящіяся на этой плитѣ, могутъ представляться подходящими, отчасти, подѣ тѣ взгляды и сужденія, какіе выражалъ самъ въ Бозѣ почившій объ ихъ, по меньшей мѣрѣ, не всегдашней умѣстности; да и самое лобызаніе собственно мраморной плиты тоже представляется, отчасти, не соотвѣтствующимъ истинѣ и чувству христіанскимъ.

сошедшейся для участія въ погребеніи Тебя, я полагаю при Тебѣ, въ гробѣ Твоемъ, да будетъ она, въ своемъ смыслѣ, явственною поручительницею въ томъ, что вся Казанская паства Твоя просила, просить и будетъ просить Господа Бога о дарованіи душѣ Твоей вѣчнаго покоя и небеснаго царствія“.

„Но могу ли я ограничить этимъ только для меня трудомъ твое послуженіе Тебѣ,—Святителю и отцу моему, нарочито прибывъ къ Тебѣ изъ моего кафедральнаго града Симбирска? Я здѣсь. — у Твоего гроба, предъ взоромъ души Твоей, среди молитвенно предстоящей Тебѣ Казанской паствы:—я долженъ остаюсь говорить, а не молчать“.

„Три десятка лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Господь Богъ судилъ мнѣ учиться у Тебя. Въ числѣ первыхъ Твоихъ уроковъ нашему тогдашнему академическому (XV-му) курсу былъ изъ Эсхатологіи Богословско-догматическій урокъ „о смерти человѣка и о состояніи его по смерти“. Подступая къ уясненію понятія смерти разными вопросами и соображеніями, Ты съ особеннымъ чувствомъ произнесъ слѣдующія слова: *„о смерти, коль горька есть память твоя человѣку!“* Теперь, въ эти трогательно-священные минуты новоначального пребыванія души Твоей въ разлученіи отъ тѣла, неуменьственно мнѣ распространяться о значеніи Твоихъ, бывшихъ тогда, объясненій“...

„Усопшій Архипастыръ и Отецъ! Остается нѣсколько минутъ, и честные останки Твои преданы будутъ погребенію. Мнѣ предстоитъ вмѣстѣ съ паствою Твоею, положить Тебя съ Твоимъ гробомъ въ нѣдра земли и съ великою скорбію сердца по Тебѣ положить на оный горсть земли. Но это ли только достойная Тебѣ награда вся?! Бывши въ послѣдніе два только дня свидѣтелемъ столь великаго усердія къ Тебѣ паствы Твоей, выразившагося въ денно-нощномъ стеченіи чадъ ея къ Твоему гробу для послѣдняго прощанія съ Тобою, я не могъ не прійти къ мысли, что если бы каждый изъ входящихъ къ Тебѣ принесть по горсти земли, то изъ однихъ этихъ приношеній какой бы высоты и величія

составился памятникъ въ значеніи даже видимомъ, а тѣмъ паче во внутреннемъ духовномъ,—въ неумолкающее назидательное вѣщаніе современной паствѣ Твоей и въ непрестанную поучительную память людямъ и послѣдующаго времени“.

„Да пребудеть же по Тебѣ, достоблаженнѣйшій и Боголюбимый Архипастырь и Отець, вѣчная, добрая, священная память въ бывшей столь преданною Тебѣ Казанской паствѣ! Въ моемъ же сердцѣ она будетъ сохраняться и молитвенно оживляться до послѣднихъ минутъ моей жизни съ изображеніемъ Твоего праведническаго житія отъ первыхъ дней моего ученичества у Тебя до настоящаго моего предстоянія Тебѣ, подлежащему уже во гробъ и сокрываемому въ нѣдра общей матери земли на мѣстѣ, предъизбраннаго Тобою здѣсь, покоища Твоего, гдѣ и отъ меня въ сію же минуту положится горсть земли въ знаменательное свидѣтельство той воистину Божественно-таинственной истины, положенной въ непреложный для земнородныхъ законъ Тѣмъ. Кто *Самъ единъ сый безсмертный, въ началѣ сотворивый и создавый въ безсмертіе чловѣка*, изрекъ Свое Божественное слово и велѣніе: *земля еси и въ землю отидеши, а може вси чловѣцы поидемъ, надгробное рыданіе творяще пѣсь—аллилуйя*“ (1).

„Всѣ присутствовавшіе, читаемъ въ некрологѣ (2), съ замираніемъ сердца взирали на совершеніе всѣхъ послѣднихъ священныхъ церковно-погребальныхъ дѣйствій и, какъ бы прикованные всѣмъ вниманіемъ къ читаемой разрѣшительной молитвѣ и говоренной Святителемъ рѣчи, едва сдерживали надгробныя рыданія, приступая ко гробу своего незабвеннаго Святителя для отданія священнаго долга—послѣдняго цѣлованія и положенія на гробъ въ могилѣ горсти земли, а съ нею и своихъ завѣтныхъ вѣрующихъ чувствованій и помышленій въ силу благодатно-спасительной вѣры, надежды и любви, запечатлѣнныхъ въ эти минуты духовно-молит-

(1) Некрологъ. стран. 55, 56 и 58.

(2) Стран. 59.

венными возношеніями къ Богу духовъ и всякія плоти, животъ вѣчный миру даровавшему“... Въ числѣ присутствовавшихъ и въ сонмѣ священнослужащихъ совершилъ и я священный долгъ послѣдняго цѣлованія, положилъ и я земли гореть, но не безъ нѣкотораго особеннаго дѣйствія, о которомъ и свидѣтельствуюсь теперь предъ всѣми, какъ о совершенномъ мною въ свое время всячески сокровенно отъ взоровъ другихъ предстоящихъ.— При послѣднемъ цѣлованіи въ Возѣ почивнаго, покрытаго, по чину церковному, положеннымъ на его лицо, священнымъ воздухомъ, я не удержался въ порывѣ моихъ чувствъ... я дерзнулъ приподнять воздухъ, чтобы узрѣть послѣдній мертвенный зракъ лица его... Правда, преосвященный Павелъ, бывший тогда Викарій, подмѣтившій мое сказанное дѣйствіе, выразилъ мнѣ за это нѣкое замѣчаніе.—но я принялъ послѣднее съ совершенною безукоризненною для моей совѣсти... Кромѣ глубины и чистоты моихъ чувствъ, произведшихъ неудержимый порывъ желанія, я дозволилъ себѣ такое дѣйствіе и не безъ особаго основанія, заключавшагося для меня въ примѣрѣ самого же въ Возѣ почивнаго Владыки Антонія, который точь-въ-точь поступилъ такъ же при отдаваніи послѣдняго цѣлованія своему дядѣ—высокопр. Филарету, Митрополиту Кіевскому.—Примѣръ этотъ тѣмъ паче былъ живоприсущъ для меня, что самое приподнятіе имъ воздуха съ лица Владыки Филарета было при моихъ же очахъ, и другихъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, такъ какъ мы, студенты, при погребеніи Владыки Филарета стояли въ рядахъ, примыкая буквально къ самому гробу его, и я, по моему росту, стоялъ тогда во главѣ перваго ряда и потому, болѣе и яснѣе всѣхъ, могъ воззрѣть вмѣстѣ съ преосв. Антоніемъ на ликъ Владыки Филарета. Наконецъ, въ послѣдующія времена не разъ доводилось воспоминать объ этомъ съ самимъ же покойнымъ Владыкою Антоніемъ, высказывавшимъ при этомъ свои глубокія чувствованія и назиданія.

Да, въ такихъ именно чувствованіяхъ и размышленіяхъ отдавъ послѣдній сыновній долгъ въ Возѣ почив-

шему Архипастырю и Отцу съ положеніемъ знаменательной горсти земли, я въ самый же вечеръ погребальнаго дня благословился взяться и за трость писательскую, чтобы эта самая горсть земли, какъ выражено въ погребальной рѣчи преосв. Θεоктиста, вошла непраздно въ составъ того памятника, который могъ сложиться изъ всѣхъ горстей, положенныхъ на гробъ и въ могилу незабвеннаго Архипастыря. Въ первые же дни, дѣйствительно, подобно малой горсти земли. начертано было мною описаніе съ заглавіемъ: „Послѣдніе дни жизни, кончина и погребеніе високопр. Антонія, Архіепископа Казанскаго“ и немедленно было издано въ печати во всеобщее вѣдѣніе и назиданіе. Здѣсь ближайшимъ внутреннимъ побужденіемъ для этого перваго описанія послужилъ мнѣ опять личный примѣръ самого же преосв. Антонія, который собственноручно составилъ, вскорѣ послѣ погребенія своего дяди високопр. Филарета, подобное же описаніе „Послѣднихъ дней его жизни“ (1).

Наконецъ, сколько подъ вліяніемъ этихъ свѣжихъ живыхъ впечатлѣній и чувствованій моихъ, столько же свято памятуя данное мнѣ въ Бозѣ почившимъ Владыкою, не задолго до его кончины, указанное въ Предисловіи, *двойственное завѣщаніе*, — я благословился немедленно же приступить къ выполненію сего завѣщанія самымъ дѣломъ, — дабы не оказаться, подобно ему, по его собственному признанію, виновнымъ въ замедлительности и даже въ совершенной невыполнительности по составленію порученной мнѣ біографіи... На сколько удовлетворительно исполнено мною это дѣло, само собою, представляется судить искреннимъ благовнимательнымъ читателямъ. Съ своей же стороны я свидѣтельствуюсь только, что въ какой мѣрѣ я представлялъ это дѣло по-сильно возможнымъ для себя, и признавалъ его благовременнымъ и благопотребнымъ для другихъ, и, наконецъ, почиталъ исполненіе его свѣдѣннѣйшимъ для себя сыновне-послушническимъ долгомъ, — въ такой мѣрѣ и уповаю. по слову св. Апостола, *имѣти благу со-*

(1) Издан. въ Клевѣ, въ Январѣ 1858 г.

вѣсть, что все, что въ продолженіи моего пятилѣтняго труда излагалось мною на хартіи, слагалось посылно, *Богу содѣйствующу*. и во внутренней клѣтѣ моего сердца, какъ сокровище духовнаго наслѣдія въ силу моихъ сыновне-послушническихъ отношеній и чувствованій, какія были доступны для меня при жизни въ Бозѣ почившихъ Святителей, начиная съ моею скамьи студенческой до ихъ смертныхъ покоищъ... Нераздѣльно съ этими личными отношеніями и чувствованіями, остается благожелательное упованіе, что если кому изъ читающихъ, то паче всего сущимъ въ паствѣ Казанской всего естественнѣе и прискреннѣе присущи должны быть тѣ же отношенія и чувствованія—къ обоимъ же въ Бозѣ почившимъ Святителямъ. Паства Казанская—припомнимъ слова въ рѣчи при первомъ вступленіи высокопр. Антонія въ Соборъ ⁽¹⁾,—сама засвидѣтельствовала, что онъ есть *и по плоти отрасль того благосыннолиственнаго древа*, отъ котораго произросъ пасшій девять лѣтъ здѣшнюю Казанскую Церковь. *приснопамятный* Герархъ Кіевскій *Филаретъ* и *сынъ* послѣдняго,—какъ *отца по духу и силъ втры...* и что пастырское служеніе ихъ обоихъ было, дѣйствительно, единомудренно и единоправно, сколько равноплодно и спасительно для пасомыхъ,—равно какъ,—по выраженію священно-церковной пѣсни,—и „*по самымъ именамъ ихъ тако бысть и житіе ихъ*“.

О значеніи этого выраженія въ приложеніи къ обоимъ въ Бозѣ почившимъ приснопамятнымъ Святителямъ почитаемъ благоумѣстнымъ и достопазидательнымъ сказать нѣсколько словъ въ заключеніе всего настоящаго изложенія.

Прежде всего относительно самаго принятія иноческихъ именъ обоими лицами—дядею и племянникомъ нужно указать на то, что высокопр. Филаретъ, митр. Кіевскій, принялъ *схимонашеское* имя—*Теодосія*,—въ честь имени Кіево-Печерскаго Угодника *Теодосія*, сожи-

(¹) Рѣчь эта, сказанная каедр. Пр. В. П. В., приведена въ подлинныхъ словахъ,—смотри. Т. II, гл. I, стр. 5—6.

тельника св. *Антонія*, имя котораго дано было преосв. Антонію, при постриженіи его въ монашество, самимъ высокопр. Филаретомъ. При этомъ замѣчательно, что, и по самому времени, принятіе тѣмъ и другимъ этихъ именъ приходится въ одинъ и тотъ же годъ (1840), и что оба они были подъ духовнымъ водительствомъ одного и того же духовнаго отца ихъ—Иеросхимонаха Паросія. Относительно же знаменательности вышеприведеннаго священно-церковнаго выраженія читаемъ глубокопазидательное изъясненіе его въ приложеніи собственно къ припятию высокопр. Филаретомъ схимонашества съ именемъ *Теодосія*, въ надгробномъ словѣ, сказанномъ при отпѣваніи его бывшимъ тогда о. Инспекторомъ Кіевской духовн. Академіи Архимандритомъ Иоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопр. Митрополитомъ Московскимъ. „За 17 лѣтъ предъ симъ, говорилъ проповѣдникъ-панегиристъ,—почившій Первосвятитель, не довольствуясь общими иноческими обѣтами, даетъ предъ лицемъ всевидящаго Бога сугубые обѣты благоугождать Ему высшими подвигами благочестія, воспринявши на себя великій ангельскій образъ—схиму. Новое имя преподобнаго *Теодосія*, принятое имъ, возбуждаетъ его къ новымъ подвигамъ смиренія и самоуничженія. Дивились видѣвшіе Первосвятителя-старца носившимъ кирпичи при созиданіи церкви въ пустынѣ Голосѣвской, и недоумѣвали, что значить сіе... но это было истиннымъ проявленіемъ живаго подражанія *отца нашего новому своему ангелу*,—св. *Теодосію*, который иногда носилъ воду, иногда изъ лѣсу дрова, иногда же „братіямъ почитающимъ, возьмъ раздѣленное жито, коегождо ихъ часть измеливаше“.—Этотъ фактъ—принятіе схимы лицемъ въ высшемъ санѣ святительства есть одинъ изъ самыхъ рѣдчайшихъ въ исторіи всей Церкви Христіанской.—По силѣ церковно-каноническихъ правилъ, нужно сказать, такое дѣйствіе въ Бозѣ почившаго Первосвятителя незаконно: оправдывается оно въ своей мѣрѣ однимъ лишь тѣмъ сокровеннымъ желаніемъ и влеченіемъ сердца его, какъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ въ своемъ завѣщаніи, и тѣмъ, что схимонашество принято было имъ потаенно отъ

всѣхъ отъ руки своего духовнаго отца, и тайна эта сохрaнена была имъ до кончины, и открыта была уже вмѣстѣ со вскрытіемъ его завѣщанія, въ которомъ онъ же выразилъ и эти слова: „Прошу и молю Духовный Соборъ святыхъ Кіево-Печерскія Лавры по кончинѣ моей облечь мое грѣшное тѣло въ *святую схиму*, храпящуюся въ келліи моей, въ особомъ ящикѣ. Паки и паки прошу и молю и завѣщаваю Именемъ Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа исполнить сіе смиренное желаніе сердца моего неизмѣнно... 28 Сентября 1857 г. въ день памяти св. Отецъ нашихъ Печерскихъ“. Слѣдов. это приложеніе завѣщанія было написано его рукою ровно за три мѣсяца до его кончины (1).

Въ Кіевскихъ всѣхъ церквахъ, отъ перваго дня доднесь, при заупокойныхъ служеніяхъ въ поминаеніе высокопр. Филарета неопустительно и неизмѣнно произносится это *двойственное* его наименованіе. Это же самое всегда исполняли и самъ покойный преосв. Антоній не только въ Кіевѣ, но и въ Смоленской епархіи и въ здѣшней Казанской.—Оставалось въ свое время, особенно не задолго до кончины преосв. Антонія, помышлять и объ немъ, что онъ возревнуетъ и послѣдуетъ примѣру своего дяди... Основаніемъ къ такому помышленію, хотя бы только приблизительно-гадательно, служить, между прочимъ, нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами въ своемъ мѣстѣ, данныхъ (2). Въ этихъ данныхъ достаточно припомнить напр. тѣ: во 1-хъ, какъ покойный Владыка Антоній выражалъ, почти съ полною готовностію къ самому исполненію, желаніе его уволиться на покой и, по преимуществу, для жительства въ Кіево-Печерской Лаврѣ,—гдѣ и желалъ, при томъ, помѣститься нигдѣ, какъ непремѣнно въ келліяхъ бывшаго своего духовнаго отца Іеросхимонаха Парөөнія. Понятно и со стороны, какъ не далека отсюда могъ быть шагъ къ

(1) Послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета Митр. Кіевскаго, стран. 79, 97—98.

(2) Том. II, гл. XIX, стран. 479 и проч.

схимонашеству особливо подъ столь непосредственнымъ вліяніемъ и дѣйствиемъ какъ самыхъ этихъ келлій—схимонашескихъ, такъ и потому, что эти келлійки, какъ разъ, вблизи самой той Крестовоздвиженской, на ближнихъ пещерахъ, церкви, гдѣ погребень и самъ дядя его—въ *схимонаствѣхъ Θεодосійи*. Во вторыхъ, что могутъ и должны свидѣтельствовать сами собою и тѣ желанія, надежды и самые порывы, какіе не разъ выражалъ въ Бозѣ почившій относительно путешествія въ Іерусалимъ или, по крайней мѣрѣ, на Аѳонъ,—какъ не то же духовное его настроеніе, хотя и глубоко потаенное, чтобы послѣдовать прямому примѣру своего тезоименника—св. преподобнаго Антонія, который, *сущи въ святѣи горахъ Аѳонствѣи во единомъ монастырѣ, тамо и пострижесея... и, по нарочитому токмо извѣщенію ему отъ Бога, накі возвратися въ Россію и прииде вторицею въ Кіевъ* и проч. И, дѣйствительно, не безызвѣстны не рѣдкіе современные примѣры, что на Аѳонъ отправляются шны именно ради принятія иночества и схимничества, хотя бы и потаеннаго... Но предоставляя всѣ эти не только наши помышленія, но и самыя движенія и стремленія души и духа въ Бозѣ почившаго Единому Сердцевѣдцу Богу, такъ или иначе Изволившу и Устроившу о семь..., мы, въ чемъ увѣрены и за благовнимательныхъ читателей, умоваемъ имѣти неложное и непостыдное убѣжденіе, что какъ въ Бозѣ почившіе Святители соединены были здѣсь на землѣ узами родства по плоти и духу, и носили имена единомудренныхъ и единоправныхъ святыхъ тезоименниковъ—Антонія и Θεодосія Печерскихъ, и, наконецъ, призваны и поставлены были Пастыреначальникомъ Господомъ, каждый въ свое время, пасти единомѣстную паству здѣшнюю—Казанскую,—такъ и тамъ въ вѣчныхъ селеніяхъ пребываютъ неразлучны, сподобляясь, если еще не *держать*, по слову Тайнозрителя, *въ десницахъ своихъ*, то соприсутствовать съ *держащими фіялы златы полны омїама, иже суть молитвы Святыхъ въ честь и славу Агнца*, и въ немолчное всеумилостивляющее ходатайство о всѣхъ земнородныхъ, *за нихъ же Агнецъ заклалъ*

ся есть, и искушилъ Богови Крѣвою Своею всѣхъ отъ всякаго колѣна и языка, и людей и племенъ всѣхъ временъ и мѣстъ (Апокал. V, 8. 9). Примѣромъ же и образцомъ такого убѣжденія и упованія да послужить, — ближайшимъ образомъ для пасомыхъ здѣшней паствы, — то, что не разъ засвидѣтельствовано было, во всеуслышаніе и назиданіе всѣхъ, нынѣшнимъ Архипастыремъ нашимъ Казанскимъ — высокопр. Палладіемъ по отношенію къ предмѣстнику своему — въ Бозѣ почившему Архипастырю — Антонію: „Да возрадуется въ небесныхъ селеніяхъ душа его! — Да будетъ благословенно имя его въ роды родовъ!.. Да не престанетъ и онъ самъ купно съ Богопрославленнымъ Первосвятителемъ Церкви Казанской — приснымъ предстателемъ и молитвенникомъ нашимъ св. Гуріемъ, приникать съ небесе къ возлюбленной паствѣ своей и вспомоцствовать молитвами своими всѣмъ усердно почитающимъ имя и память его, — и мнѣ — смиренному Пастырю преемнику его да будетъ *образомъ, наставникомъ и помощникомъ!*! (1).

Этими глубоко-искреннѣйшими и свято-уповательными чувствованіями нашего Архипастыря мы и заканчиваемъ наше повѣствованіе, во всей силѣ воспринимая и слагая эти чувствованія въ сердцѣ своемъ и братственно о Господѣ благожелая того же и всѣмъ, возмѣющимъ желаніе и усердіе прочитатъ со вниманіемъ представляемый посильный трудъ нашъ.

Въ нижеслѣдующей послѣдней главѣ читатели увидятъ тѣ дополнителныя свѣдѣнія, изложеніе которыхъ было нами въ своемъ мѣстѣ (2).

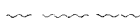

(1) Правосл. Собесѣдникъ. 1882 г. Декабрь, стр. 370.

(2) Смотр. стр. 532 — въ подстрочномъ текстѣ.

ГЛАВА XXII.

(Дополнительная).

В своемъ мѣстѣ было сдѣлано нами, извѣстное читателямъ, предуказаніе относительно нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній объ авторскихъ трудахъ преосв. Антонія, кои составляютъ, по выраженію въ некрологѣ и въ одной надгробной рѣчи, —нерукотворенный, нетлѣнный памятникъ, воздвигнутый себѣ имъ самимъ, какъ Богомудрымъ Пастыремъ-учителемъ, *глаголющимъ слово истины и спасенія.*

Въ ряду этихъ свѣдѣній мы имѣемъ въ виду сказать прежде всего о церковныхъ проповѣдяхъ преосв. Антонія, говоренныхъ имъ во время епископства его въ Смоленской епархіи.—Проповѣди эти съ того времени, какъ начались издаваться Смоленскія епархіальныя Вѣдомости, печатались постепенно въ послѣднихъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, выпускались въ огромномъ числѣ отдѣльными брошюрами, —которыя въ большинствѣ и раздавались самимъ же преосв. Антоніемъ въ благословеніе... Но изданныхъ такимъ образомъ проповѣдей было не много по тому самому, что епарх. Вѣдомости издавались въ послѣдніе только два года Смоленскаго служенія преосв. Антонія. Въ послѣдствіи уже—въ Казани преосв. Антоніемъ былъ изданъ большой томъ этихъ проповѣдей, въ количествѣ LXVII.—подъ заглавіемъ: „Слова къ Смоленской паствѣ“.—При этомъ изданіи не сдѣлано никакого предисловія; за то въ послѣднемъ словѣ „при прощаніи съ Смоленскою паствою“, а равно и въ напечатанномъ тутъ же подробномъ „описаніи самаго прощанія“ во всей полнотѣ видно, какія мысли и

чувствованія побудили и вызвали Архипастыря къ *преданію въ письмени своихъ словесъ* ученія и назиданія къ бывшимъ своимъ пасомымъ, „любившимъ,—по его собственному свидѣтельству въ прощальномъ словѣ.—со тѣнью стекаться въ храмы на совершаемыя имъ Божественныя службы, хотя иногда и продолжительныя и для иныхъ по немощи утомительныя, и здѣсь внимать съ безмолвіемъ скудному его слову“... Накопецъ, въ частности ближайшимъ образомъ вызвало желаніе преосв. Антонія—издать свои „Слова къ Смоленской паствѣ“, то самое, что воспослѣдовало со стороны самихъ пасомыхъ Смоленскихъ, какъ свидѣтельство пламеннаго ихъ желанія выразить и увѣковѣчить свои искреннѣйшія неизмѣнныя чувствованія христіанской любви и преданности къ своему бывшему незабвенному благоговѣнно чтимому Архипастырю. На это свидѣтельство было указано нами отчасти въ своемъ жѣстѣ, но здѣсь приведемъ мы въ подлинникѣ какъ самое письмо отъ лица Смоленской паствы къ преосв. Антонію, такъ и его отвѣтное, писанное на имя бывшаго г. Начальника Смоленской губерніи Н. П. Бороздны.

Ваше Преосвященство,
Милостивый Отецъ и Архипастырь!

Въ памятные для насъ дни разставанія съ Вами, Преосвященнѣйшій Владыко.—дни, въ которые съ такою грустью принимали мы послѣднія благословенія Ваши, у всѣхъ насъ проявилось пламенное желаніе поднести Вамъ изображеніе нашей Святыни,—образа Смоленской Богоматери, предъ которою, въ теченіи семи лѣтъ, Вы возносили святыя архипастырскія молитвы о мирѣ и благоденствіи паствы Вашей. Такое желаніе встрѣтило полное сочувствіе и въ тѣхъ изъ насъ, принадлежащихъ также къ оставленной Вами паствѣ, которые, по отсутствію изъ края, лишены были послѣдней отрады лично проститься съ Вами. Позвольте же, Преосвященнѣйшій Владыко, почтительнѣйше просить Васъ принять милостиво, препровождаемую при семъ, панацию, какъ священный залогъ нашего глубочайшаго къ

Вамъ уваженія и благоговѣйной любви, съ коими имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства вѣчно признательные и покорнѣйшіе слуги (1).

Отвѣтное письмо Преосвященнаго Антонія къ Смоленской паствѣ па имя г. Начальника Смоленской губерніи.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Николай Петровичъ!

Письмо Ваше, съ многочисленными подписями возлюбленныхъ мнѣ чадъ Смоленской паствы и съ препровожденіемъ панагіи, я имѣлъ живѣйшее утѣшеніе получить предъ самымъ праздникомъ св. Пасхи, какъ бы поистинѣ не только красное, но и прекрасное и драгоценное яйцо.

И письмо, исполненное искреннихъ чувствъ, и панагія съ изображеніемъ лика Пресвятой Матери Божіей Одигитріи—Смоленской, вызвали въ душѣ моей живѣйшее воспоминаніе о незабвенномъ мнѣ Смоленскѣ и семилѣтнемъ, если не безтрудномъ и небезскорбномъ, то по многимъ отношеніямъ и весьма отраднымъ и счастливымъ для меня служеніи моемъ въ Смоленской паствѣ, при общемъ добромъ сочувствіи ко мнѣ сей паствы. Въ особенности письмо Ваше и панагія живо напомнили мнѣ о послѣднихъ, въ высшей степени трогательныхъ, дняхъ прощанія моего съ сею, крѣпко привязавшею меня къ себѣ, паствою. Тогда и отъ лица паствы и отъ меня высказано было не разъ, что разлука наша не разторгнетъ того священнаго духовнаго союза, который установленъ между нами, что мы не перестанемъ быть взаимно своими и присными другъ другу и не забудемъ другъ друга. Довольно уже прошло времени, какъ я оставилъ Смоленскъ: но вотъ вижу, что память о мнѣ дѣйствительно жива въ немъ и сердца, возлюбленныхъ мнѣ, чадъ Смоленскихъ обращаются и теперь съ преж-

(1) Слѣдуютъ подписи многихъ лицъ всѣхъ сословій Смоленской епархіи, начиная съ г. Начальника Смоленской губерніи.

нею любовію въ далекій востокъ къ бывшему своему Пастырю. Чувствую и я тоже въ себѣ доселѣ всю силу пастырской любви къ бывшей моей паствѣ, и душа моя стремится въ далекій западъ съ искреннѣйшимъ благословеніемъ и благожеланіемъ ей. Конечно, такъ будетъ и впередъ.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять отъ меня живѣйшую признательность и передать оную всеѣмъ возлюбленнымъ мнѣ чадамъ Смоленской паствы, наипаче же подписавшимся подъ письмомъ, за полученный мною залогъ Вашей и ихъ любви ко мнѣ и доброй памяти о мнѣ, который я буду хранить и носить на себѣ, какъ самую дорогую для меня святыню.

Призываю отъ всей души благословеніе Воскресшаго Христа Жизнодавца на Васъ и на всеѣхъ, и съ чувствомъ глубокаго почитанія, преданности и пастырской, *яже о Христъ, любви* есмь и пребуду.

Антоній Архіепископъ Казанскій.

Кромѣ, сейчасъ указанной, панагіи отъ Смоленскихъ же пасомыхъ избранныхъ были присылаемы преосв. Антонію и еще не разъ разныя приношенія, — какъ напр., упомянутая уже прежде, св. Икона Смоленской Божіей Матери, и не малое число священно-церковныхъ облачений. Объ этихъ приношеніяхъ упомянуто было преосв. Антоніемъ и въ самомъ духовномъ его завѣщаніи, гдѣ (въ пунктѣ VI) сказано: „изъ принадлежащихъ мнѣ архіерейскихъ облачений одинъ саккосъ (Смоленскій) съ брилліантовою панагіею (Смоленскою же) и брилліантовымъ крестомъ препроводить въ Смоленскую архіерейскую ризницу“. — Наконецъ и для облаченія себя по смерти преосв. Антоній самъ приготовилъ саккосъ, тоже полученный имъ нѣкогда изъ Смоленска. — Такимъ-то образомъ, именно подъ вліяніемъ столь неизмѣнныхъ неразрывныхъ чувствъ и отношеній между преосв. Антоніемъ и бывшею его паствою — Смоленскою и вызвалось и осуществилось его личное вседушевное желаніе, чтобы воздать за приношенія вещественныя рукотворенныя своимъ ей приношеніемъ — словесно-учительнымъ и духовно-назидательнымъ для временнаго и вѣчнаго спасенія.

Въ такихъ же чувствахъ, по долгу и званію своего архипастырства, столь же усердно и частовременно *благотвоествовалъ* преосв. Антоній *глаголы вѣчнаго живота* и въ средѣ здѣшней паствы Казанской. Порядокъ изданія въ печати здѣшнихъ Казанскихъ проповѣдей преосв. Антоній соблюдалъ тотъ же, что и въ Смоленскѣ съ тою лишь разностію, что здѣсь, при существованіи еще сѣздавна при Академіи Редакціи журнала—Православнаго Собесѣдника, проповѣди его могли печататься съ самаго перваго же времени. (1). Отдѣльныя брошюры проповѣдей преосв. Антонія доставлялись ему изъ Редакціи въ очень значительномъ количествѣ и тоже раздавались имъ, какъ и въ Смоленскѣ, на благословеніе.—Было у покойнаго Владыки прямое желаніе издать всѣ свои проповѣди Казанскія подобно Смоленскимъ. Это желаніе открылось у него особенно въ самые послѣдніе дни его жизни. Приказавши собрать всѣ бывшія въ брошюрахъ и въ рукописяхъ, его проповѣди, онъ, лежа уже на постели, самъ подбиралъ ихъ въ порядокъ, сколько хронологическій, столько же и по содержанію. И, дѣйствительно, въ краткихъ записяхъ его карандашемъ были перечислены заглавія всѣхъ проповѣдей и разставлена была соотвѣтствующая номерация ихъ на двухъ полулистахъ. Всѣхъ проповѣдей предназначено было къ изданію—79-тъ; и онъ высказывался, что, для удобства при чтеніи, непременно нужно издать ихъ въ 2-хъ томахъ.—Полулисты эти были отданы имъ же самимъ своему домашнему Секретарю для перениски, а мнѣ поручено было разсмотрѣть переписанное,—но эти полулисты такъ и остались въ рукахъ Секретаря, неуспѣвшаго даже и переписать ихъ...

(1) Впрочемъ, преосв. Антоній не всегда отдавалъ каждую свою проповѣдь къ печатанію непосредственно послѣ ея произнесенія, а большею частью препровождалъ въ Редакцію черезъ годъ или болѣе и, при томъ, такъ, чтбы та или другая проповѣдь могла быть напечатана за нѣсколько времени предъ днемъ напр. праздничнымъ, въ который она была произнесена въ предшествовавшемъ годѣ. При этомъ была у него та цѣль, чтобы и священники въ своихъ приходахъ могли воспользоваться его проповѣдью для произнесенія, вмѣсто того, чтобы трудиться составлять свою.

да и представлять переписанное уже было некогда... И вотъ тутъ-то, при сказанномъ составленіи перечени всѣхъ проповѣдей, предназначавшихся къ изданію, преосв. Антоній сдѣлалъ, между прочимъ, распоряженіе, чтобы одну проповѣдь—бывшую въ рукописи, говоренную имъ еще въ 1875 г. въ день св. Великомученицы Екатерины, препроводить немедленно въ Редакцію Православнаго Собесѣдника для напечатанія, какъ заключающую въ себѣ, указанное нами уже прежде, особенное знаменательное содержаніе по отношенію къ предсмертному состоянію его какъ Архипастыря...

Такимъ образомъ, если сложить всѣ пастырско-проповѣдническіе труды въ Божѣ почившаго, включая сюда и тѣ, кои изданы были еще въ Кіевѣ (въ числѣ сорока проповѣдей, говоренныхъ имъ въ бытность Ректоромъ Семинаріи и Академіи).—то и самое количество этихъ трудовъ (около двухъ сотъ—кромѣ нѣкоторыхъ, не назначавшихся къ изданію), ясно и не ложно свидѣтельствуешь, что—скажемъ, словами высокочтимаго панигириста—о. Ректора Каз. дух. Академіи Прот. А. П. Владимірскаго,—„ревностно и отъ всего искренняго сердца соблюдая евангельскую истину во всей ея небесной чистотѣ, почившій о Господѣ Архипастырь неослабно старался объ утвержденіи и укорененіи ея во всей паствѣ своей. Въ этомъ отношеніи о немъ можно сказать тоже самое, что сказалъ нѣкогда о себѣ св. Апостоль Іоаннъ Богословъ: *для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои держатся истины* (3 Іоан. 4). Посему, памятуя заповѣдь св. Ап. Павла: *подобаетъ быти епископу учителю* (1 Тим. III, 2), онъ весьма часто назидалъ своихъ чадъ о Господѣ словомъ спасительной истины и въ семь храмѣ, и въ другихъ храмахъ града сего, и въ храмахъ многихъ другихъ градовъ и селеній своей епархіи. *Измлада* наученный правильному разумѣнію *свящ. Писанія*, и не только въ совершенствѣ знавшій его, но и всемъ сердцемъ чтившій его, *яко воистину слово Божіе* (1 Сол. II, 13), онъ всегда на немъ утверждалъ свои собесѣдованія съ паствою и при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ предлагалъ ей *слово*

здравое, не зазорное (1 Тим. II, 8), *солю* благодати Божіей *растворенное*, исходящее изъ искренно вѣрующаго и любящаго сердца и доходящее до сердца слушающихъ“ (1).

Что же касается до качествъ этихъ пастырско-провѣдническихъ трудовъ преосв. Антонія по части авторско-ученыхъ свойствъ и достоинствъ, то и здѣсь, вмѣсто собственныхъ словъ, выразимся, хотя и краткимъ, по вполне характеристичнымъ словами другой надгробной рѣчи: „Онъ — въ Бозѣ почившій былъ истинно свѣтильникъ *горяій и свѣтлый въ храминѣхъ посреди Церкви...* и насомые отъ сего, пламеньющаго чистою вѣрою и христіанскою любовію, свѣтильника обильнымъ просвѣщались свѣтомъ изъ его церковныхъ бесѣдъ и поученій, полныхъ сердечнаго краснорѣчія, убѣдительныхъ по силѣ назиданія и соединяющихъ съ простою и стройно-прекрасною формою глубину богословствующей мысли, и, потому, доступныя для разумѣнія всѣхъ, какъ образованныхъ, такъ и мало образованныхъ и простыхъ слушающихъ и равно воспринимавшихъ благотворное и спасительное дѣйствіе ихъ на вѣрующія сердца свои“ (2). Собственно же отъ себя подъ своими личными впечатлѣніями, мы повторимъ здѣсь только то, что отчасти высказано было нами же прежде, — т. е. что проповѣди преосв. Антонія нужно было, по преимуществу, слышать изъ его собственныхъ устъ въ самомъ храмѣ, — произносимыя имъ, какъ и всегда, непосредственно послѣ принятія имъ св. Божественныхъ Таинъ, — чтобы опредѣлить ихъ значеніе и достоинство; при чтеніи же ихъ, за-очно по книгѣ, можетъ ипогда чувствоваться что-то, отзывающееся, какъ бы, чрезчуръ строгою словесническою формою изложенія... Такъ же точно бывало и при слушаніи его академическихъ лекцій по Догматическому Богословію, которое онъ, (что замѣчено было въ своемъ мѣстѣ), преподавалъ не иначе, какъ имѣя предъ собою раскрытую свою извѣстную систему печатнаго Дог-

(1) Некрологъ, стран. 42.

(2) Некрологъ, стран. 48.

матическаго Богословія. Читая послѣднее, какъ говорится, про себя хотя бы и съ глубокимъ вниманіемъ, не выносишь того впечатлѣнія и самаго уразумѣнія истины, какъ бывало это при слуханіи цѣлаго преподаванія тѣхъ же самыхъ трактатовъ и хотя бы въ букввальномъ почти повтореніи въ большинствѣ самыхъ выраженій въ печатной системѣ. Въ этомъ отношеніи академическія его лекціи походили, можно сказать, на его же проповѣди, при личномъ устномъ произношеніи послѣднихъ въ храмѣ...

Откуда мы должны были бы сдѣлать прямой переходъ къ предназначенному нами прежде ⁽¹⁾ изложенію, — именно — чтобы представить подробный, доступный для насъ на основаніи біографическихъ данныхъ, разборъ и оцѣнку всѣхъ авторско-ученыхъ трудовъ преосв. Антонія соотвѣтственно ихъ происхожденію, содержанію, задачамъ и направленію“. Но какъ нами же сдѣлано уже другое предуказаніе относительно этого предмета и дѣла ⁽²⁾ въ смыслѣ ограниченія перваго предназначеннаго изложенія, — то мы и останавливаемся на этомъ послѣднемъ, отнюдь не колеблясь и не стѣняясь, могущею кому либо представляться, мыслию о нашей будто бы несостоятельности въ выполненіи, предположеннаго нами же самими, дѣла. Помимо, или даже вопреки подобной мысли, насъ наоборотъ вызываетъ и обязываетъ къ настоящему ограниченію самое прямое, искреннее, открытое разсужденіе и убѣжденіе — слѣдующаго рода.

Съ одной стороны, по строгому понятію о значеніи критическаго разбора подобныхъ авторско-учебныхъ трудовъ, это дѣло не составляетъ прямой задачи біографіи, а тѣмъ болѣе оно не можетъ быть представлено, во всей надлежащей полнотѣ въ настоящей біографіи по самому времени ея составленія. Такое дѣло было бы, по нашему убѣжденію, по меньшей мѣрѣ, рановременнымъ, — хотя, какъ искренне лично намъ желательное, оно доста-

(1) Смотр. Томъ I, стр. 251 — въ подстрочномъ текстѣ. пунктъ 2.

(2) Томъ 2-й, стр. 533. въ подстрочномъ текстѣ.

точно нами уже подготовлено. Для полной удовлетворительности выполненія этого дѣла, очевидно, потребны здѣсь не одни біографическіе только матеріалы, но и библиографическіе. Но всякій, знакомый съ современною духовною церковно-богословскою литературою, знаетъ, что въ ней-то и нѣтъ ничего въ значеніи указываемыхъ данныхъ, кромѣ тѣхъ самыхъ краткихъ разновременныхъ свидѣтельствъ, кои всѣ и приведены уже въ составленной нами біографіи. Съ другой стороны, такъ какъ это отсутствіе библиографическихъ данныхъ зависѣло, естественно, отъ того же, что не припѣло еще время, да и не были вѣдомы самыя біографическія данныя, на основаніи коихъ могли бы вѣрно и удовлетворительно, во всѣхъ потребныхъ отношеніяхъ, быть поняты и опредѣлены труды автора въ смыслѣ критическо-литературномъ по содержанію и значенію ихъ въ области современной церковно-богословской науки,—то, въ этомъ последнемъ отношеніи, мы почитали бы своей настоящею, собственно-біографическою, трудъ особенно благовременнымъ и достигающимъ своей цѣли, коль скоро припѣло бы не далекое время и открылось бы искреннее желаніе въ комъ либо изъ избранныхъ компетентныхъ лицъ, и тѣмъ болѣе близко и хорошо знающихъ личный характеръ и духъ и направленіе въ Бозѣ почившаго, чтобы представить полный обзоръ, разборъ и оцѣнку учено-авторскихъ трудовъ его.

Съ своей же стороны, мы насколько съ возможно глубокимъ вниманіемъ и всесердечнымъ сочувствіемъ изучили и усвоили всѣ біографическія данныя въ отношеніи и къ этимъ самымъ авторскимъ трудамъ въ Бозѣ почившаго, считаемъ долгомъ, по всему праву и достоинству, указать на ту, какъ замѣчательнѣйшую дѣрждкостности, сторону, которая такъ живо отражается не только въ совпаденіи, но во взаимномъ всецѣломъ проникновеніи данныхъ и біографическихъ и библиографическихъ. Сказать прямо и ясно,—эта рѣдкостная замѣчательность состоитъ именно въ томъ, что въ какомъ порядкѣ постепенно слагалась вся, такъ сказать, лѣствица жизни въ Бозѣ почившаго по ступенямъ возрастанія и восхожде-

нія его нравственно-духовнаго, и по періодамъ его житейскаго и служебнаго состоянія,—въ такомъ же порядкѣ и постепенности являлись и его авторскіе труды. Для наглядной по возможности и всякому дѣйствительности, этой указываемой, стороны мы представимъ подробную переченьъ всѣхъ авторскихъ трудовъ преосв. Антонія по ступенямъ указанной лѣтвицы въ самой строгой параллели съ самымъ теченіемъ его жизни.

I. Отъ самаго ранняго дѣтства своего, подь особеннымъ живымъ примѣромъ и вліяніемъ своего дяди, *малютка Яша*, какъ видѣли читающіе, любилъ особенно посѣщать церковное Богослуженіе и, по званію посещника при томъ же дядѣ своемъ—какъ Архіереѣ, естественно, возлюбилъ это Богослуженіе во всемъ благолѣпномъ видѣ и чинѣ, включая сюда и самое цѣніе,—чѣмъ, по преимуществу, отличаются священнослуженія Архіерейскія. И вотъ самый первый трудъ его, подь новымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ для него при частыхъ посѣщеніяхъ Богослуженій св. Кіево-Печерской Лавры, отличающихся особенною благолѣпностію и стройностію своего чина,—самый первый, говоримъ, трудъ преосв. Антонія, хотя и совмѣстный съ другимъ лицомъ—его сотоварищемъ, былъ именно тотъ, какой читающіе видѣли въ „*Описаніи великихъ дней Богослуженія въ Кіево-Печерской Лаврѣ*“.

II. Съ того же самаго ранняго дѣтства, подь тѣми же вліяніями воспитанія, любилъ преосв. Антоній сначала слушать рассказы изъ устъ своего дяди, а потомъ и читать житія св. Угодниковъ, такъ что впоследствии и своему брату младшему Сергію давалъ прямой совѣтъ и какъ бы завѣтъ упражняться въ этомъ же чтеніи,—а наконецъ и во время еще студенчества своего въ Академіи онъ, хотя бывшій еще *юнымъ черемнькимъ наичемъ*, любилъ имѣть частое общеніе съ живыми иночествующими старцами и въ Лаврѣ и въ Голосѣевой пустыни:—отсюда является второй его авторскій трудъ—„*Описаніе жизни Кіево-Печерскаго старца—Геросхимонаха Пароенія*“.

III. Окончивъ курсъ въ Академіи первымъ Магист-

ромъ Богословскихъ наукъ Иеромонахъ Антоній своимъ же дядею—Митр. Филаретомъ былъ немедленно призванъ къ преподаванію, собственно, Богословскихъ наукъ, и во главѣ ихъ—Догматическаго Богословія въ полной системѣ:—а потому, какъ истинно достойнѣйшій плодъ, по роду своему—явился въ эту именно пору извѣстнѣйшій трудъ Ректора и Профессора Семинаріи Архимандрита Антонія—*„Догматическое Богословіе“*.

IV. Во время этого же служенія своего въ Семинаріи, гдѣ воспитавшіеся главнѣйшимъ и прямѣйшимъ назначеніемъ своимъ имѣютъ быть пастырями, и, по преимуществу, сельско-приходскими, тотъ же Ректоръ Архимандритъ Антоній составляетъ и издаетъ, всего болѣе соответствующій своимъ питомцамъ—будущимъ пастырямъ, свой трудъ—*„Бесѣды сельскаго священника къ своимъ прихожанамъ“* ⁽¹⁾, какъ матеріаль, а тѣмъ паче, какъ образецъ и руководство для бесѣдъ и поученій соответственно состоянію пасомыхъ изъ простолюдиновъ.

V. Далѣе—въ это же время служенія своего въ Семинаріи, а затѣмъ послѣдовательно и на ректорствѣ въ Академіи, онъ же, какъ ученый Архимандритъ и Профессоръ Богословскихъ наукъ, является особенно часто и на кафедрѣ церковной, какъ Проповѣдникъ съ такимъ содержаніемъ и изложеніемъ своихъ проповѣдей, кои могли быть тоже образцомъ, въ своемъ родѣ и въ своей мѣрѣ, для пастырей въ городскихъ приходахъ.—Отсюда и составился цѣлый томъ (въ 375 страницъ),—изданный въ печати подъ заглавіемъ: *„Собраніе словъ, говоренныхъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ Ректоромъ Кіевской дух. Академіи (а прежде Семинаріи) Докторомъ Богословія, Архимандритомъ Антоніемъ“* ⁽²⁾.

VI. Въ продолженіи этого же самого періода своего служенія на поприщѣ учебномъ и ученомъ Архимандритъ Антоній неустанно работаетъ надъ составленіемъ

(1) Изданія четвертое было въ 1865 г. Кіевъ. Въ типографіи И. и А. Давиденко.

(2) Изд. 1859 г. Кіевъ, Въ типографіи Кіево-Печерской Лавры.

другихъ системъ Богословскихъ—по наукѣ *Пастырскаго Богословія* и *Нравственнаго*. Въ это пменно время издана была имъ 1-я часть „Пастырскаго Богословія“ отдѣльною книгою; а по Нравственному Богословію помѣщались имъ отдѣльные трактаты въ журналъ Воскреснаго Чтенія. При чемъ самый этотъ журналъ, какъ органъ-выразитель академической науки въ ея современныхъ общенросвѣтительныхъ задачахъ и направленіи, онъ же—Архимандритъ Антоній самъ держалъ въ своихъ рукахъ, какъ главный Редакторъ и, въ своей мѣрѣ, непрестанный Цензоръ.

VII. Съ этимъ вмѣстѣ, какъ благодарнѣйшій питомецъ своей Alma mater—Кіевской духовной Академіи и преданнѣйшій радѣтель о всѣхъ ея интересахъ до готовности,—по его собственному буквальному выраженію. положить жизнь свою за ея благоденствіе,—Ректоръ Архимандритъ Антоній доказываетъ это самымъ дѣломъ, предпринявъ и выполнивъ, при посредствѣ другаго-близкаго и довѣреннаго ему лица, составленіе Исторіи этой Академіи, употребивъ на изданіе ея и свои значительныя денежныя средства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои личные труды на собираніе историческихъ матеріаловъ и на постоянное участіе въ самомъ составленіи этого сочиненія.

VIII. Такъ же точно, какъ истиннѣйшій почитатель своихъ родныхъ по плоти, и тѣмъ паче бывшихъ непосредственныхъ воспитателей и руководителей его на всея пути его умственнаго и нравственнаго развитія и научнаго образованія,—Архим. Антоній въ этотъ же періодъ жизни своей, оплакавъ кончину ихъ, почелъ священнѣйшимъ долгомъ почитать имена и память ихъ составленіемъ и изданіемъ, въ отношеніи къ одному изъ нихъ—разумѣемъ двоюроднаго брата его *Якова Кузьмича Амфиотрова*,—краткаго біографическаго очерка ⁽¹⁾, къ дру-

(1) Этотъ очеркъ относится къ трудамъ преосв. Антонія, если не въ значеніи его собственно-авторскаго пера, тѣмъ не менѣе очеркъ этотъ вышелъ въ окончательной обработкѣ изъ-подъ его собственныхъ же рукъ и тѣмъ паче, что здѣсь изображалась и его собственная жизнь въ пору его юности и пр.

гому же—дядѣ его высокопр. Митрополиту Кіевскому Филарету—описанія „*послѣднихъ дней его жизни*“.

Такова цѣлая серія авторскихъ и вообще издательскихъ трудовъ въ Возѣ Почившаго за весь представленный періодъ его жизни въ Кіевѣ, и такова всецѣлая внутренняя жизненная связь, и взаимно-параллельное проникновеніе между этими трудами,—какъ письменными произведеніями,—и между самымъ теченіемъ, образомъ и характеромъ его жизни.

Въ послѣдующемъ же періодѣ служенія въ санѣ епископскомъ всякій, читавшій внимательно біографію преосв. Антонія, не могъ не видѣть того же соответствія между пастырско-служебною его жизнію и дѣятельностію и между вѣмъ тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его до конца жизни.

IX. Сюда мы относимъ, прежде всего, пастырско-учительныя слова преосв. Антонія къ паствамъ Смоленской и Казанской, о которыхъ было сказано выше. Здѣсь же остается присовокупить лишь то, что въ ряду этихъ пастырско-учительныхъ словъ, сами собою, выдѣляются, какъ отличительныя, тѣ изъ нихъ, кои, въ значительномъ числѣ, были говорены въ иноческихъ обителяхъ. И вотъ тутъ-то является опять тоже сторона полнѣйшаго и явственнѣйшаго соответствія между личнымъ состояніемъ Архипастыря, какъ аскета и монахолюбца, и между содержаніемъ самыхъ словъ его пастырско-учительныхъ. Здѣсь въ Возѣ почившій является болѣе всего, какъ Авва-наставникъ, чѣмъ Епископъ епархіальный.

X. Потому нельзя не указать въ ряду разсматриваемыхъ трудовъ преосв. Антонія и того изложенія правилъ для мѣстныхъ монастырей, какія были составлены и изданы имъ въ Смоленской епархіи, а потомъ распространены и въ Казанской; равно какъ сюда же должно отнести и тѣ многообразныя распоряженія и наставленія его по части чина Богослуженія и священно-церковныхъ требоисправленій и т. п.

XI. Наконецъ въ ряду всего, что вышло изъ-подъ пера преосв. Антонія, какъ самостоятельнаго епархіальнаго Епископа въ Смоленской и Казанской паствахъ, по

всему праву и достоинству, должно поставить и тѣ труды его, какіе видѣли читатели въ его проэктахъ по преобразованію Семинаріи и училищъ въ Смоленской епархіи, а равно и тѣ, кои, хотя и не появлялись въ свое время во всемъ ихъ содержаніи въ печати, по, тѣмъ не менѣе, видны и понятны изъ того, что сказано объ нихъ въ біографіи.—Мы разумѣемъ и официальные представленія, и всѣ тѣ разсужденія и дѣйствія преосв. Антонія, которыя относятся къ бывшимъ преобразованіямъ и новымъ уставамъ духовныхъ семинарій и академій.—Мы вставляемъ эти труды въ ряду прочихъ авторскихъ трудовъ въ Бозѣ почившаго, собственно, въ силу того же прямѣйшаго соответствія между этими трудами и между личнымъ состояніемъ трудившагося.—Это послѣднее соответствіе всего болѣе очевидно и, такъ сказать, осязательно, что въ Бозѣ почившій, потрудившійся въ этомъ дѣлѣ истинно до ревности и самоотверженія, самъ необинуясь свидѣтельствовалъ даже и въ официальныхъ представленіяхъ своихъ Высшему Начальству, что „все, проэктируемое имъ по части преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, взято имъ съ дѣйствительныхъ опытовъ и даже прямо буквально изъ того, что имъ самимъ пережито и перечувствовано и глубоко воспринято съ той поры, когда онъ самъ сидѣлъ на учебныхъ скамьяхъ—училищной, семинарской и академической,—и какъ онъ, начавъ учебную службу въ должности Ректора въ училищѣ (Кіево-Софійскомъ) и продолжая ее въ Семинаріи и наконецъ въ Академіи въ теченіи цѣлыхъ *двадцати лѣтъ* имѣлъ всю возможность видѣть собственными глазами и повѣрить собственными разнообразными опытами и всесторонними наблюденіями все то, что онъ и до днесь (во время своихъ проэктосоставленій) твердо и живо помнилъ и чувствовалъ, т. е. все благодѣтельное вліяніе существовавшаго образа и порядка ученія по прежнимъ уставамъ, къ чему собственно онъ и желалъ и ревновалъ возвратитъ въ своей мѣрѣ и настоящее, съ теченіемъ времени видоизмѣнившееся къ худшему“ (1) и что дѣй-

(1) Эти выраженія его буквально въ самомъ проэктѣ.

ствительно видимъ мы теперь въ новоутвержденныхъ уставахъ семинарій и академій въ значеніи этого именно возвращенія...

XII. Въ заключеніе всей этой серіи, — въ какой для насъ такъ живо представляются всѣ авторскіе труды и вообще всѣ проявленія подобнаго рода дѣятельности преосв. Антонія, — мы укажемъ и на то, что выходило изъ-подъ пера его, или слышалось изъ устъ его по части его взглядовъ, сужденій, отзывовъ. въ смыслѣ критическомъ, относительно современной духовной литературы, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, — и какъ онъ зорко слѣдилъ и горячо относился или прямо сочувственно, или наоборотъ безпристрастно и непоощадно, ко всѣмъ ученымъ трудамъ и произведеніямъ, доступнымъ для него по его познаніямъ и глубоко-искреннимъ убѣжденіямъ въ прямыхъ положительныхъ истинахъ, — начиная отъ св. Библии (разумѣемъ переводъ на Русскій языкъ) и оканчивая журналистикою и даже газетными листками и сельско-училищными народными книжками... — Сюда же, напоследокъ всего, относимъ мы и самые взгляды и отзывы преосв. Антонія о самой духовной цензурѣ и критикѣ ученой и вообще библиографической, — какіе выражалъ онъ въ своихъ письмахъ къ высшимъ лицамъ. — говоря напр. о первой, какъ способной *процѣживать комаровъ, и связывать руки*, а о второй, какъ или готовой *проглатывать верблюдовъ*, или же *придирчивой и бранчливой, въ смыслѣ крайней полемики*, или наконецъ „своеобразной, направленной при томъ на духъ и ладъ *западническаго критицизма*... въ который и самыя науки, въ томъ числѣ и Богословскія, ушли на столько, что и въ нихъ, среди сбивчивости и запутанности чрезмѣрно пытливыхъ изслѣдованій, *колеблется средоточное начало истины*...⁽¹⁾. Вотъ почему самъ же преосв. Антоній хотя и подумывалъ-было въ свое время сдѣлать новое изданіе своего *Догматическаго Богословія* въ отчасти исправленномъ и

(1) Всѣ эти буквальные выраженія преосв. Антонія читатели встрѣчали въ своемъ мѣстѣ.

дополненномъ видѣ, но не рѣшился на это, сказавъ, между прочимъ, буквально: „нѣтъ, боюсь, чтобы не нарушить той печати, какая *назnamenovana* на этомъ трудѣ моемъ *духомъ разума и вѣдѣнія* въ Бозѣ почившаго Владыки (Филарета Кіевскаго), такъ какъ менѣе всего поймутъ *этотъ духъ* нынѣшніе бібліографисты и критики, хотя и богословы, и доктора богословія“ (1).

Въ силу этихъ-то, именно послѣднихъ, словъ въ Бозѣ почившаго Святителя, а съ симъ вмѣстѣ, достаточно зная все то, что и въ какомъ видѣ онъ самъ намѣревался исправить и дополнить въ своихъ трудахъ, — мы окончательно утверждаемся въ справедливости и основательности, сдѣланнаго нами для себя, ограниченія, чтобы, по меньшей мѣрѣ, сождать болѣе благовременной и благопотребной поры, а не выступать теперь же съ предложеннымъ разборомъ и оцѣнкою его авторскихъ трудовъ, хотя бы и безъ нарушенія, такъ ревнительно охраняемой имъ самимъ, той печати, которая *назnamenovana* на трудахъ его духомъ разума и вѣдѣнія свято-чтимаго имъ Іерарха, и унаслѣдованнымъ отъ сего послѣдняго имъ самимъ лично отъ дней своего дѣтства до высше-священной степени Архіерейства. — Въ виду же этой, далекой, или близкой, благовременной и благопотребной поры мы остаемся въ томъ глубокомъ неизмѣнномъ убѣжденіи, что при составленіи нами ли, или другимъ кѣмъ, полного обзора и разбора съ достойною оцѣнкою всѣхъ авторскихъ трудовъ въ Бозѣ почившаго Святителя — Высокопреосвященнаго Антонія, достойно и праведно почтеннаго высшимъ ученымъ титуломъ „Доктора Богословія“, — потребна самая главная основная точка зрѣнія и отправленія для выполненія этого дѣла именно та, какая живо и наглядно видится въ представленной нами лѣтствицѣ повременнаго появленія всѣхъ исчисленныхъ трудовъ его. — Здѣсь, какъ-бы въ панорамѣ, видится сразу и насквозь, — какъ постепенно восходилъ отъ трудовъ къ трудамъ самъ совершитель ихъ, равно и то, что онъ вносилъ и выражалъ въ нихъ не отвлеченную какую ли-

(1) Смотр. Томъ I, стр. 112 и др.

бо научную сторону мысли и знанія, и выставялъ не свою *докторскую* ученость, но, паче и существенноѣ всего, проводилъ и, точнѣе сказать, воплощаль и олицетворялъ въ этихъ своихъ трудахъ свою душу, свою жизнь въ мѣру своихъ силъ и дарованій, и соотвѣтственно своему званію и служенію въ посильно-полное оправданіе и исполненіе заповѣди св. Апостола всякому Епископу: — *образъ буди вѣрнымъ—словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою...* (1 Тим. IV, 12).

Такая точка зрѣнія и отправленія, дѣйствительно, можетъ послужить прямымъ путемъ и вѣрнымъ мѣриломъ (критеріумомъ) къ правильной и достойной оцѣнкѣ трудовъ въ Бозѣ почившаго, какъ не нарушающая и *назnamenованной* на нихъ печати духа, такъ и могущая предострашить тотъ духъ и направленіе, кои прямо порицаль самъ же въ Бозѣ почившій въ современной ученой журналистикѣ и въ частности въ критикѣ. — Съ своей стороны мы слѣдовали этому именно пути и мѣрилу при составленіи и настоящаго біографическаго труда. — По безлестному нашему убѣжденію позволяемъ себѣ свидѣтельствовать, что въ этомъ именно отношеніи не нарушена печать, какая назnamenована духомъ, характеромъ и всѣмъ *преподобническимъ* житіемъ въ Бозѣ почившаго приснопамятнаго Святителя, — или говоря собственными словами его личнаго совѣта и завѣщанія, — мы *не потрясли его костей* (1), хотя и разбирали и изображали его личность и всю жизнь, соотвѣтственно его же обычнымъ пріемамъ и манерамъ, по всѣмъ, какъ говорится, *косточкамъ...* Полагаемъ, что и всѣ благовнимательные, искренніе читатели сораздѣлятъ это наше убѣжденіе. Уповаемъ также, что весь настоящій трудъ, — если заслужитъ вниманія ученыхъ цѣнителей, и если взглядъ и судъ ихъ будутъ *не въ научныхъ* токмо *человѣческія премудрости словесныхъ* (1 Кор. 11. 13), — не въ томъ духѣ и направленіи, какъ характеризоваль, по своимъ убѣжденіямъ, современную цензуру и ученую критику самъ въ Бозѣ почившій, — не долженъ, кажется, вызывать своимъ содержа-

(1) Слова въ Предисловіи, стр. VI.

ніемъ и изложеніемъ коего либо *языка велеръчива и словесе мятежна...* (Псал. XI и XC). *Обаче кійждо своєю мыслию да извѣствуется... но паче сіе да судитъ, еже не полагати претыканія и соблазна.., да не хулится наше общее благо...* *Иже бо сему служитъ, благоугоденъ есть Богови и искусенъ (достойнъ одобренія) предъ чловѣками...* (Рим. XIV, 5. 13. 18).

Конецъ и Богу слава.

Авторъ-Архимандритъ Сергій.

Казань.

Зилянтовъ Успенскій

Монастырь.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣд. читать.</i>	
31	12	сверху	четыхъ	четырехъ
33	15	сверху	прехсотлѣтню	трехсотлѣтню
35	21	сверху	горугвию	хоругвию
80	6	снизу	иное	оное
83	9	снизу	магомтанство	магометанство
109	9	сверху	добакъ	добавокъ
125	4	сверху	тагого	такого
133	8	сверху	гульдбищныя	гульбищныя
138	6	сверху	номому	новому
144	8	снизу	самыль	самыхъ
158	18	сверху	выступаще	выступающе
169	16	снизу	вполѣ	вполнѣ
175	11	снизу	нальзя	нельзя
181	6	снизу	книхъ	книгъ
187	12	сверху	класлѣ	классѣ
240	6	снизу	объяснялось	объяснялась
264	14	снизу	накакунѣ	наканунѣ
302	16	снизу	наньчиньевъ	няньчиньевъ
310	5	снизу	поведеня	поведеня
322	14	сверху	раздуются	раздаются
341	6	снизу	выходиди	выходили
362	18	сверху	состонни	состоянни
378	19	сверху	<i>вывоко мудру- ствующе</i>	<i>высокомудр- ствующе</i>
402	1	снизу	личнымъ	личныхъ
420	5	сверху	смягчичо	смягчило
432	3	снизу	Фрейлица	Фрейлина

441	11	снизу	тоторомъ	которомъ
446	8	снизу	либилъ	любилъ
451	2	снизу	<i>омысли</i>	<i>омысли</i>
452	9	сверху	<i>суци</i>	<i>суци</i>
463	13	сверху	касяхъ	касясь
472	4	снизу	<i>питу</i>	пишу
478	17	сверху	куедр.	каедр.
480	11	снизу	Илладю	Илладю
486	7	снизу	пункѣ	пунктѣ
498	5	сверху	кобинетномъ	кабинетномъ
526	9	сверху	возрадуются	возрадуется
